3 1761 08821022 4

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso01mako

A

60 cv

A. Mouard

LR
M2183B

Maikov, Apollon Nikolaevich

А. Н. МАЙКОВЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Polnoe sobranie sochineny

СЪ КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ
ОЧЕРКОМЪ И ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

9., isprav. i dop. izd.

ДЕВЯТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ и ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ

::: ::: ::: ::: ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ **П. В. БЫКОВА** ::: ::: ::: :::

v. 1-2

ТОМЪ ПЕРВЫЙ — ВТОРОЙ

2 v. in 1.

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

489792

13. 4. 49

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ :: С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1914 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

А. Н. Майковъ.

Критико-біографическій очеркъ П. В. Быкова.

Есть имена въ нашей литературѣ, особенно дорогія сердцу русскаго читателя, составляющія славу и гордость родной страны. Къ такимъ, немногимъ, именамъ принадлежитъ имя Аполлона Майкова, творчество котораго давно уже стало близкимъ, родственнымъ русскому обществу и слилось съ его психологіей. Кажется, нѣтъ уголка въ необъятной Россіи, гдѣ бы не знали Майкова, какъ творца столькихъ вдохновенныхъ пѣсенъ, невольно остающихся въ памяти. Многія изъ нихъ положены на музыку лучшими нашими композиторами, включены въ каждую хрестоматію, въ каждый сборникъ жемчужинъ русской поэзіи. До сихъ поръ шедёвры творчества Майкова, какъ романсы, не перестаютъ исполняться въ концертахъ и представляютъ благодарнѣйшій матеріалъ для чтецовъ-декламаторовъ, потому что его стихи всегда содержательны, необыкновенно звучны, своеобразны по своей античной красотѣ и дышатъ истинно-поэтическимъ настроеніемъ. Къ этому надо прибавить еще и большое разнообразіе напѣвовъ его поэзіи, проистекающее отъ удивительной чуткости и отзывчивости изящной музы Майкова. Поэтъ искренно восторгается величіемъ античнаго міра, его богатствомъ гармоническихъ сочетаній, его строгой мудростью и даетъ замѣчательныя по мысли, настроенію и формѣ антологическія пьесы, подражанія древнимъ; онъ загорается и жаждой жизни, любовью къ природѣ, ищетъ вдохновенія въ русской старинѣ, въ исторіи славянства, въ широкой и трогательной любви къ родинѣ, въ патріотическихъ стремленіяхъ русскаго народа, въ успѣхахъ русскаго оружія, въ явленіяхъ современности. Словомъ, про Майкова можно сказать то же, что сказалъ поэтъ Баратынскій о Гёте: „ничто не оставлено имъ подъ солнцемъ живымъ безъ привѣта, на все отозвался онъ сердцемъ своимъ, что проситъ у сердца отвѣта“. Вѣченъ будетъ, вѣчно цѣнимъ геній Пушкина. А Майковъ — прямой наслѣдникъ великаго поэта, всю жизнь свято хранившій его священные завѣты. И такимъ образомъ Майковъ среди нашихъ выдающихся поэтовъ является какъ бы связующимъ звеномъ новѣйшаго времени отечественной литературы съ пушкинской школой.

Успѣхъ поэзіи Майкова—не случайный успѣхъ, а слѣдствіе высокой красоты ея: поэтъ глубоко постигъ тайны изящнаго творчества и умѣлъ чуть не съ первыхъ шаговъ своихъ въ литературѣ „глаголомъ жечь сердца людей“, выражать тѣ идеалы, свѣтлые и прекрасные, которые онъ всегда носилъ въ душѣ своей: онъ умѣлъ увлекать насъ въ „царство вѣчной юности и вѣчной красоты“, къ свѣту, къ звѣздамъ, училъ понимать и духовную красоту, и земную во всѣхъ ея проявленіяхъ. Достигалъ онъ этого не только содержаніемъ своей поэзіи, но и выраженіемъ ея—вѣщимъ словомъ, облеченнымъ въ красивую, необыкновенно изящную форму. Въ этомъ отношеніи Майковъ является образцовымъ выразителемъ поэтической мысли. Насколько важна тщательность отдѣлки формы, въ которую выливается эта мысль, Майковъ превосходно понималъ отъ юныхъ дней своихъ. Онъ говорилъ:

Возвышенная мысль достойной хочетъ брони,
Богиня строгая—ей нуженъ пьедесталъ,
И храмъ, и жертвенникъ, и лира, и кимвалъ,
И пѣсни сладкія, и волны благовоній...
Малѣйшую черту обдумай строго въ ней,
Чтобъ выдержанъ былъ строй въ наружномъ безпорядкѣ,
Чтобы божественность сквозила въ каждой складкѣ,
И образъ весь сіялъ огнемъ души твоей!..

Благодаря такому взгляду на способъ выраженія поэтической мысли, Майковъ смѣло рѣшался передавать словами то, что доступно лишь кисти мастера, и, несмотря на необычайную трудность задачи, всегда выходилъ побѣдителемъ. Вотъ почему Майковъ такъ поразительно наглядно, съ такимъ искусствомъ передаетъ всю прелесть и своеобразность античной поэзіи. Спокойствіе древнихъ грековъ и римлянъ, полное величія, ихъ безпредѣльное увлеченіе земными наслажденіями и вмѣстѣ съ тѣмъ то полнѣйшее равнодушіе, съ которымъ они относились къ смерти, — переданы Майковымъ въ произведеніяхъ подобнаго рода чрезвычайно картинно и выпукло, и здѣсь, въ области антологической поэзіи, въ подражаніяхъ древнимъ, онъ не имѣетъ себѣ соперниковъ между отечественными поэтами. Спокойный, благородно-невозмутимый тонъ, при чуткомъ художественномъ созерцаніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объективность всегда, въ извѣстной степени, проглядываютъ въ поэзіи Майкова. Онъ чуждъ чрезмѣрныхъ восторговъ, отзывающихся обыкновенно какой-то фальшью, онъ никогда не затемняетъ свои образы и ясныя очертанія ни сухими разсужденіями ни предвзятостью мысли. Съ одинаковымъ глубокимъ спокойствіемъ, со строгой художественной выдержанностью, продуманно, прочувствованно изображаетъ онъ древняго грека и римлянина, средневѣковые эпизоды, моменты изъ новой исторіи Европы, родную Русь древнихъ временъ или новѣйшія злобы дня въ ней, природу у себя и на чужбинѣ. И это все одинаково прекрасно выражено у него во всѣхъ трехъ главныхъ формахъ поэзіи: эпосѣ, лирикѣ и драмѣ.

Кто не восхищался его лирическими пьесами? Кто не знаетъ наизусть

его очаровательныхъ стихотвореній: „Нива“, „Весна! Выставляется первая рама“, „Голубенькій, чистый, подснѣжникъ-цвѣтокъ“, „Зимнее утро“, „Пахнетъ сѣномъ надъ лугами“, „Лѣтній дождь,“, „Картинка“ и пр.? Эти вещи проникли и въ народъ черезъ сельскія школы. Ихъ заучивали и заучиваютъ дѣти всѣхъ сословій. А его „Клермонтскій соборъ“, „Савонарола“, „Приговоръ“, „Послѣдніе язычники“, „Три смерти“, „Два міра“, „Брингильда“? Сколько тутъ картинъ, образовъ, сценъ! Вотъ яркое изображеніе собора крестоносцевъ, вотъ проповѣдь суроваго аскета среди карнавальной сутолоки и шума, вотъ судъ надъ Яномъ Гусомъ, вотъ предсмертныя муки христіанъ, осужденныхъ Нерономъ, — все это блещетъ мѣстнымъ колоритомъ, полно широкаго размаха поэтической кисти. Эта кисть живописца, сочная, мягкая, нѣжная, ощущается живо въ его изящныхъ изображеніяхъ картинъ природы и ея таинственныхъ, обаятельныхъ явленій. Какое здѣсь богатство образовъ, какая роскошь красокъ, сколько граціи и пластики! Замѣчательный лирикъ, у котораго каждый стихъ „словно рукой геніальной обточенъ“, Майковъ въ стихотворной драмѣ можетъ быть сравнимъ развѣ съ Пушкинымъ, надъ которымъ онъ даже имѣетъ одно несомнѣнное преимущество въ этой области: стихъ его живѣе, отрывочнѣе и, такъ сказать, разговорнѣе, что составляетъ одно изъ важныхъ условій въ живомъ развитіи драматическаго дѣйствія. Его поэма „Два міра“, надъ которой Майковъ работалъ долгіе годы, составляющая вѣнецъ всей дѣятельности поэта, такъ прекрасна по мысли и исполненію, что даже немногіе противники Майкова, и тѣ относятся съ особеннымъ уваженіемъ къ этому во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательному произведенію, въ которомъ, по выраженію одного изъ многочисленныхъ критиковъ поэта, „сосредоточились всѣ лучи майковской поэзіи“.

Обладая огромнымъ талантомъ, Майковъ былъ настоящимъ баловнемъ судьбы, и, какъ увидимъ изъ данныхъ его жизнеописанія, все способствовало быстрому развитію этого таланта. Пожалуй, тутъ сыграла роль и наслѣдственность, такъ какъ въ заслуженномъ, древнемъ роду Майковыхъ было не мало даровитыхъ людей, потрудившихся въ области искусства, на поприщѣ народнаго просвѣщенія. Еще въ XV столѣтіи, въ до-петровской Руси жилъ знаменитый просвѣтитель земли русской Нилъ Майковъ, по прозванію Сорскій, прославившійся строгостью жизни и поученіями. Онъ сочинилъ скитскій уставъ и въ своихъ трудахъ обнаружилъ высокія христіанскія воззрѣнія, рѣдкую человѣчность, возставая противъ казни еретиковъ, предлагая для обращенія ихъ на путь истины мѣры кротости и убѣжденія. Благодаря содѣйствію ярославскаго помѣщика Майкова, творецъ отечественнаго театра Ѳ. Г. Волковъ въ 1755 году устроилъ на берегу рѣки Волги „россійское позорище“, ѳеатръ. Въ екатерининское время извѣстенъ былъ Василій Ивановичъ Майковъ, сынъ ярославскаго помѣщика, насадителя у насъ сценическаго искусства, родной братъ прадѣда нашего знаменитаго

поэта, писавшій стихи, о которомъ въ словарѣ Н. И. Новикова сказано: „Онъ почитается въ числѣ лучшихъ нашихъ стихотворцевъ и тѣмъ паче достоинъ похвалы, что ничего не заимствовалъ: ибо онъ никакихъ чужестранныхъ языковъ не знаетъ“. Двое племянниковъ этого стихотворца, автора поэмы „Елисей, или раздраженный Вакхъ“, Аполлонъ и Михаилъ Александровичи Майковы—одинъ директоръ Императорскихъ театровъ, другой директоръ Демидовскаго училища высшихъ наукъ,—оба также писали стихи и были люди даровитые.

Отецъ нашего поэта, Николай Аполлоновичъ Майковъ (род. 28 авг. 1796 г., ум. 23 авг. 1873 г.), замѣчательный живописецъ, имѣвшій званіе академика, по словамъ Гончарова, „составляетъ феноменальное явленіе въ искусствѣ, какъ самородный талантъ, которому случайность открыла путь къ искусству“. Онъ никогда не учился живописи, служилъ въ военной службѣ и въ битвѣ подъ Бородинымъ былъ раненъ въ ногу навылетъ. Когда онъ лѣчился въ ярославскомъ помѣстьѣ, надъ его кроватью висѣла какая-то картинка. Ради скуки, чтобы убить время, Николай Аполлоновичъ сталъ ее копировать. Вышло удачно, и тогда онъ началъ рисовать съ натуры все, что попадалось подъ руку, и продолжалъ это занятіе и потомъ, когда вернулся въ свой полкъ. Онъ до того пристрастился къ живописи, что „помышлялъ даже тайкомъ покинуть армію и бѣжать въ Италію“. Но тутъ отецъ вытребовалъ его къ себѣ, въ Москву, гдѣ Николай Аполлоновичъ Майковъ женился на Евгеніи Петровнѣ Гусятниковой (род. 17 декабря 1803 г., умерла 19 іюля 1880 года), женщинѣ выдающагося ума, развитой, образованной, даровитой, помѣщавшей стихи и повѣсти въ „Библіотекѣ для чтенія“ Сенковскаго и другихъ изданіяхъ, за подписью *Е. Подольской* и анонимно. Отъ этого брака 23-го мая 1821 года у него родился сынъ Аполлонъ, спустя два года второй сынъ—Валеріанъ, впослѣдствіи извѣстный критикъ, мыслитель, публицистъ, рано умершій (1847); за нимъ появился на свѣтъ Владиміръ Николаевичъ (1826—1885), хорошій компиляторъ, переводчикъ и издатель дѣтскаго журнала „Подснѣжникъ“; наконецъ, спустя много лѣтъ, родился (1839 г.) Леонидъ Николаевичъ Майковъ, получившій извѣстность, какъ знатокъ исторіи литературы, оставившій замѣчательные труды по своей спеціальности, занимавшій постъ вице-президента Академіи Наукъ и должность помощника директора Императорской Публичной Библіотеки. Такъ или иначе—братья Майковы выдавались въ литературѣ и наукѣ, но наибольшей славы достигъ Аполлонъ Николаевичъ, совмѣстившій въ себѣ гармонически начала поэтическаго и художественнаго творчества и „роль свою сыгравшій мастерски“.

Отецъ поэта имѣлъ на него большое вліяніе и первый заронилъ въ душу богато одареннаго сына зерно любви къ искусству, къ поэзіи. Мы имѣемъ свидѣтельство друга семьи Майковыхъ, Ивана Александровича Гончарова, какую симпатичную, свѣтлую личность представлялъ собою Николай Аполлоновичъ. „Онъ былъ,—говоритъ творецъ „Обломова“,—

необыкновенно доброй, кроткой души, мягкаго характера, любимый въ семьѣ, друзьями и всѣми, кто только его зналъ. Онъ жилъ, какъ живутъ, или, если теперь уже не живутъ такъ, то какъ живали артисты, думая больше всего объ искусствѣ, любя его, занимаясь имъ и почти ничѣмъ другимъ. Домъ его лѣтъ 15—20 и болѣе назадъ кипѣлъ жизнью, людьми, приносившими сюда неистощимое содержаніе изъ сферы мысли, науки, искусствъ. Молодые ученые, музыканты, живописцы, многіе литераторы изъ круга тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, всѣ толпились въ не обширныхъ, не блестящихъ, но пріятныхъ залахъ его квартиры, и всѣ, вмѣстѣ съ хозяевами, составляли какую-то братскую семью или школу, гдѣ всѣ учились другъ у друга, размѣниваясь занимавшими тогда русское общество мыслями, новостями наукъ, искусствъ. Старикъ Майковъ радовался до слезъ всякому успѣху и всѣхъ, не говоря уже о друзьяхъ, въ сферѣ интеллектуальнаго или артистическаго труда, всякому движенію впередъ во всемъ, что доступно было его уму и образованію. Чистый, безупречный человѣкъ, Николай Аполлоновичъ Майковъ своими нравственными качествами, чуткостью души, дарованіями привлекалъ къ себѣ неудержимыя симпатіи; его глубоко уважали, дорожили его мнѣніемъ, подчинялись его огромному художественному вкусу". На вечерахъ у Майковыхъ было тепло, отрадно, весело, оживленно. Здѣсь не было ничего натянутаго, здѣсь не священнодѣйствовали поэты, музыканты, художники, артисты, здѣсь не разыгрывались напыщенныя самолюбія. Простота, сердечность властвовали въ этомъ чудномъ уголкѣ, гдѣ каждаго сюда влекло неудержимо, гдѣ каждый чувствовалъ себя здѣсь, какъ дома.

Въ такой-то прекрасной, благотворной обстановкѣ росъ и развивался юный Аполлонъ Николаевичъ. Ранніе годы дѣтства его прошли въ деревнѣ, въ помѣстьѣ отца, сельцѣ Никольскомъ, Московской губерніи, неподалеку отъ исторической Троице-Сергіевской лавры. Приходилось ему жить и въ имѣніи бабушки, селѣ Чепчихѣ, въ Клинскомъ уѣздѣ той же губерніи. По душѣ ему была жизнь на лонѣ природы, незамысловатая, патріархальная, среди деревенскаго люда, оратая родной земли, который былъ доступенъ его пониманію и рано развилъ въ немъ любовь къ народному быту. Природа манила къ себѣ будущаго поэта, шевелила лучшія струны его души. Онъ жадно созерцалъ ее, чувствуя ея красоты, находился въ тѣсномъ, непосредственномъ общеніи съ нею. Она оставила неизгладимый слѣдъ въ его воспріимчивомъ сердцѣ, въ его воображеніи. Объ этомъ у него сохранились самыя отрадныя воспоминанія, и въ зрѣломъ возрастѣ поэтъ писалъ:

Картины бѣдныя полуночнаго края!
Гдѣ бъ я ни умиралъ, васъ вспомню умирая:
Отъ сердца пылкаго все злое прочь гоня,
Не вы ль, миря съ людьми, учили жить меня...

И вотъ почему природа играетъ такую видную роль въ поэзіи

Майкова. У него очень мало стихотвореній безъ картинъ природы. Если онъ не прямо живописуетъ ихъ, то все-таки всегда находитъ предлогъ хоть слегка коснуться ихъ. „Гармоніи стиха божественныя тайны“ внушило ему созерцаніе природы преимущественно въ тихіе, спокойные, ласкающіе, полные умиротворенія моменты. Вчитываясь въ стихотворенія Майкова, посвященныя природѣ, глубоко вникая въ нихъ, можно смѣло сказать, что —

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна...

Чутко прислушивался юноша къ шептанью тростниковъ и плеску волнъ шумливыхъ, къ звенящимъ струямъ подгорнаго ключа, къ жужжанью колосьевъ, присматривался къ пробуждающемуся утру, къ тѣмъ часамъ, когда на желтѣющія нивы ложится тѣнь прозрачными клубами, къ морю, пріемлющему лунный ликъ, къ полю, что̀ зыблется цвѣтами, къ осыпавшемуся береговому скату, „съ котораго торчитъ корней мохнатыхъ рядъ“, къ заросшему, запущенному саду. И все, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ, преломляется радужными или томными лучами въ его вдохновеніи. Созерцаніе природы было однимъ изъ лучшихъ наслажденій въ его жизни и являлось живымъ неисчерпаемымъ источникомъ его поэзіи. Какъ тонко понималъ онъ природу, ея воздѣйствіе,—это видно изъ письма поэта съ чужбины: „Чувство природы, возбуждаемое въ насъ ея созерцаніемъ,—писалъ Майковъ изъ Флоренціи,—вездѣ одно: и въ болотистыхъ окрестностяхъ петербургскихъ, и гдѣ угодно. У насъ въ русской природѣ это чувство живѣе и непосредственнѣе оттого, что тамъ вокругъ лѣсъ, луга и нивы, и все это жужжитъ, шумитъ, шелеститъ, интересничаетъ съ вами, а здѣсь — камень, декораціи, апельсины, лимоны и оливы... Но этого живого трепета жизни не чувствуете, какъ въ еловомъ или березовомъ лѣсу, или въ лугахъ съ кузнечиками, бабочками“.

Свои дѣтскіе годы въ уединеніи сельской жизни, далекой отъ шума и сутолоки города, Майковъ рисуетъ въ прелестной пьесѣ „Рыбная ловля“, посвященной С. Т. Аксакову, Н. А. Майкову, А. Н. Островскому, И. А. Гончарову, С. С. Дудышкину, А. И. Халанскому и „всѣмъ, понимающимъ дѣло“. Здѣсь онъ между прочимъ говоритъ:

Себя я помнить сталъ въ деревнѣ подъ Москвою.
Бывало, ввечеру поудить карасей
Отецъ пойдетъ на прудъ, а двое насъ, дѣтей,
Сидимъ на берегу подъ елкою густою,
Добычу изъ ведра руками достаемъ
И шопотомъ о ней другъ съ другомъ рѣчь ведемъ...
Съ лѣтами за отцомъ по ручейкамъ пустыннымъ
Мы стали странствовать... Теперь то время мнѣ
Является всегда какимъ-то утромъ длиннымъ,

Особымъ уголкомъ въ безвѣстной сторонѣ.
Гдѣ вѣчная заря надъ головой струится,
Гдѣ въ полѣ по росѣ мой слѣдъ еще хранится...

Въ этомъ же стихотворенiи поэтъ вспоминаетъ, какъ грустилъ онъ, чувствовалъ себя чужимъ, какъ будто сидящимъ на чуждомъ пирѣ, когда онъ очутился въ Петербургѣ, куда его перевезли на двѣнадцатомъ году жизни и помѣстили у дяди. Это былъ артиллерiйскiй полковникъ, занимавшiйся приготовленiемъ молодыхъ людей въ учебныя заведенiя, преимущественно военныя, знатокъ своего дѣла. Не одинъ дядя занимался съ племянникомъ, богато одареннымъ отъ природы: ему помогалъ другъ семьи Майковыхъ—Владимиръ Андреевичъ Солоницынъ, страстный любитель литературы, самъ поэтъ. Несмотря на служебныя занятiя, на труды по редактированiю „Библiотеки для чтенiя", въ качествѣ помощника О. И. Сенковскаго, Солоницынъ всецѣло отдавался дѣлу воспитанiя сыновей Николая Аполлоновича—Аполлона и Валерiана—и имѣлъ огромное влiянiе на образованiе характера, на вкусы и наклонности поэта. Человѣкъ большого ума, превосходно образованный, знавшiй языки и иностранную литературу, бывавшiй за границей, Солоницынъ, чтобы развить вкусъ и любовь къ литературѣ въ своихъ воспитанникахъ, задумалъ въ семьѣ Майковыхъ изданiе рукописнаго журнала „Подснѣжникъ". Тутъ вкладчиками были: Гончаровъ, въ тѣ дни еще молодой кандидатъ московскаго университета, переселившiйся, службы ради, въ невскую столицу, извѣстный поэтъ Бенедиктовъ, Евгенiя Петровна Майкова, самъ Солоницынъ и всѣ трое братьевъ Майковыхъ: Валерiанъ, Владимиръ и Аполлонъ, и еще кое-кто изъ тогдашнихъ мелкихъ писателей. „Подснѣжникъ" украшенъ былъ множествомъ рисунковъ работы Майкова-отца и Солоницына и издавался три года (1835—1838), а затѣмъ его замѣнилъ рукописный альманахъ „Лунныя ночи". Въ „Подснѣжникѣ" Аполлону Майкову принадлежали, кромѣ прозы, стихотворенiя: „Лунная ночь", „В. Г. Бенедиктову", „Венера Медицейская", „Солнце", „Сонъ", „Сомнѣнiе", „Кладбище", „Пѣвцу", „Воспоминанiе", „Вечеръ на морѣ", „Молитва", „Призывъ" и „Воробьевы горы". Всѣ эти пьесы немного позднѣе появились въ „Библiотекѣ для чтенiя" и другихъ изданiяхъ 1839—1842 гг.

Благодаря большимъ способностямъ и удивительной памяти, Аполлонъ Николаевичъ въ теченiе трехъ лѣтъ прошелъ весь гимназическiй курсъ и въ 1837 году, шестнадцати лѣтъ, блестяще выдержалъ экзаменъ, особенно изъ математики, обративъ на себя вниманiе всего математическаго факультета петербургскаго университета. Дивились его знанiямъ и профессора историко-филологическаго факультета. Но ни на этотъ факультетъ ни на математическiй онъ не поступилъ. Солоницынъ направилъ своего питомца на факультетъ юридическiй, такъ какъ на этомъ факультетѣ, кромѣ правовѣдѣнiя, читались предметы, касающiеся общаго образованiя: всеобщая исторiя и русская словесность. Впрочемъ, исто-

рію литературы еще раньше молодому Майкову преподавалъ Ив. Ал. Гончаровъ и, по отзыву самого Майкова, съ огромнымъ талантомъ. Гончарову помогала мать поэта, Евгенія Петровна, содѣйствовавшая развитію въ сынѣ вкуса къ поэзіи. Въ университетѣ Аполл. Ник. ревностнѣе всего посѣщалъ лекціи П. Д. Калмыкова, читавшаго энциклопедію законовѣдѣнія, и В. В. Шнейдера, профессора римскаго права. Кромѣ того, онъ слушалъ лекціи М. С. Куторги, который читалъ всеобщую исторію, а русскую—у Н. Г. Устрялова, и въ особенности лекціи русской словесности, которую читали тогда старшій профессоръ этого предмета Петръ Александровичъ Плетневъ и его товарищъ по каѳедрѣ Александръ Васильевичъ Никитенко, извѣстные писатели, критики и журналисты. Изучая римское право, Майковъ поневолѣ долженъ былъ приналечь на латинскій языкъ, давшій ему возможность читать классиковъ въ подлинникѣ. Греческаго языка онъ не зналъ и выучился этому языку уже въ очень зрѣлые годы, а до тѣхъ поръ грековъ-классиковъ изучалъ во французскихъ переводахъ. Исторія римскаго права навела его на мысль изучать философію, а чтеніе греческихъ и римскихъ поэтовъ пробудило въ немъ особый интересъ къ античному міру, который онъ такъ глубоко понималъ и воспѣвалъ съ такой любовью, одно время доходившею до благоговѣйнаго обожанія. Въ дивныхъ строфахъ лирики и драмы воспѣлъ и представилъ онъ этотъ міръ, и воспѣваніемъ его положилъ начало своей славѣ.

Помимо университетскихъ лекцій, Майковъ усердно изучалъ Библію въ славянскомъ переводѣ. Это служило ему подспорьемъ для занятій поэзіей и живописью, любовь къ которой онъ унаслѣдовалъ отъ отца. Всѣ эти занятія, которымъ онъ нерѣдко предавался съ особеннымъ жаромъ, сообщили мало-по-малу его языку ту силу, мощь, которыми онъ въ правѣ былъ гордиться и которыя придавали особенную красоту и прелесть, яркій, своеобразный колоритъ его произведеніямъ. Занятія живописью приносили Майкову не мало горя: его близорукость сильно мѣшала его художественнымъ замысламъ. „Аполлонъ Николаевичъ,—говоритъ одинъ изъ внимательныхъ его біографовъ,—не любилъ мелкой детальной работы. Его фантазіи открывались большіе горизонты, его сюжеты требовали большихъ размѣровъ, а близорукость ставила ему преграды на каждомъ шагу; это его раздражало, заставляло скорбѣть и роптать на судьбу“. Эту скорбь выразилъ онъ въ первомъ своемъ стихотвореніи „Разочарованіе“, гдѣ юный поэтъ-отрокъ говоритъ:

Когда въ святомъ небесномъ вдохновеньи
Я возношусь въ подоблачный эѳиръ
И создаю въ своемъ воображеньи
Особенный, прекрасный, новый міръ,—
Зачѣмъ тогда прекрасное созданье
Я не могу изобразить
И перелить въ него мое очарованье,
И прелестью небесной оживить...

Стонъ изстрадавшагося сердца, вопль мощной силы, словно связанной по рукамъ и ногамъ, не находящей себѣ выхода, жалоба на своенравный рокъ, давшій поэту талантъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не позволяющій ему развернуться во всю ширь, слышатся въ этомъ наивномъ и миломъ стихотвореніи. Оно написано въ 1836 году, когда поэту исполнилось пятнадцать лѣтъ и когда онъ боролся съ самимъ собою, затрудняясь въ выборѣ дороги: быть ли ему живописцемъ или поэтомъ. Но уже со стихотворенія „Разочарованіе“ поэтическое призваніе беретъ верхъ, и, хотя Майковъ не бросаетъ кисти, его муза начинаетъ нашептывать ему сладостныя пѣсни. Юный студентъ, сидя еще на школьной скамьѣ, создаетъ одну за другою свои антологическія пьесы: „Истинное благо“, „Орелъ“, „Картина вечера“, „Воспоминаніе“, „Призывъ“ и др., которыя частью появляются въ „Подснѣжникѣ“, частью остаются въ рукописи, въ завѣтной тетрадкѣ поэта. Едва ли не вслѣдъ за „Разочарованіемъ“ онъ написалъ пьесу „Истинное благо“, и въ ней звучитъ тотъ же скорбный напѣвъ:

Печальный кипарисъ, холодный мохъ забвенья,
Въ землѣ сокрытый гробъ, и въ гробѣ этомъ тлѣнье.
Вотъ каждаго удѣлъ за жизненной тропой!
Прахъ внидетъ снова въ прахъ; пловецъ къ странѣ родной
Причалитъ, и душа въ отчизну возвратится...
И въ двери райскія къ ночлегу постучится...

За годъ до окончанія Майковымъ университетскаго курса въ „Одесскомъ Альманахѣ“ на 1840 годъ появились два стихотворенія его, подписанныя буквою *М.*: „Сонъ“ и „Картина вечера“. Бенедиктовъ выпросилъ эти обѣ пьесы у скромнаго автора и послалъ ихъ В. И. Карлгофу для этого альманаха. Чуткій Бѣлинскій, не зная, кому принадлежитъ первая изъ этихъ пьесъ—„Сонъ“—и написалъ ли авторъ ея еще что-нибудь, перепечаталъ ее въ маленькой замѣткѣ объ „Одесскомъ Альманахѣ“, отозвавшись о ней съ похвалою, а спустя годъ, въ критической статьѣ о „Римскихъ элегіяхъ“ Гёте, въ переводѣ Струговщикова, онъ вновь привелъ „Сонъ“—„антологическое стихотвореніе одного неизвѣстнаго, но даровитаго поэта, въ которомъ выражено обаяніе сна, или, лучше сказать, усыпленія послѣ прогулки фантастическимъ вечеромъ мая“. Выписавъ стихотвореніе цѣликомъ, критикъ восторженно восклицаетъ: „Что это такое? Вздохъ музыки, палевый лучъ луны, играющій на поверхности спящаго пруда, поэтическая апотеза простого дѣйствія природы въ фантастическомъ образѣ легкой феи, успокоительной царицы сна? Что бы ни было, вы его понимаете, оно вамъ знакомо, вы не разъ испытали его, это что-то, которому поэтъ далъ и образъ и имя... Это—ощущеніе, всѣмъ знакомое и всѣмъ общее въ жизни. А вотъ и картина: вспомните Пушкина „Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила“. Глубокъ смыслъ этой прелестной картины...“

Быстро росъ талантъ Майкова. Когда его стихотворенія еще не печатались, и онъ былъ на второмъ курсѣ, профессоръ Никитенко познакомилъ

своихъ слушателей, петербургскихъ студентовъ, съ двумя пьесами начинающаго поэта, ихъ товарища — „Гнѣвъ Божій“ и „Венера Медицейская“, а другой профессоръ, извѣстный литераторъ Степанъ Петровичъ Шевыревъ, одновременно познакомилъ московскихъ студентовъ съ новымъ выдающимся дарованіемъ, прочитавъ имъ стихи Майкова „Сонъ“. Бесѣдовалъ о произведеніяхъ его и Плетневъ, этотъ удивительно просвѣщенный, изящный, чуткій ко всему прекрасному, знатокъ поэзіи, другъ и совѣтникъ Пушкина. Онъ угадалъ въ Майковѣ сильный, яркій талантъ и старался лелѣять его, ободряя поэта, открывая ему новые горизонты въ его поэтической дѣятельности. Съ начала сороковыхъ годовъ стихотворенія Майкова стали появляться въ „Библіотекѣ для чтенія“ („Орелъ“, „Истинное благо“, „Пустынникъ“, „Сомнѣніе“, „Письмо“, „Лунная ночь“, „Элегія“, „Превращеніе“, „Перерожденіе“, „Барельефъ“, „Предсказаніе“, „Цезарь“), въ „Отечественныхъ Запискахъ“ („Памятникъ“, „Видѣніе“, „Черногорецъ“, „Призывъ“, „Внимаю ль я порой словамъ любви“, „Тайна“, „Люблю, если тихо къ плечу моему прислонившись“) и въ нѣкоторыхъ альманахахъ. Почти всѣ эти, большею частью антологическія, пьесы были собраны и въ концѣ 1842 года вышли отдѣльной книжкой.

Бѣлинскій встрѣтилъ ее горячими похвалами. „Стихотворенія Майкова, — писалъ критикъ, — хотя и расположены безъ всякой системы, безъ всякаго раздѣленія, тѣмъ не менѣе они сами собою раздѣляются въ глазахъ читателя на два разряда, не имѣющіе между собою ничего общаго, кромѣ развѣ хорошаго стиха, почти вездѣ составляющаго неотъемлемую принадлежность музы молодого поэта. Къ первому разряду должно отнести стихотворенія въ древнемъ духѣ и антологическомъ родѣ. Это—перлъ поэзіи Майкова, торжество таланта его, поводъ къ надеждѣ на будущее его развитіе“. И затѣмъ, говоря объ этихъ стихотвореніяхъ, Бѣлинскій останавливается снова на пьесѣ „Сонъ“ („Когда ложится тѣнь прозрачными клубами“), говоря, что „это именно одно изъ тѣхъ произведеній искусства, которыхъ кроткая, цѣломудренная, замкнутая въ себѣ самой красота совершенно нѣма и незамѣтна для толпы, и тѣмъ болѣе краснорѣчива, ярко блистательна для посвященныхъ въ таинства изящнаго творчества. Какая мягкая, нѣжная кисть,—вполнѣ основательно восторгается Бѣлинскій:—какой виртуозный рѣзецъ, обличающіе руку твердую и искушенную въ художествѣ! Какое поэтическое содержаніе и какіе пластическіе, благоуханные, граціозные образы! Одного такого стихотворенія вполнѣ достаточно, чтобы признать въ авторѣ замѣчательное, выходящее за черту обыкновенности, дарованіе. У самого Пушкина это стихотвореніе было бы изъ лучшихъ его антологическихъ пьесъ. Въ немъ искусство является истиннымъ искусствомъ, гдѣ пластическая форма прозрачно дышитъ живою идеей“. А Плетневъ, въ началѣ февраля того же года, писалъ другу своему Я. К. Гроту: „На-дняхъ я получилъ „Стихотворенія Апол-

лона Майкова". Онъ учился у насъ въ университетѣ. Эта книга меня усладила. Кажется, я читалъ идеи Дельвига, переданныя стихами Пушкина". Затѣмъ, 25 марта 1842 года, въ своемъ отчетѣ объ университетской дѣятельности за истекшій годъ, на торжественномъ актѣ Плетневъ упомянулъ о новоявленномъ поэтѣ и прочелъ его пьесу „Горный ключъ". „Это было причиною, — писалъ Плетневъ Гроту, — что министръ народнаго просвѣщенія изъявилъ желаніе лично съ нимъ (Майковымъ) познакомиться и просилъ меня представить ему поэта. Итакъ, Майковъ пріобщился къ моему маленькому кругу. Министръ желаетъ представить государю экземпляръ его стихотвореній".

Вообще, успѣхъ книжки стихотвореній Майкова былъ полный: произведенія поэта читались и въ литературныхъ кружкахъ и даже въ высшихъ сферахъ, гдѣ были очень заинтересованы его личностью. Не одно блестящее дарованіе помогло Майкову выдвинуться, завладѣть общимъ вниманіемъ. Тутъ сослужили ему большую службу и двѣ статьи Бѣлинскаго, разъяснившаго значеніе поэзіи Майкова, давшаго ей отличную оцѣнку. „Отстраняя всѣ гаданія,—писалъ онъ,—которыя могутъ быть произвольны или односторонни, и предоставляя времени рѣшеніе вопроса о степени поэтическаго таланта г. Майкова, мы скажемъ пока только, что многія изъ его стихотвореній обличаютъ дарованіе неподдѣльное, замѣчательное и нѣчто обѣщающее въ будущемъ... Если взглядъ нашъ на важность поэзіи, на высокое значеніе поэта не помѣшалъ намъ посвятить цѣлую критическую статью разбору первыхъ опытовъ г. Майкова, значитъ, мы много видимъ въ дарованіи новаго поэта... Майковъ вполнѣ владѣетъ орудіемъ искусства—стихомъ, который у него напоминаетъ стихъ первыхъ мастеровъ русской поэзіи; а это — великій и подающій самыя лестныя надежды признакъ". Съ похвалою отозвался критикъ, далеко не щедрый на поощренія и похвалы въ отношеніи начинающихъ писателей, о пьесахъ Майкова: „Октава", „Искусство", „Гезіодъ", „Вакхъ", „Ангелъ и демонъ", „Раздумье", „Дитя мое, ужъ нѣтъ благословенныхъ дней", „Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты" и другихъ.

И по поводу этихъ и вообще всѣхъ стихотвореній Майкова въ антологическомъ родѣ критикъ приходитъ къ заключенію, что муза Майкова относительно ея возникновенія сродни древне-эллинской музѣ: „подобно этой музѣ, она изъ природы почерпаетъ свои кроткія, тихія, дѣвственныя и глубокія вдохновенія; подобно ей, въ движеніяхъ и чувствахъ еще младенчески-ясной души, еще въ лонѣ природы непосредственно ощущающаго себя сердца находитъ она неисчерпаемое содержаніе для своихъ благоуханно-гармоническихъ и безыскусственно-изящныхъ пѣсенъ". Изучая изящныя произведенія древнихъ классиковъ, Майковъ открылъ богатый источникъ для своихъ вдохновеній, расчистилъ себѣ широкую дорогу и смѣло пошелъ по ней. И такъ много въ его пьесахъ эллинскаго духа, столько антологическаго, что каждая изъ нихъ похожа

на отличный переводъ съ греческаго, и каждую изъ нихъ можно перевести на любой языкъ, въ качествѣ греческаго произведенія. И при хорошемъ худ жественномъ переводѣ этихъ русскихъ пьесъ Майкова едва ли кто усомнится въ ихъ греческомъ происхожденіи. Подобно древнему греку, черпалъ Майковъ свои вдохновенія изъ явленій природы, полной всевозможныхъ формъ, красочныхъ сочетаній и звуковъ, и, какъ грекъ, созерцалъ ее со спокойствіемъ, тихо, разумно. Но спокойствіе и кротость не всегда свойственны майковской музѣ: „нерѣдко блистаетъ и жжетъ она упоительной роскошью красокъ и образовъ, не переставая ни на минуту быть спокойною, самообладающею и цѣломудренною, въ качествѣ благородной эллинской музы“.

Первая книжка стихотвореній Майкова вышла спустя годъ по окончаніи имъ университета. Онъ окончилъ курсъ въ 1841 году со степенью кандидата правъ. Ему было тогда ровно 20 лѣтъ, и поэтъ тотчасъ былъ зачисленъ въ службу по министерству финансовъ: въ департаментъ государственнаго казначейства, а затѣмъ занялъ мѣсто помощника библіотекаря при Румянцевскомъ музеѣ въ 1844 году. Когда же музей былъ перенесенъ въ Москву, Майковъ сталъ служить въ комитетѣ цензуры иностранной, гдѣ пробылъ около сорока пяти лѣтъ, занимая разныя должности, и наконецъ въ 1875 году былъ назначенъ предсѣдателемъ этого комитета, состоя въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Таковы данныя его служебнаго поприща, которыми почти цѣликомъ исчерпывается его жизнеописаніе съ внѣшней стороны. „Вся моя біографія,—говоритъ Майковъ,—не во внѣшнихъ фактахъ, а въ ходѣ и развитіи внутренней жизни, въ ходѣ расширенія моего внутренняго горизонта, въ укрѣпленіи взгляда на жизненные вопросы, нравственные, умственные, политическіе, во внутренней работѣ ума надъ впечатлѣніями и наблюденіями въ жизни, въ осмысленіи пріобрѣтаемыхъ и постоянно увеличивающихся знаній. Все прочее—вздоръ, труха, формуляръ...“

По выходѣ изъ университета, Майковъ, все еще не бросая кисти, мечталъ серьезно отдаться живописи и для этого посѣтить ту чудную страну, куда издавна стремились и стремятся художники. Но мечта Майкова была послѣдней вспышкой, послѣ чего онъ окончательно предпочелъ кисти перо, и вотъ по какому случаю. Въ мастерской старика Майкова императоръ Николай Павловичъ увидалъ однажды картину работы поэта. Она такъ понравилась государю, что тотъ пожелалъ ее пріобрѣсти для католической капеллы. Молодой Майковъ отказался отъ вознагражденія, и Николай Павловичъ пожаловалъ ему брильянтовый перстень. Вотъ тутъ-то и стала Майкова волновать мысль вновь вернуться къ живописи. Но огромный успѣхъ его стихотвореній рѣшилъ судьбу поэта. Графъ С. С. Уваровъ, въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, счелъ нужнымъ и полезнымъ поощрить молодого поэта: представить государю книжку стихотвореній Майкова, „какъ плодъ студенческаго досуга“. На докладѣ императоръ спросилъ, чего желаетъ

Майковъ, и поэтъ отвѣтилъ министру: „ѣхать въ Италію!“. По Высочайшему повелѣнію, Майкову выдана была тысяча рублей на поѣздку за границу и данъ продолжительный отпускъ. Исполнилась мечта Майкова побывать въ Италіи, но онъ ѣхалъ туда не какъ художникъ-живописецъ, а какъ художникъ слова.

За границу онъ отправился, въ сопутствіи отца, моремъ, черезъ Гавръ. Жизнь въ Парижѣ пришлась ему далеко не по сердцу, зато, когда онъ очутился подъ вѣчно-голубымъ небомъ Италіи, дни пребыванія въ дивномъ краю казались ему волшебными днями и навсегда запечатлѣлись въ его памяти, освѣживъ его душу и давъ ему богатый матеріалъ для вдохновенныхъ строфъ. Въ Италіи Майковъ обновилъ свою поэтическую фантазію—задумалъ и частью написалъ цѣлый рядъ стихотвореній подъ общимъ заглавіемъ „Очерки Рима“, вышедшихъ отдѣльно года черезъ три. Кто изъ числа настоящихъ любителей и знатоковъ поэзіи не замѣтилъ въ этомъ циклѣ стихотвореній такихъ очаровательныхъ пьесъ, какъ: „Ахъ, чудное небо, ей-Богу, надъ этимъ классическимъ Римомъ“, „На пути“, „Campagna di Roma“, „Нищій“, „Fortunata“, „Тиволи“, „Скажи мнѣ, ты любилъ на родинѣ своей“, „Художникъ“, „Антики“, „Сижу задумчиво съ тобой наединѣ“, „Fiorina“? Прекрасные образы древняго Рима, поклоненіе высокому искусству и красотѣ вообще, а женской въ частности, наслажденіе картинами природы, пейзажъ и жанръ, то полные величія, то милые, игривые, — все это мотивы въ прежнемъ духѣ, въ антологическомъ родѣ, чѣмъ такъ сильна муза поэта. Его настроеніе невольно сообщается читателю. Вотъ, напримѣръ, строфы, рисующія впечатлѣнія поэта послѣ посѣщенія Ватиканскаго музея, наводящія на безконечныя думы:

Какъ дальній пилигримъ, среди святынь своихъ,
Средь статуй я стоялъ!.. Мнѣ было дико, странно:
Какъ будто музыкѣ безвѣстной я внималъ,
Какъ будто чудный свѣтъ вокругъ меня сіялъ.
Курился мирры дымъ и нардъ благоуханный,
И нѣкто дивный былъ и говорилъ со мной.
Съ душой, подавленной восторженной тоской,
Глядѣлъ въ смущеньи я на лики вѣковые,
Какъ скиѳы дикіе, пришедшіе съ Днѣпра,
Средь блеска пурпура царьградскаго двора,
Предъ благолѣпіемъ маститой Византіи,
Внимали музыкѣ имъ чуждой литургіи...

Какъ ни далеки отъ насъ времена античнаго міра, но Майковъ силою своего поэтическаго генія умѣлъ приблизить его къ намъ, воскресить передъ нами его картины, увлечь насъ своей душевной настроенностью, своими переживаніями, своей созерцательной натурой. Въ „Очеркахъ Рима“, родственныхъ раннимъ произведеніямъ Майкова, лучшимъ его антологическимъ стихотвореніямъ, масса чисто-эллинскаго мастерства, художественныхъ образовъ яркихъ, богатыхъ сравненій, удачныхъ эпитетовъ. И здѣсь, какъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ,

Майковъ является объективнымъ художникомъ. Кстати сказать, поэтъ признавалъ необходимость объективнаго творчества: содержаніе и самый тонъ рѣчи изображаемаго лица должны строго соотвѣтствовать его духовнымъ особенностямъ и той эпохѣ, когда онъ жилъ и дѣйствовалъ. И поэтъ вполнѣ достигалъ этого

Въ Италіи Майковъ жилъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Валеріаномъ, и оба ѣздили вторично въ Парижъ, чтобы пробыть тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ теченіе этого времени Аполлонъ Николаевичъ слушалъ лекціи въ Сорбоннѣ и въ Collège de France и еще болѣе обогатился знаніями, такъ отразившимися на развитіи его творчества. Передъ возвращеніемъ въ Россію поэтъ побывалъ въ чешской Прагѣ. Его тянуло поближе взглянуть на славянъ, присмотрѣться къ ихъ быту, узнать ихъ прошлое, тѣмъ болѣе, что славянство очень занимало его еще и раньше. Знакомство съ славянскимъ міромъ и его юридическими памятниками дало Майкову матеріалъ для его кандидатской диссертаціи—„О первоначальномъ характерѣ законовъ по источникамъ славянскаго права“. Одинъ изъ біографовъ поэта говоритъ: „громадной заслугой этого труда было уже то, что онъ открылъ собою рядъ дальнѣйшихъ университетскихъ работъ по славянской исторіи и славянскому праву“. Какъ первый по времени въ этомъ направленіи, юридическій трудъ А. Н. Майкова обратилъ на себя вниманіе въ университетѣ. Профессоръ Баршевъ замѣтилъ по поводу диссертаціи Майкова, что въ ней много любопытнаго и новаго.

Мы остановились на этой юридической работѣ нашего поэта потому, что она объясняетъ тотъ интересъ, съ которымъ онъ относился къ славянской жизни и который задержалъ его въ Прагѣ. Тогдашняя славянская жизнь и наука сосредоточивались въ этомъ городѣ: здѣсь жили писатели и ученые, здѣсь Вячеславъ Ганка и Шафарикъ составили тѣсный кружокъ своихъ единомышленниковъ, въ которомъ уже чувствовалось пробужденіе національнаго чувства, зарожденіе славянской самобытности, идеи самостоятельности. Майковъ познакомился съ обоими славянскими дѣятелями и нашелъ въ кружкѣ ласковый, дружественный пріемъ. Онъ написалъ чешскую пѣсню, переведенную Шафарикомъ и тогда же положенную на музыку:

Чехъ сидитъ надъ Лабой горной
Къ чеху соколъ прилетѣлъ:
„Что̀ сидишь ты съ думой черной?
Ты бы пилъ, да ты бы пѣлъ!“
— Радъ бы пить я, да не пьется,
Радъ бы пѣть, да не поется!..

Посѣтилъ Майковъ и Дрезденъ, гдѣ изучалъ памятники искусства въ художественной галлереѣ. Пробывъ за границей съ 29 іюня 1842 г. по 8-е марта 1844 г., онъ вернулся на родину и началъ знакомиться съ многими выдающимися писателями: Тургеневымъ, Григоровичемъ, Панаевымъ, Некрасовымъ, Бѣлинскимъ, кружокъ котораго онъ одно

время дѣятельно посѣщалъ и невольно отдавался его настроенію. Оно отразилось въ двухъ его поэмахъ: „Машенька“ и „Двѣ судьбы“, въ которыхъ поэтъ касается вопросовъ, уже волновавшихъ общественное самосознаніе, и которые, по собственному признанію поэта, относятся къ его „средней эпохѣ“, въ особенности „Двѣ судьбы“, съ героемъ поэмы Владиміромъ—отголоскомъ славянофильскихъ идей съ одной стороны и западничества Бѣлинскаго—съ другой.

Въ этой поэмѣ, вслѣдъ за Пушкинымъ и Лермонтовымъ, Майковъ сдѣлалъ попытку представить положеніе молодого, развивающагося поколѣнія среди неразвитого, закоснѣвшаго въ старыхъ привычкахъ общества. Герой поэмы, Владиміръ, пламенный поклонникъ природы, красоты, любящій науку, искусство, еще молодой человѣкъ, но уже достаточно разочаровавшійся въ своихъ самыхъ свѣтлыхъ надеждахъ, допытывается у судьбы о томъ, какая тайна кроется въ медленности развитія нашей общественной жизни. Онъ вдумывается въ причины своего душевнаго разлада, охлажденія — и горячо молится за родину, прося Творца, для счастья родины, послать новаго пророка, чтобы этотъ пророкъ, подобно царю Петру, живымъ, мощнымъ словомъ двинулъ незрѣлое общество впередъ, пробудилъ въ немъ жизнь. Онъ горько упрекаетъ тѣхъ, кто не понялъ идеи великаго преобразованія:

Ужель, когда мессія нашъ возсталъ,
Васъ пробудилъ и міръ открылъ вамъ новый,
Въ васъ мысль вдохнулъ, вамъ жизнь иную далъ—
Не вняли вы его живое слово,
И гласъ его въ пустынѣ прозвучалъ?
И, грустные, идете вы, какъ тѣни,
Безъ силы, безъ страстей, безъ увлеченій?
Или была наука вамъ вредна?
Иль, дикаго растливъ, въ вашъ духъ она
Не пролила свой пламень животворный?
Иль, лѣнію окованнымъ позорно,
Не по плечу вамъ мысли блескъ живой?..

Много прекрасныхъ страницъ разсѣяно въ этой поэмѣ, но въ общемъ она показала, что ея духъ, настроеніе не сродни Майкову, его чисто-художественному таланту.

Въ кружкѣ Бѣлинскаго Майковъ чувствовалъ себя чужимъ, „гостемъ“ и отдыхалъ душой въ тѣсномъ домашнемъ кружкѣ среди товарищей и друзей: П. М. Цейдлера, впослѣдствіи извѣстнаго педагога, С. С. Дудышкина, извѣстнаго критика и соредактора „Отечественныхъ Записокъ“ Краевскаго, И. А. Гончарова и Ѳ. М. Достоевскаго, съ которымъ Аполлонъ Николаевичъ былъ друженъ до самой кончины послѣдняго, глубоко цѣнившаго талантъ своего друга. Къ этому времени относится и знакомство поэта съ Аполлономъ Александровичемъ Григорьевымъ, извѣстнымъ, но мало оцѣненнымъ у насъ критикомъ, который высоко цѣнилъ впослѣдствіи талантъ Майкова. И вотъ что писалъ Григорьевъ о поэтѣ въ „Москвитянинѣ“ 1853 года: „Мы ставимъ высоко Аполлона

Майкова—поэта, съ явнымъ преобладаніемъ объективности въ творчествѣ, но въ дѣятельности котораго нельзя подмѣтить непріятно дѣйствующей на читателя фальши равнодушія или столько же непріятно дѣйствующей форсированной пластичности... Майковъ никогда не насилуетъ себя на античное воззрѣніе, хотя, какъ истинный художникъ, по натурѣ горячо сочувствуетъ античной красотѣ, тонко понимаетъ ее и сознаётъ, что удобнѣе было быть художникомъ во времена непосредственности, неразорванности созерцанія. Онъ самъ высказалъ чрезвычайно искренне и вѣрно свое отношеніе къ искусству, какъ поэта новаго:

Былъ глупъ когда-то человѣкъ;
Младенцемъ жилъ и умеръ грекъ,
И въ простотѣ первоначальной,
Что̀ слышалъ въ сердцѣ молодомъ,
Творилъ довѣрчиво рѣзцомъ
Онъ въ красотѣ монументальной...
А ты, художникъ нашихъ дней,
Ты, аналитикъ и психо̀логъ,
Что̀ въ нашемъ духѣ отыскалъ?
Съ чего снимать блестящій сколокъ
Ты мрамору и бронзѣ далъ?..
Ты прежнихъ силъ въ немъ не находишь
И, *мучась тяжкой пустотой*,
Боговъ Олимпа къ намъ низводишь,
Забывъ, что̀ было въ нихъ душой...

И, не имѣя ни малѣйшей нужды, какъ поэтъ новый, хотя съ жаркимъ и тонкимъ чувствомъ пластической красоты, прибѣгать къ неистовому ей поклоненію, а съ другой стороны, не мучась душевной пустотой,—онъ художническими, часто литыми чертами выражаетъ то, что̀ поражаетъ его, какъ художника и мыслителя, не обходя никакихъ вопросовъ современности, если они дѣйствительно возбудятъ въ немъ живое художническое сочувствіе. Съ другой стороны, г. Майковъ чуждъ и противоположной напряженности, напряженности субъективной... Ему чужда всякая фальшь и форсировка, но изъ этого не надобно заключать, чтобы Майковъ наклоненъ былъ впадать въ крайности объективности, въ тупое равнодушіе, или, чтобы даже лиризмъ его отличался особеннымъ спокойствіемъ; ничуть не бывало: страстнѣе многихъ стихотвореній Майкова, иногда даже тревожнѣе ихъ — вы не много найдете; но всегда въ нихъ типично и чувство и выраженіе... Насколько міросозерцаніе Майкова, при всей объективности, далеко отъ тупого спокойствія, всего очевиднѣе въ его поэмахъ... Въ послѣднее время, сколько мы знаемъ, вопросы и интересы (современности), глубоко принимаемые впечатлительной натурой нашего поэта, обрѣли и въ этомъ родѣ надлежащія стройныя и вмѣстѣ строгія художническія формы". И въ заключеніе проницательный критикъ пророчески говоритъ: „Майкову въ этомъ родѣ, какъ намъ кажется, тѣсны рамки обыч-

ной дѣйствительности, нужны грандіозные размѣры и характеры древняго или, по крайней мѣрѣ, средневѣковаго міра: таково уже свойство его таланта, что у него не выйдетъ лица изъ героя „Двухъ судебъ“, Владимира, но зато выйдетъ живой образъ изъ эпикурейца, напримѣръ, Люція, который въ послѣдній часъ хочетъ упиться „дыханьемъ травъ и моремъ спящимъ, и солнцемъ, въ волны заходящимъ, и Лиды ясной красотой...“, что, однимъ словомъ, онъ останется лирикомъ, хотя и въ высокой степени объективнымъ“.

Крымская война, настроеніе, охватившее русское общество, невольно сообщилось чуткому поэту, образъ мыслей котораго достигъ полной зрѣлости. Свои тогдашнія чувства, свои думы онъ ярко выражаетъ въ письмѣ къ А. Ѳ. Писемскому, появившемся въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1854 года. Поэтъ пишетъ: „Нынѣшняя война въ нашей частной жизни, въ исторіи нашихъ убѣжденій—событіе столько же рѣшительное, столько же важное, какъ и въ политическомъ мірѣ. Надобно быть слѣпымъ упрямцемъ, улиткоподобною флегмой, чтобъ не отозваться на ту электрическую искру, которая потрясла всѣ сословія русскаго народа. Съ какимъ-то судорожнымъ напряженіемъ ожидаю, что̀ изъ этого будетъ, и не могу еще обхватить мыслью и связать въ одно стройное цѣлое, въ одну картину того, что̀ внутреннее сознаніе цѣлаго народа говоритъ ему, что̀ онъ такое, на что онъ призванъ и какія силы въ немъ хранятся. Я готовъ пророчить, что нынѣшнія событія—величайшій шагъ въ нашемъ развитіи: съ нихъ начнется новый періодъ нашей исторической жизни уже потому, что они заставили всѣхъ и каждаго вдругъ, внезапно остановиться и спросить себя: „кто же ты?“. И каково бы ни было образованіе каждаго, изъ какихъ бы источниковъ ни почерпнулъ онъ свои знанія и мнѣнія, всѣ въ одинъ голосъ, въ одинъ мигъ должны были разрѣшить этотъ вопросъ и единодушно, передъ судомъ совѣсти, отвѣтить: „Я—русскій!“... Ничто не подавило въ нашемъ сознаніи, что можно быть ученымъ и образованнымъ человѣкомъ и чувствовать, что мы въ то же время русскіе, и что въ насъ превыше всего одно святое чувство любви къ отечеству!.. На насъ, писателяхъ, лежитъ великій долгъ—увѣковѣчить то, что̀ мы чувствовали со всѣми. Намъ слѣдуетъ уяснить и осязательно нарисовать тотъ идеалъ Россіи, который ощутителенъ всякому...“

Благодаря такому настроенію, такому восторженному порыву, Майковъ написалъ рядъ стихотвореній, которыя онъ напечаталъ въ разныхъ журналахъ, а затѣмъ собралъ и выпустилъ отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ: „1854 годъ“. Къ нимъ какъ бы прелюдіей является стихотвореніе, написанное въ декабрѣ того года и до извѣстной степени одухотворенное мыслями, которыя поэтъ отчасти высказываетъ въ открытомъ письмѣ Писемскому—

Бывало, уловить изъ жизни мигъ случайный
И въ стихъ его облечь--блаженство для меня!

Меня гармоніи тогда плѣняли тайны,
И самъ своихъ стиховъ заслушивался я...
Теперь не служитъ стихъ мнѣ праздною забавой,
Онъ рвется изъ души, какъ откликъ боевой,
На зовъ торжественный отечественной славы.
Широкій горизонтъ открылся предо мной.
Рукою вѣрною берусь теперь за лиру,
И, обновленная, привѣтствуетъ она
Намъ новыхъ дней зарю...

Самъ Некрасовъ въ своемъ „Современникѣ" встрѣтилъ эту книжку стихотвореній Майкова полнымъ одобреніемъ и писалъ между прочимъ: „Новое направленіе, одушевляющее лиру г. Майкова — отголосокъ того чувства, которымъ нынѣ проникнуто сердце всякаго русскаго патріота; оно вызвано справедливымъ убѣжденіемъ нашего поэта, что

Не пòлны воинскіе лавры
Безъ звона неподкупныхъ лиръ.

Г. Майковъ созналъ, что на немъ, какъ на поэтѣ, равнаго которому въ настоящее время едва ли имѣетъ Россія, прямымъ образомъ лежитъ обязанность сдѣлаться органомъ общаго чувства. Онъ смѣло приступилъ къ исполненію этой обязанности и послѣ нѣсколькихъ стихотвореній, разсѣянныхъ въ журналахъ, даритъ намъ небольшую книжку съ заглавіемъ: „1854 годъ", къ событіямъ котораго относится ея содержаніе". И, выписавъ пьесу „Пастухъ", Некрасовъ говоритъ далѣе: „Эти прекрасные опыты въ чисто-народномъ духѣ показываютъ намъ, что талантъ г. Майкова столь же гибокъ, какъ и силенъ... Если стихъ г. Майкова прибавилъ хотя единую искру одушевленія къ той массѣ патріотическаго энтузіазма, которымъ преисполнены русскія сердца, то поэтъ, измѣнивъ направленіе согласно требованіямъ современности, поступилъ прекрасно и благородно—даже и въ такомъ случаѣ, если бъ эта перемѣна послужила въ ущербъ его таланту".

Но не таковъ поэтическій геній Майкова. Онъ нимало не пострадалъ отъ временнаго порыва поэта. Вдохновенный пѣвецъ остался вѣренъ себѣ, задачамъ истиннаго художника, поклоненію красотѣ въ широкомъ и лучшемъ смыслѣ этого понятія. Изъ-подъ его пера вылились такія пьесы, какъ „Мечтанія", „Подъ дождемъ", „Нива", „Въ лѣсу", „Поле зыблется цвѣтами", „Весна", „Мать и дочь", „Розы", „Импровизація", „Звуки ночи", „Вотъ бѣдная чья-то могила", „Ласточки", „Осень" и проч. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ чувствуется прежній антологистъ и созерцательный, пытливый художникъ съ волшебною палитрой, съ удивительнымъ рѣзцомъ въ античномъ духѣ. Какая прелесть стиха, сколько художественности въ образахъ, какія богатыя поэтическія мысли, какая глубина чувствъ! Пятидесятые годы, на рубежѣ шестидесятыхъ особенно плодотворны въ дѣятельности Майкова, пластичность и картинность поэзіи котораго всегда была ея характерной чертой. Не измѣ-

нился талантъ Майкова, но творчество его расширилось, обогатилось новымъ содержаніемъ. Это вызвано было и тѣми стремленіями, которыя съ половины пятидесятыхъ годовъ окрѣпли въ поэтѣ, и оживленіемъ въ обществѣ послѣ Крымской войны. Новымъ пламенемъ, еще болѣе яснымъ, еще болѣе горючимъ, вспыхнула въ поэтѣ, въ его отзывчивой душѣ, любовь къ родинѣ, къ ея природѣ, къ быту „непросвѣщеннаго народа"...

Не одной внѣшней красотой, не одними милыми, прелестными картинами полны пѣсни Майкова, вызванныя его обожаніемъ родины, не бурнымъ и стремительнымъ, а тихимъ, спокойнымъ. Въ нихъ выступаетъ выпукло лирическая философія, идейность; ощутителенъ здѣсь и лирическій пантеизмъ поэта, существенно разнящійся отъ объективнаго пантеизма. Образчикомъ стихотвореній, въ которыхъ ярко сквозитъ какая-нибудь мысль, порою глубокая, могутъ служить такія пьесы, какъ „По нивѣ прохожу я узкою межой", „Журавли", „Болото", „Облачка", „Картинка", „Поля" и т. д. Въ пьесѣ „Журавли" поэтъ говоритъ:

Отъ криковъ ихъ на небѣ дальнемъ
Какъ будто благовѣстъ идетъ—
Привѣтъ лѣсамъ патріархальнымъ.
Привѣтъ знакомымъ плесамъ водъ!..
Здѣсь этихъ водъ и лѣсу вволю,
На нивахъ сочное зерно...
Чего жъ еще? вѣдь имъ на долю
Любить и мыслить не дано...

Еще рельефнѣе въ этомъ отношеніи стихотвореніе „Облачка", гдѣ поэтъ сравниваетъ тучки небесныя со страстями сердца, съ бредомъ вдохновенья и дѣлаетъ заключеніе, что безъ этихъ жизненныхъ облачковъ былъ бы чуждъ и страшенъ Божій судъ.

Васъ развѣять съ неба жизни,—
И вся жизнь тогда—
Силъ слѣпыхъ, законовъ вѣчныхъ
Вѣчная вражда...

Еще Бѣлинскій, разбирая антологическія стихотворенія Майкова, писалъ, между прочимъ: „придетъ время—и, можетъ-быть, въ душѣ поэта совершится движеніе: прекрасная природа не будетъ болѣе заслонять отъ его глазъ явленій высшаго міра—міра нравственнаго, міра судебъ человѣка, народовъ и человѣчества"... И Бѣлинскій не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Если поэтъ и не опускался въ тину житейскихъ дрязгъ, то, при совершавшихся въ дорогомъ ему отечествѣ событіяхъ, откликался на нихъ, черпалъ отсюда сюжеты для своихъ произведеній. Но и тутъ всегда оставался онъ самимъ собою, не пѣлъ въ угоду какимъ-либо партіямъ, вѣяніямъ и, твердо помня, что „свобода — только въ царствѣ духа", не измѣнялъ своимъ идеаламъ, служенью красотѣ. Но больше всего его влекли духовныя черты прошлаго Россіи, стойкость родного

народа, подвиги и страданія „двухъ силъ“, шедшихъ рука объ руку въ государственномъ дѣлѣ: князя народа, вождей земли, многолѣтняя судьба строителей русскаго царства, видавшихъ на своемъ вѣку столько страданій ради любви къ народному краю. Съ необыкновенной любовью, съ большимъ подъемомъ рисуетъ Майковъ картины этого прошлаго. Такихъ стихотвореній у Майкова не много, но въ нихъ поэтъ сказалъ гораздо больше, чѣмъ кто-либо изъ его собратьевъ по перу о чувствахъ и настроеніяхъ, двигавшихъ нашимъ народомъ. Невольно вспоминается прелестная пьеса поэта „Упраздненный монастырь“, гдѣ представлена богатая картина отечественной средневѣковой обители. Эта картина озарена глубокимъ пониманіемъ всего сдѣланнаго ею для русскаго общества. Глубоко вѣритъ поэтъ въ призваніе родной Руси и умиляется ея долготерпѣнію, выносливости, крѣпости. Онъ говоритъ:

...и вытерпѣла ты,
Святая Русь, что̀ посылалъ
Тебѣ Господь,—всѣ тяготы
Насильствъ, и казней, и опалъ...
Тяжелый млатъ ковалъ тебя
Въ одинъ народъ, ковалъ вѣка—
Но вѣришь ты, что Богъ, любя,
Тебя каралъ—и тѣмъ крѣпка!

Въ эпоху умственнаго движенія русскаго общества стоявшій во главѣ морского министерства великій князь Константинъ Николаевичъ, желая оживить органъ министерства „Морской Сборникъ“ расширеніемъ его программы и привлеченіемъ къ сотрудничеству въ немъ извѣстныхъ литераторовъ, рѣшилъ устроить ихъ поѣздки по Россіи съ тѣмъ, чтобы писатели изслѣдовали разныя мѣстности ея въ географическомъ, этнографическомъ и промышленномъ отношеніяхъ и результаты своихъ изслѣдованій помѣщали въ „Морскомъ Сборникѣ“. Для поѣздки по Россіи приглашены были: Островскій, Потѣхинъ (А. А.), Писемскій, Гончаровъ, М. Л. Михайловъ, С. В. Максимовъ, Афанасьевъ-Чужбинскій и другіе. Августѣйшій генералъ-адмиралъ вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ нужнымъ командировать Аполлона Николаевича на годичный срокъ въ морское вѣдомство и зачислить въ составъ морской экспедиціи, отправляемой въ Грецію и Архипелагъ на корветѣ „Баянъ“. Прежде чѣмъ отправиться въ эту экспедицію, Майковъ со свойственной ему добросовѣстностью сталъ приготовляться къ путешествію и прежде всего выучился, подъ руководствомъ Георгія Спиридоновича Дестуниса, извѣстнаго ученаго и писателя, новогреческому языку. Майковъ быстро усвоилъ этотъ языкъ, чему много способствовала его даровитая натура, и недаромъ Гротъ когда-то писалъ Плетневу, что у Майкова много талантовъ: „онъ поэтъ, живописецъ, музыкантъ, полиглотъ“. Корветъ „Баянъ“ началъ плаваніе съ августа 1858 года съ греческихъ водъ, затѣмъ, постоявъ въ Рагузѣ, отправился въ Палермо и Неаполь. Плодомъ этой

поѣздки Майкова явился рядъ его стихотвореній подъ общимъ заглавіемъ: „Неаполитанскій альбомъ“, написанныхъ въ легкомъ ироническомъ тонѣ, въ шутливой формѣ и съ присущимъ поэту изяществомъ. Въ „Неаполитанскомъ альбомѣ“ онъ вѣрно и живо отразилъ, по замѣчанію одного критика, черты красивой страсти, вольнаго веселья Италіи, къ которымъ не остается равнодушенъ поэтъ. Но въ глубинѣ каждой пьески „альбома“ вы видите скептически-насмѣшливое лицо поэта, не вѣрящаго ни въ эту красоту ни въ эту волю. Что̀ касается „Новогреческихъ пѣсенъ“, внушенныхъ Майкову тою же поѣздкой, то въ нихъ онъ воспѣваетъ героевъ маленькаго народа, отстаивавшихъ свою вѣру, свою свободу въ непрестанной борьбѣ съ азіатскими варварами-угнетателями. Безхитростны эти греческія пѣсни, но прекрасно характеризуютъ духъ народа, его настроеніе и своеобразную мудрость; онѣ полны милой искренности, настроенія и тихой прелести. Воинствующимъ клефтамъ, „паликарамъ“ поэтъ отдаетъ свои симпатіи. Картинно разсказываетъ онъ о гадальщицѣ-египтянкѣ, предсказывающей молодой дѣвушкѣ гибель юноши-красавца, ея милаго, или о воинственномъ городѣ Сули, гдѣ „въ рядахъ мужей воюютъ жены, дѣвицы и дѣти“.

И съ ружьемъ въ рукѣ выводитъ
Всѣхъ Цавелиха ихъ въ поле...
На плечахъ съ груднымъ младенцемъ
И съ патронами въ подолѣ...

Благородной натурѣ поэта мила и героиня-дѣвушка, боровшаяся съ врагами, переодѣтая мальчикомъ и обнаружившая свой полъ нечаянно при метаніи камней. Когда присутствующіе остолбенѣли,

Зардѣлася красавица, отъ гнѣва чуть не плачетъ—
„Чего глядите?—крикнула,—три года были слѣпы!“
Свой фесъ и ножъ имъ бросила, и скрылася изъ виду.
Съ тѣхъ поръ пропалъ и слухъ о ней въ горахъ, у паликаровъ.
Но во святой обители, между бѣлицъ смиренныхъ,
Смиреннѣй всѣхъ ихъ новая бѣличка появилась.

Къ 1858 году относится появленіе второго сборника стихотвореній Майкова. Новый сборникъ, въ двухъ томахъ, изданъ былъ извѣстнымъ тогда меценатомъ гр. Григоріемъ Александровичемъ Кушелевымъ-Безбородко, причастнымъ къ литературѣ, писавшимъ разсказы подъ псевдонимомъ *Грицко Григоренко*, и основателемъ журнала „Русское Слово“, и встрѣтилъ сочувственные отзывы въ печати. Появленіе его дало поводъ страстному любителю литературы, большому ея знатоку, критику А. В. Дружинину сдѣлать характеристику перелома въ образѣ мыслей Майкова, „когда онъ обнаруживалъ столько чуткости къ кореннымъ началамъ русской жизни и къ общественному возбужденію, послѣдовавшему въ Крымскую войну и за нею“. „Отвѣчая всему живому

и человѣческому, — писалъ Дружининъ въ „Библіотекѣ для чтенія“, — Майковъ выучился уважать тѣ границы, въ которыхъ должна держаться дѣятельность поэта истиннаго, вполнѣ призналъ основы и серьезность вліянія, какое всякій поэтъ можетъ имѣть на общество, ему современное. Навсегда отстранившись отъ партій въ дѣлѣ поэзіи, онъ не только поставилъ свое призваніе превыше всякой временной партіи, но, такъ сказать, подчинилъ себѣ все временное и преходящее, мирно замыкая въ свои пѣсни лишь одно то, что̀ вѣчно и всесторонне“. Не лишнимъ будетъ привести здѣсь и тѣ слова самого поэта, которыми уясняется „средняя“ эпоха его творческой дѣятельности и которыя характеризуютъ міросозерцаніе, взгляды поэта. Майковъ разсказываетъ, какъ эпоха реформъ, брань на старое ошеломляли его, „но уже тутъ было столько жизненнаго, независимаго отъ литературы“, что онъ возрадовался, когда „великія идеи новаго царствованія открыли новые горизонты“. Майковъ около того времени познакомился съ такъ называемой „молодой редакціей“ „Москвитянина“, которую составляли Аполлонъ Григорьевъ, Островскій, Писемскій, мало оцѣненный у насъ критикъ-эстетикъ Эдельсонъ, Тертій Филипповъ и другіе, и сблизился со славянофилами. „Здѣсь,—признается Майковъ, — показалось мнѣ болѣе правды, чѣмъ въ западническомъ наклонѣ; но, принявъ кое-что изъ идей старыхъ славянофиловъ, я не могъ вполнѣ принять ихъ ученья, принялъ основы, почуя въ нихъ историческую правду, но отвергъ выводы, какъ фантастическіе и отвергающіе исторію, а въ ней и цѣлую россійскую имперію...“ „Засимъ,—говоритъ далѣе Майковъ,—знакомство съ Ѳ. И. Тютчевымъ и его расположеніе ко мнѣ, все скрѣпленное пятнадцатилѣтнею службою вмѣстѣ и частыми бесѣдами и свиданіями, окончательно поставило меня на ноги, дало высокія точки зрѣнія на жизнь и міръ, Россію и ея судьбы въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ, и сообщило тотъ устой мысли, на коемъ стою и теперь и на коемъ воспиталъ свое семейство. Этотъ устой далъ мнѣ при этомъ еще одно благо: полную независимость и свободу мысли отъ постороннихъ вліяній. Напротивъ, самъ вывелъ многихъ изъ мрака и шатанія. Такимъ образомъ завершился періодъ исканій правды въ философіи, религіи, политикѣ. Нравственная евангельская правда одна съ малолѣтства не была поколеблена, плюсъ нѣкоторыя рыцарскія фамильныя преданія. Когда все это установилось и отошло на задній планъ, тогда только началось настоящее творчество, въ связи отчасти съ непредвидѣнными событіями жизни, отчасти съ ходомъ внутренней работы мысли“. Эти искреннія строки находятся въ письмѣ Майкова изъ Константинополя къ одному изъ близкихъ пріятелей его и сослуживцевъ по комитету цензуры иностранной, М. Л. Златковскому, и очень цѣнны для уясненія нравственнаго облика поэта, который, познавъ себя, утвердившись въ идеалахъ, уже неуклонно съ тѣхъ поръ шелъ своей дорогой.

Разбирая собраніе стихотвореній Майкова, вышедшее въ 1858 г.,

Дружининъ чрезвычайно лестно отзывается о „въ высшей степени замѣчательныхъ“ пьесахъ: „Нива“, „Осень“, „Импровизація“, „Звуки ночи“, „Рыбная ловля“, на этихъ шедеврахъ музы Майкова и на поэмахъ: „Савонарола“ и „Три смерти“, которыя обозначаютъ собою „новую ступень развитія поэта и новую область для всей его дѣятельности“. Талантъ Майкова онъ опредѣляетъ такъ: „Это,—говоритъ критикъ,—поэтъ-художникъ, поэтъ-пластикъ, но не лирикъ; писатель, замѣчательный мастерскою спокойною отдѣлкою своихъ стихотвореній, онъ съ перваго своего появленія передъ русскою публикою сталъ поэтомъ мысли и безтрепетно принялъ на себя весь нескончаемый трудъ, сопряженный съ этимъ званіемъ“. Въ этихъ двухъ томахъ,—замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ критикъ—„едва ли найдется неловкая риѳма, неровный стихъ, небрежный оборотъ рѣчи или торопливо набросанное заключеніе... Въ настоящемъ изданіи авторъ принялъ къ свѣдѣнію всѣ дѣльныя указанія критиковъ (иногда очень темныхъ), округлилъ и сгладилъ всѣ стороны, носившія въ себѣ отпечатокъ несовершенства, и, изгнавъ всѣ неточныя выраженія, замѣнилъ всѣ тирады, замѣченныя въ нѣкоторой сухости, новыми образами, отличающимися рельефностью исполненія или сжатой силою слога. Къ поэту, до такой степени строгому и чуткому на всякое полезное указаніе, только самая презрѣнная критика можетъ отнестись съ излишнею строгостью“. Въ изданіе стихотвореній Майкова гр. Кушелева-Безбородко вошла и написанная за годъ передъ выходомъ этого изданія поэма „Савонарола“. На нее критика обратила особенное вниманіе, какъ на глубоко-задушевное произведеніе, выразившее такъ ярко, такъ ясно весь микрокосмъ мыслей поэта, его убѣжденія. Здѣсь Майковъ является поборникомъ науки, приверженцемъ искусства; здѣсь обнаруживаетъ онъ свое восхищеніе античнымъ міромъ, цивилизацію котораго онъ такъ уважалъ, свою высокую человѣчность, истинно-христіанское отношеніе даже къ языческому міру, стремленіе примирить двѣ культуры—христіанскую и языческую; здѣсь онъ является поэтомъ съ философской подкладкой, поэтомъ-ученымъ. Надо сказать, что Майковъ во многихъ своихъ стихотвореніяхъ подчеркивалъ необходимость науки и для поэта, потому что, по его словамъ, поэтъ безъ науки, что человѣкъ безъ хлѣба. „Крѣпокъ мой даръ въ огнѣ науки“, говоритъ онъ въ посвященіи книги стихотвореній своихъ матери.

Бездну книгъ прочелъ Майковъ, цѣлые годы просиживалъ надъ изученіемъ эпохи, изъ которой у него взяты поэмы „Три смерти“ и „Два міра“, знакомился съ народнымъ эпосомъ и нашимъ, и сербскимъ, и новогреческимъ, и другими памятниками народнаго творчества; четыре года изучалъ „Слово о полку Игоревѣ“; много поглотилъ онъ матеріаловъ, чтобы написать свою поэму „Странникъ“ или стихотвореніе изъ славянской жизни „Любуша и Премыслъ“, долго корпѣлъ онъ надъ изученіемъ греческаго текста подлинника,

прежде чѣмъ сдѣлать переводъ нѣсколькихъ главъ Апокалипсиса. „Бальдуръ“, „Брингильда“, „Кассандра“—это не только плоды вдохновенія, это и результаты изученія скандинавской и греческой литературъ. Такъ и для поэмы „Савонарола“ Майковъ немало потрудился надъ изученіемъ эпохи и личности этого суроваго реформатора-аскета, крутого монаха, что̀ „въ столицѣ шумной и живой, какъ геній смерти воцарился“, сжигая все мірское — античныя статуи, картины, всякіе памятники дивнаго древняго искусства, столько говорящіе душѣ вдохновеннаго поэта. Майковъ глубоко понялъ психологію итальянскаго реформатора съ его обожаніемъ религіи, любовью къ сирымъ и убогимъ, но сердце поэта не лежало къ фанатизму, который, проносясь какъ вихрь степной, пытался разметать и науку, и литературу Возрожденія, истребить философію, творенія Аристотеля, Платона, Филона, всѣхъ древнихъ мудрецовъ, на томъ основаніи, что, по словамъ Савонаролы, „послѣдняя христіанка умнѣе Платона“, и что всякіе міровые мудрецы „идутъ въ царство дьявола“. Въ коротенькомъ стихотвореніи поэтъ ярко, красочно изобразилъ фигуру монаха-реформатора, желавшаго всѣхъ итальянскихъ женщинъ облечь въ монашескія одежды, требовавшаго пытокъ для игрока, сожженія развратника и т. п. Картинно представлена у Майкова сцена уничтоженія бѣсовскаго навожденія — карнавала. Чудно озаряло солнце фигуру Джироламо Савонаролы.

Онъ крестъ держалъ, главу склоняя
И указуя въ небеса...
Въ глубокихъ впадинахъ сверкая,
Его свѣтилися глаза:
Народъ внималъ ему угрюмо
И рвалъ бѣсовскіе костюмы,
И, маски сбросивши тайкомъ,
Рыдали женщины кругомъ...

Монахъ дерзко ссорился съ папой и въ концѣ концовъ очутился на кострѣ. И, задыхаясь въ пламени, произнесъ то имя, во славу котораго онъ умиралъ:

Христомъ былъ духъ его напитанъ,
И за Него на казнь онъ шелъ:
Христа же именемъ прочитанъ
Монаху смертный протоколъ...

Его сожгли именемъ Христа, Который проповѣдывалъ терпимость, всепрощеніе, высокую любовь ко всему живому. А у знаменитаго реформатора, тоже дѣйствовавшаго именемъ Христа, не было ни этой любви ни терпимости. Надо ли говорить, какая глубокая мысль озаряетъ это стихотвореніе, въ особенности его заключительныя строфы. Родственными этой мысли идеями проникнута и пьеса „Приговоръ“ (легенда о Констанцскомъ соборѣ). Религіозность не показная, а истинная, глубокая, сквозитъ въ этихъ и другихъ стихотвореніяхъ Майкова, вводившаго христіанское настроеніе въ большинство своихъ произведеній и

глубоко убѣжденнаго въ томъ, что религія является общечеловѣческимъ, общегосударственнымъ дѣятелемъ, основою нашей исторической жизни. Подобно неизсякаемому источнику живой воды, она всегда утоляла духовную жажду русскаго человѣка, и Майковъ неоднократно отмѣчалъ въ своей поэзіи всю благость, всю важность этого свѣтозарнаго источника. Христіанское настроеніе русской души часто воодушевляло поэта, давало пищу его вдохновенію. Онъ благоговѣйно относился къ набожности православнаго русскаго народа и съ любовью говорилъ о его храмахъ, обителяхъ, святителяхъ, благочестивыхъ князьяхъ и подвижникахъ земли русской. Въ стихотвореніи „Нива", созерцая будущую жатву, „Божью благодать", поэтъ съ одушевленіемъ восклицаетъ:

О, Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба,
Но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!..

Когда онъ входитъ въ храмъ и видитъ массы возженныхъ свѣчей передъ иконами, онъ умиляется духомъ. Свѣчи пылаютъ, гармонируя съ торжественнымъ пѣніемъ клироса, и поэту кажется, будто свѣтлый ангелъ упованья витаетъ надъ толпою молящихся. Знаменованье этихъ восковыхъ свѣчей—говоритъ поэтъ—

Чую трепетной душой:
Это—мѣдный грошъ вдовицы,
Это—лепта бѣдняка,
Это... можетъ-быть... убійцы
Покаянная тоска...
Это—свѣтлое мгновенье
Въ дикомъ мракѣ и глуши,
Память слезъ и умиленья
Въ вѣчность глянувшей души...

Глубоко-вѣрующій христіанинъ въ личной жизни и вполнѣ уяснившій себѣ значеніе христіанства, Майковъ такимъ христіаниномъ весь отразился и въ своихъ произведеніяхъ, воспѣвалъ ли онъ родную природу, вѣка и народы, историческія событія и вообще былое родины и чужбины. Сумѣвъ своей чуткой душой понять не только событія, но и уразумѣть вполнѣ ихъ истинный смыслъ, Майковъ, по выраженію Бестужева-Рюмина, старался „вознестись къ высшему религіозному началу и въ немъ слиться со своимъ народомъ". Подобно другу своему и до извѣстной степени единомышленнику Тютчеву, онъ „считалъ Россію по природѣ христіанскимъ царствомъ и хранительницей истиннаго христіанскаго духа". Характеризуя поэта, проникновеннаго религіознымъ духомъ, поэта, въ творчествѣ котораго ярко отразились христіанскіе взгляды и идеалы, проф. Е. В. Барсовъ говоритъ: „Небеса повѣдали славу Божію"—вотъ вѣра, изъ которой всегда исходила творческая мысль Аполлона Николаевича и которою прониклось его вдохновенное слово".

Къ пятидесятымъ годамъ относится и стихотвореніе Майкова „Дурочка Дуня“, „идиллія“, какъ назвалъ ее поэтъ, философская вещь, наводящая на цѣлый рядъ вопросовъ и считающаяся въ числѣ образцовыхъ произведеній его. Это — разсказъ бабушки о своей внучкѣ, которую она называетъ дурочкой. Дуня страстно любила природу, отъ общенія съ которой у нея сильно развилось чувство, воображеніе, фантазія. „Она не умѣла разсуждать, не умѣла задумываться, а быстро отзывалась только на то, что̀ непосредственно вліяло на ея чувство и воображеніе; всѣ порывы ея души тотчасъ переходили въ дѣйствіе. Кромѣ природы, любила она дѣтей, няньчилась съ ними, „все имъ сказки говорила про русалокъ да князей“. И откуда у ней брались слова при разсказахъ? Разговаривала она съ животными, съ птицами, точно знала ихъ языкъ, по крайней мѣрѣ, она воображала, что птицы понимаютъ ее. Свобода ей была всего дороже; „дурочка“ уходила изъ дому, а если ее удерживали и возвращали домой, пряталась куда-нибудь въ уголокъ и плакала... Ей —

Все бы въ лѣсъ! Весною хлѣба,
Крупъ съ собою наберетъ,
Станетъ въ полѣ, смотритъ въ небо,
Журавлей къ себѣ зоветъ...

Она была наивна до крайности, до самозабвенія, благодаря чему умственныхъ силъ ей недоставало. Страховъ она не вѣдала: не боялась спать въ одной комнатѣ съ мертвецами, не боялась отдаваться и стремительнымъ порывамъ души; находилъ на нее веселый стихъ, и она хохотала, плясала, рѣзвилась. Сливая съ природой свою жизнь, Дуня не могла сообразить, насколько ея слабыя силы несоразмѣрны съ громадными силами природы, и при первомъ столкновеніи съ ними погибла. Ее потянуло куда-то вдаль, къ иной жизни, какую рисовало ей пылкое воображеніе, въ какую-то волшебную страну. Дуня ушла отъ родныхъ, отправилась въ путь зимой и замерзла. Бабушка, отъ лица которой ведется разсказъ, утѣшала себя тѣмъ, что, видно, ея внучкѣ „не жилось на свѣтѣ“, потому что Богъ не долго даетъ жить юродивымъ. Они Божьи дѣти, „прямо въ рай Онъ ихъ беретъ“. Разсказчица-бабушка признаётся, что, хотя у ея внучки мало было соображенія и вся ея жизнь была бредомъ, а все-таки безъ Дуни пусто стало въ семьѣ: какъ будто не стало души въ домѣ. Прекрасно проведена въ этомъ стихотвореніи мысль о наивномъ отношеніи къ жизни. Наивна была Дуня въ своихъ порывахъ и дѣйствіяхъ, наивно разрѣшала всѣ вопросы, согласно съ религіозными чувствами своего сердца, и ея бабушка, представительница помѣщичьей семьи средняго достатка, идиллію которой такъ мастерски набросалъ поэтъ. Помимо характера „юродивой“ дѣвушки, обрисованнаго нѣсколькими штрихами, чрезвычайно выпукло, красиво поэтъ мимоходомъ отмѣтилъ и ничтожность человѣка передъ

силами природы—то, что другой поэтъ-философъ, Тютчевъ, высказалъ въ своей пьесѣ „Пожары“:

Предъ стихійной грозной силой
Молча руки опустя,
Человѣкъ стоитъ уныло —
Безпомощное дитя...

Большое вниманіе тогдашняя (конца пятидесятыхъ годовъ) критика обратила на знаменитую поэму Майкова „Три смерти“, въ которой съ такою красотой изображена картина языческаго Рима временъ упадка, съ величественными фигурами его представителей. Поэта давно занимало переходное время отъ античнаго римскаго міра къ міру христіанскому, самое интересное въ ряду историческихъ моментовъ человѣческаго бытія, являющееся событіемъ первой важности. Богатый матеріалъ для изслѣдованій и наблюденій этого событія, которое легло въ основу нашего нравственнаго и общественнаго строя, будучи тѣсно связано съ высшими интересами нашего существованія, не могло не занимать вдумчиваго поэта. Множество вопросовъ и соображеній, ставшихъ предметомъ научныхъ изысканій, волновали его. Онъ понялъ, что не сухія, хотя бы и всесторонніе изслѣдованія могутъ создать полную картину этой знаменательной эпохи, а искусство; только ему, исполненному творческаго смысла, дано приподымать завѣсу, за которой сокрыта отъ насъ даль минувшихъ вѣковъ, только художнику, съ помощью науки, доступно воспроизведеніе прошлой жизни, такъ сказать, воскрешеніе ея души. Поэтъ хорошо зналъ, что попытку изображенія выродившагося и умирающаго Рима и зарождающейся новой жизни на началахъ христіанства уже дѣлали многіе западно-европейскіе писатели, тѣмъ не менѣе, надѣясь на свой талантъ, онъ рѣшилъ наглядно изобразить эту эпоху распада, за которой уже свѣтлѣла эпоха возрожденія. Глубоко заинтересованный своей задачей, онъ поглотилъ немалое количество изслѣдованій, и все яснѣе вставала передъ нимъ задуманная имъ картина, которую онъ и осуществилъ въ своей поэмѣ „Два міра“. Но первоначальныя идеи поэмы, по собственному признанію поэта, зародившіяся въ немъ въ самомъ началѣ его поэтической дѣятельности, онъ долго не могъ выразить такъ, какъ хотѣлъ. Онъ только пытался, и этого рода попытки его мы видимъ сперва въ римскихъ сценахъ временъ пятаго вѣка христіанства подъ заглавіемъ: „Олинѳъ и Эсѳирь“, а затѣмъ въ поэмѣ „Три смерти“ и какъ бы ея окончаніи—„Смерть Люція“.

„Олинѳъ и Эсѳирь“ написана Майковымъ въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ и мало удовлетворила слишкомъ строгаго къ себѣ автора. Въ этой драматической поэмѣ, написанной прекрасными, звучными стихами, представленъ контрастъ и взаимныя отношенія гибнущаго міра языческаго и торжествующаго народившагося міра христіанскаго. Пер-

вый—это Римъ, „огромный бассейнъ, въ которомъ слилось и смѣшалось безчисленное множество ручьевъ. Вмѣсто разныхъ народовъ и государствъ, явилось одно человѣчество подъ названіемъ римскихъ гражданъ: престолъ римскаго императора былъ источникомъ законовъ вселенной, Пантеонъ — ея храмомъ“. Это была огромная сила. Второй міръ—это та немногочисленная семья, которая дерзнула, явившись нежданно среди него, начать великую борьбу на жизнь и смерть съ великаномъ, существовавшимъ цѣлые вѣка. На борьбу безъ крови и гнѣва, въ которой оружіемъ были слово и свѣтъ истины, шли христіане. „Два діаметрально-противоположныя начала не могли остаться въ мірѣ: чувственность и духовность, жизнь внѣшняя и внутренняя явились во враждѣ, въ противодѣйствіи“. Въ то время, какъ Римъ представлялъ собою олицетвореніе разложенія, малочисленное общество христіанъ явилось, въ противоположность ему, началомъ созидательнымъ, съ его созерцаніемъ Божества и духа, съ его добродѣтелями. Такова мысль поэта. Вопреки мнѣнію Бѣлинскаго, въ ней много трагическаго. Превосходны послѣднія сцены спасенія Олинѳомъ Эсѳири, которую, съ небеснымъ вѣнцомъ вокругъ чела, невредимо провелъ архангелъ брани сквозь волны дыма, осѣнивъ своимъ крыломъ. Очень оригиналенъ эпилогъ поэмы, блестящимъ поэтическимъ стихомъ написана пиршественная пѣсня римлянъ-язычниковъ. „Олинѳъ и Эсѳирь“—зародышъ „Двухъ міровъ“, и, если прочесть ее и поэму „Три смерти“, можно видѣть постепенный ростъ идеи поэта, приближеніе къ совершенству задуманнаго имъ плана.

Любопытно отмѣтить, что Бѣлинскій какъ бы внушилъ поэту мысль въ созданіи величаваго образа Децiя, героя поэмы „Два міра“. Разбирая поэму „Олинѳъ и Эсѳирь“, критикъ говоритъ въ заключеніе, что Майковъ долженъ былъ бы, въ противоположность христіанству, „избрать послѣдняго римлянина, который, независимо отъ всего окружающаго его, въ своемъ личномъ характерѣ выразилъ бы—сколько стоическою жизнію и трагическою смертію, столько же и тоскою по цвѣтущимъ временамъ своего отечества—все субстанціальное, все, чѣмъ великъ былъ республиканскій Римъ“. Эти слова были какъ бы пророческимъ желаніемъ критика, которое исполнилось, хотя и спустя много лѣтъ. И нужно ли говорить, какъ дивно создалъ поэтъ величавую, глубоко-трагическую фигуру „послѣдняго римлянина“, его образъ, цѣльный, живой, какъ будто возставшій изъ гроба и явившійся передъ нами изъ тьмы вѣковъ во всеоружіи своей античной своеобразной красоты. Но прежде, чѣмъ создать этотъ совершенный, удивительный образъ на фонѣ великолѣпной картины нероновскаго Рима, поэтъ пыталъ свои силы въ поэмѣ „Три смерти“. Она читалась въ литературныхъ кружкахъ, но по цензурнымъ условіямъ довольно долго не могла явиться въ печати. Это видно, между прочимъ, изъ переписки Плетнева съ Я. К. Гротомъ. 31 октября 1851 года Плетневъ писалъ своему другу: „Оба новыя стихотворенія

свои Майковъ читалъ у меня самъ: одно—„Выборъ смерти“, а другое—„Савонарола“. Они историческія, и это придаетъ имъ особенное достоинство, не говоря уже о томъ, что написаны они энергическими стихами. Только теперь и думать нельзя о напечатаніи: цензура покамѣстъ похожа на удава, который инстинктивно бросается душить все, что дышитъ!“. Лирическая поэма „Три смерти“ явилась, спустя шесть лѣтъ, въ „Библіотекѣ для чтенія“ (1857 г., октябрь), а „Савонарола“—за нѣсколько мѣсяцевъ раньше въ томъ же журналѣ.

По возвращеніи изъ-за границы, изъ путешествія по Италіи, Майковъ, интересовавшійся отечественной исторіей, познакомился и скоро сблизился съ Николаемъ Ивановичемъ Костомаровымъ, Константиномъ Николаевичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ, Павломъ Ивановичемъ Мельниковымъ и Евгеніемъ Александровичемъ Бѣловымъ. Это знакомство много способствовало занятіямъ поэта исторіей, уясняло ему историческія событія въ родной странѣ. При содѣйствіи Мельникова-Печерскаго, онъ свелъ знакомство кое-съ-кѣмъ изъ старовѣровъ и другихъ раскольничьихъ сектъ, съ извѣстнымъ отцомъ Парѳеніемъ. Въ преданіяхъ „людей древляго благочестія“ Аполлонъ Николаевичъ увидѣлъ новый источникъ для своихъ поэтическихъ вдохновеній и задумалъ большую поэму „Жаждущій“. Но, долго работая надъ нею, онъ успѣлъ написать лишь первую часть, которую посвятилъ Тютчеву и напечаталъ въ исходѣ шестидесятыхъ годовъ. Здѣсь выразились его воззрѣнія на своеобразный міръ сектантства, на исканіе Бога представителями этого міра, упорными въ своемъ исканіи и фанатизмѣ, его отношенія къ старинѣ русской, которою поэтъ заинтересовывался все больше и больше и все чаще выбиралъ изъ нея сюжеты для своихъ произведеній. И надо удивляться здѣсь его работѣ, его генію. Часто воображеніе помогало ему восполнять скудный матеріалъ, добытый имъ изъ разнообразныхъ источниковъ, создавать цѣльные живые образы. По его собственному признанію, тутъ онъ доходилъ до того, что мнилось ему, будто онъ видитъ воочію эти образы, эти фигуры князей русскихъ разныхъ періодовъ, ихъ физіономіи даже, и настолько ясно, что, кажется, могъ бы ихъ нарисовать. Для дѣтей и для народа написалъ онъ свои „Разсказы изъ русской исторіи“: о Петрѣ и Алексѣѣ, митрополитахъ московскихъ, о славномъ Мамаевомъ побоищѣ, о взятіи Константинополя турками, объ Іоаннѣ Грозномъ, о покореніи Казани и Астрахани и завоеваніи Сибири. Майковъ не придавалъ особеннаго значенія своимъ произведеніямъ въ прозѣ, тѣмъ не менѣе и въ „Разсказахъ изъ русской исторіи“ чувствуется подъемъ духа поэта, его стильность, его прекрасный языкъ.

Занятія Майкова отечественной стариной, русскимъ эпосомъ привели его къ огромному труду—къ переводу „Слова о полку Игоревѣ“. Какимъ образомъ Майковъ пришелъ къ мысли перевести этотъ замѣчательный образчикъ нашей древней поэзіи, объ этомъ есть любопытный разсказъ у одного изъ біографовъ поэта. По увѣренію г. Златковскаго,

это вышло совершенно случайно. Старшему сыну поэта пришла въ гимназіи пора проходить это произведеніе. „Аполлону Николаевичу вздумалось прочесть этотъ интересный памятникъ вмѣстѣ съ сыномъ. Началъ онъ разбирать его по екатерининскому списку, изданному Пекарскимъ, сталъ дѣлить на части, руководясь единственно ходомъ творчества самого пѣвца. Построеніе „Слова“ привело его въ восхищеніе, но для справки въ темныхъ мѣстахъ пришлось взять русскіе переводы. Оказалось, что всѣ иначе дѣлятъ и понимаютъ „Слово“, чѣмъ нашъ поэтъ; всѣ дробятъ памятникъ, и онъ является чѣмъ-то безсвязнымъ, отрывочнымъ. Аполлонъ Николаевичъ наскоро набросалъ свой переводъ и пошелъ къ И. И. Срезневскому показать его и попросить объясненія темныхъ мѣстъ. „Сами добивайтесь!“—отвѣчалъ строгій и осторожный ученый“. Этого было достаточно, чтобы Майковъ сразу загорѣлся и началъ изучать подлинникъ и сидѣть надъ литературой, помогающей этому изученію, дѣлая сравненія съ поэтическими памятниками подобнаго характера у другихъ народовъ. Онъ перечиталъ и „Шахъ-Намэ“, и „Рамайяну“, и „Эдду“ и проч. Четыре года работалъ надъ этимъ переводомъ нашъ поэтъ и сдѣлалъ его блестяще, снабдивъ свой трудъ цѣннымъ введеніемъ, изъ котораго видно, какъ прекрасно понялъ поэтъ свою задачу, насколько уяснилъ себѣ духъ этого перла отечественной древней поэзіи. Будучи истиннымъ знатокомъ изящнаго, поэтъ какъ нельзя лучше проникся поэтической стороной „Слова о полку Игоревѣ“, въ которой видитъ и реальность красокъ и ихъ вѣрность, жизненность. Вотъ почему переводъ Майкова сдѣланъ такъ близко къ подлиннику, такъ удивительно тонко передана его поэзія, его настроеніе.

Здѣсь кстати сказать, что занятія Майкова исторіей имѣли большое значеніе въ его поэтической дѣятельности и въ ходѣ развитія его внутренней жизни занимали видное мѣсто. Поэтъ показалъ себя историкомъ, стоящимъ на высотѣ науки, которому доступно было пониманіе философскаго смысла исторіи. По свидѣтельству проф. Овсянникова, во взглядѣ Майкова на происхожденіе „Слова о полку Игоревѣ“ выразилось вполнѣ современное положеніе науки исторіи русской литературы семидесятыхъ годовъ. То же самое говорили по этому поводу ранѣе Буслаевъ, Аѳанасьевъ и другіе ученые: „миѳически-восточное происхожденіе многихъ нашихъ былинъ тогда всѣми признавалось“. Былины, какъ замѣчаетъ Майковъ въ своемъ введеніи къ переводу, сперва были пѣснями о богахъ и сложены въ ту отдаленную эпоху, когда аріи находились на Иранской возвышенности, такъ какъ въ былинахъ говорится о божествѣ солнца и великой матери-земли, то-есть о божествахъ, признаваемыхъ и чтимыхъ каждымъ изъ народовъ европейскаго семейства. Съ какой стати,—замѣчаетъ поэтъ,—на полѣ, засѣянномъ пшеницей, выросъ пышный розанъ, то-есть какъ могло появиться „Слово“ среди памятниковъ письменности XII вѣка, рядомъ съ поученіями и житіями святыхъ, рядомъ съ лѣтописью, въ той средѣ, въ которой мы не находимъ

ничего другого похожаго, и не служитъ ли это доказательствомъ его поддѣлки? Нѣтъ, Майковъ не видитъ въ немъ поддѣлки и относитъ „Слово“ къ устнымъ памятникамъ творчества нашей старины, къ тѣмъ народнымъ былинамъ, съ которыми „Слово“ наиболѣе въ гармоніи. Переводъ Майкова признанъ образцовымъ многими знатоками древней нашей литературы. Поэтъ старался сохранить слова и выраженія подлинника. Иногда встрѣчаются у него прибавки лишнихъ словъ. Это онъ дѣлалъ въ виду одного: вызвать въ умѣ нынѣшняго читателя тотъ образъ, который былъ задуманъ древнимъ пѣвцомъ и который возбуждался въ воображеніи его слушателей XII вѣка. Прибавки эти, впрочемъ, относятся лишь къ тѣмъ темнымъ мѣстамъ „Слова“, которымъ каждый изслѣдователь и переводчикъ даетъ свое толкованіе.

Майковъ называлъ „вторымъ университетомъ“ по филологическому факультету свою четырехлѣтнюю работу надъ приготовленіями къ переводу „Слова“ и надъ самымъ переводомъ. Въ это время онъ особенно дружилъ съ молодымъ писателемъ-филологомъ и поэтомъ Мстиславомъ Викторовичемъ Праховымъ. Этотъ чрезвычайно даровитый, чуткій, съ богатыми знаніями литераторъ, безвременно сошедшій въ могилу, въ раннемъ возрастѣ, былъ и совѣтчикомъ поэта, и его поклонникомъ, и „нянькою всѣхъ его тогдашнихъ произведеній“ и нѣкоторыхъ поэмъ, и части стихотвореній, вошедшихъ въ отдѣлъ „Отзывы исторіи“, и переводовъ сербскихъ пѣсенъ, былинъ и преданій, въ которыхъ поэтъ фактически доказалъ свою любовь къ изученію славянскаго міра, свои симпатіи къ славянству. Вспоминая о Праховѣ, столь глубоко понимавшемъ изучаемыхъ имъ поэтовъ, Майковъ въ одномъ изъ писемъ говоритъ: „Такого пониманія я ни до, ни послѣ него не встрѣчалъ!.. Увы! не надолго сводитъ судьба насъ съ людьми, которыхъ внутренняя жизнь вызываетъ и въ насъ подъемъ духа и изъ которыхъ этотъ духъ жадно впитываетъ въ себя то чужое, что имъ далось, и претворяетъ потомъ въ свое! Тютчевъ умеръ, Праховъ умеръ... Пошли новыя связи, — тѣхъ уже не замѣнили: пошли люди, уже болѣе молодые, которые, можетъ-быть, въ свою очередь отъ насъ, стариковъ, взяли что-нибудь для своего развитія, какъ мы усваивали когда-то отъ другихъ ушедшихъ!.. Счастливъ, кому выпало на долю быть хоть звеномъ, соединяющимъ „Славы обоеполы“ своего времени!..“

Чтеніе памятниковъ народнаго эпоса скандинавовъ, встрѣча со шведами и норвежцами въ городкѣ Арендалѣ, большею частью населенномъ моряками, „морскими волками“, куда заходилъ корветъ „Баянъ“, на которомъ плавалъ Аполлонъ Николаевичъ, внушили ему поэму „Бальдуръ“ — пѣснь о солнцѣ по сказаніямъ скандинавской Эдды. Это также одно изъ видныхъ произведеній Майкова, гдѣ такъ мастерски переданы красоты западно-европейскаго эпоса, гдѣ столько силы и энергіи—этихъ качествъ, свойственныхъ таланту его. „Бальдуръ“ написанъ въ 1870 году. Около того времени появились „Двѣ

бѣлорусскія пѣсни", „Любуша и Премыслъ", чешское преданіе, „Сабля царя Вукашина", „Сербская церковь", „Стрѣлецкое сказаніе о царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ", „Какъ отдарилъ турецкій султанъ московскаго царя", „Пульчинель", „Кассандра", „Емшанъ", „Кто онъ?", „Сказаніе о Петрѣ Великомъ", „Изъ Апокалипсиса", „Странникъ" и др. Этими стихотвореніями начинается послѣдній періодъ поэтическаго творчества поэта, когда идейный элементъ является въ немъ преобладающимъ, когда пластика мало-по-малу исчезаетъ, „міръ его поэзіи становится все болѣе и болѣе безтѣлеснымъ". На смѣну беззаботности, артистическаго эпикуреизма, стремленія къ наслажденію жизнью выступаютъ думы о подвигахъ духа, размышленія о высшихъ вопросахъ человѣческаго бытія. Совершается превращеніе: Майковъ все сильнѣе проникается религіознымъ духомъ, все ярче отражаетъ христіанскія воззрѣнія и идеалы; поэтъ образовъ уступаетъ мѣсто поэту-мыслителю. Поэтъ возрожденный, обращаясь къ своему собрату по лирѣ, проситъ у него „нетлѣнныхъ образовъ и вѣчныхъ"; онъ въ другомъ стихотвореніи восклицаетъ, что слова: „не отставай отъ вѣка"— лживый лозунгъ,

Коранъ толпы. Нѣтъ,—выше вѣка будь!
Зигзагами онъ свой свершаетъ путь,
И вкривь и вкось стремя свои разливы,
Нѣтъ! мысль твоя пусть зрѣетъ и растетъ,
Лишь въ вѣчное корнями углубляясь,
И горизонтъ свой ширитъ, возвышаясь
Надъ уровнемъ мимобѣгущихъ водъ!..

Самосозерцаніе, вдумчивость, размышленіе надъ сущностью жизни, надъ ея задачами, высшее пареніе духа, скорбныя думы о многихъ явленіяхъ современности,—вотъ содержаніе большинства произведеній Майкова этого періода, каковы, напримѣръ, „Вопросъ", „Для нихъ свобода — что видѣнье", „Мани-факелъ-фаресъ", „Ex tenebris lux", „Разсказъ духа", „Изъ письма", „О, море!", рядъ стихотвореній „Изъ Аполлодора Гностика" и пр. Между произведеніями этого періода перлами брызжутъ поэмы „Брингильда" и „Кассандра", и надо всѣмъ возвышается, какъ пышный расцвѣтъ могучаго таланта, лирическая трагедія „Два міра", начатая въ 1872 году и оконченная въ 1881-мъ, наслѣдница „Олинѳа и Эсѳири" и „Трехъ смертей", гордость всякой литературы, всякаго народа, на языкѣ котораго она была бы написана, вещь, возбудившая много толковъ въ печати и обществѣ, вызвавшая цѣлую литературу о ней и все-таки не въ такой степени оцѣненная, какъ оцѣнено было бы подобное произведеніе въ западно-европейской литературѣ.

И „Три смерти" и „Два міра" взяты изъ одной и той же эпохи, эпохи Нерона, но замѣтно разнятся по характеру содержанія. Создавая первую поэму, Майковъ еще не могъ отрѣшиться отъ восхищенія античнымъ

міромъ, внѣшнюю красоту котораго онъ и отразилъ въ „Трехъ смертяхъ“ вмѣстѣ съ представителями его, тогда какъ внутреннее содержаніе, сущность этого міра какъ будто отошли на второй планъ. Нравственное паденіе Рима читатель видитъ лишь изъ рѣчей юноши-поэта Лукана, извѣстнаго философа Сенеки и эпикурейца Люція, возмущенныхъ разложеніемъ общества римскаго, растлѣніемъ нравовъ. Всѣ трое дѣйствуютъ въ драматическій моментъ: въ тотъ, когда они готовятся покинуть этотъ суетный міръ, стоя у края могилы. Въ такую важную минуту въ ихъ жизни черты характера каждаго изъ этихъ типичныхъ сыновъ своего вѣка являются особенно рельефными. Такъ, Луканъ, беззавѣтно преданный культу красоты, ея жизнерадостный пѣвецъ, которому такъ хочется жить и любить, страшится близости смерти и, возмущенный, рѣшается бѣжать отъ нея. Его удерживаетъ только извѣстіе о самоубійствѣ Эпихариды, „души безумныхъ сатурналій“, которая, какъ ни пытали ее открыть сообщниковъ заговора противъ Нерона, „подъ колесомъ“,

Въ жестокихъ мукахъ не винилась
И никого не предала...

Въ противоположность Лукану, привязанному къ жизни, богатый патрицій Люцій настолько пресытился ею, земными наслажденіями, что не страшится перехода въ иной міръ и заботится лишь о томъ, чтобы усладить послѣднія минуты, задаетъ роскошный пиръ, во время котораго онъ долженъ принять ядъ. Наконецъ Сенека, какъ подобаетъ философу, равнодушенъ къ небытію, потому что смерть не считаетъ небытіемъ. Останавливая спорящихъ Люція и Лукана, онъ наставительно говоритъ имъ, что неприлично „свои послѣднія мгновенья“ посвящать безумнымъ рѣчамъ, что смерть—великій шагъ, и проситъ вѣрить, что

Есть смыслъ въ Платоновомъ ученьи,
Что это—мигъ перерожденья.
Пусть здѣсь убьетъ меня недугъ,
Но, какъ мерцаніе Авроры,
Какъ милый чистый ѳиміамъ,
Какъ лиръ торжественные хоры,
Иная жизнь насъ встрѣтитъ тамъ!
Въ душѣ за симъ земнымъ предѣломъ
Проснутся, выглянутъ на свѣтъ
Иныя чувства, роемъ цѣлымъ,
Которымъ органа здѣсь нѣтъ...

Какъ ни различны характерныя черты всѣхъ троихъ: жизнелюбца, эпикурейца и философа, вѣрящаго въ загробную жизнь,—но они сходны однимъ: культомъ своей личности, своего я, какъ яркимъ выразителемъ крайняго индивидуализма, къ которому привело античный міръ его разложеніе въ то время, когда все то, что нѣкогда нравственно связывало людей, объединяло ихъ, распалось. И въ то время, какъ

погибалъ отжившій міръ, возникшій новый проявлялъ силу и мощь, именно благодаря нравственному сплоченію людей, одушевленныхъ и обновленныхъ христіанствомъ. Столкновенію этихъ діаметрально противоположныхъ другъ другу міровъ и посвящена трагедія „Два міра“.

Новое высокое настроеніе поэта, глубоко-духовное, сказалось въ этой великолѣпной трагедіи съ особенной силой. Въ ней сосредоточились всѣ лучи майковской поэзіи. Мѣсто дѣйствія—тотъ „вѣчный городъ“, которому поклонялся весь классическій міръ, какъ яркому отраженію высшей цивилизаціи, представителю высокаго разума, не подозрѣвая, что рухнетъ это отживающее начало. Время—конецъ шестидесятыхъ годовъ I-го столѣтія, когда царила тиранія въ лицѣ одного изъ бичей человѣчества—Нерона, утонченнаго развратника, кровожаднаго властолюбца. Главное дѣйствующее лицо—Децій—язычникъ-мудрецъ, философъ-эстетикъ, молодой богатый патрицій, „сохранившій“ въ себѣ доблестный духъ классическаго гражданина, пламенѣющій любовью къ Риму, человѣкъ обаятельный, въ которомъ отразилось все изящество греческой образованности, ея неотъемлемая прелесть. Онъ истинный патріотъ—и потому „полонъ скорби безутѣшной“ о томъ ужасномъ растлѣніи, до котораго дошелъ Римъ—„Римъ гетеръ, шута и мима“. Колоссомъ кажется Децій въ сравненіи съ окружающей его толпой, разнузданной, безнравственной до ужаса, подлой, алчной и льстивой, съ толпой пигмеевъ, къ которымъ онъ относится съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Все Децій совмѣщаетъ въ себѣ. И тѣмъ не менѣе эта богато одаренная натура носитъ на себѣ печать своего вѣка. Гордыни и самообожанія исполнена душа Деція. Въ ней не живетъ высокая любовь, облагораживающая человѣка, всепрощающая, внушающая ему сознаніе долга по отношенію къ ближнимъ. Когда христіанинъ Марцеллъ напоминаетъ ему о нихъ и говоритъ, что „милліоны ближнихъ надо было“ ему себѣ взять въ подножье, чтобъ стоять въ высотѣ, Децій надменно отвѣчаетъ ему:

Мильоны ближнихъ!.. Что̀ такое
Мнѣ эти ближніе... Рабовъ
Ты разумѣешь!.. О, пустое
Мечтанье этихъ мудрецовъ!
Рабы и въ пурпурѣ мнѣ гадки!

— Во мнѣ есть божество, и если для его полнаго раскрытія необходимо, чтобъ гибли тысячи тупыхъ, несмыслящихъ слѣпыхъ существъ,—пусть гибнутъ!—восклицаетъ Децій.

Его эгоизмъ ясенъ и неприкрашенъ, и христіанка Лида, любящая его и смотрящая въ то же время на него съ ужасомъ, говоритъ:

Какъ ночь душа его мрачна!
Онъ—Боже!—никого не любитъ!..

Этимъ однимъ восклицаніемъ Лида показываетъ, кто она, какую противоположность Децію представляетъ эта раскаявшаяся „прелестница“, исполненная высокой нравственной красоты. Она воплотила въ себѣ тотъ новый міръ, который повелъ человѣчество къ свѣту, освободилъ его отъ мрака и тлѣнія, отъ языческаго эгоизма. Кромѣ Лиды и Марцелла представителями христіанства въ „Двухъ мірахъ“ являются обитатели разныхъ странъ, люди всевозможныхъ общественныхъ положеній: тутъ и варвары—Дакъ и Готъ, сиріецъ—Іовъ, греки—Дидима, Главкъ, Мениппа и друг. Свѣточемъ своей поэзіи Майковъ озаряетъ передъ читателями встрѣчу двухъ міровъ, одного, уже выполнившаго свое назначеніе и приближающагося къ небытію, и другого, готовящагося расцвѣсти пышнымъ, дивнымъ цвѣтомъ, стать, такъ сказать, высшей небесной точкой въ судьбахъ человѣчества. Изъ этого видно, какая глубокая мысль положена поэтомъ въ основу его замѣчательнаго произведенія, оцѣненнаго выдающимися критиками русскими и иностранными. Объявляя въ публичномъ засѣданіи второго отдѣленія Академіи Наукъ, 19 октября 1882 года, о присужденіи творцу „Двухъ міровъ“ полной Пушкинской преміи, академикъ Яковъ Карловичъ Гротъ сказалъ въ заключеніе: „Поэма г. Майкова въ цѣломъ составѣ своемъ, и съ внутренней и съ внѣшней стороны, представляетъ столь крупное и замѣчательное явленіе, столь зрѣло обдуманное и тщательно обработанное художественное созданіе, что его нельзя не причислить къ тѣмъ пріобрѣтеніямъ нашей литературы, которыми она въ правѣ гордиться“.

Разборъ этой поэмы Академія поручила Николаю Николаевичу Страхову, извѣстному философу, истинному цѣнителю всего изящнаго, глубокому знатоку литературы, который въ отзывѣ своемъ говоритъ о поэмѣ слѣдующее: „Въ выпуклыхъ образахъ, въ яркихъ краскахъ и живыхъ движеніяхъ выступаютъ передъ нами всякаго рода характерныя черты двухъ міровъ: изображеніе такъ многостороннее, что, если бы мы задумали дѣлать смѣту этимъ чертамъ, намъ слѣдовало бы задаваться не вопросомъ, что̀ тутъ изображено, а, наоборотъ, вопросомъ, чего тутъ не изображено. Съ одной стороны, сенаторы, временщики, философы, гетеры, развратъ, рабство, эгоизмъ, жестокость и ненависть, — съ другой стороны — рабы, дѣти, матери, раскаявшіеся грѣшники и грѣшницы, любовь, смиреніе, прощеніе и самоотверженіе... Лица и сцены не нанизаны на нить одной какой-нибудь идеи, одного настроенія, а живьемъ выхвачены изъ дѣйствительности во всей ея пестротѣ и рѣзкомъ разнообразіи... Всѣ разговоры не только представляютъ необыкновенную живость и естественность, но каждый говорящій выдерживаетъ свой тонъ и свой слогъ. Старики Фабій, Публій, Энній говорятъ коротко, просто, съ нѣкоторымъ старческимъ пренебреженіемъ къ красотѣ рѣчи; но и тутъ есть оттѣнки. Энній торжественнѣе, Фабій ворчливѣе, Мартиллъ и Харидемъ говорятъ плавно, съ пошлой изысканностью, обна-

руживающей ихъ лицемѣріе. Лида и Децій говорятъ съ безукоризненнымъ изяществомъ и полной гибкостью выраженій. Галлусъ и Гиппарисъ краснорѣчивы; Циникъ—вульгаренъ; Дакъ и Гетъ—просты; Дидима—поетъ... Достоинства „Двухъ міровъ“ слишкомъ велики и очевидны; это — самое крупное произведеніе нашего поэта. Оно до такой степени крупно, что обыкновенныя сравненія и измѣренія для него даже излишни и неумѣстны“.

Профессоръ Никитенко, ветеранъ нашей словесности, тонко понимавшій художественныя произведенія, посвятилъ „Двумъ мірамъ“ обстоятельную статью и въ ней подробно разсматриваетъ основное содержаніе поэмы — встрѣчу двухъ началъ, изъ которыхъ христіанское побѣдило своего врага проповѣдью добродѣтели, чистой, какъ кристаллъ, вѣрой въ вѣчную истину, въ благое Провидѣніе съ братской ко всѣмъ любовью. Онъ даетъ оцѣнку характерамъ и типамъ, выведеннымъ въ поэмѣ, и, такъ сказать, даетъ руководящую нить читателю. По его замѣчанію, „у творца поэмы во всемъ видна его волшебная кисть, и гдѣ только коснулся онъ хоть кончикомъ этой кисти, тамъ рождается какая-нибудь живая характеристическая черта или часть образа, которая тотчасъ, при другомъ прикосновеніи кисти, превращается въ цѣлый, стройный гармоническій образъ“. По мнѣнію критика, цѣлью поэта, написавшаго „Два міра“, было поставить насъ лицомъ къ лицу съ однимъ изъ величайшихъ событій въ исторіи человѣчества и возбудить въ насъ сочувствіе къ тѣмъ нравственно-духовнымъ силамъ, которыя являлись главными его двигателями. Поэтъ этого достигъ. А задаваться такими цѣлями и достигать ихъ свойственно только таланту, глубоко одушевленному важностью предмета и обладающему значительными средствами художественнаго творчества. Глубоко-жизненная идея „Двухъ міровъ“ является главенствующей въ поэтической дѣятельности Майкова за ея послѣдній періодъ. Это новое настроеніе убѣдило его въ справедливости мысли, что Божество олицетворяется и въ поэзіи, что она—„вѣнецъ познанья, надъ зломъ и смертью торжество“, въ ней полнѣйшее, всесовершенное воплощеніе красоты, переносящей насъ въ царство вѣчнаго духа. Его знаменательный подъемъ виденъ сталъ во всѣхъ произведеніяхъ творца „Двухъ міровъ“, и историческихъ и посвященныхъ природѣ, которую онъ созерцалъ просвѣтленнымъ взоромъ. Она навѣвала ему „въ полночный тихій часъ“ столько отрадныхъ воспоминаній, проливающихъ цѣлебный бальзамъ въ усталую душу, въ часъ кроткаго сіянья заката внушала высокія думы объ „иной ступени бытія“ въ надзвѣздномъ мірѣ, гдѣ духъ, снявъ свои временныя тѣлесныя оковы,

Первоначальный образъ приметъ,
И съ вѣчныхъ тайнъ предъ нимъ подыметъ
Завѣсу Смерть — какъ старый другъ—
И возвратитъ ему прозрѣнье

Сквозь всѣ преграды вещества
Во все духовное въ твореньѣ...

Впрочемъ, Майковъ и прежде былъ полонъ тихаго созерцанія природы, спокойно отдавая себя во власть окружающаго, когда онъ вдохновлялся или природой, или памятниками древности, или воспоминаніями о быломъ. Къ природѣ онъ не рвался, не бѣжалъ „дикій и суровый, и звуковъ и смятенья полнъ". Звуки онъ носилъ въ себѣ, но смятенья у него не было, и когда его охватывало волненье, онъ оставался въ границахъ; въ свои спутницы бралъ онъ тихую грусть, и если отдавался радости, то также тихой, спокойной. И всегда, когда поэтъ платилъ дань особенностямъ своего уравновѣшеннаго, гибкаго и многосторонняго дарованія, онъ не насиловалъ своего чувства, и въ звукахъ его красивой лиры часто слышались

Послѣднія слезы
О горѣ быломъ
И первыя грезы
О счастьѣ иномъ.

Такимъ же подъемомъ духа, какой ощущается въ „Двухъ мірахъ", проникнута и самая послѣдняя по времени поэма Майкова „Брингильда"— „дитя снѣговъ и сѣверныхъ сіяній", какъ опредѣлилъ ее самъ поэтъ, дѣйствительно отразившій въ ней суровую природу сѣвера, съ ея жестокими зимами, длительными ночами и еще болѣе длительными блѣдными днями лѣта, когда мимо воли чувствуется, что тамъ, за горизонтомъ непривѣтнаго холоднаго неба есть міръ новый, иной. Въ этой поэмѣ представленъ величавый образъ валкиріи съ ея могучими страстями, которыхъ она является покорною рабой, съ ея дикимъ мщеніемъ за отвергнутую любовь. Это Сигурдъ отвергъ ея любовь и тѣмъ страшно оскорбилъ ее. Брингильда отомстила за это оскорбленіе: руками наущенныхъ ею родственниковъ убила оскорбителя, но не умертвила въ себѣ оставшагося къ нему чувства и надъ тѣломъ Сигурда сама закололась. Поэта давно плѣняли дочери скандинавскаго сѣвера, прекрасныя валкиріи, которыми полны преданія скандинавовъ, и онъ съ особенной любовью остановился на Брингильдѣ. Въ этой поэмѣ, помимо ея красоты, поэтъ едва ли не впервые проявилъ не встрѣчавшійся у него прежде женственный элементъ. Онъ создалъ два глубоко поэтическихъ женскихъ образа — самой валкиріи и Гудруны, супруги Сигурда, два разныхъ характера, въ которыхъ поэтъ показалъ истинное, тонкое пониманіе чертъ капризной женской природы. Майковъ, по опредѣленію одного изъ критиковъ, „слишкомъ мужественный поэтъ", и потому въ прежнихъ, въ особенности раннихъ его произведеніяхъ — лирическихъ пьесахъ и поэмахъ—женщины играли незначительную роль. Онѣ были прекрасны по-своему, но въ нихъ чувствовалось что-то не родное поэту, чисто-внѣшнее, словно поэту онѣ нужны были единственно какъ объектъ. Въ „Брингильдѣ" женщина уже дѣйствуетъ самостоятельно, одна во

всей ея прелести, и это придаетъ созданію поэта еще болѣе смысла, еще болѣе очарованія.

Въ одинъ годъ съ появленіемъ въ печати этой поэмы праздновался юбилей полувѣковой поэтической дѣятельности Аполлона Николаевича. Праздникъ родного слова былъ устроенъ по почину тогдашняго Литературно-Драматическаго Общества, 30-го апрѣля, и на немъ присутствовало много народу и едва ли не всѣ представители изящной словесности русской. Юбиляру объявлена была Монаршая милость — производство въ тайные совѣтники и увеличеніе ежегодной пенсіи до 3.500 рублей. Кромѣ привѣтствій отъ всевозможныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, было прочитано стихотвореніе великаго князя Константина Константиновича и лично присутствовавшими поэтами Я. П. Полонскимъ, К. К. Случевскимъ, гр. А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ стихотворныя привѣтствія. Профессоръ А. И. Незеленовъ прочелъ стихотворенія, присланныя А. А. Фетомъ-Шеншинымъ, кн. Д. Н. Цертелевымъ и кн. Э. Э. Ухтомскимъ, а также письмо И. А. Гончарова, стараго друга семьи Майковыхъ, гдѣ престарѣлый писатель, выражая поэту свои чувства неизмѣнной пріязни, пожелалъ ему достичь, по примѣру отца и дѣда, „глубокихъ предѣловъ жизни, оставаясь вѣчно юнымъ и славнымъ пѣвцомъ, яркимъ свѣтильникомъ нашей поэзіи“. Знаменитый историкъ, другъ молодежи К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, съ глубокой теплотой и душевнымъ пониманіемъ отмѣтилъ характерныя особенности поэтическаго дарованія Майкова и, указавъ на поэму „Два міра“, какъ на самое выдающееся произведеніе поэта, прибавилъ: „Предъ нами въ яркихъ образахъ предстало два міра, и ясно стало для умственнаго взора каждаго, почему палъ одинъ и восторжествовалъ другой. Въ упорномъ преслѣдованіи этой цѣли сказалось руководящее начало вашего духа, которое выразили вы такъ полно и сжато, какъ умѣютъ выражать только истинные поэты, въ вашемъ стихотвореніи „Изъ темныхъ доловъ...“ Кто живетъ мыслію, тотъ можетъ часто повторять это стихотвореніе, а особенно его заключительныя слова:

„Туманомъ міръ внизу объятъ,
Но надо мною все гудитъ.
Во весь широкій небосклонъ,
Сюда, сюда!—все тотъ же звонъ...“

Хотя и послѣ своего пышнаго праздника поэтъ написалъ немало стихотвореній, но съ этимъ праздникомъ уже подводился итогъ его служенія музамъ, давшій такіе блестящіе результаты, какихъ достигаютъ рѣдкіе изъ нашихъ поэтовъ съ Пушкинымъ во главѣ, завѣты котораго такъ свято блюлъ Майковъ, удивительно строго относившійся къ своему призванію, вѣчно недовольный собою и заботившійся о самоусовершенствованіи. Въ этомъ итогѣ оказалось, что Майковъ оставилъ богатое наслѣдіе. Видное мѣсто занимаютъ въ немъ антологическія стихотво-

ренія, ранѣе всего оцѣненныя Бѣлинскимъ, немного позднѣе Дружининымъ и наконецъ новѣйшей критикой. Дружининъ отмѣтилъ, какъ лучшіе изъ первыхъ опытовъ поэта, пьесы: „Раздумье“, „Сонъ“, „Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты“, „Картина вечера“, „Вакханка“, „Зимнее утро“, „Доридѣ“, „Эхо и молчаніе“ и друг. Во многихъ изъ нихъ онъ находилъ высокія мысли, выраженныя высоко-поэтическими словами („Раздумье“), художественное изображеніе сельской природы, мастерскіе пейзажи („Картина вечера“, „Зимнее утро“), картинность изложенія, доходящую до изумительной степени („Вакханка“); пьеса „Дорида“, по его мнѣнію, наводитъ на мысль самыя горячія изъ антологическихъ пьесъ Шенье, причемъ она ничуть не вдается въ чувственность, характеризующую собой лучшія произведенія французскаго поэта. „Книжка первыхъ стихотвореній Майкова, —говоритъ критикъ,—изданная еще въ то время, когда лучшіе изъ современныхъ намъ русскихъ поэтовъ едва закладывали основаніе своей извѣстности, была встрѣчена громкими похвалами критики и восторгомъ читателей. Самымъ взыскательнымъ дилетантамъ какъ будто снова послышался голосъ навсегда замолкнувшей музы Пушкина. Въ этомъ картинномъ стихѣ, въ этомъ художественномъ спокойствіи поэта, въ его неизысканномъ обращеніи со своими темами,—всякому смыслящему дѣло критику сказалось нѣчто могучее, яркое, самостоятельное. Майкова даже нельзя было, по обычаю стараго времени, произвести въ поэты, подающіе великія надежды, — онъ сразу сталъ выше всего круга лицъ, занимающихся подаваніемъ надеждъ по разнымъ отраслямъ словесности... Въ книжкѣ Майкова не встрѣчалось невѣрнаго лепета голоса музы, колеблющейся или неувѣренной въ своемъ призваніи“.

Затѣмъ Дружининъ разсматриваетъ дальнѣйшія стихотворенія Майкова, видитъ въ нихъ, какъ много боролся съ собою поэтъ, сознавая отвѣтственность, налагаемую на него дарованіемъ, и не задремалъ на лаврахъ своей молодости; какъ испытывалъ себя на всѣхъ поприщахъ, отыскивая вдохновеніе въ мірѣ исторіи, увлекаясь временными и насущными требованіями общества, передавая на русскій языкъ мысль и духъ знаменитѣйшихъ чужеземныхъ поэтовъ, зорко слѣдя за всѣми моментами нашей вседневной жизни, обращаясь къ разительнѣйшимъ явленіямъ древняго міра. Майковъ все болѣе и болѣе расширялъ кругъ своего міросозерцанія и полнѣе понималъ самую сущность того, что на языкѣ нашемъ зовется поэтическимъ призваніемъ — и наконецъ сталъ виднымъ поэтомъ мысли. Огромной заслугой Майкова Дружининъ считаетъ поэму „Три смерти“, поразительную по замыслу, блестящую по формѣ и лиризму. Поэма эта напоминаетъ собою мастерски отдѣланный барельефъ, въ которомъ, можетъ-быть, и встрѣчаются два-три украшенія не совсѣмъ классическаго стиля, но который истинно поразителенъ по правильности каждой фигуры, по строгости и грандіозности постановки. Въ послѣднемъ монологѣ философа Сенеки, по заключенію кри-

тика, „божественнымъ огнемъ вспыхиваетъ и горитъ возвышеннѣйшій лиризмъ, какого невозможно было даже предвидѣть въ дарованіи Майкова за первую пору дѣятельности“. Отзывъ Дружинина о дѣятельности поэта, о характерѣ его таланта представляетъ большую цѣну. И не даромъ его мнѣніе о Майковѣ повторяли чуть не слово въ слово многіе позднѣйшіе обозрѣватели дѣятельности поэта, „историки литературы, некрологисты“.

О стихотвореніяхъ Майкова въ антологическомъ родѣ и вообще о произведеніяхъ его той же эпохи сочувственно отозвалась и критика новѣйшаго времени, находя въ нихъ прекрасную форму, пластичность, объективно-зрительный характеръ, любованіе красотою жизни въ художественномъ преображеніи послѣдней: въ этихъ произведеніяхъ онъ—настоящій лирико-живописецъ, могущій служить образцомъ для поэтовъ. И такимъ живописцемъ въ лирикѣ онъ остался навсегда. „Любованіе красотою жизни“ наиболѣе отразилось въ эпикурейскихъ пѣсняхъ поэта: „Мирта Киприды мнѣ дай“, „Блеститъ чертогъ, горитъ елей“ и „Остроумица, плясунья“. Однако и тутъ невольно бросается въ глаза болѣе глубокая подкладка, ужасъ поэта предъ неизбѣжными роковыми силами дѣйствительности и восторгъ передъ тайной, вольной красотой внутренняго міра человѣка. Поэтъ отворачивался отъ всего, что лишено истинной красоты, отъ унылой и пошлой прозы, гдѣ „одна случайность роковая являлась въ ней и намъ самимъ“.

Рѣдко выступающій въ критикѣ представитель яркаго прогрессивнаго направленія въ литературѣ К. К. Арсеньевъ лестно отзывается объ антологическихъ пьесахъ Майкова и находитъ, что въ нихъ полная гармонія между содержаніемъ и формой встрѣчается на каждомъ шагу. „Въ миніатюрномъ рисункѣ,—говоритъ маститый критикъ,—нѣтъ ни одного лишняго штриха, краски блестятъ ровнымъ, спокойнымъ блескомъ; все просто, знакомо, и вмѣстѣ съ тѣмъ все ново и чудно въ своемъ поэтическомъ колоритѣ. Здѣсь точно разстилается лѣсъ или садъ, освѣщенный вечернимъ солнцемъ; тамъ точно слышится музыкальный аккордъ, прилетѣвшій издалека. Въ этомъ чудесномъ мірѣ не составляетъ диссонанса даже ветхій миѳологическій аппаратъ, не рѣжутъ уха давно наскучившія имена Вакха, Пана, Авроры; дѣйствительность и фантазія сливаются въ одно стройное цѣлое. Изрѣдка сквозь изящную оболочку сквозитъ глубокая мысль, но это вовсе не необходимо для эффекта картины: вѣдь никому же не приходитъ въ голову требовать мысли отъ пейзажа“. И, сравнивая пьесы „Октава“ и „Искусство“ съ пьесой „Пріапу“, критикъ затрудняется, которой изъ нихъ отдать преимущество. По замѣчанію критика, „лучшія антологическія стихотворенія Майкова ничего не теряютъ даже при сопоставленіи съ Андре Шенье, изъ всѣхъ европейскихъ поэтовъ наиболѣе, быть-можетъ, близкимъ къ античному духу; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть помѣщенный рядомъ съ ними превосходный переводъ превосходной пьесы

„J'étais un faible enfant qu'elle était grande et belle“ („Я былъ еще дитя: она уже прекрасна“)“.

На ряду съ стихотвореніями Майкова въ антологическомъ родѣ критикъ ставитъ его поэму „Три смерти“, гдѣ поэтъ проявляетъ свои эстетическіе инстинкты во всей силѣ и гдѣ древній міръ рисуется передъ нимъ во всей своей величественной цѣлости, не затемняемый никакой предвзятой мыслью. „Отсюда необыкновенная объективность, составляющая главную прелесть „Трехъ смертей“. Сенека, Луканъ, Люцій являются здѣсь такими, какими они могли быть на самомъ дѣлѣ, авторъ не возвышаетъ одного на счетъ другихъ, не морализируетъ, не критикуетъ ни стоицизма ни эпикуреизма, оттѣняя ихъ только путемъ естественнаго внутренняго ихъ контраста. Люцій такъ же симпатиченъ, какъ и Сенека; если въ любви поэта созданіямъ его фантазіи и можно уловить степени, оттѣнки, то развѣ въ смыслѣ невольнаго влеченія къ веселому, спокойному, безстрашному эпикурейцу“. Не лишено интереса добавленіе г. Арсеньева къ этой оцѣнкѣ „Трехъ смертей“, написаныхъ звучнымъ, сильнымъ стихомъ, обличающимъ настоящаго художника. „Пишущій эти строки,—говоритъ онъ въ примѣчаніи,—принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые выучили „Три смерти“ наизусть еще въ то время, когда поэма, по цензурнымъ причинамъ, не появлялась въ печати, и не забылъ ея до сихъ поръ. Первоначальнаго ея печатнаго текста у насъ нѣтъ подъ руками, но въ рукописи, обращавшейся въ публикѣ, послѣдняя часть предсмертнаго монолога Сенеки была изложена не такъ, какъ въ настоящемъ изданіи. Теперь Сенека прямо указываетъ на христіанъ и допускаетъ возможность вредной ошибки въ собственномъ своемъ ученіи:

Быть-можетъ, вѣруя упорно
Въ преданья юности своей,
Мы ледянимъ, какъ вихрь тлетворный,
Жизнь обновленную людей,—

тогда онъ ограничивался слѣдующимъ восклицаніемъ:

Міръ палъ и нашихъ жертвъ не приметъ,
И только Богъ своей рукой
Изъ мрака падшаго подниметъ
И обновитъ въ немъ образъ Свой...

Когда Майковъ былъ ближе къ исторической и поэтической правдѣ,—это не требуетъ поясненія“. По поводу двухъ редакцій монолога Сенеки, которая изъ нихъ ближе къ истинѣ,—мы не будемъ вдаваться въ разсужденія. Но изъ этихъ передѣлокъ Майкова можно только заключить, какъ усиленно работалъ онъ надъ своей поэмой, какъ обдумывалъ въ ней чуть не каждую строку. Есть свидѣтельства этой напряженной работы поэта надъ своими произведеніями въ большей части рукописей поэта, въ корректурахъ его. Автору этихъ строкъ удалось видѣть нѣ-

сколько корректуръ Майкова, въ которыхъ имъ сдѣланы безчисленныя поправки первоначальнаго текста и, что̀ называется, „не оставлено камня на камнѣ“. Невольно вспоминается другъ Майкова Гончаровъ, который съ нимъ былъ „одного поля ягода“: безпощадно уничтожалъ цѣлыя страницы въ своихъ произведеніяхъ и замѣнялъ ихъ новыми, передѣланными до неузнаваемости.

Въ наслѣдіи Майкова играетъ видную роль поэма „Брингильда“. Въ новѣйшей критикѣ она также оцѣнена по достоинству. Самый сюжетъ ея признанъ въ высокой степени интереснымъ, располагающимъ къ себѣ богатствомъ своего содержанія, тѣмъ богатствомъ, которое намъ раскрылъ еще незабвенный историкъ Грановскій, освѣтивъ со всѣхъ сторонъ этотъ мрачный скандинавскій эпосъ. Братъ Всеволода Гаршина, Евгеній Михайловичъ, извѣстный своими историко-литературными работами и критическими этюдами, подробно разобралъ эту чудесную поэму, гдѣ Майковъ ярко выразилъ свое тонкое и глубокое проникновеніе міросозерцаніемъ старой сѣверной миѳологіи. Критикъ видитъ заслугу Майкова, какъ творца этой грандіозной картины скандинавскаго міра сѣдой старины, въ томъ, что поэтъ сумѣлъ со всей силой поэтической живописности воспроизвести ту „трагическую красоту страданія“, на которую указывалъ въ своей великолѣпной характеристикѣ древнѣйшаго скандинавскаго эпоса еще Грановскій, и вмѣстѣ съ тѣмъ освободилъ читателя отъ трудностей, съ какими, по словамъ того же восторженнаго истолкователя этихъ перловъ истиннаго романтизма, сопряжено воспріятіе образовъ древней скандинавской поэзіи. „Въ обработкѣ Майкова,—по замѣчанію Гаршина,—дивный старо-сѣверный сюжетъ производитъ впечатлѣніе геніальной реставраціи, подобно той, которая поражаетъ васъ, когда вы остановитесь въ сосредоточенномъ вниманіи передъ какой-нибудь античной статуей: все въ ней цѣльно, изящно, закончено, и, только взглянувъ въ каталогъ съ подробнымъ описаніемъ статуи и присмотрѣвшись, вы видите, что она найдена въ кускахъ. Проанатомировать майковскую поэму, показать каждое звено этой чудной поэтической цѣпи—дѣло, возможное для всякаго критика, сколько-нибудь вооруженнаго соотвѣтствующей литературой предмета: но это то же, что̀ начинать изученіе антиковъ не съ непосредственнаго своего впечатлѣнія, а съ исчисленія реставрированныхъ частей по подробному каталогу. Насколько же требованія исторической критики могутъ быть предъявлены къ художественной работѣ нашего поэта въ томъ отношеніи, остался ли онъ вѣренъ духу воспроизводимой имъ эпохи,—Майковъ здѣсь безупреченъ: въ немъ сказался ревнивый знатокъ старо-сѣверной миѳологіи и вылившагося въ ней міросозерцанія, тѣсно связаннаго съ обрядовой стороной жизни древняго германца“.

И эстетическая критика, подобно исторической, должна быть вполнѣ удовлетворена этой поэмой. Гаршинъ отличаетъ безукоризненность, чистоту и точность языка Майкова. Его искусное перо сочетало въ

„Брингильдѣ“ реченія родного языка „въ свободно льющіяся синтаксическія цѣлыя“. Здѣсь языкъ поэта пріятно поражаетъ своей простотой, живостью и характерностью; въ немъ отчеканены индивидуальныя черты каждаго дѣйствующаго лица и отрадно нѣжатъ слухъ всѣми переливами различныхъ тоновъ рѣчи, отъ непосредственнаго лиризма до возвышенно-царственнаго паѳоса. Истинныя лирическія красоты, словно извлеченныя изъ богатѣйшей сокровищницы поэтическихъ представленій народа, критикъ находитъ въ словахъ королевы Медди, которыми она пытается утѣшить Гудруну, супругу Сигурда. „Самый словарь этого чудеснаго монолога,—восхищенно говоритъ Гаршинъ,—блещетъ живописью выраженій, взятыхъ непосредственно изъ нѣдръ народной рѣчи, но дивно пріуроченныхъ къ цѣлямъ изящнаго творчества; изъ того же источника—всѣ поэтическіе обороты этого отрывка“. Такой же красотой блещетъ и страстная рѣчь Брингильды, восхваляющей Сигурда, впервые представшаго передъ очарованной валкиріей. Вообще, разныя мѣста поэмы представляютъ поразительное завоеваніе творчества. „Ни одинъ штрихъ,—говоритъ далѣе Гаршинъ,—не пропадаетъ у нашего поэта даромъ, и разборъ внѣшней формы его произведенія обнаружилъ уже передъ нами и всю глубину его психологическаго анализа. Съ поразительной правдой рисуется душевный міръ Брингильды и Гудруны въ ихъ отношеніяхъ къ Сигурду, какъ живая, выступаетъ королева Герварда, когда она разсказываетъ о времени своего плѣна у Алана и о невольномъ замужествѣ“.

Новѣйшая критика еще не сказала своего послѣдняго слова о Майковѣ, но она подробно коснулась исторіи міросозерцанія поэта, религіознаго начала въ его творчествѣ, особенностей его таланта, литературнаго направленія и художественнаго настроенія въ зависимости отъ занятій поэта исторіей вообще и русской въ частности. Намѣтила она, въ какой мѣрѣ отразились важнѣйшія событія русской жизни и современности въ поэзіи Майкова, его близость къ природѣ, подчеркнула педагогическое значеніе его произведеній и отвела ему въ исторіи литературы самыя видныя страницы, признавъ, что творецъ „Двухъ міровъ“ оставилъ намъ замѣчательное литературное наслѣдіе, которое всегда будетъ жить въ народной памяти. Но Майковъ такъ всеобъемлющъ, его творчество—такой неисчерпаемый кладезь красоты и мудрости, дающій обильную пищу для ума, матеріалъ для познанія его творчества, что о достойномъ преемникѣ Пушкина можно писать долго, не исчерпывая этой увлекательной, интересной темы. И, безъ сомнѣнія, критика еще не разъ вернется къ славному имени поэта, къ тайнамъ его творчества.

Здѣсь уже было упомянуто о замѣчательной, богато одаренной натурѣ Майкова, о томъ, что онъ проявилъ способности, какъ живописецъ. Но, вѣроятно, не многимъ извѣстно, что Аполлонъ Николаевичъ не былъ чуждъ и музыкальной дѣятельности. Тонкимъ пониманіемъ и большимъ эстетическимъ чутьемъ обладалъ онъ въ этой области и самъ хорошо

игралъ на скрипкѣ. И музыка занимала вообще въ семействѣ Майковыхъ далеко не послѣднее мѣсто, являясь однимъ изъ насущныхъ элементовъ ихъ жизни. Музыкальность Майкова несомнѣнно много способствовала поэту, когда онъ чуть не отрокомъ познавалъ „мелодіи стиха божественныя тайны“, а позднѣе довелъ до такого совершенства свой поэтическій языкъ. Слухъ у него былъ превосходный, и, когда композиторъ Александръ Николаевичъ Сѣровъ приходилъ къ Майкову съ партитурой своей оперы „Юдиѳь“, поэтъ сдѣлалъ композитору цѣнныя замѣчанія, указалъ въ его твореніи на отсутствіе мелодіи и въ концѣ концовъ много способствовалъ его оживленію. „Необходимо замѣтить,—разсказываетъ біографъ Майкова,—что, пока Сѣровъ исполнялъ (въ домѣ Майковыхъ) свою оперу, Аполлонъ Николаевичъ замѣчалъ про себя: „вотъ тутъ бы хорошо дать Юдиѳи арію; здѣсь бы дуэтъ: Олоферн только кричитъ, надо бы ему спѣть“ и т. д. И въ ту же ночь Аполлонъ Николаевичъ принялся сочинять слова для этихъ арій, дуэтовъ и пр. Здѣсь онъ написалъ: „Я одѣнусь въ виссонъ“, потомъ „Горы наши бѣдны“—для Юдиѳи; „Знойной мы степью идемъ“ — для Олоферна и проч., всего номеровъ семь или восемь. Утромъ приходитъ Сѣровъ за либретто (оставленнымъ имъ у Майкова). — „А что, Александръ Николаевичъ, если бы тутъ Юдиѳи спѣть вотъ это?.. а тутъ — вотъ это, а Олоферну, который вѣдь все только рычитъ, спѣть бы вотъ это: „Знойной мы степью идемъ“... Какъ вы думаете? Было бы это хорошо?“ Сѣровъ былъ совсѣмъ озадаченъ. Онъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло, чего недоставало его произведенію“. И опера была имъ передѣлана, получила иной, болѣе живой и рельефный характеръ, благодаря словамъ поэта, введеннымъ въ „Юдиѳь“. Таковъ былъ чуткій поэтъ, жизнерадостный, цвѣтущій, рѣдко жаловавшійся на недостатокъ здоровья. Онъ работалъ и почти не чувствовалъ усталости, несмотря на свой достаточно преклонный возрастъ. Еще 26 февраля 1897 года, когда поэту было болѣе семидесяти пяти лѣтъ, на торжественномъ собраніи Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III Майковъ прочелъ свое извѣстное стихотвореніе: „20 октября 1894 года“, и присутствующіе были поражены той бодрой силой, тѣмъ горячимъ увлеченіемъ, съ какимъ убѣленный сѣдинами старецъ-поэтъ произнесъ свое вѣщее слово, и никто не могъ предположить, что это было послѣднее публичное выступленіе поэта, и что, спустя нѣсколько дней, онъ уйдетъ изъ „міра печали и слезъ“. Аполлонъ Николаевичъ неожиданно простудился, заболѣлъ крупознымъ воспаленіемъ легкихъ и такъ же неожиданно скончался 8 марта, въ 7 часовъ утра. Прахъ поэта былъ преданъ землѣ 11 марта 1897 года на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря при огромномъ стеченіи народа. Много рѣчей было произнесено надъ его свѣжей могилой; нѣсколько молодыхъ поэтовъ проводили стараго пѣвца въ вѣчное успокоеніе стихами, въ которыхъ охарактеризовали его музу. Но самъ усопшій поэтъ

ровно за четыре года до своей кончины приготовилъ себѣ надгробное слово, въ которомъ такъ задушевно сказалъ:

...Говоритъ мнѣ тайный голосъ,
Что не вотще душа моя
Здѣсь и любила и боролась:
Въ ней есть свое живое „я“...
И жизнь—не сонъ, не сновидѣнье,
Нѣтъ! Это—пламенникъ святой,
Мнѣ озарившій на мгновенье
Міръ и небесный и земной.
И смерть—не мигъ уничтоженья
Во мнѣ того живого „я“,
А новый шагъ и восхожденье
Все къ высшимъ сферамъ бытія...

Петръ Быковъ.

Царское Село.
Декабрь 1913 г.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

(Е. П. Майковой).

Тебѣ, которой были милы
Мой первый лепетъ, первый стихъ,
Кто въ звукахъ слабыхъ и простыхъ
Провидѣлъ дремлющія силы,
Кто сердца трепетомъ слѣдилъ,
Какъ крѣпъ мой даръ въ огнѣ науки, —
Я вдохновеній вольныхъ звуки
Тебѣ смиренно посвятилъ.
Привѣтствуй ихъ своей улыбкой
И словомъ мира и любви
Ихъ въ новый путь благослови.
Дорогой скользкою и зыбкой!
  Такъ скромные дары боговъ,
Кошницы собранныхъ плодовъ,
Богамъ же чтитель ихъ приноситъ;
Ихъ оросивъ виномъ златымъ,
Глядитъ, какъ съ камня вьется дымъ,
И даръ пріять въ молитвѣ проситъ.

1842.

I.

ВЪ АНТОЛОГИЧЕСКОМЪ РОДѢ.

ОКТАВА.

Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У брега сонныхъ водъ, одинъ бродя, случайно,
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
Дубравы говору; ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
Польются, звучныя, какъ музыка дубравы.

1841.

РАЗДУМЬЕ.

Блаженъ, кто подъ крыломъ своихъ домашнихъ ларъ
Ведетъ спокойно вѣкъ! Ему обильный даръ
Пролютъ всѣ боги: лугъ его заблещетъ; нивы
Церера озлатитъ; акаціи, оливы
Вѣтвями домъ его обнимутъ; надъ прудомъ
Пирамидальные, стоящіе вѣнцомъ,
Густые тополи взойдутъ и засребрятся,
И лозы каждый годъ подъ осень отягчатся
Кистями сочными: ихъ Вакхъ благословитъ...
Не грозенъ для него свѣтильникъ Эвменидъ:
Безъ страха будетъ ждать онъ ужасовъ Эреба:
А здѣсь рука его на жертвенники неба
Повергнетъ, не дрожа, плоды, янтарный медъ,
Ихъ розъ гирляндами и миртомъ обовьетъ...
Но я бы не желалъ сей жизни безъ волненья:
Мнѣ тягостно ея размѣрное теченье.
Я втайнѣ бы страдалъ и жаждалъ бы порой
И бури, и тревогъ, и воли дорогой,
Чтобъ духъ мой крѣпнуть могъ въ бореніи мятежномъ
И, крылья распустивъ, орломъ широкобѣжнымъ,
При общемъ ужасѣ, надъ льдами горъ витать,
На бездну упадать и въ небѣ утопать.

1841.

СОНЪ.

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы желтыя, покрытыя скирдами,
На синіе лѣса, на влажный злакъ луговъ;
Когда надъ озеромъ бѣлѣетъ столпъ паровъ,
И въ рѣдкомъ тростникѣ, медлительно качаясь,
Сномъ чуткимъ лебедь спитъ, на влагѣ отражаясь, —
Иду я подъ родной соломенный свой кровъ,
Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ:
И тамъ, въ урочный часъ, съ улыбкой устъ привѣтныхъ,
Въ вѣнцѣ дрожащихъ звѣздъ и маковъ темноцвѣтныхъ,
Съ таинственныхъ высотъ, воздушною стезей,
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сіяньемъ палевымъ главу мнѣ обливаетъ
И очи тихою рукою закрываетъ,
И, кудри подобравъ, главой склонясь ко мнѣ,
Лобзаетъ мнѣ уста и очи въ тишинѣ.

1839.

Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты,
Блестящій нѣкогда, но нынѣ сномъ объятый
Пріютъ державныхъ думъ и царственныхъ забавъ.
Все пусто. Времени губительный уставъ
Во всемъ величіи здѣсь блещетъ: все мертвѣетъ!
Въ аркадахъ мраморныхъ молчанье цѣпенѣетъ;
Вкругъ гордыхъ колоннадъ съ старинною рѣзьбой
Ель пышно разрослась, и въ зелени густой,
Подъ сѣнью древнихъ липъ и золотыхъ акацій,
Бѣлѣютъ кое-гдѣ статуи нимфъ и грацій.
Гремѣвшій водометъ изъ пасти мѣдныхъ львовъ
Замолкъ; широкій листъ виситъ съ нагихъ столбовъ,
Качаясь по вѣтру... О, гдѣ въ аллеяхъ спящихъ
Красавицъ легкій рой, звонъ колесницъ блестящихъ?
Не слышно ужъ литавръ бряцанья; пирный звукъ
Умолкъ, и стихъ давно оружья бранный стукъ;
Но миръ, волшебный сонъ — въ забытые чертоги
Вселились, — новые, невѣдомые боги!

Ораніенбаумъ.
1839.

КАРТИНА ВЕЧЕРА.

Люблю я берегъ сей пустынной
Когда съ зарею лоно водъ
Его, ласкаясь, обойметъ
Дугой излучистой и длинной.
Тамъ въ мелководье, по песку,
Стада спустилися лѣниво;
Тамъ темные сады въ рѣку
Глядятся зеленью стыдливой;
Тамъ ива на воды легла,
На вервяхъ мачта тамъ уснула,
И въ глади воднаго стекла
Ихъ отраженье потонуло.

1838.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Въ забытой тетради забытое слово!
Я все прожитое въ немъ вижу опять;
Но странно, неловко и мило мнѣ снова
Во образѣ прежнемъ себя узнавать...
Такъ путникъ приходитъ чрезъ многіе годы
Подъ кровли отеческой мирные своды.
Заборъ его дома травою обросъ,
И привязи псовъ у крыльца позабыты;
Крапива въ саду прорастаетъ межъ розъ,
И ласточекъ гнѣзда надъ окнами свиты;
Но все въ тишинѣ ему кажется вкругъ —
Что живъ еще встарь обитавшій здѣсь духъ.

1838.

ГЕЗІОДЪ.

Во дни минувшіе, дни радости блаженной,
Лились млеко и медъ съ божественныхъ холмовъ
Къ долинамъ бархатнымъ Аоніи священной
И силой дивною, какъ нектаромъ боговъ,
Питали генія младенческія силы;
И нимфы юныя, толпою легкокрылой,
Покинувъ Геликонъ, при блескѣ звѣздъ златыхъ,
Руками сплетясь у мирной колыбели,
Вѣнчанной розами, плясали вкругъ и пѣли,

Амброзіей дитя поили и въ густыхъ
Дубравахъ, гдѣ шумятъ изъ урнъ каскада воды,
Лелѣяли его младенческіе годы...
И рано лирою пѣвецъ овладѣвалъ:
И лѣсъ и водопадъ предъ нею умолкалъ,
Наяды, всплывъ изъ волнъ, внимали ей стыдливо,
И львы къ стопамъ пѣвца златой склонялись гривой.

1839.

ЭХО И МОЛЧАНІЕ.

Осень срывала поблекшіе листья
Съ блѣдныхъ деревьевъ, ручей покрывала
Тонкою слюдой блестящаго льда...
Грустный, блуждая въ лѣсу обнаженномъ,
Въ чащѣ глубокой подъ дубомъ и елью
Мирно уснувшихъ двухъ нимфъ я увидѣлъ.
Вѣтеръ игралъ ихъ густыми власами,
Вѣялъ, клубилъ ихъ зеленыя ризы,
Нѣжно ихъ жаркія лица лобзая.
Вдругъ за горами послышался топотъ,
Лаянье псовъ и охотничьи роги.
Нимфы проснулись: одна за кустами,
Шумомъ испугана, въ чащу сокрылась,
Робко дыханье тая; а другая,
Съ хохотомъ рѣзкимъ, съ пригорка къ пригорку,
Съ холма на холмъ, изъ лощины въ лощину,
Быстро кидалась, и вотъ, за горами,
Тише и тише... исчезла... Но долго
По лѣсу голосъ ея повторялся.

1840.

Я въ гротѣ ждалъ тебя въ урочный часъ.
Но день померкъ; главой качаясь сонной,
Заснули тополи, умолкли гальціоны:
Напрасно!.. Мѣсяцъ всталъ, сребрился и угасъ;
Рѣдѣла ночь: любовница Кефала,
Облокотясь на рдяныя врата
Младого дня, изъ косъ своихъ роняла
Златыя зерна перловъ и опала
На синія долины и лѣса:
Ты не являлась...

1841.

ПУСТЫННИКУ.

Дай намъ, пустынникъ, дубовыя чаши и кружки,
Утварь, которую рѣжешь ты самъ на досугѣ;
Ставь передъ нами изъ глины кувшины простые
Съ влагой студеной, почерпнутой въ полдень палящій
Въ этомъ ручьѣ, что̀ такъ звонко межъ камнями льется,
Въ мракѣ прохладномъ, подъ сѣнью дуплистыя липы!
Вкусимъ, усталые, сочныхъ плодовъ и кореньевъ;
Вспомнимъ, какъ въ первые вѣки отшельники жили,
Тѣло свое изнуряя постомъ и молитвой;
И, въ размышленіяхъ строгихъ и важныхъ,
Шутку порой перекинемъ мірскую.

1841.

ПРИЗЫВЪ.

Ужъ утра свѣжее дыханье
Въ окно прохладой вѣетъ мнѣ.
На озаренное созданье
Смотрю въ волшебной тишинѣ;
На главахъ смоляного бора,
Вдали лежащаго вѣнцомъ,
Востокъ пурпуровымъ ковромъ
Зажгла стыдливая Аврора;
И, съ блескомъ алымъ на водахъ,
Между рядами черныхъ елей,
Заливъ почіетъ въ берегахъ,
Какъ спитъ младенецъ въ колыбели.
А тамъ, вкругъ хо̀лма, гдѣ шумитъ
По вѣтру мельница крылами,
Ручей алмазными водами
Вкругъ яркой озими бѣжитъ...
Какъ теменъ сводъ деревъ вѣтвистыхъ!
Какъ зеленъ бархатъ луговой!
Какъ сладокъ духъ отъ соснъ смолистыхъ
И отъ черемухи младой!
О, други! Въ поле! Силой дивной
Мнѣ утро грудь животворитъ...
Чу! Въ рощѣ голосъ заунывной
Весенней иволги гремитъ!

1838.

ПРІАПУ.

Садъ я разбилъ; тамъ подъ сѣнью развѣсистыхъ буковъ,
Въ мракѣ прохладномъ, статую воздвигъ я Пріапу.
Онъ, воздѣлатель мирный садовъ, охранитель
Гротовъ и рощъ, и цвѣтовъ, и орудій садовыхъ,
Юнымъ деревьямъ дастъ силу расти, увѣнчаетъ
Листьемъ душистымъ, плодомъ сладкосочнымъ обвѣситъ.
Подлѣ статуи, изъ грота шумя, упадаетъ
Ключъ свѣтловодный; его осѣняютъ вѣтвями
Дубы; на нихъ свои гнѣзда дрозды укрѣпляютъ...
Будь благосклоненъ, хранитель пустыннаго сада!
Ты, увѣнчанный вѣнкомъ изъ лозы виноградной,
Плюща и желтыхъ колосьевъ! Пролей свою благость
Щедрой рукою на эти орудья простыя,
Заступъ садовый и серпъ полукруглый, и соху,
И нагруженныя туго плодами корзины.

1840.

На мысѣ семъ дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой,
Покрытомъ кустарникомъ ветхимъ и зеленью сосенъ,
Печальный Менискъ, престарѣлый рыбакъ, схоронилъ
Погибшаго сына. Его возлелѣяло море,
Оно же его и пріяло въ широкое лоно,
И на берегъ бережно вынесло мертвое тѣло.
Оплакавши сына, отецъ подъ развѣсистой ивой
Могилу ему ископалъ и, накрывъ ее камнемъ,
Плетеную вершу изъ ивы надъ нею повѣсилъ —
Угрюмой ихъ бѣдности памятникъ скудный!

1840.

Все думу тайную въ душѣ моей питаетъ:
Лѣса пустынные, гдѣ сумракъ обитаетъ,
И гротъ таинственный, откуда струйка водъ
Межъ камней падаетъ, звенитъ и брызги бьетъ,
То прыгаетъ змѣей, то нитью изъ алмаза
Журчитъ между корней раскидистаго вяза,
Потомъ, преграду пней и камней раздробивъ,
Бѣжитъ средь длинныхъ травъ, подъ сѣнью темныхъ ивъ,
Разрозненныхъ въ корняхъ, но сплетшихся вѣтвями...

Я вижу, кажется, въ чащѣ, поросшей мхомъ,
Дріадъ, увѣнчанныхъ дубовыми листами,
Надъ урной старика съ осоковымъ вѣнкомъ,
Сильвана съ фавнами, плетущаго корзины,
И Пана кроткаго, который у ключа
Гирлянды вѣшаетъ изъ розъ и изъ плюща
У входа тайнаго въ свой гротъ темнопустынный.

1840.

ОВИДІЙ.

Одинъ, я погребенъ пустыней снѣговою.
Здѣсь всѣмъ моихъ стиховъ гармонія чужда,
И некому надъ ней задуматься порою,
Ей нѣтъ ни въ чьей душѣ отзыва и слѣда.
Зачѣмъ же я пою? Зачѣмъ же я слагаю
Слова въ размѣрный стихъ на языкѣ родномъ?
Кто будетъ ихъ читать и чувствовать?.. О, знаю,
Ихъ вѣтеръ разнесетъ на берегѣ пустомъ!
Лишь эхо повторитъ мои мечты и муки!..
Но все мнѣ сладостно обманывать себя:
Я жажду услыхать страны родимой звуки,
Свои элегіи читаю громко я.
И думаю—дитя!—что это голосъ друга,
Что я въ кругу друзей... зову ихъ имена, —
И вотъ—мнѣ кажется, что дымная лачуга
Присутствіемъ гостей невидимыхъ полна.

1841.

ИСКУССТВО.

Срѣзалъ себѣ я тростникъ у прибережья шумнаго моря.
Нѣмъ, онъ забытый лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной.
Разъ увидалъ его старецъ прохожій, къ ночлегу
Въ хижину къ намъ завернувшій. (Онъ былъ непонятенъ,
Чуденъ на нашей глухой сторонѣ). Онъ обрѣзалъ
Стволъ и отверстій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ,
И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря,
Если внезапно зефиръ, зарябивъ его воды,
Трости коснется и звукомъ наполнитъ поморье.

1841.

Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты
Рощъ покровителю Пану и свѣтлому Фебу.
Фебъ прикоснулся къ божественной флейтѣ, и чудный
Звукъ полился изъ безжизненной трости. Внимали
Вкругъ присмирѣвшія воды, не смѣя журчаньемъ
Пѣсни тревожить, и вѣтеръ заснулъ между листьевъ
Древнихъ дубовъ, и заплакали, тронуты звукомъ,
Травы, цвѣты и деревья; стыдливыя нимфы
Слушали, робко толпясь межъ сильвановъ и фавновъ.
Кончилъ пѣвецъ и помчался на огненныхъ коняхъ,
Въ пурпурѣ алой зари, на златой колесницѣ.
Бѣдный лѣсовъ покровитель напрасно старался припомнить
Чудные звуки и ихъ воскресить своей флейтой:
Грустный, онъ трели выводитъ, но трели земныя!..
Горькій безумецъ! Ты думаешь, небо не трудно
Здѣсь воскресить на землѣ? Посмотри: улыбаясь,
Съ взглядомъ насмѣшливымъ слушаютъ нимфы и фавны.

1841.

ВАКХАНКА.

Тимпанъ и звуки флейтъ и плески вакханалій
Молчанье дальнихъ горъ и рощей потрясали.
Движеньемъ утомленъ, я скрылся въ мракъ деревъ;
А тамъ, раскинувшись на мягкій бархатъ мховъ,
У грота темнаго, вакханка молодая
Покоилась, къ рукѣ склонясь, полунагая.
По жаркому лицу, по мраморной груди
Лучъ солнца, тѣнь листовъ скользили, трепетали:
Съ аканѳомъ и плющомъ власы ея спадали
На кожу тигрову, какъ рѣзвыя струи:
Тамъ тирсъ изломанный, тамъ чаша золотая...
Какъ дышитъ виноградъ на персяхъ у нея,
Какъ алыя уста, улыбкою играя,
Лепечутъ, полныя томленья и огня!
Какъ тихо все вокругъ! Лишь слышны изъ-за дали
Тимпанъ и звуки флейтъ и плески вакханалій...

1841.

ГОРНЫЙ КЛЮЧЪ.

Откуда ты, о, ключъ подгорный,
Катишь звенящія струи?
Кто вызвалъ васъ изъ бездны черной,
Вы, слезы чистыя земли?
На горныхъ главахъ лучъ палящій
Кору ль льдяную растопилъ?
Земли ль изъ сердца ключъ шипящій
Истоки тайные пробилъ?
Откуда бъ ни былъ ты, но сладко
Въ твоихъ сверкающихъ зыбяхъ
Дремать наядѣ, иль украдкой
Свой ликъ купать въ твоихъ водахъ:
Отрадно пастырямъ долины
У водъ твоихъ въ свой рогъ играть,
И дѣвамъ звонкіе кувшины
Въ студеной влагѣ погружать.
Таковъ и ты, о, стихъ поэта!
Откуда ты? и для кого?
Тебя кто вызвалъ въ бездну свѣта?
Кого ты ищешь средь него?
То тайно всѣмъ; но всѣмъ отрадно
Твоей гармоніи внимать,
Любить твой строй, твой трепетъ складной,
Въ тебѣ усладу почерпать.

1841.

ЭПИТАФІЯ.

Здѣсь, въ долинѣ скорби, въ мирную обитель
Насъ земля пріемлетъ:
Міра бѣдный житель отдохнуть приляжетъ
На груди родимой.
Скоро мохъ покроетъ надпись на гробницѣ,
И сотрется имя;
Но для тѣхъ безсильно времени крушенье,
Чье воспоминанье
Погрузитъ въ раздумье и изъ сердца слезы
Сладкія исторгнетъ.

1841.

ОРЕЛЪ.

Когда пернатыхъ царь стремится
Въ страны безоблачны парить,
Кавказъ его подножьемъ зрится,—
Кто смѣетъ съ нимъ себя сравнить?
Могучимъ, быстрымъ крылъ размахомъ
Къ зениту простираетъ путь.
Ничто объять не можетъ страхомъ
Его безтрепетную грудь.
Онъ къ солнцу близиться дерзаетъ,
И вѣждъ предъ нимъ онъ не смыкаетъ,
Пьетъ взоромъ блескъ его лучей;
А тамъ, перуномъ вооруженный,
Своимъ величьемъ упоенный,
Онъ вержется, стрѣлы быстрѣй,
На долъ съ превыспреннихъ зыбей.

(1835).

МЫСЛЬ ПОЭТА.

О, мысль поэта! Ты вольна,
Какъ пѣсня вольной гальціоны!
Въ тебѣ самой твои законы,
Сама собою ты стройна!
Кто скажетъ молніи: браздами
Не раздирай ночную мглу?
Кто скажетъ горному орлу:
Ты не ширяй подъ небесами,
На солнце гордо не смотри,
И не плещи морей водами
Своими черными крылами
При блескѣ розовой зари?

1839.

ВАКХЪ.

Въ томъ гротѣ сумрачномъ, покрытомъ виноградомъ,
Сынъ Зевса былъ врученъ элидскимъ ореадамъ.
Сокрытый отъ людей, сокрытый отъ боговъ,
Онъ росъ подъ говоръ водъ и шелестъ тростниковъ.
Лишь мирный богъ лѣсовъ, надъ тихой колыбелью,
Младенца услаждалъ волшебною свирѣлью...

Какой отрадою, средь сладостныхъ заботъ,
Онъ нимфамъ былъ! Глухой внезапно ожилъ гротъ.
Тамъ, кожей барсовой одѣтый, какъ въ порфиру,
Съ тимпаномъ, съ тирсомъ онъ являлся божествомъ.
То въ играхъ хмелемъ и плющомъ
Опутывалъ рога, при смѣхѣ нимфъ, сатиру,
То гроздія срывалъ съ изгибистой лозы,
Ихъ связывалъ въ вѣнокъ, вѣнчалъ свои власы,
Иль нектаръ выжималъ, смѣясь, своей ручонкой
Изъ золотыхъ кистей надъ чашей среброзвонкой,
И тѣшился, когда струей ему въ глаза
Изъ ягодъ брызнетъ сокъ, прозрачный, какъ слеза.

1840.

ЗИМНЕЕ УТРО.

Морозитъ. Снѣгъ хруститъ. Туманы надъ полями.
Изъ хижинъ ранній дымъ разносится клубами
Въ янтарномъ заревѣ пылающихъ небесъ.
Въ раздуміи глядитъ на обнаженный лѣсъ,
На долы, крытые ковромъ младого снѣга,
На зеркало рѣки, застынувшей у брега,
Свѣтила дневнаго кровавое ядро.
Отливомъ пурпурнымъ блеститъ снѣговъ сребро:
Иглистымъ инеемъ, какъ будто пухомъ бѣлымъ,
Унизана кора по вѣтвямъ помертвѣлымъ.
Люблю я, сквозь стекла блистательный узоръ,
Картиной новою увеселять свой взоръ:
Люблю въ тиши смотрѣть, какъ раннею порою
Деревня весело встрѣчается съ зимою:
Тамъ по льду гладкому и скользкому рѣки
Свистятъ и искрятся визгливые коньки:
На лыжахъ звѣроловъ спѣшитъ къ лѣсамъ дремучимъ:
Тамъ въ хижинѣ рыбакъ предъ пламенемъ трескучимъ
Сухого хвороста худую сѣть чинитъ,
И сладостно ему воспомнить прежній бытъ,
Взирая на стекло окованной пучины—
Про зори утренни и клики лебедины,
Про бури ярыя и волнъ мятежный взрывъ,
И свой хранительный подъ ивами заливъ,
И про счастливый ловъ въ часы безмолвной ночи,
Когда лишь мѣсяца задумчивыя очи
Проглянутъ, озлатятъ пучины спящей гладь
И свѣтятъ рыбаку свой неводъ подымать.

1839.

ДУМА.

Жизнь безъ тревогъ—прекрасный свѣтлый день;
Тревожная—весны младыя грозы.
Тамъ—солнца лучъ и въ зной оливы сѣнь,
А здѣсь—и громъ, и молнія, и слезы...
О! дайте мнѣ весь блескъ весеннихъ грозъ
И горечь слезъ и сладость слезъ!

1841.

СОМНѢНІЕ.

Пусть говорятъ—поэзія мечта,
Горячки сердца бредъ ничтожный,
Что міръ ея есть міръ пустой и ложный,
И блѣдный вымыслъ—красота;
Пусть нѣтъ для мореходцевъ дальныхъ
Сиренъ опасныхъ, нѣтъ дріадъ
Въ лѣсахъ густыхъ, въ ручьяхъ кристальныхъ
Золотовласыхъ нѣтъ наядъ;
Пусть Зевсъ изъ длани не низводитъ
Разящей молніи потокъ,
И на ночь Геліосъ не сходитъ
Къ Ѳетидѣ въ пурпурный чертогъ:
Пусть такъ! Но въ полдень листьевъ шопотъ
Такъ полонъ тайны, шумъ ручья
Такъ сладкозвученъ, моря ропотъ
Глубокомысленъ, солнце дня
Съ такою любовію пріемлетъ
Пучина моря, лунный ликъ
Такъ сокровенъ, что сердце внемлетъ
Во всемъ таинственный языкъ;
И ты невольно симъ явленьямъ
Даруешь жизни красоты,
И этимъ милымъ заблужденьямъ
И вѣришь и не вѣришь ты!

1839.

ПЛЮЩЪ.

Зачѣмъ, о, плющъ, лозой своей
Гробницы мраморъ повиваешь,
И прахомъ тлѣющихъ костей
Свой корень темный ты питаешь?
Не лучше ль тамъ, у звонкихъ струй,
У грота, подлѣ водопада,
Гдѣ тайно юношѣ наяда
Даритъ свой влажный поцѣлуй,
Тебѣ гранитовый осколокъ
Кудрявой зеленью убрать,
Или надъ ними брачный пологъ
Прозрачныхъ листьевъ разостлать?
„Прекрасенъ звукъ рѣчей нескромныхъ
Свиданья тайныя въ тѣни;
Но мнѣ милѣй на листьяхъ темныхъ
Слеза прощальная любви:
Пріявъ на зелень молодую,
Ее какъ жемчугъ я храню;
Объемля урну гробовую,
Я всѣмъ забытое люблю!“

1841.

ПРОЩАНІЕ СЪ ДЕРЕВНЕЙ.

О, други! прежде, чѣмъ покинемъ мирный кровъ,
Гдѣ тихо протекли дни нашего бездѣлья
Вдали отъ шумнаго движенья городовъ,
Ихъ скуки злой, ихъ ложнаго веселья,
Послѣдній кинемъ взглядъ съ прощальною слезой
На бывшій нашъ эдемъ!.. Вотъ домикъ нашъ укромной:
Пусть вѣкъ благой пенатъ хранитъ его покой
И грустная сосна объемлетъ вѣтвью темной!
Вотъ лѣсъ, гдѣ часто мы внимали шумъ листовъ,
Когда сквозитъ межъ нихъ лучъ солнца раскаленной...
Склонитесь надо мной съ любовью вожделѣнной,
О, вѣтви мирныя таинственныхъ дубровъ!
Шуми, мой свѣтлый ключъ, изъ урны подземельной,
Шуми, напомни мнѣ игривою струей
Мечты настроены подъ сладкій говоръ твой,
Унывно-сладкія, какъ пѣсни колыбельны!..
А тамъ,—тамъ, на концѣ аллеи липъ и ивъ,

Колодецъ межъ деревъ, гдѣ часто, ночью звѣздной,
Звенящій свой кувшинъ глубоко опустивъ,
Дочь поля и лѣсовъ, склонясь надъ темной бездной,
Съ улыбкой образъ свой встрѣчала на водахъ
И любовалась имъ, и тайно помышляла
О стройномъ юношѣ,—а небо обвивало
Звѣздами ликъ ея на зыблемыхъ струяхъ.

1841.

СВИРѢЛЬ.

Вотъ тростникъ сухой и звонкой...
Добрый Панъ! Перевяжи
Осторожно нитью тонкой
И въ свирѣль его сложи!
Подѣлись со мной искусствомъ
Трели въ ней перебирать,
Оживлять ихъ мыслью, чувствомъ,
Понижать и повышать,
Чтобъ мнѣ въ зной полдня златого
Рощи, горы усыпить,
И изъ волнъ ручья лѣсного
Въ гротъ наяду приманить.

1840.

Я знаю, отчего у этихъ береговъ
Раздумье тайное объемлетъ духъ пловцовъ:
Тамъ нимфа грустная съ распущенной косою,
Полузакрытая пѣвучей осокою,
Порою пѣснь поетъ про шелкъ своихъ власовъ,
Лазурь заплаканныхъ очей, жемчугъ зубовъ,
И сердце, полное любви нераздѣленной.
Проѣдетъ ли челнокъ—пловецъ обвороженный,
Ея заслушавшись, перестаетъ грести;
Замолкнетъ ли она—но долго на пути
Ему все чудятся напѣвы надъ водою
И нимфа въ камышахъ съ распущенной косою.

1841.

ГОРЫ.

Люблю я горныя вершины,
Среди небесной пустоты
Горятъ ихъ странныя руины,
Какъ недоконченны мечты
И думы Зодчаго природы.
Тамъ недосозданные своды,
Тамъ великана голова
И неизваянное тѣло,
Тамъ пасть разинутая льва,
Тамъ профиль дѣвы онѣмѣлый...
1841.

ДІОНЕЯ.

Право, завидно смотрѣть намъ, какъ любитъ тебя Діонея.
Если ты въ циркѣ на бой гладіаторовъ смотришь, иль внемлешь
Мудрымъ урокамъ въ лицеѣ, иль учишься мчаться на коняхъ,—
Плачетъ, ни слова не скажетъ! Когда же въ пыли ты вернешься,
Вдругъ оживетъ, и соскочитъ, и кинется съ воплемъ,
Крѣпче, чѣмъ плющъ вкругъ колонны, тебя обвиваетъ руками:
Слезы на длинныхъ рѣсницахъ, въ устахъ поцѣлуй и улыбка.
1840.

НА ПАМЯТНИКѢ.

Онъ рано ужъ умѣлъ перебирать искусно
Свирѣли скважины: то весело, то грустно
Звучала трель его: онъ пѣлъ про плескъ ручья,
Помоной щедрою убранныя поля,
Про ласки юныхъ дѣвъ и сумрачные гроты,
И возраста любви тревожныя заботы.
1842.

Дитя мое, ужъ нѣтъ благословенныхъ дней,
Поры душистыхъ липъ, сирени и лилей:
Не свищутъ соловьи, и иволги не слышно...
Ужъ полно! Не плести тебѣ гирлянды пышной
И незабудками головки не вѣнчать;

По утренней росѣ ужъ зорекъ не встрѣчать,
И поздно вечеромъ уже не любоваться,
Какъ легкіе пары надъ озеромъ клубятся,
И звѣзды смотрятся сквозь нихъ въ его стеклѣ.
Не вересклъ, не цвѣты пестрѣютъ по скалѣ,
А мохъ въ разсѣлинахъ пушится раннимъ снѣгомъ.
А ты, мой другъ, все та жъ: рѣзва, мила... Люблю,
Какъ, разгорѣвшися и утомившись бѣгомъ,
Ты, вѣя холодомъ, врываешься въ мою
Глухую хижину, стряхаешь кудри снѣжны,
Хохочешь, и меня цѣлуешь звонко, нѣжно!

1841.

Пусть полудикіе скиѳы, съ глазами налитыми кровью,
Бьются, безумные, кубками пьянаго пира —
Други! Оставимте имъ, дикарямъ кровожаднымъ, обычай
Сладкія Вакховы вина румянить пирующихъ кровью...
Бранныя копья средь кубковъ и факеловъ пира!..
Гдѣ мы, скажите?.. Какое безумство! Веселье—и битва!
Полноте спорить! Умолкните, други! Вражду утопите
Въ чашахъ, у коихъ, чѣмъ болѣе пьете, все глубже и глубже
Кажется звонкое дно. Возлежите и пейте смиренно,
На руку мудрыя головы важно и тяжко уставивъ.

1841.

ЧЕРЕПЪ.

Глухо мой заступъ, о черепъ ударясь, звенитъ. Замогильный
Гость, выходи-ка! Вокругъ тебя панцырь, перчатки и бердышъ—
Пусть истлѣваютъ! Тебя жъ отлучу я, о, черепъ, отъ тлѣна!
Ты не услышишь ни кликовъ воинскихъ, ни бранныхъ ударовъ.
Мирно лежи у подножія лиры эллинской и миртомъ
Вѣчно-зеленой Эллады вѣнчайся, порой наполняясь
Гулкимъ отвѣтомъ на струны ея, потрясенныя вѣтромъ.
Также не въ вѣчныхъ ли миртахъ, не въ звукахъ ли горнихъ гармоній,
Прежній хозяинъ твой, духъ, утопаетъ теперь?..

1840.

ПОЭЗІЯ.

Люби, люби каменъ, кури имъ ѳиміамъ!
Лишь ими жизнь красна, лишь ими милы намъ
Панорма небеса, Ѳетиды блескъ невѣрный,
И виноградники богатаго Фалерна,
И розы Пестума, и въ раскаленный день
Бландузія кристаллъ, и миръ его прохлады,
И Рима древняго священныя громады,
И утромъ ранній дымъ сабинскихъ деревень.

1840.

Свершай служенье музъ въ священной тишинѣ.
Пускай рожденія гармоніи высокой,
Рожденія стиха не узритъ смертныхъ око.
Ты самъ, творецъ, прійми дитя свое, свой стихъ;
Ты воспитай его и, въ латахъ золотыхъ,
Ужъ мужемъ, не дитей, введи въ арену міра.
Такъ зрѣетъ молнія на пажитяхъ эѳира,
Во чревѣ грозныхъ тучъ; ихъ огнь мутитъ и мчитъ,
Но грянули, и вотъ стрѣльчатая летитъ
Огне-змѣистая, струится и сверкаетъ,
И рѣжетъ небеса и море обагряетъ.

(1842).

БАРЕЛЬЕФЪ.

Вотъ безжизненный отрубокъ
Серебра: стопи его
И вмѣстительный мнѣ кубокъ
Слей искусно изъ него.
Ни Кипридиныхъ голубокъ,
Ни медвѣдицъ, ни плеядъ
Не лѣпи по стѣнкамъ длиннымъ.
Отчекань: въ саду пустынномъ,
Между лозъ, толпы менадъ,
Выжимающихъ созрѣлый,
Налитой и пожелтѣлый
Съ пышной вѣтки виноградъ;
Вкругъ сидятъ умно и чинно
Дѣти возлѣ бочки винной;

Фавны съ хмелемъ на челѣ;
Вакхъ подъ тигровою кожей
И Силенъ румянорожій
На споткнувшемся ослѣ.
1842.

SCHOLIA.

Не мирты съ лаврами, а грустный кипарисъ
Срываемъ на пути сей жизни скоротечной;
Любимыхъ сверстниковъ не портики безпечны,
А гробы ихъ вкругъ насъ печально вознеслись...
Что жъ, други, унывать! И наши дни не вѣчны!
Возьми Горація, у древнихъ научись
Итти—не замѣчать потери безконечной.
Подъ сводомъ древнихъ липъ, гдѣ дружно сплелись
Темнозеленый плющъ и тополь блѣднолистый,
Гдѣ катится, журча, источникъ серебристый,
Вели связать вѣнковъ, принесть столѣтнихъ винъ,
И пей классически, на зло судьбамъ упрямымъ
И Вакха чествуя: ему тамъ будетъ храмомъ
Навѣсъ деревъ, а гимнъ—отзвучіе долинъ!

(1842).

Внимаю ль я порой словамъ любви,
Такъ искренно ліющимся изъ сердца,
Какой-то духъ мнѣ говоритъ: „Не вѣрь,
Не вѣрь,—во всемъ обманъ жестокій.
Ты придалъ самъ имъ милое значенье,
Вокругъ себя самъ розлилъ чудный блескъ,
Довѣрчивой душой и пылкимъ чувствомъ
Ты чувство далъ тому, въ чемъ нѣтъ его".—
Прочь, адскій духъ, оставь меня въ покоѣ,
Оставь мой сонъ: пройдетъ его волшебство,
И я, сказавъ: все въ мірѣ суета,
Его порой оплачу и скажу:
Какъ я любилъ разрушенный обманъ,
Горячихъ чувствъ волшебное безумье!..

(1842).

ТАЙНА.

Не вамъ, о, юные наперсники любви,
Не вамъ я укажу души моей царицу:
Смутятъ, сынъ праха, взоръ и помыслы твои
Селеній ангельскихъ младую голубицу.
Взгляните на нее, вы, духи горъ, лѣсовъ,
Вы, нимфы легкія дубравы тихогласной, —
Но, чуръ! не повторять названія прекрасной
Ни хитрому ловцу, ни пастырю дубровъ,
Ни этой вѣтреной жилицѣ гротовъ темныхъ,
Измѣнницѣ всѣхъ словъ и скромныхъ, и нескромныхъ.

1842.

ПРЕВРАЩЕНІЕ.

Я зналъ тебя, когда любви
Твоя душа еще не знала,
И буря сердца не смущала
Сны безмятежные твои;
И грудь твоя, во дни и ночи,
Вздымалась мѣрной чередой,
И не увлаживались очи
Любви загадочной слезой.
А нынѣ?.. Быстрыми очами
Ты искры льешь, полна тревогъ,
И вдохновенными устами
Незримо движетъ нѣкій богъ.
Такъ, древлѣ, жрица Аполлона,
Дотолѣ имъ не призвана,
У мрачныхъ капищъ Геликона
Нѣма, спокойна, холодна.
Но онъ воззвалъ: она трепещетъ,
По жиламъ огнь бѣжитъ струей,
И вдохновенной красотой
Лицо божественное блещетъ;
Въ движеньяхъ косы по плечамъ;
Речетъ—дрожатъ пещеры своды,
И внемлютъ съ ужасомъ народы
Ея пророческимъ рѣчамъ.

(1842).

ЕВГЕНІИ ПЕТРОВНѢ МАЙКОВОЙ.

Люблю я цѣлый день провесть межъ горъ и скалъ...
Не думай, чтобы я въ то время размышлялъ
О благости небесъ, величіи природы,
И, подъ гармонію ея, я строилъ стихъ.
Разсѣянно гляжу на дремлющія воды
Лѣсного озера и верхи соснъ густыхъ,
Обрывы желтые въ молчаньи ихъ угрюмомъ;
Безъ мысли и лѣнивъ, смотрю я, какъ съ полей
Станицы тянутся гусей и журавлей,
И утки дикія ныряютъ въ воду съ шумомъ;
Безсмысленно гляжу я въ зыблемыхъ струяхъ
На удочку, забывъ о прозѣ и стихахъ...

Но послѣ, далеко отъ милыхъ сихъ явленій,
Въ ночи, я чувствую, передо мной встаютъ
Видѣнья милыя, пестрѣютъ и живутъ,
И движутся, и я привѣтствую ихъ тѣни,
И узнаю лѣса и дальныхъ горъ ступени,
И озеро... Тогда я слышу, какъ кипитъ
Во мнѣ святой восторгъ, какъ кровь во мнѣ горитъ,
Какъ стихъ слагается и прозябаютъ мысли...

1842.

ЧУДНЫЙ ВѢКЪ.

Былъ чудный вѣкъ, но вѣкъ сей золотымъ
Не нарекли потомки въ ослѣпленьи,
Хотя ему хвалы и славы дымъ
Они кадятъ въ нѣмомъ благоговѣньи,
Хотя и ихъ сіяніемъ своимъ
Объемлетъ онъ, какъ ангелъ вдохновенья.
Въ тотъ вѣкъ, въ его горнилѣ закаленъ,
Былъ новый міръ изъ пепла возрожденъ.

Тотъ чудный вѣкъ не Греціи блаженной
Ниспосланъ былъ Юпитеромъ съ небесъ:
Онъ возсіялъ въ странѣ, загроможденной
Цѣпями горъ; въ странѣ, гдѣ вьется лѣсъ
Средь блатъ и тундръ; въ той храминѣ священной,
Гдѣ льды горятъ, какъ въ храминѣ чудесъ,
При заревѣ и пламенномъ блистаньи
На сѣверѣ кроваваго сіянья.

Не пастыремъ скитался человѣкъ:

Онъ злато нивъ въ степяхъ разлилъ волнами;
Не бѣдный челнъ скользилъ по лону рѣкъ:
Котломъ моря вскипали подъ судами,
И Беринга могучій руль разсѣкъ
Льдяную грань между двумя мірами,
И царство вдругъ возстало, дрогнулъ врагъ,
И загулялъ въ моряхъ нашъ бѣлый флагъ.

Въ тѣни дубовъ коломенскихъ, смиренно
Возросъ небесъ помазанникъ младой.
Тамъ изучалъ, въ тиши уединенной,
Всѣ язвы онъ страны своей родной,
И, прадѣдовъ ошибкой наученный,
Онъ скиптръ пріялъ, какъ Бога жезлъ святой,
Небесъ мечомъ перепоясалъ чресла,
Воззвалъ... и Русь изъ бездны тьмы воскресла!

И самъ вѣнецъ онъ слилъ ей на главу;
Сардамскій млатъ скрѣпилъ ея основы
И выковалъ ей мечъ и булаву;
Петра топоръ громовый сбилъ оковы
Съ широкихъ вратъ въ Европу; а въ Неву
Пріялъ гостей младенецъ-городъ новый...
Былъ чудный вѣкъ, но золотымъ сей вѣкъ
Потомковъ гласъ въ смущеньи не нарекъ.

(1842).

Туда, гдѣ море спитъ у скалъ пирамидальныхъ,
Въ священной дикости лѣсовъ патріархальныхъ,
Въ пустынной глубинѣ таинственныхъ дубровъ,
Сокрой святую скорбь, питомецъ злополучья!
На торжищѣ суетъ, при оргіяхъ пировъ,
Ты не найдешь душѣ своей созвучья.
Но тамъ, гдѣ нѣтъ людей, гдѣ вкругъ запечатлѣнъ
Еще Господень перстъ въ гармоніи созданья,
Пади на грудь скалы, ей ввѣрь свои страданья
И, голову склоня у царственныхъ колѣнъ,
Повѣдай тайну ей. Ни пѣнистыя волны,
Ни томный скрипъ деревъ ее не разнесетъ:
Она ее навѣкъ въ груди своей запретъ...
Ея участіе глубоко и безмолвно!

(1841).

ВЕНЕРА МЕДИЦЕЙСКАЯ *).

„Невольницы мои младыя!
Курите чистый ѳиміамъ,
Развѣсьте ткани шелковыя,
Разсыпьте по цвѣтнымъ коврамъ
Гирлянды розановъ душистыхъ
И померанцовыхъ цвѣтовъ,
И, выжавъ брызги водъ струистыхъ
Изъ золотыхъ моихъ власовъ,
Ихъ благовоньемъ умастите,
И, діадимой осѣнивъ,
На грудь высокую пустите
Змѣистыхъ локоновъ разливъ.
Пусть изумрудъ и жемчугъ млечный
По шеѣ цѣпью упадетъ,
Порфира алая безпечно
Тунику бѣлую повьетъ.
На тріумфальной колесницѣ
Златовѣнчанною царицей
Я вниду въ семихолмный Римъ.
Пусть, преклоненъ къ стопамъ моимъ,
Тогда народъ его упрямый
Меня богиней наречетъ
И рабски мнѣ изъ рода въ родъ
Жжетъ ѳиміамъ и зиждетъ храмы!
Чья грудь такъ гордо, высоко
Вздымаетъ волны снѣговыя?
Чьи гуще косы золотыя?
И чьи ланиты такъ легко
Сіяютъ заревомъ денницы?..
Гдѣ мнѣ соперницы, о, Римъ?
Не вы ли, съ блескомъ подкупнымъ,
Продажныя порока жрицы?..
Предъ строгой гордостью моей,
Предъ блескомъ царственной осанки,
Замретъ невольно ядъ рѣчей
И взоръ неистовой вакханки.
Сразитъ ли онъ, сей взоръ нѣмой,
Молньеметательныя очи?..

---

*) Между археологами и художниками существуетъ повѣрье, что статуя, извѣстная подъ названіемъ «Венеры Медицейской», есть изображеніе одной римской императрицы.

Прочь, прочь! Вы блѣдны предо мной,
Какъ блѣдны звѣзды синей ночи
Передъ денницей молодой!
Я въ Римъ явлюсь, какъ къ рощамъ Книда
Являлась пышная Киприда
На колесницѣ золотой,
Влекомой плавно лебедями,
И жертвъ веселыми огнями
Горѣлъ алтарь ея святой".
Такъ говорила молодая
Царица Рима, покидая
Купальни мраморной струи,
Волнами легкой кисеи
Роскошно члены обвивая,
И, сладкимъ трепетомъ полна,
Въ ковры кидалася она.
И вотъ красавицы надменной
Мечты сбылись: перенесло
Волшебство мысли вдохновенной
На мрамора обломокъ бренный
И это гордое чело,
Вѣнчанное красой Изиды,
И стройный станъ, и снѣгъ грудей:
И Римъ нарекъ ее Кипридой!
И Римъ молился передъ ней!
Прошли вѣка. Ихъ молотъ твердый
Величья храмы раздробилъ;
Взнесенный къ небу мраморъ гордый
Перунъ завистливый сразилъ;
Миѳологическіе боги
Забыли пышный Пантеонъ,
И бродитъ нищій, тать убогій,
Въ пыли дорическихъ колоннъ.
Какъ трупъ, какъ остовъ молчаливый,
Лежатъ въ пескахъ златыя Ѳивы:
Тамъ блещетъ змѣй, иль бѣглый рабъ,
Степной скрывается арабъ...
Но вы, обломки величавы,
Которымъ геній чистоты
Лучами вѣчной красоты
Одѣялъ мраморныя главы!
Какъ завѣщаніе вѣковъ,
Вы сохранились средь гробовъ.
Не жертвы кровь, не блѣдный пламень,

Не ѳиміама легкій дымъ
Объемлетъ жертвенный вашъ камень:
Нѣтъ, блещетъ даромъ онъ инымъ!
На немъ сіяетъ вдохновенье,
Восторгъ, какъ ѳиміамъ, горитъ,
И, чуя бога, въ умиленьи
Душа трепещетъ и кипитъ.
(1842).

РАДОСТЬ.

Долго ль радости сіянье
Озаряетъ темный міръ?..
Други! Сядемъ ли за пиръ,
Сотворивши возліянья
Винъ на жертвенникъ боговъ
По начаткамъ отъ плодовъ;
Пышно чаши золотыя
Темнымъ миртомъ обовьемъ;
Осѣнимъ чело вѣнкомъ
Алыхъ розъ; струи живыя
Кипра пѣной осребримъ;
Храмъ веселья ярымъ воскомъ
Озаримъ, и огласимъ
Пирныхъ пѣсенъ отголоскомъ:
Что жъ?.. Еще горятъ огнемъ
Розы свѣжія Пестума,
А, какъ воронъ черный, дума
Тѣнью вьется надъ челомъ!
(1842).

ИЗМѢНА.

Алой ризою играя,
Быстро Цинтія младая
Покидала небеса.
„Подожди, богиня тѣни,
Оставлять восточны сѣни,
Тьмить долины и лѣса.
Въ часъ, какъ Гесперъ засребрится
И въ густые тростники
Бѣлый лебедь удалится,
И вечерній лучъ, съ рѣки,

Плеща крыльями, окликнетъ,—
Подъ скалою въ этотъ гротъ
Нимфа рѣзвая прійдетъ
И къ груди моей приникнетъ...
Но ужъ гаснетъ синій сводъ,
Спитъ тростникъ въ поморьѣ дикомъ,
Гесперъ свѣтитъ, рощи спятъ,
Бѣлый лебедь томнымъ кликомъ
Ужъ привѣтствовалъ закатъ...
Подожди, богиня тѣни,
Покидать восточны сѣни,
Росы долу разсыпать,
Горы мракомъ устилать!"
Я молилъ; но въ тверди чистой
Вѣя мантіей звѣздистой,
Съ синимъ факеломъ въ рукахъ,
Ночи мирная царица
Мнѣ явилась въ небесахъ:
Быстры кони, колесница
Черной тканью обвиты;
Сонмы блѣдныхъ привидѣній,
Грёзы, призраки и тѣни
Вкругъ вились средь темноты:
Въ кудри дѣвы макъ росистый,
Зыбкій колосъ вплетены
И звѣздой сребролучистой,
Какъ вѣнцомъ, озарены.
И небесная съ любовью
Улыбалась мнѣ въ тиши,
И бросала къ изголовью
Маки пестрые свои...
„О, помедли въ быстромъ бѣгѣ,
Дщерь небесъ, не улетай!
И лобзаньемъ тихой нѣги
Ты лобзай меня, лобзай!"
Я молился, но сіяла
Ужъ Аврора въ небесахъ,
Солнце пышно восплывало
Утра въ розовыхъ лучахъ.

(1842).

ДОРИДѢ.

Дорида милая, къ чему уборъ блестящій,
Гирлянды свѣжія, алмазъ, огнемъ горящій,
И ткани пышныя, и поясъ золотой,
Упругій твой корсетъ, сжимающій собой
Такъ жадно, пламенно твои красы младыя,
Твой стройный гибкій станъ и перси наливныя?..
Нѣтъ, милая! Оставь, оставь уловку ты
Насъ разомъ поражать и блескомъ красоты
И блескомъ пышныхъ ризъ. Явись мнѣ не богиней:
Благоговѣніе такъ хладно предъ святыней!
Я не его ищу. Явися дѣвой мнѣ,
Земною дѣвою. Со мной наединѣ
Ты косу отрѣши изъ-подъ кольца златого,
Сорви съ своей груди рукой своей перловой
Ту розу блѣдную, желанный дай просторъ
Горящимъ персямъ. Пусть непринужденный взоръ
Забудетъ всѣ любви приманки!.. Другъ мой нѣжный!
Пусть сердце юное волнуется мятежно,
Пускай спадетъ во прахъ и злато, и жемчугъ
Съ твоихъ роскошныхъ плечъ, съ полупрозрачныхъ рукъ...
Ахъ, Боже мой! Какъ ты мила, какъ милъ и сладокъ
Одежды и рѣчей волшебный безпорядокъ!

(1842).

МАГДАЛИНА.

Посмотри: прикрывъ власами
И косматой кожей льва
Станъ свой, въ гротѣ, межъ скалами,
Дѣва. Блѣдная глава
Оперлась въ изнеможеньи
Грустно на руку; въ другой—
Сей символъ уничтоженья,
Бѣлый черепъ гробовой.
Злато, пышныя одежды
Топчетъ съ гордостью нога,
Очи подняты съ надеждой
Ко кресту изъ тростника.

(1842).

СЛАВА.

Какой таинственною силой
Влечешь насъ, дивная, къ себѣ?
Старикъ надъ бездною могилы
Еще мечтаетъ о тебѣ;
Тебя безумно юность ловитъ,
Подъявъ Алкидовы труды,
Тебѣ на жертвенникъ готовитъ
Ихъ многоцѣнные плоды.
Ирисы лентой лучезарной
Предъ ней ты стелешь жизни путь...
Сирена пышная! Коварной
Твоя любовью дышитъ грудь!
Сіяя въ ризахъ тріумфальныхъ,
Въ коронѣ звѣздъ и пальмъ вѣнчальныхъ
Ты передъ жадною толпой
Поешь, прельстительница, пляшешь,
Зеленымъ лавромъ гордо машешь
И ослѣпленныхъ манишь рой
Къ тобой воздвигнутому храму:
Но горе тѣмъ, кто за тобой
Идетъ къ вѣнцу и ѳиміаму
Злаченыхъ терніевъ тропой!
Такъ змѣй, на солнцѣ грѣясь, блещетъ
Сребромъ и златомъ чешуи;
Свиваясь кольцами, трепещетъ,
Какъ влаги свѣтлыя струи.
Но не ходи, о, путникъ дальный,
Къ его бронѣ сизокристальной,
Къ его блистательнымъ красамъ:
Тебя приманитъ онъ, а тамъ
Столпомъ подымется, съ размаху
Клубами обовьетъ тебя,
И, жало въ сердцѣ утопя,
Съ тобой покатится по праху.

(1842).

ПѢВЦУ.

Когда поноситъ чернь хулою
Тебя, божественный пѣвецъ,
И святотатственной рукою
Съ главы срываетъ твой вѣнецъ,

Еще ты можешь сладкимъ мукамъ
Ожесточенныхъ грудь открыть,
Священной арфы яркимъ звукомъ
Подъяту длань окаменить,
И, разволнованы и сжаты,
Сердца почуютъ твой напѣвъ,
И, укрощенъ, приляжетъ левъ
Къ твоимъ стопамъ главой косматой.

Но если, буйные, они
Глагола мира и любви,
Какъ гробы хладные, не слышатъ;
Когда, подъ гимнъ молебный твой,
Какъ предъ архангельской трубой,
Они коварной злобой дышатъ:
Въ послѣдній разъ ты обойми
Златую арфу со слезами
И струны вѣщія перстами
Со звонкимъ грохотомъ порви!

(1842).

КОНЕЦЪ МІРА.

Пируй въ огнѣ и ѳиміамѣ,
Порокъ, вѣнчайся на землѣ!
Витійствуй въ дерзостной хулѣ
Богопротивными устами!
Свой тронъ златой воздвигнулъ ты
Въ обломкахъ падшія святыни;
Въ чаду убійства и гордыни,
До этой грозной высоты
Тебѣ ступени были—трупы!
И ты восшелъ, какъ нѣкій богъ,
На святотатственный чертогъ,
Попралъ ливанскихъ кедровъ купы;
Къ твоимъ стопамъ повергъ Офиръ
Трудами купленное злато,
Янтарь и пурпуръ гордый Тиръ,
Питомецъ степи и булата
Стада кипучихъ кобылицъ,
Какъ остовъ тлѣющій гробницъ,
Ты отвратительность нагую
Одѣлъ въ виссонъ и ткань златую,
И жертва буйства твоего,

Обрызганъ кровью, стонетъ правый...
Но небо зритъ твой пиръ лукавый
И язвы тяжкія его:
И прійдетъ мигъ—міры вселенной
Вдругъ остановятся въ пути;
Соборъ творенія мгновенно
Отчетъ великій принести
Предъ ликъ божественный предстанетъ...
О! неожиданно тогда,
Свѣтло, торжественно настанетъ
Святой и грозный часъ суда!
Творецъ речетъ, громоподобно
Архангелъ брани возгремитъ,
Труба усопшихъ пробудитъ,
И камень ринется надгробный,
И червь отпрянетъ отъ костей,
И кости вновь соединятся
И вновь изъ праха облачатся
Земною ризою своей...
Блаженъ, подъ знаменемъ любови
Чья ярко блещетъ правота,
Чья риза бѣлая чиста
Отъ жгучихъ пятенъ братней крови!

(1842).

МЫСЛЬ.

Все божество являетъ въ ней,
Въ ея торжественности стройной,
Въ улыбкѣ устъ, въ игрѣ очей
И въ этой гордости спокойной.
Она слетитъ: какъ серафимъ,
Наполнитъ блескомъ все святымъ.
Люблю смотрѣть ей въ ясны очи,
Какъ въ глубь небесъ бездонныхъ ночи,
И видѣть въ нихъ, какъ огнь порой
Въ душѣ горитъ и гаснетъ чистой—
То брезжетъ тихою звѣздой,
То брызжетъ молніей огнистой.

(1842)

ЗАРЯ.

Замолкъ и рогъ и топотъ стадъ;
Скирды на пажити стоятъ:
Дымясь, отъ зелени росистой
Курится тихій ѳиміамъ
И съ рощи, пылью серебристой,
По синимъ вьется небесамъ;
А небо облито волнами
Вечернихъ пурпурныхъ лучей,
Скользящихъ ввысь межъ облаками
И отраженныхъ зеркалами
Безмолвно дремлющихъ зыбей.
Спѣшитъ все къ нѣгѣ благодатной
Подъ кровомъ мирной темноты...
Чего жъ ты медлишь, лучъ закатный?
Зачѣмъ же вдругъ не гаснешь ты?
Иль подъ шатромъ листовъ росистыхъ
Ты не дослушалъ до конца
Напѣвовъ звонко-серебристыхъ
Лѣсовъ пустыннаго пѣвца?
Порою такъ краса младая,
Шнуровку тѣсную скидая
И косу распустивъ на грудь,
Готовясь пышно утонуть
Въ пуху дѣвической постели,
Вдругъ внемлетъ—съ шопотомъ синели
И розы, арфы тихій звонъ
Въ окно зефиромъ занесенъ.
„Не онъ ли!..“ И рука нѣмѣетъ
Передъ застежкой золотой,
И сонный взоръ ея свѣтлѣетъ,
Утаенъ вздохъ, забытъ покой.

(1842).

ДВА МОРЯ.

Въ вѣнцѣ бреговъ, на яблокѣ земли
Два моря есть—разрозненные братья:
Одно полно божественной любви,
А на другомъ лежитъ клеймо проклятья.
Одно легло игривою волной,
Подъ сѣнью пальмъ, на берегъ утучненный,
И города, какъ перлы многоцѣнны,

Оно вплело въ вѣнецъ свой голубой.
Покрытыя лазурными снѣгами,
А по пятамъ увитыя кругомъ
Богатыхъ лозъ янтарными кистями,
Глядятся горъ льдяныя цѣпи въ немъ,
Подъ кровомъ ихъ ликующіе грады
По яхонту полуденныхъ зыбей
Другъ къ другу шлютъ вѣтрила кораблей,
Какъ лебедей бѣлѣющее стадо,
И зелены сады густые ихъ;
Какъ жаръ горятъ ихъ мраморныя кровли;
И зыблется въ заливахъ голубыхъ
Игривый флагъ дѣятельной торговли.
Какъ нѣженъ звукъ гитаръ и мандолинъ
Въ тѣни оливъ и темной сикоморы!
И теплыхъ волнъ какъ сладкозвучны хоры
По берегамъ у дремлющихъ руинъ!
Однѣ звучатъ аккордами Россини,
Тѣ вторятъ кликъ алжирскихъ удальцовъ,
А тамъ онѣ, своею цѣпью синей,
Журчатъ вокругъ эллинскихъ городовъ.
И, мнится, тамъ, вокругъ пустынныхъ мысовъ,
Въ развалинахъ, подъ тѣнью кипарисовъ,
Хоръ нереидъ при мѣсячныхъ лучахъ
Родныхъ руинъ оплакиваетъ прахъ—
Сей дивный край, жемчужину природы,
Блестящій перлъ на поясѣ земли...
И съ ропотомъ полуденныя воды
Ихъ скорбный плачъ далеко разнесли.
Но есть вдали другое море. Дико
Стоитъ оно на рытвинѣ великой;
Оно горитъ какъ сизое стекло
Межъ голыхъ скалъ, среди пустыни спящей,
Недвижимо, лазурно и блестяще,
Проклятіемъ навѣкъ заклеймено!
По немъ, воздѣвъ шеломъ среброкосматый,
Станица волнъ не ратуетъ вовѣкъ;
И не свѣжитъ асфальтовые скаты,
И не клеймитъ жемчужной пѣной брегъ,
Не рѣзалъ руль воды его лѣнивой,
Орелъ къ нему съ небесъ не ниспадалъ,
И съ ревомъ левъ своей златистой гривы
Въ его водахъ зловонныхъ не купалъ.
(1842).

ВИДѢНІЕ.

Прійди, товарищъ думъ, мой стихъ благоуханный!
Я вижу нѣкій блескъ чудесно разліянный;
Прійди... Ты видишь ли въ сіяньи семъ кумиръ
Какъ будто мраморный? Ты слышишь горнихъ лиръ
Невѣдомые намъ магическіе звуки?
Вглядись, какъ движутся уста и грудь, и руки,
И кровь вдругъ мраморны ланиты обожгла?
Повязка падаетъ... Съ лилейнаго чела
На плечи хлынули віющіяся волны
Каштановыхъ кудрей... Глаза движенья полны...
Колебля тихо свой холодный пьедесталъ,
Статуя сходитъ внизъ. Я руки простиралъ
Къ нему; но все блѣднѣй, блѣднѣе призракъ странный...
Рисуй его, рисуй, мой стихъ благоуханный!..

(1842)

ПЕРЕРОЖДЕНІЕ.

Немного надобно, чтобъ миръ во мнѣ вселить,
Судьбу и жизнь мою весельемъ озарить!
Давно ли я глядѣлъ съ печалью и тоскою
На свой убогій кровъ?.. Забыта на стѣнѣ
Висѣла арфа; сводъ деревъ, любимыхъ мною,
Мечтанья сладкаго ужъ не будилъ во мнѣ;
Меня пугаяся, наяды мнѣ не пѣли
Въ водахъ источника; и листьями деревъ
Внезапно надо мной дріады не шумѣли,
И въ гроты не манилъ ихъ нимфъ незримыхъ зовъ.
Все было чуждо мнѣ: и алый блескъ авроры
И тайный полумракъ іюльскихъ вечеровъ...
Теперь опять не то: опять лѣса и горы
Проснулися; звучитъ свободно пѣснь моя;
Опять населена природа существами
Знакомыми; опять веду бесѣду я
Съ скалами черными и темными лѣсами,
И имъ передаю, безпеченъ какъ дитя,
Стиховъ таинственныхъ волшебные напѣвы
Про взоры томные явившейся мнѣ дѣвы.

(1842).

МИНУТНАЯ МЫСЛЬ.

Когда всеобщая настанетъ тишина
И въ куполѣ небесъ затеплится луна,
Кидая блѣдный свѣтъ на портики нѣмые,
На дремлющій гранитъ и воды голубыя,
И мачты черныя недвижныхъ кораблей, —
Какъ я завидую, зачѣмъ въ душѣ моей
Не та же тишина, не тотъ же миръ священный,
Какъ въ лунномъ сумракѣ спокойствіе вселенной.
(1843).

ПРЕДСКАЗАНІЕ.

Тебѣ пятнадцать лѣтъ. Я вѣрю, ты — ребенокъ.
Румянецъ на щекахъ; твой смѣхъ, твой голосъ—звонокъ.
Но, знай, мой другъ, близка, близка пора любви!
Все говоритъ о ней,—и тайное желанье,
И очи влажныя, и въ дымѣ кисеи
Полуразвитыхъ формъ живое очертанье.
(1842).

ИСПЫТАНІЕ.

Я помню этотъ мигъ... При шумѣ водопада,
Подъ сѣнью миртовой полуденнаго сада,
Я съ милой дѣвою наединѣ сидѣлъ.
Я тихо въ очи ей лазурныя глядѣлъ
И слушалъ дѣтскія ея мечты, признанье,
Младенческой души святое изліянье.
И нѣжность чувствъ ея, порывовъ чистота,
И пылкость страстныхъ словъ, могущество стыда,
Въ которомъ ей была ограда отъ порока,
Надежды ясныя, покой души глубокій,
Довѣрчивость, съ какой она ввѣряла мнѣ
Невинность, дивныя красы наединѣ, —
Смиряя бѣшенство любви моей кипучей,
Меня тревожили... Томимый жаждой жгучей,
Въ волненьи я главой на грудь ея упалъ;
Я не владѣлъ собой и горько зарыдалъ.
О чемъ? Сказать не смѣлъ предъ дѣвой я прекрасной...
Я плакалъ, что не могъ, подобно ей, такъ ясно
Глядѣть на міръ и жизнь; что чувство у меня

Уже такъ замерло; что прежде назвалъ я
Сочувствіе двухъ душъ несбыточной мечтою,
Игрушкой слабости ничтожной и смѣшною;
Что для меня тяжка въ сей мигъ наединѣ
Довѣрчивость, съ какой она ввѣряла мнѣ
Всю будущность свою, свои красы младыя,
Уста и гибкій станъ, и кудри золотые...

(1844).

ДИКАРКА.

Дитя свободныхъ горъ и дѣвственныхъ долинъ,
Ты, рощей пальмовыхъ младая голубица,
Глухого острова пустынная царица!
Какъ чудно увидать для бѣгуна пучинъ
Тебя, пустыни перлъ, цвѣтокъ скалы гранитной,
Прекрасное дитя природы первобытной!
Не ты ли образъ тотъ, въ которомъ рождена
Первосозданная отъ Господа жена,
Тщеславья чуждая, не знающая силы
Ни огненныхъ очей, ни устъ улыбки милой?
Такой являлась мнѣ она: ея красы
Одѣты въ пышный шелкъ распущенной косы;
Ни лилій нѣтъ, ни розъ, ни перловой повязки;
Въ очахъ лучъ разума; въ ланитахъ нѣги краски
И непритворнаго невинности слѣда;
Улыбкою любви оживлены уста,
Невѣдомый огонь ей тихо перси движетъ;
Ей птицы гимнъ поютъ, а тигръ ей ноги лижетъ,
И пусто все вокругъ, какъ дикій островъ твой,
И властвуетъ она, какъ ты надъ сей скалой,
Надъ сей природою и дѣвственной, и дикой...
Но что?—У грота ты срываешь павилики,
Ліану съ розами, сплетаешь ихъ въ вѣнокъ—
Вѣнчаешься; жемчугъ надѣвши ожерельемъ,
Ты смотришься въ ручьѣ съ младенческимъ весельемъ,
Подымешь, оторвешь въ вѣнкѣ своемъ листокъ,
Откинешь на плечо искусно локонъ зыбкій,
Глядишь, какъ предъ тобой блѣднѣютъ чаши розъ,
И гордо чувствуешь весь блескъ своей улыбки,
Могущество очей, богатство длинныхъ косъ...

(1845).

Полно притворяться,
Юноша счастливый!
Повинись, признайся:
Что̀ ты такъ встревоженъ
И хитришь неловко?
Я попалъ некстати?
Видѣлъ я, мелькнуло
Бѣленькое платье
Посреди деревьевъ;
Изъ сада да къ дому
Убѣжала Нина,
По цвѣтамъ ступая,
Портя и ломая
Милыя ей розы,
Макъ и гіацинты...
Знаешь ли ты, вѣтеръ
Вьется вокругъ розы,
Вдругъ, какъ бы спугнулъ кто,
Отъ нея умчится,
Все еще исполненъ
Запахомъ чудеснымъ
Благовонной розы:
Что̀ же ты стыдишься?
Очи блещутъ нѣгой,
На душѣ такъ ясно,
Голова весеннимъ
Счастіемъ сіяетъ —
Не бывалъ ты лучше!
Годы страсть уносятъ,—
И, повѣрь, успѣешь
Ты еще быть старцемъ...
А ужъ что̀ за юность
Безъ любви и счастья!
(1853).

ВСТРѢЧА.

Случается порой, въ весенній ясный день,
Когда къ намъ вѣтерки съ полудня прилетаютъ,
Съ крышъ капли быстрыя какъ золото мелькаютъ,
И на душѣ твоей томленье, сонъ и лѣнь;
И смотришь, какъ народъ идетъ толпой шумящей,

Какъ вздулось синее стекло замерзшихъ рѣкъ,
Какъ скачутъ вороны, копая рыхлый снѣгъ...
Вдругъ посреди толпы, какъ метеоръ блестящій,
Идетъ красавица... внезапно предъ тобой
Какъ будто бы пахнётъ цвѣтами и весной,
И словно обожжетъ тебя, какъ гордо взглянетъ
Въ лицо тебѣ, и ждетъ, что ты потупишь взоръ
И, какъ царицѣ, дашь стопамъ ея просторъ:
О, какъ тутъ хорошо и вмѣстѣ стыдно станетъ!
Вся жизнь въ груди въ тотъ мигъ воспрянетъ ото сна,
И знать хотѣлось бы, что̀ думаетъ она —
Межъ тѣмъ, какъ ослѣпленъ, потерянъ и встревоженъ,
Ты кажешься такъ малъ, незначащъ и ничтоженъ...
Стоишь какъ вкопанный, а взоръ за ней слѣдитъ
Въ толпѣ, во множествѣ мелькающихъ нарядовъ,
И все въ душѣ твоей какъ струнный гулъ дрожитъ
Подъ электричествомъ двухъ встрѣтившихся взглядовъ...
Вотъ такъ рождается и мысль твоя, поэтъ,
Какъ образъ пламенный, какъ мимолетный свѣтъ,
И только силишься, при трепетѣ блаженства,
Запомнить рѣзкихъ чертъ красу и совершенство,
Покуда не прошла та творческая дрожь
И душу не объялъ художническій холодъ:
Прочь, зодчій! Планъ готовъ, размѣренъ и хорошъ,
И плотничать иди пила, топоръ и молотъ!

(1854).

II.

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

САФО.

I.

Зачѣмъ вѣнкомъ изъ листьевъ лавра
Себѣ чело я обвила
И лиру миртомъ убрала?..
Такъ! Мнѣ оракулъ Эпидавра
Предрекъ не даромъ чашу мукъ:
Ты мнѣ невѣренъ, милый другъ!
Ты очарованъ новой страстью
У ногъ красавицы другой.
Но овладѣть она тобой,
Скажи, какой умѣла властью?
Ничто, ни мысль ни чувство, въ ней
Границъ холодныхъ не преступитъ;
Она безсмысленныхъ очей
Не озаритъ огнемъ страстей
И вдругъ стыдливо не потупитъ;
Не можетъ локоновъ убрать
Небрежно, но уловкой тайной,
Ни по плечамъ какъ бы случайно
Широко ризы разметать.

1841.

II.

Звѣзда божественной Киприды!
Люблю я ранній твой восходъ,
Въ часы, какъ ночь своей хламидой
Востокъ туманный обовьетъ.
Твоя блестящая лампада
Трапезы наши золотитъ,
Гдѣ Вакхъ, въ вѣнцѣ изъ винограда
И тигра кожею покрытъ,
Съ кипящей чашей предсѣдаетъ.
Ты миръ вселяешь средь дубровъ,

Гдѣ нимфа робко пробѣгаетъ,
За ней влюбленный богъ лѣсовъ.
Твой лучъ дрожащій вызываетъ
Гимнъ Филомелы надъ ручьемъ.
Милѣй въ сіяніи твоемъ
Любви мечтательность и нѣжность,
И взоромъ отраженный взоръ,
Одежды легкая небрежность
И полускромный разговоръ.

1841.

АНАКРЕОНЪ.

Пусть гордится старый дѣдъ
Внуковъ рѣзвою семьею,
Витязь — плѣнниковъ толпою
И трофеями побѣдъ;
Красота морей зыбучихъ —
Паруса судовъ летучихъ;
Честь народовъ — мудрый кругъ
Патріарховъ въ блескѣ власти;
Для меня жъ милѣй, мой другъ,
Въ пору бури и ненастій,
Въ теплой хижинѣ очагъ,
Пня дубоваго отрубокъ
Да въ рукахъ тяжелый кубокъ,
Въ кубкѣ хмель и хмель въ рѣчахъ.

1843.

ПРОПЕРЦІЙ.

I.

Туллу.

Ты счастливъ, Туллъ, сидя безмолвно
Подъ сельскимъ портикомъ своимъ
За чашей греческою, полной
Лесбійскимъ сокомъ золотымъ.
Ты взоромъ слѣдуешь спокойно
За бѣгомъ лодокъ по рѣкѣ,
Пловцовъ внимая пѣснѣ стройной,
Ловя ихъ парусъ вдалекѣ,
Или любуясь важнымъ ходомъ

Влекомыхъ вервями судовъ,
И на привѣтствія пловцовъ
Главой киваешь мимоходомъ.
Но, другъ мой, Паѳоса жрецу,
Мнѣ не вкусить тѣхъ наслажденій!
Зато, когда на ложѣ лѣни,
Склонясь ко мнѣ, лицомъ къ лицу,
Задремлетъ Цинтія; когда я
Въ ея запутаю власахъ
Свои персты, въ тиши внимая
Сквозь сонный лепетъ на устахъ,
И ей любуясь: что̀ Пактолы
Златая розсыпь для меня,
Всемірный скиптръ, вѣнецъ тяжелый
И бармы пышныя царя!

1841.

II.

Цинтіи.

О, Цинтія! Вдали отъ друга своего,
Когда взираешь ты на волны голубыя,
Обнявшія брега Неаполя златые,
И пальмы, и холмы, и портики его,
Ко мнѣ ль летятъ твои игривыя мечтанья?
Меня ли ищетъ взоръ на этихъ челнокахъ,
Мелькающихъ вдали на бѣлыхъ парусахъ?
Все та же ль ты, какъ въ часъ послѣдняго свиданья?
Быть-можетъ... страшная мечта!.. передъ тобой
Иной на гимнъ любви киѳары строй наладилъ...
Ты улыбаешься... а дерзкою рукой
Онъ имя Цинтіи въ стихахъ моихъ изгладилъ...
Быть-можетъ, на брегу зелено-теплыхъ водъ,
Подъ тѣнью ма̀слины, густымъ плющомъ увитой,
Довѣрчиво ему внимаешь ты—и вотъ,
Моя любовь и я, тобою все забыто!..
Прочь! Прочь, коварный сонъ! Разсѣйся ты, какъ дымъ!
Иль лучше ты яви мнѣ Цинтію младую,
Какъ бродитъ, грустная, надъ озеромъ лѣснымъ,
И, въ легкомъ челнокѣ, равнину водяную
Бразда весломъ, собой любуется въ водахъ,
Теряя розаны въ взволнованныхъ струяхъ;
Иль въ полдень у ручья, за рощею зеленой,

Одежды сбросивши на бархатъ луговой,
Спускается въ ручей робѣющей ногой,
Невольнымъ визгомъ вдругъ долину оглашаетъ,
И, воды расплеснувъ, какъ лебедь выплываетъ.

1841.

ГОРАЦІЙ.

I.

Скажи мнѣ: чей челнокъ къ скалѣ сей приплываетъ?
Кто этотъ юноша, въ вѣнкѣ изъ алыхъ розъ,
Укрывъ свой челнъ въ кустахъ, взбѣгаетъ на утесъ
И въ гротѣ на скалѣ тебя онъ обнимаетъ?..
Какъ счастливъ онъ!.. Любовь въ очахъ его горитъ!..
Но онъ, неопытный, не знаетъ, какъ невѣрно
То море! Какъ оно обманчиво блеститъ,
Подобно женщинѣ, темно и лицемѣрно!
Твоя златая рѣчь—крыло его ладьи.
Онъ думаетъ найти любовь и наслажденье,
Но, Боже мой! онъ бурь не слышитъ приближенья,
Свирѣпыхъ моря бурь и страшныхъ бурь любви!
Но мнѣ ужъ этихъ грозъ не страшно дуновенье:
Я вышелъ на берегъ, во храмъ; богамъ своимъ
Гирлянды возложилъ на жертвенникъ спасенья
И ризы влажныя развѣсилъ передъ нимъ.

1841.

II.

Легче лани юной ты
Убѣгаешь предо мною.
Залепечутъ ли листы,
Вѣтерокъ ли надъ водою
Пробѣжитъ, или въ кустахъ
Слышенъ ящерицы шорохъ—
Ужъ ее объемлетъ страхъ,
Гнутся ноги, огнь во взорахъ.
Но я жду, что на бѣгу
Ты оглянешься къ врагу,
И замедлишь шагъ и рядомъ
Вдругъ очутишься со мной,
Страхъ забывъ, потупясь взглядомъ,
Мнѣ внимая всей душой!

1841.

МАРЦІАЛЪ.

Если ты хочешь прожить безмятежно, безбурно,
Горечи жизни не зная, до старости поздней,—
Друга себѣ не ищи и ничьимъ не зови себя другомъ:
Меньше ты радостей вкусишь, меньше и горя!

1842.

ОВИДІЙ.

Посланіе съ Понта.

Здорово, добрый другъ! Здорово, консулъ новый!
Я знаю,—въ пурпурѣ, и съ консульскимъ жезломъ,
И въ сонмѣ ликторовъ, покинулъ ты свой домъ,
И въ храмъ Юпитера течешь теперь, готовый
Пролить предъ алтаремъ дымящуюся кровь...
Увѣренъ, что купилъ народную любовь,
Взираешь ты, какъ чернь бросается толпами
На жареныхъ быковъ съ злачеными рогами...
Но, если вдругъ тебѣ твой рабъ письмо вручитъ,
Начертанное здѣсь изгнанника рукою,—
Какъ встрѣтишь ты его? Чѣмъ взоръ твой заблеститъ?
Кивнешь ли вѣстнику привѣтно головою,
Иль кинешь гнѣвный взоръ дрожащему рабу?
Что̀ бъ ни было! Ты все стоишь передо мною
Какъ прежній добрый другъ... и я кляну судьбу,
Стократъ ее кляну, что разлученъ съ тобою,
Что нѣтъ на торжествѣ твоемъ моихъ даровъ;
Что мнѣ не суждено съ сверкающимъ фалерномъ
Подняться со скамьи и голосомъ невѣрнымъ—
Отъ чувства полноты—прочесть тебѣ стиховъ!
Увы! мнѣ самый стихъ латинскій измѣняетъ!
Ужъ мысль моя двойной одеждой щеголяетъ...
Уже Авзоніи блестящіе цвѣты
Блѣднѣютъ предо мной, а мирная долина,
Пустынные брега шумящаго Эвксина
Да быта скиѳскаго суровыя черты
Мнѣ кажутся вѣнцомъ высокой красоты!..
А пѣсни дикарей!.. Межъ скиѳовъ, въ ихъ пустынѣ,
Я самъ сталъ полу-скиѳъ. Повѣришь ли, я нынѣ
Ихъ дикимъ языкомъ владѣю какъ своимъ!
Я пріучилъ его къ себѣ, какъ звѣря. Имъ
Я властвую: въ ярмо онъ выю преклоняетъ,

Я правлю, и на Пиндъ какъ вихорь онъ взлетаетъ...
Пойми меня, мой другъ! Пойми: мой грубый стихъ
Не втунѣ ужъ звучитъ среди пустынь нагихъ,
А принятъ, повторенъ и понятъ человѣкомъ!
И скиѳы дикіе, подобно древнимъ грекамъ,
Съ улыбкою зовутъ меня своимъ пѣвцомъ!
Поэму я сложилъ ихъ варварскимъ стихомъ;
Для нихъ впервые я воспѣлъ величье Рима
И все, съ чѣмъ мысль моя вовѣкъ неразлучима...
О дивномъ Августѣ звучала пѣснь моя...
Я пѣлъ Германика, имъ Друза славилъ я;
Я пѣлъ, какъ, побѣдивъ Батавовъ и Тевтоновъ,
Они вступали въ Римъ, и плѣнные цари,
Окованные, шли средь римскихъ легіоновъ,
И сыпались цвѣты, дымились алтари,
И Августъ ихъ встрѣчалъ, подобный полубогу,
И слезы лилъ тайкомъ на праздничную тогу...
Еще не кончилъ я, а эти дикари
Сверкали взорами, колчаны потрясали
И, изумленные, въ восторгѣ повторяли:
„Ты славишь Августа — зачѣмъ же ты не съ нимъ?“
То скиѳы говорятъ, — а вотъ семь лѣтъ ужъ нынѣ,
Какъ, всѣми позабытъ, томлюся я въ пустынѣ...

1842.

ЭПИКУРЕЙСКІЯ ПѢСНИ *).

I.

Мирта Киприды мнѣ дай!
Что̀ мнѣ гирлянды цвѣтныя?
Миртомъ любви увѣнчай,
Юноша, кудри златыя!
Мирта зеленой лозой,
Старцу, вѣнчавшись, отрадно
Пить подъ бесѣдкой густой,
Крытой лозой виноградной.

1840.

---

*) Эти три стихотворенія, которыя я назвалъ «Эпикурейскими пѣснями», назначались въ поэму «Три Смерти», какъ бы сочиненіе Лукана; но одно за другимъ забраковывались. *Примѣчаніе автора.*

II.

Блеститъ чертогъ; горитъ елей;
Ясминъ и миртъ благоухаетъ;
Фонтанъ, шумя, между огней
Златыми брызгами играетъ.
Греми, волшебный гимнъ пировъ!
Несите, юноши, плодовъ
И розъ и листьевъ винограда:
Вѣнчайте насъ! Что въ жизни намъ?
Мы въ жертву суждены богамъ ужаснымъ ада,
А жертва пышная въ богатствахъ вертограда —
Угоднѣе богамъ!
Настанетъ часъ — воззримъ сурово
Мы на гремящій жизни пиръ,
Какъ сей скелетъ бѣлоголовый,
Бѣглецъ могилъ! На звуки флейтъ и лиръ
Онъ безотвѣтенъ, гость гробовый!
Но онъ вѣдь пѣлъ и онъ любилъ,
И богу гроздій онъ служилъ...
О, други! Сыпьте розъ Гораціева сада
По симъ бѣлѣющимъ костямъ,
И свѣжей кистью винограда
Вѣнчайте черепъ—этотъ храмъ,
Чертогъ покинутый и сирый,
Гдѣ обиталъ животворящій духъ
Во дни, когда киѳара съ звонкой лирой
Его плѣняли чуткій слухъ,
И пилъ онъ розъ благоуханье,
Любилъ кристаллъ амфоры золотой,
И дѣвъ горячія лобзанья,
И трепетъ груди молодой!

1840.

III.

Остроумица, плясунья,
Неумолчная болтунья,
Жизнь, душа моихъ пировъ,
Ты, мой маленькій философъ,
Пристыжаешь мудрецовъ
Разрѣшеньемъ ихъ вопросовъ,
Пытки мудрыхъ ихъ головъ!
И твержу я за тобою:

Смертный! Съ жизнію земною
Ты не много разсуждай!
Раньше чаръ ея приманку
И смѣлѣе разгадай!
Ты поймай ее, вакханку,
И изъ рукъ не выпускай!
Пусть, капризная, вертится,
И царапаетъ, и злится,
Ты покровъ съ нея сорви,
Мни гирлянды, плющъ и розы,
Въ мигъ всю жизнь переживи,
Счастье, клятвы, ласки, слезы,
Все безуміе любви!
Тѣ, которые узнали
Въ жизни бури вакханалій —
Нѣтъ ужъ новости имъ въ ней!
О, людская безтолковость!
Смертный! Знай, что въ жизни сей
Для тебя одна лишь новость:
Смерть — и тайный міръ тѣней.

1850.

III.

ИЗЪ ВОСТОЧНАГО МІРА.

ЕВРЕЙСКІЯ ПѢСНИ.

I.

Торжественъ, свѣтелъ и румянъ
Рождался день подъ небесами;
Бѣлѣлъ въ долинѣ вражій станъ
Остроконечными шатрами.
Въ уныньи горькомъ и слезахъ,
Я, плѣнникъ въ станѣ семъ великомъ,
Лежалъ одинъ на камнѣ дикомъ,
Во власяницѣ и въ цѣпяхъ.
Напрасно, подъ покровомъ ночи,
Я звалъ къ себѣ привѣтный сонъ;
Напрасно сумрачныя очи
Искали древній нашъ Сіонъ...
Увы! Надъ брегомъ Іордана
Померкло солнце прежнихъ дней;
Какъ лѣсъ таинственный Ливана,
Храмъ безъ молитвъ и безъ огней.
Не слышно лютень вдохновенныхъ,
Замолкъ тимпановъ яркій звукъ,
Порвались струны лиръ священныхъ —
Настало время слезъ и мукъ!
Но Ты, Господь, въ завѣтъ съ отцами,
Ты рекъ: „Не кину Свой народъ!
Кто сѣетъ горькими слезами,
Тотъ жатву радости сберетъ“.
Когда жъ, на вопль сыновъ унылыхъ,
Созовешь ко браннымъ знаменамъ
Оружеборцевъ молньекрылыхъ
На месть неистовымъ врагамъ?
Когда съ главы своей усталой
Израиль пепелъ отряхнетъ,
И зазвенятъ его кимвалы,
И съ звономъ арфъ онъ воспетъ?

1838.

II.

(Къ картинѣ „Введеніе во храмъ“).

Колыбель моя качалась
У Сіона, и надъ ней
Пальма Божія склонялась
Темной купою вѣтвей;
Бѣлыхъ лилій Идумеи
Снѣжный вѣнчикъ цвѣлъ кругомъ,
Бѣлый голубь Іудеи
Рѣялъ ласковымъ крыломъ;
Отчего жъ порой грущу я?
Что̀ готовитъ мнѣ судьба?
Все смиренно, все приму я,
Какъ Господняя раба!

1840.

III.

МОЛИТВА БЕДУИНА.

О, солнце! Твой щитъ вѣчнымъ золотомъ блещетъ —
А море племенъ здѣсь клокочетъ и плещетъ...
Вдали отъ серебряныхъ рѣкъ и ручьевъ,
Тамъ бродитъ и гибнетъ въ степи караванъ позабытый:
Напрасно ждутъ люди отъ вихрей песчаныхъ защиты
Подъ грудью верблюдовъ и сѣнью шатровъ.
О, солнце! Накрой ты порфирой зеленой
Пустыни нагія; росой благовонной
Кокосъ нашъ и финикъ и пальму питай;
Смягчи серебро ты овновъ бѣлорунныхъ Кедара;
Верблюдамъ дай силу итти средь безводья и жара;
Конямъ легкость вѣтра пустыннаго дай!
Самума отъ насъ отврати ты заразы;
А къ вечеру звѣздъ сыпь на небѣ алмазы:
Пусть кроткій ихъ блескъ въ сѣнь радушныхъ шатровъ
Къ намъ путниковъ степи ведетъ на ночлегъ издалёка!
И ярче лей пурпуръ и розы съ златого востока
На люльки дѣтей и гробницы отцовъ!

1839.

IV.

ВЕРТОГРАДЪ.

Посмотри въ свой вертоградъ:
Въ немъ нарциссъ ужъ распустился;
Зеленъ кедръ; вокругъ обвился
Ранній, цѣпкій виноградъ;
Яблонь въ цвѣтѣ благовонномъ,
Будто въ свѣжемъ серебрѣ;
Рѣзвой змѣйкой по горѣ
Ключъ бѣжитъ къ долинамъ соннымъ...
Вертоградъ свой отопри:
Чтобъ зацвѣсть, твой розанъ снѣжной
Ждетъ твоей улыбки нѣжной,
Какъ луча младой зари.

1841.

V.

ЕДИНОЕ БЛАГО.

Печальный кипарисъ, холодный мохъ забвенья,
Въ землѣ сокрытый гробъ, и въ гробѣ этомъ тлѣнье:
Вотъ каждаго удѣлъ за жизненной тропой!
Прахъ внидетъ снова въ прахъ; пловецъ къ странѣ родной
Причалитъ, и душа въ отчизну возвратится,
И въ двери райскія къ ночлегу постучится...
Блаженъ, кого тогда небесный серафимъ
Пріосѣнитъ крыломъ привѣтливо своимъ,
И двери отопретъ, и тотъ пришлецъ усталой
Блеснетъ въ ряду лучей зари отъ вѣка алой!

1837.

VI

АНГЕЛЪ И ДЕМОНЪ.

Подъемлютъ споръ за человѣка
Два духа мощные: одинъ —
Эдемской двери властелинъ
И вѣчный стражъ ея отъ вѣка;
Другой—во всемъ величьѣ зла,
Владыка сумрачнаго міра:
Надъ огненной его порфирой
Горятъ два огненныхъ крыла.

Но торжество кому жъ уступитъ
Въ пыли рожденный человѣкъ?
Вѣнецъ ли вѣчныхъ пальмъ онъ купитъ
Иль чашу временную нѣгъ?
Господень ангелъ тихъ и ясенъ:
Его живитъ смиренья лучъ;
Но гордый демонъ такъ прекрасенъ,
Такъ лучезаренъ и могучъ!

1841.

IV.

ЭЛЕГІИ.

I.

ИСПОВѢДЬ.

Такъ, вѣтренъ я, друзья! Напрасно я учусь
Себя обуздывать: все тщетно! Тяжкихъ узъ
Мой духъ чуждается... Когда на взоръ мой томный
Улыбку вижу я въ устахъ у дѣвы скромной,—
Я самъ не свой! Прости Сенека, Локкъ и Кантъ,
И пыльныхъ кодексовъ старинный фоліантъ,
Лицей блистательный и портикъ величавый,
И знаменитый рядъ именъ, вѣнчанныхъ славой!
Опять ко мнѣ прійдутъ игривая мечта,
И лики блѣдные, и имя на уста,
И взоры томные, и трепетъ сладкой нѣги,
И стихъ таинственный задумчивыхъ элегій.

1841.

II.

О чемъ, въ тиши ночей таинственно мечтаю,
О чемъ, при свѣтѣ дня всечасно помышляю,
То будетъ тайной всѣмъ, и даже ты, мой стихъ,
Ты, другъ мой вѣтреный, услада дней моихъ,
Тебѣ не передамъ души своей мечтанья,
А то разскажешь ты, чей гласъ въ ночномъ молчаньи
Мнѣ слышится, чей ликъ я всюду нахожу,
Чьи очи свѣтятъ мнѣ, чье имя я твержу.

1841.

III.

Зачѣмъ, средь общаго волненія и шума,
Меня гнететъ одна мучительная дума?
Зачѣмъ не радуюсь при общихъ кликахъ я?
Иль міра торжество не праздникъ для меня?..

Блаженъ, кто сохранилъ еще знаменованье
Обычаевъ отцовъ, ихъ темнаго преданья,
Отвѣтствовалъ слезой на пѣніе псалма;
Кто, волей оторвавъ сомнѣнія ума,
Святую Библію читаетъ съ умиленьемъ,
И, внявъ церковный звонъ, въ ночи, съ благоговѣньемъ,
Съ молитвою зажегъ предъ образомъ святымъ
Свѣчу завѣтную и плакалъ передъ нимъ.

1841.

IV.

ЖИЗНЬ.

Грядущихъ нашихъ дней святая глубина
Подобна озеру: блестящими водами
Оно покоится; волшебнаго ихъ сна
Не будитъ ранній вѣтръ, играя съ камышами.
Пытливый юноша, годовъ пронзая мглу,
Подходитъ къ берегамъ, разводитъ осторожно
Густыя вѣтви ивъ и мыслію тревожной
За взоромъ слѣдуетъ... По водному стеклу
Аврора пурпуръ свой разсыпала струисто...
Какъ темны гряды скалъ! Какъ небо золотисто!
Какъ стаду мелкихъ рыбъ, блистая въ серебрѣ,
На солнцѣ радостно играть и полоскаться!
Но... юноша, бѣги! На утренней зарѣ
Опять не приходи смотрѣть и любоваться
На это озеро! Теперь внимаешь ты
Лишь шопоту деревъ и плеску волнъ шумливыхъ;
А тамъ, подъ образомъ блестящей красоты,
Съ приманкою любви, съ приманкой ласкъ стыдливыхъ,
Красавицъ легкій рой мелькнетъ передъ тобой;
Ты кинешься за ней, за милою толпой,
Съ родного берега... Паденья шумъ мгновенный,
Урчаніе и стонъ пучины пробужденной
Окрестность отгласитъ, и скоро смолкнетъ онъ,
И стихнетъ все. И что̀ жъ подъ зеркаломъ кристалла
Увидишь ты?.. Увы! Исчезнетъ все какъ сонъ!
Ни рощъ коралловыхъ, ни храмовъ изъ опала,
Ни скалъ, увѣнчанныхъ въ златые тростники,
Ни нимфъ, свивающихъ въ гирлянды и вѣнки
Подводныя причудливыя травы...
Нѣтъ! Ты падешь къ однимъ скаламъ нѣмымъ,

Къ растеньямъ, дышащимъ губительной отравой:
И, вызвана паденіемъ твоимъ,
Толпа алкающихъ чудовищъ
На жертву кинется, низвергнутую къ нимъ
Приманкой красоты, и счастья, и сокровищъ.

1841.

V.

БЕЗВѢТРІЕ.

Какъ часто, возмущенъ сна грустнымъ обаяньемъ,
Мой духъ кипитъ въ избыткѣ силъ!
Онъ рвется въ облака мучительнымъ желаньемъ,
Онъ жаждетъ воли, жаждетъ крылъ.
О! молодая мысль съ презрѣньемъ и тоскою
Глядитъ на жизни темной даль,
На трудъ, лелѣемый пурпурною зарею,
На скорбь, на радость, на печаль...
Питая свой восторгъ, безумный и строптивый,
Мятежно рвется въ высь она...
Въ чертоги вымысла влекутъ ее порывы—
Ужъ вотъ предъ ней блеститъ волна,
Корабль готовъ отплыть, натянуты канаты,
Вотъ якорь поднятъ... съ береговъ
Народъ подъемлетъ крикъ... вотъ паруса подъяты:
Лишь вѣтра ждутъ, чтобъ грудь валовъ
Кормою разсѣкать... на палубѣ дрожащій
Пловецъ желаніемъ горитъ:
„Простите, берега!..“ Но—моря въ влагѣ спящей
Ни зыби вкругъ не пробѣжитъ,
Не будитъ вѣтерокъ игривыми крылами
Отяжелѣвшихъ моря водъ,
И туча сизая съ сребристыми кудрями
Грозы дыханьемъ не пахнетъ...
На мачтѣ паруса висятъ и упадаютъ
Безъ силы долу... и пловецъ
Въ отчаяньи глядитъ, какъ воды засыпаютъ
Вездѣ недвижны, какъ свинецъ;
Глядитъ на даль... но тамъ лишь чаекъ слышитъ крики
И видитъ рѣзкій ихъ полетъ.
Вдали теряется въ извивахъ берегъ дикій:
Тамъ безпредѣльность настаетъ...

Онъ смотритъ съ грустію—ни облака ни тучи
Не всходитъ въ синихъ небесахъ,
Не плещетъ, не шумитъ на мачтѣ флагъ летучій...
Ужъ ночь ложится на водахъ:
Онъ все еще глядитъ на руль, гдѣ клубы пѣны
Облиты мѣсячнымъ лучомъ,
На мачты тонкій верхъ, туманомъ покровенный
На флагъ, обвившійся кругомъ...

1839.

VI.

МРАМОРНЫЙ ФАВНЪ.

Бродилъ я въ глубинѣ запущеннаго сада.
Гасъ красный блескъ зари. Деревья безъ листовъ
Стояли черныя. Осенняя прохлада
Дышала въ воздухѣ. Случайно межъ кустовъ
Открылъ я статую: то фавнъ былъ, прежде бѣлый,
Теперь въ сору, въ пыли, во мху, позеленѣлый.
Умильно изъ вѣтвей глядѣлъ онъ, а онѣ,
Качаясь по вѣтру, въ лицо его хлестали
И мраморнаго пня подножіе скрывали.
Вкругъ липы древнія тѣснились; въ глубинѣ
Иныя статуи изъ-за деревъ мелькали;
Но мнѣ была видна, обнятая кустомъ,
Одна лишь голова съ смѣющимся лицомъ.

Я долго идоломъ забытымъ любовался,
И онъ мнѣ изъ кустовъ лукаво улыбался.
Мнѣ стало жаль его. „Ты нѣкогда былъ богъ,
Циническій кумиръ! Тебѣ, при флейтѣ звонкой,
Бывало, человѣкъ костеръ священный жегъ,
На камнѣ закалалъ съ молитвою ягненка
И кровью орошалъ тебя... О! разскажи:
Что̀, жаль тебѣ тѣхъ дней? Какъ ты разстался съ властью,
Развѣнчанный? Тогда—бывали ближе ль къ счастью
Младыя племена? Иль это умной лжи
Несбытный вымыселъ, ихъ миръ и наслажденья?
Иль вѣкъ одни и тѣ жъ земныя поколѣнья?..
Ты улыбаешься?.. Потомъ была пора,
Ты былъ свидѣтелемъ роскошнаго двора;
Тебя въ развалинахъ какъ чудо отыскали,
Тебѣ разбили садъ; вокругъ тебя собрали

Тритоновъ и наядъ, аѳинскихъ мудрецовъ,
И римскихъ цезарей, и греческихъ боговъ;
А все смѣялся ты, умильно осклабляясь...
Ты видѣлъ бальный блескъ. По саду разливаясь,
Гремѣла музыка. Въ аллеѣ темной сей
Чета любовниковъ скрывалась отъ гостей:
Ты былъ свидѣтелемъ ихъ тайнаго свиданья,
Ты видѣлъ ласки ихъ, ты слышалъ ихъ лобзанья...
Скажи мнѣ: долго ли хранились клятвы ихъ
Ненарушимыми? Любовь въ сердцахъ у нихъ
Горѣла вѣчно ли, и долѣе ль, чѣмъ имя
И увѣренья ихъ, на мраморѣ твоемъ
Напечатлѣнныя и... смытыя дождемъ?
Иль, можетъ-быть, опять подъ липами твоими
Являлися они, условившись, съ другими?
И твой лукавый смѣхъ изъ-за густыхъ вѣтвей
Съ любви ихъ не сорвалъ предательскую маску,
Не бросилъ имъ въ лицо стыда живую краску?

. . . . . .

Такъ, молча, взоромъ я статую вопрошалъ,
А циникъ мраморный язвительно смѣялся.

1841.

VII.

ПРИЗВАНІЕ.

Шумя, на полныхъ парусахъ,
Какъ на распущенныхъ крылахъ,
Летѣлъ корабль, безстрашно споря
Съ волнами дѣвственнаго моря.
Казалось, чуждо было имъ
Досель невѣдомое бремя;
Спокойно вѣнчанное темя
Онѣ склоняли передъ нимъ.
Былъ вечеръ. Палуба безмолвна:
Одинъ пловецъ въ плащѣ стоялъ
И взоръ на западъ устремлялъ,
Гдѣ вечеръ гасъ, краснѣли волны.
Онъ видитъ—слѣва, между водъ
Громады скалъ. Ихъ очеркъ странный
Ему знакомъ. Въ выси туманной
Изъ-за утесовъ возстаетъ

Нѣмая конная статуя,
Одѣта броней, со щитомъ,
И гордо каменнымъ перстомъ
Ему на западъ указуя.
Корабль летѣлъ, за водный склонъ
Зеленый островъ погружался,
Тонули скалы: только онъ,
Недвижный всадникъ, оставался,
На дальній западъ обращенъ.

И понялъ странствователь свѣта
Сокрытый смыслъ скалы нѣмой:
То Божій перстъ! не столпъ запрета!..
Впередъ! за гаснущей зарей!
Ни безграничность синей дали,
Ни ядъ, ни ропота гроза,
Ни глубь, ни въ гнѣвѣ небеса
Его полетъ не устрашали.
Онъ плылъ... И скоро, будто дымъ,
Подъ небомъ вечера златымъ
Открылись очерки утесовъ,
Подъ сѣнью пальмъ, въ вѣнцѣ кокосовъ.
И пали ницъ пловцы предъ нимъ,
Познавъ въ немъ Божьяго пророка...
Что̀ жъ думалъ онъ, пловецъ высокій,
Когда на землю онъ взиралъ,
Молился, и рукою смѣлой,
Во имя мудрой Изабеллы,
Кортесовъ знамя водружалъ?

Блаженъ, кто понялъ съ колыбели
Свое призванье въ жизни сей,
И смѣло шелъ между зыбей
Къ предѣлу избранныя цѣли;
Кто къ ней всегда руководимъ
Единой мыслью неизмѣнной,
Какъ генуэзецъ, вдохновенный
Гранитнымъ всадникомъ своимъ!

1841.

VIII.

ЛУННАЯ НОЧЬ.

Тихій вечеръ мирно надъ полянами
Сумракъ синій въ небѣ разстилалъ,
Главы горъ одѣлися туманами,
Огонекъ въ прибрежьѣ засверкалъ,
И сошло молчанье благодатное:
Дремлетъ, нѣжась, зеркало зыбей,
Лишь въ поморьѣ эхо перекатное
Вторитъ глухо пѣснямъ рыбарей.
Чудный мигъ! Вечернія моленія
Съ ѳиміамомъ скошенныхъ луговъ
День увлекъ къ Престолу Провидѣнія,
Будто дань земныхъ его сыновъ.
Ангелъ мира крыльями звѣздистыми
Навѣваетъ сонъ и тишину,
И зажегъ надъ долами росистыми
Стражу ночи—звѣзды и луну.
Вотъ пора святая, безмятежная!
Взоръ, блуждая, тонетъ въ небесахъ...
Эта глубь лазурная, безбрежная,
Говоритъ о лучшихъ берегахъ.
Что̀ же тамъ, за гранію конечнаго?
Что̀ вдали сіянье звѣздъ златыхъ?
То не окна ль храма вѣковѣчнаго?
То не очи ль ангеловъ святыхъ?
Не живая ль лѣтопись вселенныя,
Гдѣ начертанъ тайный смыслъ чудесъ?..
Кто постигнетъ руны довременныя
Этой звѣздной хартіи небесъ?
Слышу, грудь восторгъ колеблетъ сладостный,
Вѣетъ на душу безвѣстный страхъ,
Будто зовъ знакомый ей и радостный
Ей звучитъ въ таинственныхъ словахъ...
То не гласъ ли отъ глубокой вѣчности,
Голосъ Божій? То не онъ ли насъ,
Предъ лицомъ туманной безконечности,
Поражаетъ въ полунощный часъ?
Духъ нашъ жаждетъ, въ этотъ мигъ молчанія,
Въ сонмъ святыхъ архангеловъ взлетѣть
И въ вѣнцѣ изъ звѣздъ Отцу созданія
Съ ними пѣснь хвалебную воспѣть.

1842.

IX.

O femina, semper mutabile...

Ствергла гордая мой чистый жаръ любви:
На всѣ моленія, на клятвы всѣ мои
Она улыбкою презрѣнья отвѣчала!..
Но прежде для чего искусно раздувала
Въ горячемъ сердцѣ огнь? Зачѣмъ всегда со мной
Была такъ искренна? Зачѣмъ, на мнѣ порой
Свой взоръ разсѣянный остановивъ случайно,
Смущеніемъ моимъ такъ любовалась тайно?
Зачѣмъ порою рѣчь изъ милыхъ устъ ея
Текла то медленно, то бурно.,. и меня
Межъ юношей ея искали взоры?
Что̀ значитъ скрытый вздохъ и робки разговоры?..
Уловки женскія!.. Но, гордая, прійдетъ
Твоя пора! Твой часъ мучительный пробьетъ!
Узнаешь ты любовь!.. Надъ ложемъ, въ тайномъ мракѣ
Напрасно будетъ сонъ свои цвѣтисты маки
Бросать тебѣ: сама ты ихъ отвергнешь! Ты
Единый свѣтлый ликъ узришь средь темноты;
Ты станешь, страстная, склонясь на пухъ суровый,
И плакать, и молить, шептать одно лишь слово;
Въ нѣмомъ томленіи и съ жаждою любви
Прижмешь подушку ты къ пылающей груди,
И будутъ жаркія уста твои, бушуя,
Искать горячаго невольно поцѣлуя!

(1842).

X.

Не назову ея богиней,
Ни идеаломъ красоты:
Ея прелестныя черты
Не небомъ дышатъ, не святыней;
Ея привѣтный, кроткій ликъ
Мнѣ въ сердце солнцемъ не проникъ,
За мной не слѣдовалъ повсюду...
Такъ! Но я долго помнить буду
Игривый звукъ ея рѣчей,
Глаза, какъ двѣ звѣзды ночныя,
И кудри, кудри смоляные,
На блѣдномъ мраморѣ плечей.

1842.

XI.

Въ груди моей кипитъ святое чувство:
Имъ улелѣяны и бурны сны мои,
Вдохновлены и думы и искусство..
Зачѣмъ же мнѣ таить волненіе любви?
Пойду и обнажу предъ дѣвою избранной
Своей души мучительныя раны!..
Но чувство, взросшее въ молчаніи, въ тиши,
Пугается, какъ голубь дикій, слова:
И рѣчь моя мертва! Угрюмый и суровый,
Хочу ли перелить волненіе души
Порой въ риѳмованные звуки,
Пишу, и бойкій стихъ и блещетъ и поетъ.
Но онъ восторгу чуждъ и чуждъ душевной муки...
И что же онъ?... Онъ проскользнетъ
По сердцу милому, какъ сонъ пустой, летучій,
Какъ вѣтерокъ по лону спящихъ водъ,
Какъ разразившіяся тучи,
Какъ томный звукъ пастушескихъ роговъ
Между далекихъ горъ, когда, ища прохлады,
Плыветъ пестрѣющее стадо
Чрезъ озеро межъ дикихъ береговъ.

(1842).

XII.

КЛАДБИЩЕ.

Ужъ гаснетъ день: пурпурный океанъ
Волнуется на синими горами;
Уснулъ заливъ, увѣнчанный соснами,
Одѣянный въ серебряный туманъ.
Густѣетъ мракъ. Все дико и безмолвно,
Замолкъ въ поляхъ трудолюбивый кликъ,
Чуть шелеститъ по берегу тростникъ,
И шепчетъ листъ въ дубравѣ, тайны полной...
Пустынный край!.. Одинъ, въ сѣни деревъ,
Надъ гладкою, какъ зеркало, водою,
Исполненный волшебной тишиною.
Блуждаю я вдоль спящихъ береговъ.
Вотъ здѣсь, въ тиши, подъ мракомъ соснъ смолистыхъ,
Гряда холмовъ песчаная лежитъ;
Тростникъ сухой вокругъ крестовъ ихъ мшистыхъ
И дикій плющъ гирляндами виситъ.

Нашъ бренный прахъ, добыча разрушенья,
Подъ камнями здѣсь мирно схороненъ:
Благословенъ, подъ кровомъ запустѣнья,
Благословенъ почившихъ вѣчный сонъ!
Ничто его, ничто не нарушаетъ—
Ни лучъ зари, ни молній ярый блескъ;
Лишь трепетно здѣсь эхо повторяетъ
Деревьевъ скрипъ да моря вѣчный плескъ.
Сойдетъ ли май—веселье и свобода
Одушевитъ долины и лѣса,
И зеленью одѣнется природа,
Осыплетъ листъ алмазная роса,
Взыграетъ вѣтръ, катясь по влагѣ зыбкой,
Воспрянетъ хоръ пѣвцовъ... Но здѣсь весна—
Какъ въ траурѣ прекрасная жена,
Въ вѣнкѣ изъ розъ, съ печальною улыбкой!

Привѣтствую тебя, пріютъ святой,
Гдѣ странники землей единой скрыты!
Но чей въ травѣ, чей черепъ здѣсь, открытый
Въ часъ грозныхъ бурь упорною волной?
Съ нимъ миръ, или надъ нимъ гремятъ проклятья?
Сошла ль къ нему въ могилу тишина?..
Нашъ ровенъ путь, но всѣхъ, но всѣхъ одна
Насъ приметъ мать въ родимыя объятья!
И этотъ холмъ, покрытый ветхимъ мхомъ—
Святой алтарь надежды и спасенья!
А этотъ крестъ безмолвный надъ холмомъ—
Символъ нѣмой за гробомъ воскресенья!
Такъ! Зримаго конца мгновенье
Есть къ новой жизни переходъ,
Есть чудный мигъ перерожденья,
Души къ Предвѣчному полетъ.
Вотъ слышенъ звукъ святого клира...
Вотъ лучезарнѣй блещетъ даль,
И среброкрылый ангелъ мира
Вскрываетъ жизни сей скрижаль...
Порывъ святой! Душа узрѣла
Отчизны берегъ впереди,
Рванулась радостно изъ тѣла
Послѣднимъ трепетомъ въ груди,
Послѣдней искрой въ мутномъ взорѣ,
Послѣдней жизнію тепла...
И вотъ—свершилось! Вотъ вплыла

Она въ торжественное море...
Какъ ей легко! Какъ ей свѣтло!
Ничто ей бѣга не стѣсняетъ,
Ее привѣтно осѣняетъ
Ея архангела крыло!
А здѣсь—сей трупъ. Мгновенно въ немъ погашенъ
Живительный свѣтильникъ божества.
Холодный ликъ его и святъ и страшенъ,
Недвиженъ взоръ и длань его мертва...
Вотъ нашъ покровъ, нашъ образъ земнотлѣнный!
Пустынный храмъ! Онъ мраченъ и угрюмъ!
Въ немъ совершать еще обрядъ священный
Не пріидетъ, какъ жрецъ, могучій умъ.
Вокругъ одра, стенящею толпою,
Почившаго печальные друзья:
Въ волненіи, съ безмолвною слезою,
Они борьбу слѣдили бытія.
„Не стало! Нѣтъ!..“ И вопли провожаютъ
Побѣдный духъ въ преддверье къ небесамъ...
Безумные! Ужель они не знаютъ,
Какъ сладостно приплыть къ родимымъ берегамъ?
(1842).

XIII.

Намъ каждый день приходится оплакать
Не сбывшійся, но праведный порывъ.
Безплоденъ онъ въ грядущемъ остается,
Но чувствуешь, что, потрясенный имъ,
Становишься ты чище, благороднѣй...
О, жизнь, на что же ты? Какую жъ дань
Мы принесемъ далекому потомству?
Гдѣ нашихъ рукъ дѣла? И какъ узнаютъ
Потомки имена отцовъ—не славныхъ,
Но чья душа сражалася съ судьбою,
Съ ея двумя оружьями—приманкой
Обѣтовъ лестныхъ и нуждою блѣдной,
Чей духъ окрѣпъ въ святомъ негодованьи
И убивать привыкъ свои надежды?...
Иль мы, несклонные главою падать
Предъ пошлостью, лишь золотомъ могучей,
Лобзать привычную къ злодѣйству руку,
Иль мы насмѣшка демона надъ міромъ?..
Друзья мои, сдержите строгій судъ,

Не называйте робкимъ малодушьемъ
Моей души мучительную думу...
И въ пирѣ молкнетъ шутка у меня,
И кубокъ падаетъ, какъ эта дума
Внезапно сердце холодомъ охватитъ...
Такъ посреди безумства карнавала
Вдругъ падаютъ пестрѣющія маски,
И шарлатанъ и пестрый арлекинъ
Исчезнутъ, какъ раздастся звонъ печальный,
И межъ толпы блѣднѣющей идутъ
Суровые монахи и поютъ
Протяжнымъ голосомъ: „Memento mori“.

1844.

XIV.

Для чего, природа,
Ты мнѣ шепчешь тайны?
Имъ въ душѣ такъ тѣсно,
И душѣ неловко,
Тяжело ей съ ними!
Хочется иль словомъ,
Иль покорной кистью
Снова въ міръ ихъ кинуть,
Съ той же чудной силой,
Съ тѣмъ же чуднымъ блескомъ,
Ничего не скрывши,
И отдать ихъ міру,
Какъ отъ міра принялъ!

(1846).

XV.

Все вокругъ меня какъ прежде:
Пестрота и блескъ въ долинахъ,
Лѣсъ опять тѣнистъ и зеленъ,
И шумитъ въ его вершинахъ!..

Отчего жъ такъ сердце ноетъ,
И стремится, и болѣетъ,
Неиспытаннаго проситъ,
И о прожитомъ жалѣетъ?

Не начать вѣдь жизнь сначала...
Даромъ сила растерялась,
Да и попусту растратишь
Ту, которая осталась...

А вокругъ меня, какъ прежде,
Пестрота и блескъ въ долинахъ;
Лѣсъ опять тѣнистъ и зеленъ,
И шумитъ въ его вершинахъ!..

(1857).

V.

ОЧЕРКИ РИМА.

I.

НА ПУТИ.

Долинъ Альпійскихъ сынъ, хозяинъ мирный мой,
Съ какою завистью гляжу на домикъ твой!
Не здѣсь ли счастіе? Лишь съ юною весною
Нагорные ручьи журчащею струею
Съ холмовъ межъ зеленью младою утекутъ,
Твой столъ обѣденный искусно уберутъ
Младыми розами и почками лилеи
Подруги дней твоихъ игривыя затѣи,
И стадо даръ несетъ, съ полей его собравъ,
Дышащій запахомъ новорожденныхъ травъ;
И голосъ соловья въ саду звучитъ и блещетъ,
И ласточекъ семья подъ кровлею щебечетъ,
И пчелы шумною гирляндою летятъ
Къ цвѣтущимъ яблонямъ, въ твой благовонный садъ...
Ты любишь ближняго и, гордъ своей свободой,
Ты все нашелъ, чего вѣками ждутъ народы...

1843.

II.

CAMPAGNA DI ROMA.

Пора, пора! Ужъ утро славитъ птичка,
И свѣжестью пахнуло мнѣ въ окно.
Изъ города зоветъ меня давно
Къ полямъ широкимъ старая привычка.
Возьмемъ коней, оставимъ душный Римъ,
И рядъ дворцовъ его тяжеловѣсныхъ,
И пеструю толпу вдоль улицъ тѣсныхъ,
И воздухомъ подышимъ полевымъ.

О, какъ легко! Какъ грудь свободно дышитъ!
Широкій горизонтъ расширилъ душу мнѣ...
Мой конь усталъ... мысль бродитъ въ тишинѣ,

Земля горитъ, и небо зноемъ пышетъ...
Сабинскихъ горъ неровные края,
И Аппенинъ верхи снѣговѣнчанны,
Шумъ мутныхъ рѣкъ, безплодныя поля,
И, будто нищій съ ризою раздранной,
Обломокъ башни, обвитой плющомъ,
Разбитый храмъ съ остаткомъ смѣлыхъ сводовъ
Да безконечный рядъ водопроводовъ
Открылися въ туманѣ голубомъ...
Величіе и ужасъ запустѣнья...
Угрюмаго источникъ вдохновенья...
Все тяжко спитъ, все умерло почти...
Лишь простучитъ на консульскомъ пути
По гладкимъ плитамъ конь поселянина,
И долго дикій всадникъ за горой
Виднѣется въ плащѣ и съ палкой длинной,
И въ шапкѣ острой... Вотъ въ тѣни руины
Еще монахъ усталый и босой,
Окутавшись широкимъ капишономъ,
Заснулъ, склонясь на камень головой,
А вдалекѣ, подъ синимъ небосклономъ,
На холмѣ мазанка изъ глины и вѣтвей,
И кипарисъ чернѣется надъ ней...

Измученный полудня жаромъ знойнымъ,
Вошелъ я внутрь руинъ, безвѣстныхъ мнѣ.
Я былъ объятъ величьемъ ихъ спокойнымъ.
Глядѣть и слушать въ мертвой тишинѣ
Такъ сладостно!.. Тутъ цѣлый міръ видѣній!..
То циркъ былъ нѣкогда; теперь онъ опустѣлъ,
Полынь и тернъ усѣлись на ступени,
Тамъ, гдѣ народъ ликующій шумѣлъ;
Близъ ложи цезарей еще лежали
Куски статуй, курильницъ и амфоръ:
Какъ будто бы они здѣсь возсѣдали
Еще вчера, увеселяя взоръ
Ристаніемъ... но по аренѣ длинной
Цвѣтистый макъ пестрѣетъ межъ травой
И тростникомъ, и розой полевой;
И рыщетъ вѣтръ, одинъ, что конь пустынный.
Лохмотьями прикрытъ, полунагой,
Глаза какъ смоль и съ молніею взгляда,
Съ чернокудрявой, смуглой головой,
Пасетъ ребенокъ козъ пугливыхъ стадо.

Трагически ко мнѣ онъ руку протянулъ,
„Я голоденъ“,—со злобою взывая.
— „Я голоденъ!“... Невольно я вздохнулъ
И, нищаго и циркъ обозрѣвая,
Промолвилъ: „вотъ она—Италія святая!“

1844.

III.

Ахъ, чудное небо, ей-Богу, надъ этимъ классическимъ Римомъ!
Подъ этакимъ небомъ невольно художникомъ станешь.
Природа и люди здѣсь будто другіе, какъ будто картины
Изъ яркихъ стиховъ антологіи древней Эллады.
Ну, вотъ, поглядите: по каменной бѣлой оградѣ разросся
Блуждающій плющъ, какъ развѣшенный плащъ иль завѣса;
Въ срединѣ, межъ двухъ кипарисовъ, глубокая темная ниша,
Откуда глядитъ голова съ преуродливой миной
Тритона. Холодная влага изъ пасти, звеня, упадаетъ.
Къ фонтану албанка (ахъ, что̀ за глаза изъ-подъ тѣни
Покрова сіяютъ у ней! Что̀ за станъ въ этомъ аломъ корсетѣ!),
Подставивъ кувшинъ, ожидаетъ, какъ скоро водою
Наполнится онъ, а другая подруга стоитъ неподвижно,
Рукой обхвативъ осторожно кувшинъ на облитой
Вечернимъ лучомъ головѣ. Художникъ, должно-быть, германецъ,
Спѣшитъ срисовать ихъ, довольный, что случай нежданно
Въ ихъ позахъ сюжетъ ему далъ для картины, и вовсе не мысля,
Что я срисовалъ въ то же время и чудное небо,
И плющъ темнолистый, фонтанъ и свирѣпую рожу тритона,
Албанокъ и даже—его самого съ его кистью!

1844.

IV.

AMOROSO.

Выглянь, милая сосѣдка,
Въ окна комнаты своей!
Душитъ запертая клѣтка
Птичку вольную полей.

Выглянь! Солнце, потухая,
Ликъ твой ясный озаритъ
И угаснетъ, оживляя
Алый блескъ твоихъ ланитъ.

Выглянь! Глазками легонько,
Или пальчикомъ грозя,
Гдѣ ревнивецъ твой, тихонько
Дай мнѣ знать, краса моя!

О, какъ много бъ при свиданьѣ
Я хотѣлъ тебѣ сказать;
Слышать вновь твое признанье
И ревнивца поругать...

Чу! твой голосъ! пѣсни звуки...
И гитары тихій звонъ...
Усыпляй его, баюкай...
Тише... что̀?... заснулъ ужъ онъ?

Ты въ мантильѣ, въ маскѣ черной,
Промелькнула предъ окномъ;
Слышу, съ лѣстницы проворно
Застучала башмачкомъ...

1845.

V.

ПОСЛѢ ПОСѢЩЕНІЯ ВАТИКАНСКАГО МУЗЕЯ.

Еще я слышу вопль и ревъ Лаокоона,
Въ ушахъ звенитъ стрѣла изъ лука Аполлона,
И лучезарный самъ, съ дрожащей тетивой,
Восторгомъ дышащій, сіяетъ предо мной...
Я видѣлъ ихъ: въ землѣ отрытые антики,
Въ чертогахъ дорогихъ воздвигнутые лики
Миѳическихъ боговъ и доблестныхъ людей:
Олимпа грознаго властителей священныхъ,

Весталокъ дѣвственныхъ, вакханокъ изступленныхъ,
Брадатыхъ риторовъ и консульскихъ мужей,
Толпѣ вѣщающихъ съ простертыми руками...
Еще въ младенчествѣ любилъ блуждать мой взглядъ
По пыльнымъ мраморамъ потемкинскихъ палатъ.
Тамъ, въ залѣ царственномъ, межъ пышными столбами,
Увитыми кругомъ сребристыми листами,
Какъ часто я стоялъ и съ думой и безъ думъ,
И съ строгой красотой дружилъ свой юный умъ.
Антики пыльные живыми мнѣ казались,
Какъ будто бы и мысль и чувство въ нихъ скрывались...
Забытые въ глуши блистательнымъ дворомъ,
Казалось, радостно съ высокихъ пьедесталовъ
Они внимали шумъ шаговъ моихъ вдоль заловъ,
И, властвуя моимъ младенческимъ умомъ,
Они роднились съ нимъ, какъ сказки умной няни,
Въ пластической красѣ миѳическихъ преданій...

Теперь, теперь я здѣсь, въ отчизнѣ свѣтлой ихъ,
Гдѣ боги межъ людей, пріявъ ихъ образъ, жили,
И взору ихъ свой ликъ безсмертный обнажили.
Какъ дальній пилигримъ, среди святынь своихъ,
Средь статуй я стоялъ... Мнѣ было дико, странно:
Какъ будто музыкѣ безвѣстной я внималъ,
Какъ будто чудный свѣтъ вокругъ меня сіялъ,
Курился мирры дымъ и нардъ благоуханный,
И нѣкто дивный былъ и говорилъ со мной...
Съ душой, подавленной восторженной тоской,
Глядѣлъ въ смущеньи я на лики вѣковые,
Какъ скиѳы дикіе, пришедшіе съ Днѣпра,
Средь блеска пурпура царьградскаго двора,
Предъ благолѣпіемъ маститой Византіи,
Внимали музыкѣ имъ чуждой литургіи...

1845.

VI.

На дальнемъ сѣверѣ моемъ
Я этотъ вечеръ не забуду.
Смотрѣли молча мы вдвоемъ
На вѣтви ивъ, прилегшихъ къ пруду;
Вдали синѣлъ лавровый лѣсъ,

И олеандръ блестѣлъ цвѣтами;
Густого мирта былъ надъ нами
Непроницаемый навѣсъ;
Синѣли горныя вершины;
Тумана въ золотой пыли
Какъ будто плавали вдали
И акведуки и руины...
При этомъ солнцѣ огневомъ,
При шумѣ воднаго паденья,
Ты мнѣ сказала въ упоеньи:
„Здѣсь можно умереть вдвоемъ“...
1844.

VII.

НИЩІЙ.

Джузеппе старъ и дряхлъ; на площадяхъ лежитъ
Съ утра до вечера, читаетъ вслухъ каноны
И молитъ помощи онъ именемъ Мадонны;
И въ тридцать лѣтъ себѣ, какъ то молва гласитъ,
Два дома выстроилъ и третій кончитъ скоро,
Женилъ двухъ сыновей и внучекъ любитъ страхъ.
На пышной лѣстницѣ стариннаго собора,
Красиво развалясь на мраморныхъ плитахъ,
Картинно голову прикрывъ лохмотьемъ старымъ,
Казалось, онъ заснулъ... А тутъ, въ его ногахъ,
Сидѣла дѣвочка. Подъ этимъ жгучимъ жаромъ—
Съ открытой шеею, съ открытой головой,
Съ обрывкомъ на плечахъ какой-то ткани грубой,—
Но—волосы, глаза—и точно перлы зубы,—
И взглядъ, поднявшійся на насъ какъ бы съ мольбой—
„*Его* не разбудить“.—Худыя ноги, руки—
Мурильо!.. Но старикъ Джузеппе не дремалъ:
Во всемъ величіи отчаянья и муки
Онъ вдругъ приподнялся и глухо простоналъ:
„Я три дня голодалъ“... Рѣсницы опустила
Невольно дѣвочка—и точно охватила
Ее внезапная и жгучая тоска...
Она вся вспыхнула и что-то намъ хотѣла,
Казалося, сказать—но говорить не смѣла,
И—быстро спряталась въ лохмотья старика...
1844.

VIII.

КАПУЦИНЪ.

Разутый капуцинъ, веревкой опоясанъ,
Въ истертомъ рубищѣ, съ обритой головой,
Предъ раболѣпною народною толпой,
Восторженный, держалъ евангельское слово.
Онъ слезы проливалъ, полнъ рвенія святого,
Рвалъ клочья бороды, одежду раздиралъ,
Въ нагую грудь себя нещадно ударяя.
Народъ, поверженный во прахъ предъ нимъ, рыдалъ,
Проклятьямъ и слезамъ молитвенно внимая.
Колѣно преклонилъ и я между толпой,
Но строгой истины оракулъ громовой
Не потрясалъ души моей. Иныя думы
Тревожили мой духъ суровый и угрюмый.
Провидѣнно мой взоръ въ сердца людей проникъ.
Тамъ плакалъ и стоналъ, какъ мальчикъ, ростовщикъ,
Тамъ, блѣденъ, слезы лилъ разбойникъ закоснѣлой;
Блудница дряхлая, узрѣвъ могилы сѣнь,
Молилась о грѣхахъ душою оробѣлой.
Но ты, дитя мое, ты, чистая какъ день,
Какъ первые цвѣты весны благоуханной,
Что̀ плачешь ты? о чемъ? Бѣды ль тебя нежданной
Томитъ предчувствіе? Иль, съ страстію въ борьбѣ,
Ты хочешь выплакать мятежныхъ чувствъ избытокъ?
Иль духъ твой напугалъ теперь раскрытый свитокъ
Пороковъ и злодѣйствъ, и мысль страшна тебѣ,
Что, можетъ, и въ твоей начертано судьбѣ
Пройти чрезъ тотъ же путь и у могильной сѣни
Слезами смыть клеймо такихъ же заблужденій?

1844.

IX.

ВЪ ОСТЕРІИ.

Пеппо, выпьемъ!.. Видишь, буря
Разыгралася въ горахъ!
Въ блескѣ молній, очи жмуря,
Кони бѣсятся впотьмахъ.

Что̀ колпакъ остроконечный
Ты надвинулъ на глаза?

Или есть недугъ сердечный,
Иль на совѣсти гроза?

Знаю, за дурное слово,
За обиду, острый ножъ,
Не боясь суда людского,
Прямо въ сердце ты воткнешь;

Знаю, ты вина за чаркой,
За повадливую рѣчь,
Смѣло въ бой полѣзешь жаркой
И готовъ въ могилу слечь.

Вѣдь таковъ и левъ свирѣпой;
Былъ Андроклъ... слыхалъ ли ты?..
Нѣтъ? Такъ выпьемъ лучше, Пеппо,
Безъ ученой пустоты!

1841.

X.

FORTUNATA.

Ахъ, люби меня безъ размышленій,
Безъ тоски, безъ думы роковой,
Безъ упрековъ, безъ пустыхъ сомнѣній!
Что̀ тутъ думать? Я твоя, ты мой!

Все забудь, все брось, мнѣ весь отдайся!..
На меня такъ грустно не гляди!
Разгадать, что̀ въ сердцѣ—не пытайся!
Весь ему отдайся—и иди!

Я любви не числю и не мѣрю;
Нѣтъ, любовь есть вся моя душа.
Я люблю—смѣюсь, клянусь и вѣрю...
Ахъ, какъ жизнь, мой милый, хороша!..

Вѣрь въ любви, что счастью не умчаться,
Вѣрь, какъ я, о, гордый человѣкъ,
Что намъ ввѣкъ съ тобой не разставаться
И не кончить поцѣлуя ввѣкъ...

1845.

XI.

НИМФА ЭГЕРІЯ.

Fecémmi la divina potestate,
La somma sapienza e l'primo amore.
Dante, Inf. Cant. III.

Жила я здѣсь, во мракѣ дубовъ мшистыхъ;
Молчаніе пещеры, плескъ ручья,
Густая синь небесъ, лѣсовъ тѣнистыхъ

Далекій гулъ, и жаръ златого дня,
И ночи тишь—все было полно мною.
Учила здѣсь и царствовала я.

Во время оно мужъ, съ сѣдой главою,
Съ челомъ, на коемъ дума съ юныхъ лѣтъ
Изваялась, со свиткомъ и доскою,

Являлся звать меня. Внезапный свѣтъ
Его челу давала я. Мгновенно
Безжизненный былъ оживленъ скелетъ.

Онъ, грозный, думалъ; послѣ, на колѣно
Склонивши доску, думалъ и чертилъ
Законъ или кровавый, иль смиренной.

Онъ иногда довольствомъ свѣтелъ былъ;
Порой, смотря на роковыя строки,
Взоръ отвращалъ, блѣднѣлъ и слезы лилъ.

Являлась я ему въ тотъ мигъ жестокій.
Онъ голову склонялъ къ моей груди,
Какъ человѣкъ, прошедшій путь далекій

И утомленный ношею въ пути,
Иль какъ отецъ, свершая судъ суровый,
На казнь велѣвшій сына отвести.

„Ужель вѣкамъ пишу законъ громовый?
Чтобъ межъ людей добро укоренять,
Ужель нужна лишь плаха да оковы?..“

Вздыхала я, упорствуя молчать.
Старикъ опять читалъ свои скрижали,
И снова думалъ, и писалъ опять.

1844.

XII.

ТИВОЛИ.

Боже! Какъ смотришь на эти лиловыя горы,
Ярко-оранжевый западъ и блѣдную синь на востокѣ,
Мракомъ покрытыя виллы и рощи глубокой долины;
На этотъ городъ, прилѣпленный къ горному склону,
Бѣлыя стѣны, покрытыя плющемъ густымъ, кипарисы,
Лавры, шумящія воды, и тамъ на скалѣ, озаренный
Слабымъ сіяньемъ зари, на колоннахъ изящныхъ,
Маленькій храмикъ Цибелы, алтарь и статуи—
Грустно подумать, что тамъ за горами, на полночь,
Люди живутъ и не знаютъ ни горъ въ багряницахъ
Огненныхъ зорь, ни широкихъ кругомъ горизонтовъ!..
Больно; сжимается сердце и мысль... Но грустнѣе
Думать, что бродишь тамъ въ полѣ, богатомъ покосомъ,
Въ темныхъ лѣсахъ, и ничто въ этой бѣдной природѣ
Мысли твоей утомленной не скажетъ, какъ этой
Виллы обломки: „здѣсь нѣкогда, съ чашей фалерна,
Въ мудрой бесѣдѣ, за долгой трапезой съ друзьями,
Туллій отыскивалъ тайны законовъ созданья“;
Розы лепечутъ: „вѣнчали мы дѣвъ смуглолицыхъ,
Сладко поющихъ Милета и Делоса дщерей,
Лирой и пляской своей потѣшавшихъ Лукулла“;
Воды: „подъ наше паденье, подъ музыку нашу
Ямбъ и гекзаметръ настраивалъ умный Горацій“;
Гроты, во мракѣ которыхъ шумятъ водопады:
„Здѣсь говорила устами природы Сивилла;
Жрецъ многодумный таинственно въ лунныя ночи
Слушалъ глаголы богини и послѣ вѣщалъ ихъ
Робкой толпѣ со ступеней Цибелина храма...
Въ нѣдрахъ горы между тѣмъ собирались, какъ тѣни,
Ратники новые вѣры, и рабъ, и патрицій;
Слышались странные звуки и чуждое пѣнье,
Будто Везувій, во мракѣ клокочущій лавой—
И выходили потомъ, просвѣтленные свыше,
Въ міръ на мученье, съ глаголомъ любви и смиренья...“

1844.

XIII.

— „Скажи мнѣ, ты любилъ на родинѣ своей?
Признайся, что она была меня милѣй,
Прекраснѣе?“
— Она была прекрасна...
— „Любила ли она, какъ я тебя, такъ страстно?
Скажи мнѣ, у нея былъ мужъ, отецъ иль братъ,
Надъ чьимъ дозоромъ вы смѣялися заочно?
Все разскажи... и какъ порою полуночной
Она спускалася къ тебѣ въ тѣнистый садъ?
Могла ль она, какъ я, такъ пламенно руками,
Какъ змѣи сильными, обвить тебя? Уста,
Ненасытимыя въ лобзаньи никогда,
Съ твоими горячо ль сливалися устами?
Въ тѣ ночи тайныя, когда бъ застали васъ,
Достало ли бъ въ ней силъ, открыто, не страшась,
Въ глаза имъ объявить, что ты—ея владѣнье,
Жизнь, кровь, душа ея? На строгій судъ людей
Глядѣла ли бъ она спокойнымъ, смѣлымъ взоромъ?
Гордилась ли бъ она любви своей позоромъ?..
Ты улыбаешься... ты думаешь о ней...
О, хороша она... и образъ ненавистной
Я вырвать не могу изъ памяти твоей!..“
— Ахъ, не брани ея! Глубоко, безкорыстно
Любили мы. Но вѣрь, ни разу, ни она
Ни я, любви своей мы высказать не смѣли.
Она была со мной какъ будто холодна;
Любя, другъ друга мы стыдились и робѣли:
Лишь худо-скрытый вздохъ, случайный, бѣглый взоръ
Ей измѣнялъ. У насъ всегда былъ разговоръ
Незначащъ, о вещахъ пустыхъ, обыкновенныхъ;
Но какъ-то въ тѣхъ словахъ, въ той болтовнѣ пустой,
Угадывали мы душою смыслъ иной
И голосъ слышали страданій сокровенныхъ.
И только разъ уста мои ея руки
Коснулись: но потомъ мнѣ стыдно, больно было,
Когда она ко мнѣ безмолвно обратила
Взоръ, полный слезъ, мольбы, укора и тоски...
Тотъ взоръ мнѣ все сказалъ; онъ требовалъ пощады...
Онъ говорилъ мнѣ: намъ пора, разстаться надо...

— „И вы разстались?“
— Разстались. Я сказать
Хотѣлъ ей что-то, и она, казалось, тоже;
Но тутъ вошли—должны мы были замолчать...
— „Любить! Молчать!!... И вы любили?!.. Боже,
Боже!..“

1844.

XIV.

ХУДОЖНИКЪ.

Кисти ты бросилъ, забылъ о палитрѣ и краскахъ,
Проклялъ ты Римъ и лилово-сребристыя горы;
Ходишь какъ чумный; на дѣвъ смуглолицыхъ не смотришь;
Ночью до утра сидишь въ остеріи за кружкой,
Хмурый, какъ родина наша... И Лора горюетъ,
Тщетно гадая, о чемъ ты тоскуешь, и смотритъ
Въ очи тебѣ и порой ловитъ бредъ твой сквозь-сонный.
Что̀? Не выходитъ твой Римъ на картинѣ? Что̀? Воздухъ
Тонкой струей не бѣжитъ между листьевъ? Иль солнце
Легкимъ, игривымъ лучомъ не скользитъ по аллеѣ?
Горы не рядятся въ легкую дымку тумановъ полудня?
Руку, художникъ! Ты тайну природы постигнешь!
Думать будетъ картина — ты самъ, негодуя,
Выносилъ въ сердцѣ тяжелую думу.

1845.

XV.

FIORINA.

„Смуглянка милая, я изъ страны далекой,
И здѣсь въ развалинахъ блуждаю одинокой,
И все-то чудно мнѣ... Скажи, ты рождена
Въ долинѣ здѣсь: скажи, какое это зданье?
Ты знаешь, ангелъ мой, какъ говоритъ преданье,
Кѣмъ строено, зачѣмъ, въ какія времена?“
— Не знаю, мы сюда за земляникой ходимъ,
А на̀ зиму стада пастись сюда приводимъ.
Бываютъ многіе и смотрятъ. Кардиналъ
Сюда съ дворомъ своимъ намедни пріѣзжалъ.
Я ягодъ подала ему; онъ взялъ немного,

Благословилъ меня, велѣлъ молиться Богу,
Красавицей меня и умницей назвалъ...
На мнѣ въ тотъ день вѣнокъ былъ изъ листковъ дубовыхъ,
А въ косы я вплела нить бисеровъ перловыхъ.

1845.

XVI.

ДВОЙНИКЪ.

Назвавши гостей, приготовилъ я яствъ благовонныхъ,
Въ сосуды хрустальные налилъ вина золотого,
Убралъ молодыми цвѣтами свой столъ, и заранѣ
Веселый, что скоро здѣсь клики и смѣхъ раздадутся,
Вокругъ я ходилъ, поправляя приборы, плоды и гирлянды.
Но гости не идутъ никто... Измѣнила и ты, молодая
Царица стола моего, для которой нарочно
Я лучшій вѣнокъ приготовилъ изъ лилій душистыхъ,
Которой бы голосъ и яркія очи, уста и ланиты
Служили бы солнцемъ веселости общей, закономъ
И сладкой уздой откровенному Вакху... Что̀ жъ дѣлать?
Печально гляжу я на ясныя свѣчи, рядъ длинный приборовъ...
А гдѣ же друзья? гдѣ она?.. отчего не явились?.. Быть-можетъ...
Вѣдь женское сердце и женская клятва, что̀ вѣтеръ...
Эхъ, сяду за кубокъ одинъ я. Одинъ ли? А онъ, неотступный,
Зачѣмъ онъ, непрошенный гость, предо мною усѣлся,
Съ насмѣшкой глядитъ мнѣ въ глаза? И напрасно движенья
Досады и ревности скрыть передъ нимъ я стараюсь...
Охъ, трудно привыкнуть къ нему, хоть давно мы знакомы!
Все страшно въ немъ видѣть свой образъ, но только безъ сердца,
Безъ страсти и съ вѣчно-холодной логической рѣчью...
Софистъ неотступный, оставь меня! Что̀ тебѣ пользы,
Хирургъ безпощадный, терзать мою душу?..

1844.

XVII.

LORENZO.

Слава Богу, деньги есть.
Шляпу на̀ брови надвину,
Плащъ широкій перекину
Чрезъ плечо... войду я въ честь.

Встрѣтитъ князь меня съ почтеньемъ,
И поклонится аббатъ,
И маркизы съ приглашеньемъ
Мнѣ навстрѣчу полетятъ.

Я высокъ, красивъ и ловокъ...
Рѣчь — серебряная нить;
Знаю тайну всѣхъ уловокъ
Сердце женщины дразнить.

Въ будуаръ благоуханный
Въ ночь прокрадусь я тайкомъ...
Потоскуетъ сердце Нанны,
Знаю я... да что̀ жъ мнѣ въ томъ?

Деньги выйдутъ... что̀ жъ за дѣло?
Молотокъ возьму я свой,
Буду сѣчь я мраморъ бѣлый
У скульптора въ мастерской.

А наскучитъ — повалюся
Я на паперти церквей
И калѣкой притворюся,
Молъ, уродецъ съ дѣтскихъ дней!

Стыдно, что ль? Пускай пеняютъ,
Что казны не клалъ подъ спудъ!..
А маркизы?.. Не узна̀ютъ!
А узна̀ютъ — прочь пойдутъ.

Что̀ мнѣ въ нихъ? Всегда отъ Нанны,
Будь въ чести ль, въ лохмотьѣ ль я,
Я услышу: „другъ желанный,
Гость мой милый, я твоя!“

1845.

XVIII.

Все утро въ поискахъ, въ пещерахъ подъ землей,
Въ гробницахъ, въ циркахъ! Ну, пусть трудъ свершаютъ свой
Сопутники мои — этрурскій антикварій
И нѣмецъ — кропотунъ въ разборѣ всякой стари!
Довольствуюся я, какъ славянинъ прямой,
Идеей общею въ наукѣ Винкельмана.
Какое дѣло мнѣ до точности годовъ,
До вѣрности именъ! Голодный, я готовъ
Хоть къ чорту отослать Метелла и Траяна...

И жаръ невыносимъ! Вся выжжена земля!
Зеленыхъ ящерицъ пугливая семья
Подъ листья прячется, шумя плющомъ руины;
Далекій горизонтъ въ серебряной пыли...
А! Вотъ подъ аркою старинною въ тѣни
Домишко, слѣпленный изъ тростника и глины!
Прощайте! Ну, мой конь! вотъ берегъ! берегъ! въ путь!
Вѣдь въ этой хижинѣ живетъ какой-нибудь
Потомокъ Ромула, Помпея иль Нерона!
Стучусь. „Э-ге! кто тамъ! Signor padron! padrona!..“
О, Римъ, о, чудный край! Все кажется здѣсь сномъ!
Передо мной стоитъ, съ широкими косами,
Хозяйка стройная, съ блестящими очами,
Со смугло-палевымъ классическимъ лицомъ
И южной граціей движеній и улыбокъ...
А какъ роскошный станъ изваянъ! какъ онъ гибокъ!..
Я съ жадностью слѣдилъ, какъ ставила она
Передо мною сыръ съ фіаскою вина...
„Вы замужемъ?“—„Мой мужъ уѣхалъ въ городъ“.—
„Долго
Пробудетъ?“—„Дня два, три...“ Тутъ говорилъ я ей
О мнимой святости супружескаго долга,
Что вообще любить не надобно мужей,
А сердцу выборъ дать. Она сперва молчала,
Иль съ миной набожной серьёзно отвѣчала:
„Такъ Богъ велитъ“. Потомъ, вдругъ пальчикъ свой
прижавъ
Къ устамъ и глазками на уголъ указавъ,
Шепнула: „Завтра“. Я взглянулъ на уголъ темный,
И вижу, капишонъ спустивши, тихо, скромно,
Храня смиренія и умиленья видъ,
Молитву набожно свершаетъ іезуитъ.

1845.

XIX.

ГАЗЕТА.

Сидя въ тѣни виноградника, жадно порою читаю
Вѣсти съ далекаго Сѣвера—поприща жизни разумной...
Шумно за Альпами движутся въ страшной борьбѣ поколѣнья:
Ломятся съ трескомъ подмостки старинной громады, и смѣло
Мысль обрываетъ кулисы съ плачевнаго зрѣлища правды.
Здѣсь же все тихо: до сѣни спокойно-великаго Рима

Громы борьбы ихъ лишь эхомъ глухимъ изъ-за Альпъ
долетаютъ;
Точно изъ вѣрной обители смотришь, какъ молніи стрѣлы
Тучи чертятъ, вѣковые лѣса зажигаютъ,
Крестъ золотой съ колокольни ударомъ сорвутъ и разгонятъ
Въ страхѣ людей, какъ пугливое стадо овецъ изумленныхъ...
Такъ бы хотѣлось туда! Тоже смѣло бы, кажется, бросилъ
Огненный стихъ съ сокрушительнымъ словомъ!.. Поникнешь
въ раздумьѣ
Вдругъ головой: выпадаетъ изъ рукъ роковая газета...
Но, какъ припомнишь подробности въ цѣломъ торжественной
драмы,
Жалкихъ Ахилловъ журнальнаго міра и мелкихъ Улиссовъ;
Вспомнишь корысть ихъ, какъ двигатель — впрочемъ,
великаго дѣла —
Точно какъ сонъ отряхнувъ, поглядишь на тебя, моя Нина,
Какъ ты, ревнуя меня не къ газетѣ, а къ Наннѣ-сосѣдкѣ,
Сядешь напротивъ меня, сохраняя серьезную мину,
Губки надувъ, и нарочно не смотришь мнѣ въ очи...
Мгновенно
Все позабудешь, и грязь, и величье общественной драмы;
Бросишься мигомъ тебя цѣловать. Ты противишься, съ
сердцемъ,
Чуть не сквозь слезъ, уклоняя уста отъ моихъ поцѣлуевъ,
и послѣ
Легкой борьбы добровольно уступишь, и долгимъ лобзаньемъ
Я заглушаю въ устахъ у тебя и укоры и брань.

1845.

XX.

АНТИКИ.

О, мраморъ, хранилище мысли былыхъ поколѣній!
Въ могилахъ тебя отыскали средь пепла и камней;
Художникъ сложилъ во-едино разбитые члены,
Трудяся съ любовью, какъ будто бы складывалъ вмѣстѣ
Куски драгоцѣнные писемъ отъ милой, безумно
Разорванныхъ въ гнѣвѣ... Израненный, нынѣ предъ нами
Стоишь ты въ чертогахъ, и люди къ тебѣ издалека
Стремятся, какъ къ чудной святынѣ толпы пилигримовъ...
Творцы твои были, быть-можетъ, честимы и славны,
На площади града вѣнчанны шумящимъ народомъ,
Въ палаты царей приходили, какъ лучшіе гости!..

Иль, можетъ-быть, въ жизни узнали лишь горе да голодъ,
Труда вдохновенныя ночи, да творчества гордость,
И нынѣ ихъ имя погибло, и можетъ-быть, поздно
Узнали ихъ геній... и имъ неизвѣстно осталось,
Какой ѳиміамъ воскуренъ имъ далекимъ потомствомъ,
Нелживый и чистый, подобный тому, что курили
Въ Аѳинахъ жрецы алтарямъ неизвѣстнаго бога...

1843.

XXI.

ИГРЫ.

„Хлѣба и зрѣлищъ!“

Кипѣлъ народомъ циркъ. Дрожащіе рабы
Въ аренѣ съ ужасомъ плачевной ждутъ борьбы.
А тигръ межъ тѣмъ ревѣлъ, и прыгалъ барсъ игривой,
Голодный левъ рычалъ, желѣзо клѣтки грызъ,
И кровью, какъ огнемъ, глаза его зажглись.
Отворено: взревѣлъ, взмахнувъ хвостомъ и гривой,
На жертву кинулся... Народъ рукоплескалъ...
Въ толпѣ, окутанный льняною грубой тогой,
Съ нахмуреннымъ челомъ сѣдой старикъ стоялъ,
И ликъ его сіялъ, торжественный и строгой.
Съ угрюмой радостью, казалось, онъ взиралъ,
Спокоенъ, холоденъ, на страшныя забавы,
Какъ кровожадный тигръ добычу раздиралъ
И злился въ клѣткѣ барсъ, почуя духъ кровавый.
Близъ старца юноша, смущенный шумомъ игръ,
Воскликнулъ: „Проклятъ будь, о, Римъ, о, лютый тигръ!
О, проклятъ будь народъ безъ чувства, безъ любови,
Ты, рукоплещущій, какъ звѣрь, при видѣ крови!“
— „Кто ты?“—спросилъ старикъ.—„Аѳинянинъ! Привыкъ
Рукоплескать однимъ я стройнымъ лиры звукамъ,
Однимъ жрецамъ искусствъ, не воплямъ и не мукамъ...“
— „Ребенокъ, ты не правъ“,—отвѣтствовалъ старикъ.
— „Злодѣйство хладное душѣ невыносимо!“
— „А я благодарю боговъ-пенатовъ Рима“.
— „Чему же ты такъ радъ?“—„Я радъ тому, что есть
Еще въ сердцахъ толпы свободы голосъ—честь:

Бросаются рабы у насъ на растерзанье—
Рабамъ смерть рабская! Собачья смерть рабамъ!
Что толку въ жизни ихъ—привыкнувшихъ къ цѣпямъ?
Достойны ихъ они, достойны поруганья!“

1846.

XXII.

Сижу задумчиво съ тобой наединѣ;
Какъ прежде, предо мной синѣютъ даль и горы...
Но съ тайной робостью покоишь ты на мнѣ
Внимательной тоски исполненные взоры...
Ты чувствуешь, что есть соперница тебѣ—
Не дѣва юная... ты слышишь, призываетъ
Меня нѣмая даль, влечетъ къ иной судьбѣ...
Ты чувствуешь, мой духъ въ тоскѣ изнемогаетъ,
Какъ плѣнный вождь, возсталъ отъ сладкихъ сновъ любви,
И силы новыя онъ чувствуетъ въ крови,
И, зодчій ревностный, упрямое мечтанье
Уже грядущаго сооружаетъ зданье...

1843.

XXIII.

ДРЕВНІЙ РИМЪ.

Я видѣлъ древній Римъ: въ развалинѣ печальной
И храмы, и дворцы, поросшіе травой,
И плиты гладкія старинной мостовой,
И колесницъ слѣды подъ аркой тріумфальной,
И въ лунномъ сумракѣ, съ гирляндою аркадъ,
Полуразбитыя громады Колизея...
Здѣсь, посреди сихъ стѣнъ, гдѣ плющъ растетъ, чернѣя,
На прахѣ Форума, гдѣ у телѣгъ стоятъ
Привязанные вкругъ коринѳской капители
Рогатые волы,—въ смущеньи я читалъ
Всю лѣтопись твою, о, Римъ, отъ колыбели,
И духъ мой въ сладостномъ восторгѣ трепеталъ.
Какъ пастырь посреди пустыни одинокой
Находитъ на скалѣ гиганта слѣдъ глубокой,
Въ благоговѣніи глядитъ, и, полнъ тревогъ,

Онъ мыслитъ: здѣсь прошелъ не человѣкъ, а богъ,—
Сыны печальные безцвѣтныхъ поколѣній
Мы, сердцемъ мертвые, мы, нищіе душой,
Считаемъ баснею мы вѣкъ громадный твой,
И школьныхъ риторовъ созданіемъ твой геній!..
Иные люди здѣсь, намъ кажется, прошли
И врѣзали свой слѣдъ нетлѣнный на земли—
Великіе въ бѣдахъ, и въ битвѣ, и въ сенатѣ,
Великіе въ добрѣ, великіе въ развратѣ!
Ты палъ, но палъ, какъ жилъ... Въ паденіи своемъ
Ты тотъ же, какъ тогда, когда, храня свободу,
Подъ знаменемъ ея ты бросилъ кровъ и домъ,—
И кланялся сенатъ строптивому народу...

. . . . . .

Такимъ же кончилъ ты... Пускай со всей вселенной
Пороковъ и злодѣйствъ неслыханныхъ семья
За колесницею твоею позлащенной
Вползла въ твой вѣчный градъ, какъ хитрая змѣя;
Пусть голосъ доблести уже толпы не движетъ;
Пускай Лицинія она цѣлуетъ прахъ,
Пускай Лициній самъ слѣды смиренно лижетъ
Сандалій Клавдія, бьетъ въ грудь себя; въ слезахъ
Предъ статуей его пусть падаетъ въ молитвѣ,—
Да полный урожай полямъ онъ ниспошлетъ,
И къ пристани суда безвредно приведетъ:
Ты духу мощному, испытанному въ битвѣ,
Искалъ забвенія... достойнаго тебя.
Нѣтъ, древней гордости въ душѣ не истребя,
Старикъ своихъ сыновъ училъ за чашей яду:
„Покуда молоды—плюща и винограду!
Дооблачныхъ палатъ; танцовщицъ и пѣвицъ!
И бѣшеныхъ коней, и быстрыхъ колесницъ,
Позорищъ ужаса, и крови, и мученій!
Взирая на скелетъ, поставленный на пиръ,
Въ конецъ исчерпай все, что̀ можетъ дать намъ міръ!
И, выпивъ весь фіалъ блаженствъ и наслажденій,
Чтобъ жизненный свой путь достойно увѣнчать,
Въ борьбѣ со смертію испробуй духа силы,—
И, вкругъ созвавъ друзей, себѣ открывши жилы,
Учи вселенную, какъ должно умирать“.

1845.

XXIV.

PALAZZO.

Войдемте: вотъ чертогъ съ богатыми столбами,
Земнымъ полубогамъ сооруженный храмъ.
Прохлада царствуетъ межъ этими стѣнами,
Лѣниво бьетъ фонтанъ по мраморнымъ плитамъ;
Террасы убраны роскошными цвѣтами,
И древніе гербы блистаютъ по стѣнамъ—
Эмблемы доблести фамилій, гордыхъ властью:
Кабаньи головы да львы съ открытой пастью.

Здѣсь все еще хранитъ слѣды временъ былыхъ;
Вездѣ минувшаго остатки вѣковые.
Вотъ груды пышныя доспѣховъ боевыхъ
И исполинскій мечъ, и латы пудовыя,
И Палестины вѣтвь, и кость мощей святыхъ;
Тамъ пытокъ варварскихъ орудья роковыя,
Колеса и зубцы; вкругъ дивный даръ руинъ,
Антики желтые и длинный рядъ картинъ:

То предки гордые фамиліи высокой.
Тамъ старцы: латы ихъ изрублены въ бояхъ,
И страшенъ яркій взглядъ, съ улыбкою жестокой...
Тамъ красный кардиналъ, въ маститыхъ сѣдинахъ,
Колѣнопреклоненъ съ молитвою глубокой
Передъ Мадонною съ Младенцемъ на рукахъ;
Тамъ юноша, средь музъ, любимый Аполлономъ,
Вѣнчанный миртами лукавымъ Купидономъ.

Тамъ жены: та бѣла, какъ мраморъ гробовой,
Въ потускшемъ взглядѣ скорбь и ужасъ затаенный...
То жизнь, убитая боязнью и тоской,
То жалоба души, судьбою обреченной
Служить для деспота свирѣпаго рабой
И сластолюбія забавою презрѣнной;
Какъ будто говоритъ она: „здѣсь дни губя,
Жила и умерла я въ мукахъ, не любя...“

Та—жизни полная, и въ блескѣ самовластья—
Сомкнутыя уста, нахмуренная бровь...
Обыкновенныхъ женъ ей мало было счастья,
И гордая душа прорвалась изъ оковъ;
Служили ей кинжалъ, и ядъ, и сладострастье
На шумныхъ оргіяхъ, и мщенье, и любовь—

И взоръ ея горитъ насмѣшкой изступленной,
Всей гордостью души, глубоко оскорбленной...

. . . . . .

И нынѣ пусто все въ блестящей галлереѣ...
На этихъ мраморахъ густая пыль лежитъ;
Оборванный лакей, въ истасканной ливреѣ,
На креслахъ бархатныхъ раскинувшись, храпитъ;
И въ залахъ, какъ среди развалинъ Колизея,
Семейство англичанъ кочуетъ и шумитъ.
А вы—вы кинули отцовъ чертогъ печальный,
Наслѣдники ихъ правъ и чести феодальной?

Благословенье вамъ! Не злато, не гербы
Вамъ стали божествомъ, а разумъ и природа,
И громко отреклись вы отъ даровъ судьбы—
Отъ правъ, украденныхъ отцами у народа,
И вняли вы призывъ торжественной борьбы,
И движетъ вами кликъ: „Италіи свобода!“
И гордо шелеститъ, за честь страны родной,
Болонская хоругвь надъ вашей головой!

Благословенье вамъ! Италіи спасенной
Въ васъ избавителей увидѣть суждено!..
Но тише... Здѣсь живутъ: раскинутъ столъ зеленый,
Вчера здѣсь пиръ былъ: все исписано сукно;
Тамъ дребезги стекла... бокалъ неосушенный...
И солнце облило лучами, сквозь окно,
Перчатки женскія и бюстъ Сократа важный,
Накрытый шляпкою красавицы продажной.

1847.

XXV.

СКУЛЬПТОРУ.

Былъ грубъ когда-то человѣкъ:
Младенцемъ былъ и умеръ грекъ.
И въ простотѣ первоначальной,
Что̀ слышалъ въ сердцѣ молодомъ,
Творилъ довѣрчиво рѣзцомъ
Онъ въ красотѣ монументальной,
Творилъ, какъ пѣснь свою поетъ
Рыбакъ у лона синихъ водъ,
Какъ дѣва въ грусти иль весельѣ,
Въ глуши альпійскаго ущелья...

И вкругъ священныхъ алтарей
Народы чтили человѣка
Въ созданьяхъ дѣвственнаго грека...
А ты, художникъ нашихъ дней,
Ты, аналитикъ и психологъ,
Что̀ въ нашемъ духѣ отыскалъ?
Съ чего снимать блестящій сколокъ
Ты мрамору и бронзѣ далъ?
Ты прежнихъ силъ въ немъ не находишь
И, мучась тяжкой пустотой,
Боговъ Олимпа къ намъ низводишь,
Забывъ, что̀ было въ нихъ душой,
Какъ ликъ Гамлета колоссальный
Актеръ коверкаетъ шальной
Предъ публикой провинціальной.
(1847).

XXVI.

АНАХОРЕТЪ.

Двадцать лѣтъ въ пустынѣ,
На скалѣ я прожилъ,
Выше тучъ, тумановъ,
И громовъ, и молній.

Изгнанный изъ міра,
Горько міръ я бросилъ,
Но забыть съ нимъ трудно
Порванныя связи.

И когда вдругъ солнце
Облака̀ разгонитъ,
Города̀ въ долинѣ
Заблестятъ, какъ искры,

Мнѣ на мысль приходитъ—
Въ двадцать лѣтъ, быть-можетъ,
Все давно свершилось,
Изъ чего я бился:

Бѣдный свергъ оковы;
Сильны и прекрасны
Разумомъ и волей
Племена земныя...

Лжи не воздвигаютъ
Пышныя кумирни,

Ловкаго злодѣя
Не честятъ какъ бога...
Иль... быть-можетъ, нынѣ
Люди и забыли,
Чѣмъ во дни былые
Доблестны мы были!..
(1847).

XXVII.

Думалъ я, что небо
Ясное полудня,
Сѣнь оливъ и мирта,
Музыкальный голосъ,
Жаркія лобзанья
Женъ высокогрудыхъ
Исцѣлятъ недуги
Страждущаго сердца;
Думалъ я, что сила
Строгаго искусства,
Вѣковая почва—
Прахъ святой героевъ,
Хоть забвеньемъ сладкимъ
На душу повѣютъ,
И что въ ней замолкнутъ
Жажда теплой вѣры
И безвѣрья муки,
Жажда дѣлъ высокихъ
И тоска безсилья;
Разума гаданья,
И надъ нимъ насмѣшки...
За порывъ восторга
Платишь горькой мукой:
Старая проснется
Прежняго острѣе,
Какъ хозяйка злая,
За одинъ взглядъ бѣглый
На красу чужую,
Встрѣтитъ бранью злѣе,
Старое припомнитъ,
И язвитъ, и колетъ...
Хоть бѣги со свѣта!
(1847).

XXVIII.

Люблю въ тебѣ веселье юныхъ лѣтъ
И рѣчь, блестящую порывами живыми;
Слѣжу за легкими движеньями твоими:
Подымешь ли кувшинъ съ сверкающимъ виномъ,
Мнѣ взора не отвесть отъ пальцевъ бѣлоснѣжныхъ,
Отъ мраморной руки съ поднятымъ рукавомъ,
Отъ обнаженныхъ плечъ и ихъ изгибовъ нѣжныхъ...
Блѣднѣешь ты?.. Не слышишь ли вдали
Шаговъ завистливыхъ льдяного подозрѣнья?
Брось ихъ, не отравляй минуты наслажденья
И праздника украденной любви.
Дверь замкнута... Одинъ я твой властитель!..
Гирлянды, свитыя заботливо тобой,
Воспламененною я дерзко рву рукой...
Прочь пирные огни! Пускай въ твою обитель
Войдетъ глухая ночь: пусть видитъ лишь луна,
Скользя черезъ стекло высокаго окна,
Сребро и золото сосудовъ осушенныхъ,
Цвѣты твои, запутанные мной
Въ распущенныхъ косахъ, и мраморъ снѣговой
Какъ воскъ прозрачныхъ плечъ, отъ ризъ освобожденныхъ.
(1847).

XXIX.

ОТРЫВКИ ИЗЪ „ДНЕВНИКА ВЪ РИМѢ“.

I.

Двулицый Янусъ.

Мнѣ снилось, взошелъ я на холмъ, отъ вершины до низу
Покрытый обломками нѣкогда славнаго храма:
Разрушенный мраморъ, низвергнуты своды, аркады,
Священныя урны, алтарь, испещренный ваяньемъ
Жрецовъ, закалающихъ тучныя жертвы, статуи,
Обрубленный торсъ, голова, раздробленные члены,—
Какъ падшихъ воителей трупы на полѣ сраженья...
Люблю любоваться, какъ чудомъ, изящной рѣзьбою
Печальныхъ обломковъ: люблю я коринѳской колонны
Аканѳовые листья, живымъ обвитые аканѳомъ,
Овна завитые рога, увѣнчанные хмелемъ ползучимъ.

Надъ грудой развалинъ въ пыли и поросшихъ травою
Одинъ возвышался изъ мрамора Янусъ двулицый:
Одно обращалъ онъ лицо къ заходящему солнцу,
На западъ, гдѣ въ темной, глубокой долинѣ, густые
Верхи кипарисовъ на пламенномъ небѣ чернѣлись;
Другое глядѣло на темный востокъ, созерцая
Грядущаго книгу, хранило угрюмую тайну.
Проникнутый вымысломъ дивнымъ, въ священномъ восторгѣ,
Стоялъ я и думалъ, какъ много бъ открылося тайны,
Когда бы изрекъ онъ, что̀ въ будущемъ видитъ.
„Скажи мнѣ, таинственный богъ, проникающій взоромъ
Въ грядущіе вѣки; молю, просвѣти наши очи
И лживыя басни разсѣй нашихъ бѣдныхъ гаданій!
Что̀ ждетъ насъ? Отвѣтствуй! Куда мы стремимся?
Зачѣмъ здѣсь на хо̀лмѣ громады камнѐй громоздили,
И кто онъ, откуда, сей зиждущій духъ, въ насъ живущій,
Который въ насъ мыслью пылаетъ и движетъ могучею дланью,
И зиждетъ, и зиждетъ... чтобъ послѣ разрушить; разрушивъ,
Изъ праха опять созидаетъ?“ Безмолвствовалъ идолъ,
Угрюмый, какъ жрецъ, погруженный въ глубокое чтенье
Таинственной книги, невѣдомой черни. Внезапно
Послѣднею вспышкой вечерняго блеска другое
Лицо просіяло, и рѣчью уста разомкнулись.
— Ты хочешь проникнуть въ грядущаго тайны; но, вѣдай,
Мы связаны оба таинственной силой, и прежде
Прошедшаго голосъ внемли,—а потомъ ужъ подъемли
Завѣсу съ того, что̀ въ чревѣ грядущаго зрѣетъ.
Во мракѣ гробницъ обитаетъ мой взоръ: тамъ почіютъ
Народы, какъ спятъ у васъ въ памяти мысли и думы—
Спокойно и тихо: я властенъ ихъ вызвать изъ вѣчной темницы,
Какъ можешь въ душѣ пробудить ты прошедшія мысли...
Какъ образы ихъ предо мною въ тѣни кипарисовъ,
Накрывшихъ могилы, встаютъ исполинскія тѣни
Людей, и народовъ, и царствъ,—все умчало всесильное время!..
Я вижу великую рѣку... всечасно я слышу паденье,
Удары низверженныхъ волнъ съ высоты величавой...
Пространство міровъ ей русло, и межъ нихъ. низвергаясь,
Свергая, снося, обрывая утесы и камни,
Она все несется, подобная вѣчно-живому,
Падущему грозно изъ урны вѣковъ океану...
И гдѣ ей начало, и гдѣ ей конецъ?.. я не знаю...
Но съ бѣгомъ быстрѣй и полнѣе, шумнѣе и шире
Свирѣпыя воды, и мнится, съ паденьемъ ихъ въ бездну,

Обрушится все, что̀ встрѣчалось мнѣ въ бѣгѣ,
Что̀ мчалося съ ними, противясь ихъ силѣ—
Все рухнетъ—и сущіе нынѣ народы, и царства,
Туда же обрушатся въ омутъ, куда уже пали
И Римъ колоссальный, съ всемірнымъ вѣнцомъ и рабами,
Со златомъ палатъ, колесницъ и кровавыхъ ристалищъ,
И Ѳивъ пирамиды, и Мемфиса мраморны стѣны—
И онъ—Вавилонъ, со своей донебесною башней...
Я вижу, блѣднѣя, взираешь ты на̀ эту рѣку
(И смертный, безплотной душой отрѣшившись отъ тѣла,
Обнять ее взоромъ способенъ), и ужасъ колеблетъ
Твой духъ: оглушенный неистовымъ гуломъ паденья,
Влекомыхъ, низверженныхъ ею громадныхъ обломковъ,
Ты мыслишь, что̀ значишь ты самъ въ семъ безмѣрномъ,
Бездонномъ горнилѣ, средь царствъ и имперій?
И страшно исчезнуть тебѣ въ немъ, какъ легкому пеплу,
Подъ крыльями вѣтра, свой путь не означивъ, гдѣ шелъ ты,
Не бросивши трудъ исполинскій въ всеобщую бездну...
Смѣшное мечтанье!.. Источникъ отчаянья горькій!
Взгляни вкругъ себя на роскошную матерь-природу,
Какъ съ каждой весной она новыя силы являетъ,
Богатства свои измѣняя, какъ новую ризу;
Все такъ же она, какъ и прежде, въ величіи стройномъ
Рождаетъ деревья и травы и льетъ голубые
Ручьи, оглашая ихъ пѣньемъ пернатаго царства.
Но это—одежда, не болѣ, она жъ неизмѣнна...
Подобно природѣ живетъ человѣчество: часто
Смѣняются, шумно чредуясь, идутъ поколѣнья:
Они—лишь одежда безсмертнаго, вѣчнаго духа...
Какъ тополь и ландышъ прекрасны въ убранствѣ природы—
Такъ каждому мѣсто свое въ поколѣньѣ; какъ роза,
Какъ терній въ природѣ,—въ гармоніи общей всѣ люди
Въ цѣпи человѣчества—всѣ непремѣнныя звенья...
Какъ тамъ, посреди преходящихъ явленій юдольнаго міра,
Однажды-рожденныя высятся горы,—такъ вѣчно
Останется ясенъ въ потомствѣ не гаснущій геній,
И мысль не погибнетъ въ томъ омутѣ мрачномъ;
Самъ геній не мыслитъ о славѣ,—и зрѣетъ въ трудѣ онъ...
Ты хочешь, чтобъ передъ твоей тріумфальной статуей
Потомокъ съ главой проходилъ обнаженной... Послушай,
Не бѣгай, какъ юноша пылкій за гордою дѣвой,
За славой: трудися. Сама прійдетъ гордая дѣва,
Отыщетъ чело ей любезное, лавромъ накроетъ;
Въ живыхъ не застанетъ—отыщетъ гробницу, украситъ

Вѣнцомъ и тріумфомъ, и если бы кости и прахъ твой
Разсѣялись вѣтромъ, и въ черепѣ нѐтопырь дикій
Гнѣздо свое вилъ,—освятитъ она пепелъ бездушный,
Вкругъ сторожемъ станетъ и путника вдругъ преисполнитъ
Восторгомъ, и слезы и думу тебѣ посвятитъ онъ...
Такъ жертвуютъ Гвебры могучему Фебу не въ храмѣ—
Въ снѣжныхъ горахъ, подъ шатромъ безконечнаго неба.

1843.

II.

Во мнѣ сражаются, меня гнетутъ жестоко
Порывы юности и опыта уроки.
Меня влекутъ мечты, во мнѣ бунтуетъ кровь,
И знаю я, что все—и пылкая любовь,
И пышныя мечты пройдутъ и охладятся,
Иль къ безднѣ приведутъ... Но съ ними жаль разстаться!
Любя, увѣренъ я, что скоро разлюблю,
Порой, притворствуя, самъ клятвою шалю;
Внимаю ли изъ устъ, привыкшихъ лицемѣрить,
Коварное „люблю“, я имъ готовъ повѣрить;
Порой бѣшусь, зачѣмъ я чувство удержалъ;
Затѣмъ въ душѣ моей, волненіямъ открытой,
Отъ всѣхъ высокихъ чувствъ осадокъ ядовитый.

(1845).

VI.

ЖИТЕЙСКІЯ ДУМЫ.

I.

ПОСЛѢ БАЛА.

Мнѣ душно здѣсь! Вашъ міръ мнѣ тѣсенъ!
Цвѣтовъ мнѣ надобно, цвѣтовъ,
Веселыхъ лицъ, веселыхъ пѣсенъ,
Горячихъ споровъ, острыхъ словъ,
Гдѣ бъ былъ огонь и вдохновенье,
И безпорядокъ, и движенье,
Гдѣ бъ походило все на бредъ,
Гдѣ бъ каждый былъ хоть мигъ—поэтъ!
А то—сберетеся вы чинно;
Гирлянды дамъ сидятъ въ гостиной;
Забава ихъ—хула и ложь;
Танцуетъ въ залѣ молодежь—
Дѣвицы съ устъ улыбку гонятъ,
По лицамъ ихъ не разберешь—
Тутъ веселятся иль хоронятъ...
Вы сами—бьетесь въ ералашъ,
Чинопоклонствуете, лжете,
Торгуете и продаете—
И это праздникъ званый вашъ!
Не даромъ, съ бала исчезая
И въ санки быстрыя садясь,
Какъ будто силы оправляя,
Корнетъ кричитъ: пошелъ въ танцклассъ!
А ваши дамы и дѣвицы
Изъ-за кулисъ бросаютъ взоръ
На пиръ разгульной модной львицы,
На золотой ея позоръ!

1850.

II.

УТОПИСТЪ.

Свои помѣстья умнымъ нѣмцамъ
На попеченіе отдавъ,
Ты самъ межъ ними чужеземцемъ
Проводишь вѣкъ—и что̀ жъ? ты правъ...

Твои мечты витаютъ выше...
Что̀ передъ ними—нищихъ полкъ,
Да избы съ сломанною крышей,
Да о житейскихъ дрязгахъ толкъ?
Подобно мудрому Зевесу,
Ты въ олимпійской тишинѣ,
На міръ накинувъ тучъ завѣсу,
Сидишь съ собой наединѣ.
Сидишь—для міра вымышляя
И лучшій строй, и новый чинъ,—
И весь Олимпъ молчитъ, гадая,
Чѣмъ озабоченъ властелинъ?..
И лишь для рѣзваго Эрота—
У жизнедавца и отца
Міродержавная забота
Спадаетъ съ грознаго лица.
1857.

III.

Передъ твоей душой пугливой
Титаномъ гордымъ онъ предсталъ,
Въ которомъ міръ непрозорливый
Родства съ богами не призналъ.
И ты, воспитанная въ горѣ,
Внезапнымъ свѣтомъ залита̀,
Въ замаскированномъ актерѣ
Не разгадала ты—шута̀!
И, какъ обманутая Геба,
Ты отъ Зевесова стола,
Скорбя, ему, какъ сыну неба,
Зевесовъ нектаръ подала...
Чтобъ заглушить его угрозы
Всему, что̀ дорого тебѣ,
Ты падаешь, глотая слезы,
Къ его стопамъ, въ нѣмой мольбѣ;
Но тщетно трепетныя руки
Зажать уста его хотятъ!
Твои младенческія муки
Его смѣшатъ и веселятъ...
Ему такъ новы—думъ свобода
И свѣжесть чувствъ въ твоихъ рѣчахъ,
Какъ горожанину природа
Въ весеннихъ краскахъ и лучахъ.
1853.

IV.

Боишься ты прослыть глупцомъ
И средь пирушки откровенной
Хранишь упорно видъ степенный
И смотришь важнымъ мудрецомъ.
Ты критикуешь очень здраво,
Что̀ Вакхъ внушаетъ намъ лукавый...
Но извини,—все зло въ винѣ!—
Что вдругъ пришелъ на память мнѣ
Одинъ хористъ, синьоръ Скоттини,
Который тщился показать
Всегда, что онъ-то могъ бы дать
Урокъ безсмертному Рубини,
Когда тотъ плакалъ и рыдалъ,
И, имъ глубоко потрясенный,
Ему, очнувшійся мгновенно,
Въ слезахъ театръ рукоплескалъ.
(1853).

V.

ВЕСЕННІЙ БРЕДЪ.

(М. П. Заблоцкому).

Здорово, милый другъ! Я прямо изъ деревни!
Былъ три дня на конѣ, двѣ ночи спалъ въ харчевнѣ,
Усталъ, измучился, но какъ я счастливъ былъ,
И какъ на счетъ костей я душу освѣжилъ!
Ужъ въ почкахъ яблони; жужжатъ и вьются пчелы;
Ужъ свѣжей травкою подернулась земля...
Вчера Егорьевъ день—какой гурьбой веселой
Деревня выгнала стада свои въ поля!
Священникъ съ причетомъ, крестомъ и образами
Молебенъ отслужилъ предъ пестрыми толпами
И, окропивъ водой, благословилъ стада—
Основу счастія и сельскаго труда.
И къ морю я забрелъ: что̀ плещутся уклейки!
Въ бору застигъ меня весенній первый громъ,
И первымъ дождикомъ облитый, какъ изъ лейки,
Продрогши, ввечеру согрѣлся я чайкомъ
Въ трактирѣ съ чухнами, среди большой дороги.
Но сколько испыталъ я въ сердцѣ новыхъ чувствъ!

Продумалъ сколько думъ о мірѣ и о Богѣ,
Провѣрилъ наши всѣ теоріи искусствъ,
Все перебралъ, о чемъ съ тобой мы толковали,
Искали истины—и безпощадно врали!
Повѣришь ли, мой другъ, что на конѣ верхомъ,
Или ворочаясь въ ночи на сѣновалѣ,
Межъ тѣмъ какъ вкругъ шумѣлъ весь постоялый домъ,
Проѣзжіе коней впрягали, отпрягали,
И подлѣ же меня до утреннихъ лучей
Я слышалъ чавканье коровъ и лошадей,—
Я, другъ мой, нашу всю науку пересòздалъ!
Ученымъ и тебѣ—всѣмъ по заслугамъ вòздалъ!
Я думалъ: Боже мой! Ну вотъ, межъ тѣмъ какъ я
Съ душою, раннею весною обновленной,
Такъ ясно вижу все, и разумъ просвѣтленной
Отвагой дышитъ, полнъ сердечнаго огня,—
Ты, въ душной комнатѣ, боясь сквозного вѣтру,
О мірѣ, можетъ-быть, систему сочинилъ...
О, вандалъ! Ты весну не сердцемъ ощутилъ—
Прочелъ въ календарѣ, узналъ по барометру!
Вѣдь такъ и съ истиной въ наукѣ-то у васъ!
Вы томы пишете, начнете свой разсказъ
Съ ассиріянъ, мидянъ и кончите Россіей,—
И что̀ жъ? Толкуя намъ, какъ думали другіе,
Сказали ли хоть разъ, какъ думаете вы?
Ну, что̀ бы подойти къ предмету просто, прямо,
Чѣмъ споры древнихъ лѣтъ поддерживать упрямо
Съ надменной важностью безсмысленной совы?
О, эрудиція! О, школьныя вериги!
Да что̀ за польза намъ, что поняли вы книги!
Нѣтъ, дайте истины живое слово намъ,
Какъ видѣлась она стариннымъ мудрецамъ,
Еще блестящая восторгомъ вдохновенья
И окропленная слезами умиленья!
Она—дитя любви и жизни,—не труда!
Ученость вѣдь еще не мудрость, господа!
Системы, сшитыя логически и строго—
Хитро создàнный храмъ, въ которомъ нѣтъ лишь—Бога!
Но, впрочемъ, вы враги восторга и мечты!
Вы—положительны! Для васъ въ наукахъ точность
Ручательство за ихъ достоинство и прочность,
И, изучая жизнь, что̀ вамъ до красоты!
„Все бредъ, что̀ пальцами ощупать невозможно!
Намъ греки не примѣръ: они учились жить

И міръ невидимый старались объяснить;
Мы цѣнимъ только то, что̀ твердо непреложно",—
И въ цифрахъ выразить готовы вы весь міръ!..
Что̀ я пойму, когда, описывая пиръ,
Ты скажешь—столько-то бутылокъ осушили?
Нѣтъ, было ль весело, скажи, и какъ вы пили?
И въ грязномъ кабакѣ бутылкамъ тотъ же счетъ,
Что̀ у дворецкаго въ Перикловомъ чертогѣ,
Гдѣ пировалъ Сократъ и поучалъ народъ
О благѣ, красотѣ и о единомъ Богѣ.
И много сто̀итъ вамъ и муки и трудовъ
Найти у грековъ счетъ ихъ селъ и городовъ,
Или республикъ ихъ опредѣлить доходы...
О, близкіе еще къ младенчеству народы!
Вѣдь о грамматикѣ не думали они,
А пѣли ужъ стихи великой Иліады,
И эта пѣснь жива еще по наши дни
И служитъ намъ еще, какъ ключъ въ степи, отрадой...
Я каюсь, милый мой, брани меня, ругай,
Иль дѣйствіемъ весны на разумъ объясняй,
Но мысли странныя въ умѣ моемъ рождались.
Представилъ живо я нашъ непонятный вѣкъ,
Все, что̀ мы видѣли, чѣмъ жили, вдохновлялись
И, какъ игрушкою наскучивъ, въ быстрый бѣгъ
Отъ стараго впередъ все далѣ устремлялись;
Припомнилъ лица я, и страсти, и слова,
И вопль паденія, и клики торжества,
Что̀ вырывалося внезапно, вдохновенно,
Что̀ было жизнію, казалось всей вселенной,
Въ чемъ каждому изъ насъ была и роль и честь, —
И вдругъ подумалъ я—пройдетъ столѣтій шесть,
И кинется на насъ ученыхъ вереница!..
Я думалъ—Боже! какъ ихъ вытянутся лица,
Когда въ громадѣ книгъ, что̀ нашъ оставитъ вѣкъ,
Ища съ трудомъ у насъ Сократовъ и Сенекъ,
Найдутъ какія-то печальныя замѣтки—
Сухого дерева раскрашенныя вѣтки!
Увидятъ кипы книгъ, истлѣвшія въ пыли,
Гдѣ правила ремеслъ въ науки возвели;
Тамъ сочиненіе, подъ коимъ гнется полка—
„О цѣнности вещей въ правленье Святополка".
Увидятъ, что у насъ равно оцѣнены
За остроту ума и реалистъ и мистикъ;
Тамъ цифры мертвыя безжизненныхъ статистикъ,

Романы самые статистикой полны...
Найдутъ, какъ тщилися тугіе корнесловы
Языкъ нашъ подвести подъ чуждыя оковы;
Откроютъ критиковъ и важныхъ и смѣшныхъ;
Грамматиковъ—и, ахъ! несходство между нихъ!
Историковъ идей, историковъ событій,
Историковъ монетъ, историковъ открытій...
Но, исчисляя тутъ познаній нашихъ кругъ,
Одну припомнилъ я науку, милый другъ,
И такъ захохоталъ среди ночного мрака,
Что спавшая въ сѣняхъ залаяла собака.
Вѣдь мало намъ наукъ и сложныхъ и простыхъ!
Намъ мало даже книгъ, хоть перечесть ихъ мука!
Для насъ еще нужна еще особая наука—
Исторія... чего?.. Да этихъ самыхъ книгъ!..
Но мой шутливый смѣхъ и грустію смѣнялся,
И съ горемъ пополамъ, ей-Богу, я смѣялся,
Покуда крѣпкій сонъ меня не уломалъ.
Когда жъ проснулся я, востокъ зарей сіялъ,
Летѣли облака съ зардѣвшими краями,
Какъ полчища, пройти предъ царскими очами
Готовыя на смотръ; и несся паръ сѣдой
Надъ сталью озера; земля ночнымъ морозомъ
Была окрѣплена съ подмерзнувшей травой,
И тонкій ледъ звенѣлъ, дробяся подъ ногой.
Пора ужъ двигаться ночевщикамъ-обозамъ!
Взъерошенный мужикъ ужъ вылѣзъ на крыльцо
Расправить холодкомъ горячее лицо
И мрачно чешется... Тамъ мальчуганъ пузатый
Съ просонокъ поднялся и выскочилъ изъ хаты,
И сталъ какъ Купидонъ извѣстный у ключа...
Весь домъ задвигался, зѣвая и ворча.
Пора на рынокъ въ путь лѣнивому чухонцу...
Телѣги тронулись... И мнѣ коня! И въ путь!
Куда?.. Куда-нибудь! Да хоть навстрѣчу солнцу!
О, радостная мощь мою подъемлетъ грудь!
Дыханье такъ свѣжо и вылетаетъ паромъ!
И мысль во мнѣ кипитъ, свѣтлѣя и горя,
Какъ будто глянула и на нее заря,
Пылающая тамъ, по небесамъ, пожаромъ!
Какъ будто кто-то мнѣ таинственно шепталъ,
Когда вчерашній бредъ я свой припоминалъ,
И „радуйся!—вѣщалъ—что ты рожденъ поэтомъ!
Пускай ученые трудятся надъ скелетомъ!

Пусть строятъ плотники науки прочный храмъ!
Мысль зданья имъ чужда,—но каждый пусть келейникъ
Несетъ соломинку на общій муравейникъ!
Ты жъ избранъ говорить грядущимъ племенамъ
За вѣкъ, за родину! Тебѣ предъ свѣтомъ цѣлымъ
Глаголомъ праведнымъ и вдохновенно-смѣлымъ
Ихъ душу возвѣстить потомству суждено!
Ученымъ—скорлупа! Тебѣ, пѣвецъ, зерно!
Въ тебѣ бьетъ свѣтлый ключъ науки вѣчно новой!
Въ тебѣ живая мысль выковываетъ слово—
Пусть ловятъ на лету грамматики его:
Оно лишь колыбель созданья твоего!
Пускай родной языкъ непризванные мучатъ,
На чуждый образецъ его ломаться учатъ,
Клеймятъ чужимъ клеймомъ и гнутъ въ свое ярмо:
Ты видишь, точно конь онъ дикій не дается
И въ пѣнѣ ярости и бѣсится, и бьется,
И силится слизать кровавое клеймо.
Но кàкъ онъ вдругъ дохнетъ родныхъ степей разгуломъ
Подъ ловкимъ всадникомъ! Какъ мчится по полямъ!
Вѣдь только пыль змѣею вьется по слѣдамъ,
И только полнится окрестность звонкимъ гуломъ!“

(1854).

VI.

АРЛЕКИНЪ.

Меня всю ночь промучилъ сплинъ.
Передо мной къ стѣнѣ прибитый
И, видно, няней позабытый,
Висѣлъ бумажный арлекинъ.
Едва хочу я позабыться—
Вдругъ арлекинъ зашевелится,
Начнетъ приплясывать, моргать,
И точно хочетъ чтò сказать.
Я ободрилъ его. Онъ началъ:
—У васъ мнѣ просто нѣтъ житья.
Здѣсь для дѣтей забава я,
А то ли я въ Европѣ значилъ?
Тамъ всѣ ужъ знаютъ и твердятъ,
Что нынче вѣкъ арлекинадъ.
Мы маскируемся, хлопочемъ,
Кутимъ, жуируемъ, морочимъ,

И, свѣтъ волнуя и губя,
Тишкомъ смѣемся про-себя.
Но ты меня не понимаешь...
Не мудрено! Ты знаешь свѣтъ
Изъ книгъ французскихъ да газетъ;
И, вѣрно, все воображаешь,
Что арлекинъ—острякъ и шутъ,
Философъ жизни, умный плутъ,
Другъ Бахуса и всякой снѣди—
Есть вымыслъ площадныхъ комедій.
Такъ было прежде, въ старину.
Тогда насъ въ строгости держали,
Тогда мы роль свою играли
Исправно... даже не одну
Услугу людямъ оказали...
Скажу не обинуясь: міръ
Впередъ мы двигали чудесно,
Когда какой-нибудь безвѣстной
Намъ роли сочинялъ Шекспиръ.
Такихъ Шекспировъ было много
Во всѣхъ родахъ. Ихъ здравый умъ
Всѣмъ и всему судья былъ строгой.
Ихъ смѣхъ былъ плодъ глубокихъ думъ...
На площади за ширмой пестрой
Мы зло язвили шуткой острой,
И къ намъ ѣзжала даже знать,
Чтобъ каламбуръ у насъ занять—
Инкогнито!.. Мы безпристрастно
Тартюфовъ ставили на смѣхъ;
Критиковали даже тѣхъ,
Кого критиковать опасно:
Извѣстный взяточникъ и воръ
Боялся насъ какъ привидѣнья;
Въ дѣлахъ правленья самый дворъ
Насъ принималъ въ соображенье.
А шарлатановъ-докторовъ,
Сластолюбивыхъ старичковъ,
И легкихъ модниковъ-аббатовъ,
Скупцовъ и плутовъ-адвокатовъ,
Старухъ—охотницъ до интригъ—
Держалъ въ острасткѣ нашъ языкъ.
Такъ въ нашемъ смѣхѣ и злословьѣ
Нашли орудье короли,
Чтобъ соръ мести съ лица земли;

И насъ любили всѣ сословья:
Въ нихъ силы наша болтовня
Возобновляла, какъ лѣкарство,
Тѣмъ въ равновѣсіи храня
Всѣ элементы государства.
Плѣнясь критическимъ умомъ
И нашей рѣчи бойкой солью,
Насъ свѣтъ иной, важнѣйшей ролью
Рѣшился наградить потомъ.
„Вы гнать умѣете пороки,—
Сказалъ,—подайте же вы намъ
Высокой мудрости уроки!
Какъ дѣти ввѣримся мы вамъ.
Всей государственной машинѣ
Вы чудный сдѣлали разборъ—
Такъ перестройте жъ насъ вы нынѣ—
Да новый міръ пойдетъ съ сихъ поръ!“
Въ насъ умъ всегда былъ смѣлъ и скоръ.
Въ мигъ планъ готовъ—и ухватились
За трудъ съ увѣренностью мы.
Мы къ той порѣ ужъ поучились,
И наши бойкіе умы
Ужъ въ философію пустились;
Пьеро надѣлъ уже парикъ,
И точно—царь былъ въ царствѣ книгъ!
И мы пошли ломать. Трещало
Все, что̀ построили вѣка...
Грядущее издалека
Намъ средь руинъ зарей сіяло...
Но вдругъ средь нашихъ сладкихъ сновъ
Средь нашихъ пламенныхъ теорій—
Мы слышимъ черни ярый ревъ:
Какъ будто вдругъ изъ береговъ,
Бушуя, выступило море!..
Мы въ ужасѣ глядимъ кругомъ,
И что̀ жъ? Какъ демоны въ потемкахъ,
Одни стоимъ мы на обломкахъ;
Добро упало вмѣстѣ съ зломъ!
Всѣ наши пышныя идеи
Толпа буквально поняла,
И ужъ кровавые трофеи,
Вопя, по улицамъ влекла...
Но это все тебѣ извѣстно;
Ты знаешь, какъ одни изъ насъ,

Противу черни ополчась,
Погибли праведно и честно;
Но ты не знаешь одного—
Что многимъ голову вскружило
Господство, власть и торжество,
А съ тѣмъ и деньги... Да, мой милой!
Кто разъ ужъ сладко ѣлъ и пилъ,
Тотъ аппетитъ ужъ наострилъ!
Мы взять попробовали силой—
Да не смогли: „Ну, такъ постой,—
Мы думали:—народъ пустой!
Подобье вѣчное Сатурна!
Мы какъ-нибудь найдемъ лафу
И такъ поддѣнемъ, на фу-фу!
Половимъ рыбки: море бурно!..
Міръ самъ пойдетъ своимъ путемъ,—
А мы съ него свое возьмемъ—
И вотъ какъ: рѣшено, что дурно
Все старое, какъ сгнившій плодъ;
Ну, такъ возьмемъ наоборотъ—
Перевернемъ все наизнанку;
Взболтаемъ цѣлый міръ какъ склянку—
Чему на днѣ быть—упадетъ,
Чему вверху—на верхъ всплыветъ!..
То, что̀ считалось безобразнымъ,
Мы совершенствомъ назовемъ;
Что̀ искони казалось грязнымъ,
Мы въ томъ высокое найдемъ...“
Но, впрочемъ, эти штуки мелки,
И занимаютъ лишь дѣтей
Литературныя продѣлки.
Тутъ были вещи покрупнѣй.
Притомъ у насъ литература
Была неважная фигура.
Одинъ слезами тѣшилъ дуръ,
Другой ругался черезчуръ,
Такъ что открылась штука эта,
И міръ смекнулъ, стряхнувши сплинъ,
Что въ маскѣ чахлаго поэта
Румяный крылся арлекинъ.
Нѣтъ, вотъ гдѣ болѣе отваги!
Смотри́-ка, дерзость какова!
Мы появилися какъ маги,
Вѣщали чудныя слова;

Со всѣмъ величіемъ пророка
Провозглашали: „Нѣтъ порока!
Для плоти наступилъ свой вѣкъ!
Стыдъ, совѣсть—робкихъ душъ тревога!
Въ страстяхъ познайте голосъ бога,
И этотъ богъ—есть человѣкъ!..»
Благоуханными словами
Навербовали мы толпами
Жрецовъ, а особливо жрицъ
Изъ женъ, скучающихъ мужьями,
И неутѣшенныхъ вдовицъ.
Въ своемъ безсовѣстномъ ученьѣ
Открывъ всѣмъ мерзостямъ прощенье,
Пустили по̀-свѣту гулять
Мы Мессалинъ и Донъ-Жуановъ,
И куча мелкихъ партизановъ
Пошли ихъ роль перенимать.
Они взялись за дѣло прочно
И, предъ испуганной толпой,
Плевали, съ наглостью тупой,
Въ лицо весталки непорочной,
Имъ недоступной, имъ чужой!
Прикрывши граціей безстыдство,
Они всѣмъ блескомъ сибаритства
Ловили въ сѣти и дѣтей,
Ихъ развращая въ цвѣтѣ дней...
Тутъ было чистое злодѣйство,
Но наши новые жрецы
Втирались въ мирныя семейства
И утучнялись какъ тельцы...
Но все же этимъ аферистамъ
Не такъ продѣлка удалась,
Какъ арлекинамъ-журналистамъ.
Въ нихъ оцѣнить ты можешь насъ.
Вотъ знаютъ, гдѣ и какъ ударить!
Вотъ мастера-то, чортъ возьми!
Насчетъ умовъ въ карманахъ шарить
И слыть честнѣйшими людьми!
Сбирая дани съ музъ и грацій
Натурой, дѣньгой, тѣмъ и тѣмъ,
Они для вѣрныхъ спекуляцій
Какихъ ни строили системъ!
Ужъ въ чемъ другихъ ни увѣряли,
Не вѣря ровно ничему!

Казалось всѣмъ—они лишь знали,
Что̀ неизвѣстно никому.
Родъ человѣческій такъ падокъ
Вѣдь на таинственность: они,
Какъ сфинксы, полные загадокъ,
Являлись черни въ оны дни!
Отъ нихъ услышать голосъ Божій
Къ нимъ собиралися толпы
Великодушной молодежи,
Чуть не цѣлуя ихъ стопы.
И сфинксъ, въ нихъ разжигая страсти,
Себѣ прокладывалъ въ тиши
На ихъ плечахъ дорогу къ власти
И съ благородства ихъ души
Сбиралъ тихонько барыши.
Такъ шарлатанствомъ и коварствомъ
Опять вступили мы въ почетъ,
Опять правленье государствомъ
Вручилъ намъ вѣтреный народъ,—
И—мы попали въ депутаты...
О, если бъ видѣлъ ты палаты!
Вотъ маскарадъ-то! Шумъ и гамъ!
Куда ни взглянешь—тутъ и тамъ
Все арлекинъ на арлекинѣ
Въ патріотической личинѣ!..
Ну, тутъ пошелъ такой кутежъ,
Что ужъ теперь не разберешь!
Во имя братства и свободы
Мы взбаламутили народы,
Имъ обѣщая дать уставъ,
Какъ жать не сѣявъ, не пахавъ.
Хоть, правда, два-три человѣка
Наладить думали ходъ вѣка,—
Да гдѣ имъ? Главная-то часть
Была у насъ—казна и власть,
Въ рукахъ—голодной черни стая,
Толпа фанатиковъ слѣпая
Да бѣглецы со всей земли.
Такъ мы въ республику сыграли,
Потомъ имперію создали,
Въ парламентъ англійскій вошли...
И два враждебные народа,
Сдруживъ для Крымскаго похода,
На помощь туркамъ повели...

Все бъ это ничего, конечно,
Когда бы въ то, что̀ мы творимъ,
О чемъ мы пишемъ и кричимъ,
Мы вѣрили чистосердечно,—
Нѣтъ, вѣры нѣтъ въ насъ на алтынъ!
Вѣдь смѣхъ: почтенный господинъ
Громитъ съ трибуны—плещутъ массы,
А подо всѣ его возгла̀сы
Въ душѣ витіи арлекинъ
Толпѣ коверкаетъ гримасы!
Я самъ... Да что̀ и поминать!
Увы! Nessun maggior dolore,
Какъ вспоминать про счастье въ горѣ!
Насъ стали тамъ ужъ понимать.
Народъ—не тотъ, что̀ пьетъ и пляшетъ,
А тотъ, который жнетъ и пашетъ,
Сталъ дѣло, кажется, смекать;
А этихъ пахарей печальныхъ,
Отцовъ семействъ патріархальныхъ,
Возросшихъ средь лѣсовъ и горъ,
Мы очень трусимъ съ давнихъ поръ...
Къ тому жъ еще ударъ жестокой:
Оскорблена въ душѣ высокой,
Ужъ видитъ наша молодежь,
Что силы, умъ ея, здоровье
Погибли, защищая ложь,
Въ великолѣпномъ пустословьѣ:
И многіе въ душѣ своей
Даютъ обѣтъ—отъ критиканства,
Отъ пустоты и шарлатанства
Предохранить своихъ дѣтей...
Я думалъ—ужъ не дать ли тягу
Да здѣсь въ Россіи покутить...
Но какъ наказанъ за отвагу!
Не знаю, какъ и пережить!
Вѣдь вы одни для насъ и грозны.
Вы слишкомъ вообще серьезны.
Я здѣсь безъ вѣсу, безъ гроша.
Иначе тѣшится Россія!
У ней и въ смѣхѣ есть душа
И въ шуткахъ—думы вѣковыя!
У васъ есть вѣра въ вашу Русь
А вѣдь и камни движетъ вѣра!
Нѣтъ, я ошибся. Признаюсь,

Ужъ вотъ урокъ-то! Вотъ карьера!
Мальчишка дергаетъ шнурокъ,
А я и прыгай что̀ есть ногъ,
Пока не пуститъ онъ шнурочка!..
Послушай, сжалься надо мной!
Пусти меня! Сними съ гвоздочка!
Мнѣ, право, надобно домой!
Идетъ къ концу арлекинада—
Такъ приготовиться мнѣ надо
Собой украсить мовзолей
Великихъ тамошнихъ людей.
(1854).

VII.

Уйди отъ насъ! Языкъ твой насъ пугаетъ!
У насъ сердецъ восторженный порывъ
Передъ твоимъ бездушьемъ замираетъ—
Ты желченъ, золъ, самолюбивъ...
Межъ тѣмъ какъ мы, изъ жизненнаго мрака,
Стряхнувши прахъ вседневной суеты,
Вступаемъ въ царство свѣта,—сзади ты
За икры насъ кусаешь, какъ собака.
1852.

VIII.

(Отрывокъ).

Надъ прахомъ генія свершать святую тризну
Народъ притекъ. Кто холмъ цвѣтами осыпалъ,
Кто звучные стихи усопшаго читалъ,
Гдѣ радовался онъ и плакалъ за отчизну;
И каждый повторялъ, съ слезами на глазахъ:
„Да, чувства добрыя онъ пробуждалъ въ сердцахъ!“
Но вдругъ среди толпы ужасный крикъ я внемлю...
То на̀земь кинулся какъ жердь сухой старикъ.
Онъ корчился, кусалъ и рылъ ногтями землю,
И пѣну ярости точилъ его языкъ.
Его никто не зналъ. Но старшіе въ народѣ
Припомнили, что то былъ старый клеветникъ,
Изъ тѣхъ, чья ненависть и немощная злоба
Шли слѣдомъ за пѣвцомъ, не смолкли и у гроба,
Дерзая самый судъ потомства презирать.
И вотъ, поднявшися и бормоча безъ связи,

На холмъ могильный сталъ кидать онъ комья грязи;
Народъ, схвативъ его, готовъ былъ растерзать,
Но Вождь мой удержалъ. „Вашъ гнѣвъ пѣвца обидитъ“,
Сказалъ: „Стекайтеся, какъ прежде, совершать
Поминки надъ пѣвцомъ и гробъ его вѣнчать,
А сей несчастный—пусть живетъ и видитъ!“
1855.

IX.

НА СМЕРТЬ М. И. ГЛИНКИ.

Еще печаль! Опять утрата!
Опять вопросъ въ душѣ занылъ
Надъ прахомъ бѣднаго собрата:
Куда жъ онъ шелъ? Зачѣмъ онъ жилъ?

Ужель затѣмъ, чтобъ сердца муки
На пѣсни намъ перевести,
Намъ дать въ забаву эти звуки
И неразгаданнымъ уйти?

Я эти звуки повторяю—
Но пѣснямъ, милымъ съ давнихъ дней,
Уже иначе я внимаю...
Онѣ звучатъ уже полнѣй...

Какъ будто въ нихъ теперь всецѣло
Вошла, для жизни безъ конца,
Душа, оставившая тѣло
Ихъ бездыханнаго творца.
1857.

X.

ЭОЛОВЫ АРФЫ.

Засуха!.. Воздухъ спитъ... и небеса молчатъ...
И арфъ эоловыхъ безмолвенъ грустный рядъ...
Тѣ арфы—это вы, пѣвцы моей отчизны!
То образъ вашихъ душъ, исполненныхъ тоской,
Мечтой заоблачной и грустной укоризной!..
Молчатъ онѣ, молчатъ, какъ арфы, въ этотъ зной!..
Но, если бъ мимо ихъ промчался вихремъ геній,
И жизни духъ пахнулъ въ родимой сторонѣ—
Навстрѣчу новыхъ силъ и новыхъ откровеній
Какими бъ звуками откликнулись онѣ!..
1856.

XI.

Какъ чудныхъ странниковъ сказанья
Про дальніе края,
О прошлыхъ дняхъ воспоминанья
Въ душѣ читаю я...

Какъ сонъ блестящій, вижу горы,
Статуи, рядъ дворцовъ,
Рѣзные, темные соборы
Старинныхъ городовъ...

Гремятъ веселые напѣвы
За дружескимъ столомъ:
Въ златомъ туманѣ идутъ дѣвы
Подъ розовымъ вѣнкомъ...

Но клики пира, дѣвъ улыбки
Меня не веселятъ,
И прежде милыя ошибки
Соблазномъ не манятъ...

Иного счастья сердце проситъ...
Ужъ изъ знакомыхъ водъ
Въ иныя воды вѣтеръ вноситъ
Мой челнъ; волна реветъ;

Кругомъ угрюмѣй видъ природы,
И звѣздъ иныхъ огнемъ
Небесъ таинственные своды
Осыпаны кругомъ...

Къ нимъ такъ и тянетъ взоръ мой жадный,
Но ихъ спокойный видъ,
Ихъ блескъ холодный, безотрадный
Мнѣ душу ледянитъ!

За все, чѣмъ прежде сердце жило,
Чѣмъ билось, я дрожу,
И въ даль туманную уныло,
Оставивъ руль, гляжу,—

И не садится ангелъ бѣлый
Къ рулю въ мой утлый челнъ,
Какъ въ оны дни, когда такъ смѣло
Онъ велъ его средь волнъ...

1857.

XII.

Когда, гонимъ тоской неутолимой,
Войдешь во храмъ и станешь тамъ въ тиши,
Потерянный въ толпѣ необозримой,
Какъ часть одной страдающей души:
Невольно въ ней твое потонетъ горе,
И чувствуешь, что духъ твой вдругъ влился
Таинственно въ свое родное море,
И заодно съ нимъ рвется въ небеса...

1857.

XIII.

ФИЛАНТРОПЫ.

Они обѣдали отлично:
Тепло вращается ихъ кровь,
И къ человѣку безгранично
Ихъ разгорѣлася любовь.

Они—и мухи не погубятъ!
И— дай Господь имъ долги дни!—
Мнѣ даже кажется, что любятъ
Другъ друга искренно они!

1853.

XIV.

МАТЬ И ДОЧЬ.

Опрятный домикъ... садъ съ плодами...
Бесѣдки, грядки, цвѣтнички...
И все воздѣлываютъ сами
Мои сосѣди-старички.

Они умѣютъ достохвально
Соединить въ своемъ быту
И романтизмъ сентиментальный
И старыхъ нравовъ простоту.

Полна высокихъ чувствъ святыней
И не растративъ ихъ въ глуши,
Старушка вѣруетъ и нынѣ
Въ любовь за гробомъ, въ жизнь души.

Чужда событій чрезвычайныхъ,
Вся жизнь ея полна была
Самопожертвованій тайныхъ
И угожденій безъ числа.

Пучки цвѣтовъ, вѣнки сухіе
Хранятся въ комнатѣ у ней;
Она святитъ въ нихъ дорогія
Воспоминанья прошлыхъ дней;

Порою въ спальню къ дочкѣ входитъ;
Рукою свѣчку заслоня,
Глядитъ и плачетъ... и приводитъ
Себѣ на память, день отъ дня,

Все прожитое... тамъ все ясно!
О чемъ же сѣтуетъ она?
Иль въ сердцѣ дочери прекрасной
Она читаетъ и сквозь сна!

Старушка мучится сомнѣньемъ,
Что чуждъ для дочки отчій кровъ,
Что дочь съ упрямымъ озлобленьемъ
Глядитъ на ласки стариковъ;

Что въ ней есть странная забота...
Отсталый лебедь—точно ждетъ
Свободной стаи перелёта,
И кликъ заслышитъ—и вспорхнетъ!..

Но не вспорхнетъ она на небо!
Ужъ демонъ вѣка ей шепталъ,
Что жизнь—не мука ради хлѣба,
Что красота есть капиталъ!..

Ей снится огненная зала...
Ей снятся тысячи очей,
За ней слѣдящихъ въ шумѣ бала,
Какъ за царицей бальныхъ фей...

Полночный пиръ... шальныя рѣчи...
Бокалы въ дребезги летятъ...
Покровы прочь! Открыты плечи,
Язвитъ и жжетъ прекрасной взглядъ —

И передъ нею на колѣняхъ
Толпа вельможъ и богачей
Въ мольбахъ неистовыхъ и пеняхъ—
И сыплютъ золото предъ ней!

Уйди, старушка!.. Богъ во гнѣвѣ
Шлетъ бичъ намъ въ дѣтищѣ твоемъ
За попеченье лишь о чревѣ,
И зло караетъ тѣмъ же зломъ!

Великолѣпные чертоги
Твою возлюбленную ждутъ;
Къ ней вѣка денежные боги
На поклоненіе прійдутъ,

И—осмѣявшіе стремленья
Любви мечтательной твоей,
Узнаютъ жгучія мученья
Въ крови родившихся страстей!

И будутъ, млѣя въ жаждѣ страстной,
Искать божественной любви
Подъ этой маской вѣчно ясной,
Подъ этой граціей змѣи!

Напрасно! Нѣтъ!.. одинъ ужъ лопнетъ,
Другой пойдетъ открыто красть,
Острогъ за третьимъ дверь захлопнетъ,
Кто пулю въ лобъ... благая часть!

Одна владычица ихъ міра—
Она лишь блескомъ залита...
Спокойный профиль... взглядъ вампира...
И неподвижныя уста...

1857

XV.

СТАРЫЙ ХЛАМЪ.

Въ мебельной лавчонкѣ, въ старомодномъ хламѣ,
Старые портреты въ полинялой рамѣ.

Все-то косы, пудра, мушки и румяны,
Черезъ плечи ленты, съ золотомъ кафтаны:

Дней давно минувшихъ знатные вельможи—
Полны и дородны, жиръ сквозитъ подъ кожей.

Между ними жены съ лебединой шеей:
Грудь впередъ какъ панцырь, мрамора бѣлѣе.

Волосы горою надъ челомъ ихъ взбиты,
Перьями, цвѣтами пышно перевиты...

И во всѣхъ-то лицахъ выразилъ искусно
Гордость ловкій мастеръ... И смѣшно и грустно!

Кто они такіе? Этихъ лицъ не видно
Въ пышныхъ галлереяхъ, гдѣ почетъ завидной
Вѣкъ нашъ предкамъ добрымъ воздаетъ исправно,
Гдѣ живутъ въ портретахъ старины недавной
Главные актеры, главныя актрисы...
Эти жъ, видно, были вѣку лишь кулисы!
Высшихъ потѣшали пошлымъ обезьянствомъ,
Низшихъ угнетали мелочнымъ тиранствомъ;
А сошли со сцены—всѣмъ вдругъ стали чужды,
И до ихъ портретовъ никому нѣтъ нужды,
И стоятъ у лавки, точно какъ привратникъ,
Старая кокетка, вѣтреный развратникъ!..
Но—вотъ ликъ знакомый, и свѣжѣе краски...
Скоро жъ до печальной дожилъ онъ развязки!
Грубо намалеванъ—а вѣдь образъ чудный!
И его никто-то, въ часъ развязки трудной,
Не сберегъ отъ срама,—и свезенъ жидами
Онъ съ аукціона вмѣстѣ съ зеркалами!..
Крышку ль надъ прекрасной гробъ уже захлопнулъ?
Биржа ль измѣнила? Откупъ, что ли, лопнулъ?..
Въ Римѣ и Аѳинахъ Фрины были, Лиды,
Вѣтреныя жрицы пламенной Киприды;
Но съ Кипридой Музы въ двери къ нимъ влетали,
И у нихъ Сократа розами вѣнчали...
Злая Мессалина, въ дикомъ сладострастьѣ,
Въ Вандалѣ косматомъ обнимала счастье...
Нынѣ чужды Музамъ корифейки оргій;
Чужды Мессалинамъ страстные восторги;
Черезъ нихъ карьеру созидаютъ франты,
И связей и денегъ ищутъ спекулянты...
Узнаю въ портретѣ этомъ я торговку!
Врядъ ли разрѣшала страсть у ней шнуровку;
Но она не мало жертвъ съ сумой пустила
И еще робѣвшихъ воровать учила!
Помню я, бывало, какъ сидитъ въ театрѣ,
Ей партеръ дивится точно Клеопатрѣ;
Плечи восковыя, голова Медеи,
Смоляныя косы сплетены какъ змѣи;
Руку на колѣняхъ на руку сложивши,
Смотритъ исподлобья, губу закусивши,

И изъ полумрака, въ углубленьѣ ложи—
Точно выбираетъ жертву въ молодежи—
Такъ вотъ и казалось—кинется тигрица!..
Не любви, а денегъ жаждала блудница!

1856.

XVI.

ОНЪ И ОНА.

(Четыре картины).

1.

Давно ль была она малютка,
Давно ль вся жизнь ея была
Лишь смѣхъ, да бѣганье, да шутка,
Какъ сонъ легка, какъ май свѣтла?
И вотъ—ласкаясь и безгласно,
Она глядитъ ему въ глаза
Съ такой довѣрчивостью ясной,
Какъ смотрятъ дѣти въ небеса.
А онъ, ребенокъ милый вѣка,
Лепечетъ вдохновенно ей
Про назначенье человѣка,
Про блескъ и славу нашихъ дней,
Про пальмы свѣтлаго Востока,
Про Рафаэлевыхъ Мадоннъ;
Но о любви своей намека
Не смѣетъ выговорить онъ.
Ихъ милый лепетъ, ихъ мечтанья
Порой подслушиваю я—
И точно розъ благоуханье
Пахнетъ внезапно на меня.

2.

Гремитъ оркестръ, вино сверкаетъ
Предъ новобрачною четой,
Счастливецъ-мужъ въ толпѣ сіяетъ
И сѣдинами и звѣздой.

На молодой—горятъ алмазы;
Блестящій свѣтъ у ногъ ея;
Картины, мраморы и вазы—
Все ей твердитъ: здѣсь все твое!

И зажигается румянецъ
Въ ея лицѣ, и вдругъ она
Летитъ безумно въ шумный танецъ,
Какъ бы очнувшись ото сна—

Всѣ рукоплещутъ!.. Имъ не слышно,
Изъ нихъ никто не угадалъ,
Что въ этотъ мигъ отъ дѣвы пышной
На небо ангелъ отлеталъ!

И, улетая, безотрадно
Взиралъ на домикъ, гдѣ дрожитъ
Сожженныхъ писемъ пепелъ хладной,
Гдѣ о слезахъ все говоритъ!

3.

Онъ снесъ ударъ судьбы суровой,
Тоску любви онъ пережилъ;
Въ сухомъ трудѣ для жизни новой
Онъ зачерпнулъ отважно силъ...

И вотъ—идетъ онъ въ блескѣ власти,
Весь въ холодъ правды облеченъ;
Въ груди молчатъ людскія страсти,
Въ груди живетъ одинъ законъ.

Его ничто не возмущаетъ:
Какъ жрецъ, безъ внутреннихъ тревогъ,
Во имя буквы онъ караетъ
Тамъ, гдѣ помиловалъ бы Богъ...

И если вдругъ, какъ стонъ въ пустынѣ,
Какъ кликъ невѣдомой борьбы,
Отвѣтитъ что-то въ немъ и нынѣ
На вопль проклятья и мольбы—

Онъ вспомнитъ все, что̀ прежде было,
Любви и вѣры благодать,
И ту, что̀ сердце въ немъ убила—
И проклянетъ ее опять!

4.

Какъ перелетныхъ птичекъ стая
Встрѣчать весну у теплыхъ водъ,
Готова въ путь толпа густая.
Ворча, дымится пароходъ.

Средь бѣготни, подъ смѣхъ и горе,
Смягчаютъ мигъ разлуки злой

И солнца блескъ, и воздухъ съ моря,
И близость воли дорогой.

Но вотъ среди блестящей свиты
Жена прекрасная идетъ;
Лакей, весь золотомъ залитый,
Предъ ней расталкивалъ народъ...

И всѣ сторонятся съ молчаньемъ,
Съ благоговѣйною душой,
Предъ осіянною страданьемъ
И міру чуждой красотой.

Какъ будто смерти тихій геній
Надъ нею крылья распростеръ,
И намъ невѣдомыхъ видѣній
Ея духовный полонъ взоръ...

Свистя, на палубу змѣею
Канатъ откинутый взвился,
И надъ качнувшейся волною
Взлетѣла пыль отъ колеса:

Она на берегъ уходящій
Едва глядитъ; въ туманѣ слезъ
Уже ей виденъ Югъ блестящій,
Отчизна миртовъ, царство розъ;

Но этотъ темный миртъ уныло,
Подъ гнетомъ каменнаго сна,
Стоитъ надъ свѣжею могилой,
И въ той могилѣ спитъ она—

Одна, чужда всему живому,
Какъ бы на казнь обречена—
За то, что разъ тельцу златому
На мигъ повѣрила она.

1857.

XVII.

ПРИДАНОЕ.

По городу плачъ и стенанье...
Стучитъ гробовщикъ день и ночь...
Еще бы ему не работать?
Просваталъ красавицу-дочь!

Сидитъ гробовщица за крепомъ
И шьетъ,—а въ глазахъ, какъ узоръ,

По черному такъ и мелькаетъ
Въ цвѣтахъ подвѣнечный уборъ.

И думаетъ: „Справлю жъ невѣсту,
Одѣну ее, что̀ княжну—
Княженъ повидали мы вдоволь—
На-дняхъ хоронили одну:

Все розаны были на платьѣ,
Почти подъ вѣнцомъ померла:
Такъ, въ брачномъ нарядѣ, и клали
Во гробъ-то̀... красотка была!

Одѣнемъ и Глашу не хуже,
А въ церкви всѣ свѣчи зажжемъ;
Подумаютъ: графская свадьба!
Ужъ въ грязь не ударимъ лицомъ!..“

Мечтаетъ старушка—у двери жъ
Звонокъ за звонкомъ... „Ну, житье!
Заказовъ-то—Господи Боже!
Знать, Глашенька, счастье твое!“

1859.

XVIII.

ДРУГУ ИЛЬѢ ИЛЬИЧУ.

Илья Ильичъ! Позволь, пока еще я смѣю
Гордиться дружбою высокою твоею,
Позволь воспѣть звѣзду всходящую твою!
Покинешь скоро ты друзей своихъ, семью,
И потеряешься для нихъ въ сіяньи свѣта—
Недосягаемомъ для бѣднаго поэта!
Позволь мнѣ хоть сказать, какъ я люблю тебя,
Какъ милъ ты мнѣ, когда, гаванскій дымъ клубя,
Прихлебывая, пьешь ликеръ ты благовонный
Иль сельтерской водой клико остепененный;
И въ этотъ сладкій часъ, между ѣды и картъ,
Въ бюрократическій приходишь вдругъ азартъ
И перестроивать, съ верховъ до основанья,
Все за̀ново начнешь общественное зданье!
О, какъ мы слушаемъ! Какъ нашъ ученый Шмитъ—
Сей нигилистовъ бичъ—отъ счастія пыхтитъ!
А юный правовѣдъ—сей баловень фортуны—
Какъ будто ловитъ онъ рѣчей своихъ перуны
И прячетъ ихъ въ карманъ, чтобъ ими, можетъ-быть,
Въ бумагахъ дѣловыхъ эффектно погромить!
А Петръ Петровичъ! Титъ Ѳомичъ! И я-то, грѣшный,

Мы таемъ, учимся, и, вѣрь—не безуспѣшно!
Какіе новые пружины и винты
Въ гражданскій механизмъ искусно вводишь ты!
Какой изъ рукъ твоихъ, въ жизнь дикаго народа,
Ручной голубкою влетѣла бы свобода!
Я слушаю, лежу спокойно на софѣ,
И вижу, что и я, въ особенной графѣ,
Въ теоріи твоей стою, и такъ же точно
Всѣ—пирамидою, осмысленно и прочно,
Сложились шестьдесятъ мильоновъ русскихъ душъ!
И какъ мы всѣ цвѣтемъ! О, Богомъ данный мужъ!
Все—даже дикая, шальная эта дура,
Вдругъ стала умницей такой—литература!
Не бьетъ изъ пустяковъ отчаянно въ набатъ,
А стала вѣжливо указывать развратъ,
И можетъ господинъ солидный преспокойно
Дать все читать женѣ и дочкѣ—все пристойно!..
Мнѣ даже кажется, что стали наѣзжать
Ужъ нѣмцы къ намъ твое созданье изучать,
Дивясь, какой судьбой на „свинской“ почвѣ русской
Вдругъ стало пахнуть все идилліей французской!
Конечно, иногда меня смущаетъ тутъ
Одно сомнѣніе: народецъ русскій—плутъ!
Не споритъ никогда, но всюду, какъ по стачкѣ,
Какъ въ яму спуститъ вдругъ, глядишь, по одиночкѣ,
Созданья лучшія ученѣйшихъ головъ,
И какъ ты ни пиши, что̀ съ нимъ ни трать ты словъ,—
Онъ отъ тебя бѣжитъ подъ сѣнь родного мрака,
Какъ отъ нѣмецкаго намордника собака!
Но ты—ты сладишь съ нимъ... вотъ только бъ проложить
Тебѣ тропинку-то!.. Вотъ только бъ обратить
Вниманье... знаешь... тамъ!.. Лишь тамъ бы захотѣли
Понять твои мечты, способности и цѣли!
Тогда бъ ты сладилъ, да! Вѣдь ты не то, что̀ былъ,
Ну, хоть твой папенька!.. Ахъ, вижу, разсмѣшилъ
Тебя сравненьемъ я! Хохочешь?.. Слава Богу!
Мнѣ лестно! Очень! Да!.. Вспадетъ же на языкъ!
И въ самомъ дѣлѣ былъ забавный онъ старикъ!
Полжизни на плацу вытягивалъ онъ ногу,
Былъ губернаторомъ, здѣсь чѣмъ-то управлялъ...
Застегнутъ, вытянутъ, какимъ-то декобразомъ
Старался выступать—казалось, свѣтъ вотъ разомъ
Пугать всегда хотѣлъ—и вовсе не пугалъ!
Въ немъ, знаешь, не было—руководящей нити...

А ты—учтивъ всегда, безъ этой лишней прыти,
И, не поморщивъ бровь, сгоняешь со двора
Безъ объясненія, лишь почеркомъ пера,
Всѣхъ этихъ паріевъ и самоукъ несчастныхъ,
Съ великой мыслію твоею несогласныхъ!
Не слушаешь мольбы ни женъ ихъ ни дѣтей...
А папенька? Спѣшно и вспомнить-то, ей-ей!
Воришку мелкаго, на сотенномъ окладѣ,
Бывало, призоветъ, кричитъ, самъ весь въ надсадѣ,
Раздавитъ, кажется... Анъ смотришь, покричитъ—
И самъ расплачется, да тутъ же и проститъ!
Закона—не любилъ! Его боялся даже,
Всегда въ немъ видѣлъ то, противъ чего на стражѣ
Быть должно всякому, и, встрѣтясь съ нимъ въ пути,
Съ нимъ только вѣжливость старался соблюсти...
Вотъ въ чемъ все горе-то! Въ мундиръ весь вѣкъ рядился,
Но сквозь мундиръ его халатъ всегда сквозился!..
Вотъ ты,—такъ и въ пальто, безъ звѣздъ и безъ крестовъ,
А точно, кажется (я, впрочемъ, это слышалъ
Отъ маменьки твоей), на свѣтъ въ мундирѣ вышелъ!
Конечно, память твой рара у стариковъ
Оставилъ добрую—и ставятъ предъ иконы
И нынче за него свѣчу; но, милый мой,
Тебя благословятъ—не тотъ и не другой,
Не Прохоръ, не Кузьма, не Сидоръ,—а мильоны!
И пусть кричатъ слѣпцы: ты деспотъ! ты тиранъ!
Не слушай! Это толкъ распущенныхъ славянъ,
Привыкшихъ къ милостямъ и грозамъ деспотизма!
Тиранъ ты—но какой? Тиранъ либерализма!
А съ этимъ можешь ты—все будетъ міръ прощать—
Не только вороха бумаги исписать,
Но, тиская подъ прессъ свободы,—половину
Всего живущаго послать на гильотину!

1862—64.

XIX.

ПРАЗДНОСЛОВЫ.

Кумиры старые разбиты
И ихъ разогнаны жрецы,
И разныхъ вѣръ сошлись левиты
И разныхъ толковъ мудрецы.

Сошлись во всеоружьѣ бранномъ,
Въ тіарахъ, въ пудрѣ, въ колпакахъ,
Востокъ и Западъ въ братствѣ странномъ
Усѣлись рядомъ на скамьяхъ.
И толкъ пошелъ—широко, пышно,
Но съ каждымъ мигомъ все сильнѣй,
И наконецъ уже не слышно
Совсѣмъ за криками рѣчей:
Другъ друга каждый лишь порочитъ
И громко бога своего
На мѣсто свергнутаго прочитъ,
И счастья ждетъ лишь отъ него...
А міръ, отъ гнета вѣкового
Межъ тѣмъ свободный, засіялъ,
И прыснуть жизнь вездѣ готова,
И листъ ужъ почку завязалъ...
И туча пыли, мглы и смрада
Ушла съ ликующихъ небесъ,
И зданья новаго громада
Стоитъ ужъ, полная чудесъ...
И передъ Тѣмъ, Кто далъ спасенье,
Предъ Кѣмъ разодралася тьма —
Уже встаетъ изъ разрушенья,
Живая, Истина сама...
Но, хоть у всѣхъ глаза открыты, —
Ея не узрятъ гордецы,
И не поймутъ ея левиты,
И не узнаютъ мудрецы!

1864.

VII.

ФАНТАЗІИ.

I.

РОЗЫ.

Вся въ розахъ—на груди, на легкомъ платьѣ бѣломъ,
На черныхъ волосахъ, обвитыхъ жемчугами,—
Она покоилась, назадъ движеньемъ смѣлымъ
Откинувъ голову съ открытыми устами.
Сіяло чудное лицо живымъ румянцемъ...
Остановился балъ, и музыка молчала,
И—соблазнительнымъ ошеломленный танцемъ,
Я, на другомъ концѣ блистательнаго зала,
Съ красавицею вдругъ очами повстрѣчался...
И—какъ и отчего, не знаю!—мнѣ въ мгновенье
Сорренто голубой заливъ нарисовался,
Пестумскій красный храмъ въ туманномъ отдаленьѣ,
И вилла, садъ и пиръ временъ гораціанскихъ...
И по заливу вдругъ, на золотой галерѣ,
Плыветъ среди толпы невольницъ африканскихъ,
Вся въ розахъ—Лидія, подобная Венерѣ...
И что̀ жъ? Обманутый блистательной мечтою,
Почти съ признаніемъ очнулся я отъ грезы
У ногъ красавицы... Ахъ, вы всему виною,
О, розы Пестума, классическія розы!..

1857.

II.

РАЗМѢНЪ.

„Нѣтъ! Прежней Нины нѣтъ! Когда я застаю,
Опомнясь вдругъ, себя предъ образомъ лежащей,
Молиться жаждущей, но словъ не находящей,
И чувствую, какъ жжетъ слеза щеку мою,
И наболѣла грудь, тоскуя въ жаждѣ знойной,—
Я прежней дѣвочки, безпечной и спокойной,
Въ себѣ не узнаю!

„Я все ему—все отдала ему!
Онъ, бѣдный, чахъ душою безнадежной!
Не вѣрилъ онъ, покорный лишь уму,
Въ возможность счастія, въ возможность страсти нѣжной...

„Онъ все—мои мечты, мой чистый идеалъ,
И сердце, склонное къ блаженству и надеждѣ —
Какъ бы свое, потерянное прежде,
Сокровище нашелъ во мнѣ—и взялъ!..

„Взамѣнъ онъ далъ мнѣ, что̀ его томило:
Сомнѣніе, и слезы, и печаль...
Но я не пла̀чу, нѣтъ! Мнѣ ничего не жаль,
Лишь только бъ то, что̀ было мнѣ такъ мило,
Что̀ взялъ онъ у меня—ему во благо было...“

1852.

III.

ВИХРЬ.

(Отрывокъ).

Полнъ черныхъ думъ, я въ полѣ проходилъ,
И вдругъ, среди истомы и тревоги,
Неистовымъ настигнутъ вихремъ былъ.
Средь тучи пыли, поднятой съ дороги,
Древесные кружилися листы,
Неслись снопы, разметанные стоги,
Деревьевъ вѣтви, цѣлые кусты.
Стада, блея и головы понуря,
Помчались; ревъ и вой средь темноты
Такой поднялся, что, глаза зажмуря,
Я побѣжалъ и думалъ, что разбить
Иль вымести хотѣла землю буря.
Мгновенно думъ моихъ порвалась нить.
Попавши въ круть и силяся напрасно
Запорошенные глаза открыть,
Я вспомнилъ Дантовъ адскій вихрь ужасный,
Который гналъ, крутя, какъ листъ въ лугу,
Тѣней погибшихъ вѣчно сонмъ злосчастный.
И что̀ же? Вдругъ я слышу на бѣгу,
Что не одинъ я схваченъ адской кручей
И волочусь въ безвыходномъ кругу.
На мигъ открывъ глаза, сквозь вихорь жгучій,
Я множество узрѣлъ головъ и лицъ,

Одеждъ, какъ парусъ бившихся летучій,
Взбѣсившихся коней, въ пыли возницъ,
Дѣтей и женщинъ, подымавшихъ руки
Изъ-подъ колесъ разбитыхъ колесницъ.
Лишь по устамъ, открытымъ въ страшной мукѣ,
Я понималъ, что всѣ они вопятъ,
Но вихорь вырывалъ изъ устъ ихъ звуки,
И мчалъ онъ ихъ, какъ щепки водопадъ...
Я вдругъ попалъ въ затишье за скалою,
И провожать бѣгущихъ могъ мой взглядъ.
И видѣлъ я: тяжелою стопою,
Какъ мчатся въ страхѣ по полю быки,
И между нихъ телята — хвостъ строкою —
Бѣжали юноши и старики.
Надъ ними вихрь кружилъ листы бумаги
И рвалъ съ головъ сѣдые парики...
Педантовъ вмигъ узналъ я въ сей ватагѣ:
Ихъ жалкій кругъ когда-то охранялъ
Наукъ святыню и, въ слѣпой отвагѣ,
Дорогу къ ней народу преграждалъ...
За ними вслѣдъ—исчадье канцелярій —
Дѣльцовъ, пройдохъ печальный сонмъ бѣжалъ...
Тутъ были мопсовъ морды, волчьи хари,
И головы ушастыхъ лошаковъ,
И Зевсъ міровъ подьяческихъ, и парій.
Ихъ точно гналъ незримый рой бѣсовъ.
Одинъ толстякъ упалъ, изнемогая,
Но вихрь его, средь пыльныхъ облаковъ,
То внизъ, то вверхъ кидалъ, какъ мячъ швыряя;
Другому же блудница на плеча
Повисла, какъ вампиръ, его кусая:
Онъ билъ ее, зубами скрежеща...
За ними дамъ толпы, въ нарядѣ бальномъ,
Въ вѣнкахъ изъ розъ, въ гирляндахъ изъ плюща,
Какъ будто плыли въ вальсѣ музыкальномъ,
Подобныя летящимъ лебедямъ
Надъ синей степью къ озерамъ зеркальнымъ.
И франтовъ рой бѣжалъ по ихъ слѣдамъ,
Толкаяся и руки простирая
За улетающей толпою дамъ:
Такъ спугнутыхъ домашнихъ утокъ стая
Бѣжитъ по пруду, шлепая крыломъ
И взвиться въ воздухъ силы напрягая...
Но вихорь сталъ еще сильнѣй потомъ,

Опять толпы помчались въ ураганѣ,
Какъ армія въ дыму пороховомъ.
Какъ въ разноцвѣтномъ, огненномъ фонтанѣ,
И голубыхъ и алыхъ лентъ цвѣта
Передо мной мелькали, какъ въ туманѣ.
Я чувствовалъ, страшна та высота,
Съ которой вихрь низвергнулъ сихъ несчастныхъ...
Но вдругъ, смотрю, яснѣетъ темнота,
И пыли столбъ, и съ нимъ толпа безгласныхъ
И жалкихъ жертвъ въ клубящемся пескѣ,
Весь просіялъ въ отливахъ свѣта красныхъ.
И въ бѣлой ризѣ, крестъ держа въ рукѣ,
Маститый старецъ сталъ передъ толпами,
Какъ каменный утесъ въ упоръ рѣкѣ.
Онъ вопіялъ: „Покайтесь!“—и перстами
Указывалъ на городъ... Я взглянулъ —
И онѣмѣлъ... Огонь, клубясь волнами,
Надъ городомъ все небо обогнулъ.
Изъ дыма искры сыпались, какъ сѣмя
Отъ вѣяла—и вдругъ, сквозь трескъ и гулъ,
Съ небесъ раздался гласъ: „Приспѣло время!
Се Тотъ, Кого забыли вы! Долой,
О, блудное и вѣтреное племя!“
Я въ ужасѣ упалъ полуживой.

1856.

IV.

ПЕРИ.

Грѣхи омывшая слезами,
Еще тѣхъ слезъ не осуша,
Въ селенья горнія взлетаетъ
Творцомъ прощенная душа.

Ее обнявъ, въ пространствѣ звѣздномъ
Съ ней пери чистыя летятъ:
Толпы малютокъ-херувимовъ
При встрѣчѣ пѣснями гремятъ...

О, ей восторженнымъ бы кликомъ
Пустыни неба огласить,
Благодарить, и веселиться,
И все земное позабыть,—

Но пери смотрятъ съ любопытствомъ,
И, съ лаской вкругъ нея віясь,
Умильно просятъ имъ повѣдать
Ея паденія разсказъ...

Отрадно ль имъ утѣшить душу,
Въ земныхъ возросшую скорбяхъ—
Иль ходятъ чудныя преданья
Про грѣшный міръ на небесахъ?

1857.

V.

ДОПОТОПНАЯ КОСТЬ.

Я съ содроганіемъ смотрѣлъ
На эту кость иного вѣка...
И насъ такой же ждетъ удѣлъ:
Пройдетъ и племя человѣка...

Умолкнетъ славы нашей шумъ;
Умрутъ о людяхъ и преданья;
Все, чѣмъ могучъ и гордъ нашъ умъ—
Въ иныя не войдетъ созданья.

Оледянѣлою звѣздой
Или потухнувшимъ волканомъ
Помчится, какъ корабль пустой,
Земля небеснымъ океаномъ.

И, странствуя между міровъ,
Возсядетъ духъ мимолетящій
На остовъ нашихъ городовъ,
Какъ на гранитъ неговорящій...

Такъ разумъ въ тайнахъ бытія
Читаетъ намъ... но сердце бьется,
Надежду робкую тая—
Авось онъ, гордый, ошибется!

1857.

VI.

ИМПРОВИЗАЦІЯ.

Мерцаетъ по стѣнѣ заката отблескъ рдяной,
Какъ уголь искряся на рамѣ золотой...
Мнѣ дорогъ этотъ часъ. Сосѣдка за стѣной
Садится въ сумерки порой за фортепьяно,

И я слѣжу за ней внимательной мечтой.
Въ фантазіи ея любимая есть дума:
Долина, сельскаго исполненная шума,
Пастушескій рожокъ... домой стада идутъ...
Утихли... разошлись... земные звуки мрутъ
То въ бѣгломъ говорѣ, то въ пѣснѣ одинокой—
И въ плавномъ шествіи гармоніи широкой
Я ночи, сыплющей звѣздами, слышу ходъ...
Все днемъ незримое таинственно встаетъ
Въ сіяньи мѣсяца, при запахѣ фіалокъ,
Въ волшебныхъ образахъ какихъ-то чудныхъ грезъ,
То фей порхающихъ, то плещущихъ русалокъ
Вкругъ остановленныхъ на мельницѣ колесъ...

Но вотъ торжественной гармоніи разливы
Сливаются въ одну мелодію, и въ ней
Мнѣ сердца слышатся горячіе порывы,
И звуки говорятъ страстямъ души моей.
Crescendo... вотъ мольбы, борьба и шопотъ страстный,
Вотъ крикъ пронзительный и—рядъ аккордовъ ясный,
И все сливается, какъ сладкій говоръ струй,
Въ одинъ томительный и долгій поцѣлуй.

Но замиравшіе опять яснѣютъ звуки...
И въ пѣсни страстныя вторгается струей
Одинъ тоскливый звукъ, молящій, полный муки...
Растетъ онъ, все растетъ, и льется ужъ рѣкой...
Ужъ сладкій гимнъ любви въ одномъ воспоминаньѣ
Далеко трелится... но каменной стопой
Неумолимое идетъ, идетъ страданье—
И каждый шагъ его грохочетъ надо мной...
Одинъ какой-то вопль въ пустынѣ безпредѣльной
Звучитъ, зоветъ къ себѣ... увы! Надежды нѣтъ!..
Онъ ноетъ... и среди громовъ ему въ отвѣтъ
Лишь жалобный напѣвъ пробился колыбельной...

Пустая комната... убогая постель...
Рыдающая мать лежитъ, полуживая,
И блѣдною рукой качаетъ колыбель,
И „баюшки-баю“ поетъ изнемогая...
А вкругъ гроза и ночь... вдали подъ этотъ вой
То колоколъ во тьмѣ гудитъ и призываетъ,
То, бурей вырванный, изъ мрака залетаетъ
Вакхическій напѣвъ и танецъ удалой...
Несется оргія, кружася въ вальсѣ дикомъ,
И вотъ страдалица ему отозвалась

Внезапно бѣшенымъ и судорожнымъ крикомъ
И въ пляску кинулась, безумно веселясь...
Порой сквозь буйный вальсъ звучитъ чуть слышнымъ эхомъ,
Какъ вопль утопшаго, потерянный въ волнахъ,
И „баюшки-баю“ и пѣснь о лучшихъ дняхъ,
Но тонетъ эта пѣснь подъ кликами и смѣхомъ
Въ раскатѣ яркихъ гаммъ, гдѣ каждая струна
Какъ веселящійся хохочетъ сатана —
И только колоколъ въ пустынѣ безконечной
Гудитъ надъ падшею глаголомъ кары вѣчной...

1856.

VII.

СОНЪ ВЪ ЛѢТНЮЮ НОЧЬ.

(Аполлону Александровичу Григорьеву).

Долго ночью вчера я заснуть не могла,
Я вставала, окно отворяла...
Ночь нѣмая меня и томила и жгла,
Ароматомъ цвѣтовъ опьяняла...

Только вдругъ шелестнули кусты подъ окномъ,
Распахнулась, шумя, занавѣска—
И влетѣлъ ко мнѣ юноша—свѣтелъ лицомъ,
Точно весь былъ изъ луннаго блеска.

Разодвинулись стѣны свѣтлицы моей,
Колоннады за ними открылись:
Въ пирамидахъ изъ розъ вереницы огней
Въ алебастровыхъ вазахъ свѣтились...

Чудный гость подходилъ все къ постели моей;
Говорилъ онъ мнѣ съ кроткой улыбкой:
„Отчего предо мною въ подушки скорѣй
Ты нырнула испуганной рыбкой?

Оглянися—я богъ, богъ видѣній и грёзъ,
Тайный другъ я застѣнчивой дѣвы...
И блаженство небесъ я впервые принесъ
Для тебя, для моей королевы...“

Говорилъ—и лицо онъ мое отрывалъ
Отъ подушки тихонько руками;
И щеки моей край горячо цѣловалъ,
И искалъ моихъ устъ онъ устами...

Подъ дыханьемъ его обезсилѣла я...
На груди разомкнулися руки...
И звучало въ ушахъ: „ты моя! ты моя!“
Точно арфы далекіе звуки...

Протекали часы... я открыла глаза...
Мой покой ужъ былъ облитъ зарею...
Я одна... вся дрожу... распустилась коса...
Я не знаю, что̀ было со мною...
1861.

VIII.

ПЕРИ И АЗРАИЛЪ.

ПЕРИ.

Останови свой мечъ горящій
Въ долинѣ бранной, Азраилъ!
Повсюду смерть и огнь кипящій
Онъ въ страшномъ заревѣ разлилъ,
Вездѣ, гдѣ человѣкъ ни ступитъ,
На серебро ль полярныхъ льдовъ
Иль огнь тропическихъ песковъ,—
Онъ ихъ костьми своими купитъ,
Онъ ихъ обрызгаетъ въ крови!

АЗРАИЛЪ.

Мой мечъ не даромъ обагряетъ
Дождемъ кровавымъ грудь земли:
Гдѣ только кровь ни напоятъ
Творящей силой бѣдный прахъ,—
Какъ ночью звѣзды въ небесахъ,
Какъ колосъ темнаго посѣва,
Какъ изъ зерна младое древо,
Растутъ и блещутъ города;
Въ священный храмъ ложатся кедры,
Кидаютъ мраморъ горны нѣдры,
Ширококрылыя суда
Текутъ въ рѣкахъ окровавленныхъ,
И на костяхъ непогребенныхъ
Народъ престолы создаетъ
И скиптръ съ вѣнцомъ себѣ куетъ.
(1842).

IX.

Долинъ Евфратовыхъ царицы,
Прекрасны розы на зарѣ,
Блестя въ росистомъ серебрѣ
И яркомъ пурпурѣ денницы.
Еще милѣй, когда вѣнкомъ,
Роскошно, съ зернами алмаза,
Онѣ блистаютъ надъ челомъ
Младой красавицы Кавказа.
Прекрасенъ перлъ, цвѣтокъ морей,
Затворникъ раковинъ безпечный;
Но онъ прекраснѣй, нитью млечной
На шеѣ мраморной у ней,
По груди пышно разсыпаясь
И въ черныхъ локонахъ теряясь.

(1842).

X.

ДВА ГРОБА.

Богатъ нашъ край дарами горныхъ нѣдръ,
Закамскимъ серебромъ и золотомъ Алтая:
Вдоль ребръ его поросъ сибирскій темный кедръ,
И брызжетъ влага голубая;
Покинувъ страны тундръ, родныя озера,
Гранитъ Финляндіи блеститъ во градъ сложенный
И, творческимъ рѣзцомъ преображенный,
Сталъ грознымъ сторожемъ подъ образомъ Петра.
Лѣса пробуждены державною сѣкирой,
Въ пловучихъ городахъ летаютъ по морямъ;
Внимаютъ воды рѣкъ ликующимъ пловцамъ;
Одѣлись пажити цвѣтущею порфирой;
Вкругъ скалъ таврическихъ богатый виноградъ
Блистаетъ въ гроздіяхъ златопрозрачнымъ сокомъ;
Долины Грузіи цвѣтутъ подъ топотъ стадъ;
Въ даль синюю морей глядятъ строптивымъ окомъ
Средь флаговъ пристани и ждутъ къ себѣ судовъ;
Есть много ратниковъ и огнеметной мѣди...
Но слава намъ дана не блескомъ городовъ,
Не громкой пышностью прадѣдовскихъ наслѣдій,
А славой двухъ прославленныхъ гробовъ.
Одинъ среди степей. Вкругъ вихри завываютъ;
Волнуяся, ковыль выводитъ пѣснь надъ нимъ,
И грозные орлы, шумя, надъ нимъ витаютъ

И кости стерегутъ подъ небомъ степовымъ.
Померкла тамъ звѣзда младого Скандинава,
И пеплъ ея сокрытъ подъ грудою костей.
Тотъ гробъ—нагая степь; въ гробу почила слава;
Носилки бранныя—надгробный мавзолей.
Другой... надъ нимъ трофей воздвигся знаменитый:
Подъ сѣнью дряхлыхъ стѣнъ московскаго Кремля
Другая слава спитъ, другое солнце скрыто...
Гиганта погребла московская земля!
Взманивъ къ себѣ на грудь увѣнчаннаго змія,
Въ объятіяхъ его замучила Россія
И гробомъ стала. Тамъ, надъ гробомъ симъ святымъ,
Не волны ковыля, не клики вольной птицы,—
Твердыни и сады ликующей столицы
И пѣніе молитвъ, кадила сладкій дымъ.
Вотъ два сокровища народной Немезиды,
Трофеи славные мужающей земли!
Познавши крѣпость мышцъ и доблести свои
И кровью искупивъ границъ своихъ обиды,
На памятники тѣ мы твердо оперлись;
Въ обломкахъ сихъ гробовъ мы славой упились;
Сорвавъ съ двухъ падшихъ звѣздъ лучи ихъ золотые,
Ихъ свили надъ главой блистательнымъ вѣнцомъ
И гордо высились... Почти жъ гроба святые,
Не оскорби ни рѣчью ни стихомъ
Залоговъ гордости полунощнаго трона—
Носилки Карловы, вѣнецъ Наполеона!

(1842).

XI.

На бѣлой отмели Каспійскаго поморья
Работой каторжной изнеможенъ, лежалъ
Пѣвецъ. Вокругъ песокъ: ни кустика ни взгорья...
Лишь Каспій брызгами страдальца освѣжалъ,
Лишь Каспій вызывалъ пѣвца на пѣснопѣнье...
Вотъ въ сердцѣ узника забилось вдохновенье,
Задвигались уста, сверкнулъ потухшій взоръ,
Онъ руки къ родинѣ, какъ къ матери, простеръ
И очи обратилъ съ молитвой жаркой къ Богу:
Но двое часовыхъ ужъ видятъ—быть грѣху!
И взводятъ ужъ курки, отставили ужъ ногу,
Готовясь выстрѣлить по первому стиху
И въ крѣпости поднять военную тревогу.

1859.

VIII.

КАМЕИ.

I.

У ХРАМА.

Что̀ это? Прямо на насъ и летятъ въ перегонки,
Прямо съ горы и несутся, шалуньи!
Знаю ихъ: эта, что̀ съ тирсомъ—Аглая,
Сзади—Коринна и Хлоя;
Это идутъ онѣ съ жертвами Вакху!
Розъ, молока, и вина молодого,
Меду несутъ и козленка молочнаго тащутъ!
Такъ ли приходитъ молиться степенная дѣва!
Спрячемся здѣсь, за колонной у храма...
Знаю ихъ: рѣзвы онѣ уже слишкомъ и бойки—
Скромному юношѣ съ ними опасно встрѣчаться.

Ну, такъ и есть! быстроглазыя! насъ увидали!
Смотрятъ сюда исподлобья,
Шепчутъ, другъ друга толкая;
Щеки ихъ сдержаннымъ смѣхомъ такъ и трепещутъ!
Если бы только не храмъ здѣсь, не жрецъ величавый,—
Это вино, молоко, и цвѣты, и козленокъ—
Все бъ полетѣло на насъ, и пошли бъ мы, какъ жертвы
Вѣчнымъ богамъ на закланье,
Медомъ обмазаны, политы винами Вакха!

Право, уйдемъ-ка, ужъ такъ онѣ насъ не отпустятъ!
Видишь—съ жрецомъ въ разговоры вступили,
Старый смѣется и щуритъ глаза на открытыя плечи.
Правду сказать, у нихъ плечи какъ будто изъ воску,
Чудныя, полныя руки, и—что̀ всего лучше—
Блескъ и движенье, здоровье и нѣга,
Грація съ силой во всѣхъ сочеталися формахъ.

1851.

II.

АНАКРЕОНЪ.

(И. А. Гончарову).

Въ день сбиранья винограда
Въ дверь отвореннаго сада
Мы на праздникъ Вакха шли
И—любимца Купидона—
Старика Анакреона
На рукахъ съ собой несли.

Много юношей насъ было,
Бодрыхъ, смѣлыхъ, каждый съ милой,
Каждый бойкій на языкъ;
Но—вино сверкнуло въ чашахъ—
Мы глядимъ—красавицъ нашихъ
Всѣхъ привлекъ къ себѣ старикъ!..

Дряхлый, пьяный, весь разбитый,
Черепъ розами покрытый—
Чѣмъ имъ головы вскружилъ?
А онѣ намъ хоромъ пѣли,
Что любить мы не умѣли,
Какъ когда-то онъ любилъ!

1852.

III.

ЮНОШАМЪ.

Будьте, юноши, скромнѣе!
Что̀ за пылъ! Чуть сталъ живѣе
Разговоръ—душа пировъ—
Вы и вспыхнули, какъ порохъ!
Что̀ за крайность въ приговорахъ,
Что̀ за рѣзкость голосовъ!

И напиться не сумѣли!
Чуть за столъ—и охмелѣли,
Чѣмъ и какъ—вамъ все равно!
Мудрый пьетъ съ самосознаньемъ,
И на свѣтъ и обоняньемъ
Оцѣняетъ онъ вино.

Онъ, теряя тихо трезвость,
Мысли блескъ даетъ и рѣзвость,

Умиляется душой,
И, владѣя страстью, гнѣвомъ,
Старцамъ милъ, пріятенъ дѣвамъ,
И—доволенъ самъ собой.

1852.

IV.

АНАКРЕОНЪ СКУЛЬПТОРУ.

(Графу Ѳ. П. Толстому).

Что̀ чиниться намъ, ваятель!
Оба мы съ тобой, пріятель,
Удостоены вѣнца;
Свѣжій лавръ—твоя награда,
Я въ вѣнкѣ изъ винограда
Вѣкъ слыву за мудреца.

Такъ подъ старость, хоть для смѣху,
Хоть для юношей въ потѣху,
Мнѣ одинъ вопросъ рѣши!
Видѣлъ я твои творенья;
Формы, мысли выраженье—
Все обдумалъ я въ тиши.

Но однимъ смущенъ я крѣпко...
Въ нихъ совсѣмъ не видно слѣпка
Съ нашихъ модныхъ героинь,
Жрицъ аѳинскаго разврата,—
А съ любимыхъ мной когда-то
Юныхъ дней моихъ богинь!

Горлицъ, манною вскормленныхъ!
Купидономъ припасенныхъ
Мнѣ, какъ баловню его!
А съ красотъ ихъ покрывало,
Милый другъ, не упадало,
Знаю я, ни для кого!

Вотъ хоть Геба молодая,
Что̀, кувшинъ съ главы спуская,
Изъ-за рукъ, смѣясь, глядитъ—
Это Дафна! Та жъ незрѣлость
Юныхъ формъ, дѣвчонки смѣлость
И ужъ взрослой дѣвы стыдъ!

Дафну я таилъ отъ свѣта!
Этой розы ждалъ расцвѣта—
Но напрасно! Разъ она,
Искупавшися, нагая,
Въ воду камешки кидая,
Веселилася одна...

Я подкрался... обернулась,
Увидала, поскользнулась,
И съ уступа на уступъ —
Въ самый омутъ... Къ ней лечу я,
Всплылъ — и что̀ же? Выношу я
Изъ воды холодный трупъ!

Зналъ еще я дочь сатрапа!
Подкупивъ ея арапа,
Проникалъ въ гаремъ я къ ней...
Что̀ же? Ликъ ея надменный,
Нетерпѣньемъ оживленный,
Вижу въ Герѣ я твоей!

Та жъ игра въ ланитахъ смуглыхъ,
Та же линія округлыхъ,
Чудно выточенныхъ ногъ,
То жъ изнѣженное тѣло,
И спины волнистость бѣлой..,
Нѣтъ, ты видѣть ихъ не могъ!

Иль художники, какъ боги,
Входятъ въ Зевсовы чертоги
И, читая мысль его,
Видятъ въ вѣчныхъ идеалахъ
То, что̀ смертнымъ, въ доляхъ малыхъ,
Открываетъ божество?

1853.

V.

АЛКИВІАДЪ.

Внучекъ, вѣрь наукѣ дѣда:
Вѣрь — надъ женщиной побѣда
Намъ труднѣй, чѣмъ надъ врагомъ.
Здѣсь все случай, все удача!
Сердце женское — задача,
Нерѣшенная умомъ!

Ты слыхалъ ли имя Фрины?
Покорялися Аѳины
Взгляду гордой красоты, —
Но на насъ она взирала,
Какъ богиня съ пьедестала
Недоступной высоты.

На пирахъ ея быть званымъ —
Это честь была избраннымъ;
Принимала какъ сатрапъ!
Всѣмъ серебряныя блюды
И хрустальные сосуды,
И за каждымъ — черный рабъ!

Разъ былъ пиръ... то пиръ былъ грацій!
Острыхъ словъ, импровизацій
И рѣчей лился каскадъ...
Мнѣ везло: привѣтнымъ взглядомъ
Позвала ужъ сѣсть съ ней рядомъ —
Вдругъ вошелъ Алкивіадъ.

Прямо съ оргіи онъ, что ли!
Но, крича, какъ варваръ въ полѣ,
Сшибъ въ дверяхъ двухъ скиѳовъ съ ногъ,
Оттолкнулъ меня обидно
И къ красавицѣ безстыдно
На плечо лицомъ прилегъ!

Были тутъ послы, софисты,
И архонты, и артисты...
Онъ бесѣдой овладѣлъ,
Хохоталъ надъ мудрецами,
И безумными глазами
На прекрасную глядѣлъ.

Что̀ тутъ дѣлать?... Полны злости
Расходиться стали гости...
Смотримъ — спитъ онъ! Та — молчитъ
И не будитъ... Что̀ жъ? Добился!
Ей повѣса полюбился,
Да и насъ потомъ стыдитъ!

1853.

VI.

АСПАЗІЯ.

Что̀ скажутъ обо мнѣ теперь мои друзья?
Владычица Аѳинъ, Периклова подруга,
Которую Сократъ почтилъ названьемъ друга,
Какъ дѣвочка, люблю, томлюсь и плачу я...
Все позабыто — блескъ, правленье, государство,
Дѣла, политики полезное коварство,
И даже самыя лѣта... но, впрочемъ, нѣтъ!
У женщинъ для любви не существуетъ лѣтъ;
Хоть, говорятъ, глупа послѣдней страсти вспышка,
Пускай я — женщина, а онъ еще мальчишка,
Но счастье вѣдь не въ томъ, чтобы самой любить
И чувствомъ пламеннымъ сгорать и наслаждаться;
Нѣтъ, счастіемъ его дышать и любоваться,
И въ немъ неопытность къ блаженству пріучить...
А онъ, — онъ чистое подобье полубога!..
Онъ робокъ, онъ стыдливъ и даже дикъ немного,
Но сколько гордости въ приподнятыхъ губахъ,
И какъ краснѣетъ онъ при ласковыхъ словахъ!
Еще онъ очень юнъ: щека блеститъ атласомъ,
Но рано слышится въ немъ страсть повелѣвать,
И позы любитъ онъ героевъ принимать,
И дѣтскій голосъ свой все хочетъ сдѣлать басомъ.
На играхъ побѣдивъ, онъ станетъ какъ Ахиллъ!
Но, побѣжденный, онъ еще мнѣ больше милъ:
Надвинетъ на чело колпакъ онъ свой фригійскій
И, точно маленькій Юпитеръ Олимпійскій,
Глядитъ съ презрѣніемъ, хотя въ душѣ гроза,
И горькою слезой туманятся глаза...
О, какъ бы тутъ его прижать къ горячей груди
И говорить: „не плачь, не плачь, то злые люди...“
Въ ланиты, яркія румянцемъ вешнихъ розъ,
И въ очи цѣловать, блестящія отъ слезъ,
Сквозь этихъ слезъ уста заставить улыбаться,
И вмѣстѣ плакать съ нимъ, и вмѣстѣ съ нимъ смѣяться!

1853.

VII.
ПРЕТОРЪ.

Какъ ты милъ въ вѣнкѣ лавровомъ,
Толстопузый преторъ мой,
Съ этой лысой головой
И съ лицомъ своимъ багровымъ!
Милъ, когда ты щуришь глазъ
Передъ плѣнницей лезбійской,
Что̀ выводитъ на показъ
Для тебя евнухъ сирійской;
Милъ, когда тебя несутъ
Десять ликторовъ на форумъ,
Чтобъ творить народу судъ
И внушать покорность взоромъ!
И люблю я твой порывъ,
Въ мигъ, когда, въ носилкахъ лежа,
Съ своего ты смотришь ложа,
Какъ подъ гусли пляшетъ скиѳъ,
Выбивая дробь ногами,
Внизъ потупя мутный взглядъ
И подергивая въ ладъ
И руками и плечами.
Вижу я: ты выбивать
Самъ готовъ бы дробь подъ-стать —
Такъ и рвется духъ твой пылкій!
Покрывало теребя,
Ходятъ ноги у тебя,
И качаются носилки
На плечахъ рабовъ твоихъ,
Какъ корабль средь волнъ морскихъ.

1857.

VIII.
АРКАДСКІЙ СЕЛЯНИНЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКУ.

Здѣсь сатиры прежде жили;
Одного мы разъ нашли
И живого изловили,
И въ деревню привели.

Всѣ смотрѣть пришли толпами;
Онъ на корточкахъ сидѣлъ
И безцвѣтными глазами
На людей, дичась, глядѣлъ.

Страхъ однакоже унялся;
Съ нами ѣлъ онъ, пилъ вино,
Объѣдался, опивался,
Впрочемъ, велъ себя умно.

Но весна пришла—такъ мочи
Намъ не стало отъ него.
Не пройдетъ ни дня ни ночи
Безъ лихихъ проказъ его...

Женщинъ сталъ ловить и мучить!..
Чуть увидитъ—задрожитъ,
Ржетъ, и лаетъ, и мяучитъ,
Цѣловаться норовитъ.

Стали бить его мы больно;
Онъ исправился совсѣмъ,
Сталъ послушный, богомольный,
Такъ что любо было всѣмъ.

Бабы съ нимъ смѣлѣе стали
Обходиться и играть,
На работы въ поле брали,
Стали пряниковъ давать.

Не прошло однако года,
Какъ у всѣхъ у насъ—дивись—
Въ козлоногаго урода
Ребятишки родились!

Да! у всѣхъ на лбу-то рожки
Съ небольшой лѣсной орѣхъ,
Козьи маленькія ножки,
Даже хвостики у всѣхъ.

Къ намъ въ деревню прошлымъ лѣтомъ
Русскій баринъ заѣзжалъ.
Обо всемъ услыша этомъ,
Усмѣхнувшись, онъ сказалъ:

„Хорошо, что мы съ папашей
Безъ хвоста и съ гладкимъ лбомъ,
Быть иначе бъ дворнѣ нашей
И съ рогами и съ хвостомъ“.

1853.

IX.

ПОСЛАНІЯ.

I.

ВЛАДИМІРУ АНДРЕЕВИЧУ СОЛОНИЦЫНУ.

Опять судьба переселила
Меня подъ тотъ счастливый кровъ,
Гдѣ море тихо опочило
Въ объятьяхъ дикихъ береговъ;
Гдѣ наше сѣверное небо
Порой, какъ южное, горитъ
И жаръ зиждительный даритъ
Лугамъ и пышнымъ всходамъ хлѣба.
Съ какой отрадой встрѣтилъ я
Зелено-шумныя деревья,
Къ себѣ на лѣтнее кочевье
Опять призвавшія меня!
Какъ жадно я на воды моря
Съ крутого берега взиралъ,
И волнъ въ шумливомъ разговорѣ
Знакомый голосъ узнавалъ!
Опять завидовалъ я быту
Питомцевъ моря, рыбарей,
Ихъ жизни бурной и забытой
На лонѣ гибельныхъ зыбей,
Ихъ мирнымъ хижинамъ по брегу,
Гдѣ трудъ живитъ ночную нѣгу,
Ихъ бѣло-парусным ладьямъ
И ихъ дымящимся кострамъ.
Я посѣтилъ, восторга полный,
И тотъ пустынный, дальній мысъ,
Гдѣ сосны дико разрослись,
Гдѣ съ тростниками шепчутъ волны;
Люблю печальныя мѣста,
Пріютъ свободныхъ вдохновеній...
Но звать ли васъ подъ наши сѣни,
Питомца дѣла и труда,
Въ объятья сладостныя лѣни?..
Не дикость нашихъ береговъ,

Не прелесть сѣверной природы,
Обломки скалъ, шатры дубовъ
И шумно плещущія воды
Влекутъ вашъ взоръ: пріютъ иной
Мечта вамъ тайная рисуетъ;
Страна иная васъ чаруетъ,
Маня подъ кровъ привѣтный свой—
Туда, гдѣ древняя Гренада,
Дитя Аравіи, цвѣтетъ
Подъ сѣнью пальмъ, подъ говоръ водъ,
Средь пышныхъ гроздій винограда.
Тамъ, средь обломковъ древнихъ дней,
Величье гордое блистаетъ,
И темный миртъ, какъ черный змѣй
Надъ бѣлой грудою костей,
Пустынный мраморъ повиваетъ...
Но тщетно пурпуръ и лазурь
И стихъ корана громкозвучный
Съ него сгоняетъ сила бурь:
Среди Альгамбры злополучной,
Гдѣ въ чудныхъ мускуса волнахъ,
При звукахъ цитры, на коврахъ,
Въ восточной нѣгѣ утопая,
Краса покоилась младая,
Понынѣ грозно на стѣнахъ
Гербы халифскіе блистаютъ,
Понынѣ гордыя главы
Каріатиды подымаютъ,
И раззолоченные львы
Кристаллъ звенящій изрыгаютъ,—
Туда летите вы мечтой!..
Тамъ солнце льетъ лучей разливы
На влаги жаждущія нивы
И померанецъ золотой.
Тамъ пахарь, сынъ безпечной лѣни,
Бѣжитъ подъ пальмовыя тѣни,
И андалузски табуны
Несутся въ полѣ, вѣя гривой,
Вдругъ сталъ и внемлетъ плескъ волны:
Тамъ ночь изъ снѣжныхъ горъ подъемлетъ
Янтарный мѣсяцъ надъ рѣкой:
И кипарисъ и пальма дремлетъ,
Кивая сонной головой,
Въ волшебномъ сумракѣ Гренады,

При плескѣ усыпленныхъ водъ,
Лишь стихъ влюбленной серенады
Любовникъ пламенный поетъ:
„Явись ко мнѣ, мой ангелъ нѣжный!
О, милый другъ, мой свѣтлый рай!..“
И ручка бѣлая небрежно
Роняетъ, будто невзначай,
Букетъ съ чугуннаго балкона...
Все спитъ вокругъ. Чудесный сонъ!
Какъ густо воздухъ напоенъ
Дыханьемъ блѣднаго лимона!
И миртъ росою окропленъ,
И тихимъ звономъ мандолины
Какъ очарованы долины!..

1841.

II.

В. Г. БЕНЕДИКТОВУ.

Стражи мирной нашей хаты,
Деревенскіе пенаты
Васъ привѣтствуютъ, поэтъ!
Вы примите въ уваженье
Ихъ простое приношенье,
Дружелюбный ихъ привѣтъ.

Гдѣ гремѣлъ, при яркомъ стукѣ
Хрусталя и серебра,
Подъ литавръ воинскихъ звуки,
Праздникъ Третьяго Петра;
Гдѣ, на брегѣ усыпленномъ,
Сѣрыхъ камней дикій сводъ
Лобызаютъ всплескомъ пѣннымъ
Бѣглецы балтійскихъ водъ;
Гдѣ каштаны и сирени
Темной зелени шатромъ
Осѣняютъ сельскій домъ—
Мирный храмъ мечты и лѣни:
Тамъ есть скромный уголокъ,
Аонидамъ посвященный,
Гдѣ готовъ для васъ вѣнокъ,
Чистой дружбой соплетенный.

Не лимонные сады,
Не восточные фонтаны,
Не гесперскіе плоды,
Не гремучіе тимпаны
Съ звукомъ цитры золотымъ
Наши сѣни оживляютъ;
Но, повѣрьте, чаще къ нимъ
Сны веселые слетаютъ,
Чѣмъ къ палатамъ дорогимъ.
Вмѣсто амбры, въ нихъ дыханье
Травъ отъ скошенныхъ луговъ;
Вмѣсто пышнаго блистанья
Златомъ убранныхъ дворцовъ,
Для гостей не слишкомъ строгихъ
Столъ со скатертью въ углу,
Пара стульевъ колченогихъ,
Книгъ вязанка на полу,
Но приволье, но прохлада,
Но весенній ѳиміамъ,
Томный говоръ водопада
И гулянья по ночамъ.

Вотъ, изъ моря величаво
На златыя облака
Выйдетъ витязь свѣтлоглавый,
И багряная рѣка
Вдоль по морю кровью хлынетъ;
Ночь отъ водъ и береговъ,
Встрепенувшись, отодвинетъ
Свой таинственный покровъ...
Сладко первый лучъ Авроры
Свѣжей грудью принимать
И безтрепетные взоры
Въ очи солнцу устремлять!
Но когда багрянымъ жаромъ
Въ небеса оно взойдетъ
И лучей палящимъ жаромъ
Воздухъ утренній нальетъ—
Стихнутъ воды, отягченный
Чуть дрожитъ на вѣткѣ плодъ,
Раздается отдаленный
Съ зеленѣющихъ луговъ
Топотъ стадъ и звукъ роговъ;
Здѣсь, въ колосьяхъ пышной нивы,
Серпъ сверкаетъ и стучитъ,

И по рощѣ говорливой
Сталь упругая звенитъ;
Тамъ, у брега, опочило,
Нѣжась, зеркало зыбей,
Рѣютъ бѣлыя вѣтрила,
Будто стаи лебедей,
А за ними въ ткани дымной
Ждетъ ихъ брегъ гостепріимный...
О, отрадно той порой,
Сбросивъ тягостныя платья,
Къ морю кинуться въ объятья,
Свѣжей брызгаться струей!

А когда парчой звѣздистой
Ночь окинетъ горній сводъ,
Въ рощѣ дремлющей вспорхнетъ
Пѣснопѣвецъ голосистый,
Гимнъ его—то арфы звонъ,
То души глубокій стонъ—
Упадетъ и вновь воспрянетъ,
Какъ свирѣль и какъ гроза,
И съ цвѣтка безмолвно канетъ
Серебристая слеза;
Здѣсь, надъ озеромъ стеклянпымъ,
Въ гладкой скатерти воды,
Опыленные туманомъ
Дубовъ смотрятся ряды:
Тамъ, сквозь листья ивы дикой,
Серповидный, сребролікій
Сыплетъ мѣсяцъ изъ вѣтвей
Блѣдный дождь своихъ лучей.
О, какъ сладостно трепещетъ
Грудь въ таинственный сей мигъ,
А въ устахъ горитъ и блещетъ,
Замирая, вольный стихъ!

Наши лары и пенаты
Вамъ привѣтъ заздравный шлютъ
И подъ кровъ пустынной хаты,
Низко кланяясь, зовутъ.
Научите, какъ къ союзу
Сельскихъ фавновъ и дріадъ
Вашу доблестную музу
Заманить въ нашъ вертоградъ.

(1842).

III.

П. М. ЦЕЙДЛЕРУ.

Вотъ онъ по Гатчинскому саду
Идетъ съ толпой учениковъ;
Вотъ онъ садится къ водопаду
На мшистый камень, въ тѣнь деревъ;
Вкругъ дѣти жмутся молчаливо
Къ нему все ближе. Очи ихъ
Или потуплены стыдливо,
Иль слезъ полны, и самъ онъ тихъ,
Но ликомъ свѣтелъ. Онъ читаетъ
Въ младыхъ сердцахъ. Онъ ихъ проникъ;
Одинъ душой онъ понимаетъ
Неуловимый ихъ языкъ.
Въ сердцахъ, забитыхъ отъ гоненья,
Ожесточенныхъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Онъ вызвалъ слезы умиленья,
Онъ пролилъ въ нихъ надежды свѣтъ;
И, указуя въ жизнь дорогу,
Онъ человѣка идеалъ
Предъ ними долго, понемногу
И терпѣливо раскрывалъ...
И вотъ открылъ!—и ослѣпило
Его сіянье юный взглядъ,
И дѣти съ робостію милой
И изумленіемъ глядятъ.
И каждый самъ въ себя невольно
Ушелъ и плачетъ о себѣ,
И за прошедшее имъ больно—
И всѣ готовятся къ борьбѣ.
Ахъ, Цейдлеръ! Въ этомъ идеалѣ
Вѣдь ты себя нарисовалъ;
Но только дѣти не узнали,
Да ты и самъ того не зналъ!

1856.

IV.

Я. П. ПОЛОНСКОМУ.

1.

Твой стихъ, красой и ароматомъ
Родной и небу и землѣ,
Блуждаетъ странникомъ косматымъ

Между міровъ, свѣтя во мглѣ.
Люблю въ его кудряхъ я длинныхъ
И пыль отъ Млечнаго пути
И желтый листъ дубравъ пустынныхъ,
Гдѣ отдыхалъ онъ въ забытьѣ;
Стремится рѣчь его свободно;
Какъ въ звонѣ стали чистой, въ ней
Закалъ я слышу благородной
Души возвышенной твоей.

1855.

√ 2.

Полонскій! Суждено опять судьбою злою
Намъ розно дни влачить:
Межъ тѣмъ моя душа сроднилась ужъ съ тобою—
Ей нужно такъ любить!
Да! въ мірѣ для нея нужна душа другая,
Которой бы порой
Хоть знакъ подать, что мы, другъ друга понимая,
Свершаемъ путь земной!
И часто я, когда иду лѣсной опушкой
И, прячася за ель,
Стараюсь обмануть искусственною мушкой
Пугливую форель,
И предо мной шумитъ ручей студеноводный,
А ровъ, гдѣ льется онъ,
Ужъ тѣни полнъ, и паръ надъ нимъ бѣжитъ холодный,
Межъ тѣмъ какъ озаренъ
Вверху растущій лѣсъ послѣднимъ солнца свѣтомъ,—
Отъ сердца полноты
Я бъ перемолвиться желалъ тогда съ поэтомъ,
И думаю—гдѣ ты?
Гдѣ ты?.. О, Боже мой! ты тамъ, гдѣ въ оны годы
Безпечно я бродилъ...
Прости невольный вздохъ!.. полуденной природы
И Римъ я не забылъ!..
Обломки красные средь рощи кипарисной,
Подъ небомъ голубымъ,—
Величіемъ своимъ и грязью живописный
Онъ по душѣ мнѣ, Римъ!
Какъ часто на коняхъ мы римскою долиной
Неслись во весь опоръ;

Коней остановивъ, снимали видъ руины
И очеркъ дальнихъ горъ,
И града вѣчнаго въ туманѣ куполъ гордый,
А тамъ водопроводъ
И черныхъ буйволовъ къ намъ поднятыя морды
Въ осокѣ, изъ болотъ...
И эти городки, куда въ весельѣ дикомъ,
Какъ будто ошалѣвъ,
Врывались мы потомъ, преслѣдуемы крикомъ
Старухъ, дѣтей и дѣвъ...
Тамъ съ громомъ подскакавъ къ радушной австеріи,
Суровыхъ поселянъ
Напаивали мы, крича „ура!“ Россіи,
Ругая Ватиканъ
И вѣковой союзъ монаховъ и германцевъ...
А пламенный народъ
На вѣтреную рѣчь безвѣстныхъ чужестранцевъ,
Бывало, слезы льетъ...
Средь этихъ шалостей высокій трудъ и дума,
Вазари и Тацитъ,
И сладостный пѣвецъ Тибура и Пестума,
И Дантъ, и Ѳеокритъ...
А ночи лунныя въ руинахъ Колизея!..
Мнѣ кажется теперь,
Что игры звѣрскія я видѣлъ и, нѣмѣя,
Внималъ, какъ злится звѣрь,
Какъ шумно валитъ чернь, толкаясь на ступени,
При кликахъ торжества,
А на аренѣ двѣ бѣлѣющія тѣни
Ждутъ, обнимаясь, льва...
О, дни волшебные! о, годы золотые!
О, какъ свѣтла тогда
Казалась нашихъ дней надъ милою Россіей
Всходившая звѣзда!
Гдѣ жъ сверстники мои? Гдѣ Штернбергъ? Гдѣ Ивановъ?
Ставассеръ милый мой?
Гдѣ наши замыслы? Гдѣ рядъ блестящихъ плановъ?
Гдѣ геній ихъ живой?
Гдѣ пышныя мечты о русскомъ пантеонѣ,
Гдѣ бъ *нашихъ* имена
Сіять должны въ вѣкахъ, какъ звѣзды въ небосклонѣ,
Какъ вѣчная весна?..
О, милые мои!.. Слезой не провожая,
Какъ чуждыхъ всѣмъ сиротъ,

Ихъ Римъ похоронилъ, кого—увы!—не зная
Землѣ онъ предаетъ!..
А братъ мой, милый братъ... Ахъ, многіе почили!
И имя ихъ звучитъ
Воспоминаніемъ какой-то чудной были,
И сердце мнѣ щемитъ...
Всѣ сгибли, полные надеждами святыми
И въ блескѣ силъ своихъ,
И я, осиротѣвъ, я плачу и надъ ними
И надъ мечтами ихъ!..
Ахъ, жизнь моя уже печалями богата;
Уже за мной въ пути
Есть нѣсколько могилъ, есть горе и утрата...
Прости мнѣ, другъ, прости...
Я больше наводить тоски тебѣ не буду
Непрошенной слезой,
И въ воды быстрыя закидываю уду,
На все махнувъ рукой.

1858.

V.

П. А. ПЛЕТНЕВУ.

За стаею орловъ двѣнадцатаго года
Съ небесъ спустилася къ намъ стая лебедей,
И пѣсни чудныя невиданныхъ гостей
Доселѣ памятны у русскаго народа.
Изъ стаи ихъ теперь одинъ остался ты,
И грустный между насъ, задумчивый, ты бродишь;
И, прежнихъ звуковъ полнъ, все взора съ высоты,
Куда тѣ лебеди умчалися, не сводишь.

1855.

VI.

М. Л. МИХАЙЛОВУ.

Урала мутнаго степные берега,
Лѣса, тюльпанами покрытые луга,
Амфитеатры горъ изъ сизаго порфира,
Простыя племена, между которыхъ ты
Сбиралъ преданія исчезнувшаго міра,

Далекая любовь, пустынныя мечты
Возвысили твой духъ: прощающимъ, любящимъ
Пришелъ ты снова къ намъ—и, чутко слышу я,
Въ стихахъ твоихъ, ручьемъ по камешкамъ журчащимъ,
Ужъ льется между строкъ поэзіи струя.

1857.

VII.

И. А. ГОНЧАРОВУ.

Море и земли чужія,
Обликъ народовъ земныхъ—
Всѣ предо мной, какъ живыя,
Въ чудныхъ разсказахъ твоихъ.
Сѣверъ нашъ бѣдный, но милый,
Милый затѣмъ, что родной,
Нынѣ опять мнѣ унылой
Вдругъ показался тюрьмой.
Въ сердцѣ судьбы оскорбленья
Злѣе, что̀ раны, горятъ,
И золотыя видѣнья
Въ даль голубую манятъ...
Такъ надъ рѣкою ширяя,
Въ городъ, гдѣ пыль и гранитъ,
Бѣлая чайка морская
Въ солнечный день залетитъ;
Жадно слѣдимъ мы очами
Гостьи нежданной полетъ—
Точно въ тотъ мигъ передъ нами
Воздухомъ съ моря пахнетъ.

1855.

VIII.

(Въ альбомъ гр. Е. П. Ростопчиной).

Въ нашъ городъ слухъ прошелъ, что Сафо будетъ къ намъ.
Столпился къ пристани народъ нетерпѣливо—
И вотъ—ея корабль уже среди залива...
Причалили. Ее на берегъ по коврамъ
Свели и встрѣтили съ архонтами, съ жрецами,
Вели по улицѣ, усыпанной цвѣтами...
Я, пылкій юноша, ее воображалъ

Съ осанкой царственной, съ поднятой головою,
И въ лавровомъ вѣнкѣ, и съ лирой золотою,
И взоръ властительный я встрѣтить ожидалъ—
И что жъ? Она прошла, потупивъ очи, просто,
Такая слабая и маленькаго роста,
И пышной встрѣчею и кликами она,
Какъ робкое дитя, казалось, смущена;
Казалось, риторамъ болѣзненно внимала
И взоромъ тихаго убѣжища искала,
Куда бы кинулась и, кажется, тотчасъ
Неудержимыми бъ слезами залилась.

1858.

IX.

Е. А. ШЕНШИНОЙ.

Какъ рѣзвымъ нимфамъ, спутницамъ Діаны,
Тебѣ бы смѣхъ, да бѣганье, да шутка.
Хоть не одинъ уже сатиръ румяный,
Осклабясь, на тебя глядитъ, малютка!
Онъ—старый плутъ! На, помани цвѣтами,
Пусть за тобой бѣжитъ онъ и, со-слѣпа
Завязнувъ въ топь козлиными ногами,
Смѣшитъ боговъ гримасою нелѣпой.

1859.

X.

Л. П. ШЕЛГУНОВОЙ.

Экспромтъ.

Такъ роскошны ваши плечи,
Въ взорахъ много такъ огня,
Ваши вѣтреныя рѣчи
Раздражаютъ такъ меня,
Что со всякою моралью
Кончивъ счеты, какъ нахалъ,
Обхватилъ бы васъ за талью
И на смерть зацѣловалъ.

1855.

XI.

Въ альбомъ Л. П. Шелгуновой.

Однообразье бальныхъ залъ
Не разъ вашъ смѣхъ одушевленный
Передо мною оживлялъ,
Среди толпы пустой и сонной
Невольно я стремился къ вамъ,
Какъ къ свѣжей розѣ, приплетенной
Въ вѣнкѣ къ искусственнымъ цвѣтамъ.

1856.

XII.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТУ ХРУЛЕВУ.

Какъ честныхъ странниковъ, какъ скромныхъ богомольцевъ,
Которыхъ жизнь среди святыни протекла,
Встрѣчаемъ мы теперь борцовъ-севастопольцевъ,
Готовностью на смерть очищенныхъ отъ зла.
Ихъ много разбрелось—безрукихъ и безногихъ,
И люди русскіе, въ палатѣ и въ избѣ,
Разсказы слушаютъ воителей убогихъ.
Во всѣхъ разсказахъ ихъ есть повѣсть о тебѣ.
„Разъ,—говорятъ они,—мы отдали траншеи.
Ужъ врагъ у насъ свои знамена водрузилъ
И пушки обратилъ на нашей батареѣ
На нихъ же... громъ гремѣлъ и небо дымъ затмилъ.
Полтавцы смятые, отъ злости чуть не плача,
Разсыпалися врозь, какъ стадо, безъ вождей.
Казалось, рѣшена была борьбы задача,
Казалось, вѣренъ былъ въ рукахъ врага трофей.
Но нѣкто бодрствуетъ и духомъ не крушится:
Средь бомбъ вдругъ бѣлый конь является въ огнѣ.
Въ кавказскомъ папахѣ усатый всадникъ мчится—
И слышенъ кликъ его: „голубчики, ко мнѣ!“
Какъ молнія, въ сердцахъ довѣріе блеснуло.
Любимаго вождя всесиленъ громкій зовъ.
Полтавцы строятся; къ нимъ сѣвцевъ горсть примкнула—
И выбили врага подъ крикъ: „ура, Хрулевъ!“
Хрулевъ! ты побѣдилъ любовію солдатской,—
Наградой вѣрною достоинствамъ вождя.
Она намъ говоритъ, что самъ любовью братской
Ты меньшихъ возлюбилъ, ихъ къ чести приведя.

Въ томъ тайна русскихъ силъ, доступная немногимъ,—
На подвигъ доблести, и въ мірѣ и въ войнѣ,
Не нужно русскимъ звать команды словомъ строгимъ,
Но встанутъ всѣ на кликъ: „голубчики, ко мнѣ!“

1856.

XIII.

ИМЕНИННИЦѢ.

(Посвящается В. Г. Бенедиктову).

Именинницѣ прекрасной,
Баловницѣ всей семьи,
Въ этотъ день для всѣхъ насъ ясный,
Мы подарки принесли.

Кто кольцо работы тонкой,
Кто гирлянды, кто атласъ,
Кто съ зубчатою коронкой
Златовидный ананасъ.

Даже дѣдушка, затѣя
Удивить въ тотъ день весь свѣтъ,
Изъ ларца, дрожа и млѣя,
Вынулъ бабушкинъ браслетъ.

Въ немъ покойницы былъ локонъ
Отъ когда-то пышныхъ косъ,
И даря его, не могъ онъ
Удержать невольныхъ слезъ.

Именинница сіяла
Полнымъ блескомъ лѣтъ своихъ;
Разбирать подарки стала
И задумалась объ нихъ...

Что̀ наряды? даже года
Не выдерживаетъ мода...
А цвѣты лишь расцвѣтутъ—
И увянутъ и умрутъ...

Локонъ бабушкинъ... Но мало
Внучка бабушку видала;
Локонъ нѣмъ былъ, а браслетъ—
Правда, памятникъ почтенный—
Былъ теперь лишь драгоцѣнный
Антикварію предметъ.

Но средь этихъ всѣхъ предметовъ,
Съ ихъ блистаньемъ и игрой,
Было нѣсколько куплетовъ,
Посвященныхъ ей тобой.

Въ нихъ, поэтъ, схватилъ ты ясно
И отмѣтилъ на лету
Нрава рѣзваго прекрасной
Граціозную черту.

И подумала рѣзвушка,
Узнавая въ нихъ себя:
„Вотъ, какъ буду я старушка,
Здѣсь, въ стихахъ, все буду я
Сумасшедшая болтушка,
Безпокойное дитя!“

Мигомъ крупныя слезинки
Зачастили по щекамъ,
Какъ сквозь солнышко дождинки
Къ вешнимъ рощамъ и лугамъ...

Самолюбію поэта
Вѣрно хочется узнать,
Чѣмъ все ко чилося это?..
Вѣрно вамъ не угадать...

Мы смутилися немножко—
Только мигъ одинъ потомъ,
Смотримъ—возится ужъ съ кошкой
И забыла обо всемъ!

1853.

X.

НА ВОЛѢ.

I.

ВЕСНА.

Голубенькій, чистый
Подснѣжникъ-цвѣтокъ!
А подлѣ сквозистый,
Послѣдній снѣжокъ...

Послѣднія слезы
О горѣ быломъ,
И первыя грезы
О счастьѣ иномъ...
1857.

II.

Весна! Выставляется первая рама—
И въ комнату шумъ ворвался,
И благовѣстъ ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса.

Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей:
Вонъ—даль голубая видна...
И хочется въ поле, въ широкое поле,
Гдѣ, шествуя, сыплетъ цвѣтами весна!
1854.

III.

Боже мой! Вчера—ненастье,
А сегодня—что̀ за день!
Солнце, птицы! блескъ и счастье!
Лугъ росистъ, цвѣтетъ сирень...

А еще ты въ сладкой лѣни
Спишь, малютка!.. О, постой!
Я пойду, нарву сирени,
Да холодною росой

Вдругъ на сонную-то брызну...
То-то сладко будетъ мнѣ
Побѣдить въ ней укоризну
Свѣжей вѣстью о веснѣ!

1855.

IV.

Поле зыблется цвѣтами...
Въ небѣ льются свѣта волны...
Вешнихъ жаворонковъ пѣнья
Голубыя бездны полны.

Взоръ мой тонетъ въ блескѣ полдня...
Не видать пѣвцовъ за свѣтомъ...
Такъ надежды молодыя
Тѣшатъ сердце мнѣ привѣтомъ...

И откуда раздаются
Голоса ихъ, я не знаю...
Но, имъ внемля, взоры къ небу,
Улыбаясь, обращаю.

1857.

V.

ПОДЪ ДОЖДЕМЪ.

Помнишь: мы не ждали ни дождя, ни грома,
Вдругъ засталъ насъ ливень далеко отъ дома;
Мы спѣшили скрыться подъ мохнатой елью...
Не было конца тутъ страху и веселью!
Дождикъ лилъ сквозь солнце, и подъ елью мшистой
Мы стояли точно въ клѣткѣ золотистой;
По землѣ вокругъ насъ точно жемчугъ прыгалъ;
Капли дождевыя, скатываясь съ иголъ,
Падали, блистая, на твою головку,
Или съ плечъ катились прямо подъ снуровку...
Помнишь—какъ все тише смѣхъ нашъ становился...
Вдругъ надъ нами прямо громъ перекатился—
Ты ко мнѣ прижалась, въ страхѣ очи жмуря...
Благодатный дождикъ! Золотая буря!

1856.

VI.

ЗВУКИ НОЧИ.

О, ночь безлунная!.. Стою я, какъ влюбленный,
Стою и слушаю, тобой обвороженный:..
Какая музыка подъ ризою твоей!
Кругомъ—стеклянный звонъ ліющихся ключей;
Тамъ—листикъ задрожалъ подъ каплею алмазной;
Тамъ—пташки полевой свистокъ однообразный;
Стрекозы, какъ часы, стучатъ между кустовъ;
По рѣчкѣ, въ камышахъ, отъ топкихъ островов,
Съ разливомъ хоры жабъ несутся, какъ глухіе
Органа дальняго аккорды басовые,
И царствуетъ надъ всей гармоніей ночной
По вѣтру то звончѣй, то въ тихомъ замираньѣ,
Далекой мельницы глухое клокотанье...
А звѣзды... Нѣтъ, и тамъ, по тверди голубой,
Въ ихъ металлическомъ сіяньѣ и движеньѣ
Мнѣ чувствуется гулъ ихъ вѣчнаго теченья.

1859.

VII.

УТРО.

(Преданіе о виллисахъ).

Близко, близко солнце!
Понеслись навстрѣчу
Грядки золотыя
Облачковъ летучихъ,
Встрепенулись птицы,
Заструились воды;
Изъ ущелій черныхъ
Вылетѣли тѣни—
Бѣлыя невѣсты:
Широко въ полетѣ
Вѣютъ ихъ одежды,
Головы и тѣло
Дымкою покрыты,
Только обозначенъ
Въ нихъ лучомъ румянымъ
Очеркъ лицъ и груди.

1856.

VIII.

ВЪ ЛѢСУ.

Шумитъ, звенитъ ручей лѣсной,
Ліясь блистающимъ стекломъ
Вокругъ вѣтвей сосны сухой,
Давно, какъ гать, лежащей въ немъ.
Вкругъ теменъ лѣсъ и воздухъ сыръ;
Иду я, страхъ едва тая...
Нѣтъ! Здѣсь свой міръ, живущій міръ,
И жизнь его нарушилъ я...
Вдругъ все свершавшееся тутъ
Остановилося при мнѣ,
И всѣ слѣдятъ за мной и ждутъ,
И злое мыслятъ въ тишинѣ;
И точно любопытный взоръ
Ко мнѣ отвсюду устремленъ,
И слышу я нѣмой укоръ,
И духъ мой сдавленъ и смущенъ.

1857.

IX.

Маститые, вѣтвистые дубы,
Задумчиво поникнувъ головами,
Что̀ старцы древніе на вѣчѣ предъ толпами,
Стоятъ, какъ бы рѣшая ихъ судьбы.
Я тщетно къ ихъ прислушиваюсь шуму:
Все не поймать мнѣ тайны ихъ бесѣдъ...
Ахъ, жаль—что подлѣ нихъ тутъ рѣзвой рѣчки нѣтъ:
Она бъ давно сказала мнѣ ихъ думу...

1870.

X.

ГОЛОСЪ ВЪ ЛѢСУ.

Давно какой-то дѣвы пѣнье
Въ лѣсу преслѣдуетъ меня,
То замирая въ отдаленьѣ,
То гулко по лѣсу звеня.

И, возмущенъ мечтой лукавой,
Смотрю я въ чащу, гдѣ средь мглы

Блестятъ на солнцѣ листья, травы
И сосенъ красные стволы.

Итти ль за дѣвой молодою?
Иль сохранить, въ душѣ тая,
Тотъ милый образъ, что̀ мечтою
Подъ чудный голосъ создалъ я?..
1856.

XI.

По̀ лѣсамъ, еще прозрачнымъ,
По сырымъ, зеленымъ мхамъ
Бродимъ мы съ тобой, и мрачнымъ
Нѣтъ конца у насъ рѣчамъ!
Мы, философъ, изъ могилы,
Изъ земли, изъ насъ самихъ
Вызываемъ жизни силы
И допытываемъ ихъ...

А на насъ лучи златые
Щедро льются съ высоты,
И на зовъ ихъ голубые
Раскрываются цвѣты,
И едва порасцвѣтали,
Какъ на насъ глядятъ, смѣясь
Точно все давно узнали
И скорѣй и лучше насъ!
(1864).

XII.

Вотъ бѣдная чья-то могила
Цвѣтами, травой зарастаетъ;
Подъ розами даже не видно,
Чье имя плита возглашаетъ...

О, бѣдный! И въ сердцѣ у милой
О жизни мечты золотыя
Не такъ же ль, какъ розы, закрыли
Когда-то черты дорогія?
1857.

XIII.

ЖУРАВЛИ.

Отъ грустныхъ думъ очнувшись, очи
Я подымаю отъ земли:
Въ лазури темной, къ полуночи
Летятъ станицей журавли.

Отъ криковъ ихъ на небѣ дальномъ
Какъ будто благовѣстъ идетъ,—
Привѣтъ лѣсамъ патріархальнымъ,
Привѣтъ знакомымъ плесамъ водъ!..

Здѣсь этихъ водъ и лѣсу вволю,
На нивахъ сочное зерно...
Чего жъ еще? Вѣдь имъ на долю
Любить и мыслить не дано...

1855.

XIV.

ОБЛАЧКА.

Въ легкихъ нитяхъ бѣлой дымкой,
На лазурь сквозясь,
Облачка бѣгутъ по небу,
Съ вѣтеркомъ рѣзвясь.

Любо ихъ слѣдить очами...
Выше—вѣчность, Богъ!
Взоръ безъ нихъ остановиться бъ
Ни на чемъ не могъ...

Страсти сердца! Сны надежды!
Вдохновенья бредъ!
Былъ бы чуждъ безъ васъ и страшенъ
Сердцу Божій свѣтъ!

Васъ развѣять съ неба жизни,—
И вся жизнь тогда—
Силъ слѣпыхъ, законовъ вѣчныхъ
Вѣчная вражда.

1857.

XV.

БОЛОТО.

Я цѣлый часъ болотомъ занялся.
Тамъ бѣлоусъ торчитъ какъ щетка жесткій;
Тамъ точно прудъ зеленый разлился;

Лягушка, взгромоздясь, какъ на подмостки,
На старый пень, торчащій изъ воды,
На солнцѣ нѣжится и дремлетъ... Бѣлымъ
Пушкомъ одѣты тощіе цвѣты;
Надъ ними мошки вьются роемъ цѣлымъ:
Лишь незабудокъ сочныхъ бирюза
Кругомъ глядитъ умильно мнѣ въ глаза,
Да оживляютъ бѣдный міръ болотный
Порханье бѣлой бабочки залетной
И хлопоты стрекозокъ голубыхъ
Вокругъ тростинокъ тощихъ и сухихъ.
Ахъ! прелесть есть и въ этомъ запустѣньѣ!..
А были дни, мое воображенье
Плѣнялъ лишь видъ подобныхъ тучамъ горъ,
Небесъ глубокихъ праздничный просторъ,
Монастыри, да бѣлыхъ виллъ ограда
Подъ зеленью плюща и винограда...
Или луны торжественный восходъ
Между колоннъ руины молчаливой,
Надъ серебромъ съ горы падучихъ водъ...
Мнѣ въ чудные гармоній переливы
Слагался ревъ катящихся зыбей;
Въ какой-то міръ вводилъ онъ безграничный,
Гдѣ я робѣлъ душою непривычной,
И радостно присутствіе людей
Вдругъ ощущалъ, сквозь этотъ гулъ упорный,
По погремушкамъ вьючныхъ лошадей,
Тропинкою спускающихся горной...
И вотъ—теперь такою же мечтой
Душа полна, какъ и въ былые годы,
И такъ же здѣсь заманчиво со мной
Бесѣдуетъ таинственность природы.

1856.

XVI.

ПАНЪ.

Панъ—олицетвореніе природы; по-гречески Πᾶν значитъ: *все*.

Онъ спитъ, онъ спитъ,
Великій Панъ!
Иди тихонько,
Не то разбудишь!
Полдневный жаръ

И сладкій духъ
Поспѣлыхъ травъ
Умаялъ бога —
Онъ спитъ и грезитъ,
И видитъ сны...

По темнымъ норамъ
Ушло звѣрье;
Въ травѣ недвижно
Лежитъ змѣя;
Молчатъ стада,
И даже лѣсъ,
Пѣвучій лѣсъ,
Утихъ, умолкъ...
Онъ спитъ, онъ спитъ,
Великій Панъ!..

Надъ нимъ кружитъ,
Жужжитъ, звенитъ,
Блеститъ, сверкаетъ
И вверхъ и внизъ
Блестящій рой
Жуковъ и пчелъ;
Сереброкрылыхъ
Голубокъ стая
Кругами рѣетъ
Надъ спящимъ богомъ;
А выше—строемъ
Иль острымъ клиномъ,
Подобно войску,
Черезъ все небо
Перелетаетъ
Полкъ журавлей;

Еще же выше,
На горнемъ небѣ,
Въ густой лазури,
Незримой стражи
Чуть слышенъ голосъ...
Всѣ словно бога
Оберегаютъ
Глубокій сонъ —
Чудесный сонъ —
Когда предъ нимъ
Разверзлось небо,
Онъ зритъ боговъ,

Своихъ собратій;
И, какъ цвѣты,
Рои видѣній
Съ улыбкой сыплютъ
Къ нему съ Олимпа
Богини-сестры...

Онъ спитъ, онъ спитъ,
Великій Панъ!
Иди тихонько,
Мое дитя,
Не то проснется...
Иль лучше сядемъ
Въ травѣ густой,
И будемъ слушать, —
Какъ спитъ онъ—слушать,
Какъ дышитъ—слушать;
Къ намъ тоже тихо
Начнутъ слетать
Изъ самой выси
Святыхъ небесъ
Такіе жъ сны,
Какими грезитъ
Великій Панъ,—
Великій Панъ...

1870.

XVII.

ПЕЙЗАЖЪ.

Люблю дорожкою лѣсною,
Не зная самъ куда, брести;
Двойной глубокой колеею
Идешь—и нѣтъ конца пути...
Кругомъ пестрѣетъ лѣсъ зеленый;
Уже румянитъ осень клены,
А ельникъ зеленъ и тѣнистъ;
Осинникъ желтый бьетъ тревогу;
Осыпался съ березы листъ
И, какъ коверъ, устлалъ дорогу...
Идешь, какъ будто по водамъ —
Нога шумитъ... а ухо внемлетъ
Малѣйшій шорохъ въ чащѣ, тамъ,
Гдѣ пышный папоротникъ дремлетъ,

А красныхъ мухоморовъ рядъ,
Что̀ карлы сказочные спятъ...
Ужъ солнца лучъ ложится косо...
Вдали проглянула рѣка...
На тряской мельницѣ колеса
Уже шумятъ издалека...
Вотъ на дорогу выѣзжаетъ
Тяжелый возъ—то промелькнетъ
На солнцѣ вдругъ, то въ тѣнь уйдетъ...
И крикомъ клячѣ помогаетъ
Старикъ, а на возу—дитя,
И дѣда страхомъ тѣшитъ внучка;
А, хвостъ пушистый опустя,
Вкругъ съ лаемъ суетится жучка,
И звонко въ сумракѣ лѣсномъ
Веселый лай идетъ кругомъ.

1853.

XVIII.

ЛАСТОЧКИ.

Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ;
Помятъ онъ, поломанъ и пустъ,
Хоть пышно еще доцвѣтаетъ
Настурцій въ немъ огненный кустъ...

Мнѣ грустно! меня раздражаетъ
И солнца осенняго блескъ,
И листъ, что̀ съ березы спадаетъ,
И позднихъ кузнечиковъ трескъ.

Взгляну ль по привычкѣ подъ крышу—
Пустое гнѣздо надъ окномъ;
Въ немъ ласточекъ рѣчи не слышу;
Солома обвѣтрилась въ немъ...

А помню я, какъ хлопотали
Двѣ ласточки, строя его!
Какъ прутики глиной скрѣпляли
И пуху таскали въ него!

Ка̀къ веселъ былъ трудъ ихъ, какъ ловокъ!
Какъ любо имъ было, когда
Пять маленькихъ, быстрыхъ головокъ
Выглядывать стали съ гнѣзда!

И цѣлый-то день говоруньи,
Какъ дѣти, вели разговоръ...
Потомъ полетѣли, летуньи!
Я мало ихъ видѣлъ съ тѣхъ поръ!

И вотъ—ихъ гнѣздо одиноко!
Онѣ ужъ въ иной сторонѣ—
Далеко, далеко, далеко...
О, если бы крылья и мнѣ!

1856.

XIX.

Осенніе листья по вѣтру кружатъ,
Осенніе листья въ тревогѣ вопятъ:
„Все гибнетъ, все гибнетъ! ты черенъ и голъ,
О, лѣсъ нашъ родимый, конецъ твой пришелъ!“

Не слышитъ тревоги ихъ царственный лѣсъ.
Подъ темной лазурью суровыхъ небесъ,
Его спеленали могучіе сны,
И зрѣетъ въ немъ сила для новой весны.

1864.

XX.

ОСЕНЬ.

Кроетъ ужъ листъ золотой
Влажную землю въ лѣсу...
Смѣло топчу я ногой
Вешнюю лѣса красу.

Съ холоду щеки горятъ:
Любо въ лѣсу мнѣ бѣжать,
Слышать, какъ сучья трещатъ,
Листья ногой загребать!

Нѣтъ мнѣ здѣсь прежнихъ утѣхъ!
Лѣсъ съ себя тайну совлекъ:
Сорванъ послѣдній орѣхъ,
Свянулъ послѣдній цвѣтокъ;

Мохъ не приподнятъ, не взрытъ
Грудой кудрявыхъ груздей;
Около пня не виситъ
Пурпуръ брусничныхъ кистей,

Долго на листьяхъ лежитъ
Ночи морозъ, и сквозь лѣсъ
Холодно какъ-то глядитъ
Ясность прозрачныхъ небесъ...

Листья шумятъ подъ ногой;
Смерть стелетъ жатву свою...
Только я веселъ душой
И, какъ безумный, пою!

Знаю, не даромъ средь мховъ
Ранній подснѣжникъ я рвалъ;
Вплоть до осеннихъ цвѣтовъ
Каждый цвѣтокъ я встрѣчалъ:

Что̀ имъ сказала душа,
Что̀ ей сказали они —
Вспомню я, счастьемъ дыша,
Въ зимніе ночи и дни!

Листья шумятъ подъ ногой...
Смерть стелетъ жатву свою!
Только я веселъ душой —
И, какъ безумный, пою!

1856.

XXI.

И городъ вотъ опять! Опять сіяетъ балъ,
И полнъ жужжанія, какъ улей, свѣтлый залъ!
Вотъ люди, вотъ та жизнь, въ которой обновленья
Я почерпнуть рвался изъ сельской тишины...
Но, Боже! Какъ они ничтожны и смѣшны!
Какой въ нихъ жалкій видъ тоски и принужденья!
И слушаю я ихъ... душа моя скорбитъ!
Подъ общій уровень ей подогнуться трудно;
А рѣзвая мечта опять меня манитъ
Въ пустыни Божіи изъ сей пустыни людной...
И неба синяго раздолье вижу я,
И жаворонокъ въ немъ звенитъ на полной волѣ,
А колокольчиковъ безчисленныхъ семья
По вѣтру зыблется въ необозримомъ полѣ...
То рѣчка чудится, осыпавшійся скатъ,
Съ котораго торчитъ корней мохнатыхъ рядъ
Отъ лѣса, наверху разросшагося дико.
Чу! Шорохъ—я смотрю: вокругъ гнилого пня,

Надъ муравейникомъ, алѣетъ земляника,
И вѣтки спѣлыя манятъ къ себѣ меня...
Но вижу—разобравъ тростникъ сухой и тонкій,
Къ пурпурнымъ ягодамъ двѣ блѣдныя ручонки
Тихонько тянутся... какъ легкій, рѣзвый сонъ,
Головка дѣтская является, роняя
Густые локоны, серебристые какъ ленъ...
Одно движеніе—и нимфочка лѣсная,
Мгновенно оробѣвъ, малиновки быстрѣй,
Скрывается среди качнувшихся вѣтвей.

1856.

XXII.

МЕЧТАНІЯ.

Пусть пасмурный октябрь осенней дышитъ стужей,
Пусть сѣетъ мелкій дождь, или порою градъ
Въ окошки звякаетъ, рябитъ и пѣнитъ лужи,
Пусть сосны черныя, качаяся, шумятъ,
И даже безъ борьбы, покорно, незамѣтно
Сдаетъ угрюмый день, больной и безпривѣтный,
Природу грустную ночной холодной мглѣ,—
Я одиночества не знаю на землѣ.
Забившись на диванъ, сижу; воспоминанья
Встаютъ передо мной; слагаются изъ нихъ
Въ волшебномъ очеркѣ чудесныя созданья,
И люди движутся, и глубже каждый мигъ
Я вижу души ихъ, достоинства ихъ мѣрю,
И такъ ужъ наконецъ въ присутствіе ихъ вѣрю,
Что даже кажется, ихъ видитъ черный котъ,
Который, помѣстясь на столъ подъ образами,
Подыметъ морду вдругъ и желтыми глазами
По темной комнатѣ, мурлыча, поведетъ...

1855.

XXIII.

Жизнь еще передо мною
Вся въ видѣніяхъ и звукахъ,
Точно городъ дальній утромъ,
Полный звона, полный блеска!..
Всѣ минувшія страданья
Вспоминаю я съ восторгомъ,
Какъ ступени, по которымъ
Восходилъ я къ свѣтлой цѣли...

XI.

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

I.

ПЕРВЫЙ ПОЦѢЛУЙ.

Что любимъ давно мы другъ друга, мы знали, хоть ясно
О томъ никогда у насъ не было рѣчи. Однажды
Случилось однимъ намъ остаться. Я взялъ ея руку
И съ жаромъ ее цѣловалъ. Покорялась невинная дѣва...
Я въ очи глядѣлъ ей... Влекомый волшебною силой,
Невольно устами къ ея я устамъ прикоснулся,
И долгій и звонкій тогда поцѣлуй нашъ раздался.
Какъ будто невѣдомымъ звукомъ испугана, дѣва
Вдругъ вырвалась сильно изъ страстныхъ объятій, закрыла
Руками лицо и заплакала горько и горько...
Я тихо привлекъ ее снова въ объятья; она преклонила
Покорно головку къ груди моей, очи потупивъ съ слезою;
И, тихо цѣлуя, я клялся впередъ не смущать ея болѣ,
Лаская, просилъ я простить мои дерзкія ласки.

(1846).

II.

Зачѣмъ, шутя неосторожно,
Въ мою ты вкрадывалась душу?
Я зналъ, что, міръ карая ложный,
Я сонъ души твоей нарушу...

И что̀ жъ? мы смотримъ другъ на друга:
Ты—въ изумленьи и безсильи,
Какъ ангелъ чистый, отъ испуга
Расправить не могущій крылья...

А я... я чувствую—надъ бездной
Теперь поставлена ты мною!..
Ахъ, мчись скорѣй въ свой міръ надзвѣздный
И не зови меня съ собою!

Нѣтъ, не одна у насъ дорога!
То, чѣмъ я гордъ, тебя пугаетъ,
И не увѣруешь ты въ бога,
Который грудь мнѣ наполняетъ...

1857.

III.

Еще я полнъ, о, другъ мой милый,
Твоимъ явленьемъ, полнъ тобой!..
Какъ будто ангелъ легкокрылый
Слеталъ бесѣдовать со мной,—

И, проводивъ его въ преддверье
Святыхъ небесъ, я безъ него
Сбираю выпавшія перья
Изъ крыльевъ радужныхъ его...

1852.

IV.

Люблю, если, тихо къ плечу моему головой прислонившись,
Съ любовью ты смотришь, какъ, очи потупивъ, я думаю думу,
А ты угадать ее хочешь. Невольно, проникнутъ тобою,
Я очи къ тебѣ обращу и съ твоими встрѣчаюсь очами;
И мы улыбнемся безмолвно, какъ будто бы въ сладкомъ молчаньи
Мы мыслью сошлися и много сказали улыбкой и взоромъ.

1850.

V.

Истомленная горемъ, всѣ выплакавъ слезы,
На рукахъ у меня, какъ младенецъ, ты спишь;
На лицѣ твоемъ кроткомъ послѣдняя дума
Съ неотертой послѣдней слезинкой дрожитъ.
Ты заснула, безмолвно меня укоряя,
Что безчувственъ къ слезамъ я казался твоимъ.
Не затѣмъ ли сквозь сонъ ты теперь улыбнулась,
Точно слышишь, что, грустно смотря на тебя,
Тихо няньча тебя на рукахъ, какъ младенца,
Я страдаю, какъ ты, и заплакать готовъ?

1851.

VI.

Порывы нѣжности обуздывать умѣя,
На ласки ты скупа. Всегда собой владѣя,
Лелѣешь чувство ты въ безмолвіи, въ тиши,
Въ святилищѣ больной, тоскующей души...

Я знаю, страсть въ тебѣ питается слезами.
Когда жъ, измучена ревнивыми мечтами,
Сомнѣнья, и тоску, и гордость побѣдя,
Отдашься сердцу ты, какъ слабое дитя,
И жмешь меня въ своихъ объятіяхъ, рыдая, —
Я знаю, милый другъ, не можетъ такъ другая
Любить, какъ ты! Нѣтъ словъ милѣе словъ твоихъ,
Нѣтъ искреннѣе слезъ и клятвъ твоихъ нѣмыхъ,
Краснорѣчивѣе признанья и укора,
Признательнѣе нѣтъ и глубже нѣту взора,
И нѣтъ лобзанія сильнѣе твоего,
Которымъ бы сказать душа твоя желала,
Какъ много любишь ты, какъ много ты страдала.

1852.

VII.

Точно голубь свѣтлою весною,
Ты веселья нѣжнаго полна,
Въ первый разъ, быть-можетъ, всей душою
Долго сжатой страсти предана...

И межъ тѣмъ, какъ музыкою счастья
Упоенъ, хочу я въ тишинѣ
Этотъ мигъ, какъ лучъ среди ненастья,
Охватить душой своей вполнѣ

И молчу, чтобъ не терять ни звука,
Что̀ дрожатъ въ сердцахъ у насъ съ тобой—
Вижу, вдругъ ты смолкла, въ сердцѣ мука,
И слеза струится за слезой.

На мольбы сказать мнѣ, что̀ проникло
Въ грудь твою, чѣмъ сердце сражено,
Говоришь: ты къ счастью не привыкла,
И страшитъ тебя—къ добру ль оно?..

Ну, такъ что̀ жъ? пусть снова идутъ грозы!
Солнце вновь вослѣдъ проглянетъ имъ,
И тогда страданія и слезы
Мы опять душой благословимъ.

1855.

ДОЧЕРИ.

I.

Новая свѣтлая звѣздочка
Въ сумракъ души моей глянула!
Это она, моя дѣвочка!
Въ глазкахъ ея уже свѣтится
Нѣчто безсмертное, вѣчное,
Нѣчто, сквозь міръ сей вещественный,
Дальше и глубже глядящее...
1856.

II.

Она еще едва умѣетъ лепетать,
Чуть бѣгать начала, но въ маленькой плутовкѣ
Кокетства женскаго ужъ видимы уловки.
Зову ль ее къ себѣ, хочу ль поцѣловать
И трачу весь запасъ ласкающихъ названій,
Она откинется, смѣясь, на шею няни,
Старушку обовьетъ руками горячо
И обѣ щеки ей цѣлуетъ безъ пощады,
Лукаво на меня глядитъ черезъ плечо,
И тѣшится моей ревнивою досадой.
1857.

III.

Эти дѣтскіе глазки
Полны счастья и ласки,
Такъ же смѣло глядятъ
Въ очи людямъ прохожимъ,
Какъ и ангеламъ Божьимъ,
Что̀ надъ ними кружатъ...
1858.

IV.

Не можетъ быть! не можетъ быть!
Она жива!.. сейчасъ проснется...
Смотрите: хочетъ говорить,

Откроетъ глазки, улыбнется,
Меня увидитъ, обоймет—
И вдругъ понявъ, что̀ плачъ мой значитъ,—
Ласкаясь, нѣжно мнѣ шепнетъ:
„Какой смѣшной! о чемъ онъ плачетъ!..“

Но нѣтъ!.. лежитъ... тиха, нѣма,
Недвижна...

1867.

V.

Вотъ ужъ и гробъ!.. и она
Тихо лежитъ межъ цвѣтовъ...
Что̀ же за призраки вкругъ
Въ бѣлыхъ одеждахъ стоятъ?
Свѣтлыхъ ли грёзъ ея рой,
Свѣтлыхъ мечтаній, надеждъ —
Спутницы жизни ея?
Тѣ, съ кѣмъ она по часамъ
Тихія рѣчи вела,
Что̀ провожали ее
Всюду въ поляхъ и лѣсахъ?
Смолкли и плачутъ онѣ,
Тихо обнявшись вокругъ
Бѣдной подруги своей...
Плачутъ, она жъ и теперь
Имъ улыбается... Да!
Да, улыбается имъ...
О, безпощадная смерть!

1867.

ИЗЪ СТРАНСТВОВАНІЙ.

I.

Люблю надъ Рейномъ я громадныя твердыни,
Какъ гнѣзда орлія на гребнѣ дикихъ скалъ:
Тамъ буйствовалъ восторгъ, гласъ чести созывалъ
Воителей на брань къ спасенью благостыни.
Такой ли въ васъ огонь пылалъ въ годину сѣчъ,
Наслѣдники гербовъ ихъ, славы и гордыни?..
Безсмысленны для насъ обломковъ ихъ святыни,
И дремлетъ въ бурю войнъ вашъ прадѣдовскій мечъ!

Такъ сада дикаго среди пустынной чащи,
Гдѣ нѣкогда фонтанъ взвивалъ кристаллъ шумящій,
Изъ урны треснувшей разросся злакъ густой:
Гдѣ съ скалъ рвалась волна, шумя, какъ бездны ада,
Чуть вьется слабый токъ по руслу водопада,
И заросла плющомъ и длинной осокой
Листовѣнчанная изъ мрамора наяда.

(1842).

II.

НА БЕРЕГАХЪ НОРМАНДІИ.

Больное, тихое дитя
Сидитъ на берегѣ, слѣдя
Большими, умными глазами
За золотыми облаками...

Вкругъ берегъ пустъ... скала, песокъ...
Тростникъ, накиданный волною,
Въ поморьѣ тянется каймою...
И такъ покой кругомъ глубокъ,

Такъ тихъ ребенокъ, что садится
Вблизи его на тростникѣ,
Играя, птичка; на пескѣ
По мели рыбка серебрится...

Къ нимъ взоръ порою обратя,
Такъ улыбается дитя,

Глядитъ на нихъ съ такимъ участьемъ
И такъ сіяетъ кроткимъ счастьемъ,—

Что если, бѣдный, промелькнетъ
Онъ на землѣ, какъ гость залетный,
И скоро въ небѣ въ сонмъ безплотный
Господнихъ ангеловъ войдетъ,

То тамъ, межъ нихъ воспоминая
Свой берегъ дикій и пустой,—
„Прекрасна,—скажетъ,—жизнь земная!
Богатъ и веселъ край земной!“

1858.

III.

О, вѣчно-ропщущій, угрюмый Океанъ!
Съ богами вѣчными когда-то въ гордомъ спорѣ
Цѣпями вѣчными окованный Титанъ,
И древнее свое одинъ несущій горе!
Ты успокоился... на долго ли?.. О, мигъ—
И, грозный, вдругъ опять подымется старикъ
И, злобствуя на все: на солнце золотое,
На пѣсни Нереидъ, на звѣздный тихій свѣтъ,
На счастіе, какимъ исполнился поэтъ,
Обрѣтшій свой покой въ его святомъ покоѣ,
Ударитъ по волнамъ, кляня суровый рокъ
И грозно требуя въ неистовой гордынѣ,
Чтобы не смѣлъ глядѣть ни человѣкъ ни богъ,
Какъ горе онъ свое несетъ въ своей пустынѣ...

Біарица. 1859.

IV.

АЛЬПІЙСКІЕ ЛЕДНИКИ.

Сырая мгла лежитъ въ ущельѣ,
А тамъ, — какъ призраки легки,
Въ стыдливомъ дѣвственномъ весельѣ,
Въ багрянцахъ утра, ледники!

Какою жизнью вѣетъ новой
Мнѣ съ этой снѣжной вышины,
Изъ этой чистой, бирюзовой
И свѣта полной глубины!

Тамъ, знаю, ужасъ обитаетъ,
И нѣтъ людского тамъ слѣда,
Но сердце точно отвѣчаетъ
На чей-то зовъ: „туда! туда!“.

1859.

V.

АЛЬПІЙСКАЯ ДОРОГА.

На горѣ, сіяньемъ утра
Деревянный крестъ облитъ,
И малютка на колѣняхъ
Передъ нимъ въ мольбѣ стоитъ...

Помолись, душа святая,
И о странныхъ и чужихъ,
О тоскующихъ, далекихъ,
И о добрыхъ и о злыхъ...

Помолись, душа святая,
И о томъ, чей путь далекъ,
Кто съ душой, любовью полной,
Въ мірѣ всюду одинокъ...

1859.

VI.

Все — серебряное небо!
Все — серебряное море!
Теплой влагой воздухъ полонъ!
Тишина такая въ мірѣ,
Какъ въ душѣ твоей бываетъ
Послѣ слезъ, когда, о, Нина,
Сердце кроткое осилитъ
Страстью поднятую бурю,
И на блѣдныя ланиты
Ужъ готовъ взойти румянецъ,
И въ очахъ мерцаетъ тихій
Свѣтъ надежды и прощенья...

Ницца. 1858.

VII.

Здѣсь весна, какъ художникъ ужъ славный, работаетъ тихо,
Отъ цвѣтовъ до другихъ по недѣлѣ проходитъ и болѣ.
Словно кончитъ картину и публикѣ дастъ наглядѣться,
Да и публика знаетъ маэстро и ужъ много о немъ не толкуетъ:
Репутація сдѣлана: бюстъ ужъ его въ Пантеонѣ.
То ли дѣло нашъ сѣверъ! Весна, какъ волшебникъ нежданный,
Пронесется въ лучахъ и растопитъ снѣга, и угонитъ,
Словно взмахомъ однимъ съ яркой озими сдернетъ покровы,
Вздуетъ почки въ лѣсу, и цвѣтами ужъ зыблется поле!
Не успѣетъ крестьянинъ промолвить: „никакъ нынче вёдро“,
Какъ и соху справляй, и сырую разрыхливай землю!
А на небѣ-то, Господи, праздникъ, и звонъ, и веселье!
И летятъ надо всею-то ширью отъ моря и до моря птицы
Къ зеленямъ безпредѣльнымъ, къ широкимъ зеркальнымъ разливамъ!
Выбирай лишь, гдѣ больше приволья въ водѣ имъ и въ лѣсѣ!
И кричатъ какъ, завидя знакомыя рѣки и дебри,
И съ соломенныхъ крышъ бѣловатый дымокъ надъ поляной!..
Унеси ты, волшебникъ, скорѣе меня въ это царство,
Гдѣ по утреннимъ свѣтлымъ зарямъ бодро дышится груди,
Гдѣ предъ ликомъ Господнихъ чудесъ умиляется всякое сердце...

Неаполь. 1859.

XIV.

НЕАПОЛИТАНСКІЙ АЛЬБОМЪ.

(Миссъ Мери).

1858 — 1859.

I.

ДОНЪ-ПЕППИНО.

Жаръ упалъ. На берегъ моря
Шумно въ садъ толпа валитъ,
И кругомъ по звонкой лавѣ
Экипажей рой летитъ...

Звонъ колесъ, и блескъ, и хохотъ...
Крикъ и щелканье бичей!..
Все-то къ саду мчится, къ морю,
Въ сѣнь каштановыхъ аллей.

„Что̀ за женщины!“—бормочетъ
Сѣверянинъ отъ души;
Сѣверянки жъ прибавляютъ:
„И мужчины хороши!“

Хороши! Но вотъ, смотрите,
Изъ красавцевъ Аполлонъ!
Какъ онъ божески спокоенъ,
Точно нектаромъ вспоёнъ!

Даже эта эспаньолка!
Съ шикомъ лондонскимъ нарядъ,
Даже розочка въ петлицѣ
Сходству съ богомъ не вредятъ!

Вотъ онъ бросилъ свой миланскій
Щегольской кабріолетъ,
Входитъ въ садъ; въ толпѣ движенье,
Всѣ глядятъ ему вослѣдъ...

Аполлонъ!.. Но вотъ къ миссъ Мери
Олимпіецъ подошелъ...
Вкругъ нея какъ будто вспыхнулъ
Тотчасъ свѣтлый ореолъ...

Ахъ, я чувствую, неловко
Ей отъ этихъ черныхъ глазъ,

Хоть глядитъ онъ такъ покорно,
Говоритъ полусмѣясь...

И, должно-быть, въ этомъ взглядѣ
Власть и сила безъ границъ!
Ледяныхъ я зналъ красавицъ,
Величавыхъ, гордыхъ львицъ...

Но взглянулъ онъ—прочь величье!
Эта львица передъ нимъ
Тише, тише и ужъ смотритъ
Вдругъ звѣрькомъ совсѣмъ ручнымъ!

Такъ и ластится, и ходитъ,
И съ него не сводитъ глазъ...
О, миссъ Мери, о, миссъ Мери!
Признаюсь—дрожу за васъ!

II.

Боже мой, какая нѣга
Въ этихъ палевыхъ ночахъ!
Все какъ будто замираетъ
Въ сладострастныхъ, жаркихъ снахъ!

На цвѣты посмотришь, право,
Покраснѣешь со стыда!
Какъ ласкаются, что̀ шепчутъ,
И что̀ дѣлаютъ—бѣда!

Нѣтъ, домой скорѣй, миссъ Мери!
На замокъ скорѣй балконъ!
Прогоните донъ-Пеппино...
Онъ отваженъ и влюбленъ...

Въ эту ночь какъ разъ забудешь,
Что̀ дозволено, что̀ грѣхъ,
И въ одну минуту сердце
Скажетъ вамъ: все вздоръ и смѣхъ!

III.

Вотъ смотрите, о, миссъ Мери,
Весь на аркахъ, весь сквозной,
Королевы Іоанны
Замокъ темный и нѣмой.

Днемъ въ тотъ зàмокъ ѣздятъ даже
Кушать устрицы; тамъ видъ
Чудный къ морю, и бесѣдка
Виноградная стоитъ.

По ночамъ—другое дѣло!
Не пройдетъ вблизи руинъ
Безъ воззванія къ Мадоннѣ
Босоногій капуцинъ;

Въ страхѣ ослика колотитъ
Здѣсь погонщикъ въ поздній часъ,
И бѣжитъ проворной рысью
Самъ, за хвостъ его держась;

И съ компаніей веселой
Изъ Пуццоло каретьеръ
Только съ хлопаньемъ и гикомъ
Пролетитъ во весь карьеръ.

Слухъ идетъ о королевѣ,
Будто чортъ, поспоря съ ней,
По ночамъ ей обязался
Приводить богатырей;

Что въ своихъ объятьяхъ много
Ихъ замучила она,
Но доселѣ не сказала:
„Мнѣ довольно, сатана!..“

И въ урочный часъ, сіяя
Красотой могучей женъ
Тѣхъ желѣзныхъ, тѣхъ кровавыхъ,
Полуварварскихъ временъ,

Въ зàмокъ свой она приходитъ...
Стражи тутъ тревогу бьютъ,
Видно, какъ пажи въ аркадахъ
Съ канделябрами бѣгутъ.

И въ коронѣ многоцвѣтной
Въ свой чертогъ она идетъ,
И съ своей порфирой алой
То мелькнетъ, то пропадетъ...

И безумцевъ такъ и тянетъ
Съ ней, женой богатырей,
Испытать и пылъ и нѣгу
Намъ невѣдомыхъ страстей.

Разъ и я былъ, о, миссъ Мери,
Этой чарою объятъ...
Долго ждалъ я, скоро ль въ окнахъ
Канделябры заблестятъ...

И когда бъ тутъ не промчался
Мистеръ-Джона экипажъ,
И при бѣломъ лунномъ свѣтѣ
Не мелькнулъ мнѣ образъ вашъ,—

Образъ, полный тѣмъ прозрѣньемъ,
Торжествомъ и тишиной,
Что̀ въ страдальцахъ предъ кончиной
Поражаетъ насъ порой,—

Я клянусь вамъ, о, миссъ Мери,
Въ эту ночь съ ея луной,
Съ этой нѣгой—я не знаю,
Что̀ бы сдѣлалось со мной!

IV.

КЪ МИССЪ МЕРИ.

(Романсъ донъ-Пеппино).

Andante.

Se io fossi un angelo...

Когда бъ я ангелъ былъ небесный,
Тебя бъ на небо я умчалъ
И, полонъ радости чудесной,
Съ тобой къ Всевышнему предсталъ,
Чтобы, о, чистое созданье!
Средь ликованья горнихъ силъ
Онъ красоты твоей сіянье
Лучомъ безсмертья озарилъ!

Allegro.

„Океанъ кидаетъ волны!
Все глядитъ къ звѣздѣ своей!
И въ волна̀хъ, на каждомъ взломѣ,
Блещетъ свѣтъ ея лучей.
Упади, звѣзда златая,
Упади ко мнѣ на грудь,
А не то вѣдь я сумѣю
И до неба досягнуть!“

V.

Весь Неаполь залитъ газомъ,
Шумомъ улицы полны,
Но въ Hôtel di Gran-Bretagna
Окна всѣ затворены.

Лишь въ одномъ окошкѣ лампа:
За газетой мистеръ Джонъ...
Точно саванъ примѣряя,
Times развертываетъ онъ...

За работой вы, миссъ Мери!
Какъ идетъ румянецъ къ вамъ
И разсыпанные просто
Ваши кудри по плечамъ!

Блескъ въ глазахъ... и грудь какъ дышитъ...
Такъ, я видывалъ не разъ,
Дышитъ птичка, изъ-подъ лапы
У кота освободясь...

VI.

Я люблю въ Café d'Europa
Смѣхъ и шумъ въ всѣхъ углахъ,
Серебро, хрусталь на звонкихъ
Бѣломраморныхъ столахъ.

Всѣмъ тутъ весело: французамъ
Съ вѣчной сахарной водой,
Саввѣ Саввичу съ шампанскимъ
И котлетой отбивной.

Итальянцы жъ, какъ на балѣ,
Всѣ во фракахъ щегольскихъ...
Лишь блестящій донъ-Пеппино
Нынче что-то пріутихъ.

„Вотъ ужъ каменное сердце!—
Онъ шипитъ:—Невмоготу!..
И даетъ же имъ Создатель
Неземную красоту!..

„Чай, сидитъ теперь и пишетъ
Про Неаполь чепуху
Своему такому жъ точно
Ледяному жениху!

„Вздохи шлетъ свои въ Калькутту,
Гдѣ Альфредъ ея лѣтъ пять
Сѣетъ макъ во имя Мери,
Чтобъ китайцевъ отравлять!“

VII.

Какое утро! Стихли громы,
Широко льется солнца лучъ,
Горятъ серебряные комы
За горы уходящихъ тучъ...

Какое утро!.. Море снова
Пріемлетъ свой зеркальный видъ,
Хотя вдоль лона голубого
Тяжелый вздохъ еще бѣжитъ,

И—слѣдъ утихнувшаго гнѣва —
Бурунъ вскипаетъ здѣсь и тамъ,
И слышенъ гулъ глухого рева
Вдоль по отвѣснымъ берегамъ...

Плыву я, счастьемъ тихимъ полный,
И мой гребецъ имъ дорожитъ:
Чуть-чуть по влагѣ, самъ безмолвный,
Весломъ сверкающимъ скользитъ...

Молчитъ и лишь съ улыбкой взгля еть,
Когда на насъ отъ береговъ
Чуть слышнымъ вѣтеркомъ потянетъ
Благоуханіе цвѣтовъ:

Какъ будто сильфовъ рѣзвыхъ стая,
Спрыгнувъ со скалъ, дыша тепломъ,
Помчалась, вся благоухая,
Купаться въ воздухѣ морскомъ...

VIII.

КЪ МИССЪ МЕРИ.

Передъ тобой синѣетъ море,
Заря играетъ по горамъ,
Но, какъ тоскующая лебедь,
Блуждаешь ты по берегамъ.

За убѣгающей волною,
Сжимая руки, ты слѣдишь
И „гдѣ онъ? гдѣ? скажи, о, море!“
Въ пустыню съ воплемъ говоришь!

IX.

Князь NN. и графъ фонъ-Дум—епъ,
Мичманъ С., артистъ Бурдинъ
Мечутъ съ хохотомъ червонцы
Въ глубину морскихъ пучинъ.

За червонцемъ въ ту жъ минуту
Мальчикъ—прыгъ! исчезъ въ водахъ—
И ужъ вынырнетъ навѣрно
Съ золотымъ кружкомъ въ зубахъ...

Молодецъ!.. Но, милый мальчикъ,
Знаю бездну я одну...
Самъ Господь червонцевъ всыпалъ
Много въ эту глубину,

Только дна ты въ ней не сыщешь!
Эта бездна, милый мой,
Сердце мраморной миссъ Мери,
Англичанки ледяной!

X.

Въ темный храмъ одинъ прокрался
Лучъ полдневный, озаря
Два-три бѣлыхъ покрывала
Изъ толпы у алтаря.

Тихо! точно какъ на отдыхъ
Собрались въ прохладный храмъ
Эти ангелы подъ своды,
Эти люди къ алтарямъ.

Вы войдете: что̀ малютокъ
Улыбается! что̀ глазъ,
Черныхъ глазъ въ толпѣ безмолвной
Подымается на васъ!

XI.

Вотъ съ рѣзной каѳедры грозно
Держитъ рѣчь къ толпѣ монахъ
И къ огромному распятью
Припадаетъ весь въ слезахъ.

„Се Страдалецъ!—восклицаетъ:—
Острый тернъ чело язвитъ!
Се божественныя ребра!
Кровь ручьемъ изъ нихъ бѣжитъ!

„Онъ за васъ пріемлетъ муки!
Вамъ же трудно для Него
Обуздать порывы плоти,
Страсти сердца своего!..“

И толпа вокругъ рыдаетъ,
Все готова обуздать,
Лишь бы, выйдя вонъ изъ храма,
Черныхъ глазъ не повстрѣчать.

XII.

Ахъ, межъ тѣмъ какъ вы стояли,
На рѣшетку опершись,
Въ темномъ храмѣ и душою
Въ свѣтлый куполъ унеслись,

Я глядѣлъ на васъ, миссъ Мери!
Понялъ я вашъ грустный взоръ,
Этихъ ангельчиковъ съ вами
Я подслушалъ разговоръ.

— Жаль, что ты для насъ чужая!—
Вамъ сказали. — Но, увы!
Воротиться невозможно!—
Отвѣчали кротко вы.

— У тебя такъ много горя,
Съ кѣмъ ты выплачешь его?
— Съ кѣмъ? Одна! сама съ собою!
Вкругъ—пустыня! никого!

— Кто въ пути тебя наставитъ?
— Умъ! — Все умъ!.. а сердце что̀ жъ?
— Умъ для сердца лучшій кормчій!
— Лжешь, миссъ Мери, право, лжешь!

Мы вѣдь знаемъ,—какъ ребенокъ,
Сердце скажетъ вдругъ: „хочу“ —
И прощаемъ!.. — Вы жъ съ улыбкой:
— Но сама я не прощу!

Тутъ поднялись вы и легкимъ
Наклоненьемъ головы
Съ свѣтлымъ сонмомъ силъ небесныхъ,
Какъ съ дѣтьми, простились вы...

XIII.

Золотой архіепископъ,
Signoria и народъ,
Иностранцы въ черныхъ фракахъ,
Весь Неаполь—чуда ждетъ.

Взоры всѣхъ на склянкѣ съ кровью...
Только кровь все не кипитъ...
Санъ-Дженнаро, Санъ-Дженнаро!
Или ты на насъ сердитъ?

Или есть межъ нами грѣшникъ?
Бейте жъ въ грудь себя сильнѣй!
Бейтесь объ полъ головами!
Плачьте громче, горячей!

Донна Анна! ты, Джульетта!
Подвели ль вы счетъ грѣхамъ?
И на исповѣди все ли
Перечли духовникамъ?..

Да не я ли ужъ помѣха?
Я вѣдь здѣсь совсѣмъ чужой!
Не миссъ Мери ль? Но миссъ Мери
Ужъ уѣхала домой.

Мимоѣздомъ въ Санъ-Дженнаро,
Въ амазонкѣ и съ хлыстомъ
Появлялася миссъ Мери...
Взглядъ лишь бросила кругомъ,—

Боже! точно льдомъ пахнуло
Отъ нея на всѣхъ на насъ,
Льдомъ полярнымъ, правда, чистымъ
И прозрачнымъ, какъ алмазъ!..

Мистеръ Джонъ одинъ остался
И во всѣ глаза слѣдитъ
За движеньями прелата,
Что̀ предъ склянкою стоитъ.

XIV.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

Далеко, на самомъ морѣ
Я построю домъ
Изъ цвѣтныхъ павлиньихъ перьевъ
Съ звѣздами кругомъ,

Вставлю въ нихъ кругомъ сапфиры
Жемчугъ, бирюзу,
Жить туда со мной навѣки
Нину увезу.

И едва кругомъ съ балкона
Нина поглядитъ,—
„Солнце всходитъ! солнце всходитъ!“
Все заговоритъ!

XV.

ЕЩЕ ИЗЪ НАРОДНОЙ ПѢСНИ.

Не хочу я смерти ждать,
Ждать до старости постылой!
Умирать—такъ умирать
Отъ ножа въ глазахъ у милой!
Станетъ вдругъ она тогда
Говорить, о чемъ молчала,
Цѣловать, какъ никогда
До того не цѣловала!

XVI.

Что̀ за шумъ и крикъ? О, Боже!
Нина! ты ль, моя краса,
Такъ безжалостно вцѣпилась
Лоренцино въ волоса!

Точно молнія блеснула,
Видѣлъ я, въ глазахъ твоихъ,

И изъ ангела въ тигрицу
Превратилася ты вмигъ!

А все вы виной, миссъ Мери,
Что смотрѣли на него
И этюдъ нашли въ немъ чудный
Для альбома своего!

XVII.

Вы повсюду, о, миссъ Мери!
Въ этотъ зной!.. Лучи палятъ;
Сотни каторжниковъ красныхъ
Гору бѣлую сверлятъ...

Что вы взорами впилися
Въ этотъ пестрый сбродъ людей,
Въ эти бронзовыя лица?
Иль вамъ чуденъ стукъ цѣпей?

Или вамъ въ толпѣ несчастныхъ
Дико видѣть смѣхъ и споръ,
И трагическія позы,
И комическій задоръ?

Знаю, „мучениковъ мысли“
Все вы ищете межъ нихъ,
Чтобы нѣсколько имъ бросить
Утѣшенья словъ святыхъ!

О, подъ этимъ яснымъ небомъ,
Посреди счастливыхъ лицъ—
Эти люди вѣдь опаснѣй
И бандитовъ и убійцъ!

Ихъ катоновская мрачность
И улыбка злая ихъ
Навели бъ и страхъ и скуку
На людей и на святыхъ!

И, спасибо, ихъ далёко
Убираютъ здѣсь: туда,
Гдѣ и солнце ненарокомъ
Не бываетъ никогда!

XVIII.

ДВА КАРЛИНА.

«Эй, синьоръ! хоть два карлина
Дайте мнѣ за что-нибудь!
Спѣть вамъ bella Sorrentina?
Или пыль съ сапогъ стряхнуть?

„Боже мой! съ какою злобой
Вы кричите: негодяй!
Здѣсь Неаполь! здѣсь особый
И народъ и самый край!

„Много есть народовъ умныхъ,—
Но философъ—нашъ одинъ,
Хоть живетъ средь улицъ шумныхъ,
Какъ поэтъ и арлекинъ!

„Богачи и ладзароны—
Все одна душа! у всѣхъ
Счастье—тѣ же макароны,
Тѣ же пѣсни, тотъ же смѣхъ!

„Наши пѣсни—что̀ ихъ краше?
Какъ цвѣты изъ нѣдръ земныхъ,
Изъ груди пѣвучей нашей
Такъ и тянетъ солнце ихъ!

„Смѣхъ намъ хартія! захочетъ
Деспотъ сжать насъ—смѣхъ ужъ тутъ:
Знакъ, два слова—и хохочетъ
Весь Неаполь, всякій людъ!

„Мирно съ церковью онъ ладитъ,
Да и церковь ко двору!
Для него Мадонну рядитъ,
Какъ невѣсту на пиру!

„Галлы, нѣмцы, аррагонцы
Споръ вели изъ-за него;
Онъ, отъ всѣхъ ловя червонцы
Не стоялъ ни за кого!

„Возвѣстилъ ему свободу
Гарибальди—perché no?
Были бъ праздники народу,
Были бъ пѣсни и вино!

„Все равно, кто правитъ нами:
Тотъ иль этотъ!.. Здѣсь одинъ
Надъ рабами и царями
Есть повыше господинъ...

„Вонъ чудовище открыло
Къ ночи огненную пасть...
Точно ждетъ, сбираясь съ силой,
Только знака, чтобъ напасть!

„Не минуемъ вѣрной кары!
Нынче ль, завтра ль—все одно!..
Ужъ подземные удары
Ночью будятъ насъ давно,

„И колеблющейся лентой
По прозрачнымъ небесамъ
Отъ Пуццоло до Сорренто
Дымъ стоитъ и здѣсь и тамъ...

„Все, что̀ дышитъ, гибель чуетъ,
И, боясь опоздать,
Веселится и ликуетъ...
Человѣку ль отставать?

„Лучше пѣть, забывши горе,
Передъ часомъ роковымъ,
Какъ поглотитъ огнь иль море
Почву шаткую подъ нимъ...

„Ахъ, ужасная картина!
Вдругъ порвется жизни нить...
Такъ что... ваши два карлина...
Передъ смертью, можетъ-быть!“

XIX.

ТАРАНТЕЛЛА.

(На голосъ: *Già la luna è mezz'al mare...*)

Нина, Нина, тарантелла!
Старый Чьеко ужъ идетъ!
Вонъ ужъ скрипка загудѣла!
Въ кругъ становится народъ!
Пріударилъ Чьеко старый...
Точно птички на зерно,

Отовсюду мчатся пары!..
Вонъ ужъ кружатся давно!

Какъ стройна, гляди, Аглая!
Вотъ помчались въ кругъ живой—
Очи долу, ударяя
Въ тамбуринъ надъ головой!
Ловокъ съ нею и Дженнаро!..
Вслѣдъ за ними намъ, смотри!
Послѣ тотчасъ третья пара...
Ну, Нинета... разъ, два, три...

Завязалась, закипѣла,
Все идетъ живѣй, живѣй,
Обуяла тарантелла
Всѣхъ отвагою своей...
Эй, простору! шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Эй, синьоръ, синьоръ! угодно
Вамъ въ кружокъ нашъ, можетъ-быть?
Иль свой санъ въ толпѣ народной
Вы боитесь уронить?
Ну, такъ мимо!.. шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Вы, синьора? Вы бъ и рады,
Къ намъ сердечко васъ зоветъ...
Да снуровка безъ пощады
Вашу грудь больную жметъ...
Ну, такъ мимо!.. шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Вы, философъ! дайте руки!
Не угодно ль къ намъ сюда!
Иль кто разъ вкусилъ науки,
Не смѣется никогда?
Ну, такъ мимо!.. шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Ты что̀ смотришь такъ сурово,
Босоногій капуцинъ?
Въ сердцѣ памятью былого,
Чай, отдался тамбуринъ?
Ну, такъ къ намъ!.. и шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Словно въ вихрѣ, мчатся пары;
Не сидится старикамъ...
Расходился Чьеко старый
И подплясываетъ самъ...
Мудрено ль! вкругъ старой скрипки
Такъ и носятся цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Не робѣйте! смѣйтесь дружно!
Пусть дѣтьми мы будемъ вѣкъ!
Человѣку знать не нужно,
Что̀ такое человѣкъ!..
Что̀ тутъ думать?.. Шибче скрипки!
Наши—юность и цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

XX.

LACRYMAE CHRISTI.

На Везувіи пустынникъ
Жилъ ужъ много лѣтъ;
Былъ здоровъ, румянъ и веселъ,
Хоть давно ужъ сѣдъ;
Но, живя въ уединеньи,
Говорить отвыкъ,
И, что̀ годъ, то становился
Туже на языкъ.

Жилъ онъ, жилъ, молился Богу,
Виноградъ садилъ;
Виноградъ же этотъ въ мірѣ
Всѣмъ извѣстенъ былъ:

Только онъ давалъ густое,
Темное вино...
Подъ названьемъ Слезъ Христовыхъ
Славилось оно.

И хотя къ нему названье
Не Христовыхъ Слезъ,
А скорѣе слезъ титана
Лучше бы пришлось:
Жгло оно и страсть будило,—
Но, увы! старикъ
Въ миѳологіи не смыслилъ,
Въ жизнь не видѣлъ книгъ...
А могучихъ лозъ обилье,
Въ простотѣ своей,
Все приписывалъ Мадоннѣ
И молился ей,
И за каменной оградой
У своихъ воротъ
Ей часовенку поставилъ—
Отъ всѣхъ бѣдъ оплотъ!

Такъ шли годы. На Везувій
Вѣчно шелъ народъ;
Къ старику ужъ вѣрно каждый
За виномъ зайдетъ;
Только вотъ уже съ недѣлю
Сталъ вулканъ бурлить;
Старика предупреждали,
Что ужъ худу быть,
Что геологи пугаютъ
Близкою бѣдой,—
Но старикъ лишь улыбался
И махалъ рукой.
Только вотъ съ своей постели
Онъ былъ сброшенъ вдругъ
Отъ подземнаго удара...
Смотритъ: адъ вокругъ!

Изъ жерла вулкана—пламя
Огненнымъ снопомъ!
Громъ, какъ будто сотни пушекъ
Грянули кругомъ.
Всюду лопаютъ вулкана
Черные бока,

И течетъ изъ нѣдръ ихъ лавы
Свѣтлая рѣка...
Ослѣпленъ и задыхаясь,
Еле живъ старикъ;
Чуть доползъ онъ до часовни,
Къ ней лицомъ приникъ,
Лозъ пригнулъ къ себѣ,—но листья
Свертываетъ жаръ,
Кисти лопаютъ и каплютъ,
И идетъ съ нихъ паръ...

Этихъ лозъ, что̀ возращалъ онъ,
Что̀ въ его дому
Разливали столько счастья,
Стало жаль ему,
И, себя забывъ, къ Мадоннѣ
Вдругъ онъ простоналъ:
„Сохрани мой виноградникъ“,
И безъ чувствъ упалъ.
Вопль услышала Мадонна;
Лава обошла
Вкругъ стѣны и знаменитыхъ
Лозъ не обожгла.
И старикъ потомъ былъ найденъ,
Въ чувство приведенъ,
И досель живетъ, остывшей
Лавой окруженъ.

Только вотъ что̀ вышло худо:
Къ кратеру горы
Ужъ совсѣмъ другой дорогой
Ходятъ съ той поры;
Пьютъ вино ужъ у другого!
Старецъ пересталъ
Виноградникъ свой лелѣять—
Виноградъ пропалъ...

Съ нимъ онъ самъ почти-что высохъ:
Вечеркомъ сидитъ
У воротъ и на часовню
Грустно онъ глядитъ:
„Помолился я Мадоннѣ,—
Думаетъ,—тогда,
Да не выразился ясно!
Вотъ моя бѣда!“

XXI.

Все ты бредишь англичанкой,
Что̀ сегодня на зарѣ
Оссіановскою тѣнью
Пронеслася по горѣ...

Я увѣренъ, Савва Саввичъ,
Что и осликъ сѣрый твой
Все арабской кобылицей
Нынче бредитъ день-денской.

Странно бъ было, если бъ даже
Вы въ сужденьяхъ разошлись—
Онъ—о кровной кобылицѣ,
Ты—о кровной этой миссъ!

XXII.

Всѣмъ ты жалуешься вѣчно,
Что судьбой гонимъ съ пеленъ,
Что влюбляешься несчастно,
Дважды чиномъ обойденъ!

Другъ! не ты одинъ страдаешь!
Вонъ, взгляни: оселъ стоитъ
И съ горы на весь Неаполь
О бѣдахъ своихъ кричитъ.

XXIII.

Фердинандъ король былъ рыцарь,
Деликатности примѣръ!
Онъ за собственной печатью
Заперъ всѣхъ нагихъ Венеръ,

А раздѣтыхъ Геркулесовъ
Всѣхъ оставилъ по мѣстамъ:
Не боясь мужчинъ обидѣть,
Обижать не смѣлъ онъ дамъ.

XXIV.

Внѣ ограды Campo Santo,
Не въ ряду святыхъ могилъ,
Нынче съ почестью Неаполь
Примадонну хоронилъ.

Безъ военнаго конвоя,
Безъ монаховъ и поповъ,
Самъ народъ „комедіантку“
Провожалъ дождемъ цвѣтовъ.

Каждый чувствовалъ, что городъ
Точно вдругъ осиротѣлъ,
Ото всѣхъ сердецъ какъ будто
Добрый геній отлетѣлъ...

Не безъ зависти, миссъ Мери,
Вы смотрѣли изъ окна,
Какъ за гробомъ примадонны
Шла народная волна.

Какъ въ своихъ лохмотьяхъ важно
Ладзароны гробъ несли,
Какъ по ихъ угрюмымъ лицамъ
Слезы тихія текли...

Хоть вы знали, пуританка,
Что цѣною жгучихъ слезъ,
Бурной жизнью, трудной школой
Все божественной далось...

Мистеръ Джонъ объ этомъ знаетъ,
Но молчитъ вашъ мистеръ Джонъ...
Вспоминая, сколько „фунтовъ“
На нее потратилъ онъ...

Но зато мой Савва Саввичъ
Съ простодушіемъ дѣтей
Безкорыстно радъ поплакать
Чуждой скорби, какъ своей.

XXV.

Миссъ, не бойтесь легкой шутки!
Мы вѣдь шутимъ надо всѣмъ,
Шутимъ даже надъ героемъ
Нашихъ собственныхъ поэмъ...

Да и что̀ моя вамъ шутка!
Вдругъ у вашихъ ногъ блеснетъ
И, какъ ящерица въ камняхъ,
Шаловливо пропадетъ.

XXVI.

Донъ-Пеппино русской бредитъ,
Щеголяетъ въ бирюзѣ,
И въ Café d'Europa всюду
Чертитъ пальцемъ букву З.

Повторяетъ безпрестанно
При другихъ и про себя:
„Зина, Зина, che bel'nome!"
И потомъ: „люблю тебя".

Такъ, по-русски... Вотъ нескромникъ!
Здѣсь вѣдь рѣдкость бирюза,
И, любуясь ею, денди
Шепчетъ всѣмъ: „ея глаза".

XXVII.

Пульчинель вскочилъ на бочку,
И толпа ужъ собралась;
Жестъ лишь сдѣлалъ—и вся площадь
Яркимъ смѣхомъ залилась.

Берегись, смотри, проказникъ!
Этотъ смѣхъ вѣдь обѣжитъ
Цѣлый городъ—тамъ, какъ эхо,
Въ Аппенинахъ прогремитъ,

Здѣсь раскатится по морю
И ударитъ по скаламъ
Капри, Исхіи, Прочиды,
Въ домы къ смѣлымъ рыбакамъ!

Берегись! хоть Санъ-Дженнаро
И съ тобою заодно,
Но ужъ съ фортовъ этихъ пушки
На тебя глядятъ давно!

XXVIII.

Мнѣ Неаполь опротивѣлъ,
Опротивѣлъ, какъ тюрьма!
Это скалъ на грудѣ груда,
На домахъ еще дома!

Продавцовъ, мальчишекъ крики!
Крики взбалмошныхъ ословъ...
Точно городъ этотъ вѣчно
Занятъ пробой голосовъ!

Нынче жъ, кажется, и въ морѣ,
Заглушая все, идутъ
Репетиціи трескучей
Оперетты „Страшный Судъ“.

XXIX.

Душно! Иль опять сирокко?
И опять заливъ кипитъ,
И дыханіе Сахары
Въ бурыхъ тучахъ вихорь мчитъ?

Въ лицахъ страхъ, недоумѣнье...
Средь безмолвныхъ площадей
Люди ждутъ въ томленьи страстномъ,
Грянулъ громъ бы поскорѣй...

Чу! ужъ за моремъ онъ грянулъ!
И Сицилія горитъ!
Знамя свѣтлое свободы
Ужъ надъ островомъ стоитъ!

Мигъ еще... конецъ тревоги,
Ожиданья и тоски,
И народъ вкругъ Гарибальди
Кинетъ въ воздухъ колпаки!

XXX.

Говорятъ, со всѣхъ соборовъ
Нынче статуи святыхъ
Собирались въ Санъ-Дженнаро
О дѣлахъ судить своихъ.

Несогласье вышло въ мнѣньяхъ,
Кто храбрился, кто робѣлъ,
Порѣшили напослѣдокъ
Ожидать исхода дѣлъ.

XXXI.

Блеститъ салонъ княгини Зины,
Но въ шумномъ говорѣ гостей
Надъ мягкой красною фланелью
Сверкаютъ иглы русскихъ фей.

Но какъ пугливы эти феи!
Отъ бурь войны онѣ бѣгутъ:
Княгини Зины чемоданы
Лишь утра завтрашняго ждутъ!

XXXII.

Народный вождь вступаетъ въ городъ...
Все ближе онъ... все громче крикъ...
И вотъ онъ самъ, средь этихъ криковъ
Отъ счастья тихъ... О, чудный мигъ!

Къ нему всѣ рвутся, какъ на приступъ.
Но вотъ дорвалася одна —
И ужъ съ цвѣткомъ изъ рукъ героя
Уходитъ, гордая, она!

О, сколько тамъ, въ странѣ тумановъ,
Средь вѣчныхъ будничныхъ тревогъ
Напомнитъ Мери этотъ скромный,
Съ трудомъ доставшійся цвѣтокъ!

И загорѣлый ликъ героя,
И пестрыхъ волнъ народныхъ плескъ,
И вкругъ на всемъ съ высотъ лазурныхъ
Луча полуденнаго блескъ!

1858.

XV.

ДОМА.

I.

МАТЬ.

«Бѣдный мальчикъ! весь въ огнѣ,
Все ему неловко!
Лягъ на плечико ко мнѣ,
Прислонись головкой!

Я съ тобою похожу...
Подремли, мой мальчикъ,
Хочешь, сказочку скажу:
Жилъ-былъ мальчикъ съ пальчикъ...

Нѣтъ! не хочешь?.. сказки—вздоръ!
Пѣсня лучше будетъ...
Зашумѣлъ сыръ-теменъ боръ,
Лисъ лисичку будитъ;
Во сыромъ-темномъ бору...
Задремалъ мой крошка!..
...Я малинки наберу
Полное лукошко...
Во сыромъ-темномъ бору...
Тише! засыпаетъ...
Словно птенчикъ, все въ жару
Губки открываетъ...

„*Во сыромъ бору*“ поетъ
Мать и ходитъ, ходитъ...
Тихо, долго ночь идетъ...
Ночь ужъ день выводитъ

Мать поетъ... рука у ней
Затекла, устала,
И не разъ слезу съ очей
Бѣдная роняла...

И едва дитя въ жару,
Вздрогнувъ, встрепенется,
„*Во темномъ-сыромъ бору*“
Снова раздается...

Отклони ударъ, уйди,
Смерть, съ своей косою!
Мать дитя съ своей груди
Не отдастъ безъ бою!
Заслонитъ, средь всѣхъ тревогъ,
Всей душой своею
Жизни чудный огонекъ,
Что̀ затепленъ ею!
И едва онъ засвѣтилъ,—
Вдругъ ей ясно стало,
Что̀ любви, что̀ чудныхъ силъ
Сердце въ ней скрывало!..

1861.

II.

ВЕСНА

(Посвящается Колѣ Трескину).

Уходи, Зима сѣдая!
Ужъ красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится съ горней вышины!

Старой спорить ли, тщедушной,
Съ ней — царицею цвѣтовъ,
Съ цѣлой арміей воздушной
Благовонныхъ вѣтерковъ!

А что̀ шума, что̀ гудѣнья,
Теплыхъ ливней и лучей,
И чиликанья, и пѣнья!..
Уходи себѣ скорѣй!

У нея не лукъ, не стрѣлы,
Улыбнулась лишь,—и ты,
Подобравъ свой саванъ бѣлый,
Поползла въ оврагъ, въ кусты!..

Да найдутъ и по оврагамъ!
Вонъ ужъ пчелъ рои шумятъ,
И летитъ побѣднымъ флагомъ
Пестрыхъ бабочекъ отрядъ!

1881.

III.

ВЕРБНАЯ НЕДѢЛЯ.

(Посв. маленькой К—и).

Что̀ это сдѣлалось съ городомъ нашимъ?
Право, совсѣмъ не узна̀ешь его!
Сдернута съ неба завѣса тумановъ,
По̀ небу блескъ, на землѣ торжество!

Съ вербами идутъ толпы за толпами,
Шумъ, экипажей ряды, пестрота,
Машутъ знаменами малыя дѣти,
Лица сіяютъ, смѣются уста!

Точно какой побѣдитель вступаетъ
Въ городъ, и все пробудилось отъ сна...
Да, побѣдитель! И вотъ ему птицы
Словно ужъ грянули: „здравствуй, Весна!“

1870.

IV.

ЛѢТНІЙ ДОЖДЬ.

„Золото, золото падаетъ съ неба!“—
Дѣти кричатъ и бѣгутъ за дождемъ...
— Полноте, дѣти, его мы сберемъ,
Только сберемъ золотистымъ зерномъ
Въ полныхъ амбарахъ душистаго хлѣба!

1856.

V.

СѢНОКОСЪ.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами...
Въ пѣснѣ душу веселя,
Бабы съ граблями рядами
Ходятъ, сѣно шевеля.

Тамъ сухое убираютъ;
Мужички его кругомъ
На̀ возъ вилами кидаютъ...
Возъ растетъ, растетъ, какъ домъ...

Въ ожиданьи конь убогій,
Точно вкопанный, стоитъ...
Уши врозь, дугою ноги,
И какъ будто стоя спитъ...

Только жучка удалая,
Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ,
То взлетая, то ныряя,
Скачетъ, лая впопыхахъ.

VI.

НОЧЬ НА ЖНИТВѢ.

Густѣетъ сумракъ, и съ полей
Уходятъ жницы... Ужъ умолкъ
Вдали и плачъ и смѣхъ дѣтей,
Собачій лай и женскій толкъ.

Ушелъ рабочій караванъ...
И тишина легла въ поляхъ!..
Какъ безконечный ратный станъ,
Кругомъ снопы стоятъ въ копнахъ.

И задымилася роса
На всемъ пространствѣ желтыхъ нивъ,
И ночь взошла на небеса,
Тихонько звѣзды засвѣтивъ.

Вотъ вышелъ мѣсяцъ молодой...
Одно прозрачное, какъ дымъ
Въ пустынѣ неба голубой,
Несется облачко предъ нимъ:

Какъ будто кто-то неземной
Подъ бѣлой ризой и съ вѣнцомъ
Надъ этой нивой трудовой
Стоитъ съ серебрянымъ серпомъ

И шлетъ въ сверканіи зарницъ
Благословенье на поля,
Вознаградила бъ страду жницъ
Ихъ потомъ влажная земля.

1862.

VII

ВЪ СТЕПЯХЪ.

1.

Ночная гроза.

Ну, ужъ ночка! Воздухъ жгучій
Не шелохнется! Кругомъ
Жарко вспыхиваютъ тучи
Синей молніи огнемъ.

Словно смотръ въ воздушномъ станѣ
Духамъ тьмы назначенъ! Мигъ—
И помчится въ ураганѣ
По рядамъ владыка ихъ!

То-то грянетъ канонада!
Огнь и громъ, и дождь и градъ,
И по степи силы ада
Съ дикимъ свистомъ полетятъ!..

Нѣтъ, при этакомъ невзгодьѣ,
Въ этомъ мракѣ предоставь
Все коню! отдай поводья
И не умничай, не правь:

Ровно, ровно, вѣрнымъ шагомъ,
Не мечася, какъ шальной,
По равнинамъ, по оврагамъ
Онъ примчитъ тебя домой...

2.

Разсвѣтъ.

Вотъ полосой зеленоватой
Ужъ обозначился востокъ;
Туда тепло и ароматы
Помчалъ со степи вѣтерокъ;

Блѣднѣютъ тверди голубыя;
На горизонтѣ—все чернѣй
Фигуры, словно вырѣзныя,
Въ степи пасущихся коней...

3.

Мой взглядъ теряется въ торжественномъ просторѣ...
Сіяетъ ковыля серебряное море
Въ дрожащихъ радугахъ, незримый хоръ пѣвцовъ
И степь и небеса весельемъ наполняетъ;
И только тѣнь порой отъ бѣлыхъ облаковъ
На этомъ праздникѣ, какъ дума, пролетаетъ.

4.

Полдень.

Паръ полуденный душистый
Подымается съ земли...
Что̀ жъ за звуки въ серебристой
Все мнѣ чудятся дали?

И къ душѣ моей, какъ тѣни
По степи отъ облаковъ,
Рядъ проносится видѣній,
Рой какихъ-то давнихъ сновъ.

Орды ль идутъ кочевыя?
Ревъ верблюдовъ, скрипъ телѣгъ?..
Не стрѣльцы ль сторожевые?
Не казацкій ли набѣгъ?

Полоняночка ль родная
Пѣсню жалкую поетъ
И, тата̀рченка качая,
Голосъ милымъ подаетъ?..

5.

Стрибожьи внуки.

«Се вѣтри, Стрибожьи внуци, вѣютъ съ моря...
на силы Дажьбожья внука, храбрыхъ Русичей...»
Слово о Полку Игоревѣ.

Стрибожьи чада! Это вы
Несетесь съ шумомъ надъ степями,
Почти касаяся крылами
Подъ ними гнущейся травы?
Чего вамъ надо? Эти степи
Уже не тѣ, что̀ въ дни, когда
Здѣсь за ордою шла орда,

Неся на Русь пожаръ и цѣпи!
Ушелъ далеко Черный Дивъ
Передъ Дажьбожьими сынами,
Имъ, чадамъ свѣта, уступивъ
Свое господство надъ степями!
И солнца русые сыны
Пришли—и степь глядитъ ужъ садомъ...
Тамъ зрѣютъ жатвы; убраны
Тамъ холмы синимъ виноградомъ;
За весью весь стоитъ; косцовъ
Несется пѣсня удалая,
И льется звонъ колоколовъ
Въ степи отъ края и до края...
И слухъ пропалъ о временахъ,
Когда, столь грозное бывало,
Здѣсь царство темное стояло.
И путникъ мчится въ сихъ мѣстахъ,
Стада овецъ порой пугая,
Нигдѣ засадъ не ожидая;
Спокойно тянутся волы;
И падшихъ ратей ищутъ тщетно
Въ степи, на клёктъ ихъ безотвѣтной,
Съ высотъ лазуревыхъ орлы...

1863.

VIII.

НИВА.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь—повсюду рожь густая!
Иду, съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной
И колютъ мнѣ лицо... Иду я, наклоняясь,
Какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.

О, Божья благодать!.. О, какъ прилечь отрадно
Въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я—на всемъ полей просторѣ
И жницы и жнецы, ныряя, точно въ морѣ
Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;

Вонъ на зарѣ стучатъ проворные цѣпы;
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана и меда;
Вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки
Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая
И длинной бечевой по влагѣ ударяя...

О, Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба,
Но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣяла весна,
И непогодами несгубленныя зерна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно.
О, дай намъ солнышка! пошли Ты ведра намъ,
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, стариками
Прійти на тучныя ихъ нивы подышать,
И, позабывъ, что мы ихъ полили слезами,
Промолвить: „Господи! какая благодать!“

1856.

IX.

Дорогъ мнѣ передъ иконой
Въ свѣтлой ризѣ золотой
Этотъ ярый воскъ, возженный
Чьей невѣдомо рукой...
Знаю я, свѣча пылаетъ,
Клиръ торжественно поетъ;
Чье-то горе утихаетъ,
Кто-то слезы тихо льетъ:
Свѣтлый ангелъ упованья
Пролетаетъ надъ толпой...
Этихъ свѣчъ знаменованье
Чую трепетной душой.
Это—мѣдный грошъ вдовицы,
Это—лепта бѣдняка,
Это... можетъ-быть... убійцы
Покаянная тоска...
Это—свѣтлое мгновенье
Въ дикомъ мракѣ и глуши,
Память слезъ и умиленья
Въ вѣчность глянувшей души...

1869.

X.

ВОРОБЬЕВЫ ГОРЫ.

Не горятъ златыми льдами,
Ни пурпурными снѣгами
Средь небесной синевы
Ихъ вѣнчанныя главы;
Съ ребръ не плещутъ водопады;
Бездны, воя и шумя,
Не страшатъ пришельца взгляды,
Ни пугливаго коня.
Но люблю я эти горы
Въ простотѣ веселой ихъ,
Ихъ обрывы, ихъ уборы
Перелѣсковъ молодыхъ.
Тамъ любилъ я въ полдень жаркій
Въ тишинѣ бродить. Вдали
Предо мною лентой яркой
Волны рѣзвыя текли;
Прилеталъ порой тяжелый,
Звучный гулъ колоколовъ,
И блисталъ, какъ бы съ престола,
Между доловъ и холмовъ,
Сердце Руси православной,
Градъ святой, перводержавный,
Вѣковой—Москва сама,
И сады ея густые,
И пруды заповѣдные,
Колокольни, терема,
Кровель море разливное,
И въ торжественномъ покоѣ
Между ними, въ вышинѣ,
Кремль старинный, сановитый,
Нашъ алтарь, въ крови омытый
И искупленный въ огнѣ.

Съ этихъ горъ святой вершины
Страшный міру исполинъ
Устремлялъ свой взоръ орлиный
На московскія равнины
И огни своихъ дружинъ.
„Вотъ,—онъ мнилъ,—вѣнецъ желанный,
Плодъ трофеевъ и утратъ!

Мы отсюда дланью бранной
Спеленаемъ сѣверъ льдяный,
Сдавимъ гордый Араратъ!
И пустынные народы
Предо мной копье склонятъ,
И до-полюсныя воды
У моихъ восплещутъ пятъ!..
Мнѣ ль ты царство устрояла,
Вѣнценосная жена?
Для меня ль ты насаждала
Здѣсь величья сѣмена?
Я пожалъ ихъ въ бранномъ дымѣ:
Царство Руссовъ мнѣ дано!
И заблещетъ днесь оно
Въ европейской діадимѣ,
Какъ азійское зерно".

Такъ онъ мнилъ. Вѣнецъ нетлѣнный,
Міра кровью окропленный,
Зрѣлъ надъ гордой головой,
И сжималъ весь кругъ вселенной
Скиптроносною рукой.
А межъ тѣмъ, угрюмъ и страшенъ,
Мракъ спускался на поля,
И вокругъ кремлевскихъ башенъ
Кралась пламени змѣя.

1842.

VXI.

СТРАНЫ и НАРОДЫ.

I.

Сидѣли старцы Иліона
Въ кругу у городскихъ воротъ.
Ужъ длится града оборона
Десятый годъ, тяжелый годъ!
Они спасенья ужъ не ждали
И только павшихъ поминали,
И ту, которая была
Виною бѣдъ ихъ, проклинали:
„Елена, ты съ собой ввела
Смерть въ наши домы! Ты намъ плѣна
Готовишь цѣпи!!!...“
Въ этотъ мигъ
Подходитъ медленно Елена,
Потупя очи, къ сонму ихъ;
Въ ней дѣтская сіяла благость
И думы легкой чистота;
Самой была какъ будто въ тягость
Ей роковая красота...
Ахъ, и сквозь облако печали
Струится свѣтъ ея лучей...
Невольно, смолкнувъ, старцы встали
И разступились передъ ней.

1869.

II.

ПЛАТОНА

единственные два стиха, до насъ дошедшіе.

Небомъ желалъ бы я быть, звѣзднымъ, всевидящимъ небомъ,
Чтобы тебя созерцать всѣми очами его!

1883.

III.

ИЗЪ САФО.

Онъ—юный полубогъ, и онъ—у ногъ твоихъ!
Ты съ лирой у колѣнъ поешь ему свой стихъ
Онъ замеръ. слушая; лишь жадными очами
Слѣдитъ за легкими перстами
На струнахъ золотыхъ...
А я!.. Я тутъ же! Тутъ! Смотрю, слѣжу за вами.
Кровь къ сердцу прилила. Нѣтъ силъ,
Дыханья нѣтъ! Я чувствую, теряю
Сознанье, голосъ... Мракъ глаза мои затмилъ—
Темно!.. Я падаю... я умираю...

1875.

IV.

РЫЦАРЬ.

(Изъ Bertrand de Born).

Смѣло, не потупя взора,
Но какъ праведникъ, на судъ
Къ вамъ являюсь я, синьора,
И скажу одно: вамъ лгутъ.
Пусть при первомъ же сраженьи
Я бѣгу, какъ подлый трусъ;
Пусть отъ васъ я предпочтенья
Предъ соперникомъ лишусь;
Пусть въ азартѣ въ четъ и нечетъ
Все спушу я: мечъ, коня,
Латы, зàмки и поля;
Пусть мной выхоженный кречетъ
На глазахъ моихъ съ высотъ
Нà-земь камнемъ упадетъ,
Въ бой вступивъ въ воздушномъ полѣ
Съ цѣлой стаей соколовъ;
Наконецъ я самъ готовъ
Сгнить у мавровъ въ злой неволѣ
Отъ истомы и оковъ, —
Коль не ложь—моя измѣна,
Не гнуснѣйшая изъ лжей,
Что я рвусь уйти изъ плѣна
У владычицы моей.

V.

ИЗЪ ПЕТРАРКИ.

Когда она вошла въ небесныя селенья,
Ее со всѣхъ сторонъ соборъ небесныхъ силъ
Въ благоговѣніи и тихомъ изумленьи,
Изъ глубины небесъ слетѣвшись, окружилъ.
„Кто это?—шопотомъ другъ друга вопрошали:—
Давно ужъ изъ страны порока и печали
Не восходило къ намъ въ сіяньи чистоты
Столь строго дѣвственной и свѣтлой красоты“.

И, тихо радуясь, она въ ихъ сонмъ вступаетъ,
Но, замедляя шагъ, свой взоръ по временамъ
Съ заботой нѣжною на землю обращаетъ
И ждетъ, иду ли я за нею по слѣдамъ...
Я знаю, милая! Я день и ночь на стражѣ!
Я Господа молю! Молю и жду—когда же?

1860.

VI.

МАДОННА.

Стою предъ образомъ Мадонны.
Его писалъ монахъ святой,
Старинный мастеръ, не ученый:
Видна въ немъ робость, стиль сухой.

Но робость кисти лишь сугубитъ
Величье Дѣвы: такъ Она
Вамъ сострадаетъ, такъ васъ любитъ,
Такою благостью полна,

Что вѣришь, какъ гласитъ преданье,
Передъ художникомъ святымъ,
Сама Пречистая въ сіяньи
Являлась, видима лишь имъ...

Измученъ подвигомъ духовнымъ,
Постомъ суровымъ изнуренъ,
Не разъ на помостѣ церковномъ
Былъ поднятъ иноками онъ

И, призванъ къ жизни ихъ мольбами,
Еще глаза открыть боясь,

Онъ братью раздвигалъ руками
И шелъ къ холсту, душой молясь.

Брался за кисть, и въ умиленьи,
Онъ кистью тò изображалъ,
Чтò отъ небеснаго видѣнья
Въ воспоминаньи сохранялъ.

И слезы тихія катились
Вдоль блѣдныхъ щекъ... И, страхъ тая,
Монахи вкругъ него молились
И плакали, какъ плачу я...

Флоренція, 1859.

VII.

МИНЬОНА.

(Изъ Гёте).

Ахъ, есть земля, гдѣ померанецъ зрѣетъ,
Лимонъ въ садахъ желтѣетъ круглый годъ,
Такимъ тепломъ съ лазури темной вѣетъ,
Такъ скромно миртъ, такъ гордо лавръ растетъ!..
Гдѣ этотъ край? Туда, туда
Уйти бы намъ, мой милый, навсегда!

Я помню залъ: колонна за колонной,
И мраморы стоятъ передо мной,
И на меня взирая благосклонно,
Мнѣ говорятъ: „малютка, чтò съ тобой?“
Ахъ, милый мой! Туда, туда
Уйти бы намъ съ тобою навсегда!

А тамъ—гора. Вдоль сыплющихся склоновъ,
Средь облаковъ карабкается мулъ...
Внизу—обрывъ, гдѣ слышенъ ревъ драконовъ,
Паденье скалъ, потоковъ пѣнныхъ гулъ.
Гдѣ этотъ край?.. Туда, туда
Уйти бы намъ, мой милый, навсегда!

VIII.

ИЗЪ ГЁТЕ.

Кого полюбишь ты—всецѣло
И весь, о, Лидія, онъ твой,
Твой всей душой и безъ раздѣла!

Теперь мнѣ жизнь, что̀ предо мной
Шумитъ, и мчится, и сверкаетъ,
Завѣсой кажется прозрачно-золотой,
Черезъ которую лишь образъ твой сіяетъ
Одинъ во всѣхъ своихъ лучахъ,
Во всемъ своемъ очарованьи,
Какъ сквозь дрожащее полярное сіянье
Звѣзда недвижная въ глубокихъ небесахъ...
1875.

IX.

(Изъ Гёте).

ЛИЛЛИ.

1.

Эта маленькая Лилли—
Цѣлый міръ противорѣчій,
То трагедій, то идиллій!
Что̀ за ласковыя встрѣчи!

Льнетъ къ тебѣ нѣжнѣй голубки,
А обнять хочу—отскочитъ!
Засмѣюсь—надуетъ губки,
Разсержусь—она хохочетъ.

Вонъ въ сердцахъ хочу бѣжать я—
Дверь собою застановитъ,
Открываетъ мнѣ объятья,
Умоляетъ, руку ловитъ.

Сдался—ужъ глядитъ лукаво:
Такъ и знай, что будетъ худо...
Это бѣсъ какой-то, право,
Только бѣсъ такой, что чудо!
1864, 1889.

2.

„Надо кончить"—порѣшили
Мы вчера. Финалъ любви!
Съѣхать надо: съ этой Лилли
Вотъ ужъ гдѣ мнѣ vis-à-vis!

Занавѣсилась... Уфъ! злится!
Но вѣдь въ щелочку глядитъ...

Уголокъ-то шевелится
Занавѣски... Пусть сидитъ!

Я ужъ выдержу. Уткнуся
Носомъ въ книгу. Позоветъ—
И тогда не оглянуся!..
Только долго что-то ждетъ...

Какъ такъ?.. Вѣтеръ кисеею
Размахнулъ до потолка,
И все пусто! Я-то строю
Передъ кѣмъ же дурака?

Бросилъ книгу я съ досадой.
„Ха-ха-ха!“ вдругъ слышу. „Ты?“
Ну, и что̀ жъ? И все какъ надо:—
Смѣхъ опять, любовь, цвѣты...
1864, 1889.

X.

(Изъ Андрея Шенье).

Я былъ еще дитя: она уже прекрасна...
Какъ часто, помню я, съ своей улыбкой ясной
Она меня звала Играя съ ней, рѣзвясь,
Младенческой рукой запутывалъ не разъ
Я локоны ея. Персты мои скользили
По груди, по челу, межъ пышныхъ розъ и лилій...
Но чаще посреди поклонниковъ своихъ
Надменная меня ласкала, а на нихъ
Лукаво-нѣжный взоръ поднявъ, какъ бы случайно
Дарила поцѣлуй съ насмѣшливостью тайной
Устами алыми младенческимъ устамъ.
Завидуя въ тиши божественнымъ дарамъ,
Шептали юноши, сгорая въ нѣгѣ страстной:
„О, сколько милыхъ ласкъ потеряно напрасно!“
1840.

XI.

БОРЬБА.

(Изъ Шиллера).

Нѣтъ, прочь суровый долгъ! Зачѣмъ мнѣ сердце гложешь?
Не требуй жертвъ напрасныхъ отъ меня,
Когда уже гасить въ груди моей не можешь
Ее палящаго огня!

Я клялся, да, я клялся мощной воли
Признать надъ сердцемъ власть...
Теперь.... вотъ твой вѣнокъ, онъ мнѣ не нуженъ болѣ.
Возьми его и дай мнѣ пасть!

Разорванъ нашъ союзъ... Она, я знаю, любитъ!
И вдругъ отречься отъ нее!..
О, нѣтъ! пусть страсти пылъ навѣкъ меня погубитъ:
Въ моемъ паденіи—блаженство все мое!

Что точитъ червь мнѣ жизнь, что гибну я въ молчаньи,
Все поняла душой она;
И на мои безмолвныя страданья
Глядитъ, участія полна.

О, Боже! вотъ оно—желанное участье!
Одинъ лишь мигъ остался роковой...
Но нѣтъ, постой, дитя! Мнѣ страшно это счастье:
Въ немъ приговоръ конечный мой.

О, страшная судьба! коварное сомнѣнье!
Я здѣсь у цѣли наконецъ:
Въ ней тайныхъ мукъ моихъ награда и вѣнецъ —
И роковой ударъ преступнаго паденья.

1857.

XII.

ИЗЪ ГАФИЗА.

Встрепенись, взмахни крылами,
Торжествуй, о, сердце, пой,
Что опутано сѣтями
Ты у розы огневой;
Что ты въ сѣти къ ней попалось,
А не въ сѣти къ мудрецамъ,
Что не имъ внимать досталось
Дивнымъ пѣснямъ и слезамъ.
И хоть слезъ съ твоей любовью
Ты моря у ней прольешь,
И изъ ранъ горячей кровью
Все по каплѣ изойдешь,—
Но зато умрешь мгновенно
Вмѣстѣ съ пѣснею своей
Въ самый пылъ, какъ вдохновенный
Умираетъ соловей.

1875.

XIII.

ИЗЪ ИСПАНСКОЙ АНТОЛОГІИ.

1.

Эти черные два глаза,
Съ ихъ глубокимъ мѣткимъ взглядомъ—
Два бандита съ наведеннымъ
Изъ засады карабиномъ.

2.

Противъ глазъ твоихъ ничуть,
Вѣрь, я злобы не питаю.
На меня вѣдь имъ взглянуть
Страхъ какъ хочется, я знаю.
Это *ты* въ душѣ своей
Строишь ковы! *Ты* хлопочешь
О погибели моей—
И позволить имъ не хочешь.

3.

Я—король. Ты—королева.
Мы въ войнѣ. Я главныхъ силъ
И фельдмаршала ихъ гнѣва
Не боюсь. Я бъ ихъ разбилъ.
Но какъ двинешь ты резервы,
Въ бой войти велишь слезамъ,
Тутъ бѣда! Пожалуй, первый
Брошусь я къ твоимъ ногамъ!..

4.

Эти очи—свѣтъ со тьмою,
Очи, полныя зарницъ,
Окаймленныя густою
Ночью черною рѣсницъ!
Но былъ мигъ,—и ночь вдругъ стала
Раздвигаться, мракъ исчезъ,
И мнѣ въ сердцѣ засіяла
Глубина святыхъ небесъ.

5.

Холодный, смертный приговоръ
Твои глаза мнѣ произносятъ;
Мои жъ, снѣдая свой позоръ,
Лишь о помилованьи просятъ.

6.

Въ тихой думѣ на кладбищѣ,
Златокудрое дитя,
Ты стоишь, къ холмамъ печальнымъ
Кротко очи опустя.
Знаешь? Спящимъ тутъ во мракѣ,
Въ забытьѣ глубокомъ ихъ
Снится въ райскомъ ореолѣ
Свѣтлый ангелъ въ этотъ мигъ.

1879.

XIV.

ИЗЪ ТУРЕЦКОЙ АНТОЛОГІИ.

1.

Длинные кудри твои вдоль высокаго стана
Прячутся въ кольцахъ, но глазъ не спускаютъ съ меня;
Скажешь: віясь, съ кипариса спускаются змѣи,
Чтобы поющаго въ розахъ схватить соловья.

2.

На мигъ упалъ съ лица прекрасной
Ее скрывающій покровъ...
Я думалъ, мѣсяцъ глянулъ ясный
Въ разрывѣ быстрыхъ облаковъ.

3.

Я сказалъ ей: „дай твои мнѣ губки,
Поцѣлуемъ ихъ не опорочишь!“

А она мнѣ: „дамъ тебѣ я губки,
Ты обнять и всю меня захочешь!“

„Эти руки знаетъ врагъ корана,—
Я сказалъ:—ты въ нихъ, какъ за стѣною!“

„Но мои,—она въ отвѣтъ:—сильнѣе,
Если ихъ я подыму съ мольбою!“

XV.

БѢЛОРУССКІЯ ПѢСНИ.

1.

ПЕТРУСЬ.

Ой, худыя вѣсти
Люди приносили:
Бѣднаго Петруся
До смерти забили.
А за что жъ забили?
За вину какую?
Отъ своей-то жонки
Полюбилъ чужую!
Какъ же могъ подумать
О такой онъ пани?
Пани—вся въ атласахъ,
Ты жъ—въ худомъ кафтанѣ!
Пани трехъ служанокъ
За Петрусемъ слала;
Не дождалась пани,
Въ поле поскакала:
„Ой, бросай, Петрусикъ,
Соху середь поля;
Пана нѣту дома,
Полная намъ воля!“
Вѣрные холопы
Пана повѣстили;
Панскія хоромы
Крѣпко оцѣпили.
Выглянула пани,
Видитъ: хлоповъ кучи;
Панскій конь весь въ мылѣ,
Панъ—чернѣе тучи...
„Серденько-Петрусикъ,
Утекай скорѣе!
Панъ пріѣхалъ, тучи
Громовой чернѣе!“
Чуть Петрусь до двери,
Засвистали плети:
Бьютъ и бьютъ Петруся
Часъ, другой и третій.
Парень ужъ не дышитъ;

Хлопцы бить устали,
За бока Петруся
Взяли, подымали,
Понесли къ Дунаю...
Быстръ Дунай раскрылся...
„Вотъ тебѣ, голубчикъ,
Что пригожъ родился!“

Вельможная пани
Въ сѣни выходила;
Пани рыболовамъ
По рублю дарила:
„Будетъ вамъ и больше,
Рыбачки, идите,
Моего Петруся
Тѣло изловите!“

Рыбаки искали
Въ омутѣ и тинѣ
И нашли Петруся
Въ Жалинской долинѣ.
Некого имъ къ пани
Вѣстникомъ отправить,
Чтобы пріѣзжала
Похороны справить.
Вельможная пани
Бродитъ, какъ шальная,
О своемъ Петрусѣ
Плачетъ мать родная;
Плачетъ мать родная
Горькими слезами;
Вельможная сыплетъ
Бѣлыми рублями:
„Ой, не плачь ты, мати,
Пусть одна я плачу!
Жизнь и панство съ сыномъ
Я твоимъ утрачу!“

И ходила пани
Борами, лѣсами,
Щеки обливала
Жаркими слезами.
Всѣ объ остры камни
Ноженьки избила,
Бархатное платье
По росѣ смочила.

Ходитъ панъ по рынку,
Тяжело вздыхаетъ,
На себя самъ горько
Плачется, пеняетъ:
„Вѣдай-ка я прежде
Про такую долю,
Не мѣшалъ Петрусю бъ
Тѣшиться я вволю!“

2.

„Ой, сынки мои, соколы мои,
Доченьки-голубоньки!
Какъ прійдетъ мой часъ, помирать начну,
Соберитесь вкругъ меня!“

Ходятъ въ горенкѣ сынки, шепчутся,
Какъ имъ мать хоронить;
Ходятъ въ горенкѣ зятья, шепчутся,
Какъ добро раздѣлить.

Ой, а доченьки, что голубоньки,
Вкругъ матушки вьются,
А невѣстушки ходятъ въ горенкѣ,
Надъ ними смѣются.

3.

На Руси былъ черный богъ;
Передъ нимъ былъ турій рогъ.
Онъ на Кіевъ поглядàлъ,
Голосъ вѣдьмамъ подавалъ.
Володиміръ же святой
Чернобога сбилъ долой;
Отъ святой Варвары жъ въ ночь
Разбѣжались вѣдьмы прочь
Съ лысыхъ горъ, гдѣ пировали
И всю ночь онѣ плясали.
Святый Юрій прискакалъ
И въ Несвижѣ церквой сталъ.
Но отъ князя Радзивила
Понашла нечиста сила,
Нашу вѣру загубила.
Батьки въ церкви не служили;
Мшу ксендзы тамъ завопили.
Ни отъ Слуцка ни съ Турòва
Къ намъ не слышалось ни слова,

Ни единаго словечка.
Сталъ, какъ блудная овечка,
Юрій, нашъ святой хранитель,
Храбрый змія побѣдитель.
Мы предъ Юріемъ падемъ
И помолимся о томъ,
Чтобъ его святая сила
Покарала Радзивила.

4.

Ой, коли бъ, коли
Москали пришли,
Москали пришли,
Наши сродные,
Вѣры ѐдныя!
Было бъ добре намъ,
Было бъ счастье намъ,
Коли вся бы Русь
Да держалася
Одной силою,
За одно была!
Только къ намъ за грѣхи
Понашли ляхѝ,
Край нашъ зàняли
Ажъ до Ляшковичъ.
И ляхѝ бъ не пришли,
Да паны привели.
Ой, паны, чтобъ вы пропали,
Что насъ ляхамъ запродàли!
Ой, паны, чтобъ вы пропали,
Что вы вѣру промѣняли!

5.

Ой, катилася заря
Изъ-подъ новаго двора;
Не заря тò золотая,
Ѣдетъ пани молодая.
Какъ она заговоритъ,
Словно въ звоны зазвонитъ.

6.

При дорогѣ, при широкой
Два дубочка стоятъ;
При бесѣдѣ, при веселой

Два молодчика пьютъ.
Они пьютъ и тарабарятъ
Про женитьбу свою.
Удалась ли, удалась ли,
Братъ, женитьба твоя?
„Удалася, удалася,
Братъ, нелюбая жена!
Да пойду я, молодецъ,
Во новéнькій городецъ,
Да куплю я, молодецъ,
Размалеванный челнецъ;
Посажу я, молодецъ,
Да нелюбую жену,
Да спущу я, молодецъ,
На водý, на быстрину.
Самъ пойду я, молодецъ,
На высокую горý,
Погляжу я, молодецъ,
Да на ясную зарю.
Высокò ли, высокò ли
Вышла ясная заря?
Далекò ли, далекò ли,
Братъ, нелюбая жена!“
„Ой вернися, ой вернися,
Ты нелюбая жена?
— „Не вернуся, не вернуся.
Ясенъ добрый молодецъ;
Не промаешься на свѣтѣ
Бобылемъ ты, молодецъ,
А другую, молодую
Поведешь ты подъ вѣнецъ;
Будетъ лучше меня—
Позабудешь меня;
Будетъ хуже меня—
Такъ вспомянешь меня!“

7.

Не сѣки ты, батюшка,
При дорогѣ березки;
Не коси ты, братинька,
Травоньки шелкòвой;
Не щепли ты, сестринька,
Цвѣтиковъ въ садочкѣ;

Не бери ты, матушка,
Изъ ключа водицы.
При дорогѣ березка—
Я сама младенька;
Травонька шелкова—
Мои русы косы.
Въ садочкѣ цвѣточки—
Мои ясны очки;
Во ключѣ водица—
Мои горьки слезки.

XVI.

СОНЪ НЕГРА.

(Изъ Лонгфелло).

Измученъ зноемъ и трудомъ,
Онъ на-земь бросился ничкомъ.
Недвижно рисъ надъ нимъ стоялъ.
Палимый зноемъ, онъ дремалъ...
То былъ ли бредъ, то былъ ли сонъ—
Родимый край увидѣлъ онъ.

Увидѣлъ онъ: въ степи глухой
Несется Нигеръ голубой;
Подъ сѣнью пальмъ стоятъ шатры;
Къ нимъ караванъ ползетъ съ горы,
И люди веселы кругомъ;
Онъ въ томъ народѣ былъ царемъ.

Среди цвѣтовъ стоитъ жена,
Толпой дѣтей окружена;
И дѣти къ ней, ласкаясь, льнутъ
И въ лѣсъ отца искать зовутъ.
И вотъ сквозь сонъ, горячій сонъ,
Въ бреду заплакалъ тихо онъ...

И снова чудится во снѣ:
На борзомъ мчится онъ конѣ.
Какъ вольный вихорь, конь летитъ,
Взбивая прахъ изъ-подъ копытъ,
Златою сбруею звеня,
И сабля бьетъ въ бока коня...

Что мигъ—свободнѣй дышитъ грудь!
Что шагъ—торжественнѣе путь,

Все ближе горы. Левъ рычитъ;
Кричитъ гіена; змѣй свиститъ,
И тяжело по тростникамъ
Идетъ въ рѣкѣ гиппопотамъ.

Подъ небомъ темно-голубымъ
Фламинго красный, передъ нимъ
Несясь въ дали, крылами бьетъ,
Какъ знамя красное. И вотъ
Ему открылся кафровъ станъ,
И въ очи глянулъ океанъ!

И всталъ онъ тамъ, и слышитъ: вдругъ
Подобный трубамъ мощный звукъ
Поколебалъ и долъ, и лѣсъ,
И глубь пустынь, и глубь небесъ...
То звалъ къ свободѣ изъ оковъ
Великій духъ своихъ сыновъ.

И вздрогнулъ онъ, услыша кличъ...
И ужъ не чувствовалъ, какъ бичъ
По немъ скользнулъ, и какъ ногой
Его толкнулъ хозяинъ злой,
Какъ онъ, сдавивъ досады вздохъ,
Пробормоталъ потомъ: „издохъ!..“

1859.

XVII.

КУПАЛЬЩИЦЫ.

(Мелодія съ береговъ Ганга).

Люблю тебя, мѣсяцъ, когда озаряешь
Толпу шаловливыхъ красавицъ, идущихъ
Съ ночного купанья домой!

Прекрасенъ ты, воздухъ, неся издалёка
Съ вѣнковъ ихъ роскошныхъ волну аромата,
Ихъ намъ возвѣщая приходъ.

Прекрасно ты, море, когда твою свѣжесть
Я слышу у нихъ на груди и ланитахъ,
И въ черныхъ, тяжелыхъ косахъ...

1862.

XVIII.

ИЗЪ КРЫМСКИХЪ СОНЕТОВЪ

Мицкевича.

1.

Аккерманскія степи.

Въ просторъ зеленаго вплываю океана.
Телѣга, какъ ладья въ разливѣ свѣтлыхъ водъ,
Въ волнахъ шумящихъ травъ, среди цвѣтовъ плыветъ,
Минуя острова колючаго бурьяна.

Темнѣетъ. Впереди ни знака, ни кургана.
Ввѣряясь лишь звѣздамъ, я двигаюсь впередъ...
Но что̀ тамъ? облако ль? денницы ли восходъ?
Тамъ Днѣстръ; блеснулъ маякъ, лампада Аккермана.

Стой!.. Боже, журавлей на небѣ слышенъ летъ,
А ихъ и сокола бъ не уловило око!
Былинку мотылекъ колеблетъ; вотъ ползетъ

Украдкой скользкій ужъ, шурша въ травѣ высокой.
Такая тишина, что зовъ съ Литвы бъ далекой
Былъ слышенъ... Только нѣтъ, никто не позоветъ!

2.

Байдарская долина.

Скачу, какъ бѣшеный, на бѣшеномъ конѣ;
Долины, скалы, лѣсъ мелькаютъ предо мною,
Смѣняясь, какъ волна въ потокѣ за волною...
Тѣмъ вихремъ о̀бразовъ упиться—любо мнѣ!

Но обезсилѣлъ конь. На землю тихо льется
Таинственная мгла съ темнѣющихъ небесъ,
А предъ усталыми очами все несется
Тотъ вихорь о̀бразовъ: долины, скалы, лѣсъ...

Все спитъ, не спится мнѣ, и къ морю я сбѣгаю.
Вотъ съ шумомъ черный валъ подходитъ; жадно я
Къ нему склоняюся и руки простираю...

Всплеснулъ, закрылся онъ; хаосъ повлекъ меня,
И я, какъ въ безднѣ челнъ крутимый, ожидаю,
Что вкуситъ хоть на мигъ забвенья мысль моя.

3.

Алушта днемъ.

Предъ солнцемъ гребень горъ снимаетъ свой покровъ.
Спѣшитъ свершить намазъ свой нива золотая,
И шелохнулся лѣсъ, съ кудрей своихъ роняя,
Какъ съ ханскихъ четокъ, дождь камней и жемчуговъ;

Долина вся въ цвѣтахъ. Надъ этими цвѣтами
Рой пестрыхъ бабочекъ—цвѣтовъ летучихъ рой,
Что̀ пологъ, зыблется алмазными волнами,
А выше саранча вздымаетъ завѣсъ свой.

Надъ бездною морской стоитъ скала нагая.
Бурунъ къ ногамъ ея летитъ и, раздробясь
И пѣною, какъ тигръ глазами, весь сверкая,

Уходитъ съ мыслію нагрянуть въ тотъ же часъ.
Но море синее спокойно; чайки рѣютъ,
Гуляютъ лебеди, и корабли бѣлѣютъ.

1869.

XIX.

РАЗРУШЕНІЕ ІЕРУСАЛИМА.

Ущельемъ на гору мы шли въ ту ночь въ оковахъ.
Уже багровый блескъ на мутныхъ облакахъ,
Крикъ пролетавшихъ птицъ и смѣхъ вождей суровыхъ
Давно питали въ насъ зловѣщій, тайный страхъ.

Идемъ... и—ужасъ!—вдругъ сверкнулъ огонь струею
На шлемахъ всадниковъ, предшествовавшихъ намъ...
Пылалъ Ерусалимъ! пылалъ священный храмъ,
И вѣтеръ пламя гналъ по городу рѣкою...

И вопли наши вдругъ въ единый вопль слились...
„Ахъ, мщенья! мщенія!..“ Но дико загремѣли
Ручные кандалы... „О, Богъ отцовъ! ужели
Ты медлишь? Ты молчишь?.. Возстань! вооружись

Въ грома и молніи!..“ Но все кругомъ молчало...
Съ мечами на̀-голо, на чуждомъ языкѣ
Кричала римская когорта и скакала
Вкругъ насъ, упавшихъ ницъ въ отчаянной тоскѣ...

И повлекли насъ прочь... И все кругомъ молчало...
И Богъ безмолвствовалъ... И снова мы съ холма
Спускаться стали въ долъ, гдѣ улегалась тьма,
А небо на нее багряный блескъ роняло.

1864.

XX.

ВАЛКИРІИ.

Высоко, безмолвно
Надъ полемъ кровавымъ
Сіяетъ луна.

Весь берегъ далёко
Оружьемъ и храбрыхъ
Тѣлами покрытъ!

Герои! имъ слава
И въ людяхъ, и въ небѣ
Почетъ у боговъ!

Вонъ тѣнь пролетаетъ
По доламъ, по скаламъ,
На блескѣ морскомъ:

То, свѣтлыя, мчатся
Валкиріи-дѣвы
Съ эѳирныхъ высотъ!

Одеждъ ихъ ужъ слышенъ
И крылъ лебединыхъ
По воздуху свистъ,

Доспѣховъ бряцанье,
Мечей ударенье
По звонкимъ щитамъ,

И радостный окликъ,
И бурныя пѣсни
Неистовыхъ дѣвъ:

„Въ Валгаллу! въ Валгаллу!
Одинъ Вседержитель
Ужъ пиръ зачиналъ!

„Отъ струннаго звона,
Отъ трубнаго звука
Чертоги дрожатъ!

„И свѣточи жарко
Горятъ смоляные,
И пѣнится медъ...

„Въ Валгаллу, герои!
Тамъ вѣчная юность—
Вашъ свѣтлый удѣлъ,

„Воздушные кони,
Одежды цвѣтныя,
Мечи и щиты,

„Рабыни и жены,
И въ пирѣ съ богами
Мѣста на скамьяхъ!“
1873.

XXI.

ЧЕРНОГОРЕЦЪ.

Нѣтъ у меня ни стадъ рогатыхъ,
Ни златокованныхъ коней,
Ни чепраковъ, ни уздъ богатыхъ,
Ни городовъ, ни кораблей;
Ко мнѣ не шлетъ алжирскій дей
Пословъ съ обильными дарами,
Мечей съ насѣчкой золотой,
Ни бусъ, ни плѣнницы младой
Съ побѣдоносными очами.

Иныя блага у меня:
Подземныхъ родниковъ струя,
Лѣса въ зеленыхъ ихъ уборахъ,
Да песъ на стражѣ ночь и день,
Ружье двуствольное, да порохъ,
Да вѣрно-ввинченный кремень,
Да сводъ пещеръ, да хмель у свода,
Да горы, а въ горахъ—свобода.
1839.

XXII.

ЦЕЗАРЬ.

Море бурно; небо въ тучахъ.
Онъ примчался на конѣ
Прямо къ брызгамъ волнъ кипучихъ:
„Старый! Челнъ скорѣе мнѣ!“

И старикъ затылокъ чешетъ:
„Плохо будетъ, господинъ!
Полно, баринъ, бѣса тѣшить,
Нашихъ въ морѣ не одинъ“.

„Пусть ихъ гибнутъ! Подъ водою
Рыбѣ рыбьи и гроба!
Знай, я—Цезарь, а со мною
Мнѣ послушная судьба!“
(1842).

XXIII.

ИТАЛІЯ.

Повита миртами густыми,
Страна искусствъ, страна руинъ,
Подъ звучнымъ говоромъ пучинъ
Ты, убаюканная ими,
Какъ въ колыбели, мирно спишь.
Твой конченъ вѣкъ!.. Какъ старецъ хилый,
Ты погреблась въ свои могилы...
Но ихъ торжественную тишь
Зачѣмъ, младыя поколѣнья,
Тревожить вамъ? Зачѣмъ съ гробовъ
Срывать послѣдній ихъ покровъ—
Кудрявый плющъ, символъ забвенья?
Хотите ль на обломкахъ тлѣнья
Вы имя, скрытое въ вѣкахъ,
Прочесть въ руническихъ чертахъ?
Тріумфъ гробницъ ли ихъ убавить?
Хозяевъ прежнихъ ихъ изгнать,
Чтобъ послѣ нагло осмѣять
Или безсмысленно прославить?
Страна величья! Мраморъ твой
Давно попралъ пришлецъ чужой,
И пыль сѣдая спеленала...
О, гдѣ сыны твои? Зачѣмъ,
Какъ прежде, внявъ угрозамъ галла,
Не вздѣнутъ гордо бранный шлемъ,
Не вскинутъ ржавое забрало?
Гдѣ Цезарь? Кто ихъ кликнетъ въ бой
На за-альпійскіе языцы?
Зачѣмъ старикъ, какъ лунь, сѣдой
Не двигнетъ маніемъ десницы?

Зачѣмъ не выше всѣхъ коронъ
Его духовная корона?
Зачѣмъ, когда выходитъ онъ
И съ ватиканскаго балкона
Благословляетъ міръ и градъ,
Народы въ страхѣ не дрожатъ
Его анаѳемы громовой?..
Умолкли бранные мечи,
Но льются звонкіе ключи
Отъ Альпъ въ ломбардскія дубровы
Поить руинъ твоихъ плющи;
Какъ прежде, вскормленные кровью,
Твои холмы осѣнены
Оливой, съ вѣчной къ нимъ любовью,
И въ виноградъ оплетены.
Но не срывать твой персикъ сочный,
Не ждать верховнаго суда...
Текутъ къ брегамъ твоимъ суда
И съ Альпъ народы полуночны;
Недвижный мраморный народъ
На поклоненье ихъ зоветъ—
Нѣмые памятники славы.
Ихъ много тамъ залито лавой,
Зарыто въ смрадныхъ погребахъ,
Иль въ галлереѣ величавой,
Иль въ вѣковыхъ монастыряхъ...
Такъ море, бури въ часъ мятежный
Набѣгомъ берегъ затопивъ,
Уходитъ, жемчугъ обронивъ,
Волной утихшей и небрежной...
Себѣ толпу поработилъ
Тамъ обликъ мальчика лукавый;
Тамъ Леды лебедь среброглавый,
Тамъ лиры богъ, тамъ полный силъ
Алкидъ и левъ его немейскій,
Тамъ ликъ Сибиллы чародѣйскій,
Тамъ образъ горней чистоты
Въ небесной дѣвѣ Рафаэля
И роскошь женской красоты
Въ нагой Кипридѣ Праксителя.

(1842).

XXIV.

МСТИТЕЛЬ.

(Скандинавская баллада).

Не пускайся въ море сине
За невѣстой, конунгъ мой!
Вѣрь предчувствію... а нынѣ
Море намъ грозитъ бѣдой.
— Мнѣ ли вѣрить, о, мой латникъ,
Бабьимъ сказкамъ! Храбрый ратникъ
Вѣчно твердъ. Гремитъ гроза—
Противъ бурь намъ боги дали
Весла, руль да паруса;
На коварство ль, на врага ли—
Мечъ да конь, да лукъ тугой;
На охотѣ—роги звонки,
Псы да стрѣлы для догонки
Легкихъ ланей въ мглѣ лѣсной.

Готовятся ладьи. Лобзая пяты скалъ,
Вкругъ ропщутъ сумрачныя воды.
Закатъ пурпуровый ихъ главы обливалъ
Златыми искрами. Темнѣли неба своды;
Лѣса широкія синѣлися вдали.
Утесы, и на нихъ Гаральда замокъ черный
Между зеленыхъ соснъ, обнявшихъ скаты горны,
Дремали у моря, и тихо прилегли
Къ водамъ серебряныя ивы.
Въ воскресшемъ царствѣ зимъ все грозно, молчаливо,
И птицы хищныя однѣ
Между утесами у гнѣздъ своихъ витаютъ,
И бури, спящія въ пещерной глубинѣ,
Зловѣщимъ крикомъ вызываютъ:

„Пробудись, о, вѣтеръ мощный!
Тучи въ небо вызывай!
Край широкій полунощный
Къ брани злой вооружай!
Гдѣ потока валъ кипучій
Въ море синее упалъ,
Тамъ Гаральдъ, орелъ могучій,
Свилъ гнѣздо на гребнѣ скалъ.
Презираетъ васъ онъ, бури!
Васъ на брань зоветъ съ собой.

Взвейте тучи по лазури,
Волны вспѣньте вы горой!
Волны бранью заиграютъ,
Строй за строемъ полетитъ,
И размоютъ, раскидаютъ
Замка страшнаго гранитъ.“

Но дремлетъ шумный вихрь и бури роковыя
Въ ущельяхъ и скалàхъ, склонясь на мхи сѣдые.
Гранита ль надобно перунамъ громовымъ?
Онъ, моря колыбель, подъ ними недвижимъ.

„Принесли иныя вѣсти,
Духи спящіе, мы вамъ:
Съ пира брани, съ пира мести
По ботническимъ волнамъ
Корабли Гаральда мчатся;
Горы злата и сребра,
Горы перловъ въ нихъ хранятся,
Мѣхъ медвѣдя и бобра
И сигтунская кольчуга,
Поморянъ янтарь и медъ,
Вина фряжскія и съ юга
Золотой здѣсь чуждый плодъ...
Мигомъ верви оборвите
У летучихъ кораблей,
Ихъ богатства размечите
Въ глубь Одиновыхъ зыбей!“

Все дремлетъ грозный духъ. Во мракѣ вихри зрѣютъ;
Предъ нимъ спятъ молніи и громы цѣпенѣютъ.
У моря ль шумнаго сокровищъ нѣтъ на днѣ,
Таящихся въ тиши въ безвѣстной глубинѣ?

„Знаемъ, ты любилъ, бывало,
Съ бѣдной дѣвою играть,
Рвать отъ персей покрывало,
Щеки блѣдныя лобзать
Поцѣлуемъ ледянящимъ.
Посмотри! По безднамъ спящимъ
Мчится юная чета:
Гордый врагъ твой мчитъ орлицу
Въ недоступную свѣтлицу
Надъ-утеснаго гнѣзда.
Тамъ ужъ древній дубъ пылаетъ,
Скальдъ поетъ, и медъ сверкаетъ...

Посмотри, какъ прилегла
Дѣва къ другу головою
И дрожащею рукою
Станъ героя обвила.
Иль не видишь ихъ лобзаній?
Иль не слышишь словъ любви?
Встань, у челна взмахомъ длани
Бѣлый парусъ оборви
И невѣсту молодую
Ты прійми на грудь льдяную,
Заласкай и зацѣлуй!..
Къ мести!.. Взвейся и бушуй!"

Проснулся бури царь, расправилъ крылья сизы,
Сѣдые волосы по вѣтру распустилъ,
Завылъ и засвисталъ, облекся бѣлой ризой
И къ мести молніи, какъ факелъ, запалилъ.

(1842).

XXV.

ГРУЗИНКѢ.

Если бъ, полонъ мщеньемъ мрачнымъ,
Несъ я пламя и кинжалъ
Къ берегамъ Арагвы злачнымъ
Съ высоты казбекскихъ скалъ;
Будь лезгинъ я, будь чеченецъ,
Если бъ мнѣ явилась ты
Безоружна, какъ младенецъ,
Тихій ангелъ красоты, —
Я, клянусь Аллы престоломъ,
Позабылъ бы пиръ мечей
И набѣгъ во мглѣ ночей
Къ виноградникамъ и доламъ
Милой Грузіи твоей;
Пристыженъ, потупя взоры,
Тихо бъ въ плѣнъ я отдался,
И не снились бы мнѣ горы,
Ни орлы ихъ черноперы,
Ни пустыни небеса!

(1842).

XVII.
ПЕРЕВОДЫ И ВАРІАЦІИ.

ГЕЙНЕ.
(Прологъ).

Давно его мелькаетъ тѣнь
Въ садахъ поэзіи родимой,
Какъ въ рощѣ трепетный олень,
Врагомъ невидимымъ гонимый.
И скачемъ мы за нимъ толпой,
Коней ретивыхъ утомляя,
Звеня уздечкою стальной
И крикомъ воздухъ оглашая.
Олень бѣжитъ по ребрамъ горъ,
И съ горъ кидается стрѣлою
Въ туманы дремлющихъ озеръ,
Осеребренные луною...
И мы стоимъ у береговъ...
Въ туманахъ—зàмки, пѣсенъ звуки,
И благовонія цвѣтовъ,
И хохотъ, полный адской муки...

1857.

I.

Пора, пора за умъ мнѣ взяться!
Пора отбросить этотъ вздоръ,
Съ которымъ въ міръ привыкъ являться
Я, какъ напыщенный актеръ!
Смѣшно все въ мантіи иль тогѣ,
Съ партера не сводя очей,
Читать въ надутомъ монологѣ
Анализъ сердца и страстей!..

Такъ... Но безъ ветоши ничтожной
Неловко сердцу моему!
Ему смѣшонъ былъ паѳосъ ложный,
Противенъ смѣхъ теперь ему!
Вѣдь все жъ, на память роль читая,
Въ ней вопли сердца я твердилъ
И, въ глупой сценѣ умирая,
Взаправду смерть въ груди носилъ!

1857.

II.

Сердце, сердце! что̀ ты плачешь?
Иль судьба тебѣ страшна?
Полно! что̀ зима отыметъ,
Все отдастъ тебѣ весна!

А вѣдь что̀ еще осталось!
Божій міръ не обойдешь!
Выбирай себѣ любое:
Что̀ полюбишь, все возьмешь!

1857.

III.

Осенняго мѣсяца обликъ
Сквозитъ въ облакахъ серебромъ.
Стоитъ одинокъ на кладбищѣ
Пастора умершаго домъ.

Уткнулася въ книгу старуха;
Сынъ тупо на свѣчку глядитъ;
Двѣ дочки сидятъ, сложа руки;
Зѣвнувши, одна говоритъ:

— Вотъ скука-то, Господи Боже!
Въ тюрьмѣ веселѣе живутъ!
Здѣсь только и есть развлеченья,
Какъ гробъ съ мертвецомъ принесутъ!

Старуха въ отвѣтъ проронила:
„Всего четверыхъ принесли
Съ тѣхъ поръ, какъ отца схоронили...
Охъ, дни-то какъ скоро прошли!“

Тутъ старшая дочка очнулась.
— Нѣтъ. полно! не въ мочь голодать!
Отправлюсь-ка лучше я къ графу!..
Съ терпѣньемъ-то нечего взять!..

И вторитъ ей братъ, оживившись:
— И дѣло! А я такъ въ шинокъ,
У добрыхъ людей научиться
Казной набивать кошелекъ!

Въ лицо ему книгу швырнула
Старуха, не помня себя:

„Издохни ты лучше, проклятый!
Отецъ бы услышалъ тебя!“

Вдругъ всѣ на окно оглянулись,
Оттуда рука имъ грозитъ:
Умершій пасторъ передъ ними
Во всемъ облаченьи стоитъ...
1857.

IV.

Не теряй, мой другъ, терпѣнья,
Что въ стихахъ моихъ порой
Слышно старое мученье,
Вѣетъ прежнею тоской!

Дай, умолкнетъ въ сердцѣ эхо
Прежнихъ бѣдъ и мукъ моихъ...
Полонъ счастья, полонъ смѣха,
Изъ души польется стихъ.
1857.

V.

Много слышалъ добрыхъ я совѣтовъ,
Наставленій, ласки и обѣтовъ.
Говорили: „только не ропщите,
Мы ужъ васъ поддержимъ, погодите!“

Я повѣрилъ, ждалъ, заботы кинулъ
И едва отъ голоду не сгинулъ...
Да нашелся добрый человѣкъ,
Поддержалъ, спасибо, онъ мой вѣкъ.

Каждый день онъ хлѣба мнѣ приноситъ,
И въ награду ничего не проситъ...
Обнялъ бы его я, да нельзя!
Человѣкъ-то добрый этотъ—я.
1852.

VI.

НА МОРѢ.

Тишь и солнце! спятъ пучины,
Чуть волною шевеля;
Изумрудныя морщины
Вкругъ бѣгутъ отъ корабля.

Въ штиль, о морѣ не тревожась,
Спитъ, какъ мертвый, рулевой.

Весь въ дегтю, у мачты съежась,
Мальчикъ чинитъ холстъ худой.

Съ грязныхъ щекъ румянецъ пышетъ,
Ротъ, готовый всхлипнуть, сжатъ;
Грудь все чаще, чаще дышитъ,
Лобъ наморщенъ, поднятъ взглядъ.

Передъ нимъ, багровъ отъ водки,
Капитанъ стоитъ, вопя:
„Негодяй! ты—красть селедки!
Вотъ я вышколю тебя!“

Тишь и солнце!.. Въ влагѣ чистой
Рыбка прыгаетъ, кольцомъ
Вьетъ свой хвостикъ серебристый,
Шутитъ съ солнечнымъ лучомъ.

Вдругъ по небесамъ пустыннымъ
Свищетъ чайка, какъ стрѣла,
И, нырнувши клювомъ длиннымъ,
Съ рыбкой въ небо поплыла.
1857.

VII.

Осердившись, кастраты,
Что я грубо пою,
Злобнымъ рвеньемъ объяты,
Пѣснь запѣли свою.

Голоса ихъ звенѣли,
Какъ чистѣйшій кристаллъ;
Въ ихъ руладѣ и трели
Колокольчикъ звучалъ.

Чувства въ дивныхъ ихъ звукахъ
Было столько, что вкругъ
Въ истерическихъ мукахъ
Выносили старухъ.
1857.

VIII.

Ну, время! конца не дождешься!
И ночь-то! и дождикъ-то льетъ!
Къ окну подойдешь, содрогнешься,
И за сердце злоба возьметъ.

А вонъ съ фонаремъ черезъ лужи
Вѣдь вышелъ же кто-то бродить...
Старушка-сосѣдка! дрожитъ, чай, отъ стужи,
Да надобно мучки купить.

Чай, хочетъ, бѣдняжка, для дочки, для крошки
Пирогъ она завтра испечь...
А дочка, поджавши лѣнивыя ножки,
Изволили въ кресла залечь...

И щурятъ на свѣчку глазенки...
И рады, что пусто вокругъ,
Лепечутъ, шаля, ихъ губенки
Завѣтное имечко вслухъ.

1857.

IX.

Плачу я, въ лѣсу блуждая.
Дроздъ за мной по вѣткамъ скачетъ,
На меня онъ все косится
И щебечетъ: „что онъ плачетъ?“

— Ты спроси своихъ сестричекъ,
Умныхъ ласточекъ спроси ты,
У которыхъ гнѣзда прямо
Надъ окошкомъ милой свиты!

1857.

X.

Сіялъ одинъ мнѣ въ жизни,
Одинъ чудесный ликъ!
Но онъ угасъ, и мракомъ
Я былъ затопленъ въ мигъ...

Когда дѣтей внезапно
Въ лѣсу застигнетъ ночь,
Они заводятъ пѣсню,
Чтобъ ужасъ превозмочь.

И я, чтобы не думать,
Пою среди людей...
Скучна имъ эта пѣсня,
Да мнѣ не страшно съ ней!

XI.

Я вглядываюсь жадно
Въ портретъ ея нѣмой,
И, мнится, оживаетъ
Она передо мной;

Глядитъ мнѣ прямо въ очи
Съ улыбкой и слезой
И, точно сожалѣя,
Качаетъ головой...

Невольно слезы льются
Изъ глазъ моихъ въ отвѣтъ...
Не вѣрится! ужели
Ея ужъ больше нѣтъ?..
1856.

XII.

Одинокая слезка
По ланитамъ прокралась...
Лишь одна отъ былого
Мнѣ она оставалась...

Ея свѣтлыя сестры—
Ихъ развѣяли годы!
Съ ними радость и горе
Унесли непогоды...

Расплылися въ туманы
Прежнихъ звѣздъ миріады,
Проливавшихъ такъ много
Мнѣ на сердце отрады...

Въ самомъ сердцѣ ужъ нѣту
На любовь отголоска...
Ужъ и ты проливайся,
Одинокая слезка!
1857.

XIII.

Въ толпѣ опять я слышу пѣсню,
Что̀ пѣла милая когда-то...
Ахъ, въ это праздничное солнце
Еще страшнѣй ея утраты!

И, уронить боясь слезы,
При всѣхъ я очи потупляю
И въ лѣсъ спѣшу, но за слезами
Едва дорогу различаю...
1857.

XIV.

Что̀ за милый это мальчикъ!
Какъ онъ радъ всегда поэту
Предложить отвѣдать устрицъ,
Сдѣлать честь его Моэту!

Вѣчно—фракъ и бѣлый галстукъ;
Тонъ хорошаго сословья;
По утрамъ ко мнѣ онъ ходитъ
О моемъ узнать здоровьѣ,

О моей хлопочетъ славѣ,
Остроты мои сбираетъ;
Мнѣ въ дѣлахъ или въ бездѣльѣ
Услужить не пропускаетъ;

Декламируетъ въ салонахъ,
Дамъ плѣняя слухъ и взгляды,
Изъ моихъ твореній дивныхъ
Вдохновенныя тирады...

О, такіе люди—рѣдкость,
Хоть смѣшны порой, какъ дѣти,
Въ вѣкъ, когда ужъ лучшихъ нѣту,
Да выводятся и эти!
1856.

XV.

Мнѣ снилось: на рынкѣ, въ народѣ
Я встрѣтился съ милой моей;
Но какъ она шла боязливо,
Какъ бѣдно все было на ней!

Въ лицѣ исхудаломъ и блѣдномъ,
Съ своею рѣсницей густой,
Глаза только прежніе были,
И чудной сіяли душой.

У ней на рукѣ былъ ребенокъ;
За палецъ держась, поспѣвать

За нею другой торопился,
Румяный... какъ нѣкогда мать...

И съ ними пошелъ я, тоскливо
Потупивши въ землю глаза.
Въ груди моей точно проснулись
Подавленныхъ чувствъ голоса.

„Пойдемъ,—я сказалъ ей,—жить вмѣстѣ;
Я няньчиться буду съ тобой,
Ходить за дѣтьми и работать,
И вновь расцвѣтешь ты душой!“

Она подняла ко мнѣ очи,
И очи сказали безъ словъ,
Одной только грустью: „Ужъ поздно!“ —
И я зарыдать былъ готовъ...

И въ очи смотрѣли ей дѣти,
Вдругъ обняли мать горячо...
Ихъ крикъ уязвилъ мою душу...
Вдругъ слышу, меня за плечо

Хватаетъ еврей, мой издатель:
„Побѣда!—кричитъ,—торжество!
Въ три дня разошлось все изданье...“
О, какъ же я проклялъ его!..
1857,

XVI.

Меня ты не смутила,
Мой другъ, своимъ письмомъ.
Грозишь со мной все кончить—
И пишешь цѣлый томъ!

Такъ мелко и такъ много...
Читаю битый часъ...
Не пишутъ такъ пространно
Рѣшительный отказъ!
1857.

XVII.

Ее въ грязи онъ подобралъ;
Чтобъ все достать ей, красть онъ сталъ;
Она въ довольствѣ утопала
И надъ безумцемъ хохотала.

И шли пиры... Но дни текли;
Вотъ утромъ разъ за нимъ пришли:
Ведутъ въ тюрьму... Она стояла
Передъ окномъ—и хохотала.

Онъ изъ тюрьмы ее молилъ:
„Я безъ тебя душой изнылъ,
Приди ко мнѣ!“ Она качала
Лишь головой—и хохотала.

Онъ въ шесть поутру былъ казненъ
И въ семь во рву похороненъ,
А ужъ къ восьми она плясала,
Пила вино и хохотала.
1857.

XVIII.

НЕВОЛЬНИКЪ.

Каждый день въ саду гарема,
У шумящаго фонтана,
Гордымъ лебедемъ проходитъ
Дочь великаго султана.

У шумящаго фонтана
Блѣдный, съ впалыми щеками,
Каждый разъ стоитъ невольникъ
И слѣдитъ за ней очами.

Разъ она остановилась,
Подняла глаза большіе
И отрывисто спросила:
„Имя? родина? родные?“

„Магометъ,—сказалъ невольникъ: —
Еменъ—родина, а кровью
Я изъ Асровъ, родъ, въ которомъ
Рядомъ смерть идетъ съ любовью“.
1856.

XIX.

На мольбы мои упорно
„Нѣтъ“ и „нѣтъ“ ты говоришь!
А скажу ль: „ну, такъ простимся!“ —
Ты рыдаешь и коришь...

Рѣдко я молюсь, о, Боже!
Успокой ее Ты разомъ!
Осуши ея Ты слезы,
Просвѣти ея Ты разумъ!

1857.

XX.

ЛИЛІЯ.

Отъ солнца лилія пугливо
Головкой прячется своей,
Все ночи ждетъ, все ждетъ тоскливо,
Взошелъ бы мѣсяцъ поскорѣй.

Ахъ, этотъ мѣсяцъ тихимъ свѣтомъ
Ее пробудитъ ото сна
И всѣмъ дыханьемъ, полнымъ цвѣтомъ,
Къ нему запросится она...

Глядитъ, горитъ, томится, блещетъ,
И, всѣ раскрывши лепестки,
Благоухаетъ и трепещетъ
Отъ упоенья и тоски.

1857.

XXI.

ЧАЙЛЬДЪ ГАРОЛЬДЪ.

Челнъ плыветъ, одѣтый въ трауръ,
И, подобныя тѣнямъ,
Похоронныя фигуры
Въ этомъ челнѣ по бортамъ.

Передъ ними — трупъ поэта;
Съ непокрытой головой
Все онъ въ небо голубое
Смотритъ мертвый, какъ живой...

Даль звенитъ... Кого-то кличетъ
Точно нимфа изъ-за волнъ...
Точно всхлипываютъ волны,
Лобызать кидаясь челнъ.

1857.

XXII.

Ночи теплый мракъ гвоздики
Благовоніемъ поятъ.
Точно рой златистыхъ пчелокъ,
Звѣзды на небѣ блестятъ.

Въ бѣломъ домикѣ, сквозь зелень
Вижу, гаснетъ огонекъ;
Слышу стукъ стеклянной двери,
Слышу милый голосокъ...

Сладкій трепетъ, робкій шопотъ.
Нѣга счастья и любви...
И внимательнѣе розы,
Вдохновеннѣй соловьи.
1857.

XXIII.

Онъ ужъ снился мнѣ когда-то,
Этотъ самый сонъ любви!..
Воздухъ, полный аромата...
Поцѣлуи... соловьи...

Такъ же мѣсяцъ всплылъ двурогій,
И бѣлѣетъ водопадъ...
Такъ же мраморные боги
Сторожатъ у входа въ садъ...

Ахъ, я знаю, какъ жестоко
Измѣняютъ эти сны!
Какъ заноситъ снѣгъ глубоко
Поле, полное весны...

Какъ мы сами сонъ свой губимъ,
Забываемъ и клянемъ,
Мы, которые такъ любимъ
И блаженствомъ жизнь зовемъ!..
1857.

XXIV.

Чуднымъ звукомъ даже ночи
Наполняетъ мнѣ весна,
И въ мечтахъ моихъ, какъ эхо,
Отзывается она.

Точно въ сказочномъ я мірѣ...
Все мнѣ чудно: шумъ листовъ,
Пѣнье птичекъ-невидимокъ,
Ароматъ ночныхъ цвѣтовъ.

Розы кажутся краснѣе,
И вокругъ головокъ ихъ
Точно розлито сіянье,
Какъ вкругъ ангеловъ святыхъ.

Самъ я—кажется въ ту пору—
Самъ я точно соловей,
И пою я этимъ розамъ
Всю тоску любви моей.

И пою я имъ до солнца
Иль пока не грянетъ самъ
Соловей весенней рощи
Вызовъ къ братьямъ-соловьямъ.

1857.

XXV.

КОРОЛЬ ГАРАЛЬДЪ.

Король Гаральдъ на днѣ морскомъ
Сидитъ ужъ вѣкъ, сидитъ другой,
Съ своей возлюбленной вдвоемъ,
Съ своей царевною морской.

Сидитъ онъ, чарой обойденъ,
Не умирая, не живя;
Въ блаженствѣ тихо замеръ онъ,
Лишь сердце жжетъ любви змѣя.

Склонясь къ коварной головой,
Онъ въ очи демонскія ей
Глядитъ все съ вящшею тоской,
Глядитъ все глубже, все страстнѣй.

Онъ, какъ пергаментъ, пожелтѣлъ;
Въ сухой щекѣ скула торчитъ;
Златистый локонъ посѣдѣлъ,
И только взглядъ горитъ, горитъ...

И лишь когда гроза гремитъ,
И вкругъ хрустальнаго дворца

Хлябь, зеленѣя, закипитъ. —
Очнется бранный духъ бойца.

И въ шумѣ, въ плескѣ слышитъ онъ
Норманновъ окликъ удалой,
И схватитъ мечъ, какъ бы сквозь сонъ,
И кинетъ прочь, махнувъ рукой.

Или когда надъ нимъ заря
Румянитъ сводъ прозрачныхъ водъ,
Онъ слышитъ пѣснь, какъ встарь моря
Гаральдъ браздилъ средь непогодъ;

Его встревожитъ пѣсня та,
Но злая дѣва сторожитъ
И быстро алыя уста
Къ его устамъ прижать спѣшитъ.

1857.

XXVI.

АЛИ-БЕЙ.

Али-Бей, герой ислама,
Упоенный сладкой нѣгой,
На коврѣ сидитъ въ гаремѣ
Между женъ своихъ прекрасныхъ.

Что̀ игривыя газели,
Эти жены: та рукою
Бородой его играетъ,
Та разглаживаетъ кудри,

Третья, въ лютню ударяя,
Передъ нимъ поетъ и пляшетъ,
А четвертая, какъ кошка,
У него прижалась къ сердцу...

Только вдругъ гремятъ литавры,
Барабаны бьютъ тревогу:
„Али-Бей! вставай на битву!
Франки выступили въ поле!“

На коня герой садится,
Въ бой летитъ, но мыслью томной
Все еще въ стѣнахъ гарема
Между женъ своихъ витаетъ.

И межъ тѣмъ какъ рубитъ франковъ,
Улыбается онъ сладко
Милымъ призракамъ, и въ битвѣ
Отъ него не отходящимъ...

XXVII.

Ты вся въ жемчугахъ и алмазахъ!
Богатство—вѣнецъ красоты!
При этомъ чудесные глазки...
Ужель недовольна все ты?

На эти чудесные глазки
Я риѳмы сплеталъ, какъ цвѣты,
И вышли безсмертныя пѣсни...
Ужель недовольна все ты?

Ахъ! эти чудесные глазки
Огнемъ роковымъ налиты...
Отъ нихъ я совсѣмъ погибаю...
Ужель недовольна все ты?

1865.

XXVIII.

Изъ моей великой скорби
Пѣсни малыя родятся
И, звеня, на легкихъ крыльяхъ
Свѣтлымъ роемъ къ милой мчатся.

Покружася надъ прекрасной,
Возвращаются и плачутъ...
Не хотятъ сказать малютки
Мнѣ, что̀ слезы эти значатъ...

1857.

XXIX.

Посмотри: во всемъ доспѣхѣ
Мужъ, готовый выйти въ бой;
Онъ ужъ бредитъ объ успѣхѣ,
Мечъ свой пробуя стальной.

Вдругъ Амуровъ рой крылатый
Съ толку сбилъ его совсѣмъ:

Кто разстегиваетъ латы,
Кто съ главы срываетъ шлемъ;

Кто съ улыбкою лукавой,
Пальчикъ къ губкамъ приложивъ,
Шепчетъ на ухо... И славы
Позабытъ святой призывъ.

Узнаёшь ли въ этой сценѣ,
Милый ангелъ мой, меня?
Вѣкъ зоветъ, бойцы въ аренѣ,
А въ твоихъ объятьяхъ я!
1857.

XXX.

Ты быстро шла, но предо мною
Вдругъ оглянулася назадъ...
Какъ будто спрашивали гордо
Уста открытыя и взглядъ...

Къ чему ловить мнѣ было бѣлый,
По вѣтру бившійся покровъ?..
А эти маленькія ножки...
Къ чему искалъ я ихъ слѣдовъ!

Теперь исчезла эта гордость,
И стала ты тиха, ясна,
Такъ возмутительно покорна
И такъ убійственно скучна!
1857.

XXXI.

ВЕСНОЮ.

Сверкая, проносятся волны рѣки...
Такъ любится сердцу весною!..
Пася свое стадо, сплетаетъ вѣнки
Румяная дѣва одна надъ рѣкою.

И солнце, и зелень! И жжетъ, и томитъ!..
Такъ любится сердцу весною!..
„Кому же вѣнки?“—кто-то вслухъ ей твердитъ—
И мчится мечта за мечтою...

Вотъ слышится топотъ... вотъ всадникъ летитъ,
И перьями вѣетъ, и блещетъ онъ сталью...

Робѣетъ малютка, и ждетъ, и молчитъ...
Но мигъ — и онъ скрылся за синею далью!..

И плачетъ, и мечетъ въ златыя струи
Бѣдняжка вѣнки, съ уязвленной душою...
А гдѣ-то запѣлъ соловей о любви...
Такъ любится сердцу весною!..
1857.

XXXII.

НА ГОРАХЪ ГАРЦА.

Раскрывайся, міръ преданій!
Приготовься, сердце, къ нимъ,
Къ сладкимъ пѣснямъ, тихимъ грёзамъ,
Къ вдохновеньямъ золотымъ!

Я иду въ лѣса густые,
Доберусь до зàмка я,
На который устремляетъ
Первый нѣжный лучъ заря.

Тамъ среди сѣдыхъ развалинъ,
Какъ живые, предо мной
Встанутъ дней минувшихъ люди
Съ прежней свѣжею красой...

Вотъ онъ, вотъ! Надъ нимъ, какъ прежде,
Полны блеску небеса,
И внизу, въ волнахъ тумана
Словно плаваютъ лѣса...

Но травой покрыта площадь,
Гдѣ счастливецъ побѣждалъ
И побѣды призъ у лучшихъ,
Можетъ-быть, перебивалъ...

Плющъ виситъ кругомъ балкона,
Гдѣ склонялась на скамью
Побѣдившая очами
Побѣдителя въ бою...

Ахъ! И рыцаря и даму
Смерть давно ужъ унесла...
Всѣхъ насъ этотъ черный рыцарь
Вышибаетъ изъ сѣдла!
1868.

XXXIII.

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ СТИХОТВОРЕНІЯХЪ.

1.

Инеемъ снѣжнымъ, какъ ризой, покрытъ,
Кедръ одинокій въ пустынѣ стоитъ.
Дремлетъ, могучій, подъ пѣснями вьюги,
Дремлетъ и видитъ: на пламенномъ югѣ
Стройная пальма растетъ и съ тоской
Смотритъ на сѣверъ его ледяной.

2.

Давно задумчивый твой образъ,
Какъ сонъ, носился предо мной
Все съ той же кроткою улыбкой,
Но блѣдный, блѣдный и больной...

Одни уста еще алѣютъ;
Но прикоснется смерть и къ нимъ —
И все небесное угаситъ
Въ очахъ лобзаньемъ ледянымъ.

3.

Въ легкомъ челнѣ мы съ тобою
Плыли по быстрымъ волнамъ...
Тихая ночь навѣвала
Грёзы блаженныя намъ...

Островъ стоялъ, какъ видѣнье,
Луннымъ лучомъ осіянъ;
Пѣсни оттуда звучали
Сквозь серебристый туманъ.

Пѣсни туда насъ манили...
Но, и сильна и темна,
Въ море, въ широкое море
Грозно влекла насъ волна.

4.

Любовь моя — страшная сказка,
Со всѣмъ, что̀ есть дикаго въ ней,
Съ таинственнымъ блескомъ и бредомъ,
Созданіе жаркихъ ночей.

Вотъ: „рыцарь и дѣва гуляли
Въ волшебномъ саду межъ цвѣтовъ...

Кругомъ соловьи грохотали,
И мѣсяцъ свѣтилъ сквозь деревъ...

Нѣма была дѣва, какъ мраморъ...
Къ ногамъ ея рыцарь приникъ...
И вдругъ великанъ къ нимъ подходитъ—
Исчезла красавица вмигъ...

Упалъ окровавленный рыцарь...
Исчезъ великанъ"... а потомъ...
Потомъ... Вотъ когда похоронятъ
Меня, то и сказка съ концомъ!..

5.

Здѣсь мѣсто есть... Самоубійцъ
Тѣла тамъ зарываются...
На мѣстѣ томъ плакунъ-трава
Одна, какъ тѣнь, качается...

Я тамъ стоялъ... душа моя
Тоскою надрывалася...
Плакунъ-трава въ лучахъ луны
Таинственно качалася.

1867.

XXXIV.

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ.

На тему одной нѣмецкой пѣсни.

Съ шумомъ и топотомъ пляшетъ въ лугу молодежь
Въ ладъ подъ визгливыя скрипки.
Вдругъ понеслась одна пара впередъ, изъ толпы
Вынырнувъ, точно двѣ рыбки.

Точно плывутъ они, тихо колышась и въ тактъ,
Мѣрно, какъ волны морскія,
Но усмѣхаются, глядя другъ другу въ глаза...
Вѣдаетъ Богъ, кто такіе!

„Вы,—говоритъ кавалеру она,—здѣсь чужой?..
Бѣлый на шляпѣ цвѣточекъ...
Только вѣдь въ самой морской глубинѣ онъ растетъ...
Какъ ни рядитесь, дружочекъ,

Васъ я узнала по остренькимъ щучьимъ зубкамъ
Тотчасъ же, съ перваго взгляда!
Вы—Водяной. и красотку сманить за собой
Въ теремъ хрустальный вамъ надо".

Онъ отвѣчаетъ: „Сударыня, ухъ, какъ блестятъ
Ваши зеленые глазки!
Ручки какъ холодны!.. Если жъ обнимутъ, то смерть,
Вѣрная смерть ваши ласки!

Васъ я по первому книксену тотчасъ призналъ...
Такъ что... секретъ неумѣстенъ...
Вы вѣдь—Русалка, сударыня... Промыселъ нашъ,
Значитъ, другъ другу извѣстенъ...“

Ловко, изящно, отъ смѣха же еле держась,
Легкіе оба такіе,
Плаваютъ, въ медленномъ вальсѣ колышась, они
Мѣрно, какъ волны морскія.

Кончился танецъ. Они разстаются, какъ всѣ:
Онъ—съ граціознымъ поклономъ,
Книксенъ глубокій—она, все какъ люди, давно
Съ лучшимъ знакомые тономъ.

1889.

XXXV.

Они о любви говорили
За чайнымъ блестящимъ столомъ.
Изяществомъ дамы сіяли,
Мужчины—тончайшимъ умомъ.

„Любовь въ платоническомъ чувствѣ“,
Замѣтилъ совѣтникъ въ звѣздахъ.
Совѣтница зло улыбнулась,
Однако промолвила: „ахъ!“

Въ отвѣтъ ему толстый каноникъ:
„Любить надо въ мѣру, затѣмъ
Что иначе—вредъ для здоровья“.
Княжна проронила: „а чѣмъ?“

Съ улыбкой давая барону
Душистаго чаю стаканъ,
Графиня сказала протяжно:
„Амуръ—безпощадный тиранъ!“

За чаемъ еще было мѣсто:
Тебѣ бъ тамъ, малютка, засѣсть
И, слушая только сердечка,
Урокъ о любви имъ прочесть.

1867.

XXXVI.

„Сколько яду въ этихъ пѣсняхъ!
Столько яду, желчи, зла!..“
Что̀ жъ мнѣ дѣлать? Столько яду
Въ жизнь мою ты пролила!

„Сколько яду въ этихъ пѣсняхъ!“
Что̀ жъ мнѣ дѣлать, жизнь моя?
Столько змѣй ношу я въ сердцѣ,
Да и сверхъ того—тебя!

1867.

XXXVII.

Краса моя, рыбачка,
Причаль сюда челнокъ,
Садись рука съ рукою
Со мной на бережокъ.

Прижмись ко мнѣ головкой,
Не бойся ничего!
Ввѣряешься жъ ты морю...
Страшнѣе ль я его?

Ахъ, сердце—то же море!
И бьется, и бурлитъ,
И такъ же дорогія
Жемчужины таитъ!

1867.

XXXVIII.

ЛОРЕЛЕЯ.

Бѣда ли, пророчество ль это?..
Душа такъ уныла моя,
А старая, страшная сказка
Преслѣдуетъ всюду меня...

Все чудится Рейнъ быстроводный,
Надъ нимъ ужъ туманы летятъ,
И только лучами заката
Вершины утесовъ горятъ.

И чудо-красавица дѣва
Сидитъ тамъ въ сіяньи зари,

И чешетъ златымъ она гребнемъ
Златистые кудри свои.

И вся-то блеститъ и сіяетъ,
И чудную пѣсню поетъ:
Могучая, страстная пѣсня
Несется по зеркалу водъ...

Вотъ ѣдетъ челнокъ... И внезапно
Охваченный пѣснью ея,
Пловецъ о рулѣ забываетъ
И только глядитъ на нее...

А быстрыя воды несутся...
Погибнетъ пловецъ средь зыбей!
Погубитъ его Лорелея
Чудесною пѣснью своей!..
1867.

XXXIX.

AUF FLÜGLEN DES GESANGES.

Поэзіи геній крылатый
Незримой воздушной стезей
Въ край солнца, къ источникамъ Ганга,
Умчитъ насъ, мой ангелъ, съ тобой!

Въ глубокой, цвѣтущей долинѣ,
Въ виду неприступныхъ снѣговъ,
Ты явишься пышной царицей
Роскошнѣйшихъ въ мірѣ цвѣтовъ!

Тамъ пѣнные съ горъ водопады
И шелестъ волны въ тростникѣ,
Толпы богомольцевъ, идущихъ
Омыться въ священной рѣкѣ.

Все чудныя сказки намъ скажетъ
Про войны людей и духовъ,
Про женъ, исторгавшихъ супруговъ
Изъ челюстей адскихъ боговъ...

Услышимъ мы вопль ихъ страданій,
И вдругъ—въ ихъ далекой любви,
Сквозь бездну вѣковъ мы узнаемъ
Любовь и страданья свои...
1867.

XL.

Нежданной молніей, вполнѣ
Открывшей мнѣ тотъ мракъ глубокій,
Гдѣ чуть дышу я, были мнѣ
Тобой начертанныя строки...

Среди обломковъ ты одна
Въ моемъ минувшемъ—образъ ясный,
Какъ мраморъ божески-прекрасный,
Но и какъ мраморъ холодна!..

О, каковы жъ мои мученья!..
Вдругъ этотъ мраморъ тронутъ! онъ
Заговорилъ—и сожалѣнья
Слезою теплой окропленъ!..

А Ты, мой Богъ! Тебя напрасно
Молю я: узелъ развяжи,
Дай мнѣ покой и положи
Конецъ трагедіи ужасной!

1866.

XLI.

Конецъ! опущена завѣса!
Къ разъѣзду публика спѣшитъ...
Ну что̀ жъ? успѣхъ имѣла пьеса?
О, да! въ ушахъ моихъ звучитъ
Еще доселѣ страстный шопотъ,
И крикъ, и вызовы, и топотъ...
Ушли... и зала ужъ темна,
Огни потухли... тишина...

Чу! что-то глухо прозвенѣло
Во тьмѣ близъ сцены опустѣлой...
Иль это лопнула струна
На старой скрипкѣ?.. Тамъ что̀? крысы
Грызутъ ненужныя кулисы...
И лампы гаснутъ, и чадитъ
Отъ нихъ дымящееся масло...
Одна осталась... вотъ шипитъ,
Шипитъ... чуть тлѣетъ... и угасла...
Ахъ, эта лампа... то, друзья,
Была, увы! душа моя.

1857.

XLII.

ПРИНЦЕССА ШАБАШЪ.

Въ старыхъ сказкахъ говорится,
Будто въ образѣ звѣриномъ
Ходятъ часто — чародѣемъ
Заколдованные принцы.

Но бываютъ дни — и принцы
Принимаютъ прежній образъ;
Принцъ волочится и дамамъ
Серенады воспѣваетъ, —

Все до часа рокового;
И настанетъ онъ—мгновенно
Свѣтлый принцъ — четвероногимъ
Снова дѣлается звѣремъ.

Днесь воспѣть такого принца
Я намѣренъ. Онъ зовется —
Израйль, и злою вѣдьмой
Обращенъ давно въ собаку.

Всю недѣлю по-собачьи
Онъ и чувствуетъ и мыслитъ,
Грязный шляется и смрадный,
На позоръ и смѣхъ мальчишкамъ...

Но лишь пятница минуетъ —
Принцъ становится какъ прежде,
Человѣкомъ, и выходитъ
Изъ своей собачьей шкуры.

Мыслитъ, чувствуетъ, какъ люди,
Гордо, съ поднятой главою,
И разряженный вступаетъ
Онъ въ отцовскіе чертоги:

„Прародительскія сѣни! —
Ихъ привѣтствуетъ онъ нѣжно:—
Домъ Іаковлевъ! цѣлую
Прагъ у вратъ твоихъ священныхъ!“

По чертогамъ пробѣгаетъ
Легкій шопотъ и движенье:
Тихо въ храмѣ все: чуть дышитъ
Самъ невидимый хозяинъ.

Сенешаль великій только —
То-есть служка въ синагогѣ —
Лазитъ вверхъ и внизъ поспѣшно,
Въ храмѣ лампы зажигая.

Лампы — свѣточи надежды!
Какъ горятъ онѣ, какъ блещутъ!
Залита огнемъ эстрада,
Гдѣ читать выходятъ Тору,

И уже передъ ковчегомъ,
Занавѣшеннымъ покровомъ
Съ драгоцѣнными камнями
И хранящимъ эту Тору,

Канторъ всталъ — изящный канторъ;
Вотъ онъ, съ духомъ собираясь,
Вздернулъ плечи, растопыря
Черный плащъ при семъ локтями, —

Вотъ онъ, ручкой щеголяя,
Потрепалъ себя по шеѣ,
Перстъ къ виску прижалъ, большимъ же
Пальцемъ горло расправляетъ.

Долго онъ бормочетъ тихо —
Наконецъ, какъ вдохновенный,
Возглашаетъ громогласно:
„Лехо Дойди Ликрасъ Калле!

О, гряди, женихъ желанный,
Ты во срѣтенье невѣстѣ, —
Той, которая откроетъ
Для тебя свой ликъ стыдливый!“

Этотъ стихъ вѣнчальный сложенъ
Былъ Іегудой бенъ-Галеви,
Пѣснопѣвцемъ знаменитымъ
Въ дни халифовъ мавританскихъ;

Въ этомъ гимнѣ восхвалялъ онъ
Обрученье Израйля
Съ царственной принцессой Шабашъ —
Молчаливою принцессой...

Перлъ и цвѣтъ красотъ вселенной —
Эта чудная принцесса!
Что̀ тутъ Савская царица,
Соломонова подруга!

Богъ съ ней, съ этою педанткой!
Весь свой вѣкъ она хотѣла
Остроумьемъ забавляться —
Наконецъ, вѣдь это скучно!

Нѣтъ! принцесса Шабашъ — это
Тихій ангелъ! ненавидитъ
Суемудріе и споры —
Эти умственные боксы, —

Ненавидитъ этотъ дикій
Паѳосъ страстныхъ декламацій,
Искры сыплющій и бурно
Потрясающій власами.

Скромно подъ чепецъ парикъ свой
Прячетъ тихая принцесса,
Смотритъ кротко, какъ газели,
Тихимъ праздникомъ сіяетъ...

И возлюбленному принцу
Дозволяетъ все, но — только
Не курить: „курить въ субботу
Запрещается закономъ;

Но за то, мой милый, нынче
Продушишься ты, въ замѣну,
Чуднымъ кушаньемъ, ты будешь
Нынче шалетъ, другъ мой, кушать“.

„Шалетъ — божеская искра,
Сынъ Элизія!“—запѣлъ бы,
Вѣрно, Шиллеръ вдохновенный,
Если бъ только зналъ онъ шалетъ!

Это — даръ священный неба,
Откровенный Моисею
При громахъ синайскихъ, вмѣстѣ
Со скрижалями закона.

Передъ этой райской снѣдью
Дрянь — амброзія и нектаръ
Лжебоговъ, которыхъ чтили
Встарь языческіе греки.

Вотъ нашъ принцъ вкушаетъ шалетъ.
Просвѣтлѣлъ, въ блаженствѣ таетъ,
Распахнулъ камзолъ широко
И лепечетъ, улыбаясь:

„То не шумъ ли Іордана,
Не журчанье ль струй студеныхъ
Подъ навѣсомъ пальмъ Бэтэля?
То не ржанье ли верблюдовъ?

Не овецъ ли тонкорунныхъ
Колокольчики лепечутъ?
Не съ вершинъ ли Гилеата
Овцы на ночь сходятъ въ долы?“

Но ужъ день склонился... Тѣни
Удлиняются... подходитъ
Исполинскими шагами
Срокъ ужасный... принцъ вздыхаетъ...

Точно хладными перстами
Вѣдьмы за сердце хватаютъ,
Въ членахъ дрожь, что вотъ прійдется
Сжаться, скорчиться въ собачьи.

Принцу милому подноситъ
Нарду тихая принцесса:
Разъ еще вдохнуть спѣшитъ онъ
Нарду запахъ скипидарный...

Наполняетъ принцу кубокъ:
Пьетъ онъ жадно... и остаткомъ
Окропляетъ столъ... подноситъ
Къ брызгамъ маленькую свѣчку...

Солнце скрылось... свѣчка грустно
Зашипѣла и погасла —
Въ тотъ же мигъ и принцъ изъ храма
Грязной выбѣжалъ собакой.

1863.

XVIII.

EXCELSIOR.

I.

Въ юдоли плача и порока
Поэтъ въ душѣ своей слагаетъ
Невольно вѣщій гласъ пророка—
И міръ иной сооружаетъ.

Въ томъ мірѣ Истина: блистаетъ
Въ ея щитѣ глава Медузы;
Предъ ней порокъ свой мечъ роняетъ,
И ниспадаютъ съ скорбныхъ узы.

Она идетъ: предъ ней крушатся
Повсюду монументы злобы,
И розы пышныя родятся
Тамъ, гдѣ страдальцевъ были гробы;

И вкругъ все дивное творится:
Пигмей низвергнулъ исполина,
И благодушный рабъ садится
На мѣсто злого господина.

Все, что̀ страдало, что̀ боролось
Противу зла, изнемогая,
Отвсюду возвышаетъ голосъ,
Господень судъ благословляя.

И люди такъ же благи снова,
Какъ тѣ, которые внимали
При Галилейскомъ морѣ слово,
Съ ихъ душъ снимавшее печали...

Такъ за ночными облаками,
Сквозь ихъ серебряныя пятна,
Ты небо чувствуешь съ звѣздами
И съ глубиною необъятной.

1857.

II.

О, мысль!.. Изъ урны роковой
Я вынулъ жребій, не робѣя!
Я зналъ, что жребій, взятый мной —
Утесъ и жажда Прометея!
Вся жизнь—стремленье изъ оковъ,
При злой насмѣшкѣ отъ собрата,
Стремленье вдаль отъ береговъ
И невозможность къ нимъ возврата!
Но эти муки, этотъ адъ
Благословляю за мгновенья,
Когда пытующій мой взглядъ
Объемлетъ таинства творенья;
И я—на мигъ оживший прахъ —
Себя почувствую той силой,
Что̀ въ слѣпотѣ своей унылой
Толпа со страхомъ чтитъ въ богахъ!

1863.

III.

О, царство вѣчной юности
И вѣчной красоты!
Въ твореньяхъ свѣтлыхъ геніевъ
Намъ чувствуешься ты!

Сіяющіе мраморы,
Лизиппъ и Пракситель!..
Съ безсмертными Мадоннами
Счастливый Рафаэль!..

Святая лира Пушкина,
Его кристальный стихъ,
Моцартовы мелодіи,
Все радостное въ нихъ—

Все то—не откровенья ли
Съ надзвѣздной высоты,
Изъ царства вѣчной юности
И вѣчной красоты?..

1883.

IV.

Чужой для всѣхъ,
Со всѣми въ мирѣ—
Таковъ, поэтъ,
Твой жребій въ мірѣ!

Ты—на горѣ;
Они—въ долинѣ,
Но Богъ и свѣтъ
Въ твоей пустынѣ.

Ихъ духъ привыкъ
Ко тьмѣ и ночи,
И голый свѣтъ
Имъ рѣжетъ очи.

Но вѣдь и имъ,
На самомъ пирѣ,
Имъ *нужно* знать,
Что *есть* онъ въ мірѣ,

Что гдѣ-нибудь
Еще онъ свѣтитъ,
Что воззовешь,—
И онъ отвѣтитъ!

1872.

V.

ПУСТЫННИКЪ.

И Ангелъ мнѣ сказалъ: иди, оставь ихъ грады,
Въ пустыню скройся ты, чтобъ тамъ огонь лампады,
Тебѣ повѣренный, до срока уберечь,
Дабы, когда тщету суетъ они познаютъ,
Возжаждутъ истины и свѣта пожелаютъ,
Имъ было бъ чѣмъ свои свѣтильники возжечь.

VI.

ВАЯТЕЛЮ

(что̀ долженъ выразить памятникъ Пушкину).

Изобрази ты въ немъ поэта,
Чтобъ въ царствѣ мысли царь онъ былъ,
Исполненъ внутренняго свѣта,
Да имъ и насъ бы охватилъ!

1875.

VII.

EXCELSIOR.

(Изъ Лонгфелло).

На высяхъ Альпъ горитъ закатъ;
Внизу, въ селеньи, стѣны хатъ
Отливомъ пурпурнымъ сіяютъ...
Вдругъ видятъ люди: къ нимъ идетъ
Красавецъ-юноша; несетъ
Въ рукѣ хоругвь; на ней читаютъ:
Excelsior!

Идетъ онъ мимо, вверхъ, туда,
Гдѣ царство смерти, царство льда;
Не смотритъ, есть иль нѣтъ дорога;
Лишь въ высь, восторженный, глядитъ,
И кликъ его въ горахъ звучитъ,
Какъ звукъ серебрянаго рога:
Excelsior!

Предупреждаютъ старики:
„Куда идешь? Тамъ ледники!
Тамъ не была нога людская!
Споконъ вѣковъ тамъ ходу нѣтъ!“
Но онъ не слушаетъ, въ отвѣтъ
Лишь кликомъ горы оглашая:
Excelsior!

Краса-дѣвица говоритъ:
„Останься здѣсь, отъ бурь укрытъ,
Любимъ и счастливъ съ нами вѣчно!“
Онъ передъ ней замедлилъ шагъ,
Но черезъ мигъ опять въ горахъ
Раздалось, вторясь безконечно:
Excelsior!

И вотъ ужъ скрылся онъ изъ глазъ...
Ужъ пурпуръ на горахъ погасъ;
Блѣднѣютъ снѣжныя вершины,
И тамъ, въ безмолвьѣ ледяномъ,
Звучитъ, какъ отдаленный громъ,
Съ высотъ несущійся въ долины:
Excelsior!

Чуть свѣтъ, при меркнущихъ звѣздахъ,
На льды въ обходъ пошелъ монахъ,
Неся запасъ вина и хлѣба, —

И слышитъ голосъ надъ собой
Какъ бы отъ тверди голубой,
Съ высотъ яснѣющаго неба:
Excelsior!

И тутъ же лай собаки; вмигъ
Онъ къ ней—и видитъ: въ снѣговыхъ
Сугробахъ юноша... О, Боже!
Онъ бездыханенъ; смертный сонъ
Его сковалъ, и держитъ онъ
Въ рукѣ хоругвь, гдѣ надпись тоже—
Excelsior!

Ужъ горы облило зарей:
Лежитъ онъ, блѣдный и нѣмой,
Среди пустынь оледянѣлыхъ...
Стоитъ и слышитъ вдругъ монахъ—
Уже чуть внятно въ высотахъ,
Въ недосягаемыхъ предѣлахъ:
Excelsior!

1881.

VIII.

Куда бъ ни шелъ шумящій міръ,
Что̀ бъ разумъ будничный ни строилъ,
На что бъ онъ хоръ послушныхъ лиръ
На всѣхъ базарахъ ни настроилъ,
Поэтъ, не слушай ихъ. Пускай
Растетъ ихъ гамъ, кипитъ работа,—
Они всѣ въ Книгѣ Жизни, знай,
Пойдутъ не дальше переплета!
Святыя тайны Книги сей
Раскрыты вѣщему лишь оку:
Богъ открывался Самъ пророку,
Его жъ, съ премудростью своей,
Не видѣлъ гордый фарисей.
Имъ только видимость—потреба,
Тебѣ же—сущность, тайный смыслъ:
Имъ—только рядъ бездушныхъ числъ,
Тебѣ же—безконечность неба,
Задача смерти, жизни цѣль,
Неразрѣшимая досель,

Но ужъ и въ чаемомъ рѣшеньи,
Уже въ предчувствіи его
Тебѣ дающая прозрѣнье
Въ то, что для духа—вещество
Есть только форма и явленье.
1888.

IX.

Бѣлые лебеди, вѣстники свѣтлой весны, пролетѣли.
Сердце земли встрепенулось, сверкнули ожившія воды...
Мигъ — и проглянутъ цвѣты... Да, весна это, радость-весна!
Какъ эти лебеди, мысли видѣньемъ въ душѣ пролетаютъ,
Сердце трепещетъ въ груди... пробиваются слезы восторга;
Чувствую: близятся, ихъ осязаю и вижу—стихи!
1891.

X.

Зачѣмъ предвѣчныхъ тайнъ святыни
Въ нашъ бренный образъ облекать
И вымысломъ небесъ пустыни,
Какъ бѣдный міръ нашъ, населять?

Зачѣмъ давать цвѣта и звуки
Чертамъ духовной красоты?
Зачѣмъ картины вѣчной муки
И рая пышные цвѣты?

Затѣмъ, что смертный подымаетъ
Тогда лишь взоры къ небесамъ,
Когда тамъ радуга сіяетъ
Его восторженнымъ очамъ...
1887.

XI.

Вдохновенье—дуновенье
Духа Божья!.. Пронеслось—
И безсмертнаго творенья
Сѣмя бросило въ хаосъ.

Вмигъ поэтъ душой воспрянетъ
И подхватитъ налету,
Отольетъ и отчеканитъ
Въ мѣдномъ образѣ мечту!
1890.

XII.

ХУДОЖНИКУ.

Къ тебѣ слетѣло вдохновеньс—
Его исчерпай все за-разъ,
Покуда творческій восторгъ твой не погасъ,
И полонъ ты и силъ и дерзновенья!
Оно не долго свѣтитъ съ вышины
И въ смыслъ вещей, и духа въ глубины,
И твоего блаженства мигъ не дологъ!
Оно умчалося—и тотчасъ предъ тобой,
Своей холодною рукой,
Обычной жизни ночь задернетъ темный пологъ.

1882.

XIII.

Есть мысли тайныя въ душевной глубинѣ:
Поэтъ ужъ въ первую минуту ихъ рожденья
Въ нихъ чуетъ сѣмена грядущаго творенья.
Онѣ какъ будто спятъ и зрѣютъ въ тихомъ снѣ,
И ждутъ мгновенія, чьего-то ждутъ лишь знака,
Удара молніи, чтобъ вырваться изъ мрака...
И сходишь къ нимъ украдкой и тайкомъ
Стоишь, любуешься таинственнымъ ихъ сномъ,
Какъ мать, стоящая съ заботою безмолвной
Надъ спящими дѣтьми въ свѣтлицѣ, тайны полной...

1868.

XIV.

Возвышенная мысль достойной хочетъ брони;
Богиня строгая—ей нуженъ пьедесталъ,
И храмъ, и жертвенникъ, и лира, и кимвалъ,
И пѣсни сладкія, и волны благовоній...

Малѣйшую черту обдумай строго въ ней,
Чтобъ выдержанъ былъ строй въ наружномъ безпорядкѣ,
Чтобы божественность сквозила въ каждой складкѣ
И образъ весь сіялъ огнемъ души твоей!..

Исполненъ радости, иль гнѣва, иль печали,
Пусть вдругъ онъ выступитъ изъ тьмы передъ тобой
И ту разсѣетъ тьму—прекрасный самъ собой
И безконечностью за нимъ лежащей дали...

1869.

XV.

Окончен трудъ—ужъ онъ мнѣ трудъ постылый.
Какъ будто кто все шепчетъ: погоди!
Твой главный трудъ—еще онъ впереди,
Къ нему еще ты только копишь силы!
Онъ облачкомъ чуть свѣтитъ заревымъ
И всѣ затмитъ, всѣ радости былыя—
Онъ впереди—Святой Ерусалимъ,
То все была—еще Антіохія!

1887.

XVI.

КЪ ХУДОЖНИКУ.

Напрасно напрягаешь струны,
Вотще допытываешь ты
И этотъ мраморъ вѣчно-юный
И эти дивные холсты...
Твое богатство—эти знанья
И упражненная рука,
Но лишь орудье для созданья,
Запасъ безжизненный—пока
Отвыше Творческая Сила
Твой духъ собой не охватила,
Дабы, водя твоей рукой,
Ей продолжать творить Самой.

(1885).

XVII.

„Не отставай отъ вѣка“—лозунгъ лживый,
Коранъ толпы. Нѣтъ: выше вѣка будь!
Зигзагами онъ свой свершаетъ путь,
И вкривь и вкось стремя свои разливы.
Нѣтъ! мысль твоя пусть зрѣетъ и растетъ,
Лишь въ вѣчное корнями углубляясь,
И горизонтъ свой ширитъ, возвышаясь
Надъ уровнемъ мимобѣгущихъ водъ!
Пусть ихъ напоръ неровности въ ней сгладитъ,
Порой волна счастливый дастъ толчокъ,—
А золота крупинку мчитъ потокъ—
Оно само въ стихѣ твоемъ осядетъ.

1889.

XVIII.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПУШКИНА.

Его стихи читая, точно я
Переживаю нѣкій мигъ чудесный—
Какъ будто надо мной гармоніи небесной
Вдругъ понеслась нежданная струя...
Нездѣшними мнѣ кажутся ихъ звуки:
Какъ бы, вліясь въ его безсмертный стихъ,
Земное все—восторги, страсти, муки —
Въ небесное преобразилось въ нихъ!

1887.

XIX.

Мы выросли въ суровой школѣ,
Въ преданьяхъ рыцарскихъ вѣковъ,
И зрѣли разумомъ и волей
Среди лишеній и трудовъ.
Поэтъ той школы и закала,
Во всеоружіи всегда,
Въ сей вѣкъ Астарты и Ваала
Порой смѣшонъ, быть-можетъ... Да!
Его коня ровняютъ съ клячей
И съ Донъ-Кихотомъ самого, —
Но онъ въ святой своей задачѣ
Ужъ не уступитъ ничего!
И пусть для всѣхъ погаснетъ небо,
И въ тьмѣ приволье всѣ найдутъ
И ради похоти и хлѣба
На все святое посягнутъ,—
Одинъ онъ—съ поднятымъ забраломъ —
На площади, предъ всей толпой,
Швырнетъ Астартамъ и Вааламъ
Перчатку съ вызовомъ на бой.

1890.

XX.

ГР. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ.

Стиховъ мнѣ дайте, графъ, стиховъ,
Нетлѣнныхъ образовъ и вѣчныхъ,
Въ волшебствѣ звуковъ и цвѣтовъ
И горизонтовъ безконечныхъ!

Чтобъ, взволновавъ, мнѣ дали миръ,
Чтобъ я и плакалъ, и смѣялся,
И вмѣстѣ—старый ювелиръ —
Ихъ обработкой любовался...
Да! ювелиръ ужъ этотъ старъ —
Рука дрожитъ—но во мгновенье
Готовъ въ немъ вспыхнуть прежній жаръ
На молодое вдохновенье!

1887.

XXI.

Е. И. В. ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ.

Зачѣмъ смущать меня подъ старость!
Ужъ на покой я собрался:
Убралъ поля, срубилъ лѣса,
И, если новая гдѣ зарость
Отъ старыхъ тянется корней,
То это—бѣдные побѣги,
Въ которыхъ нѣтъ ужъ прежнихъ дней
Ни величавости ни нѣги...
Даль безграничная кругомъ,
И, прежде крытое листвою,
Одно лишь небо надо мною
Въ безмолвномъ торжествѣ своемъ...
И вотъ нежданно, къ нелюдиму,
Вашъ стихъ является ко мнѣ
И дразнитъ стараго, какъ въ зиму
Воспоминанье о веснѣ...

1887.

XXII.

К. Р.

Эти милыя двѣ буквы,
Что̀ два яркіе огня
Въ тьмѣ осенней, въ бездорожье,
Манятъ издали меня.

Зажжены онѣ въ воротахъ,
Что̀ въ чудесный міръ ведутъ,
Міръ, гдѣ только гости съ неба—
Духи чистые—живутъ.

Для того живутъ, чтобъ знали
Дѣти бѣдныя земли

Славословье силъ небесныхъ,
Высшей Правды и Любви.

Для того, чтобъ знали тоже
Братья ихъ на небесахъ
Обо всѣхъ земныхъ страданьяхъ,
Обо всѣхъ людскихъ слезахъ.

И проходятъ мимо люди —
Люди плоти и страстей —
Ихъ не видятъ и не слышатъ
Ни молитвъ ихъ ни рѣчей.

Но идетъ поэтъ-провидецъ,
Какъ подъ солнечнымъ лучомъ—
Вмигъ они просіяваютъ
Въ полномъ обликѣ своемъ.

1889.

XXIII.

ОТВѢТЪ.

(К. А. Дворжицкому).

Во многолюдствѣ шумномъ свѣта,
Съ его базарной суетой,
Ужъ чуетъ вѣщею душой
Издалека поэтъ поэта.
Имъ любо, если довелось
Хоть перекинуться порою
Надъ этой тѣсною толпою
Букетомъ изъ душистыхъ розъ...
Ты перебросилъ мнѣ нежданно
Свой дорогой, благоуханный
Даръ поэтической любви —
Такъ вотъ и мой тебѣ—лови!

1887.

XXIV.

ОТВѢТЪ.

(Вл. П. Лебедеву).

Нѣтъ, то не Муза, дщерь небесъ,
Что̀ насъ дѣтьми ужъ дразнитъ славой!
То злобный геній, мрачный бѣсъ,
То сынъ погибели лукавый
Къ намъ, улыбаясь, предстаетъ,
Плѣнитъ насъ лирою заемной

И поведетъ, и понесетъ,
И предъ тобой ужъ тартаръ темный;
Но ты летишь въ него стремглавъ,
Безъ разсужденья, безъ сознанья,
Въ душѣ, увы! давно поправъ
Любви и вѣры упованья,
Не признавая ничего,
И, бѣсу въ радость и забаву,
За недающуюся славу
Кляня и міръ и Божество!

Нѣтъ, Муза—строгая богиня:
Ей слава міра—тлѣнъ и прахъ!
Ей сердце чистое—святыня,
И умъ, окрѣпнувшій въ трудахъ!
Въ жизнь проникая постепенно
И въ глубину и въ высоту,
Она поетъ Отцу вселенной
Съ своею лирой умиленной
Его твореній красоту!

1887.

XXV.

Мысль поэтическая—нѣтъ!—
Въ душѣ мелькнувъ, не угасаетъ!
Ждетъ вдохновенья много лѣтъ
И, вспыхнувъ вдругъ, какъ бы въ отвѣтъ
Призыву свыше, воскресаетъ...

Дать надо времени протечь,
Нужна, быть-можетъ, въ сердцѣ рана,
И не одна, чтобы облечь
Мысль эту въ образъ и извлечь
Изъ первобытнаго тумана...

1887.

XXVI.

Воплощенная, святая
Въ обаяньи красоты,
Ты—землѣ почти чужая,—
Мысль художника,—что̀ ты?
Посреди сплошного мрака,
Въ глубинѣ пустынь нагихъ,
Ни пути гдѣ нѣтъ, ни злака,
Ни журчанья водъ живыхъ;

Подъ напоромъ черной тучи,
Что̀ изъ Вѣчности несетъ
Адскій вихрь, что̀ пламя, жгучій,
Отъ котораго все мретъ, —
Ты—ударъ посланца Божья
Въ мракъ сей огненнымъ мечомъ,
Ужасъ тьмы и бездорожья
Вмигъ разсѣявшій кругомъ
И открывшій для поэта
Солнце Истины надъ нимъ,
Міръ кругомъ—въ сіяньи свѣта,
И въ душѣ его, поэта,
Образъ, выстраданный имъ!

1888.

XXVII.

Вчера—и въ самый мигъ разлуки
Я вдругъ обмолвился стихомъ —
Исчезли слезы, стихли муки,
И точно солнечнымъ лучомъ
И близь и даль озолотило...
Но не кори меня, мой другъ!
Вѣнецъ свой творческая сила
Куетъ лишь изъ душевныхъ мукъ!
Глубокимъ выхваченъ онъ горемъ
Изъ нѣдръ души заповѣдныхъ —
Какъ жемчугъ, выброшенный моремъ
Подъ грохотъ бури—этотъ стихъ!

1889.

XXVIII.

(Посв. Всеволоду Сергѣевичу Соловьеву).

Изъ темныхъ доловъ этихъ взоръ
Все къ нимъ стремится, къ высямъ горъ:
Все чудится, что тамъ идетъ
Какой-то звонъ, и все зоветъ:
„Сюда! Сюда!..“ Ужели тамъ
Въ льдяныхъ пустыняхъ — Божій храмъ?

И я иду на чудный зовъ;
Достигъ предѣла вѣчныхъ льдовъ;
Но храма нѣтъ!.. все пусто вкругъ;
Послѣдній замеръ жизни звукъ;
Туманомъ міръ внизу сокрытъ,
Но надо мною все гудитъ

Во весь широкій небосклонъ:
„Сюда! сюда!“ — все тотъ же звонъ...
1883.

XXIX.

В. и А.

Все, чѣмъ когда-то сердце билось
Въ груди поэта; въ чемъ, творя,
Его душа испепелилась,
Вся въ буряхъ творчества сгоря,
Въ толпѣ самодовольной свѣта
Встрѣчая чуть-что не укоръ, —
Все гаснетъ, тускнетъ безъ привѣта,
Какъ потухающій костеръ...
Пахнётъ ли вѣтеръ на мгновенье
И вздуетъ уголь здѣсь и тамъ, —
И своего ужъ онъ творенья
Не узнаётъ почти и самъ...
Восторгъ ихъ перваго созданья,
Ихъ мощь, ихъ блескъ, ихъ ароматъ,
Исчезло все, и средь молчанья,
Ихъ даже самыя названья
Могильной надписью звучатъ!
Безмолвный, робкій, полнъ сомнѣній,
Проходитъ онъ подобно тѣни
Средь вѣка хладнаго вождей,
Почти стыдяся вдохновеній
И откровеній прежнихъ дней.

Но поколѣнья ужъ иного
Приходитъ юноша-поэтъ:
Одно сочувственное слово —
Проснулся богъ, и хлынулъ свѣтъ!
Встаютъ и образы и лица,
Одушевляются слова,
Племенъ, народовъ вереница,
Ихъ голоса, ихъ торжества,
Духъ, ими двигавшій когда-то,
Все — вѣчность самая встаетъ, —
И душу старшаго собрата
По нимъ потомокъ узнаётъ!
Да! крѣпкій вывѣтрится камень,
Литой изржавѣетъ металлъ,

Но влитый въ стихъ сердечный пламень
Въ немъ вѣчный образъ воспріялъ!
Твори, избранникъ музъ, лишь вторя
Чудеснымъ сердца голосамъ;
Твори, съ кумиромъ дня не споря,
И строже всѣхъ къ себѣ будь самъ!
Пусть въ испытаньяхъ закалится
Свободный духъ, и образъ твой
Въ твоихъ созданьяхъ отразится,
Какъ общій обликъ родовой.

1888.

XXX.

Оставь, оставь! На вдохновенный,
На образъ Музы неземной
Вѣнокъ и вянущій и тлѣнный
Не возлагай! у ней есть свой!
Ей, полной горнихъ думъ и грёзы,
Ужъ въ Вѣчность глянувшей, нейдутъ
Всѣ эти праздничныя розы,
Какъ прахъ разбитыхъ ею путъ!
Ея вѣнокъ — неосязаемъ!
Что̀ за цвѣты въ немъ — мы не знаемъ,
Но не цвѣты они земли,
А развѣ — доловъ лучезарныхъ,
Что̀ намъ сквозятъ въ ночахъ полярныхъ
Въ недосягаемой дали!

1888.

XXXI.

МОЕМУ ИЗДАТЕЛЮ.

(А. Ѳ. Марксу).

Издатель добрый мой! Вотъ вамъ мои творенья!
Вы — другъ испытанный, вамъ можно ввѣрить ихъ...
А все въ ихъ авторѣ, въ послѣдній самый мигъ,
Такія жъ всякій разъ тревоги и сомнѣнья...
Онъ жилъ въ самомъ себѣ; писалъ лишь для себя,
Безъ всякихъ помысловъ о славѣ въ настоящемъ,
О славѣ въ будущемъ... Лишь Красоту любя,
Искалъ лишь Вѣчное въ явленьи преходящемъ.
Отшельникъ — что̀ же онъ для свѣта можетъ дать!
Къ чему и выносить на рынокъ всенародный
Плодъ сокровенныхъ думъ и настежь растворять
Святилище души очамъ толпы холодной...

1893

XIX.

АКВАРЕЛИ.

(1885 — 1890).

I.

АЙВАЗОВСКОМУ.

Стиха не цѣнятъ моего
Ни даже четвертью червонца,
А ты даришь мнѣ за него
Кусочекъ истиннаго солнца,
Кусочекъ солнца твоего!
Когда бъ стихи мои вливали
Такой же свѣтъ въ сердца людей,
Какъ ты — въ безбрежность этой дали
И здѣсь вкругъ этихъ кораблей
Съ ихъ парусомъ, какъ жаръ горящимъ
Надъ зеркаломъ живыхъ зыбей,
И въ этомъ воздухѣ, дышащемъ
Такъ горячо и такъ легко
На всемъ пространствѣ необъятномъ, —
Какъ я цѣнилъ бы высоко,
Какимъ бы даромъ благодатнымъ
Считалъ свой стихъ, гордился бъ имъ,
И мнѣ бы пѣлось, вѣчно пѣлось,
Своимъ бы солнцемъ сердце грѣлось,
Какъ нынче грѣется твоимъ!

1877.

II.

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ.

Буря промчалась, но грозно свинцовое море шумитъ.
Волны, какъ рать уходящая съ боя, не могутъ утихнуть
И въ безпорядкѣ бѣгутъ, обгоняя другъ друга,
Хвастаясь другъ передъ другомъ трофеями битвы:
Клочьями синяго неба,
Золотомъ и серебромъ отступающихъ тучъ,
Алой зари лоскутами.

1887.

III.

Надъ необъятною пустыней Океана
Съ кошницею цвѣтовъ проносится весна,
Роняя ихъ на грудь угрюмаго титана...
Увы, не для него, веселія полна,
Любовь и счастіе несетъ съ собой она!
Иные есть края, гдѣ горы и долины,
Иное царство есть, гдѣ ждетъ ее привѣтъ...
Трезубецъ опустивъ, онъ смотритъ ей вослѣдъ...
Разгладились чела глубокія морщины,—
Она жъ летитъ, что̀ сонъ, вся красота и свѣтъ —
Нетерпѣливый взоръ куда-то вдаль вперяя
И бога мрачнаго какъ будто и не зная...

1885.

IV.

ДЕННИЦА.

Луна, опальная съ дворомъ своимъ царица,
Идетъ изъ терема прохладою дохнуть,
Но вотъ бѣжитъ разсвѣтъ, царю готовя путь,—
Царица дрогнула... лишь свѣтлая денница,
Царевна юная, краса-отроковица,
Средь звѣздъ блѣднѣющихъ не меркнешь ты предъ нимъ.
Что̀ грозный царь тебѣ? Отринутая имъ,
Царица скорбная пусть ждетъ минуты сладкой
Супруга издали увидѣть хоть украдкой
И скрыться въ теремъ свой, опять къ слезамъ своимъ...
Царевна жъ юная — тебѣ какое дѣло!
Свѣтясь веселіемъ безпечныхъ юныхъ лѣтъ,
Идешь за матерью опальною вослѣдъ,
На грознаго царя оглядываясь смѣло.

1874.

V.

ОЛИМПІЙСКІЯ ИГРЫ.

Все готово. Мусикійскій
Данъ сигналъ... сердца дрожатъ...
По аренѣ Олимпійской
Колесницъ помчался рядъ...

Трепеща, народъ и боги
Смотрятъ, сдерживая крикъ...
Шибче, кони быстроноги!
Шибче!.. близко... страшный мигъ!
Главкъ... Евмолпъ... опережаютъ...
Не смотри на отсталыхъ!
Эти... близко... подъѣзжаютъ...
Ну, который же изъ нихъ?
„Главкъ!“ кричатъ... и вонъ онъ, гордый,
Шагомъ ѣдетъ взять трофей,
И въ пыли чуть видны морды
Разозлившихся коней.

1887.

VI.

ЖАННА Д'АРКЪ.

(Отрывокъ).

Бой кипѣлъ... Она скакала
На конѣ, на вороном —
Гордо поднято забрало —
Съ орифламмой и копьемъ —
И вездѣ, гдѣ чуть опасно,
Ужъ звенитъ на страхъ врагамъ
Этотъ звонкій, этотъ ясный
Женскій голосъ по рядамъ...

1887.

VII.

RENAISSANCE.

(Къ юбилею Рафаэля Санціо).

Въ свѣтлой греческой одеждѣ,
Въ свѣжемъ розовомъ вѣнкѣ,
Ходитъ юноша по свѣту
Съ звонкой лирою въ рукѣ.

Подъ одеждой кармелитокъ,
Преклонясь предъ алтаремъ,
Дѣва таетъ въ умиленьи
Предъ Небеснымъ Женихомъ.

Тотъ вступаетъ въ сумракъ храма;
Очи встрѣтилися ихъ;
Мигъ — и кинулись другъ къ другу,
Какъ невѣста и женихъ:

„Для него во мнѣ спасенье“,
Мыслитъ дѣва; онъ шепталъ:
„Я нашелъ его — такъ долго
Убѣгавшій идеалъ!..“

Идутъ въ міръ — и, гдѣ ни ступятъ,
Всюду клики торжества,
Духъ смягчающія слезы
И прозрѣнье Божества!

1887.

VIII.

ГРОЗА.

Кругомъ царила жизнь и радость,
И вѣтеръ несъ ржаныхъ полей
Благоуханіе и сладость
Волною мягкою своей.

Но вотъ, какъ бы въ испугѣ, тѣни
Бѣгутъ по золотымъ хлѣбамъ:
Промчался вихрь—пять-шесть мгновеній
И, въ встрѣчу солнечнымъ лучамъ,

Встаютъ съ серебрянымъ карнизомъ
Чрезъ всѣ полнеба ворота,
И тамъ, за занавѣсомъ сизымъ,
Сквозятъ и блескъ и темнота.

Вдругъ словно скатерть парчевую
Поспѣшно сдернулъ кто съ полей,
И тьма за ней въ погоню злую
И все свирѣпѣй и быстрѣй.

Ужъ расплылись давно колонны,
Исчезъ серебряный карнизъ,
И гулъ пошелъ неугомонный,
И огнь и воды полились...

Гдѣ царство солнца и лазури!
Гдѣ блескъ полей, гдѣ миръ долинъ!
Но прелесть есть и въ шумѣ бури
И въ пляскѣ ледяныхъ градинъ!

Ихъ нахватать—нужна отвага!
И вонъ какъ дѣти въ удальцѣ
Ее честятъ! какъ вся ватага
Визжитъ и скачетъ на крыльцѣ!

1887.

IX.

*
* *

Ужъ побѣлѣли неба своды...
Промчался рѣзвый вѣтерокъ...
Передразсвѣтный сонъ Природы
Уже сталъ чутокъ и легокъ.
Блеснуло солнце: гонитъ ночи
Съ нея послѣднюю дрему—
Она, вздрогнувъ, открыла очи
И улыбается ему.

1887.

X.

(Мотивъ Коппе).

Ты вѣришь ей, поэтъ! Ты думаешь, твой геній,
Парящій къ небу духъ и прелесть пѣснопѣній
Всего дороже ей, всего въ тебѣ святѣй?
Безумецъ! По себѣ ты судишь!.. И Орфей—
Была и у него младенческая вѣра,
Что всюду вслѣдъ ему идущая пантера
Волшебной лирою навѣкъ укрощена...
Но на колючій тернъ онъ наступилъ пятою,
И кровь въ его слѣдѣ почуяла она,
Вздрогнула и, взрычавъ, ударилась стрѣлою
Лизать живую кровь... Проснулся мигомъ звѣрь!..
И та—не чудный даръ твой нуженъ ей—повѣрь!
Ей сердца твоего горячей крови надо,
Чтобъ небо изъ него въ терзаніяхъ изгнать,
Чтобъ лиру у него отнять и разломать,
И, тѣшася надъ нимъ, какъ пьяная Менада,
Надъ яростью боговъ—въ лицо имъ хохотать!

1889.

XI.

СИРОТКА.

На ранній благовѣстъ, когда еще поля
Дремали въ сумракѣ, а небо ужъ бѣлѣло,
Она шла по лугу. Въ ней сердце точно пѣло
Воскресный свой канонъ—и небо и земля,
Казалось, вторили—она имъ улыбалась,
Шепталась съ птичкою, кружившейся надъ ней,
И нѣжно взглядами съ денницею мѣнялась...
Сиротка-звѣздочка сродни вѣдь будетъ ей:
Такого жъ чистаго таинственнаго свѣта,
Какъ и душа ея; затерянная гдѣ-то
При солнцѣ и звѣздахъ, во весь свой свѣтитъ свѣтъ,
Въ коронкѣ золотой, когда ихъ въ небѣ нѣтъ;
Обѣихъ Богъ хранитъ десницею Своею—
Малютка знаетъ вѣдь, что съ высоты небесъ
Архангелъ бодрствуетъ невидимо надъ нею,
И—злой ли человѣкъ покажется, иль бѣсъ,—
Онъ руку въ тотъ же мигъ заноситъ на эфесъ...

1889.

XII.

Дѣвочка—братьямъ и другъ и примѣръ: лепетать только стала—
Знаетъ, малютка, ужъ какъ въ шалостяхъ пылъ ихъ унять:
Выступитъ съ важной осанкою, пальчикомъ властно грозитъ имъ,
Строгаго долга для нихъ образъ являя въ себѣ.

1890.

XIII.

У МРАМОРНАГО МОРЯ.

1.

Все—горы, острова, все утренняго пара
Покрыто дымкою... Какъ будто сладкій сонъ,
Какъ будто свѣтлая, серебряная чара
На міръ наведена, и счастьемъ грезитъ онъ...
И съ небомъ слитое въ одномъ сіяньи море
Чуть плещетъ жемчугомъ отяжелѣвшихъ волнъ,
И этой грезою упиться на просторѣ
Съ тоской зоветъ тебя нетерпѣливый челнъ.

1887.

2.

Румяный парусъ тамъ стоитъ,
Что̀ чайка на волнахъ лѣнивыхъ,
И отблескъ розовый бѣжитъ
На ихъ лазурныхъ переливахъ...
1887.

3.

Заалѣлъ, горитъ востокъ...
Первый лучъ ужъ брызнулъ... Мчится
Въ встрѣчу солнцу вѣтерокъ...
Пошатнулся и клубится,
И летитъ туманъ, летитъ...
Что̀ жъ въ волнахъ его мятели
И алѣетъ и блеститъ?
Легіоны ль полетѣли
На Царьградъ, на славный бой?
То ихъ вождь—на колесницѣ
И съ поднятою рукой,
И въ вѣнцѣ, и въ багряницѣ?..
Тѣни прошлаго?.. Но нѣтъ!
Скрылся поѣздъ тріумфальный,
На поверхности жъ зеркальной
Все стоитъ зеленый слѣдъ...
1887.

XIV.

НА ЧАМЛИДЖИ.

Какъ дышится легко на этихъ высота̀хъ,
Какой-то радостью ты полонъ безотчетной;
Здѣсь—точно ближе ты къ живущимъ въ небесахъ,
И вдругъ въ тебѣ самомъ проснулся духъ безплотный,
И ты глядишь на міръ ужъ не какъ сынъ земли!
Вонъ тамъ за полосой сверкающаго моря
Бѣлѣютъ городки, чуть видные вдали...
И, точно голосамъ вселенской жизни вторя,
Въ душѣ одна лишь мысль, одна звучитъ струна:
„Когда бъ въ сердцахъ людей, вездѣ, во всемъ бы мірѣ,
Такая жъ красота: и свѣтъ, и тишина,
Какъ здѣсь—и на землѣ, и въ морѣ, и въ эѳирѣ!..“
1890. Въ Малой Азіи.

XV.

НА ПУТИ ПО БЕРЕГУ КОРИНѲСКАГО ЗАЛИВА.

Все время—рѣки безъ воды,
Безъ зелени долины,
Съ хрустящимъ камешкомъ сады,
И тощія маслины.
Зато лазурный поясъ водъ
И розовыя горы,
И безпредѣльный неба сводъ,
Гдѣ ищетъ взоръ и не найдетъ
Хоть въ легкомъ облачкѣ опоры!..

1890.

XVI.

РАЗБИТАЯ ЛИРА.

(Мотивъ Шенье).

Лиру разбила она—въ ней созвучія сердцу не слышно—
Въ горѣ, что муза чужда страстнымъ моленьямъ ея.
Дѣва, чего же ты въ лирѣ своей златострунной искала?
Выдалъ мнѣ тайну твою этотъ проказникъ Эротъ!

(1876).

XVII.

ВЪ АЛЬБОМЪ * * *.

Подснѣжниковъ трепетныхъ чистые, свѣтлые глазки
Въ прозрачной, чуть-чуть оперившейся съ желтою почкою, рощѣ.
Небесъ отраженье въ умильно глядящихъ на нихъ незабудкахъ
По берегу рѣчки въ лѣсной изумрудной долинѣ;
Порой огонекъ чуть раскрывшейся розы и тонкій
Ея ароматъ, привлекающій мимолетную пчелку,—
Все это—въ природѣ, все это и въ вашихъ стихахъ, поэтесса!

(1894.)

НА МОТИВЪ ГЁТЕ.

„Augen, sagt mir, sagt, was sagt ihr".

Ахъ, скажите мнѣ прямо, чудесные глазки,
То, что̀ страсть какъ вамъ высказать хочется, нѣчто
Въ родѣ музыки—нѣжной, съ какою, быть-можетъ,
Раскрывается почка цвѣтка...

Только, кажется, я ужъ васъ понялъ, чудесные глазки?
Догадался, какой тутъ цвѣтокъ ужъ готовъ распуститься...
Что-то свѣтится, вижу я, въ васъ изъ глубо̀ка.
Одинокое сердце—да? Свѣтится въ васъ?

И ему, одинокому, какъ бы хотѣлось скорѣе
Среди столькихъ безсмысленныхъ глазъ, то холодныхъ, то наглыхъ,
Повстрѣчать наконецъ хоть бы взглядъ, хоть одинъ бы
Взглядъ, который, какъ солнце, его бы пригрѣлъ!..

О чудесные глазки! Пока углубляюсь
Я въ таинственный міръ, что̀ изъ васъ, полный нѣги, такъ смотритъ,
Попытайтесь и вы въ мое сердце поглубже проникнуть,
Попытайтесь понять—не о томъ ли болитъ и оно?

(1898).

XX.

АЛЬБОМЪ АНТИНОЯ.

АЛЬБОМЪ АНТИНОЯ.

(Изъ драматической поэмы: *Адріанъ и Антиной* *).

1.

Высокая пальма
Надъ бѣднымъ селеньемъ;
Подъ вечеръ на пальму
Рой свѣтлыхъ голубокъ,
Слетаясь, гнѣздится
На вѣтвяхъ ея.

Но утро блеснуло—
Онѣ встрепенулись
И мигомъ, что̀ на полъ
Разсыпанный жемчугъ,
Кругомъ разлетѣлись
Въ безбрежную даль.

Душа моя—пальма,
Рой свѣтлыхъ голубокъ—
Мечты золотыя,
Что̀ на ночь отвсюду
Слетаются къ ней.

2.

Одинъ, безъ силъ, въ пустынѣ знойной
Въ тоскѣ предсмертной я лежалъ,
И вдругъ твой чудный, твой спокойный,
Твой ясный образъ увидалъ.

И я вскочилъ: коня и броню!
Я снова силенъ, я боецъ!
Гдѣ врагъ? навстрѣчу иль въ погоню?
Гдѣ лавръ! Гдѣ слава! Гдѣ вѣнецъ!!?...

---

*) Въ поэмѣ Антиной предполагается родомъ изъ Сиріи, черезъ которую проходили всякія философскія и религіозныя ученія древности, оставляя свой осадокъ въ мѣстномъ населеніи. То были ученія Египта, Вавилона, Іудеи, Греціи и Рима и др. Всѣ эти вліянія отразились во впечатлительной душѣ красавца Антиноя и въ альбомѣ, куда онъ выписывалъ, что его поразило, и вносилъ также свои замѣтки.

3.

Вдоль надъ рѣкой быстроводной
Быстро двѣ бабочки мчатся, кружась другъ надъ другомъ;
Только другъ друга и видятъ онѣ.
Вѣтку несетъ по рѣкѣ: онѣ сѣли:
Рѣдкими взмахами крылышекъ держатъ кой-какъ равновѣсье,
Заняты только любовью своей.
Другъ мой! рѣка—это время;
Вѣтка плывущая—міръ;
Бабочки—мы!

4.

Смерти нѣтъ! вчера Адонисъ
Мертвъ лежалъ; вчера надъ нимъ
Выли плакальщицы, мракомъ
Все одѣлось гробовымъ.
Нынче жъ, свѣтлый, мчится въ небѣ,
И земля ликуетъ, вслѣдъ
Торжествующему богу
Восклицая: „смерти нѣтъ!“

5.

Вы разбрелися,
Овцы заблудшія;
Слышите: гдѣ-то
Стадъ колокольчики,
Рогъ пастуха!
Близко онъ слышится?
Ввѣрьтесь зовущему!
Выведетъ васъ онъ
Къ пастбищамъ тучнымъ!
Къ свѣтлымъ ключамъ!

6.

Ты не въ первый разъ живешь,
Носишь образъ человѣка;
Вновь родишься, вновь умрешь,
Просвѣтляясь вѣкъ отъ вѣка.
Наконецъ достигнешь ты
Черезъ эти переходы
До предѣла красоты
Человѣческой природы;

Здѣсь ужъ зрѣлый плодъ, тогда
Высоко взойдешь надъ нами
Вдругъ, какъ новая звѣзда
Между звѣздъ въ ряду съ богами.

7.

Въ пустынѣ знойной онъ лежалъ,
Я подѣлился съ нимъ водой;
И рѣчи чудныя вѣщалъ
Онъ мнѣ потомъ, идя со мной.
И это было ужъ давно.
Я былъ ребенокъ. Тѣхъ рѣчей
Теперь не помню. Лишь одно
Звучитъ досель въ душѣ моей,
Что должно ближняго любить,
Себя забывши самого,
И быть готову положить
Всечасно душу за него.
Теперь мнѣ кажется, что онъ,
Тотъ чудный старецъ, людямъ несъ
Разгадку жизни. Опаленъ
Былъ зноемъ, въ рубищѣ и босъ.
И шелъ съ нимъ долго, долго я
И не замѣтилъ, какъ вошелъ
Въ какой-то городъ. Тамъ меня
Ввели съ нимъ въ домъ; накрытъ былъ столъ,
И много свѣчъ, и полонъ домъ
Народу былъ; и лица ихъ
Сіяли тихимъ торжествомъ,
И пѣли всѣ. И былъ у нихъ
Я точно дома...

8.

Смотри, смотри на небеса,
Какая тайна въ нихъ святая
Проходитъ молча и сіяя,
И лишь настолько раскрывая
Свои ночныя чудеса,
Чтобы нашъ духъ рвался изъ плѣна;
Чтобъ въ сердце врѣзывалось намъ,
Что здѣсь лишь зло, обманъ, измѣна,
Добыча смерти, праха, тлѣна,
Блаженство жъ вѣчное—лишь тамъ.

1881.

XXI.

ВѢЧНЫЕ ВОПРОСЫ.

I.

ВОПРОСЪ.

Мы всѣ—блюстители огня на алтарѣ,
Вверху стоящіе, что̀ городъ на горѣ,
Дабы всѣмъ виденъ былъ; мы—соль земли, мы—свѣтъ.
Когда голодныя толпы въ годину бѣдъ
Изъ темныхъ доловъ къ намъ о хлѣбѣ вопіютъ,
О, мы прокормимъ ихъ, весь этотъ темный людъ!
Чтобы не умереть ему, не голодать,
Намъ есть что̀ дать!

Но... если бъ умеръ въ немъ живущій идеалъ,
И жгучимъ голодомъ духовнымъ онъ взалкалъ,
И вдругъ о помощи возопіялъ бы къ намъ,
Своимъ учителямъ, пророкамъ и вождямъ,—
Мы всѣ, хранители огня на алтарѣ,
Вверху стоящіе, что̀ городъ на горѣ,
Дабы всѣмъ виденъ былъ и въ ту свѣтилъ бы тьму,—
Что̀ дали бъ мы ему?

1874.

II.

* * *

Для нихъ свобода, что̀ видѣнье,
Плыветъ въ туманѣ золотомъ;
Они бѣгутъ за нимъ, и въ немъ
Народамъ чаютъ все спасенье...
Но что̀ она, и въ чемъ она,
Что̀ скрыто золотымъ покровомъ,—
Ошеломленные лишь словомъ,
Имъ дѣла нѣтъ! Ихъ мчитъ волна,
У нихъ ни зрѣнья нѣтъ ни слуха,
И тщетно Распятый стоитъ
У всѣхъ въ глазахъ и говоритъ:
„Свобода—только въ царствѣ духа!“

III.

МАНИ-ѲАКЕЛЪ-ФАРЕСЪ.

Въ діадимѣ и порфирѣ,
Прославляемый, какъ Богъ,
И, какъ Богъ, единый въ мірѣ,
Весь собой на пышномъ пирѣ
Наполняющій чертогъ,—

Вавилона, Ниневіи
Царь за брашной возлежитъ.
Что̀ же смолкли вдругъ витіи?
Смолкли звуки мусикіи?..
Съ ложа царь вскочилъ, глядитъ—

Словно свѣтомъ просквозила
Наверху предъ нимъ стѣна,
Кисть руки по ней ходила
И огнемъ на ней чертила
Странной формы письмена.

И при каждомъ начертаньи
Блескъ ихъ ярче и сильнѣй,
И, какъ въ солнечномъ сіяньи,
Тусклымъ кажется мерцанье
Пирныхъ тысячи огней.

Поборовъ оцѣпенѣнье,
Вопрошаетъ царь волхвовъ,
Но волхвовъ безсильно рвенье,
Не дается имъ значенье
На стѣнѣ горящихъ словъ.

Вопрошаетъ Даніила;
И вѣщаетъ Даніилъ:
„Въ Богѣ—крѣпость царствъ и сила;
Длань Его тебѣ вручила
Власть, и Имъ ты силенъ былъ;

Надъ царями воцарился,
Страхъ и трепетъ былъ земли,
Но собою ты надмился,
Самъ себѣ ты поклонился—
И твой часъ пришелъ. Внемли:

Эти вѣщія три слова...“
Нѣтъ, о, Муза, нѣтъ! постой!
Что̀ ты снова ихъ и снова

Такъ жестоко, такъ сурово
Выдвигаешь предо мной!

Что̀ твердишь: „О, горе! горе!
Въ суетѣ погрязшій вѣкъ!
Безъ руля на бурномъ морѣ,
Самъ съ собою въ вѣчномъ спорѣ,
Чѣмъ гордишься, человѣкъ,

Въ буйствѣ мнящій быти Богомъ,
Самъ же сынъ Его чудесъ?
Иль не зришь въ киченьи многомъ
Надъ своимъ ужъ ты порогомъ
Словъ: мани-ѳакелъ-фаресъ!..“

1888.

IV.

EX TENEBRIS LUX.

Скорбитъ душа твоя. Изъ дня,
Изъ солнечнаго дня упалъ
Ты прямо въ ночь и, все кляня,
За смертный взялся ужъ фіалъ...

Нѣтъ! Погоди!.. Въ ту тьму вглядись:
Вонъ огонекъ блеснулъ... звѣзда...
Другая... третья... вонъ зажглись
Ужъ миріады... Никогда

Ты не видалъ ихъ?.. Но постой:
Онѣ блѣднѣть начнутъ, и тѣнь
Пойдетъ рѣдѣть, и надъ тобой
Внезапно развернется день.

Имъ осіянный, разомъ ты,
Уже измѣривъ бездну золъ,
Рванешься въ горни высоты,
Какъ солнца жаждавшій орелъ!

1887.

V.

РАЗСКАЗЪ ДУХА.

(Отрывокъ).

... И какъ же умиралъ ты? Какъ свершился
Ужасный этотъ переходъ изъ здѣшней
Къ загробной жизни?..

..И на вопросъ мой началъ духъ:

...„Боль унялася, и я вдругъ
Почувствовалъ, иль лучше—догадался,
Что умираю. Несказанный страхъ
Меня объялъ. Все близкое, земное
Передо мной исчезло. Страхъ одинъ—
И точно врагъ *извнѣ*—меня боролъ.
А *извнутри* меня, я живо помню,
Живое нѣчто бросилося съ нимъ
Бороться и отстаивать меня;
И этого бъ союзника я назвалъ
Надеждой: такъ, быть-можетъ, стала бъ мать
За своего ребенка биться...
Умъ между тѣмъ—онъ бодрствовалъ и жадно
Среди борьбы ихъ вглядывался, слушалъ;
И отстранялъ ихъ, силясь проглянуть
Впередъ, глубоко, въ даль и безконечность.

Но тьмы завѣса передъ нимъ лежала.
Я думалъ: мигъ еще—и тьма меня
Охватитъ и удушитъ... Но внезапно
Надежда, страхъ, все смолкло. Впереди
Завѣса дрогнула и разступилась.
И вкругъ меня все—люди и предметы
Какимъ-то чуднымъ озарились свѣтомъ,
Который имъ какъ бы прозрачность придалъ;
И этотъ свѣтъ шелъ сверху и ужасенъ
Мнѣ въ первый мигъ казался. „Это—Смерть?—
Я спрашивалъ себя.—Нѣтъ, быть не можетъ!..“
И все не вѣрилъ, и глядѣлъ упорно
Въ ужасную зарю, и ждалъ, все ждалъ.
А между тѣмъ давно ужъ совершилось—
Все кончено—я понялъ наконецъ
И ужъ извнѣ смотрѣлъ на трупъ свой, и
Былъ пораженъ загадочной улыбкой,
Застывшей на губахъ: какъ будто въ ней
Навѣкъ отпечатлѣлся переходъ
Отъ изумленья къ радости... Рыданья
Раздались вкругъ. О, милые мои!
Какъ мнѣ хотѣлось ихъ обнять, утѣшить,
Сказать имъ, что̀ я пережилъ, но тщетно;
И было мнѣ ихъ жаль...

1876.

XXII.

НАБРОСКИ.

I.

* * *

Опытъ! скажи, чѣмъ гордишься ты? что̀ ты такое?
Ты—плодъ ошибокъ и слезъ, силамъ потраченнымъ счетъ.

Бродитъ вино молодое: не должно броженью мѣшать;
Но и разумный уходъ, крѣпкіе нужны мѣха.

Въ этой толпѣ подъ волшебною силой искусства
Всѣ въ одну душу слились—чистую душу на мигъ,
Но разбредутся, и въ каждомъ проснется опять своя совѣсть,
Въ каждомъ опять заскребетъ въ сердцѣ таящійся гадъ.

Всюду: „что̀ новаго?“ слышишь. Да вдумайся въ старое прежде!
Въ немъ для себя ты найдешь новаго много, повѣрь!

Формы, мой другъ, совершенство—не все еще въ дѣлѣ искусства:
Чистая пусть изнутри свѣтится въ ней мнѣ душа.

Времени мстить предоставь за пороченье, ложь и обиды:
Гайныхъ агентовъ оно въ каждой имѣетъ душѣ.

Другъ мой! Ученые, вѣрь, не такіе, какъ кажутся, боги;
Наше невѣжество—вотъ въ чемъ нерѣдко ихъ сила!

1882—1883.

II.

О, трепещущая птичка,
Пѣснь, рожденная въ слезахъ!
Что̀, неловко, знать, у этихъ
Умныхъ критиковъ въ рукахъ?
Ты бы имъ про солнце пѣла,
А они тебя корятъ,
Отчего подъ ихъ органчикъ
Не выводишь ты руладъ!

1872.

III.

Ты говоришь, у тебя нѣтъ враговъ. Извини, не повѣрю:
Столько ты сдѣлалъ добра! столькимъ помогъ! столькихъ спас
Знай: благодарность для низкой души—нестерпимое бремя.
Ну, а высокихъ-то душъ много ль ты знаешь?.. Сочт

1891.

IV.

Гр. О. А. Голенищевой-Кутузовой.

Жизнь—достиганье совершенства,
И намъ побѣда надъ собой
Едва ль не высшее блаженство
Въ борьбѣ съ ветхозавѣтной тьмой.

1891

V.

Въ чемъ счастье?.. Въ жизненномъ пути,
Куда твой долгъ велитъ итти,
Враговъ не знать, преградъ не мѣрить,
Любить, надѣяться и вѣрить.

XXIII.

О, память сердца! ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной!
Пушкинъ.

I.

ИЗЪ ПИСЬМА.

Мигъ внезапныхъ откровеній,
Мигъ,—когда въ душѣ твоей
Новыхъ чувствъ пробилъ источникъ,
Новый свѣтъ явился въ ней;
Мигъ, когда восторжествуетъ
Ангелъ твой надъ сатаной;
Мигъ святого умиленья
Человѣческой душой, —
Все—лишь мигъ!.. Но съ нимъ зажглася
Надъ тобой еще звѣзда,
И лучомъ своимъ пронижетъ
Всѣ грядущіе года...
Дай Господь такихъ мгновеній
Вамъ, что звѣздъ на небесахъ,
Чтобы радовалось сердце
Въ перекрестныхъ ихъ лучахъ!

1890.

II.

Улыбки и слезы!.. И дождикъ и солнце!
И какъ хороша,
Какъ солнце сквозь этихъ сверкающихъ капель,
Твоя, освѣженная горемъ, душа!

Май, 1889.

III.

О, море! Нѣчто есть слышнѣй тебя, сильнѣй
И глубже, можетъ-быть... Да, скорбь души моей
Желала и ждала тебя—и вотъ я нынѣ
Одинъ въ наполненной тобой однимъ пустынѣ...
Ты—въ гнѣвѣ... Вся душа моя потрясена,
Хоть въ тайномъ ужасѣ есть сладкое томленье,
Чего-то новаго призывъ и откровенье...

Вотъ—темной полосой лазурная волна,
Потряхивая тамъ и сямъ жемчужнымъ гребнемъ,
Идетъ и на берегъ, блестя и грохоча,
Летитъ, и рушится, и съ камнями и щебнемъ
Назадъ сливается, ужъ злобно рокоча,
Сверкая космами быстро бѣгущей пѣны...
И слѣдомъ—новая, и нѣтъ конца ихъ смѣны,
И непрерывенъ блескъ, и непрерывенъ шумъ...
Гляжу и слушаю, и оглушенъ мой умъ,
Безсильный мысль связать, почти не сознавая,
Теряяся въ шуму и въ блескѣ замирая...

О, если бы и ты, о, сердце! ты могло
Дать выбить грохоту тѣхъ волнъ свое-то горе,
Все, что̀ внутри тебя такъ стонетъ тяжело,
Предъ чѣмъ, какъ ни ликуй на всемъ своемъ просторѣ,—
Безсильно и само грохочущее море!..

1887.

IV.

Утрата давняя досель свѣжа въ тебѣ...
Покорность тихая карающей судьбѣ
Горячихъ сердца ранъ въ тебѣ не исцѣлила...
Вездѣ передъ тобой—та бѣдная могила
Съ чугуннымъ крестикомъ, съ невянущимъ вѣнкомъ...
Лучъ даже радости надъ пасмурнымъ челомъ
Нежданно слезы лишь на очи вызываетъ...
Такъ хмурой осенью стоитъ недвиженъ лѣсъ,
И медленно туманъ на листья осѣдаетъ;
Прорвется ль лучъ съ яснѣющихъ небесъ,
Игривый вѣтерокъ вспорхнетъ, его встрѣчая,—
Но съ улыбнувшихся древесъ
Вдругъ капли крупныя посыплются, блистая...

1871.

V.

Гони ихъ прочь, твои мучительныя думы!
Насильно подыми поникшій долу взглядъ!
Дай солнцу проглянуть въ туманъ души угрюмый,
И разорвется онъ, и клочья полетятъ,
Какъ привидѣнія, а съ ними мракъ и горе,
И жизнь въ глаза блеснетъ, подъ золотымъ лучомъ,
Какъ вдругъ открывшееся море
Во всемъ своемъ просторѣ голубомъ!

1890. Буюкъ-дере.

VI.

Такъ!.. Добрымъ дѣломъ былъ отмѣченъ
Твой день сегодня!.. О, блаженъ
Тотъ, чей приходъ враждой былъ встрѣченъ,
Потомъ—въ слезахъ благословенъ!
Ты самъ какъ будто въ новомъ мірѣ,
И новый свѣтъ тебѣ пахнулъ,
И въ сердцѣ—точно струнный гулъ
На только-что умолкшей лирѣ...

1883.

VII.

Внѣ долга—жизни и не зная,
Она несетъ свой крестъ земной,
Для тяжкой ноши почерпая
Лишь въ сердцѣ силу и покой;
Міръ, ею созданный, ревниво
Отъ чуждыхъ взоровъ сторожитъ,
И, что̀ въ душѣ у ней, стыдливо
И отъ себя самой таитъ...
Лишь въ мигъ удара громового,
Или когда подъемъ волны
На берегъ вынесетъ, и снова
Настанетъ радость тишины, —
Такое выскажетъ вдругъ слово,
Такія вскроетъ глубины,
Что въ новость ей и въ изумленье,
Вдругъ просіявшій подъ грозой,
Отъ узъ земного принужденья
Освобожденный—образъ свой...

1890.

VIII.

Туманомъ мимо звѣздъ сребристыхъ проплывая;
И вдругъ какъ дымъ на мѣсяцѣ сквозясь,
Прозрачныхъ облаковъ разрозненная стая
Несется по небу въ полночный тихій часъ...
Въ тотъ тихій часъ, когда стремленій и желаній
Уймется буйный пылъ, и рой воспоминаній

Разрозненныхъ, какъ эти облака,
Богъ вѣсть откуда-то, изъ тьмы, издалека,
Изъ безднъ минувшаго,—видѣнье за видѣньемъ —
Плывутъ передъ моей усталою душой.
Но изъ-за нихъ одна, все озаря собой,
Ты, непорочная, недремнымъ Провидѣньемъ,
Усладою очей сіяешь надо мной
Одна, какъ мѣсяцъ тамъ, на тверди голубой,
Недвижный лишь одинъ надъ этой суетой,
Надъ этимъ облачнымъ, безсмысленнымъ движеньемъ.

1889, декабрь.

XXIV.

ИЗЪ АПОЛЛОДОРА ГНОСТИКА.

I.

Духъ вѣка вашъ кумиръ; а вѣкъ вашъ—краткій мигъ
Кумиры валятся въ забвенье, въ безконечность...
Безумные! ужель вашъ разумъ не постигъ,
Что выше всѣхъ вѣковъ—есть Вѣчность!..

II.

Вѣрю я въ Разумъ и Благость Великаго Духа; зову Его Богомъ;
Въ сонмъ неисчетныхъ духовъ, вызванныхъ Имъ въ бытіе.
Міръ сотворенъ, чтобы имъ, воплощеннымъ, въ пути къ совершенству
Въ срочной борьбѣ съ естествомъ, вящшую силу пріять.

III.

Милыхъ, что̀ умерли,
Образы свѣтлые
Въ сердцѣ своемъ схорони!

Тамъ они—Ангелы—
Будутъ Хранители
Въ жизненныхъ бурнхъ тебѣ!

IV.

Не говори, что нѣтъ спасенья,
Что ты въ печаляхъ изнемогъ:
Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды,
Чѣмъ глубже скорбь, тѣмъ ближе Богъ...

V.

Близится Вѣчная Ночь... Въ страхѣ дрогнуло сердце...
Пристальнѣй сталъ я глядѣть въ тотъ ужасающій мракъ...
Вдругъ въ немъ звѣзда проглянула, за нею другая, и третья,
И наконецъ засіялъ звѣздами весь небосклонъ.
Новая въ каждой изъ нихъ мнѣ краса открывалась всечасно,
Глубже мнѣ въ душу онѣ, глубже я въ нихъ проникалъ...
Въ каждой сказалося слово свое, и на каждое слово,
Съ радостью чувствовалъ я, откликъ въ душѣ моей есть;
Всѣ говорили, что гдѣ-то за ними есть Вѣчное Солнце,
Солнце, котораго свѣтъ—блескъ и красу имъ даетъ...
О, какъ ты блѣдно предъ Нимъ, юныхъ дней моихъ солнце!
Какъ онъ ничтоженъ и пустъ гимнъ, что̀ мы пѣли тебѣ!
1882.

VI.

ЭПИТАФІЯ.

(Списано съ гробницы).

Здѣсь почивающей жребій выпалъ не тотъ, что̀ всѣмъ людямъ.
Да! умерла—и живетъ, и немеркнущій свѣтъ созерцаетъ:
Вѣчно жива—для живыхъ! кто же мертвой ее почитаетъ —
Мертвъ тотъ, поистинѣ, самъ!.. О, земля! что̀ дивишься
Новой еще для тебя этой тѣни? Что̀ значитъ твой страхъ?..
1882.

VII.

Заката тихое сіянье,
Вѣнецъ безоблачнаго дня,—
Не ты ли намъ знаменованье
Иной ступени бытія?..
Взоръ очарованный трепещетъ
Предъ угасаніемъ твоимъ,
Но разгорается и блещетъ
Все ярче звѣздный міръ надъ нимъ...
Земного, бѣднаго сознанья
Угаснутъ блѣдные лучи,—
Но въ наступающей ночи
Лишь перерывъ существованья:
Отъ узъ освобожденный духъ

Первоначальный образъ приметъ,
И съ вѣчныхъ тайнъ предъ нимъ подыметъ
Завѣсу Смерть—какъ старый другъ—
И возвратитъ ему прозрѣнье,
Сквозь всѣ преграды вещества,
Во все духовное въ твореньи,
О чемъ въ тѣлесномъ заключены
Онъ и мечтать дерзалъ едва...

1888.

VIII.

Выше, выше въ поднебесной
Возлетай, о, мой орелъ,
Чтобы міръ земной и тѣсный
Весь изъ глазъ твоихъ ушелъ!

Возносися въ тѣ селенья,
Гдѣ, какъ спящія мечты,
Первообразы творенья
Въ красотѣ ихъ чистоты,—

Въ свѣтлый міръ, гдѣ пребыванье
Душъ, какъ создалъ ихъ Господь,
Душъ, не вѣдавшихъ изгнанья
Въ человѣческую плоть!..

1887.

IX.

Катись, катися надо мной,
Все просвѣщающее Время!
Завѣсу тьмы влеки съ собой,
Что̀ намъ скрываетъ Свѣтъ Святой
И на душѣ лежитъ какъ бремя,—
Чтобы мой духъ, въ земныхъ путяхъ
Свершивъ свое предназначенье,
Могъ воспріять въ иныхъ мірахъ
И высшей Тайны откровенье.

1892.

X.

Поэзія—вѣнецъ познанья,
Надъ зломъ и страстью торжество:
Тебѣ въ ней свѣтъ на все созданье,
Въ ней—Божество!

Ея сіяніе святое
Разъ ощутивъ—навѣкъ забыть
Все мимолетное, земное;
Лишь ею жить;

Одно лишь сознавать блаженство,
Что въ духъ твой глубже все идетъ
И полнота и совершенство
Ея красотъ...

И вотъ ужъ онъ проникнутъ ею...
Остался мигъ—совсѣмъ прозрѣть:—
Тамъ—вновь родиться, слившись съ нею,
Здѣсь—умереть!

1889.

XI.

Пиръ у васъ и ликованья:
Храмъ разбитъ... Но отчего,
Въ блескѣ луннаго сіянья,
Не пройдешь безъ содроганья
Ты предъ остовомъ его?
Отчего же ты, смущенный
Предъ безмолвіемъ небесъ,
Хоть изъ пропасти бездонной,
Силы темной, безымённой
Ждешь явленій и чудесъ?..

1889.

XII.

„Прочь идеалы!“ Грозный кликъ!..
„Конецъ загробной лжи и страху!
Нашъ вѣкъ тѣмъ славенъ и великъ,
Что рубитъ въ корень и со взмаху!
Міръ лишь отъ насъ спасенья ждетъ—
Такъ—безъ пощады! и впередъ!..“
И вотъ, какъ пьяный, какъ съ просонокъ,
Принявъ за истину символъ,
Ты рушить бросился... Ребенокъ!
Игрушку разломалъ, и золъ,
Что ничего въ ней не нашелъ!..
Ты рушишь храмы, рвешь одежды,
Сквернишь алтарь, престолъ, потиръ—
Но развѣ въ нихъ залогъ Надежды,

Любви и Вѣры видитъ міръ?
Онѣ—въ душѣ у насъ, какъ скрытый
Духъ жизни въ сѣмени цвѣтка—
И что̀ тутъ мечъ твой, ржой покрытый,
И дѣтская твоя рука!..

1889.

XIII.

Творца, какъ духа, постиженье,
О, человѣкъ, душой твоей—
Что звѣздъ и солнца отраженье
Въ великомъ зеркалѣ морей!
Ты самъ, пришелецъ въ сей юдоли,
Ты—тоже духъ, созда̀нный Имъ,
И даромъ разума и воли
Стоишь какъ царь надъ всѣмъ земнымъ.
Свободенъ ты—но надъ тобою
Есть судія. Въ дни ветхой тьмы
Онъ налеталъ огнемъ, войною,
Какъ громъ, какъ трусъ, какъ духъ чумы...
Его лица, ни даже тѣни,
Никто изъ смертныхъ не видалъ,
И лишь костями поколѣній
Въ пустынѣ путь его сверкалъ...

Теперь—не то...
Неслышный входитъ. Весь—сіянье.
Съ крестомъ, поправшимъ Смерть и тлѣнъ;
Въ раскрытой книгѣ—начертанье
Святыхъ евангельскихъ письменъ;
Глубокій взоръ по малу свѣтомъ
Охватитъ внутрь всего тебя,
И ты, прозрѣвъ во свѣтѣ этомъ,
Осудишь самъ уже себя,
И самъ почуешь, что въ паденьи
Твоей мятущейся души
Одно ей жизнь и воскресенье—
Его: „иди и не грѣши!“

1889.

XIV.

Изъ бездны Вѣчности, изъ глубины Творенья,
На жгучіе твои запросы и сомнѣнья
Ты, Смертный, требуешь отвѣта въ тотъ же мигъ,
И плачешь, и клянешь ты Небо въ озлобленьи,

Что не отвѣтствуетъ на твой душевный крикъ...
А Небо на тебя съ улыбкою взираетъ,
Какъ на капризнаго ребенка смотритъ мать,
Съ улыбкой—потому, что все, всѣ тайны знаетъ,
И знаетъ, что тебѣ еще ихъ рано знать!

1892.

XV.

Аскетъ! ты нѣкогда въ пустынѣ,
Передъ величьемъ божества,
Изрекъ, восторженный, и нынѣ
Еще не смолкшія слова:
„Жизнь эта—сонъ и сновидѣнье,
Миражъ среди нагихъ песковъ;
Лишь въ смерти—полное забвенье
Всей этой лжи, успокоенье,
Сонъ въ лонѣ Бога—и безъ сновъ“.

Ты правъ, мудрецъ: все въ мірѣ тлѣнье,
Все въ людяхъ ложь... Но что-нибудь
Да есть же въ насъ, что̀ жаждетъ свѣта,
Чему вся ложь противна эта,
Что̀ рвется въ Вѣчность проглянуть...
На всѣ моленья безъ отвѣта,
Я знаю, Время мимо насъ
Несетъ событья, поколѣнья,
Подыметъ насъ въ своемъ стремленьи
И въ бездну броситъ тотъ же часъ;
Я—жертва вплоть и до могилы
Всей этой бѣшеной игры,—
Ничто предъ Разумомъ и Силой,
Въ пространство бросившей міры,—
Но говоритъ мнѣ тайный голосъ,
Что не вотще душа моя
Здѣсь и любила и боролась:
Въ ней есть свое живое я!
И жизнь—не сонъ, не сновидѣнье,
Нѣтъ! это пламенникъ святой,
Мнѣ озарившій на мгновенье
Міръ и небесный и земной,
И смерть—не мигъ уничтоженья
Во мнѣ того живого я,
А новый шагъ и восхожденье
Все къ высшимъ сферамъ бытія!

1893.

XXV.

1854 годъ.

I.

Бывало, уловить изъ жизни мигъ случайный
И въ стихъ его облечь—блаженство для меня!
Меня гармоніи тогда плѣняли тайны,
И самъ своихъ стиховъ заслушивался я.
Я ими тѣшился, ихъ мѣрно повторяя
Украдкой, какъ скупецъ, который по ночамъ,
Червонцы по столу горстьми пересыпая,
Какъ бы невѣдомымъ внимаетъ голосамъ.

Теперь не служитъ стихъ мнѣ праздною забавой.
Онъ рвется изъ души, какъ откликъ боевой
На зовъ торжественный отечественной славы.
Широкій горизонтъ открытъ передо мной.
Рукою вѣрною берусь теперь за лиру,
И, обновленная, привѣтствуетъ она
Намъ новыхъ дней зарю... Ударила война,
Россія вызвана на созерцанье міру,
На судъ Исторіи: міръ гордый да пойметъ,
Что тотъ же мощный духъ и доблесть въ насъ живетъ,
Которыя мы чтить умѣемъ въ иностранцахъ—
Въ защитникахъ Креста, въ римлянахъ и спартанцахъ!

Благодарю Тебя, Творецъ, благодарю,
Что мы не скованы лжемудростію узкой!
Что съ гордостью я всѣмъ сказать могу: я—русскій!
Что пламенемъ однимъ съ Россіей я горю,
Что слезная о ней въ душѣ моей забота,
Что тотъ же мощный вѣтръ расправилъ парусъ мой,
Которымъ движимы неслися подъ грозой
Громады кораблей Нахимовскаго флота!

7 декабря 1854.

II.

ПАМЯТИ ДЕРЖАВИНА.

По полученіи извѣстія о побѣдахъ при Синопѣ и Ахалцыхѣ.

Что̀ слышу? Что̀ сердца волнуетъ?
Что̀ веселится Царскій домъ?..
Опять Россія торжествуетъ!
Опять гремитъ Кагульскій громъ!
Опять временъ Екатерины,
Я слышу, встали исполины...
Но мой восторгъ не полонъ! Нѣтъ!
Нашъ вѣкъ великъ, могучъ и славенъ;
Но гдѣ жъ, Россія, твой Державинъ?
О, гдѣ пѣвецъ твоихъ побѣдъ?
И гдѣ кимвалъ его, литавры,
Которыхъ громъ внималъ весь міръ?..
Неполны воинскіе лавры
Безъ звона неподкупныхъ лиръ!
Кто днесь стихомъ монументальнымъ
Провозвѣститъ потомкамъ дальнымъ,
Что мы все тѣ же, какъ тогда,
И что жива еще въ Россіи
О христіанской Византіи
Великодушная мечта!
Къ тебѣ, Державинъ, какъ въ молитвѣ,
Къ тебѣ зову! Услышь мой гласъ,
Какъ слушалъ бардъ о чудной битвѣ
Простого пахаря разсказъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ жреческій твой голосъ
Умолкнулъ,—много Русь боролась
Со злымъ врагомъ и клеветой.
Въ насъ силъ твоихъ недоставало
Къ нимъ стать лицомъ, поднять забрало
И грянуть рѣчью громовой.
Пора забыть навѣты злые,
Пора и намъ глаза открыть,
И перестать намъ о Россіи
Съ чужого голоса судить.
Пора! Завѣса разорвалась!
Въ насъ сердце Русское сказалось!
Мы прозрѣваемъ наконецъ
Въ самосознаніи народномъ—
Намъ не въ Парижѣ сумасбродномъ,

Не въ дряхлой Вѣнѣ образецъ.
Въ Европѣ слишкомъ много кровью
Сама земля напоена;
Враждой упорной, не любовью
Взростила чадъ своихъ она;
Тамъ человѣка гордый геній
Зрѣлъ средь насильствъ и потрясеній;
Духъ партій злобу тамъ таитъ;
Всѣ живы старыя обиды;
Надъ каждымъ мрачной Немезиды
Тамъ мечъ кровавый тяготитъ.
А мы за нашими царями,
Душою вѣруя Петру,
Какъ за искусными вождями,
Пошли къ величью и добру.
Они одни лишь угадали,
Какая мощь и разумъ спали
Въ богатырѣ земли родной,
Лишь бы монгольскихъ золъ заразу
Съ него стряхнуть и, какъ алмазу,
Дать грань душѣ его младой.
Чѣмъ быть во изумленье міру—
Ему впервой разоблачилъ
Тотъ, кто сложилъ съ себя порфиру
И какъ матросъ и плотникъ жилъ;
За Русь пошелъ страдать, учиться,
Кто восхотѣлъ переродиться,
Чтобъ свой народъ переродить!
Познай, нашъ врагъ хитроугрозный!
Съ ея Царемъ дороги розной
Россіи ввѣкъ не можетъ быть.
И пусть она еще ребенокъ,
Но какъ глядитъ уже умно!
Еще чуть вышла изъ пеленокъ—
Но сколько ею созданò!..
Державинъ! Бардъ нашъ сладкострунный!
Ты возвѣщалъ Россіи юной
Все, чѣмъ великъ здѣсь человѣкъ
Ты для восторга далъ ей клики,
Ты огласилъ ея, великій,
Трудовъ и славы первый вѣкъ!
Востань же днесь и виждь—какъ снова
Родныя плещутъ знамена!
Во славу имени Христова

Кипитъ священная война,
И вновь Россія торжествуетъ!..
Пускай Европа негодуетъ,
Пускай коварствуетъ и лжетъ:
Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья,
Враговъ безсильное шипѣнье
Народный духъ въ насъ не убьетъ!
У насъ есть два врага—мы знаемъ!
Одинъ—завистниковъ вражда:
Не усмиривъ ихъ, не влагаемъ
Меча въ ножны мы никогда,
Другой нашъ врагъ—и врагъ кичливый—
То духъ невѣжества строптивый!..
О, Русь! Ихъ купно поражай!
Однихъ мечомъ, другихъ сатирой,
И бранный мечъ съ правдивой лирой
Единымъ лавромъ обвивай!
Въ ряду героевъ Измаила
Да узрятъ наши имена,
Да знаютъ—съ ними въ насъ одна
Мощь разума и длани сила;
Да глубже мысль намъ ляжетъ въ грудь,
Что нашъ великъ въ грядущемъ путь,—
И тѣнь пѣвца Екатерины
На наше кликнетъ торжество:
„Они все тѣ же исполины
И помнятъ барда своего!“

3 декабря 1853.

III.

ПОСЛАНІЕ ВЪ ЛАГЕРЬ.

Межъ тѣмъ, какъ вы, друзья, въ рядахъ родныхъ полковъ
Идете Божьею грозою на враговъ,
О, какъ хотѣлось бы хоть знакъ подать вамъ, братья,
Чтобъ видѣли вы къ вамъ простертыя объятья,
Чтобъ знали чувства вы, бушующія въ насъ,
Чтобъ мощь оставшихся вся въ васъ перелилась!
Мой стихъ есть тоже мечъ—и съ вашими мечами
Ужели не блеснетъ за Русь онъ подъ грозой?
Ужели можетъ онъ молчать передъ врагами?
Къ вамъ шлю его, друзья, въ вашъ лагерь боевой,
Въ немъ вся моя душа помчится съ вами въ битвѣ.

Я чувствую, что въ немъ есть сила, какъ въ молитвѣ.
Въ немъ блещетъ идеалъ Россіи молодой,
Который свѣтитъ намъ водительной звѣздой,
Тотъ гордый идеалъ, который, окрыляя
Любовію нашъ духъ въ годину горькихъ бѣдъ,
Все осязательнѣй и ярче тридцать лѣтъ
Осуществляется подъ скиптромъ Николая.

(1854).

IV.

О ТОМЪ,
КАКЪ ОТСТАВНОЙ СОЛДАТЪ ПЕРФИЛЬЕВЪ
пошелъ во вторичную службу.

Ну, послушай-ка, старуха,
Да смотри, не поперечь.
Надо мнѣ съ тобой, Мавруха,
Повести отъ сердца рѣчь.
Мы съ тобой пять лѣтъ въ отставкѣ;
Я хотя маленько сѣдъ,
Наведи, однако, справки—
Много ль отъ роду мнѣ лѣтъ?
Оказалось: сорокъ восемь,
То-есть, съ хвостикомъ. Такъ вотъ,
Если жъ мы себя вдругъ спросимъ,
Что годимся ль мы въ походъ?
Такъ, примѣрно. Вѣдь подковку
Мы и нынче разогнемъ.
Встарь, за силу и сноровку,
Слылъ въ полку я молодцомъ.
Самъ великій князь, бывало
(Онъ солдатушекъ любилъ!),
Потѣшался мной не мало
И на счетъ меня шутилъ.
Разъ сказалъ онъ, разсуждая:
„Крѣпостей не нужно намъ —
Вотъ у насъ стѣна живая —
Такъ ли?“—и взглянулъ къ рядамъ.
„Точно такъ!“—я первый грянулъ,
Полкъ за мной, и—до сихъ поръ
Помню—на меня князь глянулъ
И съ усовъ слезу отеръ.
Говорю тебѣ я это

Въ разсужденіи того,
Что для насъ въ такія лѣта
Даже врозь жить ничего!
Вѣдь не вышло бы худого,
Я смекаю про себя,
Если бъ я на службу снова
Отпросился у тебя.
Видишь—что̀ жъ ты испугалась?
У меня всѣ эти дни
Такъ душа растосковалась,
Что хоть вживѣ хорони!
Просто совѣсть не на мѣстѣ,
Какъ пришлось услышать мнѣ
Въ Высочайшемъ манифестѣ
Объявленье о войнѣ.
Войны разныя бываютъ,
Иногда про что идемъ
По начальству только знаютъ,
Намъ и дѣла нѣтъ о томъ.
Нынче жъ—развѣ что медвѣдямъ
Все равно, что есть война.
Обѣги-ка по сосѣдямъ—
Толковня вездѣ одна.
Ишь: полсвѣта на полсвѣта
Поднялися—чья возьметъ?..
Оттого вся штука эта,
Что силёнъ сталъ нашъ народъ.
Гдѣ ни сунутся—Россія!
Гдѣ нюхнутъ—анъ русскій духъ!
„Кто жъ вы, русскіе, такіе?“
Спохватилися всѣ вдругъ.
„Дай-ка, сломимъ ваше царство
Да отгонимъ за Москву!“
То-есть хуже ихъ коварства
Свѣтъ не видѣлъ наяву!
Вотъ теперь и подступаетъ
Къ намъ отвсюду сила ихъ —
Государь и призываетъ
Тутъ, вотъ видишь, отставныхъ.
Отставной-де нюхалъ порохъ,
Ужъ обстрѣленъ, и притомъ
Въ обхожденьи, въ разговорахъ
Не ударитъ въ грязь лицомъ.
Къ явкѣ, знаешь, нѣтъ приказу, —

А ужъ лучше бы приказъ!
Зналъ по крайности бы сразу,
Поняла бъ и ты тотчасъ.
Безъ того жъ выходитъ дурно!
Ночью—чуть вздремну слегка—
Снится—вотъ идетъ дежурный
И толкаетъ подъ бока.
„Эй,—кричитъ онъ,—бьютъ тревогу!“
И вскочу я, какъ шальной;
Жилки всѣ дрожатъ, ей-Богу,
Лобъ въ поту... ну, самъ не свой!
Я и такъ и сякъ метался—
Тотъ же сонъ опять. Побрелъ,
Объ товарищахъ справлялся—
Тотъ ушелъ, и тотъ ушелъ.
И гляди жъ, что̀ тутъ случится:
Всѣ сберутся наконецъ
Въ Петербургъ. Тутъ смотръ. Явиться,
Значитъ, надо во дворецъ.
Государь въ лицо всѣхъ знаетъ—
И когда къ нему придутъ,
Всѣхъ вѣдь вспомнитъ, обласкаетъ,
Спроситъ вдругъ—Перфильевъ, тутъ?!
Что̀?—Вѣдь дыбомъ станетъ волосъ,
Какъ дадутъ одинъ отвѣтъ,
Такъ, во весь солдатскій голосъ,
Разомъ хватятъ—„никакъ нѣтъ“.
Въ цѣломъ свѣтѣ гласно будетъ
Государево словцо.
„Гдѣ жъ онъ?—всякій тутъ засудитъ:—
Какъ же онъ не налицо?
Али въ немъ пропала сила?
Али—чтобъ нелегкій взялъ,
Скажутъ—„баба не пустила,
Или самъ онъ бабой сталъ?“
Показать нельзя вѣдь рожи
Къ добрымъ людямъ... А потомъ,
Какъ къ угодникамъ въ храмъ Божій
Я пойду съ такимъ стыдомъ?
Всю вѣдь жизнь обезобразимъ;
Здѣсь—ужъ чести намъ не ждать,
А умру—съ великимъ княземъ
Встрѣчи тамъ не миновать.
„Такъ-то, братецъ,—скажетъ строго:—

Ты домкомъ сталъ поживать,
Такъ забылъ свой долгъ и Бога,
И своихъ сталъ выдавать —
Я такихъ, ступай, не знаю!“
То-есть, какъ ни кину я,
Къ одному все натрафляю —
Что остаться мнѣ нельзя.
Что̀ я?.. Бьюсь какъ рыба о̀бъ-ледъ!
Придираюся къ другимъ,
Въ сердцѣ—точно кошки ско̀блятъ:
Такъ и тянетъ все къ своимъ!
Ты меня, Мавруша, любишь,
Но въ увѣренности будь,—
Не отпустишь, такъ погубишь:
Выйдетъ грѣхъ какой-нибудь!..
Подойди жъ ко мнѣ. Дай ручки...
Ручка въ ручку посидимъ...
Плачутъ очи, плачутъ тучки,
Суждено, знать, плакать имъ!
Да вѣдь слушать слезъ нельзя же!
Не совѣтчицы онѣ!
Я вѣдь, видишь, парень ражій,
Грудь въ крестахъ, бывалъ въ огнѣ,—
А поди, куды какъ жутко
Васъ оставить! Сыновья
Малы, глупы; дочь-малютка;
Въ нихъ души не чаю я...
Иногда себя поймаешь—
Какъ дитя шалю, старикъ...
Не разстался бъ, понимаешь,
Съ вами просто ни на мигъ—
Да нельзя! Пора такая!
Руки надобны Царю!
Всякій будь на мѣстѣ, зная
Каждый долгъ и честь свою.
Такъ ли?.. Ну, и ты вѣдь тоже
Службу знать свою должна;
Первымъ дѣломъ мы въ храмъ Божій
Сей же часъ пойдемъ, жена.
Дважды смерть не приключится,
А одной не миновать.
Такъ живи, чтобъ тамъ явиться
Какъ на смотръ, безъ фальши стать.
Наипаче помни строго,

Что ты первое—есть мать.
Научай дѣтей чтить Бога,
Насъ и старшихъ уважать.
Сѣчь—такъ рѣдко, да ужъ мѣтко!
А и думать не моги
Поминутно, какъ сосѣдка,
Имъ давать тычки, пинки.
Если я паду въ сражены
(Я жъ не дамся, какъ дуракъ!),
Говори имъ въ поученье,
Что отецъ молъ—такъ и такъ...
Понимаешь?.. Ну, да будетъ
Воля Божья!.. Маршъ въ походъ!
Васъ начальство не забудетъ,
Есть приказъ на этотъ счетъ.
И постой, годокъ ли, два ли,
Какъ въ порядокъ все войдетъ,
Жизнь безъ горя и печали
То-есть, вотъ какъ потечетъ!
Выходи тогда съ поклономъ,
Какъ полки пойдутъ къ домамъ,
И встрѣчать съ церковнымъ звономъ
Будутъ насъ по городамъ:
Пѣсни, музыка, веселье!
Зададимъ тогда мы пиръ,
Такъ—что мѣсяцъ отъ похмелья
Не очувствуется міръ!
Такъ ли? Разсмѣялась, баба!
Ну, такъ къ дѣлу поскорѣй—
Пироговъ пеки живѣй,
Чтобъ хватило ихъ до штаба,
До казенныхъ сухарей!
(1854).

V.

ПАСТУХЪ.

Охъ, дорога ль моя, ты дороженька!
Ты меня на добрый путь наставила,
Дурака меня оболванила,
Добрымъ молодцемъ въ люди вывела.
Какъ я былъ еще младъ-младешенекъ,
А потомъ какъ былъ и на возрастѣ,

Нерадивый былъ, непонятливый.
Возьмусь за̀ соху—полоса крива,
Возьмусь за̀ косу—изъ рукъ валится.
Только пѣсни пѣть умѣлъ дѣвкамъ я,
Да разжалобить хмель кабацкую
Въ старикахъ умѣлъ я по праздникамъ.
Долго ждалъ-глядѣлъ и грозилъ отецъ,
Да и грянулъ вдругъ что̀ по небу громъ,
И, что̀ гулъ въ бору, мать поддакнула.
Отобрали мой новый синь-кафтанъ,
Шляпу съ пряжкою, поясъ шелковый,
Дали въ руки кнутъ да дырявъ-зипунъ,
Въ пастухи меня, дурня, отдали.
И пастухъ-то я нерадивый былъ:
Пасъ въ лѣсу сперва—да соскучился,
Сталъ въ луга гонять—закручинился,
Норовилъ потомъ на дороженьку
На проѣзжую, на шоссейную.
Охъ, дорога ль моя, ты дороженька!
Какъ пришло тебѣ твое времечко,
Не дорогой ты, стала улицей.
Разлетѣлися галки, во̀роны,
По березничку въ сторонѣ сидятъ:
Сѣрый заинька въ кустикъ спрятался,
Приложилъ ушки, самъ дрожитъ какъ листъ;
Господа ль катятъ, шестерикъ валитъ,—
Въ сторонѣ и тѣ дожидаются;
Тройка ль бойкая несетъ купчика,
Пьянъ ямщикъ стоитъ, гонитъ что̀ есть силъ—
Да и ты, купецъ, поворачивай:
Ровно птицы снуютъ все фельдъегери.
Только утро-свѣтъ замерещится,
Ужъ скрипучъ обозъ безъ конца ползетъ,
Все добро везутъ, кладь казенную.
Вслѣдъ полки идутъ,—ѣдетъ конница,
Кони фыркаютъ, сабли звякаютъ,
Усачи сидятъ, подбоченились,
Говорятъ-шумятъ добры-мо̀лодцы,
Пастуха корятъ рохлей-увальнемъ,
Дураку кричатъ: „на кобылу сядь,
Сядь на пѣгую, да лицомъ къ хвосту,
Мы съ собой возьмемъ, прямо въ вахмистры!“
А потомъ идетъ артиллерія;
Пушки мѣдныя, все сердитыя,

Фуры крашены съ сизымъ порохомъ;
Офицеръ идетъ хоть молоденькій,
Только быстрый взглядъ, носикъ вздернутый.
Пастуха опять дразнятъ молодцы,
Дурака корятъ рохлей-увальнемъ
И съ собой зовутъ позабавиться:
„Эй, деревня, слышь! Зубки бѣличьи!
Погрызи, поди, всласть и досыта—
У насъ фуры вонъ все съ орѣшками,
Все съ орѣшками, все съ чугунными".
Имъ пѣхота вслѣдъ: впередъ музыка,
Съ запѣвалами, съ пляской, съ гиканьемъ;
Ружья—что твой лѣсъ! Каски мѣдныя,
Полы загнуты, сапоги въ пыли:
Идутъ—стонетъ долъ! Чуешь—сила валитъ.
Проучила меня зѣвать конница,
Проучила глазѣть артиллерія:
Ужъ пѣхотѣ я въ поясъ кланялся,
Съ головы скидалъ шапку старую,
Заслужилъ пастухъ слово доброе.
Бралъ я удали, заговаривалъ,
Провожалъ солдатъ семь и восемь верстъ;
Разузналъ отъ нихъ, на чемъ свѣтъ стоитъ,
Сколько въ свѣтѣ есть городовъ и селъ,
И которые христіанскіе,
И которые басурманскіе;
Какъ задумали злые нехристи,
Полонить пришли землю Русскую,
Наругаться пришли надъ иконами,
Обижать пришли Царя Бѣлаго;
Да легко сказать, надо съ бою взять,
А на то пошло—такъ не выдадимъ:
Съ нами Богъ и Царь, дѣло правое.

Охъ, дорога ль моя, ты дороженька!
Ты недолго была битой улицей,
И прошло твое красно времечко,
Поосѣла пыль, позатихла молвь,
Тишина легла безотвѣтная.
Пріосмѣлился заяцъ, выглянулъ
На дороженьку, сталъ осинку драть;
Галки, вороны почали скакать,
И одинъ пастухъ одинешенекъ,
При дороженькѣ сиротинушка;

Онъ стоитъ—глядитъ въ дальню сторону:
Словно всѣхъ родныхъ проводилъ съ двора,
Проводилъ на пиръ, самъ не прошенъ былъ.
И брала его тоска лютая,
И привидѣлся небывалый сонъ.
Словно буря идетъ, съ громомъ, съ молніей;
Съ трескомъ небо, гляжу, разорвалося,
И въ сіяньи стоитъ высока жена
Красоты въ очахъ неописанной.
Громкимъ голосомъ на всѣ стороны
Говоритъ она, мать дѣтей зоветъ:
„Подымайтеся, дѣтки милыя!
Обижаютъ меня, охъ, соколики!“
И по слову ея, что ковыль-трава
Колыхается, подымается
Съ четырехъ сторонъ рать великая;
И что лебеди по зарѣ кричатъ,
По поморью кричатъ камышовому,
Дѣтки матери откликаются:
„Слышимъ, матушка! Не бойсь, выручимъ!“
И отколь возьмись, бѣлый конь летитъ,
На меня пахнулъ изъ ноздрей огнемъ;
И схватилъ коня я за гривоньку,
На коня вскочилъ храбрымъ витяземъ—
И на мнѣ доспѣхъ—воронёна сталь,
Полетѣлъ какъ вихрь, засверкалъ мечомъ,
И откликнулся звонкимъ голосомъ,
Какъ откликнулись храбры полчища:
„Слышимъ, матушка! Не бойсь, выручимъ!“

А какъ крикнулъ я, то и сонъ пропалъ,
И вскочилъ, гляжу—а и нѣтъ коня,
Не доспѣхъ на мнѣ, а дырявъ-зипунъ,
Не булатъ въ рукѣ, пастуховскій кнутъ.
И швырнулъ я кнутъ, залился слезьми,
На-земь ринулся, рвалъ сыру-траву.
Въ сердцѣ зла-тоска пуще прежняго.
„Али хуже я да честныхъ людей?
Аль что плохъ пастухъ—такъ нѣтъ удали?
Да хоть пѣсни пѣть молодецкія
Пригожуся я, какъ пойдутъ на бой!..“
Трое сутокъ я пропадалъ съ села,
Трое сутокъ я не гонялъ коровъ.
На четвертыя поздно вечеромъ

Я пришелъ съ степи къ отцу, къ матери,
До земли челомъ поклонился имъ,
Заклиналъ забыть гнѣвъ родительскій,
Что я самъ нашелъ свою долюшку
Безъ отцовскаго позволенія.
Грѣхъ съ души сними, родна матушка,
Отпусти вину, родной батюшка—
Сплю и вижу я—мнѣ въ походъ итти.
Испужалася родна матушка,
Почала корить, горьки слезы лить.
Сердце рвалося, да не сдалося!
Что надумалось во сыромъ бору,
Что подъ благовѣстъ намолилося
(Самъ дивлюсь теперь, отколь рѣчь взялась),
Пошелъ сказывать, перепархивать
Сперва птенчикомъ низко по-земи,
А потомъ пошелъ что орелъ гулять,
Что въ своей водѣ рыба вольная.
Все ей выложилъ: разсуди сама,
Коль губить—губи! Въ пастухахъ держи,
Лыко драть, лапти плесть, да коровъ гонять!
Молча слушалъ отецъ, на печи лежалъ;
А и вижу, съ печи опускается,
Сѣдъ, какъ лунь, старикъ, прямо къ образу,
На колѣни палъ: замолчала мать.
Былъ грозёнъ-умёнъ родной батюшка.
„Не кори,—сказалъ:—не вопи, жена.
Не по глупости говоритъ дитя,
Онъ добро сказалъ, и добру быть такъ!
Ты зажги свѣчу передъ образомъ,
Осѣни дитя, какъ быть слѣдуетъ,
Нерушимымъ ввѣкъ крестнымъ знаменьемъ:
Самъ свезу чуть свѣтъ и сдамъ въ рекруты“.

Просбирала мать во всю ночь меня,
Просидѣлъ отецъ до зари со мной.
Съ солнцемъ впрягъ коней, словно къ празднику,
Съ расписной дугой, сбруя съ бляхами.
Дѣвки, молодцы всѣ сбѣжалися,
Какъ съ роднымъ, со мной попрощалися.
Гордой поступью вышелъ батюшка:
Шапки снялъ народъ, разступилися.
Помолясь еще, тронулъ вожжи онъ—
Кони взвилися, люди ахнули,

Завопила мать, наземь грянулась,
Подхватили ее люди добрые.
Понеслись мимо насъ избы съ клѣтями,
Зелены луга, ходуны-мосты,
Съ громомъ въѣхали мы въ губернію.
Тутъ и жизнь моя пошла сызнова.

Охъ, дорога ль моя, ты дороженька!
Не видалъ я, гдѣ ты начинаешься,
А ужъ знаю теперь, гдѣ кончаешься.
Привела меня ты, дороженька,
Къ славну-городу, къ Севастополю—
Отстоять его, коли Богъ судилъ,
Или лечь костьми во честномъ бою.

1854.

VI.

МОЛИТВА.

Шла туча съ запада, другая отъ востока.
Сошлись, ударились: гремитъ въ раскатахъ громъ,
И свищетъ молнія—и на землѣ кругомъ
И звѣрь и человѣкъ замолкъ въ тоскѣ глубокой.
Лишь пастырь душъ одинъ, грозою осіянъ,
Подъемлетъ длань къ тому, кто властвуетъ вселенной,
Колеблетъ твердь земли и движетъ океанъ.
Одинъ онъ, мудростью библейской просвѣтленный,
Смиренно молится: да судъ свершится Твой,
И міръ, десницею Твоею обновленный,
Возблещетъ радостнѣй! Твоя намъ скрыта цѣль,
Но благъ еси, Господь! Долинамъ шлешь Ты грозы—
Да утучняются! Даешь Ты людямъ слезы—
Да перстъ познаютъ Твой! Кровавую купель
Народамъ—да ярмо грѣховное съ нихъ канетъ,
И новый человѣкъ изъ стараго возстанетъ!

(1854).

VII.

КОЛЯСКА.

Когда по улицѣ, въ откинутой коляскѣ,
Передъ безпечною толпою ѣдетъ онъ,
Въ походный плащъ одѣтъ, въ солдатской мѣдной каскѣ,

Спокойно-грустенъ, строгъ и въ думу погруженъ,—
Въ немъ виденъ каждый мигъ державный повелитель,
И вождь, и судія, Россіи промыслитель
И первый труженикъ народа своего.
Съ благоговѣніемъ гляжу я на него,
И грустно думать мнѣ, что мрачное величье
Въ его есть жребіи: ни чувствъ ни думъ его
Не пощадилъ нашъ вѣкъ клеветъ и злоязычья!
И рвется вся душа во мнѣ ему сказать
Предъ сонмищемъ его хулителей смущеннымъ:
„Великій человѣкъ! Прости слѣпорожденнымъ!
Тебя потомство лишь сумѣетъ разгадать,
Когда исторія предъ міромъ изумленнымъ
Плодъ слезныхъ думъ твоихъ о Руси обнажитъ
И, сдернувъ съ истины завѣсу лжи печальной,
Въ ряду земныхъ царей твой образъ колоссальный
На поклоненіе народамъ водрузитъ“.

Марта 5, 1854.

VIII.

МОСКВѢ.

(Въ день столѣтія Московскаго университета).

Давно цари Россіи новой,
Оставивъ стольный градъ Москвы,
Въ равнинахъ Ингріи суровой
Разбили лагерь у Невы;
Но духомъ ты, Москва, не пала
И, древнею блестя красой,
Ты никогда не перестала
Быть царства нашего душой.
Твой духъ въ одно его скрѣпляетъ.
Любовь къ отчизнѣ, какъ струя,
Отъ сердца къ сердцу пробѣгаетъ
По цѣлой Руси изъ Кремля.
Но ту любовь, съ которой дикой
Пустыню любитъ,—ты слила
Съ огнемъ науки и великой
О Руси мыслью облекла.
Связавъ минувшее съ грядущимъ,
Забвенье съ предковъ ты сняла,
И поколѣньямъ нынѣ сущимъ

Ты мысль отечества дала.
Оно—въ той вѣрѣ величавой,
Что Русь живетъ въ моей груди:
Что есть за мной ужъ много славы,
И больше будетъ впереди,
Что въ долѣ темной или громкой
Полезенъ родинѣ мой трудъ,
И что дѣла мои потомки
Благословятъ иль проклянутъ...
Москва! Въ слезахъ подъемлю руки
Къ тебѣ, какъ къ матери дитя,
Въ день драгоцѣнный для науки,
Въ день присно-славный для тебя!
О, пусть кричатъ трибуны злые—
Мы вѣримъ сердцу своему—
Жива Москва—сильна Россія,
И Божій свѣтъ разсѣетъ тьму!

(1854).

Оглавленіе.

I ТОМА.

стр.

А. Н. Майковъ. Критико-біографическій очеркъ *П. В. Быкова.* III—XLVII

стр.

Посвященіе 1

I. Въ антологическомъ родѣ.

Октава 2
Раздумье . . . . . —
Сонъ. 3
„Вхожу съ смущеніемъ...“ . . . —
Картина вечера. 4
Воспоминаніе . . . . . —
Гезіодъ. . . . . —
Эхо и молчаніе. 5
„Я въ гротѣ ждалъ тебя...“ . . —
Пустыннику 6
Призывъ . . . . . —
Пріапу 7
„На мысѣ семъ дикомъ...“ . . . —
„Все думу тайную въ душѣ“ —
Овидій 8
Искусство . . . . . —
„Муза, богиня Олимпа...“ . . . 9
Вакханка . . . . . —
Горный ключъ 10
Эпитафія . . . . . —
Орелъ 11
Мысль поэта . . . . . —
Вакхъ . . . . . —
Зимнее утро 12
Дума. 13
Сомнѣніе . . . . . —
Плющъ. 14
Прощаніе съ деревней . . . . —
Свирѣль 15
„Я знаю, отчего...“. . . . . —

стр.

Горы. 16
Діонея . . . . . —
На памятникѣ . . . . . —
„Дитя мое, ужъ нѣтъ...“ . . . —
„Пусть полудикіе скиѳы...“ . 17
Черепъ . . . . . —
Поэзія 18
„Свершай служенье музъ...“ . —
Барельефъ. . . . . —
Scholia. 19
„Внимаю ль я порой словамъ“ —
Тайна 20
Превращеніе. . . . . —
Евгеніи Петровнѣ Майковой . 21
Чудный вѣкъ. . . . . —
„Туда, гдѣ море спитъ у скалъ“ 22
Венера Медицейская. . . . 23
Радость. 25
Измѣна. . . . . —
Доридѣ 27
Магдалина. . . . . —
Слава 28
Пѣвцу . . . . . —
Конецъ міра. 29
Мысль 30
Заря. 31
Два моря . . . . . —
Видѣніе. 33
Перерожденіе . . . . . —
Минутная мысль 34
Предсказаніе. . . . . —
Испытаніе. . . . . —
Дикарка 35
„Полно притворяться...“ . . . 36
Встрѣча . . . . . —

стр.

II. Подражанія древнимъ.

Сафо.

„Зачѣмъ вѣнкомъ изъ листьевъ“ 38
„Звѣзда божественной“ . . —

Анакреонъ.

„Пусть гордится старый дѣдъ...“ 39

Проперцій.

Туллу . . . . . —
Цинтіи 40

Горацій.

„Скажи мнѣ: чей челнокъ...“ . 41
„Легче лани юной ты...“ . . —

Марціалъ.

„Если ты хочешь прожить...“ . 42

Овидій.

Посланіе съ Понта. . . . . —

Эпикурейскія пѣсни.

„Мирта Киприды мнѣ дай...“ . 43
„Блеститъ чертогъ...“. . . . 44
„Остроумица, плясунья...“ . . —

III. Изъ восточнаго міра.

Еврейскія пѣсни:

„Торжественъ, свѣтелъ и румянъ“ 46
„Колыбель моя качалась..“ . 47
Молитва бедуина . . . . . —
Вертоградъ 48
Единое благо. . . . . —
Ангелъ и демонъ 49

IV. Элегіи.

Исповѣдь 50
„О чемъ, въ тиши ночей...“ . —
„Зачѣмъ, средь общаго волненія“ —
Жизнь 51
Безвѣтріе 52
Мраморный фавнъ. 53
Призваніе. 54
Лунная ночь 56
„Отвергла гордая мой чистый“ 57
„Не назову ея богиней...“ . . —
„Въ груди моей кипитъ...“ . . 58
Кладбище . . . . . —
„Намъ каждый день приходится“ 60
„Для чего, природа...“ . . . 61
„Все вокругъ меня...“ . . . —

V. Очерки Рима.

На пути 63
Campagna di Roma . . . . . —
„Ахъ, чудное небо...“ 65
Amoroso 66
Послѣ посѣщенія . . . . . —

стр.

„На дальнемъ сѣверѣ моемъ...“ 67
Нищій 68
Капуцинъ 69
Въ остеріи . . . . . —
Fortunata 70
Нимфа Эгерія 71
Тиволи 72
„Скажи мнѣ, ты любилъ...“ . 73
Художникъ 74
Fiorina . . . . . —
Двойникъ 75
Lorenzo. . . . . —
„Все утро въ поискахъ...“ . . 76
Газета 77
Антики 78
Игры. 79
„Сижу задумчиво...“ 80
Древній Римъ . . . . . —
Palazzo. 82
Скульптору 83
Анахоретъ. 84
„Думалъ я, что небо...“ . . 85
„Люблю въ тебѣ веселье...“ . . 86

Отрывки изъ „Дневника въ Римѣ“:

Двулицый Янусъ . . . . . —
„Во мнѣ сражаются...“ . . . 89

VI. Житейскія думы.

Послѣ бала 90
Утопистъ . . . . . —
„Передъ твоей душой...“ . . 91
„Боишься ты прослыть...“ . . 92
Весенній бредъ . . . . . —
Арлекинъ 96
„Уйди отъ насъ...“. 103
„Надъ прахомъ генія свершать“ —
На смерть М. И. Глинки . . 104
Эоловы арфы. . . . . —
„Какъ чудныхъ странниковъ...“ 105
„Когда, гонимъ тоской...“ . . 106
Филантропы . . . . . —
Мать и дочь . . . . . —
Старый хламъ 108
Онъ и она. 110
Приданое 112
Другу Ильѣ Ильичу 113
Празднословы 115

VII. Фантазіи.

Розы. 117
Размѣнъ . . . . . —
Вихрь 118
Пери. 120

стр.
Допотопная кость 121
Импровизація . . . . . —
Сонъ въ лѣтнюю ночь . . . 123
Пери и Азраилъ 124
„Долинъ Евфратовыхъ...“ . . 125
Два гроба . . . . . —
„На бѣлой отмели...“ . . . 126

VIII. Камеи.

У храма 127
Анакреонъ 128
Юношамъ . . . . . —
Анакреонъ скульптору . . . 129
Алкивіадъ 130
Аспазія. 132
Преторъ 133
Аркадскій селянинъ . . . . —

IX. Посланія.

В. А. Солоницыну 135
В. Г. Бенедиктову 137
П. М. Цейдлеру. 140
Я. П. Полонскому:
„Твой стихъ, красой...“ . . —
„Полонскій! Суждено опять..“ 141
П. А. Плетневу 143
М. Л. Михайлову . . . . . —
И. А. Гончарову 144
„Въ нашъ городъ слухъ прошелъ“ —
Е. А. Шеншиной 145
Л. П. Шелгуновой . . . . . —
Въ альбомъ Л. П. Шелгуновой 146
Генералъ-лейтенанту Хрулеву —
Именинницѣ 147

X. На волѣ.

Весна 149
„Весна! Выставляется первая“. —
„Боже мой! Вчера—ненастье“ —
„Поле зыблется цвѣтами“ . . 150
Подъ дождемъ . . . . . —
Звуки ночи 151
Утро (Преданіе о виллисахъ). —
Въ лѣсу 152
„Маститые, вѣтвистые дубы“. —
Голосъ въ лѣсу. . . . . —
„По лѣсамъ, еще прозрачнымъ“ 153
„Вотъ бѣдная чья-то могила“. —
Журавли 154
Облачка . . . . . —
Болото . . . . . —
Панъ 155
Пейзажъ 157
Ласточки 158
„Осенніе листья по вѣтру...“ . 159
Осень. . . . . —
„И городъ вотъ опять!“ . . . 160
Мечтанія 161
„Жизнь еще передо мною...“ . —

XI. Изъ дневника.

Первый поцѣлуй 162
„Зачѣмъ, шутя неосторожно...“ —
„Еще я полнъ, о, другъ мой“. 163
„Люблю, если, тихо къ плечу“. —
„Истомленная горемъ...“ . . —
„Порывы нѣжности обуздывать“ —
„Точно голубь свѣтлою весною“ 164

XII. Дочери.

„Новая свѣтлая звѣздочка“ . 165
„Она еще едва умѣетъ...“ . . —
„Эти дѣтскіе глазки“. . . . —
„Не можетъ быть!..“ . . . . —
„Вотъ ужъ и гробъ!.. и она...“ 166

XIII. Изъ странствованій.

„Люблю надъ Рейномъ я“ . . 167
На берегахъ Нормандіи . . . . —
„О, вѣчно-ропщущій угрюмый“ 168
Альпійскіе ледники . . . . —
Альпійская дорога. 169
„Все—серебряное небо!“ . . . —
„Здѣсь весна...“. 170

XIV. Неаполитанскій альбомъ.

(Миссъ Мери. 1858—1859).

Донъ-Пеппино 171
„Боже мой, какая нѣга“ . . 172
„Вотъ смотрите, о, миссъ Мери“ —
Къ миссъ Мери 174
„Весь Неаполь залитъ газомъ“ 175
„Я люблю въ Café d'Europa“ . —
„Какое утро! Стихли громы“. 176
Къ миссъ Мери. . . . . —
„Князь NN. и графъ...“. . . 177
„Въ темный храмъ одинъ...“ . —
„Вотъ съ рѣзной каѳедры“ . 178
„Ахъ, межъ тѣмъ какъ вы...“. —
„Золотой архіепископъ“. . . 179
Народная пѣсня 180
Еще изъ народной пѣсни . . —
„Что за шумъ и крикъ?“ . . —
„Вы повсюду, о, миссъ Мери!“ 181
Два карлина 182
Тарантелла 183

стр.
Lacrymae Christi 185
„Все ты бредишь англичанкой“ 188
„Всѣмъ ты жалуешься вѣчно“ —
„Фердинандъ король былъ...“ . —
„Внѣ ограды Campo Santo“ . 189
„Миссъ, не бойтесь...“ . . . —
„Д-Пеппино русской бредитъ“ 190
„Пульчинель вскочилъ...“ . . —
„Мнѣ Неаполь опротивѣлъ“ . 191
„Душно! Иль опять сирокко?“ —
„Говорятъ, со всѣхъ соборовъ“ —
„Блеститъ салонъ княгини...“ . 192
„Народный вождь вступаетъ“. —

XV. Дома.

Мать. 193
Весна 194
Вербная недѣля 195
Лѣтній дождь . . . . . —
Сѣнокосъ . . . . . —
Ночь на жнитвѣ 196
Въ степяхъ:
Ночная гроза 197
Разсвѣтъ . . . . . —
Мой взглядъ теряется . . . 198
Полдень . . . . . —
Стрибожьи внуки . . . . . —
Нива. 199
„Дорогъ мнѣ передъ иконой“. 200
Воробьевы горы 201

XVI. Страны и народы.

„Сидѣли старцы Иліона“ . . 203
Платона единственные 2 стиха. —
Изъ Сафо 204
Рыцарь. Изъ Bertrand de Born —
Изъ Петрарки 205
Мадонна . . . . . —
Миньона. Изъ Гёте 206
Изъ Гёте . . . . . —
Лилли. Изъ Гёте. 1—2 . . . 207
Изъ Андрея Шенье 208
Борьба. Изъ Шиллера . . . —
Изъ Гафиза 209
Изъ испанской антологіи:
„Эти черные два глаза...“ . . 210
„Противъ глазъ твоихъ...“ . . —
„Я—король. Ты—королева“ . —
„Эти очи—свѣтъ со тьмою“ . —
„Холодный, смертн. приговоръ“ 211
„Въ тихой думѣ на кладбищѣ“. —
Изъ турецкой антологіи:
„Длинные кудри твои“ . . . —
„На мигъ упалъ съ лица“ . . 211
„Я сказалъ ей: дай твои“ . . —
Бѣлорусскія пѣсни:
Петрусь 212
„Ой, сынки мои, соколы мои“. 214
„На Руси былъ черный богъ“ —
„Ой, коли бъ, коли...“ . . . 215
„Ой, катилася заря“ . . . . —
„При дорогѣ, при широкой“ . —
„Не сѣки ты, батюшка“. . . 216
Сонъ негра. Изъ Лонгфелло. . 217
Купальщицы 218
Изъ Крымскихъ сонетовъ:
Аккерманскія степи 219
Байдарская долина . . . . —
Алушта днемъ 220
Разрушеніе Іерусалима . . . —
Валкиріи 221
Черногорецъ 222
Цезарь . . . . . —
Италія 223
Мститель. Скандин. баллада . 225
Грузинкѣ 227

XVII. Переводы и варіаціи.

Гейне.
Прологъ 228
„Пора, пора за умъ мнѣ взяться“ —
„Сердце, сердце! что̀ ты...“ . 229
„Осенняго мѣсяца обликъ“. . —
„Не теряй, мой другъ, терпѣнья“ 230
„Много слышалъ добрыхъ...“ . —
На морѣ . . . . . —
„Осердившись, кастраты...“ . 231
„Ну, время!..“ . . . . . —
„Плачу я, въ лѣсу блуждая“ . 232
„Сіялъ одинъ мнѣ въ жизни“ —
„Я вглядываюсь жадно...“ . . 233
„Одинокая слезка“. . . . . —
„Въ толпѣ опять я слышу“ . —
„Что̀ за милый это мальчикъ!“ 234
„Мнѣ снилось: на рынкѣ...“ . —
„Меня ты не смутила“ . . . 235
„Ее въ грязи онъ подобралъ“. —
Невольникъ. 236
„На мольбы мои упорно“. . . —
Лилія 237
Чайльдъ Гарольдъ . . . . . —
„Ночи теплый мракъ гвоздики“ 238
„Онъ ужъ снился мнѣ когда-то“ —
„Чуднымъ звукомъ даже ночи“ —
Король Гаральдъ. 239
Али-Бей 240
„Ты вся въ жемчугахъ...“ . . 241

стр.
„Изъ моей великой скорби...“. 241
„Посмотри: во всемъ доспѣхѣ...“ —
„Ты быстро шла...“ 242
Весною . . . . . —
На горахъ Гарца 243
Романъ въ 5 стихотвореніяхъ. 244
Старые знакомые 245
„Они о любви говорили...“. . 246
„Сколько яду въ этихъ пѣсняхъ!“ 247
„Краса моя, рыбачка...“ . . —
Лорелея . . . . . —
Auf Flügeln des Gesanges. . 248
„Нежданной молніей...“. . . 249
„Конецъ! опущена завѣса!“ . —
Принцесса Шабашъ 250

XVIII. Excelsior.

„Въ юдоли плача и порока...“ 254
„О, мысль!.. Изъ урны роковой...“ 255
„О, царство вѣчной юности...“ —
„Чужой для всѣхъ...“ . . . 256
Пустынникъ . . . . . —
Ваятелю . . . . . —
Excelsior (Изъ Лонгфелло). . 257
„Куда бъ ни шелъ шумящій“ 258
„Бѣлые лебеди, вѣстники...“ . 259
„Зачѣмъ предвѣчныхъ тайнъ...“ —
„Вдохновенье—дуновенье...“ . —
Художнику 260
„Есть мысли тайныя...“. . . —
„Возвышенная мысль...“ . . —
„Оконченъ трудъ...“ 261
Къ художнику . . . . . —
„Не отставай отъ вѣка...“ . . —
Перечитывая Пушкина . . . 262
„Мы выросли въ суровой школѣ“ —
Гр. А. А. Голенищеву-Кутузову. —
Е. И. В. Великому Князю Константину Константиновичу . 263
К. Р. . . . . —
Отвѣтъ (К. А. Дворжицкому) . 264
Отвѣтъ (Вл. П. Лебедеву) . . —
„Мысль поэтическая—нѣтъ!..“ 265
„Воплощенная, святая...“ . . —
„Вчера—и въ самый мигъ...“. 266
„Изъ темныхъ доловъ этихъ...“. —
З. и А. 267
„Оставь, оставь!..“ 268
Моему издателю . . . . . —

XIX. Акварели.

Айвазовскому 269
Мертвая зыбь . . . . . —
„Надъ необъятною пустыней...“ 270
Денница 270
Олимпійскія игры . . . . . —
Жанна д'Аркъ 271
Renaissance . . . . . —
Гроза 272
„Ужъ побѣлѣли неба своды...“ 273
„Ты вѣришь ей, поэтъ!..“ . . —
Сиротка 274
„Дѣвочка—братьямъ и другъ...“ —
У Мраморнаго моря . . . . —
На Чамлиджи 275
На пути по берегу Коринѳскаго залива 276
Разбитая лира . . . . . —
Въ альбомъ * * * . . . . . —
На мотивъ Гёте. 277

XX. Альбомъ Антиноя.

„Высокая пальма...“ 278
„Одинъ, безъ силъ...“ . . . —
„Вдоль надъ рѣкой...“ . . . 279
„Смерти нѣтъ! вчера Адонисъ“ —
„Вы разбрелися...“ . . . . —
„Ты не въ первый разъ...“ . —
„Въ пустынѣ знойной онъ...“. 280
„Смотри, смотри на небеса...“ —

XXI. Вѣчные вопросы.

Вопросъ 281
„Для нихъ свобода, что̀ видѣнье“ —
Мани-Ѳакелъ-Фаресъ 282
Ex tenebris lux 283
Разсказъ духа (Отрывокъ). . —

XXII. Наброски.

„Опытъ! скажи...“. 285
„О, трепещущая птичка...“ . 286
„Ты говоришь, у тебя нѣтъ...“ —
Гр. О. А. Голенищевой-Кутузовой —
„Въ чемъ счастье?..“. . . . —

XXIII.

Изъ письма 287
„Улыбки и слезы!..“ . . . . —
„О, море! Нѣчто есть слышнѣй“ —
„Утрата давняя досель...“ . . 288
„Гони ихъ прочь...“ . . . . —
„Такъ!.. Добрымъ дѣломъ...“ . 289
„Внѣ долга—жизни и не зная“ —
„Туманомъ мимо звѣздъ...“. . —

XXIV. Изъ Аполлодора Гностика.

„Духъ вѣка вашъ кумиръ...“ . 291
„Вѣрю я въ Разумъ...“ . . . —

стр.

„Милыхъ, что̀ умерли...“ . . 291
„Не говори, что нѣтъ спасенья“ —
„Близится Вѣчная Ночь...“. . 292
Эпитафія . . . . . —
„Заката тихое сіянье...“ . . —
„Выше, выше въ поднебесной“ 293
„Катись, катися надо мной...“ —
„Поэзія—вѣнецъ познанья...“. —
„Пиръ у васъ и ликованья...“ 294
„Прочь идеалы! Грозный кликъ!“ —
„Творца какъ духа постиженье“ 295
„Изъ бездны Вѣчности...“ . . —
„Аскетъ! Ты нѣкогда...“. . . 296

стр.

XXV. 1854 годъ.

„Бывало, уловить изъ жизни...“ 297
Памяти Державина 298
Посланіе въ лагерь 300
О томъ, какъ отставной солдатъ Перфильевъ пошелъ во вторичную службу . . 301
Пастухъ 305
Молитва 310
Коляска . . . . . —
Москвѣ 311

А. Н. МАЙКОВЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

СЪ КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ
ОЧЕРКОМЪ И ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

ДЕВЯТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ и ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ
::: ::: ::: ::: ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ **П. В. БЫКОВА** ::: ::: ::: :::

ТОМЪ ВТОРОЙ

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ :: С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Приложение къ журналу „Нива" на 1914 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

I.

ВѢКА и НАРОДЫ.

I.

ІАФЕТЪ.

...И Ной до лѣтъ маститыхъ дожилъ,
И Богъ его благословилъ,
И родъ сыновъ его умножилъ,
И имъ всю землю раздѣлилъ.

И Іафетъ пошелъ къ полночи,
Держа къ звѣздѣ полярной очи,
И сталъ онъ у Кавказъ-горы,
И тамъ разбилъ свои шатры.

И былъ, какъ полныя кошницы,
Обиленъ станъ его добромъ.
Стѣной широкой колесницы
Стояли праздныя кругомъ.
Межъ нихъ паслись, высокогруды,
Степные кони и мулы,
И двугорбатые верблюды,
И мягкорунные овны.

И наконецъ приспѣло время,
И страшный часъ насталъ: бѣжитъ
Все многочисленное племя
На холмъ и къ праотцу спѣшитъ
Съ сосѣднихъ горъ и изъ долины,
Отъ стадъ и плуговъ, изъ шатровъ...
На головахъ—льняной покровъ,
Одѣты въ кожи всѣ звѣрины.
На хо̀лмѣ томъ, и дряхлъ и сѣдъ,
Кончался старецъ, изнуренный
Тяжелой ношей многихъ лѣтъ,
Племенъ сихъ прадѣдъ вдохновенный,
Ихъ вождь въ пустынѣ, Іафетъ.
И патріархъ среброволосый
Скорбящій родъ совокупилъ;
На небо, море и утесы
Взоръ просіявшій устремилъ.
Всходило солнце. Горъ громады,

Ихъ ледяныя колоннады
Востокъ пурпурный обагрилъ.
И старецъ рекъ: „Когда удары
Громовъ Господнихъ пронеслись;
Когда, свершительницы кары,
Въ брегахъ пучины улеглись;
Когда, какъ мостъ, отъ Арарата
На льдами вѣнчанный Кавказъ
Дуга спасенья извилась,
Я велъ стада свои у ската
Горы. Явился мнѣ тогда
Безвѣстный мужъ. Надъ нимъ свѣтила
Большая, яркая звѣзда;
На раменахъ—златыя крила.
Я палъ лицомъ къ землѣ. Онъ рекъ:
„Оставь стада, иди за мною!“
Мы шли. Предъ нимъ смиряли бѣгъ
Ручьи. Надъ бездною сѣдою
Нерукотворный мостъ взлеталъ,
Лизали землю львы степные,
Гдѣ мужъ таинственный ступалъ.
Взошли мы на гору. Густыя
Внизу курились облака,
Сквозился лѣсъ, а тамъ рѣка
О скалы билась вѣковыя.
Сказалъ онъ: „Видишь эту синь?...
То море. Тамъ, за синью этой,
Есть много дебрей и пустынь:
Тамъ горы тучами одѣты;
Тамъ рѣки тихія текутъ
Между зелеными лѣсами;
Тамъ, подъ глубокими снѣгами,
Долины солнца долго ждутъ,
И скуденъ даръ произрастенья...
Но не пугайся этихъ странъ:
Высокій жребій будетъ данъ
Странамъ снѣговъ и запустѣнья;
Лишь только бъ сонъ ихъ пробудилъ
Духъ творчій, сущій въ человѣкѣ,
Замкнулъ бы пристанями рѣки
И землю острымъ плугомъ взрылъ...
Но вамъ ли, Юга воскормленцамъ,
Познать высокіе труды
Изобрѣтательной нужды?

Вамъ, избалованнымъ младенцамъ,
Уразумѣть законъ міровъ,
Поработить природы силы?..
Ничтожна мощь земли сыновъ,
Доколь ея не озарило
Сіянье горняго огня...
Ты воленъ: вотъ тебѣ на выборъ,
Живи безпеченъ, какъ дитя,
Какъ звѣроловъ, пастухъ иль рыбарь,
Но блеска истины не знай,
Не вѣдай тайны мірозданья,
Не чувствуй гордаго сознанья,
Какъ звѣрь косматый... Выбирай!"
Предъ дивнымъ мужемъ, весь дрожащій,
Чело я долу преклонилъ,
И онъ главу мою накрылъ
Своею ризою блестящей...
Зажмуря очи, недвижимъ,
Я только чувствовалъ, что льется
Мнѣ въ душу свѣтъ, и передъ нимъ
Глубокій мракъ въ ней раздается...
И сталъ я вдругъ могучъ и смѣлъ.
Открылъ глаза—все предо мною
Сіяло новой красотою,
Какъ бы внезапно я прозрѣлъ.
А онъ исчезъ, и кто сей странникъ,
Не знаю,—ангелъ ли святой,
Иль нѣкій демонъ проклятой,
Небесъ сіяющихъ изгнанникъ?

Съ тѣхъ поръ размноженныхъ людей
Не могъ сносить я жизни скудной,
Мнѣ было душно. Брегъ безлюдный
Пустынныхъ волнъ мнѣ былъ милѣй.
Я погружался въ созерцанье
Ночныхъ небесъ. Я изучилъ
Теченье мирное свѣтилъ
И тайный чинъ ихъ сочетанья.
Я понялъ мысль, далъ слово ей,
Одной чертой увѣковѣчилъ
И полузвѣрственныхъ людей
Обожествилъ, очеловѣчилъ.
По волѣ случая, они
То тамъ, то здѣсь влачили дни:

Въ шатры, въ древесныя лачуги
Изъ мглы пещеръ ихъ вызвалъ я,
Запрягъ воловъ въ желѣзны плуги,
Смирилъ строптиваго коня...
Но что̀ жъ? Во глубинѣ науки
Обрѣлъ я гибельныя муки
И отравилъ остатокъ дней
Какой-то карой безпощадной.
Я чуялъ въ сердцѣ: острый змѣй
Его терзалъ, иль коршунъ хладный
Его, живое, исклевалъ.
Какой-то демонъ безпокойный
Меня тревожилъ жаждой знойной,
Сомнѣньемъ мысль мою смущалъ.
Рвался я вдаль; слабѣли силы,
И даръ блестящій, даръ унылый,
Небесный огнь—я проклиналъ!

Теперь ужъ близокъ часъ: я гасну.
Кому жъ предать сей даръ ужасный?
Чей взоръ предъ ликомъ Божества,
Имъ пораженъ, не онѣмѣетъ?
И чья не дрогнетъ голова,
Когда сей огнь надъ ней зардѣетъ?“

Безмолвенъ сонмъ его сыновъ
Предъ патріархомъ вдохновеннымъ,
И жены съ ужасомъ смятеннымъ
Внимали звукъ великихъ словъ.
И изо всѣхъ, на зовъ науки,
Пришли съ спокойствіемъ святымъ
Четыре правнука, предъ нимъ
Потупя взоръ, скрестивши руки.
На нихъ глядѣлъ онъ, полнъ любви:
„Идите, правнуки мои,
Васъ озаритъ поочередно,
Какъ яркой молніи струя,
Небесъ свѣтильникъ первородный.
Ты, чернокудрое дитя,
Иди на западъ! Тамъ, гдѣ море
Покрыто грудой острововъ,
Есть пышный край. Тамъ на просторѣ
Разросся лавръ. Въ груди холмовъ
Таится мраморъ. Мѣткимъ ломомъ
Отъ праха мраморъ оторви

И мысли молніей и громомъ
Его ты къ жизни призови!
А ты, младенецъ съ строгимъ окомъ
И величавостью чела,
Суровый духомъ передъ рокомъ,
Тебѣ вѣковъ грядущихъ мгла
Готовитъ власть надъ цѣлымъ міромъ,
И будешь ты племенъ кумиромъ,
И, какъ рабы, они толпой
Пойдутъ въ оковахъ за тобой!
А вы, юнѣйшіе орлята,
Любимцы прадѣда, туда,
Гдѣ дремлютъ тундры, рдѣютъ блата
Въ оковахъ сѣвернаго льда,
Идите!.. Міръ, облитый кровью,
Міръ дикой силы и оковъ
Преобразите вы любовью
И цѣпи снимете съ рабовъ.
Передаю вамъ огнь небесный!
Вы не угасите его!
И въ мірѣ будетъ повсемѣстно
Господней мысли торжество!
Блюдите вы его сіянье!
Любите скорбь и испытанья,
Въ которыхъ зрѣетъ мысль и трудъ,
Какъ я любилъ свои страданья!
Святыя скорби въ воздаянье
Плоды святые принесутъ!"

Умолкъ. Въ слезахъ, вокругъ толпясь,
Лобзали избранные внуки
Его хладѣющія руки,
И тихо онъ, въ свой смертный часъ
Благословляя ихъ, угасъ!

1840.

II.

МОНАСТЫРЬ.

(Введеніе къ ненаписанной поэмѣ).

Во дни кровавые, когда Тевтонъ суровый
Эстонцевъ уловлялъ въ желѣзныя оковы
И, знаменьемъ креста прикрывъ нещадный мечъ,
Миръ проповѣдывалъ въ огнѣ немолчныхъ сѣчъ,—

Сюда отшельницы водой въ ладьяхъ приплыли
И крестъ на сей горѣ блестящій водрузили,
И скоро храмъ возсталъ надъ влагой голубой.
Своей прозрачною готической иглой
Онъ гордо возлеталъ въ воздушныя равнины
И стѣны раскидалъ по скатамъ цѣпью длинной.
Но вотъ прошли вѣка—какъ остовъ, этотъ храмъ,
Какъ привидѣніе, чернѣетъ по ночамъ;
Въ ночномъ молчаніи, какъ выходцы гробницы,
Нагіе остовы и башенъ, и бойницы;
Сквозь окна древнія пробился лучъ луны
Серебряной рѣкой вдоль подземельныхъ сходовъ;
Колонны гордыя, какъ бы утомлены
На мощныхъ раменахъ держать обломки сводовъ,
Пригнулися къ землѣ. Все—тлѣніе и прахъ!
Здѣсь, за оградою, въ окованныхъ стѣнахъ,
Гулъ міра умолкалъ предъ образомъ Распятья;
Гласъ вѣры укрощалъ безумныя проклятья;
Усталые пловцы здѣсь пристань обрѣли
И въ мирной келіи, отъ суеты вдали,
Прахъ міра отряхнувъ, какъ саванъ, надѣвали
Одежду мертвую и къ небу воспаряли...
Но вѣренъ ли онъ былъ, монашескій покровъ?
Всегда ль въ полуночномъ молчаніи дубровъ,
Въ часы весенніе мечтательныхъ безсонницъ,
Когда, ниспавъ между готическихъ оконницъ,
Лучъ блѣдный мѣсяца ложился на нѣмомъ
Чугунномъ помостѣ блистательнымъ ковромъ,—
Всегда ль, о ложѣ сна холодномъ забывая,
Склонившися къ окну, отшельница младая,
Смотря на небеса, летѣла въ горній міръ,
На лоно вѣчности, въ надоблачный эѳиръ,
Гдѣ ангелы поютъ божественные гимны
И бѣдную зовутъ въ чертогъ гостепріимный?
Не правда ль, часто взоръ, какъ небо, голубой
На небѣ обрѣталъ прекрасный ликъ земной,
И уху робкому мечтались не молитвы,
А цитры тихій звонъ иль кликъ опасной битвы...
И грудь вздымалася, и грѣшная слеза,
Туманя ясные красавицы глаза,
По блѣдному лицу жемчужиной блистала...
И юная глава въ волненьи упадала
На руки бѣлыя, и прядь златыхъ кудрей
Волною падала по мрамору плечей,

И мѣсяцъ осыпалъ ихъ блѣдными лучами
И трепетно игралъ змѣистыми тѣнями?..
1845.

III.

САВОНАРОЛА.

Въ столицѣ Медичи счастливой
Справлялся странный карнавалъ:
Всѣ въ бѣломъ, съ вѣтвію оливы,
Шли дѣвы, юноши; бѣжалъ
Народъ за ними; изъ собора,
Подъ звукъ торжественнаго хора,
Распятье иноки несли
И стройно со свѣчами шли.
Усыпанъ путь ихъ былъ цвѣтами,
Ковры висѣли изъ оконъ,
И воздухъ былъ колоколами
До горъ далекихъ потрясенъ.

Они на площадь направлялись;
Туда жъ по улицамъ другимъ,
Пестрѣя, маски собирались
Съ обычнымъ говоромъ своимъ:
Паяцъ и, съ лавкой разныхъ склянокъ,
На колесницѣ шарлатанъ,
И грандъ, и дьяволъ, и султанъ,
И Вакхъ со свитою вакханокъ.
Но, будто волны въ берегахъ,
Вдругъ останавливались маски,
И прекращались смѣхъ и пляски:
На площади, на трехъ кострахъ,
Монахи складывали въ груды
Все то, что тѣшитъ рѣзвый свѣтъ
Приманкой нѣги и суетъ.
Тутъ были жемчугъ, изумруды,
Великолѣпные сосуды
И кучи бархатовъ, парчей,
И картъ игральныхъ, и костей,
И сладострастныя картины,
И бюсты фавновъ и сиренъ,
Литавры, арфы, мандолины,
И ноты страстныхъ кантиленъ,
И кучи масокъ и корсетовъ,

Румяна, мыло и духи,
И эротическихъ поэтовъ
Соблазна полные стихи...
Надъ этой грудою стояло
Верхомъ на маленькомъ конькѣ
Изображенье карнавала—
Паяцъ въ дурацкомъ колпакѣ.

Сюда процессія вступила.
На помостъ всталъ монахъ сѣдой,
И чудно солнцемъ озарило
Его фигуру надъ толпой.
Онъ крестъ держалъ, главу склоняя
И указуя въ небеса...
Въ глубокихъ впадинахъ, сверкая,
Его свѣтилися глаза.
Народъ внималъ ему угрюмо
И рвалъ бѣсовскіе костюмы,
И, маски сбросивши тайкомъ,
Рыдали женщины кругомъ.
Монахъ училъ, какъ древле жили
Общины первыхъ христіанъ.
„А вы,—сказалъ:—вы воскресили
Разбитый ими истуканъ!
Забыли въ шумѣ сатурналій
Молчанье строгое постовъ!
Святую Библію отцовъ
На мудрость вѣка промѣняли;
Пустынной маннѣ предпочли
Пиры египетской земли!
До знаній жадны, вѣрой скупы,
Понять вы тщитесь бытіе,
Анатомируете трупы,
А сердце знаете ль свое?..
О, Матерь Божія! Тебя ли,
Мое прибѣжище въ печали,
Въ чертахъ блудницы вижу я!
Съ блудницъ художникъ маловѣрный
Чертитъ, исполненъ всякой скверны,
И выдаетъ намъ за Тебя!..
Развратъ повсюду лицемѣрный!
Васъ тѣшитъ пестрый маскарадъ,—
Бѣсъ ходитъ возлѣ каждой маски
И въ сердце намъ вливаетъ ядъ.

Въ винѣ, въ наукѣ, въ женской ласкѣ
Вамъ сѣти ставитъ хитрый адъ,
И, какъ безсмысленныя дѣти,
Вы слѣпо падаете въ сѣти!..
Пора! Зову я васъ на брань.
Изъ-за трапезы каждый встань,
Гдѣ бѣсъ пируетъ! Бросьте яству!
Спѣшите! Пастырю во длань
Веду вернувшуюся паству!
Здѣсь искупленіе грѣхамъ!
Проклятье играмъ и костямъ!
Проклятье льстивымъ чарамъ ада!
Проклятье мудрости людской,
Въ которой овцы Божья стада
Теряютъ вѣру и покой!
Господь, услышь мои моленья:
Въ сей день великій искупленья
Свои намъ молніи пошли
И разрази тельца златого!
Во имя чистое Христово
Весь домъ грѣха испепели!"

Умолкъ и факеломъ зажженнымъ
Взмахнулъ надъ праздничнымъ костромъ;
Раздался пушекъ страшный громъ;
Сливаясь съ колокольнымъ звономъ,
Te Deum грянулъ мрачный хоръ;
Столбомъ всталъ огненный костеръ.
Толпы народа оробѣли,
Молились, набожно глядѣли,
Святаго ужаса полны,
Какъ грозно пирамидой жаркой
Трещали, вспыхивали ярко
Изобрѣтенья сатаны,
И какъ фигура карнавала—
Его колпакъ и дѣтскій конь—
Качалась, тлѣла, обгорала
И съ шумомъ рухнула въ огонь.

Прошли года. Монахъ крутой,
Какъ геній смерти, воцарился
Въ столицѣ шумной и живой,
И городъ весь преобразился.
Облекся трауромъ народъ,
Вездѣ вериги, власяница,

Постомъ изнученныя лица.
Молебны, звонъ да крестный ходъ.
Монахъ, какъ будто львиной лапой,
Толпу угрюмую сжималъ
И дерзко ссорился онъ съ папой,
Въ безвѣрьѣ папу уличалъ...
Но съ папой спорить было рано:
Неравенъ былъ строптивый споръ,
И главъ вѣнчанныхъ Ватикана
Еще могучъ былъ приговоръ...
И вотъ опять костеръ багровый
На той же площади пылалъ;
Палачъ у висѣлицы новой
Спокойно жертвы новой ждалъ;
И грозный папскій трибуналъ
Стоялъ на помостѣ высокомъ.
На казнь монаховъ привели.
Они, въ молчаніи глубокомъ,
На смерть, какъ мученики, шли.
Одинъ изъ нихъ былъ тотъ же самый,
Къ кому народъ стекался въ храмы,
Кто отворялъ свои уста
Лишь съ чистымъ именемъ Христа;
Христомъ былъ духъ его напитанъ,
И за Него на казнь онъ шелъ;
Христа же именемъ прочитанъ
Монаху смертный протоколъ,
И то же имя повторяла
Толпа, смотря со всѣхъ сторонъ,
Какъ рухнулъ съ висѣлицы онъ,
И пламя вмигъ его объяло,
И, задыхаясь, произнесъ
Онъ въ самомъ пламени: „Христосъ!“.

Христосъ, Христосъ! Но, умирая
И по слѣдамъ Твоимъ ступая,
Твой подвигъ сердцемъ возлюбя,
Христосъ! онъ понялъ ли Тебя?
О, нѣтъ! скорбящихъ утѣшая,
Ты чистыхъ радостей не гналъ
И, Магдалину возрождая,
Дѣтей на жизнь благословлялъ!
И человѣкъ, въ Твоемъ ученьи
Познавъ себя, въ Твоихъ словахъ

Съ любовью видитъ откровеніе,
Чѣмъ можетъ быть онъ святъ и благъ...
Своею кровью жизни слово
Ты освятилъ, и возросло
Оно могуче и свѣтло;
Доминиканца жъ ликъ суровый
Былъ чуждъ любви, и самъ онъ палъ
Безплодной жертвою . . . . . .
. . . . . .

1851.

IV.
КЛЕРМОНТСКІЙ СОБОРЪ.

Не свадьбу праздновать, не пиръ,
Не на воинственный турниръ
Блеснуть оружьемъ и конями
Въ Клермонтъ нагорный притекли
Богатыри со всей земли.
Что̀ лугъ, усѣянный цвѣтами,
Вся площадь, полная гостей,
Вздымалась массою людей,
Какъ перекатными волнами.
Лучъ солнца ярко озарялъ
Знамена, шарфы, перья, ризы,
Гербы, и ленты, и девизы,
Лазурь, и пурпуръ, и металлъ.
Подъ златотканнымъ балдахиномъ,
Средь духовенства властелиномъ
Въ тіарѣ папа возсѣдалъ.
У трона — герцоги, бароны
И красныхъ кардиналовъ рядъ;
Вокругъ ихъ — сирыхъ обороны —
Толпою рыцари стоятъ:
Въ узорныхъ латахъ итальянцы,
Тяжелый швабъ и рыжій бриттъ,
И галлъ, отважный сибаритъ,
И въ шлемахъ съ перьями испанцы;
И отдаленъ отъ всѣхъ старикъ,
Дерзавшій свергнуть папства узы:
То обращенный еретикъ
Изъ фанатической Тулузы;
Здѣсь строй норманновъ удалыхъ,
Какъ въ маскахъ, въ шлемахъ пудовыхъ,

Съ своей тяжелой алебардой...
На крыши взгромоздясь, народъ
Всѣхъ поименно ихъ зоветъ:
Все это львы да леопарды,
Орлы, медвѣди, ястреба,
Какъ будто грозныя прозванья
Сама сковала имъ судьба,
Чтобъ обезсмертить ихъ дѣянья!
Надъ ними стаей лебедей,
Слетѣвшихъ на берегъ зеленый,
Изъ ложъ кругомъ сіяютъ жены
Въ шелку, въ зубчатыхъ кружевахъ,
Въ алмазахъ, въ млечныхъ жемчугахъ.
Лишь шопотъ слышится въ собраньи.
Необычайная молва
Давно чудесныя слова
И непонятныя сказанья
Носила въ мірѣ. Виденъ крестъ
Былъ въ небѣ. Несся стонъ съ востока.
Заря кроваваго потока
Имѣла видъ. Межъ блѣдныхъ звѣздъ,
Какъ человѣческое, было
Лицо луны и слезы лило,
И вкругъ клубился дымъ и мгла...
Чего-то страшнаго ждала
Толпа, внимать готовясь Богу,
И били грозную тревогу
Со всѣхъ церквей колокола.

Вдругъ звонъ затихъ, и на ступени
Престола папы преклонилъ
Убогій пилигримъ колѣни;
Его съ любовью осѣнилъ
Святымъ крестомъ первосвященникъ;
И, помоляся небесамъ,
Пустынникъ говорилъ къ толпамъ:
„Смиренный нищій, бѣглый плѣнникъ
Предъ вами, сильные земли!
Темна моя, ничтожна доля;
Но движетъ мной иная воля.
Не мнѣ внимайте, короли:
Самъ Богъ, державствующій нами,
Къ моей склонился нищетѣ
И повелѣлъ мнѣ стать предъ вами

И вамъ въ сердечной простотѣ
Сказать про плѣнъ, про тѣ мученья,
Что̀ испыталъ и видѣлъ я.
Вся плоть истерзана моя,
Спина хранитъ слѣды ремня,
И язвамъ нѣту исцѣленья!
Взгляните: на рукахъ моихъ
Оковъ кровавыя запястья.
Въ темницахъ душныхъ и сырыхъ,
Безъ утѣшенья, безъ участья
Провелъ я юности лѣта;
Копалъ я рвы, бряцая цѣпью,
Влачилъ я камни знойной степью,
За то, что вѣровалъ въ Христа!
Вотъ эти руки... Но въ молчаньи
Вы потупляете глаза;
На грозныхъ лицахъ состраданья,
Я вижу, катится слеза...
О, люди, люди! язвы эти
Смутили васъ на краткій часъ!
О, впечатлительныя дѣти!
Какъ слезы дешевы у васъ!
Ужель, чтобъ тронуть васъ, страдальцамъ
Къ вамъ надо нищими предстать?
Чтобъ васъ увѣрить, надо дать
Ощупать язвы вашимъ пальцамъ!
Тогда лишь бѣдствіямъ земнымъ,
Тогда неслыханнымъ страданьямъ,
Безчеловѣчнымъ истязаньямъ
Вы сердцемъ внемлете своимъ!..
А тѣхъ страдальцевъ милліоны,
Которыхъ вамъ не слышны стоны,
Къ которымъ мусульманинъ злой,
Что̀ къ агнцамъ трепетнымъ, приходитъ
И безпрепятственно уводитъ
Изъ нихъ рабовъ себѣ толпой,
Въ глазахъ у брата душитъ брата
И неродившихся дѣтей
Во чревѣ рѣжетъ матерей,
И вырываетъ для разврата
Изъ ихъ объятій дочерей...
Я видѣлъ: блѣдныхъ, безоружныхъ
Толпами гнали по пескамъ,
Отсталыхъ старцевъ, женъ недужныхъ

Бичемъ стегали по ногамъ;
И турокъ рыскалъ по пустынѣ,
Какъ передъ стадомъ гуртовщикъ,
Но мигъ — мнѣ памятный донынѣ,
Благословенный жизни мигъ,
Когда окованнымъ, средь дыма
Прозрачныхъ утреннихъ паровъ
Предстали намъ Ерусалима
Святые храмы безъ крестовъ!
Замолкли стоны и тревога,
И, позабывши прахъ и тлѣнъ,
Возславословили мы Бога
Въ виду Сіонскихъ древнихъ стѣнъ,
Гдѣ ждали насъ позоръ и плѣнъ!
Породнены тоской, чужбиной,
Латинецъ съ грекомъ обнялись;
Всѣ, какъ сыны семьи единой,
Страдать безропотно клялись.
И грекъ намъ далъ примѣръ великій:
Ерея, пѣвшаго псаломъ,
Съ коня спрыгнувши, турокъ дикій
Ударилъ взвизгнувшимъ бичомъ:
Тотъ пѣлъ, и бровію не двинулъ!
Злодѣй страдальца опрокинулъ
И вырвалъ бороду его...
Рванули съ воплемъ мы цѣпями,
А онъ Евангелья словами
Господне славилъ торжество!
Въ куски изрубленное тѣло
Злодѣи побросали въ насъ;
Мы сохранили ихъ всецѣло
И, о душѣ его молясь,
Въ темницѣ, гдѣ страдали сами,
Могилу вырыли руками
И на груди святой земли
Его останки погребли.

И онъ не встанетъ вѣдь предъ вами
Вамъ язвы обнажить свои
И выпросить у васъ слезами
Слезу участья и любви!
Увы, не разверзаютъ гробы
Святыя жертвы адской злобы!
Нѣтъ, и живое не прійдетъ

Къ вамъ одновѣрцевъ вашихъ племя—
Христу молящійся народъ;
Одинъ креста несетъ онъ бремя,
Одинъ онъ тернъ Христовъ несетъ!
Какъ рабъ евангельскій, израненъ,
Въ степи лежитъ, больной, безъ силъ...
Иль ждете вы, чтобъ напоилъ
Его чужой самаритянинъ,
А вы, съ кошницей яствъ, бойцы,
Пройдете мимо, какъ слѣпцы?
О, нѣтъ, для васъ еще священны
Любовь и правда на землѣ!
Я вижу ужасъ вдохновенный
На вашемъ доблестномъ челѣ!
Возстань, о, воинство Христово,
На мусульманъ войной суровой!
Да съ громомъ рушится во прахъ
Созданье злобы и коварства—
Ихъ тяготѣющее царство
На христіанскихъ раменахъ!
Разбейте съ чадъ Христа оковы,
Дохнуть имъ дайте жизнью новой;
Они васъ ждутъ, чтобъ васъ обнять,
Край вашихъ ризъ облобызать!
Идите! ангелами мщенья,
Изъ храма огненнымъ мечомъ
Изгнавъ невѣрныхъ поколѣнья,
Отдайте Богу Божій домъ!
Тамъ благодарственные псальмы
Для васъ народы воспоютъ,
А падшимъ—мучениковъ пальмы
Вѣнцами ангелы сплетутъ!..“

Умолкъ. Въ отвѣтъ какъ будто громы
Перекатилися въ горахъ.
То кликъ одинъ во всѣхъ устахъ:
„Идемъ, оставимъ женъ и домы!“
И въ умиленіи святомъ
Вокругъ желѣзные бароны
Въ восторгѣ плакали, какъ жены;
Врагъ лобызался со врагомъ,
И руку жалъ герой герою,
Какъ левъ косматый, алча бою;
На общій подвигъ дамы съ рукъ

Снимали злато и жемчуг;
Свой грошъ и нищіе бросали;
И радость всѣхъ была свѣтла,
Ее литавры возвѣщали,
И въ небесахъ распространяли
Со всѣхъ церквей колокола.

———

Вотъ такъ латинскіе народы
Во имя братства и любви
Шли въ отдаленные походы.
Кипѣла доблесть въ ихъ крови.
Чудѣ чуждая и Крезамъ,
Лишь славолюбіемъ дыша,
Подъ этой сталью и желѣзомъ
Жила великая душа.
И ею созданные люди
На насъ колоссами глядятъ,
Которыхъ каменныя груди
Ни мечъ ни громъ не сокрушатъ.
Тогда въ ряды священной рати
Не ополчались мы войной.
Отдѣльно, далеко отъ братій,
Вели мы свой крестовый бой.
Ужъ нѣдра Азіи бездонной,
Какъ разгоравшійся вулканъ,
Къ намъ слали чадъ своихъ мильоны:
Дулъ съ степи жаркій ураганъ,
Металась степь, какъ океанъ—
Востокъ чреватъ былъ Чингисханомъ!
И Русь одна тогда была
Сторожевымъ Европы станомъ
И ужъ за вѣру кровь лила...
Не долго рыцарей глубоко
Такъ трогалъ кликъ: „Іерусалимъ!“
Стонъ христіанскаго Востока
Все глуше становился имъ!
Россія гибла: къ христіанамъ
Взывала воплями она,
Но какъ Іосифъ агарянамъ
Была отъ братьевъ продана!
Упала съ громомъ Византія;
Семья славянскихъ царствъ за ней;
Столпы сложились костяные
Изъ череповъ богатырей;

За честь Евангелья Христова
Сыны Людовика Святого
Ужъ выручать не шли Царьградъ.
Отъ брата отшатнулся братъ...
Мы—крестоносцы отъ начала!
Орда рвала насъ по клочкамъ,
Насъ жгла,—но лучше смерть, чѣмъ срамъ,
Страдальцевъ кровью во растала
И крѣпла Русь; какъ мститель, встала
И, вѣрная себѣ, идетъ
Въ обѣтованный свой походъ.
За что же западные братья,
Забывъ свой подвигъ прежнихъ лѣтъ,
Ей шлютъ безумныя проклятья,
Какъ скрежетъ демоновъ, во слѣдъ?
За что жъ съ тоскою и заботой
На насъ они, косясь, глядятъ?
За что жъ на насъ идутъ ихъ флоты
И намъ погибелью грозятъ?
За что жъ?.. За то, что мы созрѣли,
Что вдругъ въ ученикахъ своихъ
Они совмѣстниковъ узрѣли;
Что то не шутка: между нихъ
Мы смѣло требуемъ гражданства!
Мы не пришельцы—зиждемъ храмъ
Еще невѣдомый вѣкамъ;
На необъятное пространство
Фундаментъ вывели; предъ нимъ
Блѣднѣютъ древнія державы,
И новыхъ силъ и новой славы
Младое солнце страшно имъ!
Докончить храмъ въ насъ есть отвага,
Въ насъ вѣра есть, въ насъ сила есть,
Всѣ для него земныя блага
Готовы въ жертву мы принесть...
За то, что намъ пришлось на долю
Свершить, что̀ Западъ начиналъ;
Что насъ отнынѣ Богъ избралъ
Творить Его святую волю;
Что мы подъ знаменемъ Креста
Не лицемѣримъ, не торгуемъ,
И фарисейскимъ поцѣлуемъ
Не лобызаемъ мы Христа...
И, можетъ-быть, враги предвидятъ,

Что изъ Россіи ледяной
Еще невиданное выйдетъ
Гигантовъ племя къ нимъ грозой,
Гигантовъ—съ ненасытной жаждой
Безсмертья, славы и добра,
Гигантовъ—какъ ихъ міръ однажды
Зрѣлъ въ грозномъ образѣ Петра.

1853.

V.

ПѢВЕЦЪ.

(Изъ Шамиссо).

Свѣтелъ ликомъ, съ смѣлой лирой,
Передъ юностью цвѣтущей
Пѣлъ старикъ худой и сирый:
„Я—въ пустынѣ вопіющій!—
Возглашалъ онъ:—все прійдетъ!
Тише, вѣтреное племя!
Созидающее время
Все съ собою принесетъ!

Полно, дѣти, въ тщетномъ гнѣвѣ
Древо жизни потрясать!
Лишь цвѣты еще на древѣ!
Дайте плодъ имъ завязать!
Не дозрѣвъ—онъ полнъ отравы,
А созрѣетъ—самъ спадетъ,
И довольства вамъ и славы
Въ ваши домы принесетъ“.

Юность вкругъ толкуетъ важно,
На пѣвца какъ звѣрь ярясь:
„Что̀ онъ лирою продажной
Останавливаетъ насъ?
Подымайте камни, братья!
Лжепророка заклеймимъ!
Пусть народныя проклятья
Всюду слѣдуютъ за нимъ...“

Во дворецъ съ своею лирой
Онъ пришелъ, къ царю зовущій;
Громко пѣлъ, худой и сирый:
„Я—въ пустынѣ вопіющій!
Царь! впередъ иди, впередъ!
Вѣкъ зоветъ! созрѣло сѣмя!

Созидающее время
Не прощаетъ и не ждетъ!

Гонитъ вѣтеръ, мчитъ теченье!
Смѣло парусъ расправляй!
Божьей мысли откровенье
Въ шумѣ бури угадай!
Просіяй передъ народомъ
Этой мысли торжествомъ,—
И пойдетъ спокойнымъ ходомъ
Онъ за царственнымъ вождемъ!"

Внялъ владыка... онѣмѣли
Царедворцы и, съ тоской,
Шепчутъ: „Какъ не досмотрѣли!
Какъ онъ смѣлъ? Кто онъ такой?
Что̀ за бредни онъ городитъ!
Соблазняетъ лишь людей
И царя въ сомнѣнье вводитъ...
На̀-цѣпь дерзкаго скорѣй!"

И въ тюрьмѣ, съ спокойной лирой,
Тихъ предъ силою гнетущей,
Пѣлъ старикъ худой и сирый:
„Я—въ пустынѣ вопіющій!
Долгъ свершенъ. Пророкъ молчитъ.
Честно снесъ онъ жизни бремя...
Созидающее время
Остальное довершитъ".

1857.

VI.

ИСПОВѢДЬ КОРОЛЕВЫ.

Легенда объ испанской инквизиціи.

Искони твердятъ испанки:
„Въ кастаньеты ловко брякать,
Подъ ножомъ вести интригу
Да на исповѣди плакать—
Три блаженства только въ жизни!"
Но въ одной Севильѣ старой
Такъ искусно кастаньеты
Ладятъ съ звонкою гитарой;
Но въ одной Севильѣ старой
Такъ подъ звѣздной ризой ночи

Жены нѣжны, смѣлъ любовникъ,
И ревнивца зорки очи;

Но въ одной Севильѣ старой
Такъ на утро полны храмы,
И такъ пламенно стремятся
Исповѣдываться дамы...

И искусный исповѣдникъ
Былъ всегда ихъ сердцу дорогъ,
Можетъ-быть—дороже кружевъ,
Лентъ и перловыхъ уборокъ!

И таковъ былъ у Сан-Пабло
Исповѣдникъ знаменитый
Донъ Гуанъ ди-Сан-Мартино—
Кладезь мудрости открытый!

Вся имъ бредила Севилья,
Дамы голову теряли,
И съ любовниками даже
О монахѣ лишь шептали:

Какъ-то сладостно имъ было
Млѣть въ его духовной власти,
Особливо, если грѣшенъ
По сердечной кто былъ части...

Разъ вошла въ Сан-Пабло дама...
Храмъ былъ пустъ; одни, нѣмыя,
Въ серебрѣ, въ шелку и лентахъ
Изваянья расписныя

По стѣнамъ стояли церкви,
Созерцая благосклонно
Мраморъ, золото и солнце
Въ дымѣ мирры благовонной.

Только нищій у колонны
Отдыхалъ въ дремотѣ сладкой,
Да бродила собачонка,
Полъ обнюхивая гладкій...

Незнакомка подъ вуалемъ
Кружевнымъ лицо укрыла,
Но—инкогнито съ монахомъ
Соблюсти, знать, трудно было:

Чуть она предъ нимъ склонилась,
Какъ надъ нею внятно, смѣло

Раздалось: „Чего желаетъ
Королева Изабелла?“

Дама вздрогнула и въ страхѣ
Уронила на̀ полъ чётки,
Но спокойно тотъ же голосъ
Говорилъ изъ-за рѣшётки:

„Благо кающимся, благо.
Жду тебя уже давно я!
У тебя, я знаю, сердце
Жаждетъ мира и покоя!

Въ чемъ грѣшна ты передъ Богомъ?
Кайся мнѣ нелицемѣрно!“
И покаялася дама
Католичкою примѣрной!

„Утромъ нынче камерэру
Разбранила я обидно
И булавкой исколола...
Было послѣ такъ мнѣ стыдно...

Мы поссорились съ супругомъ...
Почему, сама не зваю,
Я его въ опочивальню
Ужъ недѣлю не пускаю...

Я люблю его всѣмъ сердцемъ,
И ревную... но со мною
Что-то странное творится...
Точно спорю я съ собою...

Надо думать лишь о мужѣ,
Безпрестанно повторяю,
И—другого, чуть забудусь,
Черезъ мигъ воображаю.

Донъ Фернандо, донъ Фернандо!
Я твержу усильно, внятно,—
Изъ груди жъ другое имя
Рвется съ силой непонятной!

Такъ и крикнула бъ съ балкона,
Ночью, въ небо голубое,
И на все бы королевство,
Это имя роковое!

Сердцу страшно съ этой тайной
Притворяться и лукавить...

Помоги мнѣ... ты умѣешь
И утѣшить и наставить...“

Могъ утѣшить и наставить
Всѣхъ монахъ сердечнымъ словомъ,
Но глядѣлъ на королеву
Взглядомъ грустнымъ и суровымъ:

— „Трудно дать совѣтъ,—сказалъ онъ,—
Этотъ грѣхъ—не какъ другіе...
Онъ—предтеча Божьей кары
За грѣхи твои иные!

Вслѣдъ за нимъ придетъ злодѣйство,
Скорбь и муки преисподней—
И тебя спасти мнѣ трудно:
Ты забыла страхъ Господній!

Святотатцамъ и злодѣямъ
Въ умерщвленьи плоти грѣшной
Есть спасенье: но убійцѣ
Духа Божья—адъ кромѣшный!“

Изабелла содрогнулась,—
Но скользить надъ адской бездной
Ей, какъ истой кастильянкѣ,
Было жутко—но любезно!

„Научи жъ, что̀ дѣлать, padre!
И наставь меня на благо!
Я еще построю церковь,
Я пѣшкомъ пойду въ Сан-Яго“.

— „Если бъ храмъ ты не изъ злата
И порфира созидала,
А въ сердцахъ твоихъ народовъ
Храмъ духовный устрояла,

И стояла бы у двери,
Яко стражъ съ мечомъ горящимъ,
Возбраняя входъ гіенамъ
И ехиднамъ злошипящимъ,—

Ты бъ избѣгла страшной кары!
Зла мятежныя пучины
Тщетно бъ храмъ твой осаждали!
Но раскрыла ты плотины,

Разлилось нечестья море,
И волною досягнуло

Даже царственнаго трона,
И въ лицо тебѣ плеснуло!

Омраченный духъ твой принялъ
Смрадныхъ волнъ его дыханье,
Какъ вечернюю прохладу,
Какъ цвѣтовъ благоуханье...

Вотъ и казнь за то!..“—„За что же?“—
— „Иль не видишь, королева,
Погляди—плоды несмѣтны
Сатанинскаго посѣва!

Вся страна—кишитъ жидами!
Всюду маги, астрологи!
Новизна проникла всюду,
Въ кельи, въ хижины, въ чертоги!

Саламанхскіе студенты,
Купно съ мавромъ, съ жидовиномъ,
Надъ одной толкуютъ книгой,
За столомъ сидятъ единымъ!

Въ оныхъ псахъ смердящихъ юность
Братьевъ чтитъ, на зло закону,
И разноситъ духъ въ народѣ,
Вѣрѣ гибельный и трону:

Мудрость истинную презря,
Что̀ толкуетъ людъ безбожный?
Будто шаръ—земля, который
Весь кругомъ объѣхать можно,

И открыть такія земли,
О которыхъ ни въ Писаньи
Нѣтъ помину, ни въ единомъ
Каноническомъ преданьи!

Говорятъ, рѣзныя буквы
Нынче какъ-то составляютъ,
И одну и ту же книгу
Въ цѣлыхъ сотняхъ размножаютъ—

Что̀ же, если эти бредни
Въ сотняхъ списковъ по вселенной
Вихорь дьявольскій размечетъ?
Все въ хаосъ придетъ смятенный!

И... и кто же рукоплещетъ
Этой пляскѣ вавилонской?

Въ комъ покровъ сй и защита?
Въ королевѣ аррагонской!..“

Такъ, борясь съ врагомъ исконнымъ,
Говорилъ онъ королевѣ
Объ ея отчетѣ Богу
И о Божьемъ близкомъ гнѣвѣ,—

Но укорамъ громоноснымъ
Не нашелъ монахъ отвѣта;
Было сердце королевы
Точно бронею одѣто.

Не испуганнымъ ребенкомъ
Передъ нимъ она стояла;
Не того, молвѣ повѣря,
Отъ монаха ожидала.

Ей ужъ сталъ казаться лучше
Духовникъ ея придворный,
Но искуснѣе обоихъ
Пріоръ, въ Бургосѣ, соборный.

„Ну, а этотъ!.. мнѣ пророчитъ
Адъ и всяческіе страхи
За жидовъ и за ученыхъ!
Онъ такой, какъ всѣ монахи!“

И, собою не владѣя,
Изабелла гордо встала
И, вуаль съ чела откинувъ,
Такъ монаху отвѣчала:

„Я, какъ женщина, о, padre,
Дѣлъ правленья не касаюсь.
Ихъ—король ведетъ. Сама же,
Въ чемъ грѣшна я—въ томъ и каюсь.

Мнѣ самой жиды противны.
Но они—народъ торговый
И—политикъ это цѣнитъ—
На налогъ всегда готовый.

Съ королемъ, моимъ супругомъ,
Въ Саламанхѣ мы бывали.
Насъ нигдѣ съ такимъ восторгомъ,
Какъ студенты, не встрѣчали.

Донъ Фернандо былъ доволенъ.
Я жъ скажу, что̀ говорила—

Въ ихъ сердцахъ—опора трона,
Наша слава, наша сила!..

А отъ тѣхъ ученыхъ бѣдныхъ,
Съ виду, можетъ-быть, забавныхъ,
Ужъ давно у насъ въ бумагахъ
Много есть проектовъ славныхъ.

Ихъ труды и жажду знаній
Для чего стѣснять—не знаю!
И возможно ль всѣхъ заставить
Думать такъ, какъ я желаю!

Пусть ихъ мыслятъ, пусть ихъ ищутъ!
Мысль мнѣ дастъ бѣднякъ ученый—
Изъ нея, быть-можетъ, выйдетъ
Лучшій перлъ моей короны!

И—что̀ будетъ—воля Божья!
Только все намъ предвѣщаетъ:
Міру царствованье наше
Новыхъ дней зарей сіяетъ!“

И уйти она хотѣла
Безъ смущенія, безъ страха,
Лишь сердясь на дамъ придворныхъ,
Расхваливших ей монаха.

Но монаха, знать, не даромъ
Жены славили и дѣвы:
Какъ глаза его сверкнули
На движенье королевы!

Онъ какъ барсъ въ желѣзной клѣткѣ
Встрепенулся,—со слезами
Упуская эту душу,
Отягченную грѣхами!

— „Погоди!—онъ кликнулъ громко:—
И познай: не я, царица,
Говорилъ съ тобой. Здѣсь явно
Всемогущаго десница!

Я въ лицо тебя не видѣлъ:
Ты его мнѣ скрыть хотѣла.
Кто жъ сказалъ, что предо мною
Королева Изабелла?

Все, царица, все я знаю...
Всѣ дѣла твои, мечтанья,

Даже—имя, предъ которымъ
Ты приходишь въ содроганье...

Балъ французскаго посольства...
Кавалеръ иноплеменный
Въ черной маскѣ... на охотѣ
Разговоръ уединенный...

Послѣ въ паркѣ...“—„Здѣсь измѣна!—
Горькимъ вырвалося стономъ
Изъ груди у королевы.—
Кто же былъ за мной шпіономъ?..

Кто? отвѣтствуй!..“ Все забывши,
Восклицала королева—
Величава и прекрасна
Въ блескѣ царственнаго гнѣва...

Если бъ не былъ Сан-Мартино
Небомъ свыше вдохновенный,
Я бъ сказалъ: глаза горѣли,
У него какъ у гіены;

Но когда съ негодованьемъ
На него она взглянула,
Въ этотъ мигъ, въ глаза гіены
Точно молнія сверкнула!

Но... сверкнула — и угасла!
„Нѣтъ,—стонала Изабелла:—
Я одна лишь знала тайну!
И владѣть собой умѣла!

Даже онъ — не смѣлъ подумать!
Гдѣ жъ предатель? гдѣ Іуда?
Это имя только чудомъ
Могъ ты знать...“
— „И было чудо,—

Произнесъ монахъ: — и нынѣ
Не случайно, не напрасно
Въ храмъ пришла ты... Это имя —
Вотъ оно!..“
О, мигъ ужасный!..

Вдругъ лицо свое худое,
Самъ робѣя безъ отчета,

Къ Изабеллѣ онъ приблизилъ
И, дрожа, шепнулъ ей что-то..

Отшатнулась, онѣмѣла
Королева въ лютомъ страхѣ!
Взоръ съ тоской и изумленьемъ
Такъ и замеръ на монахѣ...

На нее жъ его два глаза
Съ торжествомъ изъ тьмы глядѣли;
Точно всю ее опутать
И сковать они хотѣли...

И душа ея, какъ птичка
Въ тонкой сѣткѣ птицелова,
Перепуганная, билась,
Уступала, билась снова...

Въ храмѣ пусто, въ храмѣ тихо;
Неподвижны вкругъ святые;
Страшны хладныя ихъ лица,
Страшны думы неземныя....

Лишь звучалъ монаха шопотъ
И порывистый и страстный:
„Признаю Твой промыслъ, Боже!
Перстъ Твой, Боже, вижу ясно!“

Свѣтелъ ликомъ, къ королевѣ
Онъ воззвалъ: „Жена, не сѣтуй!
Милосердъ къ тебѣ Всевышній!
Вотъ что̀ въ ночь свершилось эту!

Для меня вся ночь — молитва!
Видитъ плачъ мой сокровенный,
И біенье въ грудь, и муки
Онъ Одинъ, гвоздьми пронзенный!

Въ эту ночь — среди рыданій —
Вдругъ объялъ меня чудесный
Сонъ, и, вижу я, всю келью
Преисполнилъ свѣтъ небесный.

Мужъ въ верблюжьей грубой рясѣ,
Онымъ свѣтомъ окруженный,
Подошелъ ко мнѣ и по̀звалъ —
Я упалъ предъ нимъ, смущенный.

Онъ же рекъ тогда: „Предстанетъ
Нынѣ въ храмѣ предъ тобою

Величайшая изъ грѣшницъ
Съ покровенной головою.

Отврати ее отъ бездны,
Отъ пути Іезавели,
Коей кровь на стогнахъ града
Псы лизали, мясо ѣли".

Усомнился я — помыслилъ:
То не въ грѣхъ ли новый вводитъ
Бѣсъ-прельститель, бѣсъ, который
Часто ночью въ кельяхъ бродитъ?

Моему ли окаянству
Ввѣритъ Богъ Свое велѣнье?.."
Но прозрѣлъ угодникъ Божій
Въ тотъ же мигъ мое сомнѣнье:

„Се ли, рекъ, твоя есть вѣра?"
Я же: „О, владыко! труденъ
Этотъ подвигъ! Дьяволъ силенъ,
А мой разумъ слабъ и скуденъ".

„Повинуйся, рекъ онъ паки,
Повинуйся, рабъ лѣнивый!
Се есть знаменье, которымъ
Побѣдиши грѣхъ кичливый!"

И развилъ онъ длинный свитокъ:
Въ буквахъ огненныхъ сіяли
Въ немъ дѣла твои и тайны,
Прегрѣшенья и печали...

И читалъ я передъ каждымъ
Судъ Господень — и скорбѣла
Вся душа моя, и плакалъ
О тебѣ я, Изабелла!.."

У самой у Изабеллы
Сердце въ ужасѣ застыло...
„Чудо — гнѣвъ небесный — чудо..."
Какъ во снѣ она твердила...

„Неужель... не Ты, о, Боже!
Двигалъ волею моею!
Неужели весь мой разумъ —
Не былъ мыслію Твоею!

Лишь о подданныхъ любезныхъ,
Лишь о милостяхъ безъ счета,

О смягченьи грубыхъ нравовъ —
Вся была моя забота!..

Я лишь радовалась духомъ,
Лучшимъ людямъ въ царствѣ ввѣрясь —
И ужели въ этомъ — гибель!
Неужели — въ этомъ ересь!..“

— „О, заблудшееся сердце! —
Восклицалъ монахъ надъ нею: —
О, сосудъ неоцѣненный
Для даровъ и для елею!

Влей въ него святое муро!..
Гласа свыше удостоенъ,
Я земному неподкупенъ,
Средь житейскихъ волнъ — спокоенъ!

Волю Божью, яко солнце,
Вижу ясно! Въ чемъ спасенье —
Осязаю!.. Королева!
Здѣсь, въ рукахъ моихъ — прощенье!“

Говорилъ онъ вдохновенный,
И въ словахъ его звучали
Сила вѣры, стоны сердца,
Міру чуждыя печали...

Изабелла, на колѣняхъ,
За слезой слезу роняла
И, закрывъ лицо руками,
„Что̀ жъ мнѣ дѣлать?“ — повторяла.

— „Надо дѣлъ во славу Божью!
Чтобъ они, дѣла благія,
На вѣсахъ предвѣчной Правды
Перевѣшивали злыя!

Ополчися на нечестье!
Въ царствѣ зло вели измѣрить,
Отличить худыхъ отъ добрыхъ,
Совѣсть каждаго провѣрить...

Тотчасъ видно въ человѣкѣ,
Чѣмъ онъ дышитъ, чѣмъ напитанъ —
Изъ того ужъ, какъ онъ смотритъ,
Изъ того ужъ, какъ молчитъ онъ!

Эти лица безъ улыбки,
Этотъ видъ худой и блѣдный —

Явно—дьявольскія клейма.
Духъ сомнѣнія зловредный!..“

Говорилъ онъ вдохновенный,
Но недвижная, нѣмая
Оставалась Изабелла,
Глазъ къ нему не подымая...

„Трибуналъ устрой духовный,—
Говорилъ онъ:—чрезвычайный,
Чтобъ слѣдилъ онъ въ цѣломъ царствѣ
За движеньемъ мысли тайной;

Чтобы слухъ его былъ всюду,
Глазъ насквозь бы видѣлъ души —
Въ городахъ, въ домахъ и кельяхъ,
Въ полѣ, на морѣ, на сушѣ;

Чтобъ стоялъ онъ невидимый,
Въ школахъ, въ храмахъ, подъ землею,
И между отцомъ и сыномъ,
Между мужемъ и женою...

И тогда—въ твоихъ народахъ
Умъ и сердце, трудъ и знанье—
Все сольется въ хоръ согласный,
Восхвалятъ Отца созданья!

Ни однимъ нестройнымъ гласомъ
Слухъ Его не оскорбится...
И тебѣ тогда, царица,
Все простится! все простится!..“

— „Все простится...“—повторила
Изабелла... лучъ желанный,
Какъ маякъ для морехода,
Ей блеснулъ въ дали туманной...

Подняла къ монаху очи:
Слезы все на нихъ дрожали,
Но уже сквозь слезъ надежда
И довѣріе сіяли...

— „Возвратись же въ домъ свой съ миромъ!
И зови меня, худого,
Коль рѣчей моихъ смиренныхъ
Возжелаешь сердцемъ снова...

А въ дому своемъ отнынѣ
Тщися мудрыми рѣчами,

Какъ Эсѳирь, въ супругѣ сердце
Преклонить—да будетъ съ нами!

Говори ему въ совѣтѣ,
Средь забавъ, на брачномъ ложѣ,
За трапезой, съ лаской, съ гнѣвомъ,
День и ночь, одно и то же!

Такъ, какъ капля бьетъ о камень,
Говори, моли и требуй —
И тогда, о! все простится!
Всѣмъ угодна будешь Небу!..“

Онъ умолкъ. Ужъ Изабелла,
Какъ дитя, за нимъ слѣдила
И за нимъ опять невольно —
„Все простится“—повторила...

По устамъ у Сан-Мартино
Пробѣжалъ улыбки трепетъ...
Богомольныхъ дамъ—быть-можетъ —
Вспомнилъ онъ невинный лепетъ,

Вспомнилъ тайну королевы, —
И какъ будто осіянный
Новой мыслью,—„все простится“,
Подтвердилъ съ улыбкой странной.

Во дворцѣ и передъ храмомъ,
Свита—доньи и дуэньи
Ожидали королеву
Въ несказанномъ нетерпѣньи.

Какъ ей чудный исповѣдникъ
Показался—знать желали,
И едва она къ нимъ вышла,
Съ любопытствомъ вопрошали:

„Ну, каковъ?“—Собой владѣя,
Королева, безъ смущенья,
Равнодушно отвѣчала:
„Производитъ впечатлѣнье“.

1861.

VII.

ЖРЕЦЪ.

(Отрывокъ).

Изидинъ жрецъ въ Египтѣ жилъ.
Святымъ въ народѣ онъ прослылъ
За то, что грѣшную природу
Онъ побѣдилъ въ себѣ, какъ могъ,
Ѣлъ только злаки, пилъ лишь воду
И весь, какъ мумія, изсохъ.
„Учитесь,—онъ вѣщалъ народу:—
Я жилъ средь васъ; я посѣщалъ
Вертепы роскоши порочной,
И яствъ и питій искушалъ
Себя я запахомъ нарочно;
Смотрѣлъ на пляски вашихъ дѣвъ,
Коварный слушалъ ихъ напѣвъ;
Съ мѣшкомъ, набитымъ туго златомъ,
Ходилъ по рынкамъ я богатымъ,—
Но вотъ — ни крови ни очамъ
Своей души въ соблазнъ я не далъ:
Я вашихъ брашенъ не отвѣдалъ
И злато бросилъ нищимъ псамъ,
И чистъ, какъ духъ, иду я нынѣ,
Чтобъ съ Богомъ говорить въ пустынѣ!“

И вышелъ онъ, свои стопы
Въ пустыни дальнія направя.
Смотрѣли вслѣдъ ему толпы;
Гіерофантъ, его наставя
На трудный путь, своей рукой
Благословилъ: „Иди, учися,—
Сказалъ:—и послѣ къ намъ вернися
И тайну жизни намъ открой!“

Минули многіе ужъ годы...
О немъ пропалъ и самый слухъ;
Межъ тѣмъ онъ въ таинства природы
Пытливо погружалъ свой духъ,
И изнуренный, исхудалый,
Какъ тѣнь въ пустынѣ онъ бродилъ
И ероглифами браздилъ
Людьми нетронутыя скалы.

Разъ у ручья онъ между скалъ
Въ весенній вечеръ возсѣдалъ.
Пустыня въ сумракѣ синѣла;
Верхушка пальмы лишь алѣла
Надъ головой его, одна
Закатомъ дня озарена...
И безъ конца и безъ начала
Какъ будто музыка звучала,
Несясь невѣдомо куда
Въ степи, безъ цѣли, безъ слѣда...
Что̀ приносили эти звуки?
Пустыни ль жалобныя муки?
Иль гулъ отъ дальнихъ городовъ,
Гдѣ при огняхъ, среди пировъ,
Въ садахъ, во храмахъ раздаются
Кипящей жизни голоса
И отъ земли на небеса
Могучимъ откликомъ несутся?..
И вспомнилъ жрецъ, какъ бы сквозь сонъ,
Какъ былъ къ сатрапу приведенъ
Обманомъ онъ на искусъ страшный:
Чертогъ въ цвѣтахъ благоухалъ,
Лилось вино, дымились брашны,
Сатрапъ въ подушкахъ возлежалъ;
Предъ нимъ лезбіянка плясала,
Кидая въ воздухъ покрывало;
Къ сатрапу бросилась потомъ
И кубокъ подала съ виномъ;
Ее обнявъ, отпивъ изъ кубка,
Поилъ онъ дѣву и въ уста
Ее лобзалъ, и, какъ голубка,
Къ нему ласкалась красота;
Вдругъ онъ жрецу сказалъ, вставая:
„Она твоя! Садись и пей!“
И ихъ оставилъ... И, какъ змѣй,
Къ своей добычѣ подползая,
Чаруетъ взглядомъ и мертвитъ,
Она впилась въ него очами,
Идетъ къ нему, — и вдругъ руками
Онъ бѣлоснѣжными обвитъ!
Уста съ пылающимъ дыханьемъ
Къ нему протянуты съ лобзаньемъ,
И жизнью, трепетомъ, тепломъ
Охваченъ онъ... „Уйдемъ, уйдемъ! —

Она твердитъ:—бѣги со мною!
Вонъ бѣлый Нилъ! уйдемъ скорѣй,
Возьмемъ корабль! летимъ стрѣлою
Къ Аѳинамъ, въ мраморный Пирей!
Тамъ все иное — люди, нравы!
Тамъ покрывалъ на женахъ нѣтъ!
Мужамъ поютъ тамъ гимны славы,
Тамъ воля, игры, жизнь и свѣтъ!..“
О, злыя чары женской рѣчи!..
Благоухающія плечи
Предъ нимъ открыты... рядъ зубовъ
Бѣлѣлъ, какъ нитка жемчуговъ...
Густыя косы разсыпались
Изъ-подъ повязки — и, блестя,
Сережки длинныя качались,
По ожерелью шелестя...
И этотъ блескъ, и этотъ лепетъ,
И страстный пылъ, и сладкій трепетъ
Въ жрецѣ всю душу взволновалъ:
Окаменѣлъ онъ въ изумленьи —
Но вдругъ очнулся отъ забвенья
И съ дикимъ крикомъ убѣжалъ!

Къ чему жъ опять она мелькнула,
Какъ по пустынѣ мотылекъ?
И обернулась, и вздохнула,
Пролепетавъ: „а ты бы могъ...“
Смутился жрецъ, удвоилъ бдѣнье,
Но дѣва все стоитъ предъ нимъ!
Ужъ въ неотступное видѣнье
Вперивши взоръ, онъ, недвижимъ,
Ей нѣжно шепчетъ, какъ подругѣ,
То страстно молитъ, то коритъ,
То, вдругъ очнувшися, въ испугѣ,
Какъ отъ врага въ степи бѣжитъ...
Но нѣтъ забвенья! Нѣтъ спасенья!
Въ его больномъ воображеньи
Какъ будто выжженъ ясный ликъ —
Вездѣ лезбіянка младая!..
И кость въ немъ сохнетъ, изнывая,
Глаза въ крови, горитъ языкъ;
Косматый рыщетъ онъ въ пустынѣ,
Какъ звѣрь израненный реветъ,
Въ пескѣ катаясь, міръ клянетъ

И въ ярости грозитъ богинѣ...
А вкругъ — безъ цѣли, безъ слѣда,
Несясь невѣдомо куда,
И безъ конца и безъ начала,
Какъ будто музыка звучала,
И, сыпля звѣзды безъ числа,
По небу тихо ночь плыла...
1848, 1858.

VIII.

ПОСЛѢДНІЕ ЯЗЫЧНИКИ.

Когда въ челѣ своихъ дружинъ
Увидѣлъ крестъ животворящій
Изъ царской ставки Константинъ
И палъ предъ Господомъ, молящій, —

Смутились старые вожди,
Столпы языческаго міра...
Они, съ отчаяньемъ въ груди,
Встаютъ съ одра, встаютъ отъ пира,

Бѣгутъ къ царю, вопятъ: „О, царь!
Ты губишь все, свою державу,
И государство, и алтарь,
И вѣчный Римъ, и предковъ славу!

Предъ кѣмъ ты палъ? Вѣдь то рабы!
И ихъ ты слушаешь, владыко!
И утверждаешь царствъ судьбы
На ихъ ты проповѣди дикой!

Вѣрь прозорливости отцовъ!
Ихъ распинать и жечь ихъ надо!
Не медли, царь, скорѣй оковъ!
Безумна милость и пощада!“

Но не внималъ имъ Константинъ,
Видѣньемъ свыше озаренный,
И поднялъ стягъ своихъ дружинъ,
Крестомъ Господнимъ осѣненный.

Въ негодованьи цѣпь съ орломъ
Трибуны съ плечъ своихъ сорвали
И шумно въ груды предъ царемъ
Свое оружье побросали —

И разошлися...
Побѣдилъ
Къ Христу прибѣгшій императоръ!
И предъ Распятымъ преклонилъ
Свои колѣна тріумфаторъ.

И повелѣлъ по городамъ
Съ сыновъ Христа снимать оковы,
И строить сталъ за храмомъ храмъ,
И словеса читать Христовы.

Трибуны старые въ домахъ
Сидѣли, злобно ожидая,
Какъ, потрясенная, во прахъ
Падетъ имперія родная.

Они сбирались въ древній храмъ
Со всѣхъ концовъ на годовщину
Молиться дѣдовскимъ богамъ,
Пророча гибель Константину.

Но время шло. Ихъ кругъ рѣдѣлъ,
И гасли старцы другъ за другомъ...
А надъ вселенной крестъ горѣлъ,
Какъ солнца лучъ надъ вешнимъ лугомъ.

Осталось двое только ихъ.
Храня обѣтъ, другъ другу данный,
Они во храмъ боговъ своихъ
Сошлися, розами вѣнчанны.

Заросъ и треснулъ старый храмъ;
Кумиръ поверженный валялся;
Изъ оконъ храма ихъ очамъ
Константинополь открывался:

Синѣлъ Эвксинъ, блестѣлъ Босфоръ;
Вздымались куполы цвѣтные;
Тамъ—на вселенскій шли соборъ
Ерархи, иноки святые;

Тамъ—колесницы, корабли...
Подъ твердью неба голубою
Сливался благовѣстъ вдали
Съ побѣдной воинской трубою...

Смотрѣли молча старики
На эту роскошь новой славы,

Полны завистливой тоски,
Стыдясь промолвить: „мы неправы“.

Давно ужъ въ мірѣ безъ утѣхъ
Свой вѣкъ они влачили оба;
Давно смѣшна была для всѣхъ
Тупая, старческая злоба...

Они глядятъ—и ждетъ ихъ взоръ—
Эвксинъ на городъ не прорвется ль?
Изъ-за морей нейдетъ ли моръ?
Кругомъ земля не пошатнется ль?

Глядятъ, не встанетъ ли кумиръ...
Но Олимпіецъ, грудью въ прахѣ,
Лежитъ недвижимъ, нѣмъ и сиръ,
Какъ трупъ предъ палачомъ на плахѣ.

Проклятья самыя мертвы
У нихъ въ устахъ... лишь льются слезы
И старцы съ дряхлой головы
Снимаютъ молча плющъ и розы...

Ушли... Распятіе въ пути
На перекресткѣ ихъ встрѣчаетъ...
Но нѣтъ! Не поняли они,
Что Божій сынъ и ихъ прощаетъ.

1857.

IX.

ПРИГОВОРЪ.

(Легенда о Констанцскомъ соборѣ).

На соборѣ, на Констанцскомъ,
Богословы засѣдали;
Осудивъ Іогана Гуса,
Казнь ему изобрѣтали.

Въ длинной рѣчи докторъ черный,
Перебравъ всѣ истязанья,
Предлагалъ ему соборно
Присудить колесованье,

Сердце, зла источникъ, кинуть
На съѣденье псамъ поганымъ,
А языкъ, какъ зла орудье,
Дать склевать нечистымъ вранамъ;

Самый трупъ—предать сожженью,
Напередъ проклявъ трикраты,
И на всѣ четыре вѣтра
Бросить прахъ его проклятый...

Такъ, по пунктамъ, на цитатахъ,
На соборныхъ уложеньяхъ,
Приговоръ свой докторъ черный
Строилъ въ твердыхъ заключеньяхъ;

И, дивясь, какъ все онъ взвѣсилъ
Въ безпристрастномъ приговорѣ,
Восклицали: „bene, bene!“
Люди, опытные въ спорѣ;

Каждый чувствовалъ, что смута
Многихъ лѣтъ къ концу приходитъ,
И что докторъ изъ сомнѣній
Ихъ, какъ изъ лѣсу, выводитъ...

И не чаяли, что тутъ же
Ждетъ еще ихъ испытанье...
И соблазнъ великій вышелъ!
Такъ гласитъ повѣствованье:

Былъ при кесарѣ въ тотъ вечеръ
Пажикъ розовый, кудрявый;
Въ рѣчи доктора немного
Онъ нашелъ себѣ забавы;

Онъ глядѣлъ, какъ мракъ густѣетъ
По готическимъ карнизамъ;
Какъ скользятъ лучи заката
Вкругъ по мантіямъ и ризамъ;

Какъ рисуются на мракѣ,
Краснымъ свѣтомъ облитые,
Усъ задорный, черепъ голый,
Лица добрыя и злыя...

Вдругъ въ открытое окошко
Онъ взглянулъ и—оживился;
За пажомъ невольно кесарь
Поглядѣлъ, развеселился—

За владыкой—рядъ за рядомъ,
Словно нива отъ дыханья
Вѣтерка, оборотилось
Тихо къ саду все собранье:

Грозный сонмъ князей имперскихъ,
Изъ Сорбонны депутаты,—
Трирскій, Люттихскій епископъ,
Кардиналы и прелаты—

Оглянулся даже папа!—
И суровый ликъ дотолѣ
Мягкой старческой улыбкой
Озарился поневолѣ;

Самъ ораторъ, докторъ черный,
Началъ путаться, сбиваться,
Вдругъ умолкнулъ и въ окошко
Сталъ глядѣть и—улыбаться!

И чего жъ они такъ смотрятъ?
Что̀ могло привлечь ихъ взоры?
Развѣ небо голубое?
Или—розовыя горы?

Но—они таятъ дыханье
И, отдавшись сладкимъ грёзамъ,
Точно слѣдуютъ душою
За искуснымъ виртуозомъ...

Дѣло въ томъ, что въ это время
Вдругъ запѣлъ въ кусту сирени
Соловей предъ темнымъ за̀мкомъ,
Вечеръ празднуя весенній;

Онъ запѣлъ—и каждый вспомнилъ
Соловья такого жъ точно,
Кто въ Неаполѣ, кто въ Прагѣ,
Кто надъ Рейномъ въ часъ урочный,

Кто—таинственную маску,
Блескъ луны и блескъ залива,
Кто—трактировъ швабскихъ Гебу,
Разливательницу пива...

Словомъ—всѣмъ пришли на память
Золотые сердца годы,
Золотыя грёзы счастья,
Золотые дни свободы...

И—исторія не знаетъ,
Сколько длилося молчанье,
И въ какихъ странахъ витали
Души чернаго собранья...

Былъ въ собраньи этомъ старецъ;
Изъ пустыни вызванъ папой
И почтенъ за строгость жизни
Кардинальской красной шляпой, —

Вспомнилъ онъ, какъ тамъ, въ пустынѣ,
Миръ природы, птичекъ пѣнье
Укрѣпляли въ сердцѣ силу
Примиренья и прощенья;

И какъ шопотъ раздается
По пустой, огромной залѣ,
Такъ въ душѣ его два слова:
„Жалко Гуса“ прозвучали;

Машинально, безотчетно
Поднялся онъ—и, объятья
Всѣмъ присущимъ открывая,
Со слезами молвилъ: „Братья!“

Но, какъ будто перепуганъ
Звукомъ собственнаго слова,
Костылемъ ударилъ объ полъ
И упалъ на мѣсто снова;

„Пробудитесь!—возопилъ онъ,
Блѣдный, ужасомъ объятый:—
Дьяволъ, дьяволъ обошелъ насъ!
Это гласъ его, проклятый!..

Каюсь вамъ, отцы святые!
Льстивой пѣснью обаянный,
Позабылъ я пребыванье
На молитвѣ неустанной—

И вошелъ въ меня нечистый!—
Къ вамъ простеръ мои объятья,
Изъ меня хотѣлъ воскрикнуть:
„Гусъ невиненъ“.—Горе, братья!..“

Ужаснулося собранье,
Встало съ мѣстъ своихъ, и хоромъ
„Да воскреснетъ Богъ“ запѣло
Духовенство всѣмъ соборомъ,—

И, очистивъ духъ отъ бѣса
Покаяньемъ и проклятьемъ,
Всѣ упали на колѣни
Предъ серебрянымъ распятьемъ,—

И, возставъ, Іогана Гуса,
Церкви Божьей во спасенье,
Въ назиданье христіанамъ,
Осудили—на сожженье...

Такъ святая ревность къ вѣрѣ
Побѣдила ковы ада!
Отъ соборнаго проклятья
Дьяволъ вылетѣлъ изъ сада,

И надъ озеромъ Констанцскимъ,
Въ видѣ огненнаго змѣя,
Пролетѣлъ онъ надъ землею,
Въ лютой злобѣ искры сѣя.

Это видѣли: три стража,
Двѣ монахини-старушки
И одинъ констанцскій ратманъ,
Возвращавшійся съ пирушки.

1860.

X.

ПОЭТЪ И ЦВѢТОЧНИЦА.

(Гётевская элегія).

Она.

Высыпь цвѣты изъ корзины у ногъ моихъ, милый,
Сядь и ужъ мнѣ не мѣшай!.. Скоро смеркаться начнетъ.

Онъ.

Что за хаосъ вкругъ тебя! И надъ нимъ, какъ Любовь, ты склонилась,
Мыслью готова въ него жизнь и гармонію влить!

Она.

Розы не трогай: чудесныя розы! изъ нихъ—заглядѣнье
Выйдетъ вѣнокъ—и тебѣ этотъ вѣнокъ я подамъ!

Онъ.

Какъ мнѣ забавно всегда! На пиру ты вѣнокъ мнѣ подносишь!
Я равнодушнымъ кажусь—самъ же весь занятъ тобой!

Она.

Ты не глядишь на меня, но я чувствую взглядъ твой горячій...
Точно сребристую сѣть я за собой волочу!

Онъ.

Это влечетъ тебя сердце мое въ уголокъ нашъ укромный,
Гдѣ ты—какъ Флора въ цвѣтахъ, и у колѣнъ твоихъ я.

Она.

Да, а сойдемся мы здѣсь—отъ меня ты ужъ мыслью далёко!
Вотъ и теперь не глядишь... Что̀ же ты вдругъ замолчалъ?

Онъ.

Вотъ что̀ я вспомнилъ: былъ Павзій, художникъ; любилъ онъ Гликеру;
Плесть мастерица была эта Гликера вѣнки.

Она.

Это—какъ будто бы мы! Только ты не художникъ, а лучше—
Фебомъ любимый поэтъ! Гордость и слава Аѳинъ!

Онъ.

Эту Гликеру прелестнѣйшей дѣвушкой, милымъ ребенкомъ,
Онъ всю въ цвѣтахъ написалъ и—обезсмертилъ себя!

Она.

Что̀ же? И ты обезсмерть себя славной поэмой!.. Я часто
Думаю: что̀ бы тебѣ нашу любовь описать?

Онъ.

Павзій—счастливѣй! черты своей милой Гликеры онъ кистью
Могъ передать; а въ стихахъ—какъ опишу я тебя?

Она.

Вотъ ты какъ сдѣлай: пусть въ Индіи будетъ, гдѣ звѣри и птицы
Дружно съ людьми говорятъ, много гдѣ всякихъ чудесъ!..

Онъ.

Странно! Съ любовью въ разладъ вдохновенье идетъ у поэта:
Кажется—какъ я люблю!.. И—хоть бы пѣснь! хоть бы стихъ!

Она.

Жилъ тамъ волшебникъ: малюткой царевну похитилъ... Малютка
Стала цвѣты продавать; только, однажды былъ пиръ...

Онъ.

Царскій былъ сынъ на пиру: онъ влюбился, и кончилось свадьбой!
Въ сказкахъ всегда это такъ... только немного старо...

Она.

Нѣтъ, не старо! Можно выдумать рядъ приключеній чудесныхъ...
Какъ онъ умомъ и мечомъ чары умѣлъ побѣдить...

Онъ.

Бился съ гигантами! Конное, пѣшее войско съ слонами,
Тьмы колесницъ золотыхъ въ бѣгство одинъ обратилъ!

Она.

Ты только шутишь со мной!.. А молчанье твое мнѣ ужасно!..
Помнишь ли ты на пиру первый вѣнокъ мой тебѣ?

Онъ.

Этотъ вѣнокъ и теперь у меня надъ кроватью хранится...
Первый, который ты мнѣ, пиръ обходя, подала?

Она.

Помнишь—вѣнчая твой кубокъ, я почку въ вино уронила;
Выпивъ вино, ты сказалъ: „Дѣва! цвѣты—это ядъ!“

Онъ.

Какъ же!.. И съ маленькимъ женскимъ лукавствомъ и дѣтски краснѣя,
„Пчелки, сказала ты, въ нихъ медъ достаютъ, а не ядъ!“

Она.

Если съ тѣхъ поръ твоя муза молчитъ, ты угрюмъ и несчастливъ,
Значитъ, то правда, что жизнь я отравила тебѣ?

Онъ.

Полно, мой другъ, я молчу лишь отъ счастья!.. Какъ музыка, нѣжный
Голосъ твой мнѣ прозвучалъ тамъ, средь мужскихъ голосовъ!

Она.

Лучше бъ молчать мнѣ и пчелокъ не трогать! Вѣдь къ этому слову
Рыжій придрался Тимантъ, крикнулъ:—„И шмель не дуракъ!“

Онъ.

Гнусный Силенъ!.. И облапилъ тебя, какъ медвѣдь! Покатилась
Въ уголъ корзина твоя... всѣ разлетѣлись цвѣты!..

Она.

Какъ онъ меня напугалъ!.. Только слышу: „оставь ее, циникъ!“
Вижу—ты съ мѣста вскочилъ, свѣтелъ, какъ самъ Аполлонъ!

Онъ.

Онъ не сробѣлъ, а держалъ тебя, бѣлые зубы оскаливъ,
Легкое платье твое по поясъ съ плечъ разорвалъ...

Она.

Ужасъ! Какъ бросишь въ него ты серебрянымъ кубкомъ!.. Я помню,
Какъ онъ о черепъ его звякнулъ и прыгать пошелъ!..

Онъ.

Гнѣвъ и вино ослѣпляли меня!.. Но успѣлъ разглядѣть я,
Какъ ни старалась ты скрыть, круглое... это плечо...

Она.

Ахъ, что̀ за шумъ поднялся! Весь облитый виномъ, онъ затрясся!
Съ мокрыхъ волосъ по лицу кровь заструилась ручьемъ...

Онъ.

Только тебя я и видѣлъ!.. Въ слезахъ, на полу, на колѣняхъ,
Платье одною рукой ты собирала на грудь...

Она.

Блюдо, тарелки въ тебя полетѣли, звеня и блистая!
Точно взбѣшенный Аяксъ, все онъ ломалъ вкругъ себя!

Онъ.

Только тебя я и видѣлъ!.. Какъ быстро другою рукою
Ты подбирала вѣнки, взоромъ за нами слѣдя...

Она.

Доброе сердце! Ты думалъ—меня ушибутъ... а хозяинъ
Ярость обрушитъ на мнѣ—всталъ и меня заслонилъ.

Онъ.

Пестрый коверъ перекинулъ я на руку, точно готовясь
Въ битвѣ съ свирѣпымъ быкомъ бросить ему на глаза!

Она.

Я ускользнула, увидя, что гости вступились, стараясь
За руки васъ удержать, вмѣстѣ стыдя и моля.

Онъ.

Къ счастью, все кончилось смѣхомъ: вскочилъ и трагическимъ тономъ:
„Что̀ вы, ахейцы!“ намъ рѣчь сталъ говорить Діогенъ.

Она.

Этотъ сѣдой Діогенъ притворяется только сердитымъ;
Право, душа у него, кажется, вовсе не зла!..

Онъ.

Онъ успокоилъ все шуткой... Но тщетно тебя я хватился!
Три дня тебя я искалъ! Три дня на рынкѣ бродилъ!

Она.

Я со стыда не могла показаться... Вѣдь всѣ меня знаютъ,
Любятъ—и вдругъ обо мнѣ въ городѣ говоръ пошелъ.

Онъ.

Много я видѣлъ вѣнковъ, много видѣлъ цвѣтовъ и цвѣточницъ,
Не было только одной—маленькой Лиды моей!

Она.

Дома вѣнки я сплетала... рядкомъ ихъ, бывало, развѣшу...
Вотъ и теперь они тутъ... всѣ ужъ засохли давно!

Онъ.

Гдѣ ты живешь, переспрашивалъ женщинъ, старухъ я на рынкѣ,
Даже гулякъ и повѣсъ,—всѣ становились втупикъ!

Она.

Вечеръ, бывало, сижу я, гляжу на вѣночки и плачу...
Ночь подвигалась... цвѣта гасли одинъ за другимъ...

Онъ.

Въ горѣ, усталый, къ богамъ я взывалъ, къ Аполлону взывалъ я:
„О, сребролукій! да гдѣ жъ? гдѣ же укрылась она?“

Она.

Все мнѣ казалось, что вотъ ты войдешь... и что̀ буду я дѣлать?
Съ тайной надеждой пошла на̀ площадь я наконецъ...

Онъ.

Я ужъ давно тамъ бродилъ... Насмотрѣлся, наслушался вдоволь!
Рыба, плоды, пѣтухи! Крики ословъ и старухъ!..

Она.

Что̀ тамъ за шумъ былъ, когда я тебя наконецъ увидала?

Онъ.

Право, не знаю... но вдругъ ты мнѣ мелькнула въ толпѣ...

Она.

Точно въ челнѣ сквозь высокій тростникъ, въ тѣснотѣ ты пробился...

Онъ.

И очутилися вдругъ въ шумной толпѣ мы одни!

Она.

Помню, я слышала только, какъ сердце въ груди моей билось...

Онъ.

Рядомъ пошли мы съ тобой... въ очи другъ другу глядя...

Она.

Такъ, какъ теперь ты глядишь, и съ такою же тихой улыбкой...

Онъ.

Какъ ты прекрасна была, солнцемъ облита живымъ!

Она.

Вышли мы за-городъ...

Онъ.

Море блистало въ дали серебристой...

Она.

Все это, милый, теперь кажется сказкою мнѣ!

Онъ.

И безъ волшебника сказка! Безъ царскаго сына, царевны!

Она.

Это—поэма, мой другъ!

Онъ.

Милая Муза моя!

Она.

Тише! вѣнки изомнешь... О, какъ скоро стемнѣло сегодня!..
Какъ же хорошъ и какъ смѣлъ на этомъ пирѣ ты былъ!

1862.

XI.

АЛЕКСИСЪ И ДОРА.

(Пересказъ Гётевской элегіи).

Ахъ, неудержно впередъ, неудержно все далѣ и далѣ
Мчится на всѣхъ парусахъ въ синее море корабль!..
Слѣдъ его длинной темнѣетъ струей, и, сверкая, дельфины
Весело прыгаютъ въ ней, словно добычу ловя.
Кормчій на снасти глядитъ—точно музыку слушаетъ: лихо,
Въ добрую пору пошли! Вѣтеръ попутный какъ разъ!
Очи пловцовъ и мечты ихъ, какъ флаги и вымпелъ летучій,
Весело смотрятъ впередъ... Духомъ поникъ лишь одинъ.
Къ борту склонясь корабля, онъ все смотритъ, какъ горы блѣднѣютъ,
Берегъ уходитъ изъ глазъ... вотъ ужъ изъ виду пропалъ...
„И у тебя, моя Дора,—онъ шепчетъ,—ужъ скрылся изъ виду
Въ морѣ корабль мой и я, милый твой, другъ твой, женихъ!
Тщетно и ты меня ищешь, съ высокаго берега смотришь —
Вкругъ безотвѣтна на все, думой въ себя погрузясь!..
Сердце, прижавшися разъ къ моему, все не можетъ утихнуть!
Мысль твоя новую жизнь тщетно стремится обнять!

Мигъ это былъ, только мигъ, но онъ вдругъ перевѣсилъ всѣ годы,

Мной прожитые во тьмѣ, въ сонномъ, тупомъ забытьѣ.
Словно ударъ громовой, словно молнія въ сердце упала,
Спавшія силы въ груди радостно вдругъ пробудивъ.
Словно совсѣмъ я другой; и смотрю на себя съ любопытствомъ.
Прежняя жизнь моя вдругъ смыслъ получила въ глазахъ...
Такъ стихотворецъ въ стихахъ на пиру предлагаетъ загадку,
Скрывши значенье ея въ образахъ, звукахъ, цвѣтахъ;
Каждымъ любуешься порознь, но вмѣстѣ все дико и странно;
Если жъ разгадку нашелъ, вдругъ получаетъ все смыслъ.
Вотъ и разгадка моя! Все, что въ жизни за счастье считалъ я,
Словно уходитъ во мракъ. Все заслоняя собой,
Образъ ея, незамѣтный доселѣ, одинъ выступаетъ...
Дѣвочкой вижу ее: черные кудри какъ смоль,
Блѣдная смуглость лица, только—длинныя тѣ же рѣсницы,
Черные тѣ же глаза, тотъ же задумчивый взглядъ...
Вотъ вырастаетъ: съ плодами на рынокъ приходитъ поутру,
Вотъ отъ фонтана идетъ съ полнымъ кувшиномъ воды!..
Часто я думалъ: „А вотъ съ головы ты кувшинъ свой уронишь!“
Только, какъ лебедь, она, словно не шла, а плыла...
Къ морю, бывало, мы, юноши, выйдемъ въ вечернюю пору;
Дѣвушки тутъ же сидятъ, въ тѣсный сомкнувшись кружокъ,
Смотрятъ, какъ плоскіе камни плашмя по водѣ мы кидаемъ;
Чей сдѣлалъ больше прыжковъ, славу тому прокричатъ...
Крикнутъ и мнѣ: я жъ и знать не хотѣлъ, есть ли Дора межъ ними!
Всѣ пропадаютъ теперь, вижу одну лишь ее.
Вижу задумчивый взглядъ, изъ толпы на меня устремленный,
Такъ и слѣдитъ онъ за мной, всюду онъ ищетъ меня...
Видѣлъ ее я, какъ мѣсяцъ и звѣзды видаемъ мы ночью,—
Развѣ приходитъ на мысль ими когда обладать?
Садъ—стѣна объ стѣну съ нашимъ; бывало, калитка открыта,
Но заглянуть хоть бы разъ—въ мысль не пришло никогда...
Подлѣ! такъ близко! Теперь же межъ нами широкое море!
Вѣтра съ недѣлю я жду. Въ скукѣ брожу какъ шальной.
Вдругъ прибѣгаетъ матросъ, кличетъ: „Вѣтеръ попутный! скорѣе!
Тотчасъ канатъ отдаемъ. Вздернемъ какъ разъ паруса!“
Я собираюсь, бѣгу. Кое-какъ съ стариками простился...
Даже всплакнуть-то хоть разъ—знали, что некогда имъ!
Въ руки мнѣ суютъ припасы. Я на руку плащъ, выбѣгаю;
Дора въ калиткѣ стоитъ, что-то мнѣ хочетъ сказать.
„Дора, прощай!“ говорю, и бѣгу,—чуть кивнулъ головою.

—„Можно тебя попросить,—такъ вѣдь сказала она,—
Ты за товарами ѣдешь... цѣпочку давно мнѣ хотѣлось...
Будь же такъ добръ, привези, я заплачу по цѣнѣ“.
Спрашивать (нехотя даже!) я началъ: какую, что̀ вѣсу?
„Самую малую мнѣ цѣну“,—сказала она...
Я поглядѣлъ на нее... Да ужель это Дора?.. Та Дора,—
Та, что̀ я видѣлъ вчера?.. Слѣпъ ли я былъ до сихъ поръ?
Иль измѣнилась она?.. То подыметъ стремительно очи,
То ихъ опуститъ на грудь... Щеки румянцемъ горятъ...
Вкругъ нея, словно вкругъ дѣвственной дщери Олимпа, сіяньс!
Боги!.. А съ пристани тамъ громче и громче кричатъ...
„Вотъ захвати ты съ собой,—встрепенулась она,—апельсиновъ,
На морѣ негдѣ достать, и не во всякой землѣ...“
Скрылась въ калитку; и я вслѣдъ за ней; апельсины срываетъ:
Пальцы на солнцѣ сквозятъ... тѣни скользятъ по лицу...
Падаетъ плодъ за плодомъ... я за нею едва поспѣваю...
„Будетъ!“ твержу, но она ищетъ все лучшихъ вверху...
„Тотчасъ уложимъ въ корзину“,—корзина въ бесѣдкѣ стояла—
Сводъ виноградныхъ листовъ принялъ подъ тѣнь свою насъ...
Стала плоды она молча въ корзину укладывать, въ листья...
Ахъ, я боялся дышать! Сердце жъ стучало въ груди!
Вотъ и корзина готова, а я—все стою неподвижно...
Дора!—Тутъ очи и ты вдругъ подняла на меня...
Какъ же тутъ было? И что̀ мы сказали, что вдругъ очутилась
Грудь твоя подлѣ моей?.. Вижу, твоя голова
Тутъ у меня на плечѣ... по щекѣ пробирается слезка...
„Дора! ты вѣчно моя?“—вырвалось вдругъ у меня...
—„Вѣчно!“ промолвила ты, и уста наши встрѣтились сами!..
Съ берега громче кричатъ. Вижу—въ калитку матросъ
Кличетъ и выставилъ, словно сердитый Тритонъ, свою рожу...
Боги! Вдругъ счастье обнять—и потерять въ тотъ же мигъ!..
Другъ противъ друга стоимъ мы, и слезы текутъ у обоихъ...
Какъ подбѣжалъ тутъ матросъ, побралъ пожитки мои,
Въ зубы корзину съ плодами схватилъ, и меня за одежду,
Съ бранью, толкая, увелъ... Какъ я взошелъ на корабль...
Все это точно какъ сонъ!.. Помню—берегъ въ глазахъ вдругъ поѣхалъ—
Домы, деревья, гора... Тутъ лишь опомнился я...
Къ борту припалъ: разбиваяся, съ пѣною волны мелькаютъ,
Крѣпкія снасти скрипятъ... Я чуть стою на ногахъ...
Въ сердцѣ лишь „вѣчно твоя“ и звучитъ... весь дрожу я, какъ лира,
Долго хранящая гулъ трудно стихающихъ струнъ...
Да, ты взошло, мое солнце! Завѣса съ грядущаго спала,

Дора! Отнынѣ тебѣ—жизнь моя, слава, труды!..
Вѣй же, попутный Эолъ!.. Подтяните-ка парусъ потуже!
Вправо возьмите руля!.. Ухъ, словно птица летимъ!..“

1863.

XII.

КОНЬ.

(Изъ сербскихъ пѣсенъ).

Свѣтлолица, черноброва,
Веселѣе бѣла дня,
Водитъ дѣвица лихова
Опѣненнаго коня;

Гладитъ гриву воронова
И въ глаза ему глядитъ:
„Я коня еще такова
Не видала!—говоритъ.—

Чай, коня и всадникъ стòитъ...
Только онъ тебя наврядъ
Вдоволь холитъ и покоитъ...
Чтò онъ—холостъ аль женатъ?“

Конь мотаетъ головою,
Бьетъ ногою, говоритъ:
„Холостъ—только за душою
Думу крѣпкую таитъ.

Онъ со мною, стороною,
Заговаривалъ не разъ—
Не послать ли за тобою
Добрыхъ сватовъ, въ добрый часъ“.

А она въ отвѣтъ, краснѣя:
„Я для добраго коня
Стала бъ сыпать, не жалѣя,
Полны ясли ячменя;

Стала бъ розовыя ленты
Въ гриву черную вплетать,
На попоны позументы
Съ бахромою нашивать;

Въ вѣчной холѣ, безъ печали
Мы бы зажили съ тобой...
Только бъ сватовъ высылали
Поскорѣе вы за мной“.

XIII.

ПАСТУХЪ.

(Испанская легенда).

Былъ суровъ король донъ-Педро;
Трепеталъ его народъ,
А придворные дрожали,
Только усомъ поведетъ.

„Я люблю,—твердилъ онъ,—правду,
Видъ открытый, смѣлый взоръ“,—
Только правды (вотъ вѣдь странность!)
Пуще лжи боялся дворъ.

Разъ охотился донъ-Педро;
Утомясь, онъ далъ сигналъ,
Чтобъ для завтрака у рѣчки
Сдѣлать маленькій привалъ.

Тра-та-та—звучитъ въ долинѣ,
Межъ покрытыхъ лѣсомъ горъ;
На призывъ отвсюду скачутъ
Гранды, рыцари и дворъ.

Собрались. Донъ-Педро веселъ;
Самъ двухъ вепрей застрѣлилъ,
И своимъ весельемъ—лица
Всѣхъ, какъ солнцемъ, озарилъ!

Онъ смѣется—всѣ хохочутъ...
Разговоръ пошелъ и смѣхъ...
Но о чемъ же смѣхъ и говоръ?
Рѣчь о чемъ?.. Одна у всѣхъ:

Говорятъ, что чудо-мальчикъ
Тутъ же козъ пасетъ въ горахъ—
Купидонъ въ широкой шляпѣ,
Съ козьимъ мѣхомъ на плечахъ!

Длиннокудрый! Черноглазый!
Но, хотя угрюмъ и дикъ,
А бѣдовый! Нѣтъ вопроса,
Передъ чѣмъ бы сталъ втупикъ.

Пожелалъ король увидѣть
Пастуха—и вотъ бѣгутъ,
Понеслись пажи, что̀ стрѣлы,
И чрезъ мигъ его ведутъ.

Посмотрѣлъ король. Съ минуту
Призадумался... Кругомъ
Словно туча набѣжала,
Словно ждутъ, что грянетъ громъ.

„Вотъ,—сказалъ онъ,—три вопроса:
Разрѣшишь—возьму въ пажи!
Много ль капель въ синемъ морѣ?
Посчитай-ка, да скажи!“

— „Я сочту,—отвѣтилъ мальчикъ,—
Счетъ не долгъ, не тяжелъ,
Но, пока считать я буду,
Повели, чтобъ дождь не шелъ“.

— „Ну, а много ль звѣздъ на небѣ?“
И философъ, не смутясь:
— „Повели сойти имъ съ неба,
Я тогда сочту какъ разъ“.

Понахмурился донъ-Педро,
Дворъ дыханье затаилъ.
— „Ну, а много ль дней у Бога?“
Помолчавъ, король спросилъ.

— „Дни у Бога крадетъ время.
Повели, чтобы оно
Хоть на мигъ остановилось—
И ужъ счесть не мудрено“.

— „Молодецъ!—вскричалъ донъ-Педро,
Хохоча:—да этотъ клопъ
Всѣхъ вельможъ моихъ умнѣе!..“
Тѣ смѣялись, морща лобъ.

— „Я возьму тебя. Ты будешь
Спать при мнѣ, и ѣсть, и пить—
И одинъ, надѣюсь, станешь
Смѣло правду говорить“.

Гранды вовсе растерялись:
„Что онъ—плутъ или мудрецъ?
Грубіянъ!“—единодушно
Порѣшили наконецъ.

Но старались грубіяну
Угодить хоть чѣмъ-нибудь...
Онъ же робко озирался,
Какъ бы въ горы улизнуть.

Только дамы безкорыстно
Цѣловали мудреца,
Въ немъ хваля глаза и розы
Загорѣлаго лица.
1866.

XIV.

МЕНЕСТРЕЛЬ.

(Провансальскій романсъ).

Жилъ-былъ менестрель въ Провансальской землѣ,
Въ почетѣ онъ жилъ при самомъ королѣ...
„Молчите, проклятыя струны!“

Король былъ не ровня другимъ королямъ,
Свой родъ возводилъ онъ къ безсмертнымъ богамъ...
„Молчите, проклятыя струны!“

И дочь онъ, красавицу Берту, имѣлъ...
Смотрѣлъ лишь на Берту пѣвецъ, когда пѣлъ...
„Молчите, проклятыя струны!“

Когда же онъ пѣлъ, то дрожала она—
То вспыхнетъ огнемъ, то какъ мраморъ блѣдна...
„Молчите, проклятыя струны!“

И самъ императоръ посватался къ ней...
Глядитъ менестрель все угрюмѣй и злѣй...
„Молчите, проклятыя струны!“

Данъ знакъ менестрелю: когда будетъ балъ,
Чтобъ въ темной аллеѣ у грота онъ ждалъ...
„Молчите, проклятыя струны!“

Что̀ было, чью руку лобзалъ онъ въ слезахъ,
И чей поцѣлуй у него на устахъ...
„Молчите, проклятыя струны!“

Что̀ кесаря значитъ внезапный отъѣздъ;
Чей въ склепѣ фамильномъ стоитъ новый крестъ—
„Молчите, проклятыя струны!“

Изъ казней какую король изобрѣлъ,
О чемъ съ палачомъ долго рѣчи онъ велъ—
„Молчите, проклятыя струны!“

Погибъ менестрель, бѣдный вешній цвѣтокъ!
Король даже лютню разбилъ самъ и сжегъ...
„Молчите, проклятыя струны!“

И лютню онъ сжегъ — но не грёза, не сонъ,
Вездѣ его лютни преслѣдуетъ звонъ...
„Молчите, проклятыя струны!“

Онъ слышитъ: незримыя струны звучатъ,
И страшныя, ясно, слова говорятъ...
„Молчите, проклятыя струны!“

Не ѣстъ онъ, не пьетъ онъ, и ночи не спитъ,
Молчитъ, — лишь порой, какъ безумный, кричитъ:
„Молчите, проклятыя струны!“

1859.

XV.

МАРІЭТТА.

(Я. П. Полонскому).

Критикъ твой достопочтенный
Мнѣ напомнилъ эпизодъ
Въ жизни Гёте: современный,
Право, скажешь, анекдотъ!

Видишь, въ Римѣ — въ дни былые,
На закатѣ тѣхъ временъ,
Гдѣ Рафаэль во святые
Былъ едва не возведенъ —

Въ Римѣ Гёте, Винкельмана,
Появилась въ мастерскихъ
Маріэтта изъ Альбано,
Какъ модель... да изъ какихъ!

Имя этой Маріэтты
Огласилось при Дворахъ;
За Мадоннъ ея портреты
Почитались въ церквахъ;

А въ стихахъ ее равняли
И къ богинямъ и къ святымъ,
Даже папѣ представляли...
Вдругъ графъ N. пріѣхалъ въ Римъ.

„Покажите Маріэтту!“ —
Первымъ дѣломъ. Графъ — знатокъ,
Авторъ самъ, извѣстный свѣту
Меценатъ, археологъ...

Онъ на Гёте попадаетъ...
И что̀ дальше было тамъ, —
Пусть ужъ Гёте продолжаетъ
И досказываетъ самъ:

Подмигнулъ я ветурину,
И помчались, графъ и я
(То-есть Гёте), къ Авентину.
Это пассія моя —

Авентинъ!.. Когда печаленъ,
Иль разсерженъ чѣмъ — туда!
Почерпнуть въ тиши развалинъ
Силъ для смысла и труда...

А ужъ виды — вѣковѣчный
Чуть сквозитъ въ туманѣ Римъ,
Панорамой безконечной
Къ Аппенинамъ голубымъ!..

„Стой!.. воро̀та!..“ Мужъ встрѣчаетъ:
„Здѣсь, signori, здѣсь!..“ Добрякъ!
Ласковъ ты — душа въ немъ таетъ,
Но — за ножъ, коль что̀ не такъ!

Домъ — въ руинѣ какъ-то слаженъ
Изъ задѣланныхъ аркадъ.
По стѣнамъ виситъ изъ скважинъ
Плющъ; у входа — виноградъ.

Подъ навѣсомъ (день былъ жаркій) —
Волъ у яслей и оселъ.
Входимъ въ дверь: подъ смѣлой аркой,
Вполовину вросшей въ полъ, —

И сама... дитя качаетъ...
Полусумракъ... Тишина...
Все заботы слѣдъ являетъ...
Увидала насъ она

И, привставъ надъ колыбелью,
Пальчикъ къ губкамъ — „не будить!“ —
Знакъ намъ дѣлаетъ... Моделью
Для Рафаэля бъ ей быть!..

Этотъ на̀ полъ лучъ упавшій
Чрезъ открытое крыльцо,
Отраженьемъ осіявшій
Оживленное лицо...

Переходъ отъ безпокойства
Въ ней къ увѣренности въ насъ —
Лицъ уже такого свойства,
Что далеки отъ проказъ...

Я — чуть слышно: „Quel' signore
Только въ Римъ, — и ужъ сюда!..“
Улыбнулась: „è pittore?
И Мадонну пишетъ?.. да?“

Боже мой! какъ просто! мило!
Красота... Да суть не въ томъ!
Виѳлеемское тутъ было,
Что-то райское кругомъ!

Можетъ-быть, недоставало
Только ангеловъ однихъ...
А быть-можетъ, вкругъ стояло,
Намъ незримыхъ, много ихъ!..

Человѣкъ Двора и свѣта,
Графъ привѣтливъ очень былъ,
Но серьезенъ, и лорнета
Отъ нея не отводилъ...

Распростились. Съ нетерпѣньемъ
Жду—что̀ онъ?—почти въ тоскѣ...
Онъ же вдругъ, да съ озлобленьемъ:
„Три веснушки на вискѣ!“

Я—ну, просто какъ въ туманѣ
Очутился, оскорбленъ,
Павши духомъ...
Въ Ватиканѣ
Послѣ, вижу, ходитъ онъ.

Поглядитъ—и въ каталогѣ
Отмѣчаетъ, мысля вслухъ:
„Торсъ коротокъ!“ „Жидки ноги!“
(Аполлонъ-то!..) „Профиль сухъ!..“

И, дивясь его сужденьямъ,
Почитателей кружокъ
Повторяетъ съ умиленьемъ:
„Вотъ такъ критикъ! Вотъ знатокъ!“

„Маріэтта, спи спокойно!—
Я подумалъ про себя:—

Боги Греціи достойно
Отомстятъ ужъ за тебя!

Иногда вѣдь шутку злую
Аполлонъ сшутить любилъ:
Онъ Мидасу-то какую
Непріятность учинилъ!“
1886.

XVI.

СТАРЫЙ ДОЖЪ.

«Ночь свѣтла; въ небесномъ полѣ
Ходитъ Весперъ золотой;
Старый дожъ плыветъ въ гондолѣ
Съ догарессой молодой...» *)

Занимаетъ догарессу
Умной рѣчью дожъ сѣдой...
Слово каждое по вѣсу—
Что̀ червонецъ дорогой...

Тѣшитъ онъ ее картиной,
Какъ Венеція тишкомъ
Весь, какъ тонкой паутиной,
Міръ опутала кругомъ:

„Кто сказалъ бы въ дни Аттилы,
Чтобъ изъ хижинъ рыбарей
Всплылъ на отмели унылой
Этотъ чудный перлъ морей!

Чтобъ укрывшійся въ лагунѣ
Левъ святого Марка сталъ
Выше всѣхъ владыкъ, и втунѣ
Ревъ его не пропадалъ!

Чтобъ его тяжелой лапы
Мощь почувствовать могли
Императоры, и папы,
И султанъ, и короли?

Подалъ знакъ—гремятъ перуны,
Всюду смута настаетъ,

---

*) Эти четыре строчки найдены въ бумагахъ Пушкина, какъ начало чего-то. Да проститъ мнѣ тѣнь великаго поэта попытку угадать: что̀ же было дальше?

А къ нему, въ его лагуны,
Только золото плыветъ!..“

Кончилъ онъ, полусмѣяся—
Ждетъ улыбки, но—глядитъ—
На плечо его склоняся,
Догаресса мирно спитъ!..

„Все дитя еще!“—съ укоромъ,
Полнымъ ласки, молвилъ онъ;
Только слышитъ—вскинулъ взоромъ—
Чье-то пѣнье... цитры звонъ...

И все ближе это пѣнье
Къ нимъ несется надъ водой,
Разсыпаясь въ отдаленьи
Въ голубой просторъ морской...

Дожу вспомнилось былое...
Море зыбилось едва...
Тотъ же Весперъ... „Что̀ такое?
Что̀ за глупыя слова!“

Вздрогнулъ онъ, какъ отъ укола
Прямо въ сердце... Глядь: плыветъ,
Обгоняя ихъ, гондола,
Кто-то въ маскѣ тамъ поетъ:

„Съ старымъ дожемъ плыть въ гондолѣ...
Быть его и не любить...
И къ другому въ злой неволѣ
Тайный помыселъ стремить...

Тотъ „другой“—о, догаресса!..
Самый адъ не сладитъ съ нимъ!
Онъ безумецъ, онъ повѣса,
Но онъ любитъ и любимъ!..“

Дожъ рванулъ усы сѣдые...
Мысль за мыслью, цѣлый адъ,
Словно молній стрѣлы злыя,
Душу мрачную браздятъ...

А она такъ ровно дышитъ,
На плечѣ его лежитъ...
„Что̀ же?.. Слышитъ иль не слышитъ?
Спитъ она или не спитъ?!..“

1888.

II.

ИЗЪ СЛАВЯНСКАГО МІРА.

I.

НИКОГДА!

(Первая встрѣча славянъ съ римлянами).

Гонитъ волны быстръ Дунай,
Разлился широко;
Надъ Дунаемъ свѣтлый градъ
На горѣ высокой.
Становился римскій царь
Станомъ передъ градомъ;
Забѣлѣлися шатры,
Рядъ стоитъ за рядомъ.
На престолѣ царь сидитъ
Подъ златой порфирой;
Вкругъ престола, словно лѣсъ,
Копья и сѣкиры.
И съ престола римскій царь
Говоритъ съ послами:
Незнакомый людъ стоитъ
Предъ его очами.
Молодецъ все къ молодцу:
Кудри золотые
Густо вьются по плечамъ,
Очи—голубыя;
Словно всѣ въ одно лицо,
Та жъ краса и сила,
Словно всѣхъ-то ихъ одна
Матерь породила.
Породила жъ ихъ одна
Мать-земля родная,
Что̀ отъ Татры подошла
Вплоть до волнъ Дуная
И за Татрою идетъ
На другое море,
На полночь и на востокъ,
Гдѣ въ святомъ просторѣ
Уготовала поля,
Долы и дубравы,

Какъ святую колыбель
Для великой славы.
Ихъ послалъ славянскій родъ,
Положивъ совѣтомъ
Встрѣтить римскаго царя
Дружбой и привѣтомъ.
Не лежатъ они челомъ
Передъ нимъ во прахѣ,
Не цѣлуютъ ногъ его
Въ раболѣпномъ страхѣ;
Но подносятъ Божій даръ—
Хлѣбъ и соль родную—
И къ великому царю
Держатъ рѣчь такую:
„Весь народъ нашъ, старшины
И князья послали
Насъ, чтобъ мы тебѣ, о, царь,
Добрый день сказали.
Ты—нашъ гость, лишь доступилъ
Нашего порога;
Мы—славяне; край сей данъ
Намъ въ удѣлъ отъ Бога.
Щедро Имъ онъ надѣленъ
Благодатью съ неба:
Не полѣнишься, такъ всѣмъ
Свой кусокъ есть хлѣба.
Много ль, мало ль,—съ насъ того
Будетъ, что̀ имѣемъ:
Благо сѣемъ на своемъ,
Жнемъ, что̀ сами сѣемъ.
И придетъ ли странникъ къ намъ,
Кто, зачѣмъ, не спросимъ,
Съ Богомъ! дверь отворена̀!
Милости къ намъ просимъ!
Будь онъ свой или чужой,
Человѣкъ прохожій,
Про него всегда у насъ
На столѣ даръ Божій.
Вольно всѣмъ здѣсь жить! Зарокъ
Богомъ данъ славянамъ:
Грѣхъ великій—быть рабомъ,
Вящшій грѣхъ—быть паномъ!
И грѣховъ тѣхъ нѣтъ у насъ,
Нѣтъ во всемъ народѣ!

Всѣмъ у насъ открытый путь
Къ славѣ и свободѣ!

Правда, какъ весной снѣга
Съ горъ крушатся на долъ,
Лютый врагъ на край нашъ вдругъ,
Словно съ неба, падалъ;
Здѣсь засѣвъ, ужъ думалъ вѣкъ
Насъ держать въ неволѣ,
Нами сѣять и пахать
И на нашемъ полѣ
Кобылицъ своихъ пасти,—
Только—блажь пустая!
Поднималась вся земля
Съ края и до края!
И спроси ты: гдѣ же тѣ,
Что̀ намъ цѣпь ковали?
Гдѣ, спроси ихъ?—Мы стоимъ,
А они пропали!
Положенъ ужъ такъ зарокъ,
Вѣки неизмѣнный:
Кто откуда бъ ни пришелъ—
Врагъ иноплеменный,
Завладѣй хоть міромъ,—здѣсь
Бѣгъ свой остановишь,
Здѣсь, въ землѣ славянской, гробъ
Самъ себѣ сготовишь!

Ты теперь, о, царь, стоишь
Здѣсь у нашей грани.
Что̀ жъ несешь съ собою къ намъ:
Мечъ иль миръ во длани?
Если мечъ, то вѣдь мечи
И у насъ есть тоже;
А востры ль они, узнать
И не дай ти Боже!
Если жъ къ намъ идешь, какъ гость,
Съ миромъ, съ доброй вѣстью,
Ужъ на славу угостимъ
И проводимъ съ честью.
Вотъ тебѣ отъ насъ хлѣбъ-соль!
И принять ихъ просимъ
Такъ же честно, какъ тебѣ,
Царь, мы ихъ подносимъ!“

Хлѣба-соли не взялъ царь,
Ликомъ омрачился;
Ярый гнѣвъ въ его очахъ
Гордо засвѣтился;
И къ посламъ славянскимъ онъ
Съ трона золотого
Обратилъ, поднявъ главу,
Таковое слово:
„Солнце шествуетъ въ пути,
И къ нему—всѣ очи;
Отъ него—вся жизнь и свѣтъ,
Безъ него—мракъ ночи;
Съ нимъ у твари спора нѣтъ,
Ни переговоровъ;
Для народовъ солнце—я,
И со мной нѣтъ споровъ!
Какъ судьба, для всѣхъ моя
Власть неотразима:
Повелитель міра—Римъ,
Я жъ—владыка Рима!
Межъ народовъ хоть одинъ
Есть ли во вселенной,
Кто, противиться ему
Возмечтавъ, мгновенно
До послѣдняго раба
Не исчезъ со свѣта?
Всѣ склоняются предъ нимъ,
И живутъ чрезъ это.
Преклонитесь же и вы!
Я вашъ край устрою:
Поселю здѣсь римлянъ, васъ
Выведу съ собою,
Въ Римъ—старшинъ, а молодежь—
Прямо въ легіоны;
Покоритесь—будетъ вамъ
Миръ, почетъ, законы;
Нѣтъ—васъ съ семьями къ себѣ
Погоню гуртами,
Въ плуги запрягу, пахать
Землю буду вами!
На цѣпи, какъ псовъ, сидѣть
У воротъ заставлю,
Буду тысячами васъ
Львамъ кидать на травлю!

Горе будетъ, говорю,
Дѣтямъ вашимъ, женамъ;
Бойтесь, если кликну я:
„Горе побѣжденнымъ!“
Бойтесь! этотъ римскій кликъ
Пуще Божья грома!..
Я сказалъ. Вотъ мой отвѣтъ!
Передайте дома!“

Рѣчь окончилъ римскій царь,
Все кругомъ молчало.
Какъ нежданный громъ, она
На славянъ упала.
На царя стремятъ они
Взглядъ оторопѣлый...
Вдругъ какъ будто съ ихъ очей
Заблистали стрѣлы,
И по лицамъ словно вдругъ
Молніи мелькнули,
Разомъ взвизгнувши, мечи
Изъ ноженъ сверкнули,
И у всѣхъ единый кликъ
Вырвался изъ груди:
„Никогда!“
Вокругъ царя
Всполошились люди
И поднять щиты едва
Вкругъ него успѣли...
Самъ онъ мигомъ съ трона прочь..
Трубы загремѣли,
Разомъ лагерь поднялся:
Скачутъ нумидійцы,
Взводъ безсмертныхъ, взводъ пароянъ,
Галлы, иберійцы,
И, копье на перевѣсъ,
Римская пѣхота,—
Окружили молодцовъ,
И пошла работа!

Что медвѣдь лѣсной въ кругу
Псовъ остервенѣлыхъ,
Бьется горсть богатырей
Противъ полчищъ цѣлыхъ:
Съ шумомъ рушатся вкругъ нихъ
Всадники и кони,

Копья ломятся, звенятъ
Шишаки и брони...
Бьется горсть богатырей,
Но сама рѣдѣетъ...
Вотъ лишь трое ихъ: кругомъ
Смерть надъ ними рѣетъ
Въ блескѣ копій и мечей...
Вотъ всего лишь двое,
Вотъ одинъ... И этотъ палъ...

И вкругъ павшихъ въ боѣ
Побѣдители стоятъ
Въ изумленьи сами;
Въ легіонахъ недочетъ:
Цѣлыми рядами
Мертвыхъ, раненыхъ кладутъ...
Самъ, съ разноплеменной
Свитой, кесарь подскакалъ,
Мрачный и смущенный;
Разглядѣть желаетъ онъ
Варваровъ, которымъ
Показалась рѣчь его
Вдругъ такимъ позоромъ...
А той рѣчи внемлетъ міръ,
Всѣ цари земные!
„Что̀ жъ за люди это тамъ?—
Мыслитъ,—кто жъ такіе?“

И задумчиво къ горамъ
Обратилъ онъ взоры:
Грозно смотрятъ изъ-подъ тучъ
Сумрачныя горы;
Стая темная орловъ
Изъ-за нихъ несется;
Словно гулъ какой оттоль
Смутно раздается...
Смотритъ царь—и вдругъ велитъ
Станъ снимать свой ратный
И полки переправлять
За Дунай обратно.

1870.

II.

ЛЮБУША И ПРЕМЫСЛЪ.

Лютый Хрудошъ и Стеглавъ, родные братья
Завели жестокій споръ изъ-за наслѣдства;
Побѣжала ихъ сестра къ княжнѣ Любушѣ
И молила разсудить ихъ споръ по правдѣ.
И княжна послала повѣстить въ народѣ,
Чтобъ бояре собрались и старики на вѣче,
И чтобы на судъ явились оба брата.
И бояре собрались и старики на вѣче
Въ золотомъ кремлѣ, во свѣтломъ Вышеградѣ.
На златой престолъ въ одеждахъ бѣлоснѣжныхъ
Поднялась княжна и вѣче открывала.
У престола стали вѣщія двѣ дѣвы:
У одной въ рукахъ доска была съ закономъ,
У другой былъ мечъ, каратель кривды;
Противъ нихъ зажженъ былъ огнь, свѣтильникъ правды
И поставленъ былъ сосудъ съ водою очищенья.
И княжна сказала со златà престола:
„Вѣрные бояре! мудрые вы старцы!
Разрѣшите споръ двухъ братьевъ о наслѣдствѣ
По закону, какъ поставлено богами:
Должно имъ или собща владѣть землею,
Иль обоимъ раздѣлить по ровной части?“
Кланялись княжнѣ и старцы и бояре,
Стали тихо говорить между собою,
И, когда поговорили ужъ довольно,
То княжна велѣла вѣщимъ дѣвамъ
Голоса сбирать въ златую урну.
И собрали голоса, и, сосчитавъ, сказали
Приговоръ такой народу: чтобы братьямъ
Сообща владѣть отцовскимъ достояньемъ.
Услыхавъ рѣшенье, поднялся во гнѣвѣ
Лютый Хрудошъ и затрясся весь отъ злости,
Вскинулъ онъ рукою и, что̀ туръ свирѣпый, рявкнулъ:
„Горе для птенцовъ, когда змѣя въ гнѣздо вотрется!
Горе для мужей, когда жена владѣетъ ими!
Подобаетъ мужу володѣть мужами!
Старшій сынъ владѣть добромъ отцовскимъ долженъ,
Какъ у нѣмцевъ заведенъ тому порядокъ!“
Ратиборъ, старикъ, уже согбенный и весь бѣлый,
Поднялся и, головою покачавъ, промолвилъ:
„Не похвально въ нѣмцахъ намъ искати правды!

Наша правда—по закону святу,
Какъ ее съ собою принесли и утвердили
Наши дѣды, черезъ три рѣки прешедши въ эту землю".—
„Непохвально въ нѣмцахъ намъ искати правды!"
Повторили старцы и бояре,
И во всемъ народѣ раздалося:
„Непохвально въ нѣмцахъ намъ искати правды!"—
„Такъ и быть суду, какъ положило вѣче!"
Порѣшила мудрая княжна Любуша:
И потомъ еще сказала: „Старцы и бояре!
Слышали мое вы нынѣ поруганье!
Непристойно больше разбирать мнѣ ваши споры.
Изберите сильнаго вы мужа,
Пусть онъ вами по-желѣзному владѣетъ:
Дѣвичьей рукѣ ужъ не подъ силу!"
И, сказавъ, сошла съ престола золотого.
И молить ее усердно стали старцы и бояре,
Чтобъ она въ зазоръ не принимала
Грубіяномъ сказанное слово;
Но княжны уже не умолили.
„Такъ сама намъ укажи, по крайней мѣрѣ,—
Заключили старцы и бояре,—
Кто жъ достоинъ будетъ нами править?"
И на то Любуша отвѣчала:
„Ужъ богами рѣшено, кому быть вашимъ княземъ!
Вотъ мой конь: куда пойдетъ, за нимъ ступайте:
Передъ кѣмъ онъ остановится, тотъ князь вашъ!"
И съ коня узду сняла сама Любуша,
И его пустила безъ узды на волю.
Ѣдутъ съ вѣча посланцы по князя,
Ѣдутъ съ ними вѣщія двѣ дѣвы:
Конь бѣжитъ гдѣ полемъ, гдѣ дорогой;
Добѣжалъ до рѣчки, побѣжалъ вдоль быстрой,
Прибѣжалъ онъ къ нови, къ выжженному полю;
Подымалъ ее желѣзнымъ плугомъ
Человѣкъ въ лаптяхъ, большого роста,
Погонялъ воловъ жезломъ остроконечнымъ.
Конь предъ нимъ какъ разъ остановился.
Посланцы, взглянувъ на пахаря, на лапти,
Передъ нимъ, смутясь, остановились.
Но, оправясь, поклонились низко:
„Здравствуй, добрый человѣкъ,—сказали,—
Облачайся княжеской одеждой,
Надѣвай вѣнецъ: тебѣ княжна Любуша

И народъ весь чешскій повелѣли
Власть принять и княженье надъ нами!“
И на то отвѣтствовалъ имъ пахарь:
„Вамъ добро пожаловать, драгіе гости!
Прежде жъ, чѣмъ о дѣлѣ заводить намъ рѣчи,
Угостить васъ, чѣмъ могу, я долженъ;
Здѣсь есть хлѣбъ и сыръ со мною—
Отпущу воловъ и—кушайте во здравье!“
И, сказавъ, вонзилъ онъ острый жезлъ свой въ землю,
И съ воловъ ярмо сложилъ, и крикнулъ:
„Гой! идите, милые, до дому!“
Только вдругъ волы, лишь крикнулъ онъ, исчезли,
Словно ихъ и не было тутъ вовсе,
А который жезлъ воткнулъ онъ въ землю,
Изъ него, глядятъ, растутъ три вѣтви—
Выше все и выше; выступаютъ
Изъ вѣтвей еще сучки—и много;
На сучкахъ выходятъ почки,
Почки, смотрятъ, развернулись въ листья,
А межъ листьевъ выступаютъ гнѣздами орѣхи.
Посланцы и пахарь изумились.
Только дѣвы вѣщія въ единый голосъ—
„Радуйтесь!—воскликнули:—се явно
Боги намъ свою сказали волю:
Облачайся, пахарь, княжеской одеждой,
На коня садись Любушина и съ миромъ
Къ намъ въѣзжай во свѣтлый Вышградъ чешскимъ
княземъ!“
Облачился пахарь въ княжія одежды,
На плеча накинулъ плащъ Любушинъ,
Сапоги надѣлъ... однако лапти
Взялъ съ собой на память, и хранятся
Въ Вышеградѣ эти лапти и донынѣ.
Такъ Премыслъ сталъ славнымъ чешскимъ княземъ,
А княжнѣ Любушѣ—добрымъ мужемъ.

1871.

III.
НЕДОГАДЛИВЫЙ.

Вукоманъ пригожій былъ дѣтина,
А жена его еще пригожѣй:
Пляшетъ, скажешь, пава выступаетъ,
Говоритъ, что̀ голубка воркуетъ,

Засмѣется, что̀ солнцемъ освѣтитъ.
Да не пляшетъ давно молодица,
Не воркуетъ она, не смѣется,
По садочку тихохонько ходитъ.
Зацѣпилась за яблоньку платьемъ;
Отцѣпляетъ отъ яблоньки платье,
А сама разливается, плачетъ:
„Ахъ, ты яблонька моя грунтовая!
Ужъ не тронь ты меня, горемычной!
Что̀ ни годъ ты пышно расцвѣтаешь,
Что̀ ни годъ несешь ты плодъ румяный;
Отъ меня одной плода не родится,
Хоть живу ужъ пятый годъ я съ мужемъ,
Да не знаю мужниной я ласки“.
Услыхала свекровь ея слово,
Подзываетъ, спрашиваетъ сына:
„Разгадай мнѣ, Вукоманъ, загадку:
Съ дуру, что ли, плачется невѣстка,
Что живетъ ужъ пятый годъ съ тобою
Да не знаетъ она мужниной ласки?
Али порча есть въ тебѣ какая?
Аль жена опостылѣть успѣла?“
— „Не стыди меня, матушка, напрасно.
Никакой во мнѣ порчи не бывало,
Не успѣла мнѣ жена опостылѣть.
А что нѣтъ у насъ съ нею дѣтокъ,
Такъ на то была ея же воля.
Какъ мы только съ нею повѣнчались
И разъѣхались со свадьбы гости,
Приласкать хотѣлъ я мою любу,
Цѣловать хотѣлъ въ уста и очи,—
Отъ меня стала она борониться
И лицо руками закрывала,
И молила, такъ молила жалко:
„Не губи ты меня, сиротинку,
Называй меня своей сестрицей
И живи со мной, какъ братъ съ сестрою“.
Какъ всплеснется руками старуха,
Обомлѣла и глядитъ на сына:
„Охъ, ты дурень, молвила, дурень!
Я-то дура, что тебя женила!
Только въ стыдъ съ собой старуху вводишь.
Слушай же, что̀ я скажу, безстыдникъ!
Какъ съ отцомъ твоимъ опослѣ свадьбы

Мы одни остались въ свѣтелкѣ,
Сталъ ко мнѣ родитель твой ласкаться,
Отъ него я стала бороться
И молила звать меня сестрицей
И со мною жить, какъ братъ съ сестрою.
Не охотникъ былъ шутить покойникъ:
Онъ мнѣ дѣло говоритъ, я въ слезы;
Онъ—ласкаться, а я пуще плакать;
Догадался, былъ уменъ, голубчикъ,
Что на бабью дурь Господь далъ плетку!
Перестала звать его я братцемъ
И всегда за то скажу спасибо.
Берегу съ тѣхъ поръ я эту плетку,
Передамъ сейчасъ же, только
Не тебѣ, сынокъ, а ужъ невѣсткѣ".
Не прошло послѣ этого недѣли,
Расцвѣтать Вукоманиха стала.
Заигралъ въ лицѣ у ней румянецъ,
Цѣлый день и шутитъ и хохочетъ.
Не прошло и году—Вукоманv
Родила она сынишку Яна.
Былъ такой веселый, славный мальчикъ,
Видомъ схожъ былъ съ дѣдомъ, да и нравомъ,
И по дѣду такъ и названъ Яномъ.

1860.

IV.

САБЛЯ ЦАРЯ ВУКАШИНА.

(Изъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ).

Рано утромъ, на зарѣ румяной,
Полоскала дѣвица-туркиня
На рѣкѣ, на Марицѣ, полотна;
Ихъ валькомъ проворнымъ колотила,
На травѣ зеленой разстилала.
И рѣка пустынная шумѣла,
И до солнца воды были свѣтлы;
Но, какъ стало солнце подыматься,
Свѣтлы воды словно помутились;
Все желтѣе проносилась пѣна,
Все темнѣе глубина казалась;
А къ полудню вся рѣка ужъ явно
Алою окрасилася кровью.
И пошли мелькать то фесъ, то дòлманъ,
А потомъ помчало, другъ за другомъ,

То коня съ сѣдломъ, то человѣка;
И вертитъ на быстринѣ ихъ трупы,
И что̀ дальше, то плыветъ ихъ больше,
И конца тѣламъ вверху не видно.
Опустивъ валекъ, стоитъ туркиня:
Страшно стало ей отъ тѣлъ плывущихъ;
Только слышитъ, кличутъ къ ней оттуда...
Кличетъ витязь, бьется съ быстриною,
Все его отъ берега относитъ.
„Умоляю именемъ Господнимъ,
Будь сестрой мнѣ милою, дѣвица!—
Кличетъ витязь и рукою машетъ:—
Брось конецъ холста ко мнѣ скорѣе,
За другой тащи меня на берегъ!“
И туркиня бѣлый холстъ кидала,
На одинъ конецъ ногой ступила,
А другой взвился и шлепнулъ въ воду;
И поймалъ его поспѣшно витязь
И счастливо до̀ берега доплылъ,
А взобрался на берегъ и молвилъ:
„Охъ, совсѣмъ я изнемогъ, сестрица!
Исхожу кругомъ я алой кровью...
Помоги мнѣ: ранъ на мнѣ числа нѣтъ!“
И упалъ безчувственный на землю.
Побѣжала во свой дворъ туркиня,
Впопыхахъ зоветъ родного брата:
„Мустафа, иди, голубчикъ-братецъ,
Помоги,—снесемъ съ тобою вмѣстѣ,—
Тамъ лежитъ—водой его прибило—
Весь въ крови и въ тяжкихъ ранахъ витязь.
Онъ Господнимъ именемъ молился,
Чтобъ ему мы раны залѣчили.
Помоги, снесемъ его въ постелю!“
Мустафа-ага пришелъ и смотритъ:
Тотчасъ видитъ—не простой то витязь!
Онъ въ богатомъ воинскомъ доспѣхѣ;
У него—съ златымъ эфесомъ сабля,
На эфесѣ—три большихъ алмаза.
Мустафа-ага не думалъ долго,
Отстегнулъ у витязя онъ саблю,
Изъ ноженъ ее червленыхъ вынулъ,
Да какъ хватитъ витязя по горлу—
Голова ажъ въ воду покатилась!
Дѣвица руками лишь всплеснула!

„Звѣрь ты, звѣрь, воскликнула, косматый!
Вѣдь молилъ онъ насъ во имя Божье
И меня сестрою милой назвалъ!
Ты жъ какъ разъ позарился на саблю —
Черезъ эту жъ саблю, знать, и сгинешь!“
Мустафа травою вытеръ саблю
И столкнулъ ногою тѣло въ воду,
И пошелъ домой, ворча сквозь зубы:
„Вотъ тебя-то не спросилъ я, жалко!“
И немного времени минуло,
Какъ султанъ созвалъ къ походу войско.
Собрались его аги и беи,
У рѣки, у Ситницы, стояли.
Мустафу всѣ кругомъ обступаютъ,
Всѣ его дивятся чудной саблѣ;
Только, кто ни пробуетъ, не можетъ
Изъ ноженъ ее червленыхъ вынуть.
Подошелъ попробовать и Марко,
Знаменитый Марко-королевичъ!
Ухватилъ — да сразу такъ и вынулъ.
А какъ вынулъ, смотритъ — а на саблѣ
Врѣзаны три надписи по-сербски:
Ковача Новака первый вензель,
А другое имя — Вукашина,
Третье жъ имя — Марко-королевичъ.
Приступилъ къ турчину храбрый Марко:
„Гдѣ, турчинъ, ты добылъ эту саблю?
За женой ли взялъ ее съ приданымъ?
Отъ отца ль въ благословенье принялъ?
Аль на чисто вымѣнялъ на злато?
Аль въ бою кровавомъ добылъ честно?“
И пошелъ турчина похваляться,
Разсказалъ, какъ сдѣлалося дѣло,
Какъ сестра полотна полоскала,
Какъ рѣкой тѣла гяуровъ плыли,
Какъ одинъ живой былъ между ними,
Какъ она поймать его успѣла,
И пришелъ онъ, и увидѣлъ саблю...
„Не дуракъ же я на свѣтъ родился,—
Говоритъ, — почуялъ, что̀ за сабля,
Изъ ноженъ ее червленыхъ вынулъ,
Да хватилъ какъ витязя по горлу —
Голова ажъ въ рѣку покатилась“.
Марко даже рѣчи не далъ кончить,

Какъ въ глазахъ у всѣхъ сверкнула сабля—
И у турка голова слетѣла—
Три прыжка—и шлепнулася въ воду.
Побѣжали доложить султану,
Что бѣды творитъ кралевичъ Марко,
И султанъ по Марка посылаетъ.
Тотъ одинъ сидитъ въ своей палаткѣ,
Молча пьетъ вино, за чарой чару,
На султанскихъ посланныхъ не смотритъ.
И въ другой разъ шлетъ султанъ, и въ третій,
Наконецъ взяла докука Марка.
Онъ вскочилъ и, выворотивъ шубу
Мѣхомъ кверху, на̀ плечи накинулъ,
Булаву съ собою взялъ и саблю,
И пошелъ въ султанскую палатку.
На коврѣ султанъ сидитъ въ палаткѣ;
И приходитъ Марко, да и прямо,
Въ сапогахъ, какъ былъ, передъ султаномъ
На коврѣ узорчатомъ садится.
Самъ глядитъ темнѣе черной тучи,
Очи въ очи устремивъ султану.
Увидалъ султанъ, каковъ есть Марко,
Потихоньку сталъ отодвигаться,
А за нимъ и Марко, и все смотритъ,
Смотритъ такъ, что дрожь беретъ султана.
Онъ еще отдвинется, а Марко
Все за нимъ, да такъ и приперъ къ стѣнкѣ;
И сидитъ султанъ, мигнуть боится.
„Ну, какъ вскочитъ,—думаетъ,—да хватитъ
Булавой?“—и пробуетъ, что тутъ ли
Ятаганъ его на всякій случай.
Ужъ насилу собрался онъ, молвитъ.
„Видно, Марко, кто тебя обидѣлъ?
Обижать тебя я не позволю!
Учиню, коль хочешь, судъ не медля“.
Все отъ Марка нѣтъ какъ нѣтъ отвѣта.
Наконецъ обѣими руками
За концы онъ взялъ и поднялъ саблю
И поднесъ ее къ глазамъ султану.
„Объ одномъ молись ты вѣчно Богу,—
Онъ сказалъ, дрожа и задыхаясь,—
Что нашелъ не на тебѣ, владыко
Всѣхъ подлунныхъ царствъ, я эту саблю:
Погляди, какая это надпись?

Прочитай: тутъ имя Вукашина!
Вукашинъ—царь сербскій, мой родитель".
И, сказавъ, заплакалъ храбрый Марко.

1869.

V.

СЕРБСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

(Сербское преданіе).

Именинникъ былъ царь Лазарь;
Собрались къ нему всѣ баны,
И князья, и воеводы,
И въ бесѣдѣ прохлаждались
Во честномъ, почетномъ пирѣ.
Пиръ ужъ былъ во полупирѣ,
Какъ вошла въ шатеръ царица,
Свѣтъ-душа красна Милица.
Обложилась жемчугами,
Поясъ кованый надѣла,
Головной покровъ кисейный,
Златъ-вѣнецъ поверхъ покрова;
Поклонилася супругу,
Поклонилась, говорила:
„Господинъ ты мой, царь Лазарь!
Мнѣ бъ не слѣдъ къ тебѣ входити,
Не подобно бъ говорити,
Да не терпитъ больше сердце!
Сонъ я видѣла, и трижды
Тотъ же самый сонъ мнѣ снится.
Все является мнѣ старецъ
Въ клобукѣ и черной рясѣ,
Осіянъ небеснымъ свѣтомъ;
Держитъ онъ большую книгу,
И пречудныя въ той книгѣ
Кажетъ мнѣ изображенья.
На одномъ-то словно поле,
Только все дымится кровью,
Словно воинство какое
Полегло на немъ, побито;
На другомъ изображеньи
Церковь, словно какъ на небѣ;
Отъ нея жъ лучи исходятъ
Внизъ на сербскую всю землю.

И зачѣмъ являлся старецъ,
И зачѣмъ казалъ мнѣ книгу,
Что̀ велитъ по ней исполнить, —
Не могла никакъ я сдумать.
Только сдумала одно я
И пришла къ тебѣ, царь Лазарь.
Всѣ цари, какіе были
Надъ землею славной сербской,
Собирали сребро, злато,
Чтобы строить Божьи церкви
И обители святыя.
Ты сидишь на ихъ престолѣ,
Копишь серебро и злато,
Самъ по всей землѣ прославленъ,
А для Господа, для Бога,
Ни единой не построилъ
Ни обители ни церкви".
Призадумался царь Лазарь
И воскликнулъ громкимъ гласомъ:
„Храмъ построю я, какого
Не бывало въ сербскомъ царствѣ!
Изъ свинцу солью основу,
Изъ сребра поставлю стѣны,
Краснымъ золотомъ покрою;
А внутри весь изукрашу
Крупнымъ жемчугомъ заморскимъ
И каменьемъ самоцвѣтнымъ,
Да во славу христіанамъ
Онъ на всю сіяетъ землю!"
Повставали съ мѣстъ всѣ баны,
И князья, и воеводы,
Похваляли мысль цареву:
„Съ Богомъ, царь, благое дѣло!"
Только Милошъ воевода
За столомъ одинъ остался
И сидитъ, потупя очи
И глубоко воздыхая.
Запримѣтилъ свѣтъ-царь Лазарь,
Что не всталъ съ князьями Милошъ.
Посылалъ къ нему онъ чашу:
„Буди здравъ, князь славный Милошъ!
Что̀ сидишь, потупя очи
И глубоко воздыхая?
Аль не по-сердцу рѣчь наша?"

И вскочилъ князь славный Милошъ,
Принялъ чашу въ бѣлы руки,
Поклонился, слово молвилъ:
„Государь ты, свѣтъ-царь Лазарь!
Не вотще царицѣ снилось
Поле, залитое кровью,
Словно воинство какое
Полегло на немъ, побито:
Прочиталъ ли ты въ Писаньи,
Во святыхъ старинныхъ книгахъ,
Что̀ стоитъ про наше время?
Наше время — на исходѣ:
„Близокъ часъ, во онь же турокъ
Пріидетъ на нашу землю,
Царство сербское порушитъ,
Поплѣнитъ народъ въ работу“.
Вотъ кровавое то поле!
Если жъ ты построишь церковь
Со свинцовою основой,
И серебряныя стѣны,
Красно золото на крышѣ,
А внутри заморскій жемчугъ,
Самоцвѣтныя каменья,
Пріидетъ поганый турокъ,
Разнесетъ онъ все и сроетъ.
Изъ свинцу польетъ онъ ядеръ,
Будетъ бить имъ наши грады,
А серебряныя стѣны
Перебьетъ на сбрую конямъ,
Самоцвѣтные каменья—
Вправитъ въ сабельны эфесы,
А все золото и жемчугъ
Заберетъ своимъ туркинямъ,
И наложницамъ, и женамъ
На мониста и повязки.
Церковь строить — такъ изъ камня,
Камня сѣраго, такого,
Чтобъ ни огнь не жегъ палящій,
Чтобъ ни мечъ не сѣкъ булатный,
Чтобъ ни червь ни ржа не ѣли;
Вмѣсто жъ злата и каменьевъ,
Да сіяетъ благочестьемъ
И небесной свѣтлой славой.
Пусть тогда приходитъ турокъ,

Забираетъ нашу землю,
Царство сербское порушитъ,
Поплѣнитъ народъ въ работу:
На сѣръ камень не польстится.
И пребудутъ, яко звѣзды,
Надъ землей плѣненной нашей
Наши каменныя церкви:
Будутъ иноки честные,
Благодатью лишь богаты,
Славить Господа въ нихъ Бога,
Поминать царей великихъ
И мужей, во брани падшихъ
За отеческую землю;
И стоять въ сердцахъ у сербовъ
Будетъ вѣки нерушимо
Царство сербское, подъ вѣрнымъ,
Подъ невидимымъ покровомъ
Пресвятой Христовой церкви...
И на эту-то вотъ церковь
И указывалъ царицѣ
Во святомъ видѣньи старецъ"...

1867.

VI.

КАКЪ ОТДАРИЛЪ ТУРЕЦКІЙ СУЛТАНЪ МОСКОВСКАГО ЦАРЯ.

Идутъ письма изъ земли Московской
Черезъ грады многіе и земли,
Идутъ, идутъ и въ Стамбулъ приходятъ;
И везутъ ихъ въ золотыхъ каретахъ
Къ самому турецкому султану,
А при письмахъ царскіе подарки;
Для султана: золотое блюдо,
А на немъ стоитъ мечеть златая,
А вокругъ мечети змѣй обвился,
Въ головѣ жъ у змѣя вставленъ камень.
Самоцвѣтный камень, при которомъ
Можно ночью и ходить и видѣть,
Словно днемъ, когда сіяетъ солнце;
Для сынка султанова, Абдула:
Дорогія острыя двѣ сабли,

Золотая рукоять на каждой,
А на нихъ по дорогому камню;
Для султанши жъ — колыбель златую,
Видъ гнѣзда имѣла — хитрой рѣзьбы!
Въ головахъ — удалый соколъ-птица.
Получивъ подарки дорогіе,
Сталъ султанъ кручиниться и думать,
Что̀ бъ царю Московскому отправить,
Честь за честь, за дорогой подарокъ?
Думалъ, думалъ, ничего не вздумалъ.
Кто прійдетъ къ нему, передо всѣми
Начинаетъ хвастаться, какіе
Шлетъ ему подарки царь Московскій.
И никто сказать ему не можетъ,
Чѣмъ царя бы отдарить за милость.
Вотъ паша приходитъ Соколовичъ,
Хвалится султанъ ему дарами;
За пашой пришли ходжа и кадій;
Поклонились низко, цѣловали
У султана руку и колѣно;
Имъ султанъ дарами началъ хвастать,
И потомъ сталъ спрашивать обоихъ:
„Слуги вы мои, ходжа и кадій,
Вы вдвоемъ меня не вразумите ль,
Что̀ послать въ Московскую мнѣ землю,
Изъ моей земли царю въ подарокъ?“

Отвѣчали и ходжа и кадій:
„Царь-султанъ! твоя надъ нами воля,
А мы вздумать ничего не можемъ.
Ты позвалъ бы старца-патріарха:
Онъ скорѣй научитъ и укажетъ,
Что̀ послать и чѣмъ доволенъ будетъ
Государь, великій царь Московскій“.
Услыхалъ султанъ такія рѣчи,
Своего послалъ тотчасъ каваса,
Чтобы по̀звалъ старца-патріарха.
И когда пришелъ къ султану старецъ,
Показалъ султанъ ему, какіе
Получилъ подарки, и промолвилъ:
„О, слуга мой, старче-патріарше!
Ты меня не вразумишь ли, старче,
Что̀ послать въ Московскую мнѣ землю,
Чтобы былъ подарками доволенъ

Государь, великій царь Московскій?“
Тихо старецъ отвѣчалъ султану:
„Царь-султанъ, пресвѣтлое ты солнце!
Мнѣ ль учить твою велику мудрость!
Въ простотѣ дозволь мнѣ слово молвить,
Какъ Господь мнѣ нà сердце положитъ.
Есть въ твоемъ великомъ государствѣ,
Чтò царю Московскому отправить,
Чтò тебѣ совсѣмъ не на потребу,
А ему весьма угодно будетъ.
Посохъ есть отъ Нѣманича Саввы,
Златъ вѣнецъ царя есть Константина,
Іоанна Златоуста ризы
Да съ святымъ крестомъ на древкѣ знамя,
Чтò держалъ въ бою царь сербскій Лазарь.
Никакой тебѣ въ нихъ нѣтъ потребы,
А царю угодны будутъ, знаю!“

Полюбилась эта рѣчь султану,
И велѣлъ онъ старцу-патріарху,
Чтобы справилъ для царя подарки
И вручилъ ихъ посланцамъ московскимъ.
Патріархъ, какъ слѣдуетъ, все справилъ
И, вручая посланцамъ, сказалъ имъ:
„Поѣзжайте, милые, вы съ Богомъ;
Но большой не ѣздите дорогой,
А идите лѣсомъ и горою:
Будетъ вамъ во слѣдъ погоня злая,
Чтобъ отнять у васъ сіи святыни,
Выше коихъ нѣтъ для христіанства.
Я сложу главу свою за это,
Грѣшное мое погибнетъ тѣло,
Да зато душа моя спасется!“
И затѣмъ простился съ посланцами.
И султанъ доволенъ былъ, что кончилъ
Наконецъ съ такимъ мудренымъ дѣломъ,
И что все такъ дешево устроилъ,
Передъ всѣми началъ похваляться.

Вотъ опять приходитъ Соколовичъ,
И ему султанъ сказалъ-похвасталъ:
„Угадай, паша, слуга мой вѣрный,
Чтò къ царю Московскому послалъ я?
Далъ я посохъ Нѣманича Саввы,
Златъ вѣнецъ царя далъ Константина,

Іоанна Златоуста ризы
Да съ святымъ крестомъ на древкѣ знамя,
Что̀ держалъ въ бою царь сербскій Лазарь.
Въ нихъ мнѣ вовсе не было потребы,
А царю они угодны будутъ".
И спросилъ султана Соколовичъ:
„По чьему жъ ты сдѣлалъ такъ совѣту?"
И султанъ ему отвѣтилъ прямо:
„По совѣту старца-патріарха!"
И сказалъ на это Соколовичъ:
„Царь-султанъ, пресвѣтлое ты солнце!
Если ты царю послалъ святыни,
Выше коихъ нѣтъ для христіанства,
Приложилъ бы къ нимъ ужъ тоже кстати
И ключи отъ своего Стамбула!
Все равно—отдать придется послѣ,
И съ великимъ для тебя позоромъ!
Вѣдь на тѣхъ святыняхъ и держалось
Все твое владычество и царство!"

Услыхалъ султанъ такія рѣчи,
Спохватился и всплеснулъ руками,
И пашѣ приказывалъ поспѣшно:
„Гой еси, паша, слуга мой вѣрный!
Собери ты турокъ-янычаровъ,
Догони ты посланцевъ московскихъ,
Отбери у нихъ мои подарки,
Отбери святыни, на которыхъ
Все мое и утверждалось царство!
Собралъ войско храбрый Соколовичъ
И поѣхалъ по большой дорогѣ;
Ищетъ, ищетъ посланцевъ московскихъ—
Не нашелъ нигдѣ, домой вернулся,
Говоритъ султану, что не видѣлъ,
Какъ ни бился, посланцевъ московскихъ.
И султанъ пришелъ въ велику ярость,
Закричалъ пашѣ онъ зычнымъ гласомъ:
„Такъ иди жъ, паша, слуга мой вѣрный,
И убей ты старца-патріарха!"

Побѣжалъ паша приказъ исполнить—
И схватилъ онъ старца-патріарха,
И взмахнулъ надъ нимъ ужъ острой саблей.
Патріархъ же, старецъ, молвилъ тихо:
„Господинъ паша, остановися,

Погоди, не обагряй, пожалуй,
Землю кровью праведной моею,
А не то—три года быть засухѣ,
Ничего земля родить не станетъ!“
Услыхалъ паша, что̀ молвилъ старецъ,
И повелъ его на сине море,
И занесъ надъ нимъ ужъ остру саблю;
Говоритъ опять великій старецъ:
„Господинъ паша, остановися,
Не губи меня на синемъ морѣ:
Встанетъ буря, море возмутится,
Корабли потопитъ и галеры,
Города зальетъ, размоетъ землю!“
Напугать пашу такъ думалъ старецъ,
Да паша не сталъ ужъ старца слушать
И отсѣкъ главу его святую.

Далъ Господь въ Своемъ раю небесномъ
Прославленье праведному мужу,
Намъ же, братья, радость и веселье.

VII.

СОНЪ КОРОЛЕВИЧА МАРКА.

Вижу—поле, залитое кровью;
Грустно мѣсяцъ на̀ поле глядитъ...
Славный витязь Марко-королевичъ
Между труповъ раненый лежитъ.

Духи горъ витаютъ надъ тѣлами,
Все кого-то ищутъ. Вотъ нашли—
И съ собою осторожно Марка
Съ поля битвы въ горы унесли.

Въ высотахъ заоблачныхъ, въ пещерѣ,
Онъ узналъ про плѣнъ страны родной;
И вскочилъ, и выхватилъ онъ саблю,
И, поднявъ ее надъ головой,

Остреемъ, въ упоръ, ударилъ въ камень...
Онъ ударилъ, чтобъ ее сломать,
Но о камень не сломалась сабля,
А вошла въ него по рукоять;

Самъ же Марко, силою чудесной
Въ этотъ мигъ внезапно пораженъ,

Повалился на землю въ пещерѣ
И въ глубокій погрузился сонъ.

Высоко пещера та въ Балканахъ;
Духи горъ всѣ входы стерегутъ,
Вкругъ играютъ съ молніей и громомъ,
Съ вѣтромъ пѣсни буйныя поютъ.

Ту пещеру пастухи лишь знаютъ.
И сказали духи пастухамъ:
„Въ срокъ свой сабля выпадетъ изъ камня,
Встанетъ Марко и отмститъ врагамъ!“

И съ тѣхъ поръ къ пещерѣ по утесамъ
Пастухи взбираются тайкомъ:
Триста лѣтъ не трогалася сабля,
Триста лѣтъ спалъ Марко крѣпкимъ сномъ.

Въ краѣ сербскомъ вознеслись мечети;
Янычаръ, въ толпѣ, средь бѣла дня,
По базарамъ женъ давилъ копытомъ
Своего арабскаго коня.

Царь и царство, пышный дворъ и баны,
И пиры, и битвы—отошли
Въ область сновъ, какъ свѣтлое видѣнье,
Въ область царствъ, исчезнувшихъ съ земли...

Вдругъ раздался словно гулъ подземный:
Вся гора подъ Маркомъ сотряслась,
Спящій Марко вдругъ зашевелился,
Сабля жъ вдругъ изъ камня подалась...

Этотъ гулъ—былъ громъ полтавскихъ пушекъ.
Марковъ сонъ съ тѣхъ поръ тревоженъ сталъ.
Вотъ летятъ орлы Екатерины—
По Балкану трепетъ пробѣжалъ!

Міръ, лишь въ пѣснѣ жившій, словно вышелъ
Изъ земли, какъ былъ по старинѣ:
Тѣ жъ гайдуки, тѣ же воеводы,
Тѣ жъ попы съ мечомъ и на конѣ!

Съ древней славой новую свивая,
Гусляры по всей странѣ идутъ:
Бьетъ врага Георгій или Милошъ—
Тотчасъ пѣснь вездѣ о нихъ поютъ..

Вотъ ужъ снова колокольнымъ звономъ
Загудѣла сербская земля...

Вотъ—Бѣлградъ позорившее знамя
Спущено навѣкъ съ его кремля...

Съ каждымъ часомъ Марковъ сонъ все тоньше,
И изъ камня сабля все идетъ,—
Говорятъ,—чуть держится, ужъ гнется...
Что̀ же медлитъ? Что̀ не упадетъ?..

VIII.

РАДОЙЦА.

(Изъ сербскихъ пѣсенъ).

Что̀ за чудо, Господи мой Боже!
Громъ гремитъ, или земля трясется?
Или море подъ скалой грохочетъ?
Или Вилы на горахъ воюютъ?
Нѣтъ, не громъ и не земля трясется,
И не Вилы горныя, не море,—
То паша на радости стрѣляетъ,
Самъ Бекиръ-ага палитъ изъ пушекъ,
Ажно въ Зарѣ всѣ дома̀ трясутся!
Да еще бѣ не радость, не веселье!
Удалось ему словить Радойцу,
Гайдука Радойцу удалого!

И Радойцу привели въ темницу,
А ужъ тамъ давно сидитъ ихъ двадцать,
Цѣлыхъ двадцать гайдуко̀въ удалыхъ.
Какъ Радойцу только увидали,
На него накинулись всѣ двадцать!
„Эхъ, Радойца, чтобъ те пусто было!
Что̀ хвалился, молъ, своихъ не выдамъ,
Отыщу, на днѣ морскомъ достану!
Вотъ теперь сиди и хныкай съ нами!“

Отвѣчалъ имъ удалой Радойца:
„Вы покуда знай-молчите, братцы;
Ужъ сказалъ—васъ выпущу на волю,
Не живой освобожу, такъ мертвый“.

Ка̀къ свѣтало и взошло ужъ солнце,
Только слышатъ гвалтъ въ тюрьмѣ и крики:
„Чортовъ кусъ! Бекиръ-ага проклятый!
Что̀ привелъ ты къ намъ еще Радойцу!
Околѣлъ онъ тутъ сегодня за̀ ночь!
Убирай отъ насъ его скорѣе“.

Унесли Радойцу изъ темницы,
Приказалъ ага, чтобъ схоронили.
На дворѣ народъ толпится, смотритъ,
И жена Бекира тоже вышла,
Поглядѣла, да и молвитъ мужу:
„Господинъ мой, какъ ужъ тамъ ты знаешь,
Только мнѣ сдается—живъ Радойца!
Ну, какъ что̀ недоброе затѣялъ?
Испытать его бы не мѣшало.
Ты вели-ка накалить желѣзо,
Припеки ему бока крутые,
Коли живъ,—поморщится, разбойникъ!“

Накалили до̀красна желѣзо,
Припекать бока Радойцѣ стали—
Онъ лежитъ, не шевельнетъ и бровью.

На своемъ таки-стоитъ Бекирша:
„Хоть убей меня, а живъ бездѣльникъ!
Ты возьми-ка вотъ гвоздей желѣзныхъ,
Вбей ему по гвоздику за ногти,—
Тутъ посмотримъ: шевельнется, нѣтъ ли!“

Принесли гвоздей; за каждый ноготь
На рукахъ и на ногахъ вбиваютъ:
Онъ лежитъ—ни-ни, не шевельнется,
Ни однимъ суставчикомъ не дрогнетъ.

Мало все еще ехидной бабѣ:
„Разрази Господь меня на мѣстѣ,—
Говоритъ,—а живъ-таки, собака!
Вотъ что̀ сдѣлай,—научаетъ мужа:—
Ты скажи-ка кликнуть кличъ дѣвицамъ,
Чтобы шли во дворъ къ пашѣ на праздникъ;
Пусть вокругъ Радойцы пляшутъ ко̀ло,
А заводитъ ко̀ло пусть Гайкуна:
Знаю я мужскую вашу совѣсть,—
Коли живъ—не стерпитъ, шевельнется!“

Собрались дѣвицы, пляшутъ ко̀ло,
Вкругъ Радойцы прыгаютъ и ходятъ,
Впереди—красавица Гайкуна...
А Гайкуна ужъ была такая,—
Богъ съ ней, право! Красота, что̀ чудо!
Всѣмъ взяла—и станомъ, что̀ твой тополь,
И лицомъ—заря съ него не сходитъ,
А идетъ—такъ словно вѣтеръ въ листьяхъ

Шелестятъ шелковыя шальвары!
Стало виться, развиваться коло:
Голоса дѣвичьи загудѣли;
Мѣрно-звонко звякаютъ червонцы;
Что весна вокругъ Радойцы вѣетъ,
На лицо, что жаръ полдневный пышетъ...
Будь-ка живъ онъ—какъ бы застучало,
Какъ бы сердце у него забилось,—
Хоть однимъ глазкомъ, а ужъ бы глянулъ!
Тихо, ровно вкругъ идетъ Гайкуна
И съ лица Радойцы глазъ не сводитъ;
Только вдругъ—вздрогнула, улыбнулась,
И платочекъ—будто ненарокомъ—
На лицо ему съ плеча сронила—
И плясать не стала: „Какъ ты хочешь,—
Говоритъ,—родитель мой любезный,
А постыдно тѣшиться надъ мертвымъ!“
И Бекиръ уважилъ дочку, тотчасъ
Приказалъ похоронить Радойцу;
Но старуха все не унялася:
„Брось его по крайности ты въ море!
Пусть съѣдятъ его морскіе гады!“
— „Все одно!“ Бекиръ сказалъ, не спорилъ,
И велѣлъ Радойцу бросить въ море.
Веселъ въ этотъ день онъ сѣлъ за ужинъ,
„Въ первый разъ, молъ, въ девять лѣтъ сегодня
Съ легкимъ сердцемъ ужинать сажуся,
Девять лѣтъ мнѣ не давалъ покоя
Этотъ воръ анаѳемскій Радойца!
Да—Аллаху слава!—съ нимъ покончилъ!
Завтра тѣхъ двадцатерыхъ повѣшу!“
Только это онъ успѣлъ промолвить,
Глядь, а передъ нимъ стоитъ Радойца,
Живъ и здравъ и съ поднятою саблей!
Не успѣлъ онъ ни вскочить ни крикнуть.
Не успѣлъ—безъ головы свалился.
А Бекирша только увидала—
Какъ на мѣстѣ жъ померла со страху.
„Ты же, свѣтъ очей моихъ, Гайкуна,—
Молвилъ онъ ей, руку подавая,—
Отыщи ключи ты отъ темницы,
Да сама въ дорогу собирайся!
Выпустимъ товарищей удалыхъ
И скорѣй въ Шумадію уѣдемъ“.

Не корили ужъ его гайдуки,
Разнесли объ немъ далеко славу,
Что ужъ слово скажетъ, такъ ужъ сдержитъ.
Въ ту же ночь ушли они съ Гайкуной;
Покрестилъ ее онъ въ первой церкви,
Во крещеньи назвалъ Ангеликой,
Да потомъ и повѣнчался съ нею.

1880.

IX.

ГУСИТСКАЯ ПѢСНЯ.

Близокъ, братья, день желанный!
Засіяло наше солнце!
Огласились старымъ кликомъ
Наши долы, наши горы!
Возродился чехъ старинный,
А съ нимъ духъ и всякій свычай,
Всякій свычай и обычай
Старочешскій!

О, старый чехъ всегда готовъ
На зовъ друзей, на зовъ враговъ—
На свѣтлый пиръ, на страшный бой,
На смертный бой!

Аминь! Услыши, Господи!
Потрудись за насъ, святой Вячеславъ,
Нашъ заступникъ во скорбяхъ!

О, когда завѣтъ отцовскій
Сохранимъ мы нерушимо—
Слава Чехіи не сгинетъ,
И возстанетъ левъ нашъ бѣлый;
Чуть враги его заслышатъ,
Какъ медвѣди встрепенутся
И подъ нашу пѣснь запляшутъ,
Какъ заслышутъ:

О, старый чехъ всегда готовъ
На зовъ друзей, на зовъ враговъ—
На свѣтлый пиръ, на страшный бой,
На смертный бой!

Аминь! Услыши, Господи!
Потрудись за насъ, святой Вячеславъ,
Нашъ заступникъ во скорбяхъ!

III.
НОВОГРЕЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

I.
КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, дитя мое, усни!
Сладкій сонъ къ себѣ мани:
Въ няньки я тебѣ взяла
Вѣтеръ, солнце и орла.

Улетѣлъ орелъ домой;
Солнце скрылось подъ водой;
Вѣтеръ, послѣ трехъ ночей,
Мчится къ матери своей.

Вѣтра спрашиваетъ мать:
„Гдѣ изволилъ пропадать?
Али звѣзды воевалъ?
Али волны все гонялъ?“

— „Не гонялъ я волнъ морскихъ,
Звѣздъ не трогалъ золотыхъ;
Я дитя оберегалъ,
Колыбелочку качалъ!“

II.
МАТЬ И ДѢТИ.

„Что̀ ты, мама, безпрестанно
О сестрицѣ все твердишь?
Въ лучшемъ мірѣ наша Зоя—
Ты сама намъ говоришь“.

— „Ахъ, я знаю, въ лучшемъ мірѣ!
Но въ томъ мірѣ нѣтъ луговъ,
Ни цвѣтовъ, ни травъ душистыхъ,
Ни веселыхъ мотыльковъ“.

„Мама, мама! Въ Божьемъ небѣ
Божьи ангелы поютъ,
Ходятъ розовыя зори,
Ночи звѣздныя плывутъ“.

— „Ахъ, у бѣдной нѣтъ тамъ мамы,
Кто смотрѣлъ бы изъ окна,
Какъ съ цвѣтами, съ мотыльками
Въ полѣ рѣзвится она!..“

III.

Ласточка примчалась
Изъ-за бѣла моря,
Сѣла и запѣла:
Какъ Февраль ни злися,
Какъ ты, Мартъ, ни хмурься,
Будь хоть снѣгъ, хоть дождикъ—
Все весною пахнетъ!

IV.

ДВУСТИШІЯ.

1.

И терны и розы, улыбки и слезы,
И сѣются разомъ, и вмѣстѣ растутъ!

2.

Тащитъ свой неводъ рыбакъ—рвется изъ невода рыбка.
Дѣва! на волю я рвусь—и за тобою иду!

3.

Бѣлая лебедь, проснись! Крыльями шумно взмахни!
Чернаго врана, что̀ спитъ подлѣ тебя,—прогони!

4.

Горлинка лѣсная! Кто тебя изловитъ?
Въ клѣточку посадитъ и голубить станетъ?

V.

Я бъ тебя поцѣловала,
Да боюсь, увидитъ мѣсяцъ,
Ясны звѣздочки увидятъ;
Съ неба звѣздочка скатится
И разскажетъ синю-морю,
Сине-море скажетъ весламъ,
Весла—Яни рыболову,
А у Яни—люба Мара;

А когда узнаетъ Мара,—
Всѣ узнаютъ въ околоткѣ,
Какъ тебя я ночью лунной
Въ благовонный садъ впускала,
Какъ ласкала, цѣловала,
Какъ серебряная яблонь
Насъ цвѣтами осыпала.

VI.

Тихо море голубое!
Если бъ вихрь не налеталъ,
Не шумѣло бъ, не кидало бъ
Въ берега за валомъ валъ!

Тихо бъ грудь моя дышала,
Если бъ вдругъ, въ душѣ моей,
Образъ твой не проносился
Вихря буйнаго быстрѣй!

VII.

ПОЦѢЛУЙ.

Между мраморныхъ обломковъ,
Посреди сребристой пыли,
Однорукій клефтикъ тешетъ
Мраморъ нѣжный, словно пѣна,
Прибиваемая моремъ.
Мимо дѣвица проходитъ,
Златокудрая, что̀ солнце,
Говоритъ: „зачѣмъ одною
Ты работаешь рукою?
Ты куда жъ дѣвалъ другую?“

—„Полюбилась мнѣ дѣвица,
Роза первая Стамбула!
Поцѣлуй одинъ горячій,
И—мнѣ руку отрубили!
Въ свѣтѣ есть еще дѣвица,
Златокудрая, что̀ солнце...
Поцѣлуй одинъ бы только,
И руби другую руку!“

VIII.

Свѣтлый праздникъ будетъ скоро,
И христосоваться къ вамъ
Я приду: смотри же, Дора,
Не одни мы будемъ тамъ!
Будто въ первый разъ, краснѣя,
Поцѣлуемся при всѣхъ,
Ты—очей поднять не смѣя,
Я—удерживая смѣхъ!

IX.

Словно ангелъ бѣлый, у окна надъ моремъ,
Пѣла пѣсню дѣва, злымъ убита горемъ,
Вѣтру говорила, волны заклинала,
Милому поклоны съ ними посылала.
Пробѣгалъ корабликъ мимо подъ скалою;
Слышатъ мореходы голосъ надъ собою,
Видятъ дѣву-чудо, парусъ оставляютъ
Бросили работу, руль позабываютъ.
„Проходите мимо, мореходы, смѣло!
Ахъ! Не бѣлокрылымъ кораблямъ я пѣла!
Я молила вѣтеръ, волны заклинала,
Милому поклоны съ ними посылала“.

X.

Межъ тремя морями башня,
Въ башнѣ красная дѣвица
Нижетъ звонкіе червонцы
На серебряныя нити.
Вышло всѣхъ двѣнадцать нитокъ.
Повязавши всѣ двѣнадцать —
Шесть на грудь и шесть на косы —
Вызываетъ дѣва солнце:
„Солнце, выдь!—я тоже выйду!
Солнце, глянь!—я тоже гляну!
Отъ тебя—луга повянутъ,
Отъ меня—сердца посохнутъ!“

XI.

СТАРЫЙ МУЖЪ.

Запѣваютъ пташки на зарѣ,
Золотятся снѣги по горѣ;
Пробудилась молода жена,
Будитъ мужа стараго она:
„Пробудись-проснись, голубчикъ мой!
Полюбуйся молодой женой;
Мой ли станъ, что̀ тонкій кипарисъ,
Что̀ лимоны, груди поднялись...“
Старый мужъ прикинулся, что спитъ,
Самъ не спитъ, а въ полуглядь глядитъ.
„Эхъ, когда бы прежніе года,
Не будила бы меня млада!
Засыпала бъ поздно ввечеру,
Просыпала бъ долго поутру;
По утрамъ бы я ее будилъ,
Золотыя бъ рѣчи говорилъ;
Притворялась бы она, что спитъ,
Крѣпко спитъ, не слышитъ, не глядитъ“.

XII.

МОЛОДАЯ ЖЕНА.

Наряжалась младая Елена,
Наряжалась на праздникъ къ обѣднѣ.
Красный фесъ съ жемчугомъ надѣвала
И червонцы на черныя косы;
Изъ лица вся сіяла, что̀ солнце;
Бѣла грудь—что̀ серебряный мѣсяцъ.
Подымалася на гору въ церковь,
Стала спрашивать буйное сердце:
„Что̀ ты, сердце, болишь и вздыхаешь?
Словно камень ты на гору тащишь?..“
—„Легче бъ камни тащить мнѣ, чѣмъ горе,
Злое горе отъ стараго мужа.
Я бъ къ другому пошла хоть въ неволю,
Хоть въ неволю бъ пошла къ молодому!
Ненаглядно бъ я имъ любовалась,
Что̀ высокимъ въ саду кипарисомъ;
Любовался бъ онъ, тѣшился мною,
Что̀ цвѣтущею яблонькой нѣжной;

Я сама бы его наряжала.
Какъ меня наряжаетъ мой старый;
Я ему бы все въ очи глядѣла,
Какъ глядитъ мой старикъ въ мои очи.
И не звалъ бы меня онъ ворчуньей,
И капризной, негодною плаксой,
Называлъ бы веселою пташкой,
Называлъ бы своею голубкой!..“

XIII.

ПѢВЕЦЪ.

Не красивъ я, знаю самъ;
Въ битвѣ безполезенъ! —
Чѣмъ же женамъ и мужамъ
Милъ я и любезенъ?
Пѣсни, словно гулъ въ струнахъ,
Грудь мнѣ наполняютъ,
Улыбаются въ устахъ
И въ очахъ сіяютъ.

XIV.

Птички-ласточки, летите
Къ прежней любушкѣ моей:
Не ждала бъ она, скажите,
Мила друга изъ гостей.

Во чужой землѣ сгубила
Зла-волшебница меня,
И меня приворожила,
И испортила коня.

Я коня ли осѣдлаю —
Разсѣдлается онъ самъ;
Безъ сѣдла ли выѣзжаю —
Громъ и буря ввстрѣчу намъ!

У нея слова такія:
Скажетъ—рѣки не текутъ!
Съ неба звѣзды золотыя
Словно яблочки спадутъ!

Глянетъ въ очи—словно хлынетъ
Въ сердце свѣтъ съ ея лица;
Улыбнется—словно кинетъ
Алой розой въ молодца!

XV.

ОЛИМПЪ И КИССАВЪ.

Сталъ Киссавъ съ Олимпомъ спорить:
„Ты угрюмъ стоишь, пустынный;
Я жъ, смотри, цвѣтущъ и веселъ!“
Отвѣчалъ многовершинный,
Отвѣчалъ Олимпъ Киссаву:
„Не хвались, Киссавъ надменный,
Я—старикъ Олимпъ, и знаютъ
Старика во всей вселенной!
У меня ль, подъ синимъ небомъ,
Шестьдесятъ вершинъ сіяютъ;
У меня ли съ лона шумно
Сто ключей живыхъ сбѣгаютъ.
Надо мной орлы кружатся,
Любитъ клефтъ меня воитель,
И боится храбрый турокъ —
Твой высокій повелитель“.

XVI.

ГОЛОСЪ ИЗЪ МОГИЛЫ.

Два дня у насъ шелъ пиръ горой, два дня была попойка,
На третій, поздно къ вечеру, вина въ мѣхахъ не стало;
Достать еще вина меня послали капитаны;
Пошелъ я въ незнакомый путь—дорогой заплутался,
Шелъ дикими тропинками, шелъ узкими путями;
И узкій путь привелъ меня къ пустынной старой церкви.
Вкругъ церкви было кладбище—все плиты гробовыя;
Одна плита пониже всѣхъ—отъ всѣхъ была въ сторонкѣ;
И я не разглядѣлъ ея, ногой прошелъ по камню.
И слышу будто стонъ глухой и голосъ изъ могилы.
„О чемъ, спросилъ я, ты вопишь, о чемъ, могила, стонешь?
Земля ли тяжела тебѣ, иль давитъ черный камень?“
—„Нѣтъ, мнѣ не тяжела земля, не давитъ черный камень,
А стыдно мнѣ, и больно мнѣ, и горько несказанно,
Что ходишь надо мною ты, меня ногою топчешь!..
Аль не былъ тоже молодъ я? аль не былъ паликаромъ?
При мѣсяцѣ не хаживалъ пустынными тропами?
И съ зорями росистыми не радовался міру?..“

XVII.

ПЛѢННИКЪ.

Сторожатъ меня албанцы;
Я въ цѣпяхъ, но у окна
Зацвѣтаютъ померанцы:
Добрый знакъ—близка весна!

Дайте ей лишь укрѣпиться,
Обрасти густымъ вѣтвямъ,
И тропинкамъ позакрыться
Темной листвой по горамъ,—

Не сдержать меня желѣзу!
Изъ темницы я уйду,
Черезъ стѣну перелѣзу
И въ кустарникъ пропаду.

Пусть албанцы тутъ стрѣляютъ!
Посреди турецкихъ селъ
Скоро матери узнаютъ,
Завопятъ, что Димъ ушелъ!

XVIII.

ГАДАНІЕ.

Египтянка, какъ царица,
Вся въ червонцахъ, въ жемчугахъ,
Сыплетъ зелья на жаровню
Съ заклинаньемъ на устахъ.

Передъ ней, бѣла, какъ мраморъ,
Дѣва юная стоитъ...
Египтянка поблѣднѣла,
Смотритъ въ тьму и говоритъ:

„Вижу дикое поморье;
Слышу стукъ мечей стальныхъ:
Бьется юноша-красавецъ,
Бьется противъ семерыхъ.

Онъ упалъ, они бѣжали...
Къ синю морю онъ ползетъ...
Мимо идутъ бригантины,
Онъ имъ машетъ, онъ зоветъ:

—„Передайте Казандони,
Что идетъ Вели-паша“—
Мимо идутъ бригантины,
Не внимая, не спѣша...

Онъ исходитъ алой кровью,
Холодѣетъ... лишь одинъ
Томный взоръ слѣдитъ за бѣгомъ
Уходящихъ бригантинъ...

А надъ нимъ ужь рѣютъ чайки,
Все-то ниже и смѣлѣй,
И не сводитъ взгляда воронъ
Съ потухающихъ очей“.

XIX.

ЦАВЕЛИХА.

Съ горъ Али-паша на Сули
Въ нетерпѣньи взоры мечетъ,
А надъ нимъ порхаетъ птичка,
И кружится, и щебечетъ:

„Видно, это не Янина,
Гдѣ шумятъ твои фонтаны;
Не Превеза, гдѣ ты ставишь
Для своихъ албанцевъ станы.

Это Сули, городъ славный!
Нѣтъ ей равнаго на свѣтѣ!
Здѣсь въ рядахъ мужей воюютъ
Жены, дѣвицы и дѣти!

И съ ружьемъ въ рукѣ выводитъ
Всѣхъ Цавелиха ихъ въ поле—
На плечахъ съ груднымъ младенцемъ
И съ патронами въ подолѣ!“

XX.

Побѣду клефты празднуютъ, пируютъ капитаны;
Разноситъ вина, яства имъ кудрявый, статный мальчикъ.
Наѣлися, напилися, метать пошли каменья,
И мальчикъ—что въ сраженіи, что въ играхъ всюду первый.
Да разъ, какъ размахнулся онъ,—еще не бросилъ камня,—
Онъ пуговицы лопнули, и петли оборвались,

И бѣлая грудь дѣвичья широко распахнулась.
Остолбенѣли молодцы, и смотрятъ капитаны,—
Не мѣсяцъ ли, не молнія ль блеснула передъ ними...
Зардѣлася красавица,—отъ гнѣва чуть не плачетъ.
„Чего глядите?—крикнула,—три года были слѣпы!“
Свой фесъ и ножъ имъ бросила и скрылася изъ виду.
Съ тѣхъ поръ пропалъ и слухъ о ней, въ горахъ, у паликаровъ.
Но во святой обители, между бѣлицъ смиренныхъ,
Смиреннѣй всѣхъ ихъ новая бѣличка появилась.
1872.

XXI.
ПЛАЧЪ ПАРГІОТОВЪ.

„Ты летишь къ намъ, птичка, изъ-за моря,
Разскажи мнѣ, что̀ въ горахъ за грохотъ?
Точно стонъ весь день стоитъ надъ Паргой.
Приступили, что ли, турки снова?
Загорѣлся, что ли, бой стертельный?“

—„Нѣтъ, не турки къ Паргѣ приступили,
И не бой смертельный загорѣлся;
Предана невѣрнымъ наша Парга!
Паргу срыть велѣли христіане,
Христіанскихъ царствъ цари-владыки!
Паргіотовъ съ родины погонятъ,
Какъ быковъ погонятъ, какъ барановъ!
И пойдутъ они въ чужую землю!
И отцовъ своихъ гроба покинутъ,
На позоръ покинутъ Божьи храмы!..
Вьючатъ муловъ, разоряютъ домы...
Жены косы рвутъ въ печали лютой,
Старики рыдаютъ злымъ рыданьемъ;
По церквамъ попы съ великимъ плачемъ
Забираютъ утварь и иконы...
Видишь пламя: дымъ поднялся черный;
Раскрывали гробы, кости взяли,
Кости жгутъ, святыя кости храбрыхъ
Что̀ когда-то сами жгли визирей!
Дѣти жгутъ отцовъ и дѣдовъ кости,
Чтобъ рукамъ невѣрныхъ не достались!
Слышишь—стонъ сильнѣй пошелъ и выше?
Голоса подымутся и стихнутъ...
Разстаются, камни обнимаютъ,
Уходя, ѣдятъ родную землю!..

XXII.

ДЕСПО.

Сули пала, Кьяфа пала,
Всюду флагъ турецкій вьется...
Только Деспо въ черной башнѣ
Заперлась и не сдается.

„Положи оружье, Деспо!
Вамъ ли спорить, глупымъ женамъ?
Выходи къ пашѣ рабою,
Выходи къ нему съ поклономъ!“

—„Не была рабою Деспо
И не будетъ вамъ рабою!“—
И, схвативъ зажженный факелъ:—
„Дѣти, крикнула, за́ мною!“

Факелъ брошенъ въ темный погребъ...
Дрогнулъ долъ, ударъ раздался—
И на мѣстѣ черной башни
Дымный столбъ заколебался.

XXIII.

ЗАВѢЩАНІЕ.

„Собирайтесь, паликары!
Умираетъ капитанъ!
Умираетъ онъ отъ честныхъ,
Отъ святыхъ турецкихъ ранъ!—
Умереть, друзья, не страшно,
Да могила мнѣ страшна...
Темно, тѣсно.... Одинокій
Въ ней лежи и спи безъ сна!—
Съѣстъ земля и фесъ и долманъ,
Мечъ, не ржавѣвшій въ крови,
И усы мои и брови,
Брови черныя мои!..

Нѣтъ, меня не зарывайте,
Братцы, въ землю! На горѣ
Вы меня поставьте стоймя
Во гробу, лицомъ къ зарѣ.
Въ гробѣ окна прорубите,
Чтобъ мнѣ вѣяло весной,

Чтобы ласточки, кружася,
Щебетали надо мной!—
Чтобъ изъ гроба я далеко
Могъ бы турокъ различать,
Чтобъ направо и налѣво
Могъ имъ пулю посылать“.

XXIV.

Сорокъ клефтовъ на зимовки
Возвращалися домой,
Малый наняли корабликъ,—
Да похвастали казной.

Корабельщикъ—плутъ-албанецъ!
Къ островку онъ пристаетъ:
„Погуляйте-ка тутъ, братцы,
Переждемъ, гроза идетъ!“

И на островъ вышли клефты
(Онъ былъ малъ, и дикъ, и голъ),
А межъ тѣмъ поставилъ парусъ
Корабельщикъ и—ушелъ.

Черезъ сорокъ дней приходитъ
За добычею своей:
Только двое шевелятся
Межъ разбросанныхъ костей;

Живъ былъ Яни,—весь искусанъ,—
И Георгій чуть дышалъ;
У него жъ голодный Яни
Ноги тощія глодалъ.

XXV.

ЧУЖБИНА.

Умереть не дай Богъ на чужбинѣ!
Видѣлъ я, какъ пришлыхъ тамъ хоронятъ!
Безъ попа, безъ свѣчъ и безъ кадила,
Не помазавъ миромъ, не отпѣвши,
Гдѣ пришлось, зароютъ, какъ собаку!
Какъ пахать потомъ пріѣдутъ землю,
Съ горъ пригонятъ двухъ воловъ рогатыхъ,
Въ плугъ впрягутъ, и молодецъ удалый

Понуждать въ бока начнетъ ихъ саблей,
И по первой бороздѣ глубокой
Изъ земли да выкинетъ онъ ноги,
По другой—красавца паликара...
Завопитъ, завоетъ бѣдный пахарь:
„Будь такой да у меня товарищъ,
Я бы съѣсть землѣ его такъ не далъ!
Я пошелъ бы къ морю, къ синю-морю,
На широкое бъ пошелъ поморье;
Я бъ нарѣзалъ тростнику морского,
Смастерилъ бы гробъ ему просторный,
Я бъ въ гробу постлалъ ему постелю,
Всю бъ цвѣтами, ландышами выстлалъ,
Всю бы выстлалъ свѣжимъ амарантомъ!“

XXVI.

БОРЬБА СО СМЕРТЬЮ.

Удалецъ съ горы сбѣгалъ въ долину,
Феска набокъ, волосы кудрями.
Смерть за нимъ съ вершины примѣчала,
И въ обходъ пустилась, и въ ущельѣ
Вдругъ ему дорогу заступила:
„Ты куда, красавецъ, и откуда?“
—„Я изъ стана, пробираюсь къ дому“.
„За какимъ торопишься ты дѣломъ?“
—„Захватить хочу вина и хлѣба
И тотчасъ назадъ вернуся въ горы“.
„Не захватишь ни вина ни хлѣба
И назадъ ты въ горы не вернешься.
Я тебя давненько поджидаю“.
Усмѣхнулся молодецъ удалый,
Оглядѣлъ онъ Смерть, встряхнулъ кудрями:
—„Я, сказалъ, отдамся только съ бою.
Если хочешь, попытаемъ силы:
Сломишь ты—бери мою ты душу,
Я сломлю—сама ты мнѣ послужишь“.
—„По рукамъ!“ костлявая сказала.
По рукамъ ударили. Схватились.
Бились два дня, билися двѣ ночи;
Всю траву ногами притоптали;
На колѣно гнули и съ отмаху.
Смерть давно бока ему ссадила;

У нея самой трещали кости,
А какъ хватитъ онъ на третье утро,
На ногахъ насилу устояла.
Да зато ужъ вдругъ разсвирѣпѣла
И какъ схватитъ молодца за кудри,
Какъ рванетъ—и грянулся онъ ѐземь,
Словно дубъ, поваленный грозою.
Смерть тотчасъ на грудь къ нему вскочила,
Принялась душить его подъ горло.
—„Ты ужъ больно давишь, простоналъ онъ:
Кончимъ шутку, мнѣ пора быть дома,
Стричь овецъ, сыры изъ кадей вынуть“.
Смерть глядитъ въ глаза ему и давитъ.
—„Дай ты мнѣ еще хоть двое сутокъ
Погулять на вольномъ бѣломъ свѣтѣ;
Попрощаюсь только со своими
И потомъ приду, куда укажешь“.
Смерть глядитъ въ глаза и пуще давитъ.
—„У меня жена есть молодая!
Какъ одна останется, голубка!
Весела всегда была, какъ пташка...
У меня сынокъ есть—чуть лепечетъ,
Есть другой—чуть-чуть смѣяться началъ...
Отпусти хоть ради ихъ, сиротокъ!“
Налегаетъ Смерть ужъ всею силой.
—„Объ душѣ хоть дай подумать грѣшной!“
Прохрипѣлъ онъ и замолкъ навѣки.
Съ тѣмъ она его и доконала.

XXVII.

АДЪ.

Изъ подземнаго изъ ада
Съ шумомъ вылетѣла птичка;
И, какъ вылетѣла, сѣла
На траву и еле дышитъ.
Видятъ матери и сестры,
Сладкій мускусъ ей приносятъ,
Амарантъ и бѣлый сахаръ.
„Освѣжися, пей и кушай!—
Уговариваютъ птичку:—
Разскажи намъ, что̀ въ подземномъ,
Темномъ царствѣ ты видала?“

—„Что̀ сказать мнѣ вамъ, бѣдняжки!—
Вздрогнувъ, вымолвила птичка:—
Смерть я видѣла, какъ скачетъ
На конѣ въ подземномъ царствѣ;
Юныхъ за волосы тащитъ,
Старыхъ за руки волочитъ,
А младенцевъ нанизала
Вкругъ, за горлышко, на поясъ“.

XXVIII.

Что̀ горы потемнѣли?
Что̀ тьма по нимъ ползетъ?
Не вѣтеръ ли ихъ хлещетъ?
Не дождикъ ли сѣчетъ?

Не вѣтеръ горы хлещетъ,
Не дождикъ ихъ сѣчетъ:
Ихъ Смерть переѣзжаетъ
И полкъ тѣней ведетъ.

Кончаютъ поѣздъ старцы,
А юноши въ челѣ;
Рядкомъ сидятъ младенцы
У Смерти на сѣдлѣ.

И юноши ей кличутъ,
И молятъ старики:
„Свернемъ съ пути въ деревню,
Вздохнемъ хоть у рѣки!

Испьютъ водицы старцы,
И юноши пускай
Поборятся, а дѣтямъ
Нарвать цвѣточковъ дай“.

— „Въ деревню не заѣду,
Не стану надъ рѣкой!
Къ ней матери и жены
Приходятъ за водой:

Жена узна̀етъ мужа,
Узна̀етъ сына мать—
Уцѣпятся другъ въ друга,
И ихъ ужъ не разнять!“

XXIX.

„Приволье на горахъ родныхъ, приволье въ темныхъ долахъ.
Бѣлѣютъ лѣтомъ овцы тамъ, зимой снѣга бѣлѣютъ,
Тамъ свѣтитъ солнце красное, тамъ смерти не боятся!“
Такъ въ тартарѣ три молодца о свѣтѣ толковали,
Рѣшились хоть на мигъ уйти — на свѣтъ взглянуть украдкой;
Одинъ рѣшилъ—къ веснѣ пойдемъ, другой—ужъ лучше къ лѣту,
А третій — лучше къ осени, къ сбиранью винограда:
Услышала ихъ дѣвица, и дрогнуло въ ней сердце;
Скрестила руки, просится она изъ ада съ ними.
„Меня возьмите, молодцы, на бѣлый свѣтъ съ собою!“
—„Нельзя, нельзя, красавица, намъ взять тебя съ собою!
Ты ходишь—башмаки стучатъ, бряцаютъ ожерелья,
Ты платья легкимъ шелестомъ, пожалуй, Смерть встревожишь!“
„Я платье подвяжу себѣ, я сброшу ожерелье,
По лѣстницѣ тихохонько пойду босая съ вами!
Еще разъ, братцы, хочется взглянуть на свѣтъ мнѣ бѣлый,
Взглянуть, какъ плачетъ матушка, по дочкѣ убиваясь!
Взглянуть, какъ братцы-сродники тоскуютъ по сестрицѣ!“
— „Ахъ, дѣвица-красавица! о милыхъ не крушися!
Твои всѣ братцы-сродники ужъ пляшутъ въ хороводѣ,
А матушка на улицѣ съ сосѣдками судачитъ!“

XXX.

Въ темномъ адѣ, подъ землею,
Тѣни грѣшныя томятся;
Стонутъ дѣвы, плачутъ жены,
И тоскуютъ, и крушатся...
Все о томъ, что не доходятъ
Вѣсти въ адскіе предѣлы—
Есть ли небо голубое?
Есть ли свѣтъ еще нашъ бѣлый?
И на свѣтѣ—церкви Божьи,
И иконы золотыя,
И, какъ прежде, за станками
Ткутъ ли дѣвы молодыя?

XXXI.

Опустѣли наши села;
Не видать богатырей!
Не палятъ, не мечутъ камней,
Даже свадьбы — безъ гостей!

Всѣ ушли, у всѣхъ забота —
Крѣпость вывели въ горахъ;
Башни, стѣны—изъ порфира,
Мѣдь литая — въ воротахъ.

По стѣнамъ ужъ ставятъ пушки,
Подымаютъ знамена...
И приходитъ Смерть подъ крѣпость,
Безоружна и одна.

И глядитъ: „Здорово, дѣтки!“
— „Здравствуй, Смерть! Куда бредешь?“
„Да Господь послалъ за вами“.
— „Что̀ жъ, твои — коли возьмешь!“

И со стѣнъ на Смерть смѣются:
— „Есть ли лѣстница съ тобой?“
Не полѣзла Смерть на стѣны,
Только топнула ногой:

Гулъ раздался подъ землею,
Туча гору облегла...
И чрезъ мигъ—одна стояла
Обожженная скала.

XXXII.

Показалась звѣзда на востокѣ,
Золотая звѣзда показалась.
Не звѣзда то была золотая,
То былъ ангелъ съ златыми крылами,
Возвѣщалъ онъ въ услышанье людямъ:
„Щеголяйте, пока еще время!
Въ многоцвѣтныя платья рядитесь!
Злато-серебро сыпьте, кидайте!
Красныхъ дѣвъ ко груди прижимайте!
Наступаетъ послѣднее время:
Похвалилася Смерть въ преисподней,
Огородъ городить собралася;
Что въ своемъ ли она огородѣ

Не деревъ-кипарисовъ насадитъ,
А лихихъ молодцовъ-паликаровъ;
И не розановъ вкругъ ихъ душистыхъ,
А румяныхъ дѣвицъ, бѣлогрудыхъ;
Не гвоздикъ, не анютины глазки,
А малютокъ въ куртинахъ посадитъ;
И натычетъ вокругъ огорода—
Стариковъ и старухъ частоколомъ".

XXXIII.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ.

Подъ солнцемъ вьются жавронки,
Поютъ: Христосъ воскресе!
По всѣмъ кустамъ малиновки
Поютъ: Христосъ воскресе!
Во всѣ окошки ласточки
Кричатъ: Христосъ воскресе!
Сердца у дѣвъ, у юношей
Поютъ: Христосъ воскресе!
И всѣмъ въ отвѣтъ могилушки:
Воистину воскресе!

1858—1862.

IV.

ОТЗЫВЫ ЖИЗНИ.

I.

ДУХЪ ВѢКА.

ДУХЪ.

Здорово, другъ!.. Что̀ ты такъ мраченъ?
Межъ тѣмъ ты юнъ и въ цвѣтѣ силъ...
Ужели миръ души утраченъ?
А я давно тебя слѣдилъ,
Тебя встрѣчая, улыбался,
Умильно на тебя глядѣлъ,—
Но ты понять меня боялся,
Или, быть-можетъ, не хотѣлъ...

ЮНОША.

Да, мнѣ лицо твое не чуждо.
Тебя я видѣлъ... но когда—
Не помню.

ДУХЪ.

До того нѣтъ нужды!

ЮНОША.

Я бѣса Фауста такъ всегда
Воображалъ.

ДУХЪ.

Все можетъ статься,
И бѣсомъ я у Фауста былъ;
Другимъ иначе я служилъ;
Съ людьми въ пустыню шелъ спасаться,
Въ Ерусалимъ Готфрида рать
Водилъ невѣрныхъ поражать;
Еще же прежде...

ЮНОША.

Кто жъ ты нынѣ?

ДУХЪ.

Я былъ и буду другъ людей.
Я жилъ съ отшельникомъ въ пустынѣ,

Ѣлъ желуди, не спалъ ночей,
Мы съ нимъ пороки поражали
И вмѣстѣ тѣло бичевали,
И, въ избавленье отъ грѣховъ,
Я жегъ живыхъ еретиковъ.
Съ ученымъ жилъ я въ бѣдной кельѣ;
Въ Амальфи роясь, весь въ пыли,
Едва не плакалъ отъ веселья,
Когда пандекты мы нашли;
Я комментировалъ всю древность;
Все разрывалъ, все изучалъ,
И до того я простиралъ
Въ душѣ классическую ревность,
Что не считалъ я за грѣхи
Свои латинскіе стихи...
Кто я таковъ—когда узнаешь,
Меня полюбишь, приласкаешь;
Меня какъ хочешь назови:
Я простодушенъ, изворотливъ,
Мотъ, скряга, пышенъ и расчетливъ.
Въ вѣкъ романтической любви
Я пѣлъ романсы трубадуромъ,
Вздыхалъ... потомъ пришла пора,
Среди версальскаго двора
Явившись сахарнымъ амуромъ,
Я въ будуарахъ герцогинь
Ловилъ ихъ взоръ, улыбку, ласки—
Тамъ пародировалъ я сказки
Про гомерическихъ богинь.
Вокругъ меня всегда роились
Толпы поклонниковъ моихъ —
Они всѣ вдоволь насладились,
И вѣрь, я не обидѣлъ ихъ:
Мои отшельники — святые;
Мои ученые нашли
Законъ движенія земли,
Нашли у древнихъ запятыя;
Мои питомцы удалые,
Колумбъ, де-Гама, Кукъ, Ченслоръ,
Міры за бездной отыскали;
Мои вздыхатели вздыхали
И были счастливы: любовь
Моихъ версальскихъ пастушковъ
Маркизы щедро награждали...

Явился къ Фаусту бѣсомъ я —
Но самъ вѣдь кинулся онъ къ бѣсу,
Онъ сталъ допытывать меня—
Съ загадокъ сдернулъ я завѣсу,
И отъ меня онъ все узналъ,
Что̀ послѣ горько проклиналъ.
Итакъ, ты видишь, человѣка
Всегда, вездѣ былъ другомъ я.
Я назову тебѣ себя,
Когда угодно, духомъ вѣка:
Я тотъ могучій чародѣй,
Который мыслью вашей правитъ,
Возноситъ васъ, честитъ и славитъ
И служитъ цѣлью къ жизни сей.

ЮНОША.

Духъ вѣка?.. Что̀ жъ ты мнѣ предложишь?..
Давно я голову ломалъ,
Но все тебя не угадалъ.

ДУХЪ.

Я знаю, ты себя тревожишь
Несвоевременной мечтой!
Что̀ было разъ, того въ другой
Ты возвратить никакъ не можешь,
На міръ ты дѣльно погляди
И хладнокровно разсуди:
Все, до чего дошли науки,
То все теперь дано вамъ въ руки,
Искусство нынче не ново—
Не подивишь ужъ никого!
Притомъ статуи и картины
Теперь выводятся въ гостиной:
Зачѣмъ имъ праздно тамъ висѣть?
Теперь совсѣмъ иное чувство
Въ насъ услаждать должно искусство—
Намъ мягко надобно сидѣть...

ЮНОША.

О, не кощунствуй надъ святыней!
Не станетъ муза вамъ рабыней!
Немногихъ избранныхъ синклитъ
Зародышъ творчества раститъ,
Руководимый къ высшимъ цѣлямъ...
Въ васъ нѣтъ души... вы хладный трупъ,

Не Пантеонъ вамъ надо—клубъ,
И Гамбсъ вамъ будетъ Рафаэлемъ!

ДУХЪ.

Не горячись. Дай кончить мнѣ.
Притомъ пойми! Кто можетъ въ морѣ
Итти наперекоръ волнѣ?..
Итакъ, вамъ не зачѣмъ гоняться;
Вамъ стòитъ только наслаждаться
Тѣмъ, чтò вамъ создали вѣкà.
Открытій жажда устремляла
Къ опаснымъ странствіямъ, бывало,—
Теперь опасность далека:
Прорыты на рѣкахъ пороги,
Васъ паровозъ и пароходъ
Повсюду дешево везетъ;
Въ горахъ проведены дороги,
Висятъ надъ безднами мосты...
Хоть тѣмъ у вашихъ путешествій
И отняты всѣ красоты
Внезапныхъ, странныхъ происшествій,
Но ужъ зато вернетесь вы
Не своротивши головы,
И сыты: сквернаго трактира
Теперь почти нигдѣ ужъ нѣтъ...

ЮНОША.

Блаженъ, кто могъ увидѣть свѣтъ!
Тотъ не вполнѣ зналъ прелесть міра,
Кто на Неаполь не глядѣлъ
Съ высотъ, въ часы вечерней тѣни;
Не знаетъ тотъ, чтò можетъ геній,
Кто мраморъ Фидія не зрѣлъ;
Тотъ жилъ еще полу-душою,
Кто посреди твоихъ могилъ
Съ тобой, о, Римъ, не говорилъ!

ДУХЪ.

Все это правда, и цѣною
Мы купимъ все не дорогою.

ЮНОША.

А какъ, скажи-ка?

ДУХЪ.

Не спѣши,
Мы все уладимъ, обѣщаю.

Но ты не слушаешь... О, знаю,
Что̀ въ глубинѣ твоей души...

ЮНОША.

Такъ ты до дѣлъ чужихъ охотникъ?

ДУХЪ.

Твоя Марія...

ЮНОША.

Знаетъ все!

ДУХЪ.

Какъ мнѣ не знать: я первый сплётникъ
И ex officio. Ее
Я видѣлъ... какъ она прекрасна!
Какъ небо южное темны
Ея глаза—и смотрятъ ясно,—
А какъ они оттѣнены
Рѣсницей длинной!.. А ланиты?..
Лучистый блескъ разлитъ вкругъ нихъ,
Съ румянцемъ нѣжнымъ чудно слитый...
А косы?.. Передъ кѣмъ-то ихъ
Она, о, пышная сирена,
Распуститъ, черныя, какъ смоль,
Чуть не по самыя колѣна...

ЮНОША.

О, демонъ, замолчи!

ДУХЪ.

Изволь —
А ты бы шелкъ ихъ благовонный
Могъ, вынувъ гребень, разсыпать
И то вакханкой, то Мадонной
Свою красотку убирать...

ЮНОША.

О, нѣтъ, не мучь меня напрасно...
Да, я ее боготворилъ,
Но обладанія желаньемъ
Въ своихъ мечтахъ не оскорбилъ.
Любовь я мѣрилъ лишь страданьемъ
И безнадежною тоской!

ДУХЪ.

Да, тутъ тебѣ расчетъ плохой,
Отецъ вѣдь изъ моихъ кліентовъ—

Ее безъ выгодъ не продастъ:
Какъ капиталъ, онъ для процентовъ
Жидовскихъ въ ростъ ее отдастъ.
Вѣдь женщинъ этакихъ нѣтъ болѣ:
Какая гибкая душа,
То съ слабой, то съ могучей волей...
Нельзя отдать безъ барыша!

ЮНОША.

Оставь, оставь мой сонъ чудесный!
Пусть тихо спитъ моя любовь;
Пусть явится она мнѣ вновь,
Какъ призракъ чистый, гость небесный!

ДУХЪ.

Но къ цѣли можно бы прійти.
Мы въ честь войдемъ, богатства скопимъ,
На то есть разные пути.,.

ЮНОША.

А совѣсть?..

ДУХЪ.

Что̀ жъ!.. Въ винѣ утопимъ!
И что̀ за совѣсть у него!
И что̀ за слово? Для чего
Употреблять всегда его?
Одно понятіе пустое...
Понятье можно ль запятнать?
Да кто поруку можетъ дать,
Что есть понятіе такое!
Всѣмъ благамъ есть одинъ итогъ:
Набитый туго кошелекъ;
Сей ключъ подъ всѣ подходитъ двери;
Вѣсъ, слава, честность, прямота,
Великодушье, красота,
Честь, умъ—или по крайней мѣрѣ
Названье—умный человѣкъ,
Все купишь золотомъ въ нашъ вѣкъ...
Когда бъ на островѣ Марію
Ты видѣлъ съ берега, ты къ ней
Поплылъ ли бы среди зыбей
Черезъ невѣрную стихію,
Рискуя или досягнуть,
Иль, захлебнувшись, утонуть?

ЮНОША.

Въ насъ сердце часто то̀ рѣшаетъ,
Что̀ не рѣшимъ мы головой.

ДУХЪ.

Но если голова узна̀етъ,
Что, не кидаясь въ омутъ...

ЮНОША.

Стой!
Давай мнѣ золота...

ДУХЪ,

Вотъ дѣло!
Вотъ мужа рѣчь! Умно и смѣло:
Но вѣдь ты знаешь, никогда
Его не будетъ безъ труда:
Такъ выслушать имѣй терпѣнье
Теперь мое нравоученье.
Всегда, во-первыхъ, въ людяхъ ты
Кажись героемъ правоты:
Гдѣ гордъ, гдѣ низокъ; умъ и глупость,
Иль даже отъ природы тупость
Показывай; здѣсь—ни гу-гу!
А тамъ дай волю языку,
Льсти дуракамъ. А если встрѣтишь
(Рыбакъ вѣдь виденъ рыбаку),
Въ комъ цѣль такую же замѣтишь,—
Спѣши опутать, сбить, связать,
Нельзя—то тотчасъ приласкать.
Въ порядкѣ, мной теперь открытомъ,
Все общимъ держится кредитомъ
Друзья ужъ вынесутъ. Дадутъ
Тебѣ творить народу судъ,
Вотъ тутъ-то знай стезю лукавыхъ:
Тогда умѣй своей рукой
Законъ то усыпить порой,
То пробудить. Громя неправыхъ,
Неправду въ тишинѣ твори;
Прійдетъ ли моръ—толпѣ радѣя,
Свои амбары отвори:
Одной рукой златницы сѣя,
Другой сторицею бери...
Умѣй загадочнымъ казаться,

Открыто общимъ зломъ терзаться,
Съ слезой въ очахъ, нахмуря лобъ,
Чтобъ подозрѣнья успокоить,
Толкуй, какъ пылкій филантропъ,
Что бѣдныхъ надобно пристроить!
Тогда всему ты властелинъ!
Я приведу мильонъ примѣровъ
Счастливцевъ всякихъ величинъ,
Большихъ и маленькихъ размѣровъ.

ЮНОША.

И я... я слушаю тебя!
Сношу твое я хладнокровье!
Прочь, прочь!

ДУХЪ.

Красавица твоя
Могла бы быть!

ЮНОША.

Прочь отъ меня!

ДУХЪ.

Не нравятся мои условья,
Но изъ контракта своего
Не уступлю я ничего!..
Мнѣ душу надо молодую,
Чтобъ подъ дыханіемъ моимъ
Въ ней доблесть таяла, какъ дымъ...
За то я золото дарую,
А ты такъ чванишься, чудакъ,

ЮНОША.

И ты зовешься духомъ вѣка?..

ДУХЪ.

Я прежде дѣйствовалъ не такъ:
Мной говорилъ Платонъ, Сенека,
Мой вдохновленъ былъ Аристидъ...

ЮНОША.

И онъ, духъ вѣка, мнѣ твердитъ,
Чтобъ все, что въ мірѣ есть святого,
Все—душу, совѣсть, мысль и слово,
Мой образъ Божій — я разбилъ
И, лишь корыстью распаленный,
Союзъ позорный заключилъ

Съ толпой мерзавцевъ развращенной!..
О томъ ли говорилъ мнѣ ты,
О, голосъ матери-природы,
Питая пылъ моей мечты
Величьемъ славы и свободы?..
Я голосъ сердца своего
Чтилъ гласомъ Бога самого;
Любовь, и гордость, и отвага,
И независимость ума —
Моей души прямыя блага...
Прочь, ядовитая чума!

ДУХЪ.

Меня ты гонишь, но не бойся,
Я не сержусь.

ЮНОША.

Змѣя, сокройся!

ДУХЪ.

Съ тебя я глаза не спущу
И скоро снова навѣщу.

ЮНОША.

Прочь, адскій духъ!
1844.

II.

ГРЕЗЫ.

(Отрывокъ).

I.

Зима, зима! Морозъ трещитъ;
Луна въ кольцѣ на тверди синей;
Звѣздится снѣгъ; лазурный иней
На черныхъ деревахъ блеститъ...
Всегда любилъ я ночь. Бывало,
Съ какимъ я трепетомъ слѣдилъ,
Какъ лунный лучъ переходилъ
По полу дѣдовскаго зала!..
И ужасъ мной овладѣвалъ.
Но я любилъ его; все ждалъ
Чего-то, робко слушалъ: дико
Мнѣ было; страшно нарушать

Движеньемъ, словомъ оскорблять,
Казалось, этотъ часъ великій,
Какъ будто что-то въ этотъ мигъ
Свершалось дивное...

II.

И нынѣ
Люблю я тишь часовъ ночныхъ
И лучъ луны сребристо-синій;
Но нынѣ не слѣдитъ мой взоръ
Ни ночи шествіе святое,
Ни небо въ царственномъ покоѣ,
Ни искровидный метеоръ.
Иныя тайны прихотливо
У ней допрашиваю я.
Часъ этотъ—думы молчаливой,
Оставлены заботы дня,
Оставлены его оковы,
Личины сняты. Самъ съ собой,
Теперь открытый и прямой,
Въ насъ умъ бесѣдуетъ сурово:
Онъ торжествуетъ иль скорбитъ,
Къ мечтамъ любимымъ онъ несется,
Людей, дѣла свои слѣдитъ,
Надъ ними плачетъ иль смѣется...
О, ночь! Открой передо мной,
Что̀ кроется въ душѣ людской
И въ жизни—этой скучной сказкѣ,—
Веди скорѣй меня къ развязкѣ...
Тебя подъ маской не любя,
Я вѣрно бы любилъ тебя,
О, родъ людской, безъ этой маски.

III.

Введи меня, о, ночь, тайкомъ
Теперь тихонько въ этотъ домъ,
Къ очаровательной сосѣдкѣ.
Введи невидимо. Она —
О, знаю я—теперь одна,
Какъ птичка, запертая въ клѣткѣ.
Тамъ видѣнъ свѣтъ; передъ окномъ
Опущенъ занавѣсъ кисейный,
И профиль движется на немъ,
Какъ будто въ полѣ золотомъ;

Къ рукѣ склонилася лилейной
Она задумчивымъ челомъ...
О, ночь, войдемъ туда, войдемъ!..

IV.

Да, да! Она теперь одна,
Разстроена, утомлена
Визитомъ тетушки тяжелымъ,
Бесѣдой важной о чепцахъ,
И о Парижѣ, о долгахъ,
О крѣпостныхъ ея актерахъ,
О новыхъ свадьбахъ, старыхъ спорахъ,
Новѣйшихъ сплетняхъ. Въ сотый разъ
Она прослушала разсказъ,
Какъ тетушка вдовой осталась,
Въ какомъ бѣльѣ похороненъ
Покойникъ былъ; что̀ послѣ сталось,
И на кого оставилъ онъ
Подругу вѣрную; что̀ ѣли
Въ день знаменитыхъ похоронъ,
Кто что̀ сказалъ, какъ всѣ сидѣли...
Всей повѣсти плаксивый тонъ
И видъ участья и печали
Елену Дмитревну терзали,
Покуда съ тетушкой пустой
Вся дрянь не схлынула долой.
Дверь заперта... Елена слышитъ,
Какъ снѣгъ взвизжалъ подъ подрѣзой.
Она одна и легче дышитъ,
Головку на руку склонивъ
И очи долу опустивъ...
И тихо дума осѣняетъ
Ее святымъ своимъ крыломъ
И кроткимъ, сладостнымъ огнемъ
Въ очахъ лазуревыхъ сіяетъ.
Уста недвижны. По груди
Кудрей вздымаются струи...
Тяжелый вздохъ... она страдаетъ...
Блаженъ, кто бъ могъ въ сей тихій часъ
Ея души подслушать шопотъ,
Природы голосъ, сердца ропотъ,
И угадать ее хоть разъ:
И кто она? что̀ въ ней скрывалось?
Какая сила, глубина

Ея души, и что̀ съ ней сталось,
И чѣмъ бы быть могла она?

V.

Все тихо вкругъ. Горитъ лампада,
И свѣтъ, мерцая, отраженъ
На ризахъ золотыхъ иконъ.
Она и рада и не рада!
Порой такъ страшно быть одной —
Одной съ больной своей душой,
Одной съ освобожденнымъ чувствомъ,
Одной съ нескованнымъ умомъ
Ни свѣта золотымъ ярмомъ,
Ни лицемѣрія искусствомъ...
Вдругъ—сердце, умъ заговорятъ,
И ихъ теперь не заглушатъ
Ни тяжесть легкихъ разговоровъ,
Ни эта куча разныхъ вздоровъ,
Что̀ хладной, пестрою толпой
Зовется милой болтовней.
Уединенье и свобода—
О, это страшныя слова!
Вдругъ подавлённая природа
Предъявитъ грозныя права...
Такъ надъ молчавшими степями
Торжественно ударитъ громъ;
Такъ рогъ звучитъ въ бору густомъ,
Деревья сонными вѣтвями
Какъ бы въ испугѣ задрожатъ,
И шумно съ гнѣздъ своихъ слетятъ,
Кружася, птицы надъ сосна̀ми.
Такъ грозенъ посреди утѣхъ
Пророка голосъ вдохновенный,
Или сатиры оскорбленной
Сквозь слезы вырвавшійся смѣхъ.

VI.

Понятно, отчего злодѣю
Остаться страшно одному
Съ жестокой совѣстью своею:
Неумолимая ему
Все ту жъ разсказываетъ сказку;
Предъ нею онъ не можетъ маску
На ликъ блѣднѣющій надѣть,

Ни кровь съ руки своей стереть:
Предъ нимъ ограбленной вдовицы
И старика безсильный плачъ,
И своды влажные темницы,
И цѣпь, и плаха, и палачъ...
Едва ль сноснѣй уединенье
Тому, кто, легкою душой
Сроднившись съ жизнію пустой,
Упрямо гонитъ размышленье.
Онъ какъ изгнанникъ: вкругъ него
Родного нѣту ничего—
Ни плохо спѣтаго романса,
Ни грома вальса на балахъ,
Ни стука рюмокъ на пирахъ,
Ни даже толковъ преферанса—
Всей пошлости, чѣмъ свѣтскій кругъ,
Лелѣетъ праздный свой досугъ.

VII.

Елена Дмитревна была
Созданье рѣдкое. Росла
Она у бабушки—тщеславной,
Властолюбивой, своенравной.
Покойникъ-дѣдъ (онъ былъ убитъ)
Былъ знатенъ, жилъ какъ сибаритъ,
Временъ потемкинскихъ остатокъ,
Когда на лѣстницѣ честей
Такъ мало было ступеней:
Богатъ, въ долгахъ, не чуждый взятокъ —
Зато, по смерти, за долги
Въ казну отобрано имѣнье..
Но какъ съ вельможеской ноги,
Отъ блеска, лести упоенья,
Вдругъ жизнь свою переначать?
Передъ другими что̀ сказать?
Что̀ скажутъ службы исполины?
Какъ отзовется тотъ пигмей,
Что̀ мы громадностью своей
Загнали въ грязь?.. Считать аршины,
Не зная счета саженямъ?..
Прочь изъ столицы, въ глушь!.. Но тамъ,
Какъ при дворѣ Екатерины,
Среди стариннаго села,
Вдова съ величіемъ жила.

Во дворнѣ барской содержался,
Какъ прежде, цѣлый полкъ людей,
Остаткомъ золотыхъ ливрей,
Уже въ лохмотьяхъ, одѣвался.
Ей душу сладко волновалъ,
На мѣсто выспреннихъ похвалъ
Въ стихахъ придворнаго поэта,
Теперь армейскій комплиментъ;
Искали всѣ ея совѣта
По части модъ, чепцовъ и лентъ...
Законъ родства и хвалъ награда
И покровительства отрада
Закономъ дѣлъ ея была:
Она въ свой домъ на воспитанье
Ребенкомъ внучку приняла.

VIII.

. . . . . .

И рано тамъ училась Лёля
Приличье свѣта выносить;
Но долго не могла неволя
Ее вполнѣ поработить.
Что съ юныхъ лѣтъ она любила,
Она все въ дѣтствѣ схоронила —
Отца и мать, и двухъ сестеръ;
Она привыкла такъ къ утратамъ,
Что въ домѣ бабушки богатомъ
Ничто ея не льстило взоръ.
Въ толпѣ гостей, при вѣчномъ шумѣ,
Она привыкла къ тихой думѣ;
Любила мирный видъ полей,
Гдѣ рѣчка вьется свѣтлой змѣйкой,
И сумракъ липовыхъ аллей,
Фонтанъ и сводъ густыхъ вѣтвей
Въ саду, надъ старою скамейкой...
Такъ зрѣла мысль ея въ тиши,
И каждое ея движенье
Бывало полно выраженья
Ея чувствительной души;
Въ улыбкѣ устъ такъ много было
И прелести и грусти милой;
Въ глубокомъ взглядѣ томныхъ глазъ,
Подъ ихъ рѣсницею пушистой,
Такъ много блеску, что сейчасъ

Вослѣдъ за радостію чистой,
Казалось, въ нихъ блеснетъ слеза.
Но грусть души младой и гибкой
Была не бурная гроза,
А солнца тихая улыбка
Глубокой осенью!.. Такъ плющъ,
Какъ онъ ни зеленъ, ни цвѣтущъ,
Всегда напомнитъ намъ руины;
Такъ кипарисъ, дитя могилъ,
Какъ будто вѣчно сохранилъ
Оттѣнокъ грустной той долины,
Гдѣ прахъ онъ стережетъ пустынный.
Не такъ же ли душа у насъ,
О смерти въ думу погрузясь,
Пріемлетъ скорби отпечатокъ,
Передаетъ его устамъ,
Движеньямъ, голосу, очамъ?..

IX.

Елену бабушка любила...
Но время! внучкѣ надо было
Пристроиться—таковъ уставъ!
Женихъ явился. Хладнокровно
Она, родни совѣтамъ внявъ,
Имъ покорилась безусловно...
Что̀ значитъ въ жизни этотъ шагъ,
Она почти не понимала:
Во всѣхъ обрядахъ и словахъ
Ее лишь новость занимала...
И только разъ, идя къ вѣнцу,
Она заплакала; къ лицу
Тогда нашли ей эти слезы:
Безъ росъ алмазныхъ что̀ за розы!
Я не хочу изображать
Елены мужа злымъ, *тираномъ*,
Развратнымъ, низкимъ, вѣчно-пьянымъ
И негодяемъ описать...
Но это бракъ былъ неудачный.
Иванъ Ильичъ хорошъ, уменъ,
Съ достаткомъ, честенъ, только онъ
Былъ не рожденъ для жизни брачной.
Любить онъ могъ, но не всегда:
Въ немъ страсти разомъ возникали,
Достигши цѣли, остывали,

Чтобъ вспыхнуть вновь,—и никогда
Не оставались безъ труда.

X.

А женщина?.. Увы! Елена
Въ деревнѣ, посреди полей,
Приготовлялась жить. Предъ ней
Едва открылася арена —
И упоеній бытія
Была жадна душа ея...
Кумиръ дѣвическихъ мечтаній,
Такъ полныхъ нѣги и стыда—
Любовь и миръ мечты отрадной
Внезапно замѣнилъ тогда
Цинизмъ дѣйствительности хладной.
И этотъ быстрый переходъ,
И этотъ новый рядъ заботъ
Опомниться ей не давали,
Ее всечастно поражали...
Потомъ душа любви опять—
Любви возвышенной просила,
Чтобъ въ ней блаженствовать, страдать...
Порой на умъ ей приходило:
О, Боже мой! зачѣмъ она
Принадлежать тому должна,
Кто міръ, ей созданный мечтою,
Не можетъ наполнять собою?
Хоть бы забыться!.. Какъ потокъ,
Шумящій свѣтъ ее увлекъ...
Онъ былъ своимъ мишурнымъ блескомъ
Очарователенъ для глазъ:
Снопомъ лучей и громкимъ трескомъ
Ракета поражаетъ насъ...

XI.

Давно, какъ робкій голубь, дума,
Подруга Лели съ юныхъ дней,
Теперь, среди толпы и шума,
Давно не прилетала къ ней...
Но вотъ одна она осталась;
Мужъ началъ чаще ѣздить въ клубъ:
Ей было грустно, и казалось,
Что свѣтъ сталъ холоденъ и глупъ;
И онъ явился передъ нею

Теперь съ питомицей своею—
Глупѣйшей тетушкой... она
Какъ бы прозрѣла и очнулась.
Сознанье горькое проснулось...

XII.

„О, Боже мой! не рождена
Для этой жизни я печальной!
На то ли молодость дана,
Чтобъ каждый могъ насъ такъ нахально
Своею пошлостью терзать,
Свои навязывать несчастья,
При насъ и плакать и вздыхать,
Себѣ вымаливать участья!
И безъ того ужъ жизнь скучна,
И такъ своихъ страданій много!
И каждый въ жизни шагъ сполна
Стѣсненъ враждою свѣта строгой!
О, нестерпимо выполнять
Всегда законъ его тяжелый!
Души движенія скрывать,
Сквозь слезъ разсчитанно-веселой,
Довольной, важной, ледяной
Всегда казаться предъ толпой;
И восхищаться по заказу,
И по заказу порицать,
Души не высказать ни разу—
И это жизнью называть!

XIII.

„Иль жизнь одинъ обманъ унылый?
Того ль ждала я отъ нея,
Когда на милыя могилы
Печально приходила я?
Надъ прахомъ сосны смоляныя,
Въ осокѣ розы молодыя,
Кругомъ звучавшій тихо долъ
Жужжаньемъ травъ, жужжаньемъ пчелъ—
Меня туда все привлекало...
Я тихо плакала сначала:
Уснуть хотѣлось вѣчнымъ сномъ
Близъ праха милаго... Потомъ—
Мнѣ было страшно то желанье,
И билось сердце у меня
Такъ горячо! Душа моя

Просила благъ существованья:
Казалось мнѣ, есть впереди
Еще блаженство... Что-то крылось
Въ моей душѣ, и изъ груди
На волю, на просторъ просилось...
Тамъ научалась я въ судьбѣ
Любовь и благо только видѣть,
И что̀ любить, что̀ ненавидѣть—
Я создала сама себѣ!..
Къ какой же зрѣла я борьбѣ?
Меня ласкаютъ всѣ и любятъ,
Но, чувствую, дыханье ихъ,
Фальшивый блескъ ихъ фразъ пустыхъ
Меня, порой чаруя, губятъ...
Ихъ ядъ проникъ уже въ меня...
Какъ вкругъ оставленнаго храма,
Вкругъ прежнихъ думъ блуждаю я,
Хочу войти—нѣтъ силъ!.. Упрямо
Кругомъ рой призраковъ встаетъ,
Съ собой влечетъ меня, влечетъ,
Хватаетъ за руки, за платье,
И силы нѣтъ сказать имъ: „прочь!“
Нѣтъ силъ ихъ чары превозмочь,
Нѣтъ силъ изречь на нихъ проклятье!
Что̀ жъ? съ ними выдержать ли бой—
Во имя... но чего же? Боже!
Во имя, Боже мой, чего же?..
Или итти за ихъ толпой?
Гдѣ путеводный свѣтъ?.. Разбиты
Кругомъ повсюду маяки...
Нѣтъ указанья! нѣтъ защиты!
Нѣтъ вѣрной, дружеской руки!“

XIV.

Мечта моя! постой! постой!
Вѣдь ты не кликнешь ей: „мужайся!
И силъ ищи въ себѣ самой,
Своею овладѣй судьбой,
Лишь гласу сердца покоряйся!
Оно спасетъ тебя въ борьбѣ,
Спасетъ изъ мутнаго потока!
Страшися лишь его упрека,
Въ немъ судія и вождь тебѣ!
И какъ бы жизнь насъ ни ломала,

Какъ умъ ни путалъ бы—есть въ насъ
Добра великое начало,
Есть тайный, неподкупный гласъ,
Незаглушимый ложнымъ клиромъ—
Родство съ природою и міромъ!
А бури—пусть идутъ! пускай!
Безъ страха пусть душа ихъ встрѣтитъ:
Ударъ внезапный невзначай
Мглу разорветъ и путь освѣтитъ:
Прочь, прочь, холодный ритористъ,
Съ своею мудростію важной
И добродѣтелью продажной,
Самоубійца и софистъ!
Я добръ—по разуму свободы,
Не страхомъ ада твоего!
Прочь! человѣческой природы
Ты оскорбляешь божество!
Не гость минутный, не скиталецъ,
Не проходящій постоялецъ
Въ роскошномъ мірѣ этомъ я—
Я сынъ земли, я царь ея!
Не откоснуться мнѣ устами
Отъ груди матери моей;
Не разорвать мнѣ цѣпи съ ней:
Она моими зритъ очами,
Мной веселится и скорбитъ,
Моими высока мечтами,
И мною мыслитъ и творитъ!
Природы творческое дѣло
Свершаться дивно будетъ вѣкъ,—
Покуда съ горняго предѣла
Сіяетъ солнца лучъ, и смѣло
Творитъ и мыслитъ человѣкъ...

XV.

Какъ прахъ отъ ногъ, какъ пыль съ одежды,
Прочь заблужденія невѣжды!
И что̀ жъ, о, мудрый педагогъ,
Что̀ даровалъ намъ твой урокъ?
Запорошилъ лишь пылью вѣжды;
Мы недовѣрчивы къ себѣ;
Въ насъ умъ съ самимъ собой въ борьбѣ,
То дерзокъ, то дрожитъ, какъ школьникъ,
И сердце проситъ бурь страстей.

И быть не можетъ безъ цѣпей,
Какъ къ нимъ привыкнувшій невольникъ.

XVI.

А ты, когда-то къ жизни жадный,
Разочарованный и хладный
Теперь и къ міру и къ мечтамъ,
Пѣвецъ, въ плаксивомъ завываньи
Про *гордое* свое страданье
Благовѣствующій вѣкамъ,
Теперь понятенъ ты немногимъ,
Когда кричишь на площади
Всѣмъ тварямъ мыслящимъ, двуногимъ,
Что пустота въ твоей груди:
„Придите, можете увидѣть,
Какъ я умѣлъ любить, страдать,
Терзаться, плакать, изнывать,
Боготворить и ненавидѣть!
Я ей сулилъ къ ея стопамъ
Повергнуть золотыя горы—
А что̀ жъ она!“... Неправъ ты самъ!
Внявъ площаднымъ твоимъ рѣчамъ,
Тебѣ презрительные взоры
Во гнѣвѣ кинетъ красота!
Что̀ ей напыщенныя дани
Фиглярства, визга и кривляній
Собой надутаго шута?
Повѣрь, давно отбилась вѣра
Къ страданьямъ, къ клятвамъ лицемѣра;
Давно толпа, внимая имъ,
Тебѣ изъ шумнаго партера
Швырнула бъ яблокомъ гнилымъ...
Ввѣкъ люди пьютъ изъ той же чаши,
И, какъ предшественники наши,
Мы жадны рушить, созидать,
Вновь ошибаться и страдать!
Есть прелесть въ бурномъ бѣгѣ тучи,
Съ другою встрѣчѣ неминучей,
Въ разрывѣ ихъ и въ ихъ слезахъ,
Поящихъ влагой дольный прахъ;
И въ жизни прелесть та жъ разлита,
И та жъ краса и сила скрыта
Въ борьбѣ людей и въ ихъ слезахъ,
Залогѣ новыхъ золъ и благъ.

1845.

III.

БАРЫШНѢ.

«Вамъ—быть оракуломъ!»
(Petits jeux).

Васъ, ангелъ, рѣющій въ гостиныхъ,
Краса и диво нашихъ залъ,
Васъ, примадонна игръ невинныхъ,
Нашъ лучезарный идеалъ,
Дерзаю робкими струнами
Я славить... Сердцемъ и душой
Благоговѣю передъ вами...
Природы лучшею мечтой
Вы рождены: вашъ станъ такъ строенъ,
Такъ очи свѣтлы, взоръ спокоенъ...
Такъ широко изъ-подъ кольца
На грудь, на плечи восковыя
Упали локоны густые...
Дивлюсь могуществу Творца
И вашей маменьки искусству.
Такъ много вашимъ красотамъ,
Движеньямъ, взглядамъ и словамъ
Придать и граціи и чувства!
Она взрастила васъ въ тиши,
Храня отъ страшныхъ бурь души,
Вамъ умъ и волю замѣняя,
За васъ прочувствовать желая
Все, чѣмъ насъ губитъ жизнь, томитъ,
Хотя мгновенно веселитъ...
Такъ цвѣтъ изнѣженной лилеи
Хранятъ въ теплѣ оранжереи.
Его морозъ не прошибалъ
И бурный вѣтеръ не сгибалъ,
Хотя не пилъ головкой жадной
Онъ утра свѣжести прохладной,
Не красовался онъ, блестя
Весь въ капляхъ вешняго дождя,
Сквозь солнце вспрыснувшаго поле...
Вы, нѣжась въ сладостной неволѣ,
Лелѣя тихо свой покой
И жизни крайностей не зная,
Взросли, питая умъ мечтой
И жизнь себѣ изобрѣтая...

И эта жизнь—не шумный пиръ,
Особый, свѣтлый, чудный міръ:
Какъ въ фантастическомъ балетѣ,
Изъ-за прозрачной кисеи,
Встаютъ предъ вами въ тихомъ свѣтѣ
Картины счастья и любви;
Среди волшебныхъ декорацій,
Средь группъ эѳирныхъ нимфъ и грацій,
Надъ урной спящихъ стариковъ,
Подъ сѣнью лотосныхъ листовъ,
Огромныхъ раковинъ, кристалловъ
И фантастическихъ коралловъ,
Ковромъ душистой муравы
Чудесно странствуете вы...
Но не однѣ: крылатый геній
Ведетъ васъ... Тамъ сіяетъ храмъ...
И тихо мраморныхъ ступеней
Уже коснулись вы... и тамъ
Священный жертвенникъ съ цвѣтами
Передъ богинею возженъ...
Кто жъ этотъ геній?.. Да! онъ, онъ!
Его я видѣлъ... Вѣдь онъ съ вами
Вчера мазурку танцовалъ,
Разочарованнымъ казался,
Такъ усъ крутилъ, такъ зло смѣялся,
Такъ всю васъ взоромъ пожиралъ,
Такъ крѣпко шпорами стучалъ...
Его я знаю; съ уваженьемъ
Всегда внимаю я сужденьямъ
Его о винахъ и коняхъ...
Счастливецъ! онъ одинъ видѣньемъ
Мелькаетъ въ вашихъ легкихъ снахъ...
Понятно мнѣ, зачѣмъ блѣднѣли,
Краснѣли вы предъ нимъ; зачѣмъ
Вчера съ такимъ вы чувствомъ пѣли:
Si tu savais, combien je t'aime!
Но, Боже мой!.. вотъ туча всходитъ,
Я вижу, меркнетъ небосклонъ,
Видѣнье милое проходитъ,
Какъ мимолетный легкій сонъ...
Я вижу...

Тихо въ вашей спальнѣ
Проснулись утромъ вы, лежатъ

Вкругъ васъ цвѣты, уборъ вашъ бальный,
Вѣнокъ, браслетъ, и вашъ нарядъ
Разбросанъ въ миломъ безпорядкѣ;
Ужъ вы проснулись, но поднять
Глаза не хочется: вамъ сладко
Ночныя грёзы продолжать,
Къ груди подушку прижимая,
Богъ знаетъ что̀ воображая,
Уста сжимать и разжимать...
Внезапнымъ маменьки приходомъ
Все прервано: цѣлуя васъ,
Съ васъ не спуская зоркихъ глазъ,
Она васъ спроситъ мимоходомъ:
„Какъ нравится тебѣ XX.“?
Вы отвѣчаете наивно:
—Онъ въ парикѣ и препротивный!
„Уменъ...“—Мамаша! старый хрѣнъ!
„И добръ...“—И пахнетъ такъ духами!
„Богатъ и милъ...“—Богатство... вздоръ!
„Не старъ и ужъ богатъ чинами...“
Короче, этотъ разговоръ
Такое кончитъ заключенье,
Что бракъ по страсти—заблужденье,
Что страсть пройдетъ, какъ метеоръ...
И правда!.. Вамъ потомъ одѣтой
Велятъ къ обѣду быть; женихъ
Вамъ привезетъ уже браслеты.
Предъ нимъ блѣднѣя каждый мигъ,
Ему вы будете сбираться
Сказать, во всемъ ему признаться;
Но не достанетъ силы въ васъ
Ему изречь простой отказъ...
И вы поплачете немного...
Дня черезъ три пройдетъ печаль:
Всѣ скажутъ хоромъ: „слава Богу!“,
Никто про васъ не скажетъ: „жаль!“.
Вамъ осѣнятъ вѣнкомъ цвѣтущимъ
Изъ бѣлыхъ розъ, обвитыхъ плющемъ,
Широкій узелъ черныхъ косъ;
Всѣ ахнутъ: „какъ она прекрасна!“,
И не замѣтятъ робкихъ слезъ,
Слезъ Ифигеніи несчастной
Передъ Калхасовымъ ножомъ...
Но это мигъ одинъ... Потомъ

И вы привыкнете къ супругу,
Какъ въ дѣтствѣ къ нянюшкѣ своей,
Къ его значенью, чину, кругу
Тяжелыхъ будничныхъ идей;
Принявъ восточную небрежность,
Вы дѣвокъ станете ругать
И мужу каждый разъ являть
Въ очахъ особенную нѣжность,
Когда онъ въ службѣ отличенъ,
Иль высшихъ ласкою почтенъ;
Онъ на звѣзду свою укажетъ,
Прочтетъ патентъ и нѣжно скажетъ:
„Все для тебя я“—и солжетъ...
Въ кругу хозяйственныхъ заботъ,
За самоваромъ иль въ гостиной,
Плѣняя милой болтовней,
Смѣяся шуточкѣ невинной,
Страдая нервами порой,
Вы вѣчно будете казаться
(Что̀ свѣтъ про васъ ни говори)
Созданьемъ розовой зари
И легкокрылаго зефира,
И выше праха, выше міра!
Что̀ міръ вамъ?—грязная нужда
И нищета въ лохмотьяхъ бѣдныхъ,
Толпа страдальцевъ, грубыхъ, блѣдныхъ,
Съ безумнымъ взоромъ, безъ стыда,
Съ клеймомъ насильнаго разврата,
Съ клеймомъ проклятья отъ собрата,
Чужда вамъ будетъ и чудна,
И отвратительно-страшна!
Полны возвышенной морали,
Вы скажете: „то ихъ вина...
Зачѣмъ они не соблюдали
Долгъ добродѣтели святой!“
Съ какою гордостью прямой
Себя бы съ ними вы сравнили,
Хотя безъ нужды, безъ борьбы
Быть добродѣтельной купили
Вы златомъ право у судьбы...
Зато другія твари міра
Въ васъ состраданіе найдутъ
И даже слезы извлекутъ:
И въ клѣткѣ птичка, дочь эѳира,

И заяцъ жареный... Увы!
Невольно вспомните тутъ вы,
Что онъ тотъ самый, что̀ пугливо
Дорогу вамъ перебѣгалъ,
Пугалъ васъ въ рощѣ, торопливо
Скакнувъ изъ листьевъ, и нырялъ
Въ златистомъ морѣ пышной нивы.
И что̀ жъ! сгубилъ его тиранъ,
Убійца тварей беззаботныхъ...
Такъ вы въ страданіяхъ животныхъ
Прочтете истинный романъ,
И въ жизни, полной тихой лѣни,
Въ васъ успокоится на мигъ
Потребность сильныхъ ощущеній,
Источникъ болей головныхъ.

Но тутъ не все. Неся условья,
Оковы средняго сословья,
Вы не сроднитесь съ нимъ душой:
Читать вы будете порой
Романы изъ большого свѣта
И на себѣ ихъ примѣрять,
И въ новыхъ формахъ этикета
Его свободу примѣнять...
Средь жизни мирной, жизни чинной,
Благопристойной и невинной,
Желая душу отвести,
Слѣдить вы будете упрямо
Траги-нервическія драмы,
Симпатизируя вполнѣ
(Къ досадѣ нѣжнаго супруга)
Съ печальной ролью jeune premier
Какъ онъ, обманывая друга,
Питаетъ страсть къ его женѣ.
И тайна ихъ васъ всю заманитъ,
И, ихъ успѣхомъ дорожа,
Когда супругъ ихъ вдругъ застанетъ,
Вы вскрикнете, за нихъ дрожа...

Потомъ услышите случайно,
Что ваша милая Мими
Являлась въ маскарадѣ тайно
И съ незнакомыми людьми,
Особенно съ однимъ гусаромъ,
Ходила подъ-руку и съ жаромъ

Съ нимъ говорила, и потомъ
Онъ втерся кое-какъ въ ихъ домъ
И поутру, какъ мужа нѣту,
Съ визитомъ къ ней являться сталъ.
Вкругъ васъ, какъ будто по обѣту,
Возстанетъ цѣлый трибуналъ:
Въ величьи грозной Немезиды,
Неотразимая, какъ громъ,
Вы страшнымъ грянете судомъ
За честь общественной обиды...

Но... о, блаженны вы стократъ,
Когда свѣтъ истины суровой
Не потревожитъ сна тупого,
Которымъ чувства ваши спятъ;
Когда, съ пеленъ не знавши жизни,
Весь вѣкъ лишь призраки ловя,
Во гробъ сойдете не живя,
Безъ слезъ, безъ горькой укоризны!
Но... если вы поймете вдругъ,
Что были вы товаромъ торга,
Что сердце, жадное восторга,
Что потрясеній жадный духъ
И ваши дѣвственныя ласки
Служили красною цѣной
За мужнинъ санъ, балы, коляски
И вашъ искусственный покой;
Всей вашей жизни машинальность,
Продѣлки ласки должностной,
Приличій вѣчныхъ театральность
Вы вдругъ постигнете душой,—
Придутъ часы тяжелой муки,
Вы, сжавъ уста, ломая руки,
Воскликнете: „я не жила!
Что̀ Богомъ мнѣ дано на долю,
Все—умъ, подавленную волю
Другимъ на жертву предала!
За то, чтобъ свѣтской черни лепетъ
Не очернилъ меня шутя,
Душила въ сердцѣ страсти трепетъ
Какъ незаконное дитя...
Хотя бъ узнать любви томленье!
Хотя бъ извѣдать, хоть на мигъ,
Страданья страстнаго сомнѣнья!..

Хотя бы слышать страсти крикъ
Хоть разъ, въ устахъ не подавлённый...
Хоть мигъ одинъ, чтобы узнать,
Зачѣмъ страдать, за что страдать!..“
И взоръ, мгновенно оживленный,
Во слѣдъ отчаянья сверкнетъ
Вдругъ воли вспышкою. И вотъ,
Съ престола долга и приличья,
Гдѣ вы сіяли безъ пути
Въ своемъ безсмысленномъ величьи,
Вы рады будете сойти...
Но это мигъ... и страшно станетъ...
И взоръ испуганный отпрянетъ,
Какъ бы отъ бездны подъ ногой...
И ночь въ безплодной агоніи
Пройдетъ опять... и вотъ съ зарей
Лучи разсвѣта голубые,
Сливаясь съ вспышкой золотой
Ночной лампады, какъ статую,
Безъ жизни, скорбную, нѣмую,
Сквозь оконъ озарятъ вашъ ликъ...
Склоняся къ кресламъ головою,
Съ упавшей на плечо косою
Заснули вы; но сонъ вашъ дикъ
И смутенъ, въ сердцѣ кровь вскипаетъ,
По членамъ холодъ пробѣгаетъ...
Открылась дверь; явился вдругъ
Вашъ возвратившійся супругъ
Съ офиціальной ассамблеи.

. . . . . .

„Ахъ, душенька, ты не спала?“
И вы, открывши взоръ свой влажный,
Ему промолвите, протяжно
Зѣвая: „все тебя ждала...“

Потомъ?
Потомъ... какой развязки
Еще вамъ ждать отъ этой сказки?..
Потомъ во славу небесамъ
Войдетъ все въ путь обыкновенный:
Опять придется вѣчно вамъ
Смѣяться шуточкѣ почтенной,
Терпѣть наряднаго шута,
Карать порокъ судомъ гостинымъ,

Когда онъ деньгами иль чиномъ
Не откупился отъ суда...
Потомъ?

Потомъ на умъ, на чувство
Дремота ляжетъ, какъ дурманъ,
И даже нравиться искусство
Вамъ опостылитъ. На диванъ
Уляжетесь, поджавши ножки;
Вкругъ васъ усядутся рядкомъ,
Какъ предъ японскимъ божествомъ,
Болонки, стриксы или кошки...
Душевныхъ бурь пройдетъ и слѣдъ,
И страсти ужъ на вѣкъ уймутся,
И цѣпи снова вамъ придутся,
Какъ ловко скроенный корсетъ.

1846.

IV.

ДУРОЧКА.

идиллія.

Всѣмъ довольна я, старушка,
Бога нечего гнѣвить!
Миръ въ семьѣ: есть деревушка,
Хоть мала, да можно жить!

У меня семья большая;
Дѣтки вкругъ насъ, стариковъ,
Словно роща молодая
Вкругъ дряхлѣющихъ дубковъ.

Но, какъ въ ясномъ небѣ тучка,
Къ намъ одна напасть пришла:
Наша младшая-то внучка
Просто дурочка была;

Вовсе здраваго понятья
Не имѣла; что̀ ни дай
Ей—хоть шелковое платье,—
Въ мигъ все въ пятнахъ, хоть бросай!

Благородныя дѣвицы
Къ намъ пріѣдутъ. „Да поди!—
Говорю:—тамъ всѣ сестрицы;
Только такъ хоть посиди!“

—„Нѣтъ ужъ, бабушка, мнѣ съ ними
Дѣлать нечего!“—„Какъ такъ?“—
„Что мнѣ съ этакими злыми?“...
И забьется на чердакъ.

Только встала—полетѣла!
Всю деревню обѣжитъ!..
Это—первое ей дѣло...
Все друзья вѣдь—просто стыдъ!

Свадьба ль въ домѣ—все равно ей;
Посѣтитъ ли смерть кого,
Съ мертвецомъ въ одномъ покоѣ
Ляжетъ спать—и ничего!

Мать учить начнетъ, бывало,
Говоритъ, подчасъ и бьетъ—
Какъ къ стѣнѣ горохъ! нимало,
То-есть, ухомъ не ведетъ.

Ну, ее за то жъ и гнали:
Вѣчно съ нею воркотня;
На хлѣбъ, на воду сажали...
Баловала только я.

И она какъ будто чуетъ
И ко мнѣ одной идетъ;
Обойму ее, цѣлуетъ,
Руки крѣпко, крѣпко жметъ.

Надорветъ мое сердечко...
„Охъ, ты, бѣдная моя,
Нелюбимая овечка,
Сиротинка у меня!

Какъ у васъ хватаетъ духу
Гнать бѣдняжку?“—говорю;
Да не слушаютъ старуху,
Сколько я ихъ ни журю.

Ей одно лишь любо было—
Няньчить маленькихъ дѣтей;
Все имъ сказки говорила
Про русалокъ да князей.

Гдѣ слова тогда берутся!
И дрожитъ сама-то вся;
Дѣти такъ и разревутся,
И унять потомъ нельзя.

Въ снѣгъ—на улицу, и скачетъ!
А возьмутъ ее домой—
Въ уголъ спрячется и плачетъ...
Домъ ей словно какъ чужой.

Все бы въ лѣсъ! Весною хлѣба,
Крупъ съ собою наберетъ,
Станетъ въ полѣ, смотритъ въ небо,
Журавлей къ себѣ зоветъ.

Мы видали, къ ней станицей
Птица всякая летитъ,
И она вѣдь съ каждой птицей
Особливо говоритъ...

Порча ль тутъ была отъ дѣтства,
Или разумъ ужъ такой —
Всѣ мы пробовали средства,
Да махнули и рукой.

И жила она немного.
Видимъ, нѣтъ ужъ въ ней пути.
Что̀ лѣчить тутъ? Противъ Бога
Человѣку не итти.

Докторовъ иныхъ бы нужно:
Повести бы по мощамъ...
Ну, да лѣтомъ недосужно:
Жатва, сѣвы, знаешь самъ!

Вотъ и вышло: лѣтомъ стала
Пропадать она по днямъ.
Спросимъ: „гдѣ ты пропадала?“—
Вздоръ разсказываетъ намъ,

Что была она далеко,
Въ неизвѣстныхъ сторонахъ,
Гдѣ зимы нѣтъ, гдѣ высоко
Горы въ самыхъ небесахъ;

Что у моря тамъ зеленый
Вѣчно лѣсъ растетъ; что тамъ
Зрѣютъ желтые лимоны
По высокимъ деревамъ;

Что тамъ городъ есть великій,
Гдѣ рабы со всякихъ странъ;
Царь въ томъ городѣ предикій
И гонитель христіанъ;

Что онъ травитъ ихъ тамъ львами,
Чтобъ отъ вѣры отреклись,
Что ихъ кровь течетъ ручьями,
А они все не сдались;

Что тамъ чудные чертоги.
Разноцвѣтныхъ храмовъ рядъ,
Гдѣ все мраморные боги
Лѣтъ двѣ тысячи сидятъ;

Вавилонская царица
Тамъ какая-то жила.
И языческая жрица
Сожжена огнемъ была;

Да безумная невѣста...
Но всего не передать;
Есть ли гдѣ такое мѣсто,
Не могу тебѣ сказать...

Только видимъ: дѣвка бредитъ!
Увѣряетъ, что сама
Въ этотъ край совсѣмъ уѣдетъ,
Только вотъ прійдетъ зима.

Между тѣмъ прошла ужъ осень;
Дуня что-то все молчитъ;
Цѣлый день между двухъ сосенъ,
По дорогѣ въ лѣсъ, сидитъ.

Мать журила, запирали,
Да ничто неймется ей!
Разъ ушла она; мы ждали —
Нѣтъ. Ужъ поздно. Мы за ней

Разослали по сосѣдямъ—
Нѣтъ нигдѣ! Дней пять прошло;
Какъ-то съ сыномъ лѣсомъ ѣдемъ:
Снѣгъ въ лѣсу-то размело...

„Взглянь-ка,—говорю я,—Саша,—
А сама-то вся дрожу:—
Что̀ тамъ? ужъ не Дуня ль наша?“
Такъ и есть, она!.. Гляжу—

Къ старой сосенкѣ прижалась,
На ручонки прилегла,
И, голубушка, казалось,
Крѣпкимъ сномъ она спала...

Я вотъ такъ тутъ и завыла:
Точно что̀ оторвалось
Отъ души-то... Горько было,
А могилку рыть пришлось...

Послѣ все ужъ мы узнали:
Къ намъ въ сосѣдство той весной
Графъ съ графиней пріѣзжали
Изъ чужихъ краевъ домой.

У графини, видишь, дѣтокъ
Былъ всего одинъ сынокъ;
Съ нашей былъ онъ однолѣтокъ,
Такъ, пятнадцатый годокъ.

Съ нимъ-то наша и сошлася,
Да, какъ глупое дитя,
Всякихъ толковъ набралася
Про заморскіе края.

И когда графиня снова
Поднялася въ свой вояжъ,
Никому не молвя слова,
Дуня вздумала туда жъ!

Гдѣ же ей пройти лѣсами!
И большому мудрено,
Да зимой еще, снѣгами...
Такъ ужъ, видно, суждено!

Не жилось ей, знать, на свѣтѣ...
Богъ не долго жить даетъ
Юродивымъ: Божьи дѣти,
Прямо въ рай Онъ ихъ беретъ.

Безъ нея же запустѣнье
Стало вдругъ въ семьѣ моей;
И хотя соображенья
Вовсе не было у ней,

Хоть пути въ ней было мало,
И вся жизнь ея былъ бредъ,
Безъ нея жъ замѣтно стало,
Что души-то въ домѣ нѣтъ...
1851.

V.

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ.

(Посвящается С. Т. Аксакову, Н. А. Майкову, А. Н. Островскому, И. А. Гончарову, С. С. Дудышкину, А. И. Халанскому и всѣмъ понимающимъ дѣло).

Себя я помнить сталъ въ деревнѣ подъ Москвою.
Бывало, ввечеру поудить карасей
Отецъ пойдетъ на прудъ, а двое насъ, дѣтей,
Сидимъ на берегу подъ елкою густою,
Добычу изъ ведра руками достаемъ
И шопотомъ о ней другъ съ другомъ рѣчь ведемъ...
Съ лѣтами за отцомъ по ручейкамъ пустыннымъ
Мы стали странствовать... Теперь то время мнѣ
Является всегда какимъ-то утромъ длиннымъ,
Особымъ уголкомъ въ безвѣстной сторонѣ,
Гдѣ вѣчная заря надъ головой струится,
Гдѣ въ полѣ по росѣ мой слѣдъ еще хранится...
Въ столицу приведенъ насильно точно я:
Какъ будто всѣмъ чужой, сижу на чуждомъ пирѣ,
И, кажется, опять я дома въ Божьемъ мірѣ,
Когда лишь заберусь на бережокъ ручья,
Закину удочки, сижу въ травѣ высокой...
Полдневный пышетъ жаръ—съ зарей я поднялся—
Откинешься на лугъ и смотришь въ небеса,
И слушаешь стрекозъ, покуда сонъ глубокій
Подъ теплый паръ земли глаза мнѣ не сомкнетъ...
О, чудный сонъ! душа, Богъ знаетъ гдѣ, далеко,
А ты во снѣ живешь, какъ все вокругъ живетъ...

Но близкіе мои—увы!—все горожане...
И странствовать въ лѣсу, поднявшися съ зарей,
Иль въ лодкѣ осенью сидѣть въ сыромъ туманѣ,
Иль мокнуть на дождѣ, иль печься въ лѣтній зной
Имъ дико кажется, и всякій разъ, я знаю,
Что, если съ вечера я лесы разверну
И новые крючки навязывать начну,
Я тѣмъ до глубины души ихъ огорчаю;
И лица важныя нерѣдко страсть мою
Корятъ насмѣшками: „грѣшно, молъ, для поэта
Позабывать Парнасъ и огорчать семью“.
Я съ горя пробовалъ послушать ихъ совѣта.
Напрасно!.. Вотъ вчера, чтобъ только сонъ прогнать,
Пошелъ на озеро: смотрю—какая гладь!

Лѣсистыхъ береговъ обрывы и изгибы,
Какъ зеркаломъ, водой повторены. Вездѣ
Полоски свѣтлыя отъ плещущейся рыбы
Иль ласточекъ, крыломъ коснувшихся къ водѣ...
Смотрю—усачъ-солдатъ сложилъ шинель на травку,
Самъ до колѣнъ въ водѣ и удитъ на булавку.
„Что̀, служба?“—крикнулъ я.—„Пришли побаловать
Маленько“, говоритъ.—„Нѣтъ, клевъ-то ка̀къ, служивый?“
—„А клевъ-то? да такой тутъ вышелъ стихъ счастливый,
Что въ часъ-отъ на уху успѣли натаскать“.

Ну, кто бы устоять тутъ могъ отъ искушенья?
Закину, думаю, я разикъ—и назадъ!
Есть мѣсто жъ у меня завѣтное: тамъ скатъ
Отъ самыхъ камышей и мелкіе каменья.
Тихонько удочки забравши, впопыхахъ
Бѣгу я къ пристани. Вослѣдъ мнѣ крикнулъ кто-то,
Но быстро оттолкнулъ челнокъ я свой отъ плота
И, гору обогнувъ, зарылся въ камышахъ.

Злодѣи-рыбаки ужъ тутъ давно: вонъ съ чолномъ
Запрятался въ тростникъ, тотъ шаритъ въ глубинѣ...
Есть что-то страстное въ вниманьи ихъ безмолвномъ,
Есть напряженіе въ сей людной тишинѣ;
Лишь свистнетъ въ воздухѣ леса волосяная
Да вздохъ послышится, упорно всѣ молчатъ
И зорко издали другъ за̀ другомъ слѣдятъ.
Межъ тѣмъ живетъ вокругъ равнина водяная,
Стрекозы синія колеблютъ поплавки,
И тощіе кругомъ шныряютъ пауки,
И кружится, сребрясь, снѣтковъ веселыхъ стая,
Иль брызнетъ въ стороны, отъ щуки исчезая.

Но вотъ одинъ рыбакъ вскочилъ, и трепеща
Всѣ смотрятъ на него въ какомъ-то страхѣ чуткомъ.
Онъ, въ обѣ руки взявъ, на удилищѣ гнуткомъ
Выводитъ на воду упорнаго леща.
И черно-золотой красавецъ повернулся
И вдругъ взмахнулъ хвостомъ, испуганный, рванулся.
„Отдай, отдай!“ кричатъ, и снова въ глубину
Идетъ чудовище, и ходитъ, вся въ струну
Натянута, леса... Дрожь вчужѣ пробираетъ!..
А тутъ мой поплавокъ мгновенно исчезаетъ.
Тащу. Леса въ водѣ описываетъ кругъ,
Уже зіяетъ пасть зубастая, и вдругъ
Взвилась моя леса, свистя надъ головою...

Обгрызла!.. Господи!.. но, зная норовъ щукъ,
Другую удочку за тою же травою
Тихонько завожу и жду, едва дыша...
Клюетъ... Напрягся я и со всего размаха,
Исполненный надеждъ, волнуяся отъ страха,
Выкидываю вверхъ чуть виднаго ерша...
О, тварь негодная!.. Отъ злости чуть не плачу;
Кляну себя, людей и міръ за неудачу.
И какъ на угольяхъ, закинувъ вновь, сижу,
И только комары, облипшіе мнѣ щеки,
Обуздываютъ гнѣвъ на промахъ мой жестокій.

Чтобы вздохнуть, кругомъ я взоры обвожу.
Какъ ярки горы тамъ при солнцѣ заходящемъ!
Какъ здѣсь, вблизи меня, съ своимъ шатромъ сквозящимъ,
Краснѣютъ темныхъ соснъ сторукіе стволы
И отражаются внизу въ заливѣ черномъ,
Гдѣ бѣлый паръ уже бѣжитъ къ подножьямъ горнымъ.
Съ той стороны село. Среди сребристой мглы
Окошки свѣтятся, какъ огненныя точки;
Купанье тамъ идетъ: чуть слышенъ визгъ живой,
Чуть-чуть бѣлѣются по берегу сорочки,
Межъ тѣмъ какъ слышится изъ глубины лѣсной
Кукушка поздняя да дятелъ молодой...
Картины бѣдныя полуночнаго края!
Гдѣ бъ я ни умиралъ, васъ вспомню, умирая:
Отъ сердца пылкаго все злое прочь гоня,
Не вы ль, миря съ людьми, учили жить меня!..

Но вотъ ужъ смерклося. Свѣжѣетъ. Вкругъ ни звука.
На небѣ и водахъ погасъ пурпурный блескъ.
Нѣтъ, видно, не возьметъ теперь ни лещъ ни щука!
Вотъ если бы чѣмъ свѣтъ забраться въ тростники,
Когда лишь по зарѣ замѣтишь поплавки,
И то, почти къ водѣ припавши... тутъ охота!..
Что̀ жъ медлить? Завтра же... Межъ тѣмъ всѣ челноки,
Толкаясь, пристаютъ у низенькаго плота,
И громкій перекликъ несется на водахъ
О всѣхъ событьяхъ дня, о порванныхъ лесахъ,
И брань и похвальба, исполненныя страсти.
На плечи, разгрузясь, мы взваливаемъ снасти,
И плещетъ ходкій плотъ, качаясь подъ ногой.
Идемъ. Подъ мокрою одеждой ужъ прохладно;
Зато какъ дышится у лодокъ надъ водой,
Гдѣ пахнетъ рыбою и свѣжестью отрадной,

Межъ тѣмъ какъ изъ лѣсу чуть слышнымъ вѣтеркомъ,
Смолой напитаннымъ, потянетъ вдругъ тепломъ!..

О, милые мои! Ужель вамъ непонятно,
Вамъ странно, отчего въ тотъ вечеръ благодатный
Съ любовію въ душѣ въ вашъ кругъ вбѣгаю я
И, весело садясь за ужинъ деревенскій,
Съ улыбкой слушаю нападки на меня—
Невинную грозу запальчивости женской?
Бывало, съ милою свиданье улучивъ
И ужъ обдумавши къ свиданью поводъ новый,
Такой же приходилъ я къ вамъ... Но что̀ вы? что̀ вы?
Что̀ значитъ этотъ кликъ и смѣха дружный взрывъ?
Нѣтъ, полно! вижу я, не сговорить мнѣ съ вами!
Истома сладкая ко сну меня зоветъ.
Прощайте! добрый сонъ!.. уже двѣнадцать бьетъ...

Иду я спать... И вотъ опять передъ глазами
Все катится вода огнистыми струями
И ходятъ поплавки. На мигъ лишь задремалъ,
И кажется, клюетъ!.. Тутъ полно, сонъ пропалъ;
Пылаетъ голова и сердце бьется съ болью.
Чуть показался свѣтъ, на цыпочкахъ, какъ воръ,
Я крадусь изъ дому и лѣзу чрезъ заборъ,
Взявъ хлѣба про запасъ съ кристальной крупной солью.
Но на небѣ сѣро, и мелкій дождь идетъ,
И къ стужѣ въ воздухѣ замѣтенъ поворотъ;
Чуть видны береговъ ближайшіе извивы;
Не шелохнется лѣсъ, ни птица не вспорхнетъ,
Но чувствую уже, что будетъ ловъ счастливый.

И точно. Дождь потомъ зашлепалъ все сильнѣй;
Вскипѣло озеро отъ бѣлыхъ пузырей,
И я промокъ насквозь, окостенѣли руки;
Но окунь, видно, сталъ бодрѣе съ холодкомъ,
Со дна и по верху гнался за червякомъ,
И ловко выхватилъ я прямо въ челнъ двѣ щуки...
Тутъ вѣтеръ потянулъ, и золотымъ лучомъ
Деревню облило. Э, солнце какъ высоко!
Ужъ дома самоваръ, пожалуй, недалеко...
Домой! и въ комнату, пронизанный дождемъ,
Съ пылающимъ лицомъ, съ душой и мыслью ясной,
Двѣ щуки на шнуркѣ, вхожу я съ торжествомъ...
И крикомъ всѣ меня встрѣчаютъ: „ахъ, несчастный!..“

Непосвященные! напрасенъ съ ними споръ!
Искусства нашего непризнанную музу

И грекъ не пріобщилъ къ парнасскому союзу'
Нѣтъ, муза чистая, витай между озеръ!
И пусть бѣгутъ твои балованныя сестры
На шумныхъ поприщахъ гражданственности пестрой
За лавромъ, и хвалой, и памятью вѣковъ:
Ты ночью звѣздною на мельничной плотинѣ,
Въ семъ царствѣ свай, колесъ, и плѣсени, и мховъ,
Таинственностью духъ питай въ святой пустынѣ!
Заслыша, что къ тебѣ въ тотъ часъ взываю я,
Заманивай меня по берегу ручья,
Въ высокой осокѣ протоптанной тропинкой,
Въ дремучій, темный лѣсъ; играй, рѣзвись со мной,
Облей въ пути лицо росистою рябинкой,
Учи переходить по жердочкѣ живой
Ручей и, усадивъ за ольхой серебристой
Надъ ямой, гдѣ лопухъ разросся круглолистый,
Гдѣ рыбѣ въ затиши прохлада есть и тѣнь,
Показывай мнѣ, какъ родится новый день;
И въ мигъ, когда спадетъ съ природы тьмы завѣса,
И солнце вспыхнетъ вдругъ на пурпурѣ зари,
Со всѣми криками и шорохами лѣса
Сама въ моей душѣ ты съ Богомъ говори!
Да просвѣтленъ тобой, дыша, какъ часть природы,
Исполнюсь мощью я и счастьемъ той свободы,
Въ которой праотецъ народовъ, дни катя
Къ сребристой старости, былъ веселъ, какъ дитя!

1855.

VI.

ТРИ ПРАВДЫ.

СКАЗКА.

Именитый жилъ купецъ на свѣтѣ.
Вышелъ разъ онъ въ садъ послѣ обѣда,
А въ саду для птицъ стояли сѣти;
Видитъ онъ, что въ сѣть попалась птичка,
Птичка-крошка, вся почти съ наперстокъ.
Онъ изъ сѣти высвободилъ птичку,
Въ руки взялъ, и что̀ же?—птичка
Говоритъ ему по-человѣчьи:
„Отпусти-ка ты меня, хозяинъ,
Я тебѣ за то скажу три правды.
Съ этими ты правдами на свѣтѣ
Наживешь и денегъ и почету,

И на зависть всѣмъ пойдешь все въ гору!“
—„Чудеса Господни, да и только!—
Думаетъ купчина,—эко диво:
Говоритъ по-человѣчьи птица!“
—„Хорошо, сказалъ онъ ей, посмотримъ,
Каковы твои три птичьи правды!
Скажешь дѣло—выпущу на волю“.

„Ну, такъ слушай, — молвила пичуга: —
Плачь не плачь, что̀ было—не воротишь,
Не тянись за тѣмъ, что̀ не подъ-силу,
И не вѣрь чужимъ словамъ и толкамъ!
Вотъ тебѣ и всѣ мои три правды“.

—„Ну,—сказалъ купецъ,—оно не много,
И въ торговлѣ—тертая монета!
Плачь не плачь, что̀ было—не воротишь;
Гдѣ ты, значитъ, лишнее просадишь
Хоть расплачься, не поможешь горю;
Лучше ты возьмись за умъ, за разумъ,
Да гляди ужъ въ оба: знаемъ это!
Не тянись за тѣмъ, что̀ не подъ-силу:
Много ль тутъ у насъ ошмыгъ-то ходитъ!
Торговалъ лѣтъ двадцать, сбилъ копейку...
Да и ухнулъ, за рублемъ погнавшись—
Не учить насъ стать и этой правдѣ!
А *не вѣрь людскимъ словамъ и толкамъ:*
Ужъ на что̀ жъ еще и поддѣваютъ
Дураковъ изъ нашенскаго брата!
Нѣтъ ужъ, не сули орлицу въ небѣ,
А подай ты мнѣ синицу въ руки;
Мы на этомъ, тетка, зубы съѣли!..
Ну, такъ какъ же? что̀ съ тобой мнѣ дѣлать?
Ты сама-то проку небольшого—
Аль пустить ужъ уговора ради?
Ну, ступай себѣ, Господь съ тобою!“

И пустилъ купецъ на волю птичку;
Заложилъ самъ за спину онъ руки
И пощелъ тихонько по дорожкѣ.
Только птичка все надъ нимъ летаетъ,
Подъ носомъ шмыгнетъ, то на вѣтку сядетъ
И звенитъ-гремитъ, что̀ колокольчикъ,
И, выходитъ, словно какъ смѣется.
„Ты никакъ,—купецъ спросилъ,—смѣешься?“
—„Ничего!—пичуга отвѣчала,—

Я смѣюсь, на вашу братью глядя.
Вотъ хоть ты: будь на волосъ умнѣе,
Ты бы первый былъ богачъ на свѣтѣ;
Если бъ ты моихъ не слушалъ басенъ,
А пошелъ, да распоролъ мнѣ брюхо,
Ты во мнѣ нашелъ бы брилліантикъ—
Не соврать-сказать—величиною
Что̀ яйцо куриное! не меньше!
А о томъ вѣдь только чай и мысли,
Чтобъ весь свѣтъ въ мошну къ себѣ упрятать!
За умомъ знать только дѣло стало!"
У купца ажъ ноги подкосились,
Весь сомлѣлъ и руки растопырилъ.
Какъ же такъ далъ маху! ахъ, мой Боже!
Какъ-нибудь поправить надо дѣло;
Вотъ и сталъ онъ къ птичкѣ подступаться:
Рѣчь повелъ сторонкой, осторожно,
Будто самъ съ собою разсуждаетъ:
„Я дивлюсь и вашей братьѣ, птицѣ,—
Что̀ за радость жить вамъ по-цыгански!
Ну, куда ни шло еще, какъ лѣто;
А какъ осень завернетъ, да стужа!
На дождѣ промокнешь и продрогнешь!
На морозѣ и совсѣмъ замерзнешь!
То ли дѣло у меня въ хоромахъ!
И питье и кормъ—все даровое!
По зимѣ натопимъ жарко печи—
И живи, что̀ въ царствіи небесномъ!
Право, ты вѣдь умница, пичужка,
Разсудить могла бы не по-птичьи!"

А пичуга пуще заливалась;
„Ахъ, купецъ, купецъ ты именитый!
Брюхо нажилъ, да ума не нажилъ!
На словахъ, поди ты, что̀ на гусляхъ,
А на дѣлѣ—хуже балалайки!
Самъ твердилъ сейчасъ мои три правды:
Плачь, не плачь, что̀ было—не воротишь—
Упустилъ меня и ужъ горюешь!
Съ горя всѣ дѣла, пожалуй, кинешь!
Не тянись за тѣмъ, что̀ не подъ-силу:
А ко мнѣ ка̀къ началъ подступаться!
И найдись теперь какой пройдоха,
Посули меня тебѣ представить—

Капиталъ ему по каплѣ спустишь!
Самъ *людскимъ смѣялся толкамъ глупымъ*—
Моему же, птичьему, повѣрилъ:
Ну, какой во мнѣ быть можетъ камень—
И какой еще величиною!
Что̀ яйцо куриное! ишь, умникъ!
А вѣдь самъ въ рукахъ держалъ и видѣлъ—
Вся-то я не болѣе наперстка!"
Обругалъ купецъ пичугу, плюнулъ,—
Увидалъ, что въ дуракахъ остался!—
Двадцать лѣтъ молчалъ про этотъ случай.
Разсказалъ почти что-передъ смертью,
Подъ хмелькомъ, у внучки на крестинахъ.

1861.

VII.

КАРТИНКА.

(Послѣ манифеста 19-го февраля 1861 г.).

Посмо́три: въ избѣ, мерцая,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки-малютки
Собрался кружокъ;

И, съ трудомъ отъ слова къ слову
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.

Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.

Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь.

Даже съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.

Что̀ жъ такъ слушаютъ малютку,—
Аль ужъ такъ умна?..
Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.

И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть.

Самой вѣсти смыслъ покамѣсть
Теменъ имъ и ей:
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней...

Вспыхнетъ, братья, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!

Тьма пускай еще ярится!
День взойдетъ могучъ!
Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу
Первый свѣтлый лучъ.

Онъ горитъ ужъ на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы-малютки
Съ книжкою въ рукахъ!

Воля, братья,—это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день.
1861.

VIII.

ПОЛЯ.

Въ телѣгѣ ѣду по холмамъ;
Порой для взора нѣтъ границъ...
И все поля по сторонамъ,
И надъ полями стаи птицъ...

Я ѣду день, я ѣду два—
И все поля кругомъ, поля!
Мелькнетъ жилье, мелькнетъ едва,
А тамъ поля, опять поля...

Порой ручей, порой оврагъ,
А тамъ поля, опять поля!
И въ золотыхъ опять волнахъ
Съ холма на холмъ взлетаю я...

Но гдѣ же люди? Ни души
Среди безмолвныхъ деревень...
Не вѣрится такой глуши!
Хотя бы встрѣча въ цѣлый день!

Лишь утромъ сѣрый четверикъ
Передо мною пролетѣлъ...
Въ пыли лишь красный воротникъ
Да черный усъ я разглядѣлъ...

Вотъ наконецъ бредетъ старикъ...
Остановился, шляпу снялъ,
Бормочетъ что-то... „Стой, ямщикъ!
Эй, дядя! съ чѣмъ Господь послалъ?“

— „Осмѣлюсь, баринъ, попросить—
Не подвезете ль старика?“
—„Садись! Зачѣмъ не услужить!
Услуга жъ такъ не велика!

Садись!“—„Я здѣсь, на облучокъ“...
— „Да мѣсто есть: садись рядкомъ!“
Но тутъ ужъ взять никто бъ не могъ:
Старикъ уперся на своемъ;

Твердитъ, что въ людяхъ онъ пожилъ
И къ обращенію привыкъ,
И знаетъ свѣтъ; иначе бъ былъ
„Необразованный мужикъ“!

У старика былъ хмурый видъ,
Цвѣтисто-вычурная рѣчь;
Одѣтъ былъ бѣдно, но обритъ,
И бакенбардъ висѣлъ до плечъ.

— „Я былъ дворовый человѣкъ, —
Онъ говорилъ,—у князя Б.!
Да вотъ, пришлось кончать свой вѣкъ
На волѣ! самъ ужъ по себѣ!“

— „И слава Богу!“—„Какъ кому!
И какъ кто разумѣетъ свѣтъ:
А по понятью моему,
Отъ всей ихъ воли—толку нѣтъ!

Еще я нонѣшнихъ князей,
Выходитъ, дѣдушкѣ служилъ...
Князь различать умѣлъ людей:
Я въ домѣ, можетъ, первый былъ!

Да вотъ, настали времена!
Теперь иди, хоть волкомъ вой!

Стара собака, не годна,
Ѣстъ даромъ хлѣбъ,—такъ съ глазъ долой!
Еще скажу: добры князья!
— Съ тебя оброку не хотимъ;
А хочешь землю, молъ,—такъ я:
— Покорно васъ благодаримъ!—
Жаль ихъ самихъ!“ И тутъ старикъ
Повелъ разсказъ, какъ врозь идетъ
Весь княжій дворъ: шалитъ мужикъ,
Заброшенъ сахарный заводъ,
Слѣда ужъ нѣтъ оранжерей,
Охота, птичникъ и пруды,
И всѣ забавы для гостей,
И карусели, и сады—
Все въ запущеньи, все гніетъ...
Усадьба—прежде городокъ
Была! Вездѣ присмотръ, народъ!
И пей и ѣшь! Все было въ прокъ!
„Да, вспомянёшь про старину!—
Онъ заключилъ:—былъ складъ да ладъ!
Э, ну ихъ съ волей! право ну!
Да что̀ она? Одинъ развратъ!
Одинъ развратъ!“—онъ повторялъ...
Отжившій міръ въ его лицѣ,
Казалось, силы напрягалъ,
Какъ пламя, вспыхнуть при концѣ...
„Вотъ парень вамъ изъ молодыхъ—
Сказалъ онъ, кинувъ грозный взглядъ
На ямщика:—спросите ихъ,
Куда глядятъ? чего хотятъ?“
Тотъ поглядѣлъ ему въ лицо,
Но за отвѣтомъ сталъ втупикъ:
Никакъ желанное словцо
Не попадало на языкъ.
„Чего?..“—онъ началъ-было вслухъ...
Да вдругъ какъ кудрями встряхнетъ,
Да вдругъ какъ свистнетъ во весь духъ,—
И тройка ринулась впередъ!
Впередъ—въ пространство безъ конца!
Впередъ—не внемля никому!
То былъ отвѣтъ ли молодца,
И кони ль вторили ему,—

Но мы неслись, какъ отъ волковъ,
Какъ изъ-подъ тучи грозовой,
Какъ бы мучителей-бѣсовъ
Погоню слыша за собой...

Неслись... а вкругъ по сторонамъ
Поля мелькали, и не разъ
Овечье стадо здѣсь и тамъ
Кидалось въ сторону отъ насъ...

Неслись... „Куда жъ те дьяволъ мчитъ!“—
Вдругъ сорвалось у старика.
А тотъ летитъ, лишь вдаль глядитъ,
А даль-то, даль—какъ широка!..

1862.

IX.

БАБУШКА И ВНУЧЕКЪ.

Въ святцахъ у бабушки разъ
Внучекъ цвѣтокъ увидалъ;
„Тутъ сувенирчикъ у васъ,—
Онъ улыбаясь сказалъ:—

Что̀, если бъ онъ говорилъ?
Можетъ-быть, цѣлый романъ
Мнѣ бы теперь онъ открылъ...
Былъ бы и мужъ тамъ тиранъ,

Ночь, соловей и луна,
Быстрый свиданія часъ...
Было—и въ тѣ времена—
Много, чай, всякихъ проказъ?..“

— „Грѣхъ надъ старухой шутить...—
Бабушка внучку въ отвѣтъ:—
Кто жъ бы еще подарить—
Могъ мнѣ его, какъ не дѣдъ?“

—„Дѣдушкинъ это цвѣтокъ?—
Внучекъ опять:—признаюсь,
Вотъ угадать бы не могъ!
Дѣдушка! этакій тузъ!“

— „Молодъ покойничекъ былъ!..
Ну, да и я-то тогда...
Въ мысляхъ-то вѣтеръ бродилъ!..
Тоже была молода...

Ѣздили разъ мы весной,
Въ ранній уловъ стерлядей,
Къ мельницѣ нашей лѣсной...
Батюшка... много гостей...

Я и стою на мосту;
Вкругъ молодежь мнѣ поетъ
Все про мою красоту:
Что̀ тутъ на умъ не взбредетъ?

Мельница такъ и дрожитъ;
Омутъ-то въ пѣнныхъ буграхъ
Ходенемъ ходитъ, кипитъ,
Такъ что и вспомнить-то страхъ!

Въ воду и кинь я цвѣтокъ!
„Кто, говорю я, спрыгнётъ
Съ мосту отсюда въ потокъ
И мой цвѣтокъ принесетъ,

Тотъ мнѣ и есть кавалеръ!“
Всѣ засмѣялись вокругъ;
Только одинъ офицеръ
Съ мосту-то прямо и—бухъ!

Я обомлѣла. Народъ
Бросился къ лодкамъ, къ рѣкѣ...
Только глядимъ: онъ плыветъ,
Держитъ цвѣтокъ мой въ рукѣ...

Мнѣ подаетъ: я готовъ
Жизнь, молъ, за васъ положить!..
Вотъ молодецъ былъ каковъ!
Да, не любилъ онъ шутить!

Дѣдушку я твоего
Тутъ и узнала тогда...
Такъ и пошла за него...
Былъ человѣкъ это!.. Да!..

Стараго вѣка кремень!
Баринъ онъ былъ матерой!
Селъ что̀ имѣлъ, деревень!
Видный, красавецъ собой,

Соколомъ яснымъ ходилъ!
Первымъ вездѣ былъ лицомъ!
Что̀ онъ народу кормилъ!
Ну, да и самъ жилъ царемъ...

Въ гости ль меня вывозилъ—
Въ золото, жемчугъ, атласъ,

Словно царицу, рядилъ,
Словно какъ везъ на-показъ!
Сѣрый лихой шестерикъ
Держатъ едва подъ-уздцы...
Кучеръ былъ сила-мужикъ!
И гайдуки молодцы!

И, какъ жила я за нимъ,
Тронуть меня ужъ не смѣй
Кто хоть бы словомъ худымъ:
Со свѣту сгонитъ, ей-ей!

Да, это былъ человѣкъ!..
Нынче и родъ ужъ не тотъ!
Нынче не тотъ ужъ и вѣкъ!
Мелкій пошелъ все народъ!..“

—„Бабушка,—внучекъ прервалъ,—
Я отъ самихъ стариковъ
Часто про дѣда слыхалъ:
Онъ не совсѣмъ былъ таковъ!

Былъ онъ надменный богачъ!
Жилъ азіатскимъ пашой;
Самъ и судья и палачъ,
Ночью ѣзжалъ на разбой;

И въ душегубствѣ не разъ
Былъ по суду обвиненъ...
Правда, въ то время у насъ
Знатному что̀ былъ законъ!

Пьянство и ночью и днемъ!
Въ домѣ жилъ цѣлый гаремъ!
Вы же всю жизнь подъ замко̀мъ
Въ страхѣ дрожали межъ тѣмъ.

Васъ-то онъ будто любилъ!
Боже мой! Онъ, какъ злодѣй,
Вашу всю жизнь загубилъ,
Васъ загубилъ и дѣтей!

Мѣсяцъ иль два присмирѣвъ,
Первой-то страстной порой
Ласковъ былъ съ вами, какъ левъ
Съ львицей своей молодой!

Ну, а какъ душу отвелъ...
Бабушка! сердце во мнѣ
Рвется при мысли, что̀ золъ
Вынесли вы-то однѣ!

Вѣрьте, люблю я, какъ мать,
Васъ за страдальный вашъ вѣкъ...
Что̀ жъ отъ меня вамъ скрывать?
Дѣдъ былъ дурной человѣкъ!..“

Бабка трясетъ головой,
Шепчетъ на рѣчи его:
— „Что̀ говорить мнѣ съ тобой?
Ты не поймешь ничего!“

Вяжетъ старушка чулокъ,
Вяжетъ чулокъ и молчитъ,
И на засохшій цвѣтокъ
Нѣжно порою глядитъ...

Смотритъ на бабушку внукъ...
Онъ изумленъ, что у ней
Слезы закапали вдругъ
Тихо изъ тусклыхъ очей...

Въ жизни дитя—не умѣлъ
Сердце еще онъ понять!
Онъ испытать не успѣлъ,
Какъ оно можетъ прощать!

Какъ изъ-за прошлыхъ скорбей,
Ихъ разгоняя, что̀ тьму,
Сладкій лишь мигъ все яснѣй
Издали свѣтитъ ему;

И, какъ святой идеалъ,
Образъ рисуетъ того,
Кто это сердце терзалъ,
Кто такъ измучилъ его!..

1857.

X.

УПРАЗДНЕННЫЙ МОНАСТЫРЬ.

Давно въ туманѣ предо мной
Блестящей точкою горя,
То надъ лѣскомъ, то надъ горой
Свѣтился крестъ монастыря.

И вдругъ—обрывъ! и вотъ—рѣка
Въ тѣни высокихъ береговъ,
Бѣжитъ, подернута слегка
Отливомъ красныхъ облаковъ.

И на откосѣ мѣловомъ
Открылась старая стѣна
Съ безглавой башней, какъ огнемъ,
Закатомъ дня озарена.

Прохлада вѣетъ надъ рѣкой,
Струясь за рѣзвымъ вѣтеркомъ,
И тихо движется со мной
Неповоротливый паромъ.

Вотъ монастырь... Слѣды ль осадъ,
Пищалей, приступовъ къ стѣнамъ,
Въ кирпичныхъ грудахъ что̀ лежатъ,
Поросши лѣсомъ, здѣсь и тамъ?..

Лампада у воротъ горитъ
Предъ полинялымъ образкомъ;
Монахъ, сѣдой старикъ, сидитъ
У кружки подъ двойнымъ замко̀мъ;

Сидитъ и смотритъ, какъ ползутъ
Мои лошадки по горѣ...
„Что̀, отче честный, есть ли тутъ
Что̀ посмотрѣть въ монастырѣ?“

—„А посмотри! Запрету нѣтъ!
Что̀ есть—увидишь,—молвилъ онъ,—
Да что̀ смотрѣть-то! Сколько лѣтъ,
Какъ монастырь ужъ упраздненъ.

Святыню вывезли... Живемъ
Мы вотъ одни давненько тутъ
Съ отцомъ Паисіемъ и ждемъ,
Аль насъ куда переведутъ,

Аль здѣсь помремъ... Я, вотъ, съ ногой
Изнылъ. Ломота извела.
Лѣчился лѣтось у одной
Старушки: нѣтъ, не помогла!

Войди въ калитку-то, смотри!“—
Мнѣ указалъ на дверь старикъ;
А самъ спѣшилъ въ лучахъ зари
Еще погрѣться хоть бы мигъ.

Бѣднякъ! едва ль не правъ былъ онъ!
Смотрѣть немного было, нѣтъ!
Кой-гдѣ слѣды витыхъ колоннъ,
Письма и позолоты слѣдъ.

Всѣ церкви въ землю повросли,
Кругомъ забиты двери ихъ...

Зато, что̀ кудри, до земли
Висѣли вѣтви ивъ густыхъ...

А домъ, гдѣ кельи—какъ скелетъ,
За блѣдной зеленью стоитъ.
И въ острыхъ окнахъ стеколъ нѣтъ,
И грустно мракъ изъ нихъ глядитъ...

Лишь бродитъ вкругъ голодный котъ;
Надъ нимъ, несясь стрѣлы быстрѣй,
Кружатся ласточки; вразбродъ
Гуляетъ стая голубей—

Все тихо валится кругомъ...
Еще пройдетъ немного лѣтъ,
И стѣны продадутъ на сломъ,
И старины пройдетъ и слѣдъ...

Смотрѣть немного... Что̀ жъ изъ нихъ,
Изъ этихъ камней, говоритъ
Моей душѣ? и шагъ мой тихъ,
И сердце такъ въ груди стучитъ?

Святыню вывезли... Но нѣтъ,
Не всю!.. Нѣтъ, чувствую, живутъ
Мольбы и слезы, столько лѣтъ
Отъ сердца лившіяся тутъ!

Я живо вижу, какъ сюда
Пришелъ спасаться мужъ святой,
Въ тѣ времена еще, когда
Кругомъ шумѣлъ здѣсь боръ густой.

И, вѣковымъ объята сномъ,
Вся эта дикая страна
Казалась людямъ—волшебствомъ
И чародѣйствами полна...

И келью самъ въ горѣ изсѣкъ,
И жилъ *пустыннымъ житіемъ*
Въ той кельѣ Божій человѣкъ,
На козни бѣса глухъ и нѣмъ.

И, что̀ свѣча въ ночи горитъ,
Онъ въ этомъ мракѣ просіялъ,
Училъ народъ, устроилъ скитъ,
И утѣшалъ, и просвѣщалъ.

И вотъ—вкругъ валятся лѣса!
И монастырь здѣсь возстаетъ...
Надъ гробомъ старца чудеса
Пошли твориться... и растетъ

За храмомъ храмъ, встаетъ стѣна,
Встаетъ гостиницъ длинный рядъ;
И въ погреба течетъ казна,
И всюду трудъ, и всюду ладъ!

Идутъ обозы вдоль горы;
Хлопочетъ келарь, казначей...
Варятъ меды, творятъ пиры,
Всечасно братья ждетъ гостей...

А эти гости—то князья,
Въ Орду идущіе съ казной...
То ихъ княгини, ихъ семья,
Въ разлукѣ плачущія злой...

И черный людъ, безвѣстный людъ
Со всей Руси идетъ, бредетъ...
Въ грѣхахъ всѣ каяться идутъ,
Да страшный гнѣвъ Свой Богъ уйметъ...

Идутъ съ пожарищъ, съ поля битвъ,
Ища исходу хоть слезамъ,
Подъ чтенье сладостныхъ молитвъ,
Подъ пѣнье ангельское тамъ...

И въ темныхъ маленькихъ церквахъ
Душистый воскъ горитъ, какъ жаръ,
Предъ образами въ жемчугахъ—
Сердецъ скорбящихъ чистый даръ...

Вотъ ѣдетъ новый караванъ...
Полумонашеская рать...
И раззолоченный рыдванъ...
Съ крестами клиръ идетъ встрѣчать.

Съ потухшимъ окомъ, блѣденъ, худъ,
Выходитъ, думой обуянъ,
Здѣсь панихидой кончить судъ,
Кровавый судъ свой, царь Иванъ...

Ударилъ колоколъ большой,
И двери царскія въ алтарь
Предъ нимъ раскрылись, и, больной,
Повергшись ницъ, рыдаетъ царь...

И, глядя, плачутъ всѣ вокругъ...
Но многолѣтье кончилъ клиръ,
И ждетъ царя и царскихъ слугъ
Въ большой трапезной свѣтлый пиръ...

Но царь на свѣтлый пиръ нейдетъ.
Одинъ онъ въ кельѣ заперся...

Онъ ѣстъ лишь хлѣбъ, онъ воду пьетъ,
И весь онъ Богу отдался...

Вотъ на обитель сходитъ сонъ;
Одинъ лишь царь не знаетъ сна...
Все ходитъ онъ, все пишетъ онъ
Имъ побіенныхъ имена...

Все кровь... А тутъ—покой кругомъ!
Главу обитель вознесла,
Что̀ тихій островъ на мірскомъ
Многомятежномъ морѣ зла...

Принять бы схиму здѣсь... Лежать
Живымъ въ гробу, а надъ тобой
Монахи будутъ возглашать:
„Раба Ивана упокой...“

Все суета!.. И какъ видна
Она изъ гроба-то!.. А тутъ
Что̀ въ царствѣ будетъ? Вся страна
Взликуетъ! Скажутъ: царь былъ лютъ!

Измѣна встанетъ! Зашумятъ
Опять бояре, города...
Найдется царскій братъ иль сватъ,
Мой родъ зарѣжетъ... Что̀ тогда?

И духъ его, какъ во̀ронъ злой,
По всей Руси витать пошелъ
И ищетъ: гдѣ онъ, недругъ мой?
Гдѣ смута? гдѣ гнѣздо крамолъ?

Зоветъ на судъ онъ города,
Живыхъ и мертвыхъ онъ зоветъ,
И, вновь для грознаго суда
Готовый, мысль въ душѣ куетъ,

Куетъ онъ мысль—какъ бы сплотить
Всю Русь въ одно, чтобъ ничего
Не смѣло въ ней дышать и жить
Безъ изволенія его...

А ночь межъ тѣмъ надъ Русью шла...
И не одна душа, томясь,
Теперь гадала и ждала:
Что̀ царь замыслилъ въ этотъ часъ?..

И, чуть звонятъ, народъ—во храмъ,
Вопитъ, какъ жаждущій въ степи:
„Когда жъ, Господь, конецъ бѣдамъ?“
И клиръ въ отвѣтъ ему: „терпи!“

Терпи!.. И вытерпѣла ты,
Святая Русь, что̀ посылалъ
Тебѣ Господь: всѣ тяготы
Насильствъ, и казней, и опалъ...

Тяжелый млатъ ковалъ тебя
Въ одинъ народъ, ковалъ вѣка—
Но вѣришь ты, что Богъ любя
Тебя каралъ,—и тѣмъ крѣпка!

И вотъ теперь... „Что̀?“—опросилъ
Меня монашекъ у воротъ:
Нѣтъ ничего!.. я говорилъ!..
„А знатный былъ, молва идетъ,

Нашъ монастырь-то въ старину...“
— „А упраздненъ-то онъ зачѣмъ?“
— „Да стало братьи мало... Ну...
И оскудѣли житіемъ!

Ужъ противъ прежняго—гдѣ намъ!“
И вдругъ, какъ будто спохватясь:
— „Да ты по службѣ тутъ, аль самъ?“
— „Самъ, самъ!“—„Ну, то-то, въ добрый часъ!..“

1860.

XI.

ПѢСНИ.

У воротъ монастыря
Пѣлъ слѣпецъ передъ толпою,
Прямо въ солнце взоръ вперя,
Взоръ, покрытый вѣчной тьмою.

Слѣпъ рожденъ, весь вѣкъ въ нуждѣ,
Пѣлъ онъ пѣснь одну и ту же,
Пѣлъ о Страшномъ онъ судѣ,
Пѣлъ о Зломъ и добромъ мужѣ.

Чуждъ живущему всему,
Только славя Судъ Господній,
Населялъ свою онъ тьму
Лишь страстями преисподней;

Точно слышалъ онъ во мглѣ
Вздохи, плачъ и скрежетъ зубный,
Огнь, текущій по землѣ,
И по небу голосъ трубный;

И напѣвъ его гудѣлъ
Далеко трубою мѣдной,

И невольно вдругъ робѣлъ
Старъ и младъ, богачъ и бѣдный.

Кончилъ старецъ, а народъ
Все вокругъ стоитъ въ молчаньи;
Всѣхъ томитъ и всѣхъ гнететъ
Мысль о страшномъ покаяньи...

Только вдругъ изъ кабака
Скоморохъ идетъ красивый,
Выбирая трепака
На гармоникѣ визгливой;

Словно ожилъ вдругъ народъ,
Побѣжалъ за нимъ гурьбою...
Смѣхъ и пляски въ полный ходъ!
И слѣпецъ забытъ толпою.

Возроптали старики:
—„Эка дьявольская прелесть!
Сами лѣзутъ, дураки,
Змѣю огненному въ челюсть!“

Слышитъ ропотъ ихъ слѣпецъ:
— „Не судите, молвитъ, строго!
Благъ Небесный нашъ Отецъ:
Смѣхъ и слезы — все отъ Бога!

Отъ Него и скорбный стихъ,
Отъ Него и стихъ веселый!
Тотъ спасенъ, кто любитъ ихъ
Въ свѣтлый часъ и въ часъ тяжелый!

А кто любитъ ихъ, мягка
Въ томъ душа и незлобива,
И къ добру она чутка,
И раститъ его, какъ нива“.

1860.

XII.

ДВА БѢСА.

Въ скиту, давно забытомъ, въ чащѣ лѣса
Укрылися отъ бури въ дождь два бѣса;
Продрогшіе, промокши отъ дождя,
Они тряслись, зубъ съ зубомъ не сводя.
Одинъ былъ толстъ, коротенькія ножки,
А головою — смѣсь вола и кошки.

Другой — высокъ, съ собачьей головой,
И хвостъ крючкомъ, самъ тонкій и худой.

Тотъ, какъ вломился, и присѣлъ у печки,
И съ виду былъ смиреннѣе овечки;

Другой зато метался и ворчалъ
И въ бѣшенствѣ зубами скрежеталъ:

„Ну, ужъ житье! — ворчалъ онъ, — мокни, дрогни,
И все одно, что̀ завтра, что̀ сегодни!

Ждать мочи нѣтъ! ужъ такъ подведено,
Что, кажется, все рухнуть бы должно,

Анъ — держится! — Онъ плюнулъ отъ досады, —
Работаешь, и нѣтъ тебѣ награды!“

Толстякъ смотрѣлъ, прищуря лѣвый глазъ,
Надъ бѣшенымъ товарищемъ смѣясь,

И молвилъ: — „Эхъ, вы, бѣсы нетерпѣнья!
Такой ли вѣкъ теперь и поколѣнье,

Чтобъ намъ роптать? Я каждый день тащу
Десятокъ душъ, самъ цѣлъ и не грущу!

То ль было прежде? Вспомни хоть, какъ сѣкли
Святые насъ! Здѣсь выпорютъ, а въ пеклѣ

Еще потомъ подбавятъ, какъ придешь!
И вспомнить-то, кидаетъ въ жаръ и дрожь!

На этомъ мѣстѣ, помню я, спасался
Блаженный. Я ль надъ нимъ не постарался!

Топилъ въ болотахъ, по лѣсамъ
Дней по пяти кружилъ; являлся самъ,

То дѣвицей являлся, то во̀ звѣрѣ:
Онъ, аки столбъ, неколебимъ былъ въ вѣрѣ!

Я наконецъ оставилъ. Заходить
Сталъ такъ къ нему, чтобы поговорить,

Погрѣться. Онъ, бывало, тутъ читаетъ,
А я въ углу. И вотъ онъ начинаетъ

Мнѣ проповѣдь: не стыдно ли, о, бѣсъ,
Ты мечешься весь вѣкъ свой, аки песъ,

Чтобъ совратить людей съ пути блаженства!..
Ахъ, говорю я, ваше, молъ, степенство,

Чай, знаете, я развѣ самъ собой?
У каждаго у насъ начальникъ свой,

И видишь самъ, хоть изъ моей же хари,
Какая жизнь для подначальной твари!

Да я бъ тебя не тронулъ и вовѣкъ,
Анъ спросятъ вѣдь: что̀ оный человѣкъ
Сіяетъ все еще, свѣчѣ подобно?
Да на спинѣ и выпишутъ подробно,
Зачѣмъ еще сіяетъ!.. Вотъ и знай,
И нынѣшній народъ ты не ругай!

Гдѣ къ кабаку лишь покажи дорогу,
Гдѣ подтолкни, а гдѣ подставь лишь ногу,—
И всѣ твои!..“—„Эхъ, вы, вскричалъ другой,
Рутина! ветошь!.. Вѣкъ бы только свой
Вамъ прѣть вокругъ купчихъ, чтобъ ихъ скоромить,
Иль дочекъ ихъ съ гусарами знакомить!

Не то ужъ нынче принято у насъ:
Мы дѣйствуемъ на убѣжденья массъ,
Такъ ихъ ведемъ, чтобъ имъ ни пить ни кушать,
А безъ разбору только бъ рушить, рушить!
Въ нихъ разожги всѣ страсти, раздразни,
Всѣ заповѣди имъ переверни:
Пусть вмѣсто „не убій“—„убій“ читаютъ
(Седьмую ужъ и такъ не соблюдаютъ!),
„Не пожелай“ — десятая — пускай
Напишутъ на скрижаляхъ: „пожелай“;
Тутъ дѣло о принципахъ. Пусть ихъ сами
Работаютъ, подтолкнутые нами!

Объ насъ же пусть помину нѣтъ! Зачѣмъ?
Пусть думаютъ, что насъ и нѣтъ совсѣмъ,
Что мы — мечта, невѣжества созданье,
Что намъ и мѣста нѣтъ средь мірозданья!
Пусть убѣдятся въ этомъ... И тогда,
Тогда, любезный другъ, прійдетъ чреда,
Мы явимся въ своемъ природномъ видѣ
И скажемъ имъ: „пожалуйте“...

Вы примете, читатель дорогой,
За выдумку все сказанное мной;
Напрасно! Видѣлъ все и слышалъ это
Одинъ семинаристъ. Онъ шелъ на лѣто
Домой, къ отцу. Но тутъ главнѣйше то,—
Онъ въ сущности не вѣрилъ ни во что,

И — сапоги на палкѣ — шелъ, мечтая,
Что будетъ свѣтомъ цѣлаго онъ края...

О братьяхъ, сестрахъ—что̀ и говорить!
Одна бѣда: со старикомъ какъ быть?

А старикашка у него чудесный,
Сердечный, но кругъ зрѣнья очень тѣсный,

Понятія давно былыхъ вѣковъ—
Онъ вѣрилъ крѣпко даже и въ бѣсовъ.

Такъ шелъ онъ, шелъ — вдругъ туча налетѣла,
И по̀ лѣсу завыло, загудѣло;

Дождь хлынулъ,—какъ, по счастію, глядитъ:
Тутъ въ двухъ шагахъ забытый старый скитъ.

Онъ въ келійку и за̀-печь; слѣдомъ двое
Бѣсовъ, и вамъ извѣстно остальное.

Что онъ ихъ видѣлъ, онъ стоялъ на томъ!
И поплатился жъ, бѣдненькій, потомъ!

Товарищамъ за долгъ почелъ открыться,
А тѣ надъ нимъ — смѣяться и глумиться.

Проникла вѣсть въ учительскій совѣтъ,
Составили особый комитетъ,

Вошли къ начальству съ форменнымъ докладомъ:
Что̀ дѣлать, молъ, съ подобнымъ ретроградомъ,

Что, вообще, опасный прецедентъ —
И напослѣдокъ вышелъ документъ,

Подписанный самимъ преосвященнымъ:
„Считать его въ разсудкѣ поврежденнымъ“.

1876.

XIII.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

(На первой страницѣ).

Поэтъ.

Поздній осенній цвѣтокъ я принесъ въ твой цвѣтникъ для почина!
Жаль, признаюсь, мнѣ его! Быстро кругомъ расцвѣтутъ
Первенцы юной весны—дань сердецъ, вдохновенныхъ тобою.
Бѣдный, засохшій одинъ... Грустенъ его будетъ видъ!..

Онъ.

Поздній осенній цвѣтокъ называютъ, однако, „Безсмертнымъ“...

Поэтъ.

Да... Но безсмертье—не Жизнь!..

1893.

V.

ОТЗЫВЫ ИСТОРІИ.

I.

ЕМШАНЪ *).

Степной травы пучокъ сухой,
Онъ и сухой благоухаетъ!
И разомъ степи надо мной
Все обаянье воскрешаетъ.

Когда въ степяхъ за станомъ станъ
Бродили орды кочевыя,
Былъ ханъ Отрòкъ и ханъ Сырчанъ,
Два брата, бàтыри лихіе.

И разъ у нихъ шелъ пиръ горой—
Великъ полòнъ былъ взятъ изъ Руси!
Пѣвецъ имъ славу пѣлъ, рѣкой
Лился кумысъ во всемъ улусѣ.

Вдругъ шумъ, и крикъ, и стукъ мечей,
И кровь, и смерть, и нѣтъ пощады!
Все врозь бѣжитъ, чтò лебедей
Ловцами спугнутое стадо.

То съ русской силой Мономахъ
Всесокрушающій явился.
Сырчанъ въ донскихъ залегъ меляхъ,
Отрòкъ въ горахъ кавказскихъ скрылся!

И шли года... Гулялъ въ степяхъ
Лишь буйный вѣтеръ на просторѣ...
Но вотъ—скончался Мономахъ,
И по Руси—туга и горе.

Зоветъ къ себѣ пѣвца Сырчанъ
И къ брату шлетъ его съ наказомъ:
„Онъ тамъ богатъ, онъ царь тѣхъ странъ,
Владыка надо всѣмъ Кавказомъ,—

*) Разсказъ этотъ взятъ изъ Волынской лѣтописи. *Емшанъ*—названіе душистой травы, растущей въ нашихъ степяхъ, вѣроятно, полынòкъ.

Скажи ему, чтобъ бросилъ все,
Что умеръ врагъ, что спали цѣпи,
Чтобъ шелъ въ наслѣдіе свое,
Въ благоухающія степи!

Ему ты пѣсенъ нашихъ спой:
Когда жъ на пѣснь не отзовется,
Свяжи въ пучокъ емшанъ степной
И дай ему, и онъ вернется".

Отрокъ сидитъ въ златомъ шатрѣ,
Вкругъ—рой абхазянокъ прекрасныхъ;
На золотѣ и серебрѣ
Князей онъ чествуетъ подвластныхъ.

Введенъ пѣвецъ. Онъ говоритъ,
Чтобъ въ степи шелъ Отрокъ безъ страха,
Что путь на Русь кругомъ открытъ,
Что нѣтъ ужъ больше Мономаха!

Отрокъ молчитъ, на братнинъ зовъ
Одной усмѣшкой отвѣчаетъ,
И пиръ идетъ, и хоръ рабовъ
Его, что солнце, величаетъ.

Встаетъ пѣвецъ, и пѣсни онъ
Поетъ о быляхъ половецкихъ,
Про славу дѣдовскихъ временъ
И ихъ набѣговъ молодецкихъ.

Отрокъ угрюмый принялъ видъ
И, на пѣвца не глядя, знакомъ,
Чтобъ увели его, велитъ
Своимъ послушливымъ кунакамъ.

И взялъ пучокъ травы степной
Тогда пѣвецъ и подалъ хану;
И смотритъ ханъ и, самъ не свой,
Какъ бы почуя въ сердцѣ рану,

За грудь схватился... Всѣ глядятъ:
Онъ—грозный ханъ, что жъ это значитъ?
Онъ, предъ которымъ всѣ дрожатъ,
Пучокъ травы цѣлуя, плачетъ!

И вдругъ, взмахнувши кулакомъ,
„Не царь я больше вамъ отнынѣ!—
Воскликнулъ:—смерть въ краю родномъ
Милѣй, чѣмъ слава на чужбинѣ!"

На утро, чуть осѣлъ туманъ
И озлатились горъ вершины,

Въ горахъ идетъ ужъ караванъ:
Отрокъ съ немногою дружиной.
Минуя гору за горой,
Все ждетъ онъ, скоро ль степь родная,
И въ даль глядитъ, травы степной
Пучокъ изъ рукъ не выпуская.

1874

II.

ВЪ ГОРОДЦѢ ВЪ 1263 ГОДУ *).

Ночь на дворѣ и морозъ.
Мѣсяцъ, два радужныхъ свѣтлыхъ вѣнца вкругъ него...
По небу словно идетъ торжество;
Въ кельѣ жъ игуменской зрѣлище скорби и слезъ...

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ,
Тихо игуменъ предъ нимъ на молитвѣ стоитъ:
Тихо бояре стоятъ по угламъ.
Тихъ и недвижимъ лежитъ головой къ образамъ
Князь Александръ, черной схимой покрытъ...
Страшнаго часа всѣ ждутъ: нѣтъ надежды ужъ нѣтъ!
Слышится въ кельѣ порой лишь болящаго бредъ.
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Сонъ ли проходитъ предъ нимъ, иль видѣній таинственныхъ цѣпь—
Видитъ онъ—степь, безпредѣльная бурая степь...
Войлокъ разостланъ на выжженной солнцемъ землѣ.
Видитъ: отецъ! смертный потъ на челѣ,
Весь изможденъ онъ, и блѣденъ, и слабъ...
Шелъ изъ Орды онъ, какъ данникъ, какъ рабъ...
Въ сердцѣ, знать, силъ не хватило обиду стерпѣть...
И простоналъ Александръ: „такъ и мнѣ умереть!“...

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Видитъ: шатеръ, дорогой, златотканный шатеръ...
Тронъ золотой на пурпурный поставленъ коверъ...
Ханъ возсѣдаетъ средь тысячи мурзъ и князей...

---

*) Городецъ на Волгѣ; тамъ умеръ на возвратномъ пути изъ Орды В. К. Александръ Ярославичъ Невскій въ 1263 году.

Князь Михаилъ *) передъ ставкой стоитъ у дверей...
Подняты копья надъ княжеской свѣтлой главой...
Молятъ бояре горячей мольбой...
„Не поклонюсь истуканамъ вовѣкъ!“—онъ твердитъ...
Мигъ—и поверженъ во прахъ онъ лежитъ...
Топчутъ ногами и копьями колютъ его...
Ханъ изумленный глядитъ изъ шатра своего...
Князь отвернулся со стономъ и, очи закрывъ,—
„Я жъ, говоритъ, поклонился болванамъ, чрезъ огонь я прошелъ,
Жизнь я святому вѣнцу предпочелъ...
Но,—на Спасителя взоръ устремивъ:—
Боже! Ты знаешь: не ради себя,
Многострадальный народъ свой лишь паче души возлюбя!..“
Слышатъ бояре и шепчутъ, крестясь:
„Грѣхъ твой, кормилецъ, на насъ!“

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Снится ему Ярославовъ въ Новгородѣ дворъ...
Въ шумной толпѣ и мятежъ и раздоръ...
Всѣ собралися концы и шумятъ...
„Всѣ постоимъ за святую Софію,—вопятъ:—
Дань ей несутъ отъ Угорской земли до Ганзы...
Нѣмцамъ и шведамъ страшнѣй нѣтъ грозы...
Самъ ты водилъ насъ, и Биргеръ твое
Помнитъ досель на лицѣ, чай, копье!..
Рыцари—памятенъ имъ пооттаявшій ледъ!..
Конница словно какъ въ морѣ летитъ кровяномъ!..
Бейте, колите, берите живьемъ
Лживый, коварный, пришельческій родъ!..
Намъ ли баскаковъ пустить
Грабить казну, на правежъ насъ водить?
Злата и серебра горы у насъ въ погребахъ,
Намъ ли валяться у хана въ ногахъ!
Бей ихъ, руби ихъ, баскаковъ поганыхъ, татаръ!..“
И разлилася рѣка, взволновался пожаръ...
Князь приподнялся на ложѣ своемъ;
Очи сверкнули огнемъ,
Грозно сверкнули всѣмъ гнѣвомъ высокой души—
Крикнулъ:—„Эй, вы, торгаши!
Богъ на всю землю послалъ злую мзду.
Вы ли одни не хотите Его покориться суду?

---

*) Кн. Михаилъ Черниговскій.

Ломятся тьмами ордынцы на Русь—я себя не щажу,
Я лишь одинъ на плечахъ ихъ держу!..
Бремя нести—такъ всѣмъ міромъ нести:
Дружно, что̀ боръ вѣковой, подыматься, расти,
Вѣруя въ чаянье лучшихъ временъ,—
Все лишь въ конецъ претерпѣвый спасенъ!..“

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Тьма, что̀ завѣса, раздвинулась вдругъ передъ нимъ...
Видитъ онъ: облитый словно лучомъ золотымъ
Берегъ Невы, гдѣ разилъ онъ врага...
Вдругъ возникаетъ тамъ городъ... народомъ кишатъ берега...
Флагами вѣютъ цвѣтными кругомъ корабли...
Громъ раздается; корабль показался вдали...
Правитъ имъ кормчій съ открытымъ высокимъ челомъ...
Кормчаго всѣ называютъ царемъ...
Гробъ съ корабля поднимаютъ, ко храму несутъ,
Звонъ раздается, священные гимны поютъ...
Крышу открыли... Царь что-то толпѣ говоритъ...
Вотъ передъ гробомъ земные поклоны творитъ...
Слѣдомъ всѣ люди идутъ приложиться къ мощамъ...
Въ гробѣ жъ—князь видитъ—онъ самъ...

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвиженъ лежитъ...
Словно какъ свѣтъ надъ его просіялъ головой—
Чудной лицо озарилось красой—
Тихо игуменъ къ нему подошелъ и дрожащей рукой
Сердце ощупалъ его и чело
И, зарыдавъ, возгласилъ: „наше солнце зашло!“
1875.

III.

У ГРОБА ГРОЗНАГО.

Средь царственныхъ гробовъ въ Архангельскомъ соборѣ
На правомъ клиросѣ есть гробъ. При гробѣ томъ
Стоишь невольно ты съ задумчивымъ челомъ
И съ боязливою пытливостью во взорѣ...
Тутъ Грозный самъ лежитъ!.. Послѣдняго суда,
Ты чуешь, что надъ нимъ судьба не изрекала;
Что съ гроба этого тяжелая опала
Еще не снята; что, быть-можетъ, никогда

На свѣтѣ пламеннѣй души не появлялось...
Она съ алчбой добра весь вѣкъ во злѣ терзалась,
И внутреннимъ огнемъ сгорѣлъ онъ... До сихъ поръ
Сведенъ итогъ его винамъ и преступленьямъ;
Былъ спросъ свидѣтелей; поставленъ приговоръ,
Но нѣчто высшее все медлитъ утвержденьемъ,
Недоумѣнія толпа еще полна,
И тайной облеченъ досель сей гробъ безмолвный...
Вотъ онъ!.. Иконы вкругъ. Изъ узкаго окна
Въ соборъ, еще святыхъ благоуханій полный,
Косой вечерній лучъ на темный гробъ упалъ
Узорной полосой въ колеблющемся дымѣ...
О, если бъ онъ предсталъ, теперь, въ загробной схимѣ,
И самъ, какъ нѣкогда, народу рѣчь держалъ:
„Я царство создавалъ и создалъ, и донынѣ, —
Сказалъ бы онъ,—оно стоитъ четвертый вѣкъ...
Судите *тутъ* меня. Въ паденьяхъ и гордынѣ
Отвѣтъ мой Господу: предъ Нимъ я— человѣкъ,
Предъ вами—царь! Кто жъ могъ мнѣ помогать?.. Потомки
Развѣнчанныхъ князей, которымъ рѣзалъ глазъ
Блескъ царскаго вѣнца, а старыхъ правъ обломки
Дороже были клятвъ и совѣсти?.. Держась
За нихъ, и Новгородъ: что онъ въ князьяхъ, молъ, воленъ!
Къ Литвѣ, когда Москвой стѣсненъ иль недоволенъ!..
А вѣкъ тотъ былъ, когда венеціанскій ядъ,
Незримый какъ чума, прокрадывался всюду:
Въ письмо, въ причастіе, ко братинѣ и къ блюду...
Княгиня, мать моя, какъ умерла? Молчатъ
Княжата Шуйскіе... Гдѣ Бѣльскій? Рать сбираетъ?
Орудуетъ въ Крыму и хана подымаетъ!
Подъ Серпуховымъ кто безбожнаго навелъ
На своего царя и указалъ дорогу?
Мстиславскій? Каешься?.. А Курбскій? Онъ ушелъ!
„Не мыслю на удѣлъ“—клянется мнѣ и Богу,
А пишется въ Литвѣ, съ панами не таясь,
Въ облыжныхъ грамотахъ, какъ „ярославскій князь“!
Клевещетъ—на кого жъ?.. На самоё царицу—
Ту чистую, какъ свѣтъ небесный, голубицу!..
Все противъ!.. Что же я на царствѣ?.. Всѣмъ чужой?..
Итти ль мнѣ съ посохомъ скитаться въ край изъ края?
Псарей ли возвести въ боярство—и покой
Купить, имъ мерзости творить не возбраняя,
И ненавистью къ нимъ всеобщей ихъ связать
Съ своей особою?.. Отвѣтъ кто жъ долженъ дать

За мерзость ихъ, за кровь?.. Покинутый, болящій,
Азъ передъ Господомъ, азъ, аки песъ смердящій,
Въ нечестьѣ и грѣхѣ!..
Но царь пребылъ царемъ.
Навѣки утвердилъ въ народѣ онъ своемъ,
Что предъ лицомъ царя, предъ правдою державной
Потомокъ Рюрика, бояринъ, смердъ—всѣ равны,
Всѣ—сироты мои...
И царство создалось!
Но моря я хотѣлъ! Намъ нужно насажденье
Наукъ, ремеслъ, искусствъ; все съ боя брать пришлось!
Весь Западъ завопилъ: опасно просвѣщенье
Пустить въ Московію! Самъ кесарь взоръ возвелъ
Тревожно на небо: двуглавый нашъ орелъ
Уже тамъ виденъ сталъ, и занавѣсь упала,
И царство новое предъ ихъ очами встало...

Оно не прихотью явилося на свѣтъ.
Въ немъ не одной Руси спасенія завѣтъ,
Въ немъ церкви истинной хоругвь, и мечъ, и сила!
Единовѣрныхъ скорбь, чтобъ быть ему, молила,
И бысть!.. Мой дѣдъ, отецъ трудилися надъ нимъ:
Я жъ утвердилъ навѣкъ, хоть самъ раздавленъ имъ...
Вы все не поняли?.. Кто жъ понялъ? Только эти,
Что въ ужасѣ, какъ жить безъ государства, шли
Во дни великихъ смутъ съ крестомъ со всей земли
Освобождать Москву... Моихъ князей же дѣти
Вели постыдный торгъ съ ворами и Литвой,
За лишнія права имъ жертвуя Москвой!..
Да! Люди средніе и меньшіе водимы
Лишь вѣрою, что Богъ имъ учредилъ царя
Въ исходъ отъ тяжкихъ бѣдъ: что царь, лишь Имъ судимый,
И зритъ лишь на Него, народу судъ творя;
Ту вѣру далъ имъ я, самъ Божья откровенья
О ней исполняся въ дни слезъ и сокрушенья...
И сей священный огнь донынѣ не угасъ:
Навѣки духомъ Русь съ царемъ своимъ слилась!
Да!—царство ваше—трудъ, свершенный Іоанномъ,
Трудъ, выстраданный имъ въ бореньи неустанномъ.
И памятуйте вы: все то, что строилъ онъ,—
Онъ строилъ на вѣка! Гдѣ—взвелъ до половины,
Гдѣ—указалъ пути... и трудъ былъ довершенъ
Ужъ подвигомъ Петра, умомъ Екатерины
И вашимъ вѣкомъ...

Да! мой день еще прійдетъ!
Услышится, какъ взвылъ испуганный народъ,
Когда возвѣщена царя была кончина,—
И сей народный вой надъ гробомъ властелина,
Я вѣрую—въ вѣкахъ вотще не пропадетъ,
И будетъ громче онъ, чѣмъ этотъ шипъ подземный
Боярской клеветы и злобы иноземной...“

1887.

IV.

СТРѢЛЕЦКОЕ СКАЗАНІЕ О ЦАРЕВНѢ СОФЬѢ АЛЕКСѢЕВНѢ.

Какъ за чаркой, за блинами
Потѣшались молодцы,
Надъ потѣшными полками
Похвалялися стрѣльцы:

„Гдѣ ужъ вамъ, Преображенцы
Да Семеновцы, гдѣ вамъ,
Мелочь, Божіи младенцы,
Намъ перечить, старикамъ!

Съ слободой своей Нѣмецкой
Да съ своимъ царемъ Петромъ
Мы, молъ, весь приказъ стрѣлецкій,
Всѣхъ въ бараній рогъ согнемъ!

Всѣхъ—и самую царевну...
— Нѣтъ, ужъ тутъ, голубчикъ, врешь!
Нашу Софью Алексѣвну
Обойдешь да не возьмешь!

Даромъ, что родилась дѣвкой—
Да иной разъ такъ пройметъ
Молодецкою издѣвкой,
А какъ въ духѣ, да взмахнетъ

Черной бровью соболиной—
Пропадай богатыри!
Умеръ, право бъ, за-едино,
Если бъ молвила: умри!..

Грѣхъ бывалъ и между нами,
Какъ о вѣрѣ вышелъ споръ
И ходили съ чернецами,
Въ царскій Кремль мы на соборъ—

Бунтовское было дѣло!
Да вѣдь сладила! Какъ разъ
Словомъ вышибить умѣла
Дурость всякую изъ насъ!

Будемъ помнить мы дни оны!..
Вышли наши молодцы;
Впереди несутъ иконы
Со свѣчами чернецы...

Не сказали бъ, такъ узнала бъ
Вся Москва ихъ! Старики!
Не наотмашь, низко нà лобъ
Надѣвали клобуки;

Не развалисты въ походкѣ,
А согбенные идутъ;
Не дерутъ, разиня глотки,
Тихимъ голосомъ поютъ;

Лица постныя, худыя,
Вѣры точно что столпы!..
Ужъ не толстые, хмельные
Никоньянскіе попы!..

Умилился людъ московскій,
Повалилъ за ними, претъ,
И на площади Кремлевской,
Чтò волна, забилъ народъ.

А ужъ тамъ, во Грановитой,
Всѣ насъ ждутъ: царевны, дворъ,
Патріархъ, митрополиты,
Освященный весь соборъ.

Старцы свѣчи возжигали,
И Евангелье съ крестомъ
На амвоны полагали,
И царевнѣ бьютъ челомъ:

„Благовѣрная царевна!
Солнце русскія земли!
Свѣтъ-Софія Алексѣвна,
Государыня! Вели,

Чтобъ у насъ быть разсмотрѣнью
Съ патріархомъ о дѣлахъ
По церковному строенью
И о Никоновыхъ лжахъ!

Процвѣтала церковь наша,
Аки райскій кринъ, полна

Благодати, яко чаша
Пресладчайшаго вина!

Утверждалася на книгахъ,
Ихъ же имемъ отъ мужей,
Проводившихъ жизнь въ веригахъ
И въ умертвіи страстей;

Ихъ же чтеніемъ спасались
Благовѣрные цари,
И цвѣли и украшались
По Руси монастыри;

Но реченный Никонъ волкомъ
Вторгся въ оный вертоградъ
И своимъ безумнымъ толкомъ
Ниспровергъ церковный ладъ!

Аки римская блудница
На драконѣ возсѣдя,
Рекъ: „нѣсть Бога! (кровопійца!)
Азъ есмь Богъ, и вся моя!“

И святыя книги рушилъ...
Ну,—и началъ все мутить...
Патріархъ ихъ слушалъ, слушалъ,
Подымался говорить, —

Да куда!.. изъ-за владыки
Ну выскакивать попы...
Брань пошла, мятежъ и крики!
На дворѣ — ревутъ толпы,

Вкругъ царевенъ — натерпѣлись
Ужъ бѣдняжки! — мужики,
Чернецы орутъ, зардѣлись,
Поскидали клобуки,

Всѣ-то съ взбитыми власами,
Очи кровью налиты,
И мелькаютъ надъ главами
Палки, книги и кресты!..

Ждетъ царевна не дождется,
Чтобъ затихли; то впередъ,
Словно лебедь, къ нимъ рванется,
Образумливать учнетъ.

„Замутили царствомъ бабы,
Голосятъ кругомъ, — ахти!
Государынямъ пора бы
Въ монастырь давно итти!“

Слыша то, и глянувъ гнѣвно,
И отдвинувъ тронъ златой,
Вся зардѣвшися, царевна
Удалилась въ свой покой.

Съ барабаннымъ вышли боемъ
Изъ Кремля мы: вдругъ приказъ,—
Чтобъ къ царевнинымъ покоямъ
Выслать выборныхъ тотчасъ.

Ночью, съ фонарями, ровно,
Тихо вышла на крыльцо.
Такъ-то ласково-любовно
Обратила къ намъ лицо...

Видѣлъ тутъ ее я близко:
Бѣлый съ золотомъ покровъ,
А на лбу-то — низко, низко,
Вязь изъ крупныхъ жемчуговъ...

„Если мы вамъ неугодны,—
Говоритъ,—весь царскій домъ,
Мы объявимъ всенародно,
Что изъ царства вонъ уйдемъ!

У волоховъ иль цесарцевъ,—
Гдѣ-нибудь найдемъ пріютъ...
Вы смѣняли насъ на старцевъ,
Давнихъ сѣятелей смутъ,—

Пусть на нихъ падетъ и царство!
Но въ вину не ставьте намъ,
Коль сосѣди государство
Все растащутъ по клочкамъ.

Коль поляки съ ханомъ крымскимъ
Русь подѣлятъ межъ собой:
Поклоняйтесь папамъ римскимъ,
Басурманьтесь съ татарвой!

Мы въ церквахъ положимъ вклады
И поклонимся мощамъ,
Да и съ Богомъ!..“ Всей громадой
Пали мы къ ея ногамъ:

„Что ты, матушка, какое
Слово молвишь,—говоримъ:—
Слово—самое пустое!
Нешто мы того хотимъ!

Знаемъ мы: безъ государей
Каковы дѣла пойдутъ!

Заѣдятъ народъ бояре
Да въ латинство поведутъ!..

Все тѣ старцы-лиходѣи!
Чтобы пусто было имъ!
Нешто мы архіереи?
Что̀ мы въ книгахъ разглядимъ?

Ты ужъ смилуйся, пожалуй,
Хоть жалѣючи земли!..
А за грубость—насъ до малу
Жестоко̀ казнить вели!“

Ждемъ: что̀ скажетъ?.. И сказала:
„Встаньте! вѣрныхъ россіянъ
Вижу въ васъ! Я такъ и знала!..
Бойся жъ насъ ты, крымскій ханъ!..

Пиръ готовъ, а въ гости будемъ!..“
Мы—„ура!“ на весь народъ,
А она начальнымъ людямъ
Выйти,—крикнула,—впередъ!

И велитъ дьякамъ приказнымъ
Награждать кого казной,
А кого имѣньемъ разнымъ,
Соболями аль землей,

А кого боярскимъ саномъ,—
А для прочихъ молодцовъ,
Говоритъ: „три дня быть пьянымъ
Съ нашихъ царскихъ погребовъ!..“

И была жъ гульба въ столицѣ!
Будетъ помнить царскій градъ!..
Чернецы жъ сидятъ въ темницѣ,
И сидятъ, стрѣльцовъ корятъ:

„Такъ-то вѣру отстояли,
Вы, стрѣлецкіе полки!
Прогуляли, промѣняли
На царёвы кабаки!“

Ладно, братцы! щи вамъ съ кашей!
Что̀, братъ, скажешь? хороша?
Лучше нѣтъ царевны нашей!
Вотъ, какъ есть, совсѣмъ душа!“

1867.

V.

КТО ОНЪ?

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
По тропинкамъ и по мхамъ,
Ѣхалъ всадникъ, пробираясь
Къ свѣтлымъ невскимъ берегамъ.

Только вотъ—рыбачья хата;
У рѣки старикъ стоялъ,
Челнъ осматривалъ дырявый
И бранился, и вздыхалъ.

Всадникъ подлѣ—онъ не смотритъ.
Всадникъ молвилъ: „здравствуй, дѣдъ!“—
А старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ
На привѣтствіе въ отвѣтъ.

Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ:
„Поздоровится тутъ, жди!
Времена ужъ не такія...
Жди да у моря сиди.

Вамъ вѣдь все ничто боярамъ,
А челнокъ для рыбака
То жъ, что̀ бабѣ веретёна,
Али конь для сѣдока.

Шведы ль, наши ль шли тутъ утромъ,
Кто ихъ знаетъ—ото всѣхъ
Нынче пахнетъ табачищемъ..
Ходитъ въ мірѣ, ходитъ грѣхъ!

Чуть кого вдали завидишь—
Смотришь, въ лѣсъ бы... Вѣдь грѣшно!..
Лодка, вишь, имъ помѣшала,
И давай рубить ей дно...

Да, ужъ стала здѣсь сторонка
За теперешнимъ царемъ!..
Изъ-подъ Пскова вѣдь на лѣто
Промышлять сюда идемъ“.

Всадникъ прочь съ коня и молча
За работу принялся;
Живо дѣло закипѣло
И поспѣло въ полчаса.

Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ,
Такъ и тычетъ долото—

И челнокъ на славу вышелъ,
А вѣдь былъ что̀ рѣшето.
—„Ну, старикъ, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай,
Да закинуть сѣть на счастье
На Петрово попытай“.
—„На Петрово! Эко слово
Молвилъ!—думаетъ рыбакъ:—
Съ топоромъ гляди какъ ловокъ...
А по рѣчи... Какъ же такъ?..“
И развелъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ,
Смотритъ долго въ ту сторонку,
Гдѣ чудесный гость исчезъ.
1868.

VI.

СКАЗАНІЕ О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ *).

въ преданіяхъ Сѣвернаго края.

Когда насъ еще на свѣтѣ нѐ было,
Да и дѣды дѣдовъ нашихъ еще нѐ жили,
И людей на свѣтѣ была малость мальская,
Цари въ ту пору земли себѣ дѣлили;
Въ ту ли пору было̀ стародавнюю,
Наше мѣсто было не завѣдомо
Никакимъ царемъ, ни бояриномъ,
Ни лихимъ человѣкомъ удалыимъ;
А въ лѣсу-то звѣря разводилося,
Что̀ ни кустъ—лисица со куницею,
Что̀ ни пень—медвѣдь со волчищемъ;
А и рыбы въ рѣкахъ наплодилося,
Хоть рукой имай, аль корцомъ черпай.

---

*) Разсказъ этотъ представленъ здѣсь почти безъ измѣненій, какъ онъ записанъ Е. В. Барсовымъ въ Онежскомъ краѣ и напечатанъ между многихъ другихъ, въ „Бесѣдѣ“, подъ общимъ названіемъ „Петръ Великій въ преданіяхъ Сѣвернаго края“. Онъ записанъ собирателемъ со словъ разсказчика прозой; но и въ этой прозѣ сами собой сквозятъ стихи; я пытался только возстановить ихъ, почти нигдѣ ничего не прибавляя отъ себя. Петръ, повелѣвающій стихіями—это такой колоссальный образъ великаго государя, а описаніе бури и потопленія свейскихъ лодокъ—такая живая, сжатая и вѣрная природѣ картина, что было бы жаль, если бъ эти красоты народнаго творчества прошли незамѣтно въ исторіи нашей поэзіи.

Полюбилось наше мѣсто вольное,
Полюбилось оно царю свейскому;
Запримѣтилъ тоже Пётра, русскій царь,
Что ручьи у насъ глубокіе,
Рѣки долгія, широкія,
А морямъ—и нѣтъ конца!
Снарядился самъ на поиски
На своей ли лодкѣ изукрашенной,
Серебромъ ли пораскладенной,
Золотымъ рулемъ приправленной,
Самъ съ бояры и вельможами.
Царь же свейскій заспесивѣлся,
Не поѣхалъ самъ, послалъ начальниковъ
Во полонъ забрать всю воду съ рыбою,
И лѣса со звѣремъ всякіимъ,
Чтобъ владѣти ему по̀ вѣки.

Какъ по морю, морю Ладожску,
Ѣдетъ-катитъ Пётра-царь на поиски;
Самъ сидитъ въ кормѣ на лодочкѣ,
Золотымъ рулемъ поворачиваетъ,—
Анъ навстрѣчу супостатъ ему,
Въ лодкахъ писанныхъ, узорчатыхъ,
Съ шелково̀й покрышкой алою.

Не ясенъ-соколъ налеталъ на лебедь бѣлую,
И не лебедь смутилъ воду синюю:
То летятъ, воду рябятъ—лодки свейскія
На цареву лодку крѣпкую;
Съ шумомъ, свистомъ прорываючись,
Въ мелкій черень искрошить хотятъ.

Не стерпѣлъ тутъ Пётра, понасунился,
Очи ясныя поразсвѣтились,
И румянецъ сталъ во всю щеку—
Да какъ крикнетъ онъ вельможамъ-бо̀ярамъ:
„Поубавимъ спеси царю свейскому!
Силой, что ль, сгубить его начальниковъ?
Аль пустить съ бѣлымъ вало̀мъ пучинистымъ?“
И промолвили вельможи-бо̀яры:
„Не по что намъ, царь, грѣха брать на̀ душу,
Души грѣшныя ихъ, некрещеныя,
Все же души человѣческія—
Пусть умрутъ отъ вѣтра-сивера,
Отъ валовъ умрутъ разсыпчатыхъ!“

Какъ промолвили вельможи-бояры,
Отъ ремня, съ груди, отвязывалъ,
Царь взялъ въ руки золотой рожокъ,
Протрубилъ на всѣ четыре стороны...
Разносился голосъ по темнымъ водамъ—
Становилася вдругъ темень Божія,
Собирались вѣтры въ тучу густую,
Расходились воды ярыя:
Валъ вала̀ встаетъ, подталкиваетъ,
Вѣтры гребни имъ подтягиваютъ;
Налетѣлъ вѣтеръ на лодки свейскія,
Посрывалъ покровы алые,
Побросалъ далеко по̀ морю;
Нагнала тутъ ихъ вода ярая:
Валъ живой горой идетъ-тянется,
Бѣлымъ гребнемъ отливается;
Подошелъ тутъ первый валъ: онъ приподнялъ,
Стоймя приподнялъ онъ лодки свейскія;
Налетѣлъ второй валъ: принакренилъ ихъ;
А и третій: онъ ужъ тутъ какъ тутъ,
Захлестнулъ навѣкъ начальниковъ...
Разступилась вода на̀-двое,
Ушли камнемъ въ топь глубокую
Души грѣшныя, некрещеныя...

1874.

VII.

ЛОМОНОСОВЪ.

Въ печали невская столица;
Въ церквахъ унылый перезвонъ;
Всѣ въ черномъ: царскій домъ, царица,
Синодъ, сенатъ. Со всѣхъ сторонъ

Чины отъ арміи и флота
Спѣшатъ въ соборъ; войска, народъ,
Во всѣхъ—испугъ, у всѣхъ забота:
Великій въ мірѣ недочетъ!

Іерей,—смотря на ликъ безмолвный,
Но и во гробѣ какъ живой,
Несокрушимой мысли полный,—
Отъ слезъ не властенъ надъ собой.

„О чемъ мы плачемъ? Что̀ мы стонемъ?
Что̀, россіяне, мы творимъ?

Петра Великаго хоронимъ!
И что̀ хоронимъ въ Немъ и съ Нимъ?..
Вѣдь въ бытіе Онъ насъ, Великій,
Воздвигъ изъ тьмы небытія!..“
И вопли безъ конца и клики:
„Теперь что̀ жъ будетъ—безъ Тебя!“
Въ честь императора раздался
Послѣдній пушечный салютъ,—
Свершилось,—но въ сердцахъ остался
Вопросъ: чему же быть?.. Всѣ ждутъ...

Какъ будто послѣ бурной тучи
Осталась вся теперь страна,
Владыки мыслію могучей
Какъ молніей избраждена.
Вездѣ глубокія основы
И жизни новые пути—
И — нѣтъ вождя! И мракъ суровый,
И неизвѣстность впереди!
Одинъ Онъ—кормчій былъ, который
Куда вести корабль свой зналъ,
Одинъ увѣренные взоры
Вдаль, въ безпредѣльность устремлялъ—
Отъ Зундскихъ водъ до Гималая,
Съ Невы—на Тихій океанъ...
Иль это все—мечта пустая
И честолюбія обманъ?
И все, что̀ насаждалъ Онъ—сгинетъ?
Труды, ученье, кровь и потъ—
Пройдутъ вотще, и слава минетъ,
И въ прежній мракъ все отойдетъ?
А главари межъ тѣмъ престоломъ
Уже играть пошли, служа
Своимъ лишь видамъ и крамоламъ
И царскимъ дѣломъ небрежа!..
Лишь пришлецы, которыхъ знанье
Царь покупалъ „на сѣмена“,
Торжествовали въ упованьи,
Что ихъ отнынѣ вся страна!
И, пробираясь ловко къ цѣли,
Они надъ русскою землей

На ступеняхъ престола сѣли,
Какъ надъ забранною страной;
И средь смятенія и страха,
Средь казней, пытокъ и опалъ,
Ужъ руку къ бармамъ Мономаха
Курляндскій конюхъ простиралъ.

Но не вотще отъ Бога геній
Ниспосылается въ народъ,
Опять къ нему своихъ велѣній
Истолкователя Онъ шлетъ.
Въ странѣ угрюмой и суровой,
Гдѣ, отливаясь на снѣгахъ,
По долгимъ зимамъ блескъ багровый
Колышется на небесахъ;
Гдѣ горы льдовъ вздымаютъ волны,
Гдѣ все—лѣсовъ и неба ширь—
Величьемъ дѣлъ Господнихъ полны,
Встаетъ избранный богатырь:
Великъ, могучъ, какъ та природа,
Самъ—какъ одно изъ тѣхъ чудесъ,—
Встаетъ для русскаго народа
Желаннымъ посланцемъ съ небесъ...
О, дивный мужъ!.. Съ челомъ открытымъ,
Съ орлинымъ взглядомъ, какъ глядѣлъ
На ономъ морѣ Ледовитомъ
На чудеса Господнихъ дѣлъ,—
Наукой осіянъ и рвеньемъ
Къ величью родины горя,
Явился ты—осуществленьемъ
Мечты великаго царя!
Твоею ревностью согрѣтый,
Очнулся русскій духъ съ тобой:
Ты лучшихъ дѣлъ Елизаветы
Былъ животворною душой,
Ты далъ пѣвца Екатеринѣ,
Всецѣло жилъ въ ея орлахъ,
И отблескъ твой горитъ и нынѣ
На лучшихъ русскихъ именахъ!..

1865, 1882.

VIII.

МЕНУЭТЪ.

(Разсказъ стараго бригадира).

Да-съ, видалъ я менуэтецъ—
Ого-го-го!.. Посыланъ былъ
Въ Петербургъ я разъ—пакетецъ
Къ государынѣ возилъ...

Ну—дворецъ—само собою
Ужъ Армидины сады!
И гирляндою цвѣтною
Колыхаются ряды.

Только спросишь: въ этой парѣ
Кто, скажите?—Назовутъ—
И стоишь ты какъ въ угарѣ!
Вмѣсто музыки-то тутъ

Взрывы слышишь, бой трескучій,
Пушки залпами палятъ,
И отъ брандеровъ подъ тучи
Флоты цѣлые летятъ!

Спросишь, напримѣръ,—кто это?
„Графъ Орловъ-Чесменскій“.—Онъ?..
Ну-съ, а тамъ?—„Суворовъ“.—Свѣта
Преставленье! Чисто сонъ!

А съ самой—позвольте—кто же?
—„Князь Таврическій“—горитъ
Въ брилліантахъ весь и—Боже!
Что̀ за поступь! Что̀ за видъ!

Скажешь: духи бурь и грома,
Потрясающіе міръ,
Всѣ, въ урочный часъ, здѣсь, дома
Собираются на пиръ.

И, вступая въ домъ къ царицѣ,
Волшебствомъ какимъ-то, тутъ
Вдругъ изящной вереницей
Кавалеровъ предстаютъ,

Передъ ней склоняютъ выи,
А она лишь, какъ живой
Образъ—такъ сказать—Россіи,
И видна надъ всей толпой.

1874.

IX.

СКАЗАНІЕ О 1812 ГОДѢ.

Вѣтеръ гонитъ отъ востока
Съ воемъ снѣжныя мятели...
Дикой пѣснью злая вьюга
Заливается въ пустынѣ...
По безлюдному простору,
Безъ ночлега, безъ привала,
Точно сонмъ тѣней, проходятъ
Славной арміи остатки,
Егеря и гренадеры,
Кто окутанъ дамской шалью,
Кто церковною завѣсой,—
То въ сугробахъ снѣжныхъ вязнутъ,
То скользятъ, вразбродъ взбираясь
На подъемъ оледянѣлый...
Гдѣ пройдутъ—по всей дорогѣ
Пушки брошены, лафеты;
Снѣгъ заноситъ трупы коней,
И людей, и колымаги,
Нагруженныя добычей
Изъ святыхъ московскихъ храмовъ...
Посреди разбитой рати
Ѣдетъ вождь ея, привыкшій
Къ торжествамъ лишь да побѣдамъ...
Въ пошевняхъ на жалкихъ клячахъ,
Ѣдетъ той же онъ дорогой,
Гдѣ прошелъ еще недавно
Полный гордости и славы,
Къ той загадочной столицѣ
Съ золотыми куполами,
Гдѣ, казалось, совершится
Въ полномъ блескѣ чудный жребій
Повелителя вселенной,
Сокрушителя имперій...

Гдѣ жъ вы, пышныя мечтанья!
Гордый замыселъ!.. Надежды
И глубокіе расчеты
Прахомъ стали—и упорно
Ищетъ онъ всему разгадки,
Гдѣ и въ чемъ его ошибка?
Все напрасно!..

И поникъ онъ, и, въ дремотѣ,
Видитъ—какъ въ пріемномъ залѣ—
Незадолго до похода—
Въ Тюильри, стоитъ онъ, гнѣвный;
Вѣнценосцевъ всей Европы
Передъ нимъ послы: всѣ внемлютъ
Съ трепетомъ его угрозамъ...
Лишь одинъ стоитъ посланникъ,
Не склонивъ покорно взгляда,
Съ затаенною улыбкой...
И, вспыливши, императоръ—
„Князь, вы видите,—воскликнулъ,—
Мнѣ никто во всей Европѣ
Не дерзаетъ поперечить:
Императоръ вашъ—на что же
Онъ надѣется—на что же?“
„Государь!—въ отвѣтъ посланникъ,—
Взять въ расчетъ вы позабыли,
Что за русскимъ государемъ
Русскій весь стоитъ народъ!“
Онъ тогда расхохотался,—
А теперь—теперь онъ вздрогнулъ...
И глядитъ: утихла вьюга,
На морозномъ небѣ звѣзды,
А кругомъ на горизонтѣ
Всюду зарева пожаровъ...
Вспомнилъ онъ дворецъ Петровскій,
Гдѣ бояръ онъ ждалъ съ поклономъ
И ключами отъ столицы...
Вспомнилъ онъ пустынный городъ,
Вдругъ со всѣхъ сторонъ объятый
Моремъ пламени... А мира—
Мира нѣтъ!.. И днемъ и ночью
Неустанная погоня
Вслѣдъ за нимъ враговъ незримыхъ...
Справа, слѣва—ихъ мильоны
Тамъ въ лѣсахъ... „Такъ вотъ что̀ значитъ—
Весь народъ!..“
И безнадежно
Вдаль онъ взоры устремляетъ:
Что-то грозное таится
Тамъ за синими лѣсами,
Въ необъятной этой дали...

1876.

X.

ЗАПАДНАЯ РУСЬ.

(Посвящается западно-русскимъ братствамъ).

Великолѣпные костелы.
Гдѣ блещетъ яхонтъ и янтарь,
И раззолоченный, тяжелый,
Огнями залитый алтарь.

Паны колѣнопреклоненны,
Ксендзъ, потрясающій крестомъ,
Вопятъ въ молитвѣ изступленной:
„Да грянетъ Богъ своимъ судомъ!

Да окрылитъ на бой ихъ рати
Противъ московскихъ мужиковъ,
Что̀ въ сонмы европейской знати
Взошли по лѣстницѣ чиновъ!

Да снова Рѣчи Посполитой
Онъ дастъ имъ гордыя права,—
И не смутитъ ужъ хлопъ забитый
Пановъ веселыхъ торжества!..“

А тамъ, вдали, другіе храмы—
Лачуги съ по̀гнутымъ крестомъ!
Тамъ *хлопы* молятся, тамъ—*хамы*,
Съ ихъ *подлымъ* русскимъ языкомъ!

Тамъ—гниль и ветошь! мракъ и сыро!
И причащается тамъ хлопъ
Изъ оловяннаго потира,
И въ крашенинной ризѣ попъ!

Но духомъ церкви первобытной
Все дышитъ въ бѣдныхъ здѣсь стѣнахъ,
И такъ же бродитъ ненасытный,
Вкругъ этихъ стѣнъ, исконный врагъ;

И эти вѣрные, всечасно
Дрожа за ветхій свой алтарь,
О томъ лишь молятъ, молятъ страстно—
Чтобъ вспомнилъ ихъ и русскій царь

И русскій людъ, передъ которымъ
Вотще слеза не пролита,
Который, подъ земнымъ позоромъ,
Въ убогомъ нищемъ—чтитъ Христа...

1863.

XI.

КНЯЗЮ ДРУЦКОМУ-ЛЮБЕЦКОМУ.

Литовскихъ смутъ печальныя картины,
Исторія, въ скрижаль свою внося,
Давно ждала, чтобъ въ этотъ мракъ—единый
Правдивый лучъ сознанья пролился.
Давно ждала, что вотъ на сеймѣ шумномъ,
Тамъ, гдѣ-нибудь, на берегахъ Днѣпра,
Какъ свѣтлый вождь предъ сонмищемъ безумнымъ,
Подымется мужъ правды и добра,
И скажетъ онъ: „Высокое собранье!
Чины Литвы и Руси! Полно вамъ
Метаться вѣкъ безъ цѣли и призванья,
Какъ съ дерева оборваннымъ листамъ!
Очнемтеся, проснемся, вспомнимъ—кто̀ мы?
Гдѣ начались, откуда истекли
Дворянскіе и княжескіе домы,
Которыхъ гербъ и честь къ намъ перешли?

Увы! къ кому ни протяну я руки
И на кого очей ни вскину я —
Все Рюрика, все Гедимина внуки,
Литовскіе и русскіе князья!
Владимира потомки, Ярослава,
Потомки тѣхъ князей и ихъ дружинъ,
Отъ коихъ Руси зачалася слава
И понеслась на Бельтъ и на Эвксинъ!
Какими же свершилося судьбами,
Что стыдно намъ назваться ихъ дѣтьми,
И стали мы всему тому врагами,
За что они ложилися костьми?..
Но горшее въ печальной нашей долѣ —
То, что она смѣшнѣй все каждый часъ...
По чьей все то содѣялося волѣ?
И русскій духъ что̀ извратило въ насъ?..

Смѣшно сказать!.. Тутъ полька замѣшалась!
Оно бъ ништò литовско-польскій бракъ —
Да пани-то ксендзами вдохновлялась
И мужа—хлопъ сейчасъ же подъ башмакъ!
Была она, хотя и богомольна,
Но демонски въ мазуркѣ хороша!
Такъ хороша, что вздумать даже больно,
Что между тѣмъ, какъ вся ея душа

Горитъ огнемъ, и станъ крутится гибкій,
Чело впередъ, и каблучокъ стучитъ—
Мазурку-то, смѣяся безъ улыбки,
Наигрывалъ ей римскій езуитъ!
Мы понеслись, прельстившись шумнымъ танцемъ,
И какъ, ужъ самъ не вѣдая того,
Вдругъ русскій князь врагомъ и иностранцемъ
Сталъ посреди народа своего!..

Межъ тѣмъ отъ бурь татарскаго погрома
Очнулася и поднялась Москва,
Гдѣ вся-то Русь была уже какъ дома—
Подолъ, Волынь, и Галичъ, и Литва—
Да, да, Литва—съ своей Еленой Глинской
И тысячьми искавшихъ крова тамъ
Отъ папежства и уніи латинской,
Чтобъ дѣдовскимъ быть вѣрну алтарямъ!
Народъ къ Москвѣ примкнулъ, не думавъ дольше,
А мы, князья, вождей его синклитъ,
Все носимся въ мазуркѣ, что̀ для Польши
Безъ устали играетъ езуитъ
И скрипкою ведетъ своей бѣсовской
Все дальше насъ и отъ семьи славянъ
И отъ родныхъ святынь земли отцовской,
Къ исконнымъ ихъ врагамъ, изъ стана въ станъ!..
О, нѣтъ, бѣги кто хочетъ за вампиромъ!
Какъ коренной, природный русскій князь,
Я съ предками теперь, предъ цѣлымъ міромъ,
Возобновляю порванную связь;
Всѣ съ Польшею и Римомъ узы рушу;
Какъ блудный сынъ, вернувшись въ отчій домъ,
Съ народомъ жить хочу въ едину душу
И быть своимъ въ краю своемъ родномъ!..“

То слово, князь, такъ поздно, только нынѣ,
Изъ устъ твоихъ по Руси разнеслось...
О, дай-то Богъ, чтобы не какъ въ пустынѣ
Оно въ сердцахъ заблудшихъ раздалось!
Да сгинетъ рознь въ семьѣ единородной,
И дружно Русь, свободна и свѣтла,
Пойдетъ свершать свой подвигъ всенародно,
Подъ знаменемъ двуглаваго орла!

1863.

XII.

М. Н. КАТКОВУ.

1.

Мы—москвичи! что̀ дѣлать, милый другъ!
Кинь насъ судьба на сѣверъ иль на югъ,—
У насъ вездѣ, со всей своею славой,
Въ душѣ—Москва и Кремль золотоглавый;
Въ насъ заповѣдь великая жива
И вѣра въ насъ досель не извелася,
На коихъ древле создалась Москва
И чрезъ нее—Россія создалася.
Тамъ у гробовъ іерарховъ и царей,
Намѣтившихъ великія ей цѣли,
Онѣ виднѣй, и ты поймешь яснѣй,
Куда итти, и какъ мы шли доселѣ,
И отчего, во дни народныхъ бѣдъ,
И внѣшнихъ бурь, и всякаго шатанья,
Для всей Руси, какъ дѣдовскій завѣтъ,
Родной Москвы звучало увѣщанье.
Храни жъ его, отцовъ завѣтъ святой,
Какъ Ермогенъ въ цѣпяхъ, въ тюрьмѣ сырой,—
И въ жизни путь всегда увидишь правый,
И посрамишь всякъ умыселъ лихой,
Всякъ вражій ковъ и всякъ соблазнъ лукавый.

1867.

2.

„Что̀ можетъ міру дать Востокъ?
Голышъ,—а о насущномъ хлѣбѣ
Съ презрѣньемъ умствуетъ пророкъ,
Душой витающій на небѣ!..“
Такъ гордый римлянинъ судилъ
И—палъ предъ рубищемъ Мессіи...
Не то же ль искони твердилъ
И гордый Западъ о Россіи?..
Она же вѣруетъ, что нѣсть
Спасенья въ пурпурѣ и златѣ,
А въ тѣхъ немногихъ, въ коихъ есть
Еще остатокъ благодати...

1887.

XIII.

Ѳ. И. ТЮТЧЕВУ.

Народы, племена, ихъ геній, ихъ судьбы
Стоятъ передъ тобой своей идеи полны.
Какъ вдругъ застывшія въ разбѣгѣ бурномъ волны,
Какъ въ самый жаркій мигъ отчаянной борьбы
Окаменѣвшіе атлеты...
Ты видишь ихъ насквозь, ихъ тайну ты постигъ,
И ясенъ для тебя и настоящій мигъ
И тайные грядущаго обѣты...
Но грустно зрячему бродить между слѣпыхъ,
„*Поймите лишь*,—твердитъ,—и будетъ вамъ прозрѣнье!
Поймите лишь какихъ носители вы силъ.—
И путь освѣтится, и всѣ падутъ сомнѣнья.
И дастся вамъ само, что жребій намъ судилъ!“

1874.

XIV.

18-го ФЕВРАЛЯ 1855 ГОДА.

Когда межъ насъ являлся онъ,
Какъ ратникъ вѣчно на походѣ,
Всегда какъ будто удрученъ
Заботой о своемъ народѣ;
Когда свой взоръ онъ къ намъ склонялъ,
Насквозь имъ душу проницая,
И въ сердцѣ каждаго читалъ,
Или коря, иль одобряя:
Смущался каждый передъ нимъ.
Въ немъ подъ наружной простотою
Былъ виденъ мужъ, своей рукою
Повергшій міръ къ стопамъ своимъ;
Несокрушимый въ дни невзгоды,
Съ кѣмъ въ споръ вступая, всей земли
Соединилися народы
И переспорить не могли;
Мужъ, Божьей правды вѣчно полный,
Предъ коимъ замыслы враговъ
Въ пыль сокрушалися, какъ волны
У первозданныхъ береговъ...
И что жъ?.. Россіи самодержецъ,
Который честь ея хранилъ,

А на враговъ какъ громовержецъ
Очами ужасъ наводилъ,
Онъ—палъ!.. Онъ палъ... языкъ нѣмѣетъ!
Въ испугѣ вѣрить умъ не смѣетъ!..
Онъ палъ во цвѣтѣ силъ, красы,
Труда не кончивъ начатòго—
И равновѣсья мірового
Ужель не дрогнули вѣсы?..
Онъ палъ—но палъ, какъ жилъ. Мгновенья
Не оробѣлъ предъ смертью онъ.
Покоренъ волѣ Провидѣнья,
Презрѣвши боль, сдавивши стонъ,
Преемнику бразды правленья
Спокойно, твердою рукой
Одну вручалъ онъ за другой.
Съ послѣднимъ царственнымъ урокомъ,
Съ отчетомъ царство онъ сдавалъ,
И предъ концомъ отцовскимъ окомъ
Еще Россію обнималъ.
Онъ ей пророчилъ вѣки славы,
Когда дастъ плодъ, чтò сѣялъ онъ,
И миромъ вслѣдъ войны кровавой
Край русскій будетъ обновленъ;
Онъ зналъ, что тотъ, кто росъ предъ нами,
Кого съ младенчества сердцами
Привыкли мы благословлять,—
Сынъ, обливающій слезами
Его походную кровать,
Что онъ Россіи не уронитъ,
И, какъ отецъ передъ врагомъ,
Главы вѣнчанной не преклонитъ,
И твердъ пойдетъ его путемъ.
Онъ зналъ, что Русь, усердьемъ къ вѣрѣ
Единодушно съ нимъ горя,
Ожесточенная потерей
Несокрушимаго царя,
Къ его возлюбленному сыну
Съ сугубымъ рвеніемъ примкнетъ
И, съ нимъ питая скорбь едину,
Въ ней силы новыя найдетъ.
Ты правъ, о, труженикъ великій!
Съ рыданьемъ нашимъ надъ тобой
Звучатъ воинственные клики.
Да слышитъ врагъ земли родной—

Подъ похоронныя молитвы,
Гремя мечами, мы зовемъ:
„Царь! Повели: мы жаждемъ битвы
Подъ Александровымъ орломъ!“
(1855).

XV.

„4-Е АПРѢЛЯ 1866 ГОДА“.

Все, что̀ въ груди есть русскаго у насъ,—
Оскорблено!.. Уста молчатъ, нѣмѣя
Отъ ужаса!.. Рукой безвѣстнаго злодѣя
Едва святая кровь царя не пролилась...
Царя—блюстителя строжайшаго законовъ...
И гдѣ же? Между насъ, среди своей семьи...
Царя—строителя земли,
Освободителя мильоновъ!..
Кто жъ тотъ злодѣй? Откуда вышелъ онъ?
Мы тщетно ищемъ между нами!
Изъ русскихъ—у кого нетлѣнными чертами
Любезный ликъ царя въ душѣ не впечатлѣнъ?..
Кто жъ тотъ? Откуда онъ? Изъ шайки ли злодѣйской,
Что̀ революціей зовется европейской,
Что̀ чтитъ свободою—одну свободу смутъ
И, какъ проклятіе, какъ страшный Божій судъ,
Стоитъ страшилищемъ безсмѣннымъ
За старые грѣхи надъ Западомъ надменнымъ?..
Кто жъ онъ? Изъ русскихъ ли несчастныхъ бѣглецовъ,
Что̀, позабывъ родныя всѣ преданья,
Изъ-за̀ моря, въ землѣ своихъ отцовъ
Играть затѣяли въ возстанья
И злятся, что земля идетъ своимъ путемъ,
Не такъ, какъ бы они хотѣли,
А одномышленно, къ своей великой цѣли,
И во главѣ—съ своимъ царемъ?
О, нѣтъ, несчастный, нѣтъ, не русской онъ стихіи!
Кто бъ ни былъ онъ,—онъ намъ чужой!
И нѣтъ ему корней ни въ нынѣшней живой
Ни въ исторической Россіи!
Но если онъ врагомъ подосланъ, чтобъ вселить
Межъ нами другъ ко другу подозрѣнье
И въ русскомъ царствѣ водворить
Междоусобье и смятенье,—
Смотрите: самъ Господь, хранившій Русь средь всѣхъ

Ея невзгодъ, и въ браняхъ и въ опалахъ,
Опять воздвигъ „единаго отъ малыхъ“—
Да не свершится грѣхъ!
Сомкнемся жъ вкругъ царя, съ довѣріемъ другъ къ другу,
И смѣло глянемъ въ даль, чтобъ дружный дать отпоръ
И ковамъ недруговъ, въ насъ сѣющихъ раздоръ,
И всякому наносному недугу!
Да узритъ старый міръ, возросшій на крови,
Что къ жизни насъ призвавшая свобода
Была не гибелью для русскаго народа,
А свѣтомъ Истины и царствіемъ Любви.
1866.

XVI.

БЛАГОДАРСТВЕННЫЙ ГИМНЪ О СПАСЕНІИ ЖИЗНИ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА 4-ГО АПРѢЛЯ 1866 Г.

(Слова на музыку К. Н. Лядова въ концертъ В. А. Кологривова 1-го мая).

ХОРЪ.

Сохранилъ Ты намъ, Господи,
Государя любимаго
Отъ бѣды отъ великія!
Оберегъ землю русскую
Отъ грѣха, отъ погибели!
Слава Тебѣ, Господи, слава!

ОДИНЪ ГОЛОСЪ.

Пошли ему, о, Боже правый,
И дней и славы безъ конца!
Да всякій врагъ и ковъ лукавый
Исчезнетъ отъ его лица!
Да все заблудшее прозрѣетъ,
Какъ за вождемъ пойдетъ за нимъ!
Да все яснѣетъ и яснѣетъ
Призванье наше намъ самимъ:
Зачѣмъ, средь бурь, взросла Россія,
А отъ купели приняла
Ее—не Римъ—а Византія,
И православной нарекла?
Всѣ угнетенные народы
Хранятъ пророчества объ ней:
Какихъ задачъ, какой свободы,
Какихъ судебъ—разгадка въ ней?
Уже грядущихъ дней мерцанье,

Какъ на вершинахъ горъ заря,
Легло на мудрыя дѣянья
Тобой намъ даннаго царя.
Храни жъ его! Какъ добрый геній,
Россіи посланный Тобой,—
Пусть онъ въ вѣнцѣ благословеній
Стоитъ надъ русскою землей!
Да подъ его десницей смѣлой
Умирена, укрѣплена,
На предстоящее ей дѣло
Преображается она!
1866.

XVII.

КАЗАКЪ.

(Дѣтямъ —мъ).

Самобытное созданье
Русской вольной старины.
Зѐмли, царства покорявшій
За царя родной страны,

Ты откуда путь свой держишь?
Пролетѣлъ, припавъ къ лукѣ,
На худомъ, но на бѣдовомъ,
На степномъ своемъ конькѣ?

Отъ студеной ли Торнеи,
Гдѣ всю зиму солнца нѣтъ,
Гдѣ поглядывалъ ты зорко,
Какъ ведетъ себя тамъ шведъ?

Иль отъ Нѣмана и Вислы,—
Чай, повѣдаешь, что тамъ
Все пока благополучно,
Но дремать не надо намъ?

Иль отъ Чернаго ты моря,
Гдѣ, разъѣздъ держа, свой взглядъ
Устремлялъ не разъ ты жадно,
Черезъ море, на Царьградъ?

Отъ Востока ль, гдѣ народы
На тебя, богатыря,
Какъ на вѣстника взирали
Воли бѣлаго царя,

Ты летишь сказать, что новый
О подданствѣ проситъ край?
Что съ казацкаго пикета
Былъ ужъ виденъ Гималай?

Иль ужъ годы отслужилъ ты,
И на родину твой путь?..
То-то встрѣча будетъ, спросы,
Не дадутъ и отдохнуть!

Тамъ въ кругу своихъ засядешь,
Въ долгу ночь у огонька,
Какъ и пращуръ твой, быть-можетъ,
Другъ-сподвижникъ Ермака:

Тотъ же духомъ, тотъ же вѣрой,
Новизнами не смущенъ,
Вѣдь какимъ ушелъ ты съ Дона,
И прійдешь на тихій Донъ!

И тебя, тѣсняся, будутъ
Слушать дѣтки до зари,
И потомъ такіе жъ выйдутъ
Какъ и ты—богатыри!

1869.

XVIII.

ВЪ АЙЯ-СОФІИ.

Господи! Что̀ тамъ за шумъ? Что̀ за люди? Какое смятенье?
Храмъ весь, алтарь, оба клироса, хоры—все полно народомъ!
Крики... стенанья... Волной непрерывной толпа прибываетъ...
Женщины, дѣти... лохмотья и бархатъ, расшитый орлами...
Въ затканной золотомъ тогѣ—старикъ—голова безъ покрова—
Очи навыкатъ—бѣжитъ, озираясь, и за руку тащитъ
Внука-малютку—другой ему крѣпко сжалъ шею...
Вонъ—быстро
Слуги царицу въ носилкахъ проносятъ... Вотъ юноша-воинъ:
Шлемъ опрокинутъ—густою волной изъ-подъ шлема разсыпа-
лись кудри—
Взоры блуждаютъ.—„Пустите“, кричитъ онъ несущимъ, и кровью
Облиты латы, и кровь изъ-подъ нихъ такъ и льется на мраморъ...
Въ окна, въ раскрытыя двери весь храмъ наполняется дымомъ—
Свѣчъ предъ иконами тускнетъ сіянье—и крики и стоны
Здѣсь и извнѣ все слилось съ возрастающимъ грохотомъ пушекъ...
Но „Ворвались! ворвались!.. Императоръ убитъ!“—отдается

Въ пушечномъ гулѣ однимъ потрясающимъ зданіе визгомъ!
Кровью облитые воины въ храмъ отступаютъ, сражаясь:
„Двери закладывать! Турки за нами!..“ Захлопнулись двери.
Въ двери тараны стучатъ: вся толпа на мгновенье стихаетъ,
Всѣ къ алтарю воздѣваютъ съ молитвеннымъ возгласомъ руки—
Тамъ же—идетъ литургія: діаконъ, іерей сѣдовласый
Съ чашей выходитъ народъ причастить святыхъ таинъ...
Мгновенье—
Рухнули двери—и въ бѣлыхъ чалмахъ янычары—ужъ всюду—
Рубятъ направо, налѣво, на хорахъ—и валятся трупы
Съ горъ, съ галлерей, сюда внизъ, въ эту общую свалку... и горы
Труповъ растутъ... „Сторонись! убирайте тѣла! очищайте дорогу—
Самъ падишахъ!“—возглашаетъ проворно вбѣгающій евнухъ:
Спѣшно швыряютъ тѣла къ сторонамъ, очищая средину;
Мертвыхъ, живыхъ, умирающихъ вдругъ двѣ стѣны взгромоздились—
И на конѣ онъ въѣзжаетъ—и—радостный взоръ устремивши подъ куполъ—
Мечъ обнаженный въ рукѣ, а въ другой Магометово знамя—
„Слава Аллаху!“—гласитъ, пораженный величіемъ храма...
Старецъ-іерей между тѣмъ, продолжая служенье, подъемлетъ
Съ пѣньемъ святые дары—и идетъ—и предъ нимъ вдругъ разверзлась
Арка въ алтарной стѣнѣ—и вошелъ онъ—и арка замкнулась...
Вотъ что̀ мнѣ видѣлось въ Айя-Софіи... И правдой казалось
Дней тѣхъ преданье: въ тотъ мигъ, какъ уже разрушенье свершилось
Въ храмѣ послѣднихъ святынь, и иконъ, и крестовъ, и покрылись
Известью лики святые на золотѣ стѣнной мусіи,—
Въ оную ночь въ о̀кна купола, вдругъ, освѣтивши весь городъ,
Свѣтъ необычный исшелъ, и раскрылося небо—и тихо
Свѣтъ сей пріявши, закрылось опять—и сей свѣтъ былъ—Господня
Храму сему благодать, отошедшая паки на небо...
И по ся дни стоятъ голыя стѣны—чертогъ опустѣлый,
Гдѣ, за отбытьемъ владыки, вселилися пришлые люди.
Гдѣ же владыка?.. Искалъ я глазами—гдѣ арка, въ которой
Скрылся съ дарами іерей,—и когда же разверзнется, ждалъ я,
И—какъ предсказано было—онъ выйдетъ опять съ той же чашей,
Прерванный чинъ литургіи окончить, при возгласахъ славы,
Свѣтлый воскресный канонъ воспѣвая... и известь исчезнетъ,
И—уже тонко сквозящійся нынѣ—Спасителя обликъ
Купно со всѣми святыми опять просіяетъ на златѣ
Вкругъ загорѣвшейся снова мусіи...

Константинополь. 1888.

XIX.

ПЕРЕДЪ ВОЙНОЙ.

„По мѣстамъ! по мѣстамъ!“—грозный окликъ идетъ...
Поднялся старый нашъ воевода,
Поднялся и надъ Русью летитъ и зоветъ,
И всѣ чуютъ—идетъ, знать, невзгода!

„По мѣстамъ! по мѣстамъ!—воевода зоветъ:—
Всякъ радѣй государеву дѣлу—
Вѣру тверду держи, совѣсть чисту и бѣлу,
Ибо часъ настаетъ, настаетъ!..

Врагъ могучъ и хитеръ! по мѣстамъ, по мѣстамъ!
И насторожѣ око и ухо:
Бой повсюду пойдетъ, по землѣ, по морямъ,
И въ невидимой области духа“.

1870.

XX.

ЭКСПРОМПТЪ.

(По поводу торжества присоединенія чеховъ къ православію въ 1870 г.)

Они сегодня снова обрѣли
Тò, чтò у нихъ насиліе украло,
За что на казнь ихъ мученики шли,
Чтò—лишь въ крови потопленное—пало:
Глаголъ Христовъ на языкѣ родномъ
И братское изъ чаши причащенье,
Скрѣпившее еще однимъ звеномъ
Сердецъ ихъ съ нами единенье...

Съ мольбами ихъ свои соединимъ:
Въ ихъ подвигѣ пророчество таится—
Не въ церкви ли, отверстой нынѣ имъ,
Всего славянства жребій совершится?..

1870.

XXI.

THE EMPRESS OF INDIA.

Зовись преемницей Пророка,
Зовись избранницей боговъ,—
Не быть царицею Востока
Тебѣ въ глазахъ его сыновъ!
Тамъ живы древнихъ лѣтъ вѣщанья,

Они, какъ бы изъ нѣдръ земли,
Сквозь вѣковыя испытанья
Въ сердцахъ народовъ проросли...
Тамъ вѣрятъ искони завѣту,
Что вотъ—близка, близка заря,
И царство тьмы уступитъ свѣту,
Господству бѣлаго царя.
1877.

XXII.

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ 1877—1878 ГОДА.

1.

Опять горитъ Востокъ! Опять и кровь и стонъ,
Спаленныя поля, насилье, смерть, проклятья!
Опять—блуждающихъ въ горахъ дѣтей и женъ
Ко братьямъ о Христѣ молящія объятья!

Европа на сей разъ внимаетъ ихъ мольбамъ...
Но взоры ихъ слѣдятъ за дальнею Россіей,
Тамъ—царь-помазанникъ! Стратигъ Востока—тамъ!
Туда указано, предъ смертью, Византіей...

И знаетъ это Русь... и долгъ свой приняла—
И былъ онъ для нея, что свѣтъ для морехода;
И мысль великая въ ней крѣпла и росла
И въ разумѣ царей и въ чаяньяхъ народа...

Ужъ близокъ Николай у цѣли былъ... Но Богъ
Еще отсрочилъ день... Настала ли година?
Чего могучій духъ отца свершить не могъ,
Не суждено ль свершить, быть-можетъ, сердцу сына?
1876.

2.

КЪ КАРТИНѢ АЙВАЗОВСКАГО.

Воздушный этотъ крестъ—ты понялъ—онъ всегда,
Съ таинственныхъ высотъ всегда сіялъ надъ нами!..
Онъ шелъ предъ нашими полками,
Какъ Виѳлеемская звѣзда
Въ чудесную ту ночь, предъ тѣми пастухами,
Что первые привѣтствовать пришли
Благую вѣсть любви и мира на земли...

Онъ велъ насъ за Дунай, въ трудахъ во дни и ночи,
На высоты Балканъ, гоня предъ нами тьму...

И падшихъ, съ поля битвъ, тускнѣющія очи
Съ послѣднею мольбой стремилися къ нему...

Сіялъ онъ надъ простымъ, походнымъ лазаретомъ,
Въ сердцахъ тѣхъ чудныхъ женъ, что, бросивъ домъ и кровъ,
И нѣгу и покой,—простилися со свѣтомъ
И погреблись въ трудѣ—святѣйшемъ изъ трудовъ...

Онъ—вождь нашъ искони; и имъ лишь предводима,
И чувствуя его сіянье надъ собой,
Какъ Божье воинство, съ безтрепетной душой,
Русь отъ начала лѣтъ поднесь непобѣдима.

XXIII.

НА 25-ЛѢТІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА 19 ФЕВРАЛЯ 1880 г.

Когда въ разрывѣ бурныхъ тучъ
За пролетѣвшимъ ураганомъ
Блеснетъ внезапно солнца лучъ
По залитымъ водой полянамъ,
По бурей взломаннымъ лѣсамъ,—
А вкругъ по сушѣ и морямъ
Гремятъ раскаты громовые,
И тучи новыя кругомъ,—
Такой явилася Россія
Предъ молодымъ своимъ царемъ,—
И онъ, еще сжимая руку
Похолодѣвшую отца,
Взглянулъ кругомъ—какую муку
Тутъ испыталъ онъ... Безъ конца
Казались бѣды и напасти,
Но, въ Бога и народъ свой онъ
Великой вѣрой укрѣпленъ,
Покорно принялъ бремя власти...

И двадцать пять минуло лѣтъ—
Надъ Русью новый свѣтитъ свѣтъ,
А съ затаенными громами
Все тѣ же тучи, тьмы за тьмами,
Обволокли со всѣхъ сторонъ
Нашъ прояснѣвшій небосклонъ.
И не пойметъ нашъ взоръ смущенный,
Чѣмъ наша Русь для нихъ страшна?
Мы сила въ мірѣ—насъ мильоны—

Но эта сила—въ чемъ она?
Смотрите: вотъ алтарь походный:
Царь передъ нимъ; полки кругомъ,
И нѣтъ конца толпѣ народной.
И мигъ!—предъ поднятымъ крестомъ
Священный шелестъ пробѣгаетъ,
Склонились долу знамена,
И царь колѣно преклоняетъ
И все за нимъ—бѣжитъ волна
Во все людское это море!..
Одна молитва въ каждомъ взорѣ,
Одна у всѣхъ звучитъ струна,
Одно роднитъ всѣхъ умиленье,
Одинъ у всѣхъ источникъ слезъ,
Одинъ въ сердцахъ у всѣхъ—смиренья
Примѣръ подавшій намъ Христосъ!

Мы сильны—лишь боряся съ ложью,
Въ дѣяньи чуя правду Божью,
Христа миротворящій духъ.
И полонъ имъ, царь молвитъ слово:
„Да разрѣшатся узы!“—вдругъ
Спадаютъ узы. Молвитъ снова:
„Тамъ страждетъ братъ нашъ о Христѣ...“—
И Русь идетъ, и, какъ вожатый,
Ей все предносится Распятый,
Насъ искупившій на крестѣ.

Ты, государь, съ твоимъ народомъ
Одна душа! Господь, продли
Твой вѣкъ земной, да съ каждымъ годомъ
Крѣпчаетъ мощь родной земли!
Да просвѣтляется въ сознаньи
И въ заблудившихся умахъ
То, что святится, какъ преданье,
Какъ долгъ, какъ Божье указанье
По всей Руси, во всѣхъ сердцахъ!

(1880).

XXIV.

КАНТАТА,

исполнявшаяся на парадномъ обѣдѣ въ день вѣнчанія на царство

Е. И. В. Государя Императора Александра Александровича.

Съ мала ключика студёна потекла рѣка;
Съ невелика зачиналась каменна̀ Москва,
Наѣзжали тутъ князья тѣшиться,
По темнымъ лѣсамъ кабана ловить,
Въ тихихъ заводяхъ лебедей стрѣлять.

Гой, не туча въ синемъ небѣ разстилается:
Злы татары, валъ за валомъ, по Руси валятъ...
Не видать въ дыму красна солнышка,
Стономъ стонъ стоитъ по лицу земли,
Гдѣ не бьютъ людей, гонятъ полоны...

Полонянннички идутъ, другъ друга спрашиваютъ:
„Изъ которой веси ты, какого города?“
—„Я изъ Кіева—изъ Чернигова—
Я изъ Суздаля—изъ Владимира—
Ты прости навѣкъ, милъ-родимый градъ!“

Ты ли, Господи, въ конецъ на Русь прогнѣвался!
Ни пощады ей не будетъ, ни спасенія?..
Въ людяхъ рознь идетъ, въ князьяхъ которы,
Гдѣ ни глянь кругомъ—темна ночь лежитъ,
Темна ночь лежитъ, непроглядная...

То не звѣздочка
Засвѣтилася
Въ непроглядной тьмѣ;

То зажглась свѣча
Воску яраго
Въ каменной Москвѣ;

Зажигалъ ее
Тамъ святитель Петръ
Да московскій князь...

Запримѣтили
Люди русскіе
Сдалека ее;

Ободрилися,
На нее глядятъ,
Богу молятся...

А она горитъ,
Разгорается,
Свѣтитъ всей Руси;

А московскій князь
Возвышается,
Думу думаетъ...

Думу думаетъ,
Дѣло дѣлаетъ,
Не торопится.

Часъ ударилъ жданный, радостный!
Колокольный звонъ по всей Руси,
И молебны по церквамъ поютъ!
И по всей землѣ веселіе!
Словно мутны воды вешнія,
Золота-Орда растаяла,
Отъ святой Руси отхлынула.
Пронеслися тучи черныя,
Вышло солнце изъ-за черныхъ тучъ:
Засвѣтился имъ московскій Кремль,
Золотыя церквей маковки,
А въ палатѣ узорочатой
Всѣхъ свѣтлѣй сидитъ и радостнѣй
На престолѣ самъ московскій князь,
Самодержецъ всея Русіи,
А не ханскій уже данничекъ:
Его ноженькой растоптана
Басма ханская тутъ валяется,
И бѣгутъ съ метлою конюхи
Выметать ее на задній дворъ.

Ужъ какъ изъ лѣса, лѣса темнаго
Богатырь выѣзжалъ въ поле чистое,
Въ поле чистое, во великій свѣтъ.
Погулять ему бъ, да потѣшиться,
Силой-удалью похвалитися...
Да какъ вышелъ онъ во великій свѣтъ,
Увидали его люди Божіи

Ото всей страны, отъ восточныя,
И взмолилися, громко плачутся:
„Одолѣли насъ силы темныя!
Церкви Божьи у насъ всѣ поруганы,
Наши царства всѣ ниспровергнуты,
Царство Сербское, и Иверское,
И Болгарское, и великъ-престолъ
Константинова Царя-города!
Ты для всѣхъ теперь для восточныхъ странъ
Что̀ звѣзда взошла виѳлеемская,
Во своей святой каменной Москвѣ!
Возлюбилъ тебя и избралъ Господь—
Повязать тебѣ Константиновъ мечъ
И вѣнчаться вѣнцомъ Мономаховымъ.
Сирыхъ быть тебѣ да защитникомъ!
Поплѣненныхъ быть избавителемъ,
Вѣры правыя быть поборникомъ!
О Москвѣ жъ твоей се пророчество:
„Пали два Рима—третій стоитъ,—
А четвертому не быть“.

Мнѣ ли, Господи,
Мнѣ ль по силамъ Ты
Тяжкій крестъ даешь!
Недостоинъ есмь
Твоея любви!
Развѣ Ты мнѣ дашь
Силу крѣпкую...
Умудришь меня
Своей мудростью...
Я, какъ вѣрный рабъ,
Предаюсь Тебѣ,
И готовъ въ огонь
И во всяку скорбь,
Ибо дорогъ мнѣ
Не земной почетъ,
А Христовъ вѣнецъ.

По Руси пошелъ стукъ и громъ большой,
Чтобъ сковать себѣ броню крѣпкую,
Броню крѣпкую—не себѣ одной,
А что̀ есть людей межъ пяти морей,

Чтобы жить имъ всѣмъ за одну семью,
За одну семью, подъ однимъ вождемъ,
Правды Божеской только ищучи
И за ближняго не жалѣючи
Во спасеніе сложить голову,
Ибо выше нѣтъ, какъ сія любовь...
Ради славы той потрудилися
Всѣ цари ея благовѣрные
И всѣ предки твои, царь возлюбленный,
Днесь на царствіе намъ помазанный,
Добродѣтельми изукрашенный,
Божьей милостью намъ дарованный,

И гряди жъ въ ихъ путь, православный царь!
И великимъ твоимъ царскимъ дѣланьемъ
И смиреньемъ твоимъ передъ Господомъ,
О тебѣ сердца твоихъ подданныхъ
Да возрадуются!
И пройдетъ твоя далеко во людяхъ
Слава!

Слава Богу на небѣ, слава!
Государю нашему на сей землѣ—слава!
Государынѣ супругѣ его—слава!
Государю наслѣдничку его—слава!
Всему царскому дому его—слава!
И всему народу его—слава!
Его вѣрнымъ слугамъ—слава!
Именитымъ гостямъ его—слава!
Чтобы правда была на Руси
Краше солнца свѣтла—слава!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Хлѣбу честь воздаемъ—слава!
Старымъ людямъ на утѣшенье,
Добрымъ людямъ на услышанье—слава!
Слава во̀ вѣки вѣковъ—слава!

1883.

XXV.

Въ день вѣнчанія на царство
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
Государя Императора Александра Александровича.

Радугой встрѣченъ при въѣздѣ въ Москву...
Солнцемъ внезапно, къ народу въ вѣнцѣ выходя, осіянъ...
Голубь, влетѣвшій въ окошко въ соборъ,
Плавно надъ нимъ, на престолѣ стоящимъ, кружитъ...
Склоненъ нашъ умъ видѣть знаменье свыше во всемъ:
Радуга—гнѣву ль Господню конецъ?
Солнце—Божественный свѣтъ, озаряющій путь?
Голубь—Святаго и Животворящаго Духа покровъ?
Это ль преддверье грядущаго вѣка для насъ?

1883.

XXVI.

НА СОБЫТІЕ 17-го ОКТЯБРЯ.

Не намъ—что̀ наше вдохновенье!
Не намъ тутъ говорить, не намъ!
Что̀ значитъ пташки малой пѣнье,
Небеснымъ вторящей громамъ!

Тутъ—ураганы! Тутъ—стихіи!
Тутъ подняты, тутъ взмущены
Сердецъ народныхъ всей Россіи
Заповѣдныя глубины!

Предъ ней, предъ всею стомильонной,—
Одно изъ Божіихъ чудесъ:
Стремится, славой окруженный,
Сонмъ Божьихъ ангеловъ съ небесъ

И, средь крушенья массъ желѣзныхъ,
Хранитъ царя, его семью;
И Самъ Господь съ высотъ надзвѣздныхъ
Простеръ надъ ними длань Свою...

И зримъ—отъ хладной Полуночи
До Гималая образъ сей,
И упиваются имъ очи,
И слезы льются изъ очей...

1888.

XXVII.

Къ портрету Государя Императора АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Въ томъ царская его заслуга предъ Россіей.
Что, царь, онъ вѣрилъ самъ въ устои вѣковые,
На коихъ зиждется россійская земля;
Ихъ громко высказалъ; и какъ съ высотъ Кремля
Ивановъ колоколъ ударилъ, и въ мгновенье
Всѣ сорокъ сороковъ въ Христово Воскресенье
О свѣтломъ праздникѣ по Руси возвѣстятъ,—
Такъ слово царское, летя изъ града въ градъ,
Откликнулось вездѣ народныхъ силъ подъемомъ,
И, какъ живительнымъ весеннимъ первымъ громомъ,
Вдругъ къ жизни призваны, очнутся долъ и лѣсъ,
Воскресла духомъ Русь, сомнѣній мракъ исчезъ;
И то, что̀ было въ ней лишь чувствомъ и преданьемъ,
Какъ кованной бронёй, закрѣплено сознаньемъ.

1894.

XXVIII.

НА СПАСЕНІЕ ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ВЪ ЯПОНІИ.

Царственный юноша, дважды спасенный!
Явленъ двукраты Руси умиленной
Божія Промысла щитъ надъ тобой!
Вихремъ промчалася вѣсть громовая,
Скрытое пламя въ сердцахъ подымая
Въ общемъ порывѣ къ молитвѣ святой.
Съ этой молитвой—всей русской землей,
Всѣми сердцами ты глубже усвоенъ...
Шествуй же въ путь свой и бодръ и спокоенъ,
Чистъ передъ Богомъ и свѣтелъ душой.

1891.

XXIX.

ЗАВѢТЪ СТАРИНЫ.

Снилось мнѣ: по всей Россіи
Свѣтлый праздникъ—древній храмъ—
Звонъ, служенье литургіи,
Блескъ свѣчей и ѳиміамъ,—

На амвонѣ жъ, въ ѳиміамѣ,
Точно въ облакѣ, стоитъ
Старцевъ сонмъ и намъ, во храмѣ
Преклоненнымъ, говоритъ:

„Труденъ въ мірѣ, Русь родная,
Былъ твой путь; но дни пришли—
И, въ свой новый вѣкъ вступая,
Ты у Господа моли,

Чтобъ въ сынахъ твоихъ свободныхъ
Коренилось и росло
То, что въ годы бѣдъ народныхъ,
Осѣнивъ тебя, спасло;

Чтобы ты была готова,—
Сердце чисто, духъ великъ,—
Стать на судище Христово
Всѣмъ народомъ каждый мигъ;

Чтобъ, въ вождяхъ своихъ сіяя
Силъ духовныхъ полнотой,
Богоносица святая,
Міръ вела ты за собой

Въ свѣтъ—къ свободѣ безконечной
Изъ-подъ рабства суеты,—
На исканье правды вѣчной
И душевной красоты“...

1880.

XXX.

СУДЪ ПРЕДКОВЪ.

(Посв. К. К. Случевскому).

De ta tige détachée,
Pauvre feuille desséchée
Où vas-tu? Je n'en sais rien...
Je vais où le vent me mène...
Arnault.

„Попы увели народъ въ унію, попы и назадъ приведутъ... Такъ и наука...“
(Изъ одного разговора).

1.

Къ кончинѣ близокъ князь Андрей.
Онъ причастился. Слабый свѣтъ
Лишь тонкихъ нѣсколькихъ лучей
Прорвался въ темный кабинетъ.

Предъ умирающимъ сидитъ
На креслахъ сынъ. Примчался съ водъ,
Отцомъ былъ выписанъ. Глядитъ
И думаетъ: „Ну, что̀ же?.. Вотъ

Два вѣка тутъ лицомъ къ лицу!
Какая жъ между ними связь?
Давно душой я чуждъ отцу,
Давно всѣмъ чуждъ мнѣ старый князь!

Во Франціи—легитимистъ;
Здѣсь—недовольный камергеръ,
Спиритъ, ханжа и піэтистъ
И bel'ésprit à la Вольтеръ;

Какъ совмѣщалось это въ немъ—
Богъ вѣсть!.. Но онъ себя считалъ
Какой-то истины столпомъ,
Какой—и самъ не понималъ!“

Въ то жъ время думалъ старый князь:
„Да, мы уходимъ!.. Да, огни
Всѣ другъ за другомъ гаснутъ!.. Грязь
Встаетъ, идетъ... tout est fini!..

И тотъ изящный, внѣшній блескъ,
И грація, и умъ, и вкусъ,
Et cet ésprit chevaleresque!..
Вотъ съ сыномъ даже расхожусь!

Онъ—фантазеръ! стоялъ горой
За „эти мѣры“—дождался,
Да между небомъ и землей
Повисъ!.. и все не унялся—

Опоры ищетъ,—да ихъ нѣтъ!..“
Но вдругъ старикъ раскрылъ глаза,
Какой-то новой мысли свѣтъ
Блеснулъ въ лицѣ—онъ поднялся

И—„Serge,—промолвилъ:—обѣщай—
Положимъ, ужъ капризъ такой—
Когда умру, приди, читай
Псалтырь ты въ церкви надо мной.

Какъ разсказать тебѣ! Хоть ночь!
Вотъ видишь, я вѣдь тоже былъ...“
Но стало старику не въ мочь,
И онъ въ постель упалъ безъ силъ,—

Да и навѣки замолчалъ!
И черезъ мигъ въ дому, крестясь,

Въ испугѣ каждый повторялъ
(Хоть ждали всѣ): „скончался князь!“

2.

И вотъ въ сосѣдній монастырь
Свезенъ онъ съ должнымъ торжествомъ,
И сынъ идетъ читать Псалтырь
Въ старинной церкви надъ отцомъ.

Онъ пренебрегъ бы, можетъ-быть,
Но поднялся кругомъ ужъ толкъ,
Да кто-то вздумалъ подтрунить—
Выходитъ: тутъ ужъ чести долгъ!

Въ загробный міръ, ни въ міръ чертей,
Конечно, ужъ не вѣрилъ онъ...
Но—мракъ, мерцаніе свѣчей,
И лики строгіе иконъ,

И храмъ, весь полный старины,
Гдѣ все о предкахъ говоритъ,
Гдѣ всѣ они схоронены,
Гдѣ полъ изъ ихъ надгробныхъ плитъ,

Отецъ, вступающій въ ихъ кругъ
Теперь же, какъ пришлецъ домой—
И въ этомъ царствѣ мертвыхъ вдругъ
Одинъ лишь онъ стоитъ живой.

И князь внимательнѣй глядитъ
Во мракъ по нишамъ и угламъ...
Вонъ отъ хоругвей тѣнь дрожитъ
До самыхъ сводовъ по стѣнамъ...

Вонъ мѣсто княжеское, гдѣ
Подъ балдахиномъ, съ ихъ гербомъ,
Отъ предка, павшаго въ Ордѣ,
Преемственно, сынъ за отцомъ,

Стоялъ старѣйшій въ родѣ... Былъ
Когда-то княжескій престолъ
На этомъ мѣстѣ... Князь открылъ
Псалтырь; псаломъ иль два прочелъ,

А мысль идетъ сама собой:
„Всей этой древности—князей,
Когда-то спорившихъ съ Москвой,
Потомъ служившихъ вѣрно ей,

Всѣхъ этихъ жизней—я итогъ!
Со всѣмъ народомъ, вся семья,

Всѣ жили, какъ велѣлъ имъ Богъ.
Росли, какъ боръ сплошной... А я?
Что̀ я?.. Отпадшій листъ для нихъ...
А могъ ли не отпасть?.. Вопросъ!..
Теперь бы на землѣ такихъ
Отпадшихъ листьевъ набралось
На добрый островъ! Всѣхъ племенъ
И всѣхъ народовъ!.. Человѣкъ
Повсюду рвется изъ пеленъ,
Идемъ, куда ведетъ насъ вѣкъ...“
Читаетъ князь, а мысль опять:
„Но были жъ и у нихъ умы...
Сумѣли жъ изъ клочковъ создать
Они—имперію!.. А мы?..
Что̀ начинаемъ мы собой?..
Бѣдняжка, сорванный листокъ
Въ разлукѣ съ вѣткою родной,
Куда летишь?..“—и князь не могъ,
Чтобъ не вздохнуть... невольно сталъ
Читать все тише... Вотъ пѣтухъ
Пропѣлъ въ деревнѣ... Князь усталъ,
Онъ опустился въ кресла. Вдругъ
Онъ слышитъ шорохъ, легкій шумъ—
Какъ бы пронесся вѣтерокъ—
Князь—этотъ здравый, бодрый умъ—
Взглянулъ—и ужъ дохнуть не могъ...
Какъ будто на туманъ иль дымъ
Фонарь волшебный наведенъ—
Полупрозрачные—предъ нимъ—
Толпа людей—мужей и женъ,
Дѣтей и старцевъ... Впереди
Въ камзолахъ шитыхъ, въ парикахъ,
Звѣзда и лента на груди,
А дамы съ мушкой на щекахъ...
За стариками въ парикахъ
Другіе были старики
Въ боярскихъ шапкахъ, въ бородахъ,
Виднѣлись шлемы, клобуки...
Былъ на однихъ нарядъ свѣжѣй,
На комъ давно ужъ полинялъ,
Чѣмъ дальше—то тускнѣй, темнѣй,
И лишь металлъ одинъ сверкалъ...

И вотъ, противъ амвона, вдругъ
Всѣ разодвинулись—сидитъ
Подъ балдахиномъ витязь... Вкругъ
Какъ будто судей сонмъ стоитъ...

Свѣтъ прямо падаетъ на нихъ...
На витязѣ—вѣнецъ. Всѣ ждутъ...
Торжественное что-то... Мигъ—
И двое, видитъ князь, ведутъ

Его отца!.. Знакомый фракъ—
И камергерскій ключъ... Да! онъ!..
Что̀ жъ это?.. Судятъ?.. Судятъ?.. Такъ!
Отецъ поникъ, совсѣмъ смущенъ...

Судъ предковъ—за̀ душу свою
Отвѣтишь Богу, молъ, а намъ
Повѣдай, какъ служилъ царю,
Хулы не нажилъ ли отцамъ...

Никакъ читаютъ приговоръ?..
Старикъ шатнулся и закрылъ
Лицо руками... Къ сыну взоръ,
Къ нему, съ мольбою обратилъ,

Зоветъ его, и князь спѣшитъ
На зовъ отца, вскочилъ... Но вмигъ
Исчезло все... Въ гробу лежитъ,
Сквозясь чрезъ кисею, старикъ...

Пылаютъ свѣчи... мракъ кругомъ
Въ мерцаньи ихъ какъ бы дрожитъ...
Вотъ Спасъ въ окладѣ золотомъ
Въ возглавьѣ гроба... Князь глядитъ—

И — какъ случилось — по сей часъ
Не помнитъ онъ: сама тогда
Рука невольно поднялась,
И онъ — перекрестился!.. Да,

Перекрестился въ первый разъ
По многихъ лѣтахъ... „Это сонъ“,
Онъ повторялъ, но мысль неслась
Туда, въ ту глубину временъ,

Что̀ вдругъ раскрылась передъ нимъ
Уже не мертвой пустотой,
А чѣмъ-то цѣлымъ и живымъ—
Какой-то силой роковой,

Которой все уже давно,
Что̀ насъ волнуетъ и крушитъ,
Разрѣшено, умирено...
„Ахъ, сонъ все это!“—князь твердитъ...

3.

Но сонъ иль нѣтъ—не въ томъ вопросъ;
А только послѣ похоронъ
Уѣхать тотчасъ не пришлось
Въ края чужіе князю. Онъ

Занялся склепомъ. Много въ немъ
Затѣялъ передѣлокъ. Крестъ
Велѣлъ позолотить. Потомъ
Опять замедлился отъѣздъ:

Сталъ очищать онъ старый домъ;
Открылъ, что это вѣдь музей!
Сокровища нашлися въ немъ
Вѣдь отъ временъ еще царей!

И кипы грамотъ въ кладовыхъ,
И писемъ цѣлая гора!
Да вѣдь какія? Между нихъ—
Екатерины и Петра!

Ну, какъ же ихъ не разобрать!
И принялся читать ихъ князь,
Межъ ними связь возстановлять,
Съ исторіей вводить ихъ въ связь...

Понадобилось книгъ — и годъ
За годомъ время въ вѣчность мчитъ,—
Одинъ, всѣ ночи напролетъ,
Зарывшись въ книги, онъ сидитъ

И пишетъ рода своего
Исторію... И чудно всѣмъ:
Совсѣмъ нельзя узнать его!
Другой сталъ человѣкъ совсѣмъ!

Россія стала для него
Святыней, избранной страной;
Ея началамъ торжество
Пророчитъ въ жизни міровой.

„Не могутъ-де ея понять;
Все точку зрѣнія берутъ
На міръ изъ Рима! Надо взять
Изъ Византіи — и поймутъ!..“

Такое свойство, впрочемъ, есть
Въ исторіи россійской: тотъ,
Кто вздумалъ за нее засѣсть,—
Пиши пропалъ: съ ума сойдетъ!

Одинъ профессоръ, — онъ въ Москвѣ
Средь нашихъ умственныхъ свѣтилъ
Стоялъ едва ль не во главѣ,—
Серьезно это говорилъ.

1880.

VI.

ЮБИЛЕИ.

ЮБИЛЕЙ ШЕКСПИРА.

Преданья Сѣвера изображаютъ бога
Сѣдящимъ высоко надъ областью громовъ:
Спокойный, видитъ онъ изъ свѣтлаго чертога
И землю, и моря, движенье облаковъ,
Полетъ воздушный птицъ, могучій ходъ китовъ,
И быстрый лани бѣгъ; онъ взглядомъ проникаетъ,
Какъ накипаетъ мѣдь и золото въ горахъ,
Какъ дубъ растетъ, какъ травка прозябаетъ,
Какъ въ человѣческихъ сердцахъ
Родится мысль, растетъ и созрѣваетъ.
Таковъ и ты, Шекспиръ!
Какъ сѣверный Одинъ
На человѣчество съ заоблачныхъ вершинъ
Взиралъ ты! Зналъ его—и у кормила власти,
Въ лохмотьяхъ нищаго, въ порокахъ, во враждѣ;
Но, кистью смѣлою его рисуя страсти,
Давалъ угадывать вездѣ
Высокій идеалъ, который предъ тобою
Въ величьѣ божескомъ сіялъ
И темный міръ людей, съ ихъ злобой и враждою,
Какъ солнце бурную пучину, озарялъ...

И триста лѣтъ прошло—и этотъ идеалъ
Вездѣ теперь родной для всѣхъ народовъ сталъ.
Съ запасомъ всѣхъ личинъ, костюмовъ, декорацій,
Съ толпой царей, принцессъ, шутовъ, и фей, и грацій,
По шумнымъ ярмаркамъ, средь городовъ и селъ—
Ты тріумфаторомъ по всей землѣ прошелъ:
Вездѣ къ тебѣ толпа восторженно стремилась,
И за тобой, какъ за орломъ,
Глубоко въ небо уносилась
И съ этой высоты на міръ глядѣть училась
Съ боязни полнымъ торжествомъ!

Счастливъ, счастливъ народъ, котораго ты сынъ,
Чья мощь, чей смѣлый духъ твой воспитали геній!
Какъ гордъ онъ въ этотъ день, подъ гулъ земныхъ хваленій,
Несущихся къ тебѣ, искусства исполинъ!
Но въ дни, когда ты цвѣлъ, и смѣло и свободно
Британскій флагъ вступалъ ужъ въ чуждыя моря,
Ты смутно лишь слыхалъ о *Руссіи* холодной,
Великолѣпіи московскаго царя,
Боярахъ въ золотой одеждѣ, свѣтозарныхъ
Палатахъ, гдѣ стоитъ слоновой кости тронъ
И возсѣдаетъ самъ владыка странъ полярныхъ,
Безмолвіемъ и славой окруженъ...

Товарищъ сильному быть можетъ только сильный!
Изнѣженныхъ племенъ искусство чуждо намъ!
Ты, строгій сердцевѣдъ, ты, истиной обильный,
Какъ свой ты на Руси пришелся по сердцамъ!
По русскимъ городамъ, по сценамъ полудикимъ,
Рукоплесканія не пòпусту гремятъ
Твоимъ созданіямъ великимъ,
И музы русскія подъ сѣнь твою спѣшатъ!
Ты нашъ—по ширинѣ могучаго размаха,
Ты нашъ затѣмъ, что мы предъ правдой не дрожимъ,
И смотримъ въ пропасти безъ страха,
И вдаль увѣренно глядимъ.

1864.

II.

КРЫЛОВЪ.

Когда стою въ толпѣ средь городского сада
Предъ этимъ образомъ, изъ бронзы отлитымъ
И къ намъ склонившимся, и къ малымъ и къ большимъ,
Съ улыбкой доброю, съ привѣтливостью взгляда
Онъ точно, съ старческой неспѣшностью рѣчей,
Разсказываетъ намъ, съ своихъ высокихъ креселъ,
Про нравы странные и глупости звѣрей,
И всѣ смѣются вкругъ, и самъ онъ тихо-веселъ,
Мнѣ часто кажется, что вотъ—толпа уйдетъ,
И ласковый старикъ впадетъ сейчасъ же въ думу,
Улыбка кроткая съ лица его спорхнетъ
Вслѣдъ умолкающему шуму,

И лобъ наморщится, и, покачавъ главой,
Проводитъ взглядомъ насъ онъ строгимъ и съ тоской
Промолвитъ: „всѣ-то вы, какъ посмотрю я, дѣти!
Вотъ — побасенками старикъ потѣшилъ васъ,
Вы посмѣялися и прочь пошли, смѣясь,
Того не угадавъ, кàкъ побасенки эти
Достались старику, и какъ не разъ пришлось
Ему, слагая ихъ, смѣяться — но сквозь слезъ,
И жало испытавъ ехидны ядовитой,
И когти всяческихъ, большихъ и малыхъ птицъ,
И язвины на пальцахъ отъ лисицъ,
И на спинѣ своей ослиное копыто...
И то, что̀ въ басенкѣ является моей
Какъ шутка, — отъ того во времена былыя
Вся, можетъ, плакала Россія,
Да — плачетъ, можетъ-быть, еще и до сихъ дней!“

1868.

III.

КАРАМЗИНЪ.

(Посв. Мих. Петр. Погодину).

Вхожу ли въ старый Кремль, откуда глазъ привольно
Покоится на всей Москвѣ первопрестольной,
Въ соборы ль древніе съ гробницами царей,
Первосвятителей; когда кругомъ читаю
На дскахъ ихъ имена и возлѣ ихъ внимаю
Молитвы шопоту притекшихъ къ нимъ людей,—
А тамъ иконостасъ, и пресвятые лики,
И мѣсто царское, и патріаршій тронъ;
А между тѣмъ гудитъ, гудитъ Иванъ Великій—
Какъ бы изъ глубины вѣковъ идущій звонъ,—
Благоговѣніемъ душа моя объята;
И все мнѣ говоритъ: „Сіе есть мѣсто свято!
Смотри: когда кругомъ лишь боръ густой шумѣлъ,
А на горѣ сіялъ лишь храмъ Святого Спаса
Да княжій теремокъ, гдѣ бѣдный князь сидѣлъ,—
Бесѣда вѣщая таинственно велася
Здѣсь межъ святителемъ и княземъ. Здѣсь его,
Какъ древній Самуилъ, благословилъ владыка
На собираніе народа своего...
Святителя завѣтъ исполнился великій!
Помалу собралась вкругъ бѣлаго Кремля,
Какъ подъ надежный щитъ, вся русская земля,

И каждый градъ ея свою здѣсь церковь ставилъ.
И высилась Москва! И Чингисхановъ родъ,
Кончаясь, Азію въ наслѣдье ей оставилъ,
А тамъ отъ Балтики и до Эгейскихъ водъ
Славяне подняли съ надеждою къ ней очи,
И со священнаго Аѳона гласъ пророчій,
Призвавъ святую Русь для доблестной борьбы,
Востока древняго ей передалъ судьбы".

Такъ говоритъ намъ Кремль. Но поколѣнья были,
Что̀ здѣсь какъ пришлецы чужіе проходили.
Вельможи русскіе являлися сюда
Съ иными вкусами. Ломали безъ слѣда
Святыни старины. Ни память Іоанновъ
Не удержала ихъ, ни прахъ святыхъ гробовъ,
Ломали зданіе, что̀ строилъ Годуновъ,
Ломали зданіе, гдѣ избранъ былъ Романовъ.
Весь этотъ старый Кремль, съ соборами, съ дворцомъ,
Съ рѣзными башнями, назначенъ былъ на сломъ.
И вмѣсто нихъ уже, питомецъ музъ эллинскихъ,
Художникъ созидалъ классическимъ умомъ
Рядъ портиковъ, колоннъ и арокъ исполинскихъ...
Скажи ему тогда: ужель, о, вандалъ, нѣтъ
Въ тебѣ присущей здѣсь святыни пониманья—
Вѣдь что̀ ни камень здѣсь, то крови отчей слѣдъ,
Что̀ столбъ—то памятникъ, что̀ церковь—то сказанье,—
Сердечный этотъ вопль въ пустынѣ бъ прозвучалъ,
Художникъ злобился бъ, вельможа хохоталъ...
То были граждане совсѣмъ другого міра!

Давно ужъ Франція купалася въ крови.
Къ намъ отклики неслись невѣдомаго пира,
Неслися возгласы свободы и любви...
То троновъ падавшихъ летѣли къ намъ обломки,
То дребезги трибунъ выкидывалъ волканъ—
Все поглощала Русь—и вотъ пройдохъ всѣхъ странъ
Явилися у насъ питомцы и питомки.
Кто набожно вздыхалъ по чуждомъ королѣ,
Кто, новымъ Цезаремъ восхищенный, мечтами
Носился за его побѣдными орлами,
Кто бредилъ равенствомъ и братствомъ на землѣ,
И при воззваніи „всемірная свобода"
Вселенскій гражданинъ отрекся отъ народа!
О человѣчествѣ здѣсь каждый помышлялъ,
Но человѣчествѣ во образѣ француза...

Кто въ демагогіи судебъ его искалъ,
Кто въ темной мистикѣ священнаго союза.
Въ Россіи жъ видѣли удобный матерьялъ,
Въ которомъ каждый могъ кроить себѣ свободно—
На всякій образецъ и что̀ кому угодно—
Парламентъ съ лордами или республикъ рядъ,
Аркадскихъ пастуховъ иль пахотныхъ солдатъ.

Одинъ изъ этого ушелъ водоворота.
Одинъ почувствовалъ, что нѣтъ подъ нимъ оплота,
Что эти странные адепты тайныхъ ложъ,
Вся эта дѣтская блистательная ложь,
Весь этотъ маскарадъ съ своею пестротою,
Стоитъ какъ облако надъ русскою землею...

. . . . . .

То былъ великій мужъ... одинъ онъ видѣлъ ясно,
Что силы родины теряются напрасно,
Что лучшіе умы, какъ бѣдные цвѣты,
Со стебля сбитые грозой, кружатъ въ пустынѣ—
Чужіе у себя, чужіе на чужбинѣ...
Но пусть свершаются надъ ними ихъ судьбы:
Есть русской крѣпости незримые столбы,
Есть царства русскаго основы вѣковыя...
Во всемъ величіи судебъ своихъ Россія
Ему являлася изъ сумрака временъ...
Тамъ исцѣленіе! тамъ правда! Вѣрилъ онъ—
И, этой вѣры полнъ, сошелъ во мракъ архивовъ—
И тамъ, какъ въ сказочной странѣ чудесъ и дивовъ,
Увидѣлъ образы князей, бойцовъ лихихъ;
Князей-ходатаевъ за Русь у грозныхъ хановъ—
Тамъ умирающихъ въ пути среди бурановъ...
Явились образы подвижниковъ святыхъ,
Строителей въ лѣсныхъ пустыняхъ общежитья,
И образъ земскаго великаго царя,
Предъ коимъ всѣ равны съ вельможи до псаря,
И къ коему отъ всѣхъ доступны челобитья;
И образъ цѣлаго народа, что̀ пронесъ
Сквозь всяческихъ невзгодъ имъ созданное царство
И всѣмъ, всѣмъ жертвовалъ во имя государства,
Жива бо церковь въ немъ, а въ ней Господь Христосъ...
И, эти образы вмѣстивъ въ душѣ всецѣло,
Онъ словно отлилъ ихъ изъ мѣди въ рѣчи смѣлой,
И вдругъ свою скрижаль воздвигъ, какъ Моисей,
На поученіе народовъ и царей...
Очнулся русскій духъ... туманъ заколебался...

1865

IV.

ЖУКОВСКІЙ.

Въ младенческихъ годахъ моихъ далеко
Мнѣ видится его чудесный образъ...
Какъ будто бы меня, еще ребенка,
При факелахъ—въ готическомъ соборѣ,
Средь рыцарей—онъ, величавый старецъ,
Въ таинственный союзъ ихъ посвящаетъ..
И рыцарства высокіе обѣты
Я говорю за нимъ—и чую въ страхѣ,
Что прозрѣваю въ міръ, тогда впервые
Открывшійся очамъ моимъ духовнымъ...
Онъ говоритъ о Вѣрѣ, о Надеждѣ
И о Любви, и о загробной жизни,
И самъ какъ бы на рубежѣ земного
Стоитъ, вперяя взоръ открытый въ Вѣчность...
И у меня въ восторгѣ бьется сердце,
И отдаюсь я весь святому старцу
И странствовать иду за нимъ по свѣту...

По манію жезла его повсюду
Изъ глубины временъ міры выходятъ...
Таинственный Востокъ разоблачился—
Та даль вѣковъ, когда между людьми,
Пріявъ ихъ образъ, странствовали боги,
Ихъ посвящая въ тайны искупленья,—
Та даль вѣковъ, когда богатыри,
Какъ первые избранники изъ смертныхъ,
Вступали въ бой со злобной силой мрака
И обществамъ въ основу полагали
Служенье Духу и Предвѣчной Правдѣ...
Отъ Индіи и отъ пустынь Турана,
Отъ вѣчнаго Голгоѳскаго Креста,
Сквозь темный міръ Европы феодальный,—
Къ горящему меня привелъ онъ граду...
Я увидалъ средь пламени и дыма,
Порою разрывавшихся отъ вихря,
Кремлевскія бѣлѣющія стѣны—
„Вотъ, онъ сказалъ, вотъ жертва Искупленья,
Предъ коей выше—только Крестъ Голгоѳскій!
Мы принесли ту жертву всѣмъ народомъ,
Да тлѣнныя сокровища искупятъ
Сокровища, которыя пріяли

Съ Евангельемъ въ свой духъ мы съ дня крещенья
И множили вѣками бѣдъ великихъ,—
Сокровища, которыми въ народахъ
Отличена и создалась Россія!
Пади жъ предъ ней, пылающей Москвой!
Ея святынь уразумѣй глаголы!
Пади предъ ней, благодаря Творца,
Что жребій данъ тебѣ ея быть сыномъ!
Моли Творца, чтобъ и свою крупицу
Ты въ общее принесъ бы достоянье,
Для высшаго приготовляясь міра!
Здѣсь свято долгъ свой на землѣ исполни,—
Да общимъ всѣхъ трудомъ на благо ближнихъ,
Проникновеньемъ сердца благодатью
И просвѣтлѣньемъ разума любовью,—
Разсѣется господство лжи—и будетъ
Миръ на землѣ, благоволенье въ людяхъ
И прославленье здѣсь и въ вышнихъ Бога!"

Великій старецъ! Онъ свою „крупицу"
Принесъ и, свѣтлый,—въ міръ переселился,
Въ который здѣсь, какъ бы сквозь тонкій завѣсъ,
Ужъ прозрѣвалъ душою дѣтски-чистой...
И на Руси не даромъ прозвучали
Его слова... Нѣтъ!.. Падали, какъ зерна,
Они въ сердца, уготовляя ихъ
Къ великому... И между посвященныхъ
Имъ отроковъ и тотъ былъ—кроткій сердцемъ—
Кого Господь благословилъ на дѣлѣ
Осуществить во благо милліоновъ
Учителя высокіе завѣты...

1883.

V.

ПУШКИНУ.

Русь сбирали и скрѣпляли
И ковали броню ей
Всѣхъ чиновъ и званій люди
Подъ рукой ея царей;

Люди Божьи, проникая
Въ глушь и дикія мѣста,
Въ духъ народный насаждали
Образъ чистаго Христа...

Что̀ жъ взойдетъ на общей нивѣ?..
Русь ужъ многое дала,
Въ царство выросши подъ сѣнью
Византійскаго орла...

Что̀ взойдетъ? Виссонъ и злато
Только мелкихъ душъ кумиръ!
Лишь созданья духа вѣчны,
Вѣченъ въ нихъ живущій міръ;

Не пройдутъ вовѣкъ побѣды
Въ свѣтломъ царствѣ красоты,
Звуки пѣсенъ, полныхъ правды
И сердечной чистоты...

Пушкинъ! Ты въ своихъ созданьяхъ
Первый намъ самимъ открылъ,
Что̀ таится въ духѣ русскомъ
Глубины и свѣжихъ силъ!

Во всемірномъ Пантеонѣ
Твой уже воздвигся ликъ;
Ужъ тебя честитъ и славитъ
Всякъ народъ и всякъ языкъ,—

Но, юнѣйшіе въ народахъ,
Мы, узнавшіе себя
Въ первый разъ въ твоихъ твореньяхъ,
Мы привѣтствуемъ тебя —

Нашу гордость — какъ задатокъ
Тѣхъ чудесъ, что̀, можетъ-быть,
Намъ въ расцвѣтѣ нашемъ полномъ
Суждено еще явить!

1883.

VI.

Я. П. ПОЛОНСКОМУ.

Читано на его пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ 10 апрѣля 1887 г.

Тому ужъ больше чѣмъ полвѣка,
На разныхъ русскихъ широтахъ,
Три мальчика, въ своихъ мечтахъ
За высшій жребій человѣка
Считая чудный даръ стиховъ,
Имъ предались невозвратимо...
Имъ рано старыхъ мастеровъ,
Поэтовъ Греціи и Рима

Далось почуять красоты;
Бывало, нѣжный лучъ Авроры
Раскрытыхъ книгъ освѣтитъ горы,
Румяня ветхіе листы,—
Они сидятъ, ловя намеки,
И ихъ восторгъ растетъ, растетъ,
По мѣрѣ той, какъ трудъ идетъ,
И сквозь разобранныя строки
Чудесный образъ возстаетъ...
И старики, съ своихъ высотъ,
На нихъ, казалося, взирали,
И улыбались межъ собой,
И ихъ улыбкой ободряли...
Тѣ трое были... милый мой,
Ты понялъ?.. Фетъ и мы съ тобой...

Такъ отблескъ первыхъ впечатлѣній
И тотъ же стиль, и тотъ же вкусъ
Въ порывахъ первыхъ вдохновеній
Нашъ уготовили союзъ.
Другъ друга мы тотчасъ признали
Почти на первыхъ же шагахъ
И той же радостью въ сердцахъ
Успѣхъ другъ друга принимали.
Въ полустолѣтье жъ нашихъ Музъ
Провозгласимъ мы тостъ примѣрный
За поэтическій, нашъ вѣрный,
Нашъ добрый тройственный союзъ!

1887.

VII.

А. А. ФЕТУ.

Въ день его 50-лѣтняго юбилея 28 января 1889 г.

Когда, какъ бурный конь, порвавшій удила,
Неудержимый стихъ, съ путей метнувшись торныхъ,
Въ пространство ринется и, съ зоркостью орла,
Намѣченную мысль, средь пропастей ли черныхъ
Иль въ звѣздныхъ высотахъ, ухватитъ какъ трофей,—
О, какъ онъ тѣшится, одинъ съ самимъ собою,
Ея еще людьми незнаемой красою,
Дивяся, радостный, самъ дерзости своей!
А ты, поэтъ, за нимъ въ томительномъ волненьи
Слѣдившій въ высотахъ и въ безднахъ, въ то мгновенье,

Какъ побѣдителемъ онъ явится къ тебѣ,
Въ блаженствѣ равнаго ты знаешь ли себѣ?

Тебѣ знакома, Фетъ, знакома эта радость!
Такихъ трофеевъ полнъ тобой созданный храмъ!
И перейдутъ они въ наслѣдіе вѣкамъ,
И свѣжесть сохраня и аромата сладость,
Играя радуги цвѣтами — и однимъ
Помѣчены клеймомъ и вензелемъ твоимъ!
1889

VIII.
А. Г. РУБИНШТЕЙНУ.

Вотъ онъ, разсѣянный, какъ будто бы небрежно
Садится за рояль — вотъ гамма, трель, намекъ
На что-то — пропорхнулъ какъ будто вѣтерокъ —
Лелѣющій мотивъ, и ласковый и нѣжный...
Вотъ точно свѣтлый лучъ прорѣзалъ небеса —
И радость на землѣ и торжество въ эѳирѣ!
Но вдругъ ударъ!.. другой!.. Иной мотивъ взвился,
И дико прядаетъ все выше онъ и шире!
Онъ словно вылетѣлъ изъ самыхъ нѣдръ земныхъ,
Какъ будто вырвались и мчатся въ шумѣ бури,
Навстрѣчу ангеламъ, тьмы демоновъ и фурій.
Ветхозавѣтный споръ, споръ вѣчный изъ-за нихъ
Рѣшается ль теперь?.. Дрожатъ и стонутъ долы
Мятется океанъ, въ раскатахъ громовыхъ
Архангельской трубы проносятся глаголы,
А тучи темныхъ силъ все новыя летятъ!..
Художникъ въ ужасѣ: предъ нимъ разверстый адъ,
Самимъ имъ вызванный, хохочущій, гремящій,
Осилить ужъ его и самого грозящій...
А человѣчество! О, жалкое дитя!
Ты чувствуешь, что бой, тотъ бой изъ-за тебя!
Ты чувствуешь свое безсилье и паденье,
Ты ловишь проблески небеснаго луча,
Въ молитвѣ падаешь... молитва горяча
Надъ бездной! То порывъ, обѣтъ перерожденья!..
Но успокойся! Вотъ ужъ надъ тобой свѣтло:
Архангелъ побѣдилъ!.. Художника чело
Яснѣетъ... Онъ къ тебѣ нисходитъ и съ тобою —
Самъ человѣкъ уже и духомъ просвѣтленъ —
Сливаетъ голосъ свой съ молитвой міровою...
Онъ кончилъ... Вотъ онъ всталъ, разбитъ, изнеможенъ,

Уходитъ... Крики вслѣдъ!..
Чѣмъ крики тѣ звучатъ!
Художникъ, слышишь ты?.. То гулъ благословеній!
Да, да, благословенъ, благословенъ стократъ
Твой, въ царство свѣта насъ переносящій, геній!
1886.

IX.

А. П. МИЛЮКОВУ.

(По поводу моего 50-лѣтняго юбилея 1888 г. апр. 30).

Мнѣ тѣмъ дороже твой привѣтъ,
Что брызнулъ онъ лучомъ нежданнымъ
Ужъ по далекимъ, по туманнымъ
Рядамъ прожитыхъ нами лѣтъ...
Смотри: студентскіе мундиры...
И всѣ вы, тѣсною толпой,
Бряцанью полудѣтской лиры
Открытой внемлете душой.
Вамъ — въ звукахъ голоса нетвердыхъ,
И въ робкомъ переборѣ струнъ,
И въ недохваченныхъ аккордахъ —
Могучій чудится перунъ...
Средь блѣдныхъ образовъ, по смѣлымъ,
Быть-можетъ, профилямъ кой-гдѣ,
Меня ужъ мастеромъ умѣлымъ
Провозгласивъ, соборомъ цѣлымъ,
Всходящей плещете звѣздѣ...
И откровененъ былъ и звонокъ
Вашъ дружный кликъ и громъ похвалъ,
Но, какъ испуганный ребенокъ,
Предъ вами, помню, я стоялъ...
Куда уйти, куда бы скрыться
Съ тоской глядѣлъ по сторонамъ —
По счастью (для чего таиться?)
Тогда я не повѣрилъ вамъ —
Да такъ не вѣрю и понынѣ,
И только жду — ужъ много лѣтъ! —
Пророкъ не слышится ль въ пустынѣ?
Нейдетъ ли истинный поэтъ?..
Глашатай Бога и природы,
Для тьмы непогасимый свѣтъ, —
Кому онъ посланъ — тѣ народы

И тѣ вѣка — имъ смерти нѣтъ!
Для всѣхъ грядущихъ въ немъ — наука,
И откровенье, и законъ!
И въ немъ — ни образа ни звука
Не унесетъ потокъ временъ;
Стоитъ — спокойный, величавый,
Одинъ — какъ солнце въ небесахъ —
И наши маленькія славы —
Всѣ гаснутъ при его лучахъ!

1888. 5 мая.

X.

А. Ф. МАРКСУ.

(По поводу 25-лѣтія журнала „Нива").

Блаженъ, кто, посадивъ зерно,
Подъ старость видитъ, какъ оно
Даетъ радушно подъ вѣтвями
Для многихъ отдыхъ и покровъ,
Питая сочными плодами
И богачей и бѣдняковъ;
Кто могъ въ его привѣтной сѣни
Безъ укоризны вспомянуть
Года трудовъ, года лишеній,
Потомъ просвѣтъ и — ровный путь.

1894.

Оглавленіе

II ТОМА.

стр.

I. Вѣка и народы.

Іафетъ 3
Монастырь 7
Савонарола 9
Клермонтскій соборъ 13
Пѣвецъ 20
Исповѣдь королевы 21
Жрецъ 34
Послѣдніе язычники 37
Приговоръ 39
Поэтъ и цвѣточница 43
Алексисъ и Дора 48
Конь 51
Пастухъ 52
Менестрель 54
Марізтта 55
Старый дожъ. 58

II. Изъ славянскаго міра.

Никогда! 60
Любуша и Премыслъ . . . 66
Недогадливый 68
Сабля царя Вукошина . . . 70
Сербская церковь 74
Какъ отдарилъ турецкій султанъ московскаго царя . . 77
Сонъ королевича Марка . . 81
Радойца 83
Гуситская пѣсня 86

III. Новогреческія пѣсни.

Колыбельная пѣсня 87
Мать и дѣти. . . . . —
„Ласточка примчалась...“ . . 88
Двустишія 88
„Я бъ тебя поцѣловала...“. . —
„Тихо море голубое!“ . . . 89
Поцѣлуй . . . . . —
„Свѣтлый праздникъ будетъ скоро...“ 90
„Словно ангелъ бѣлый...“ . . —
„Межъ тремя морями башня...“ —
Старый мужъ 91
Молодая жена . . . . . —
Пѣвецъ 92
„Птички-ласточки, летите...“ . —
Олимпъ и Киссавъ 93
Голосъ изъ могилы . . . . —
Плѣнникъ 94
Гаданіе . . . . . —
Цавелиха 95
„Побѣду клефты празднуютъ...“ —
Плачъ паргіотовъ 96
Деспо 97
Завѣщаніе . . . . . —
„Сорокъ клефтовъ на зимовки“ 98
Чужбина . . . . . —
Борьба со смертью 99
Адъ 100
„Что горы потемнѣли?“ . . . 101
„Приволье на горахъ родныхъ“ 102
„Въ темномъ адѣ, подъ землею“ —
„Опустѣли наши села...“ . . 103
„Показалась звѣзда на востокѣ“ —
Христосъ воскресе 104

IV. Отзывы жизни.

Духъ вѣка 105
Грезы 113

стр.
Барышнѣ 125
Дурочка 132
Рыбная ловля 137
Три правды 141
Картинка 144
Поля 145
Бабушка и внучекъ 148
Упраздненный монастырь . . 151
Пѣсни 156
Два бѣса 157
Въ альбомъ 160

V. Отзывы исторіи.

Емшанъ 161
Въ Городцѣ въ 1263 году . . 163
У гроба Грознаго 165
Стрѣлецкое сказаніе о царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ . . . 168
Кто онъ? 173
Сказаніе о Петрѣ Великомъ . 174
Ломоносовъ 176
Менуэтъ 179
Сказаніе о 1812 годѣ . . . 180
Западная Русь 182
Князю Друцкому-Любецкому . 183
М. Н. Каткову:
1. Мы—москвичи! 185
2. Что можетъ міру дать Востокъ . . . . . —
Ѳ. И. Тютчеву 186
18-го февраля 1855 года . . —
4-е апрѣля 1866 года . . . 188
Благодарственный гимнъ о спасеніи жизни Государя Императора 4 апрѣля 1866 г. . 189
Казакъ 190
Въ Айя-Софіи 191
Передъ войной 193
Экспромптъ 193
The empress of India . . . —
Во время войны 1877—1878 г. 194
На 25-тилѣтіе царствованія Государя Императора Александра Николаевича 19-го февраля 1880 г. 195
Кантата 197
Въ день вѣнчанія на царство Е. И. В. Государя Императора Александра Александровича. 201
На событіе 17-го октября . . —
Къ портрету Государя Императора Александра Александровича 202
На спасеніе Государя Наслѣдника въ Японіи . . . . —
Завѣтъ старины . . . . . —
Судъ предковъ 203

VI. Юбилеи.

Юбилей Шекспира 210
Крыловъ 211
Карамзинъ 212
Жуковскій 215
Пушкину 216
Я. П. Полонскому 217
А. А. Фету 218
А. Г. Рубинштейну 219
А. П. Милюкову 220
А. Ф. Марксу 221

489792
LR
M2183B
Maikov, Apollon Nikolaevich
Полное собраніе сочиненій; 9., исправ. и доп. изд., под ред. П.В.Быкова.
v.1-2 in 1v. [Translit: Polnoe sobranie

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

BINDING LIST AUG 15 1949